Н. С. ЛЫКОШИНЪ.

Полъ жизни въ Туркестанѣ.

ОЧЕРКИ БЫТА ТУЗЕМНАГО НАСЕЛЕНІЯ.

Складъ Т-ва „В. А. Березовскій".
КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ
ПЕТРОГРАДЪ, КОЛОКОЛЬНАЯ, 14.
1916.

4102.

Тип Б. Д. Брукера (Екатер. кан., 94)

3

Отъ автора.

Когда жизнь подходитъ къ концу, естественно желаніе обернуться назадъ, вспомнить все видѣнное и слышанное, а затѣмъ и подѣлиться съ окружающими тѣмъ, что мы называемъ опытомъ, знаніемъ жизни.

Этимъ желаніемъ объясняется свойственная всѣмъ старикамъ страсть на склонѣ лѣтъ писать свои воспоминанія, въ которыхъ они нерѣдко въ значительной мѣрѣ искажаютъ пережитыя ими событія и себя самихъ выставляютъ центромъ, около котораго группировались дѣла и люди.

Конечно, это происходитъ главнымъ образомъ отъ преломленія дѣйствительныхъ фактовъ въ призмѣ времени и несправедливо было-бы винить за эти неточности авторовъ несмѣтныхъ мемуаровъ, наполняющихъ томы нашихъ историческихъ журналовъ.

Я много читалъ разныхъ хроникъ и мемуаровъ русскихъ дѣятелей въ «Русской Старинѣ», которую основалъ и долго издавалъ покойный дядя мой и воспитатель М. И. Семевскій, и всегда весь этотъ матеріалъ поражалъ меня своей субъективностью.

Помышляя о предстоящей и мнѣ старости, я еще очень давно рѣшилъ воздержаться отъ передачи потомству моихъ личныхъ воспоминаній, но, проходя жизнь, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи наблюдать жизненныя явленія, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ пришлось быть, и наблюденія эти всегда старался отмѣтить въ повременной печати, разсчитывая впослѣдствіи воспользоваться этими замѣтками, какъ своевременно записаннымъ матеріаломъ о видѣнномъ и слышанномъ.

Вся жизнь моя прошла на службѣ въ Туркестанѣ и потому мои работы были посвящены исключительно изу-

ченію этнографическихъ условій жизни туземнаго населенія этой отдаленной окраины.

Мнѣ всегда казалось, что, не будучи въ состояніи заняться какимъ-либо научнымъ трудомъ въ этой области знанія, я все-же могу принести посильную пользу наукѣ записывая всѣ тѣ жизненныя явленія, которыя проходили передъ моими глазами въ мало знакомой обстановкѣ жизни русскихъ людей среди мѣстнаго туземнаго населенія Туркестана.

Теперь я рѣшаюсь предложить вниманію читателей весь матеріалъ, какой мнѣ удалось добыть за 35 лѣтъ моей службы въ Туркестанѣ, въ надеждѣ, что наблюденія мои прольютъ нѣкоторый свѣтъ на тѣ стороны жизни туркестанскихъ туземцевъ, которыя почему-либо остались мало изслѣдованными и не описанными серьезными изслѣдователями этнографіи мѣстнаго населенія.

Н. С. Лыкошинъ.

20 Декабря 1914 года.
Гор. Самаркандъ.

5

Результаты сближенія русскихъ съ туземцами.

Полвѣка тому назадъ волею историческихъ судебъ русскіе вошли въ Туркестанъ съ оружіемъ въ рукахъ для того, чтобы продолжать мирное затѣмъ завоеваніе края съ цѣлью объединенія этой окраины съ центромъ. Полъ столѣтія два народа прожили уже бокъ о-бокъ и потому, не смотря на рѣзкую разницу въ вѣрѣ и языкѣ, неминуемо должны были оказать другъ на друга извѣстное вліяніе, не преднамѣренное, а естественно вытекающее изъ общенія.

Попытаемся отмѣтить наиболѣе замѣтныя черты взаимнаго воздѣйствія русскихъ на туземцевъ и наоборотъ, ни чуть не претендуя ни на точность, ни на безусловную полноту нашего очерка.

Когда подумаешь о первыхъ шагахъ на пути сближенія русскихъ съ туземцами, невольно встаетъ въ воображеніи картина взятія какого-нибудь среднеазіатскаго большого города русскими войсками. Канунъ дня штурма всѣ провели въ напряженномъ ожиданіи неминуемо предстоящаго событія—„на щитѣ, или со щитомъ“. Ночью нервное возбужденіе не даетъ спать; на разсвѣтѣ дѣло сдѣлано, и вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ рѣшенъ безповоротно.

Русскій солдатъ, выносливый и храбрый въ бою, какъ только дѣло кончено, моментально становится добродушнымъ, любознательнымъ, не лишеннымъ наблюдательности и юмора деревенскимъ парнемъ.

„Орду замирили, теперь бунтовать не смѣетъ“, говоритъ исполнившій свой долгъ воинъ и безъ приказа, какъ-то инстинктивно, вступаетъ на путь дальнѣйшей мирной культурной миссіи своего народа.

И теперь, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ прихода русскихъ войскъ въ Туркестанъ, поучительно взглянуть на солдатъ какой-нибудь проходящей команды, прибывшей на „дневку“ въ небольшой попутный городъ, послѣ того какъ солдатики получатъ разрѣшеніе сходить въ городъ. Вся команда одновременно

разсыпается по базару, всѣ наперерывъ спѣшатъ ознакомиться съ обстановкой того мѣстечка, гдѣ солдату суждено провести только однѣ сутки, а затѣмъ идти дальше, чтобы, можетъ быть, никогда больше не увидать такъ случайно попавшаго на глаза населеннаго пункта.

То же самое, безъ всякаго сомнѣнія, происходило и въ каждомъ вновь завоеванномъ азіатскомъ городѣ при первомъ появленіи тамъ русскихъ людей. Знакомясь съ новой для себя обстановкой, солдатики наши и сами становились предметомъ наблюденія для туземцевъ, тѣмъ болѣе, что, по единогласному отзыву сартовъ, пережившихъ завоеваніе страны, жизнь очень скоро вступала въ свои права, послѣ окончанія штурма, какъ заключительнаго акта войны.

Иначе и не могло впрочемъ быть, потому что разграбленіе и сравниваніе съ землею вновь присоединенныхъ городовъ не входило въ программу военныхъ піонеровъ русскаго дѣла въ краѣ; необходимо было лишь закрѣпить пріобрѣтеніе и открыть путь для дальнѣйшаго поступательнаго движенія въ глубь страны.

Здравствующіе и понынѣ сподвижники М. Г. Черняева хорошо помнятъ все побѣдоносное шествіе нашихъ войскъ по Туркестану и, по ихъ общему отзыву, на другой же день послѣ взятія туземнаго города, можно было уже наблюдать сцены, несомнѣнно убѣждавшія въ окончательномъ умиротвореніи только-что перешедшаго въ наши руки города. Религіозная рознь не позволяла, конечно, нашимъ новымъ знакомымъ примириться съ приходомъ сюда иновѣрнаго народа, да еще въ качествѣ побѣдителей. Такой случай не предусмотрѣнъ и мусульманскимъ законодательствомъ, нормирующимъ лишь отношенія мусульманъ—побѣдителей къ „зимміямъ"—побѣжденнымъ иновѣрцамъ, но ни словомъ не упоминающимъ о томъ, какъ должны себя вести побѣжденные мусульмане, сами очутившіеся въ положеніи „зимміевъ" и вынужденные расчитывать только на милость побѣдителей.

Отсутствіе національнаго патріотизма у народа, вѣка прожившаго подъ деспотическимъ правленіемъ, сознаніе собственныхъ выгодъ отъ сближенія съ русскими въ той группѣ лицъ, которымъ суждено было явиться представителями туземнаго населенія при сдачѣ города, наконецъ органическое влеченіе сартовъ къ занятію торговлей и промышленностью, все это вмѣстѣ взятое, заставляло народъ торопиться возстановить на-

рушенный на время порядокъ и перейти къ своимъ мирнымъ занятіямъ.

Русскіе начальники, послѣ окончанія штурма, никогда не забывали пригласить новыхъ подданныхъ Бѣлаго Царя какъ можно скорѣе заняться своими дѣлами; оставалось лишь послѣдовать этому приглашенію, столь своевременному и такъ подходившему къ общимъ желаніямъ.

До прихода русскихъ въ край, о нихъ въ средѣ туземнаго населенія имѣлись самыя скудныя свѣдѣнія, а потому составлялись и самыя превратныя понятія. Та часть общества, которую канунъ русскаго завоеванія засталъ у престола мусульманскихъ владыкъ, или во главѣ религіозной общины, инстинктивно сознавала, что съ приходомъ въ край русскихъ, главенство этихъ деспотически правившихъ народомъ людей должно неминуемо поколебаться, а можетъ быть и пасть, чтобы уступить мѣсто власти завоевателей и „новыхъ людей".

Само собою разумѣется, что эти лица, за себя, а не за народъ, опасавшіяся предстоящихъ перемѣнъ, собрали довольно точныя свѣдѣнія о томъ, какъ ведутъ себя русскіе, вступая въ азіатскія страны, и что за люди эти новые пришельцы, но вѣрныя свѣдѣнія о завоевателяхъ высокопоставленные сарты оставляли про себя, а въ народъ выпускали черезъ своихъ приближенныхъ завѣдомо ложныя росказни объ „урусѣ".

Необходимо было, съ одной стороны, напугать народъ, увѣривъ, что нечего ждать пощады отъ дикихъ людей, идущихъ въ край, и вотъ темному народу внушалось, что русскіе— это даже не люди, а какіе-то одноглазыя или двухголовыя чудовища, чуть не людоѣды. Съ другой стороны, надо было поддержать мужество мусульманскихъ сарбазовъ, которымъ предстояло первымъ и грудь съ грудью встрѣтить нежеланныхъ гостей. Этимъ послѣднимъ внушалось, что русскіе—удивительные трусы, и что стоитъ только мусульманскому воинству встрѣтиться съ русскими въ открытомъ полѣ, и русскіе, „какъ испуганные зайцы, бросятся бѣжать въ разныя стороны.

Такъ характеризовали, въ своихъ видахъ, русскихъ тѣ, кому больше всѣхъ угрожала перемѣна правительства, и, понятно, настроенные такими баснями туземцы ожидали ужасовъ. Однако ложь азіатскихъ хитрецовъ быстро обнаружилась: жестокія чудовища оказались добродушными людьми самаго обыкновеннаго вида, только въ большинствѣ русые и сѣроглазые. Тѣ-же люди въ бою оказались львами, а не трусливыми зай-

цами, какъ ихъ рекомендовали пристрастные цѣнители русскаго мужества.

Возвратимся, однако, къ первому обоюдному знакомству русскихъ и туземцевъ.—Солдаты, или „бѣлыя рубахи“, какъ прозвали ихъ на первыхъ порахъ сарты, разсыпались по городу, небольшими группами обходя узкіе извилистые переулки новаго мѣста, въ оба разглядывая все, что попадалось на пути. Закрытыя, безъ оконъ на улицу, помѣщенія сартовскихъ семей оставались, какъ и теперь, недоступными для наблюденія проходившихъ; зато сами они, эти новые люди, сразу дѣлались предметомъ самаго подробнаго осмотра со стороны невидимыхъ наблюдателей и наблюдательницъ.

Сарты очень любопытны, а туземная женщина въ этомъ отношеніи во много разъ превосходитъ женщину европейскую. Въ закрытыхъ съ перваго взгляда сартовскихъ домахъ всегда есть мѣста, откуда очень хорошо и незамѣтно можно разсмотрѣть все, происходящее на улицѣ, и мусульманскія затворницы не пропускаютъ случая чѣмъ-нибудь нарушить однообразіе своей гаремной тьмы.

А на новыхъ гостей стоило посмотрѣть—всѣ на подборъ молодыя загорѣлыя лица пришельцевъ, если и не походили по типу на мѣстныхъ жителей, то не могли не привлечь вниманія своимъ особеннымъ выраженіемъ отваги, добродушія и искренности, тѣмъ выраженіемъ, котораго какъ разъ не встрѣтишь на лицѣ азіата.

„Мигъ одинъ, и нѣтъ волшебной сказки“, мимолетный взглядъ туземной женщины сразу обнаружилъ обманъ муллъ относительно наружности русскихъ, а если и не всѣ туземныя женщины увидѣли „урусовъ“ на первыхъ-же порахъ, то навѣрно всѣ услышали отъ своихъ подругъ правдивую оцѣнку русскаго лица.

Узкая извилистая улица, если не оканчивается тупикомъ, то ужъ навѣрно выведетъ на базаръ, а туда-то какъ разъ и стремился каждый изъ обозрѣвателей новаго города. На базарѣ тысяча новыхъ сценъ, тысяча новыхъ встрѣчъ и наблюденій. Здѣсь вѣчная ярмарка, вѣчное оживленіе, такъ располагающее къ осмотру оригинальныхъ азіатскихъ товаровъ, къ покупкѣ нужныхъ въ обиходѣ солдата вещей, къ пріобрѣтенію невиданныхъ за походъ лакомствъ.

Здѣсь уже нельзя только безмолвно наблюдать новыя явленія, а приходится вступать въ бесѣду съ людьми, ни слова не

понимающими по русски, договориться о цѣнѣ выбраннаго товара, размѣнять русскія деньги на азіатскія и сразу опредѣлить счетъ монетныхъ единицъ. На почвѣ торговли зашелъ тогда между новыми соотечественниками разговоръ, или, лучше сказать, больше мимическій обмѣнъ мыслей, который ведется и теперь, полвѣка спустя.

Выразительные жесты, отсчитываніе по пальцамъ и частое повтореніе словъ: „яхши, сату, екъ",—вотъ пока всѣ средства общенія покупщика съ продавцемъ, но на помощь впервые столкнувшимся людямъ приходитъ выгода, и торгъ заключенъ ко взаимному удовольствію.

Первыя покупки даютъ понятіе о характерѣ производительности страны, продавецъ-же мотаетъ на усъ новыя для него подробности спроса и вкуса новыхъ потребителей мѣстныхъ издѣлій.

Къ этимъ первымъ днямъ знакомства съ туземцами слѣдуетъ отнести появленіе въ солдатскомъ жаргонѣ новыхъ словъ, удерживающихся доселѣ и составляющихъ собственное изобрѣтеніе солдата, проникнутаго желаніемъ сдѣлать свой языкъ понятнымъ туземцу.

Сарты зовутъ „максумъ" сына ученаго муллы, и, вѣроятно, это прозвище, или титулъ, будучи понято какъ имя, больше другихъ утвердилось въ памяти по сходству съ Максимомъ, а вскорѣ превратилось и въ названіе собирательное для всѣхъ вообще сартовъ, а въ особенности лавочниковъ. Такъ „максимками" и величаютъ до сихъ поръ солдаты торговцевъ на базарахъ.

Слова „марзя", „алаша", „никерекъ" въ значеніи „не надо" и классическое „шалтай болтай",—все это памятки первыхъ шаговъ на пути сближенія съ инородцами русскихъ людей.

Сарты, незамѣтно для себя, на первыхъ-же порахъ быстро усвоили много русскихъ выраженій, нужныхъ въ торговлѣ, и базарные торговцы въ наше время представляютъ многочисленную группу лицъ, обучившихся русской рѣчи безъ всякаго воздѣйствія извнѣ, вслѣдствіе ясно сознанной выгоды и удобства объясненій съ покупателями на русскомъ языкѣ.

Мимикой, однако, многаго не скажешь, а поговорить хочется. Обѣ стороны вынуждены обратиться за помощью къ лицу, знакомому хотя немного съ обоими языками, и на сцену выступаетъ въ качествѣ переводчика татаринъ, башкиръ, вообще инородецъ, уже пожившій среди русскихъ.

Этимъ посредникамъ между русскими и туземцами, вставшимъ между ними съ самыхъ первыхъ шаговъ, суждено было сыграть въ дѣлѣ нашего сближенія съ туземцами видную роль, но мы не будемъ здѣсь входить въ оцѣнку ихъ заслугъ въ этомъ отношеніи; объ этомъ и такъ много написано изслѣдователями туркестанской жизни. Упомянемъ только, что между русскими офицерами нашлась семья Еникѣевыхъ, положившая начало обученія туземцевъ русской грамотѣ.

Послѣ взятія гор. Чимкента въ 1864 году, офицеръ мѣстной артиллеріи Еникѣевъ по службѣ долженъ былъ прожить довольно долго во вновь присоединенномъ городѣ и помѣстился на квартирѣ у одного ученаго туземца Абдулъ-Гафара-Ходжи и, будучи самъ мусульманиномъ даже, не безъ труда сошелся съ сыномъ своего хозяина Саттарханомъ, котораго и обучилъ русскому языку. Саттарханъ былъ первымъ туземцемъ изъ среды ученыхъ сартовъ, рѣшившимся познакомиться со словъ татарина съ русскимъ языкомъ и обычаями: онъ пошелъ дальше, много читалъ и не чуждался знакомства съ образованными русскими людьми. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ переводчикомъ въ поземельно-податномъ отдѣленіи Сыръ-Дарьинскаго областного правленія, Саттарханъ былъ затѣмъ преподавателемъ учительской семинаріи, помощникомъ редактора туземной газеты и умеръ въ Чимкентѣ въ чинѣ губернскаго секретаря.

Такъ было положено основаніе обученію туземцевъ русскому языку, а, перейдя въ руки администраціи, дѣло это быстро выросло, и Туркестанскій край теперь покрыть сѣтью русско-туземныхъ школъ, находящихся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и ежегодно выпускающихъ сотни грамотныхъ по русски молодыхъ людей.

Такимъ образомъ, знаніе русскаго языка стало достояніемъ многихъ наименѣе консервативныхъ туземцевъ, а это дало возможность обоимъ народамъ взаимно знакомиться другъ съ другомъ и заимствовать другъ у друга то, что казалось практичнымъ и примѣнимымъ.

Этотъ незамѣтный для глаза, но непрерывный обмѣнъ длится уже полвѣка, и результаты этой безсознательной работы мысли и подражанія не поддаются описанію. Это взаимное воздѣйствіе другъ на друга двухъ націй можно уподобить лишь физическому процессу эндосмоса и экзосмоса, гдѣ, какъ результатъ обмѣна на пути къ отождествленію, приходится раз-

сматривать мелкія черты характерныхъ измѣненій, все болѣе и болѣе вырастающія въ поддающіеся наблюденію признаки.

Религіозная сторона туземнаго быта, разумѣется, меньше всѣхъ другихъ сторонъ подверглась русскому вліянію. Полная вѣротерпимость, полное уваженіе къ чужой вѣрѣ и религіознымъ обрядамъ всегда были руководящими принципами русской политики среди инородцевъ, тѣмъ не менѣе и въ этой области произошли нѣкоторыя измѣненія независимо отъ русскаго воздѣйствія, а вслѣдствіе перемѣнъ въ самой житейской обстановкѣ сартовъ.

До прихода въ край русскихъ, исламъ былъ здѣсь господствующей религіей и вѣрой правителей страны. Кромѣ того, при мусульманскомъ владычествѣ существовала должность „раиса"—блюстителя общественной нравственности и строгаго исполненія религіозныхъ обрядовъ. Само собою понятно, что, при такихъ условіяхъ, въ старое время всѣ мусульманскіе обряды исполнялись еще пунктуальнѣе и строже, чѣмъ теперь. Да оно иначе и не могло быть, когда, напр., не аккуратно посѣщавщему мечетъ или нарушавшему постъ „руза" *) приходилось на собственной спинѣ испытывать твердость „дарра",—плетей изъ буйволовой кожи, которыми, по приказу раиса, его приспѣшники „мухтасибы" награждали малобогомольнаго человѣка, или испытывать конфузъ передъ всѣмъ народомъ, когда, вымазавъ лицо сажей и посадивъ на ишака лицомъ къ хвосту, возили такого грѣшника по всему городу на общую потѣху и осмѣяніе.

Съ приходомъ русскихъ должности „раисовъ" не были упразднены тотчасъ-же, но, силою вещей, имъ пришлось обратить все свое вниманіе на поддержаніе нравственности и благопристойности. Ревнители исполненія ритуала быстро обратились въ полицейскихъ, и наказанія за неисполненіе религіозныхъ обрядовъ вывелись изъ употребленія. Вскорѣ затѣмъ и раисы, въ послѣднее время своей службы слѣдившіе за вѣрностью мѣръ и вѣсовъ на базарахъ, а также за доброкачественностью пищевыхъ продуктовъ, уступили мѣсто чинамъ полиціи и представителямъ торговаго надзора. Благочестіе мусульманъ сразу нѣсколько ослабло: всякій, кого гналъ въ мечеть страхъ передъ раисомъ,—безнаказанно оставался дома, а любитель покушать сталъ и въ дни поста какъ-бы забывать постановленія шаріата о „рузѣ".

*) Сорокадневный постъ въ мѣсяцѣ Рамазанъ.

Жизнь туземцевъ, послѣ присоединенія края въ Россіи рѣзко перемѣнилась во многихъ отношеніяхъ, а главное—утратила сложившійся вѣками степенно-спокойный распорядокъ каждаго дня, въ зависимости отъ пяти ежедневныхъ молитвъ. При новыхъ порядкахъ въ жизнь мусульманъ ворвался новый для нихъ потокъ оживленія и сравнительной поспѣшности. „Торопливость—есть свойство діавола"—затвердилъ съ дѣтства прописную мораль каждый мусульманинъ, а тутъ приходилось забыть это ветхозавѣтное правило соннаго востока и спѣшить, чтобы умѣть заработать какъ можно больше денегъ. Туземцы быстро сообразили, что новая жизнь требуетъ большаго, чѣмъ прежде, напряженія энергіи, стали хлопотать о томъ, чтобы не пропадало даромъ время, но зато подчасъ приходилось поневолѣ пропускать за неотложнымъ дѣломъ время молитвы или совсѣмъ про нее забывать. Правда, для забытыхъ или пропущенныхъ молитвъ существуетъ „каза"—замѣна ихъ дѣлами благотворенія, и потому всякій легко могъ пополнить недочеты.

Современные намъ мусульмане-старики, можетъ быть, склонны винить русскихъ въ томъ, что, придя въ край, они какъ бы ослабили здѣсь благочестіе туземцевъ; но съ этимъ нельзя согласиться уже потому, что русскіе вовсе не вмѣшивались въ дѣла вѣры, и если благочестіе туземцевъ нѣсколько ослабло, то не по винѣ русскихъ, а скорѣе отъ причинъ, указанныхъ выше въ связи со стремленіемъ къ наживѣ.

Можно съ увѣренностью сказать, что за истекшее полустолѣтіе въ значительной мѣрѣ ослабѣлъ среди туземцевъ ихъ религіозный фанатизмъ въ смыслѣ нетерпимости къ представителямъ чужой народности, къ иновѣрцамъ. Однако, и это вѣрно только по отношенію къ наиболѣе просвѣщенной, болѣе соприкасавшейся съ русскими части мусульманскаго общества. Эти близко познакомившіеся съ нами люди, по опыту убѣдившіеся въ совершенно искренней вѣротерпимости нашей, повторяютъ арабскую поговорку: „всѣ люди люди" и сообразно съ этимъ, безбоязненно вступаютъ съ русскими въ дружественныя отношенія хорошихъ знакомыхъ, даже дружатся, насколько могутъ; но за этими передовыми людьми стоитъ еще нетронутая стѣна людей стараго мусульманскаго закала, до сихъ поръ мысленно раздѣляющихъ весь міръ на двѣ неравныя части, не имѣющія между собой ничего общаго: міръ ислама это ихъ сфера, а за границей ихъ общины предполагается невѣріе, „кюфръ", съ представителями котораго надо остерегаться не только сближе-

нія, но даже простыхъ сосѣдскихъ отношеній. Эту часть мусульманскаго общества, этихъ своего рода „старовѣровъ“ врядъ ли удастся разубѣдить въ ихъ прямолинейномъ заблужденіи: они и въ лучшій міръ унесутъ свои панисламистскія пожеланія.

Есть еще область, довольно близкая къ вопросамъ религіи, это—область мистической тайны, суфизма.

Казалось бы, именно въ этой области, гдѣ все основано на слѣпомъ обожаніи наставника группою лицъ, отдавшихъ ему свою душу, менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можно было разсчитывать вызвать какія-либо перемѣны. Въ дѣйствительности же, за истекшіе полвѣка положеніе ишановъ въ обществѣ замѣтно измѣнилось. Народъ, прежде съ суевѣрнымъ страхомъ относившійся къ представителямъ ишанскаго сословія, нынче уже осмѣливается судить выдающихся представителей дервишизм выдѣляя между ними, какъ исключеніе, безсребренниковъ и дѣйствительныхъ подвижниковъ; зато стяжатели и притворно благочестивые послѣдователи суфійскаго ученія подвергаются осужденію. Критика явилась тамъ, гдѣ до насъ ея не было, и это слѣдуетъ приписать общему русскому вліянію, заставившему и ишановъ принять участіе въ обновленной жизни туземцевъ, рядомъ съ русскими.

Сказавъ нѣсколько словъ объ измѣненіи въ духовной жизни туземцевъ, перейдемъ теперь къ болѣе замѣтнымъ всякому измѣненіямъ въ ихъ бытовой обстановкѣ.

Туземныя части городовъ мало измѣнили общій свой видъ: по прежнему эти части представляютъ лабиринтъ извилистыхъ узкихъ улицъ; но тамъ, гдѣ раньше можно было видѣть только ряды безконечныхъ глиняныхъ заборовъ, теперь на улицу весело смотрятъ окна, въ худшемъ случаѣ залѣпленныя промасленной бумагою, а помѣщенія для пріема гостей въ домахъ богатыхъ туземцевъ не только снабжены окнами со стеклами, но и по внутренней отдѣлкѣ своей приняли вполнѣ европейскій видъ. Богатые туземцы большихъ городовъ другъ передъ другомъ щеголяютъ своими гостиными. Помѣщенія бѣдняковъ и теперь не отличаются роскошью отдѣлки, но все же кухня отдѣлена отъ жилого помѣщенія и домашнія животныя помѣщены особо. Въ кварталахъ, гдѣ прежде можно было найти только закопченный кумганъ для приготовленія кокъ—чая, теперь мы найдемъ нѣсколько самоваровъ россійскаго издѣлія, и этому не важному на нашъ взглядъ нововведенію сами туземцы придаютъ значеніе явнаго признака благосостоянія. На

появленіе самовара въ обиходѣ своего дома сартъ прежде всего указываетъ, когда хочетъ провести параллель между прошедшей и настоящей обстановкой своей жизни. Кромѣ самовара; въ домахъ туземцевъ появились для пріема русскихъ гостей столы и стулья, европейская посуда и прочая необходимая утварь. Въ долгіе зимніе вечера туземецъ уже не зажигаетъ допотопнаго маслянаго свѣтильника, а пользуется для освѣщенія керосиновой лампою. Въ домахъ самыхъ передовыхъ туземцевъ посѣтитель встрѣтитъ, если не хорошо сложенную унтермарковскую, то, по крайней мѣрѣ, переносную чугунную печь. Самъ туземецъ по-прежнему обходится безъ обогрѣванія своего помѣщенія, но къ пріѣзду русскаго гостя непремѣнно истопитъ печь въ своей гостиной, чтобы тѣмъ подчеркнуть свое знакомство съ европейскими обычаями.

Для передвиженія по городу туземцы еще недавно пользовались исключительно верховыми лошадьми, предоставляя въ распоряженіе женщинъ тщательно закрытыя арбы; въ наше же время туземцы охотно пользуются услугами извощиковъ и трамвая. Высокопоставленные туземцы, муллы и казіи нѣсколько времени колебались, не желая разстаться съ обычною важностью при передвиженіи верхомъ, но и эти консерваторы убѣдились вскорѣ, что не стоитъ настаивать на старомъ обычаѣ наперекоръ удобству и дешевизнѣ.

Одежда и обувь туземцевъ подверглась значительнымъ измѣненіямъ: по покрою неуклюжіе широкіе халаты у горожанъ уступили мѣсто узенькимъ бешметамъ, а непрочные козловые ичиги при первой возможности замѣняются сапогами изъ американской лакированной кожи. Туземецъ теперь выбираетъ себѣ на платье матерію подороже, да попрочнѣе и готовъ совсѣмъ отступить отъ непрактичныхъ туземныхъ бумажныхъ тканей.

Присматриваясь къ обстановкѣ своихъ русскихъ сосѣдей, туземецъ вообще легко перенимаетъ то, что практично, дешево и прочно, но, кромѣ того, и мода имѣетъ свое значеніе для жителей каждаго населеннаго пункта. Русскіе мануфактурные торговцы давно уже замѣтили, что ситецъ какого-либо затѣйливаго рисунка иногда въ нѣсколько дней становится модным въ извѣстномъ городѣ: его берутъ нарасхватъ.

Въ торговлѣ туземныхъ купцовъ появилось весьма много такихъ товаровъ, о которыхъ прежде они не имѣли и понятія. Это замѣчается какъ въ мануфактурной, такъ и въ другихъ

отрасляхъ торговли. Теперь въ лавкѣ туземнаго торговца можно встрѣтить не только вещи, нужныя туземцу, но и товары, необходимые для европейца, и только лавки центральныхъ базаровъ въ большихъ сартовскихъ городахъ сохраняютъ и по нынѣ свой чисто туземный колоритъ.

Туземные ремесленники сумѣли очень быстро примѣниться къ требованіямъ и вкусамъ европейскихъ заказчиковъ и переняли у русскихъ мастеровыхъ какъ пріемы работы, такъ и болѣе нужные инструменты. Немногіе изъ туземцевъ оказались въ состояніи изучить то или другое ремесло въ совершенствѣ, но и эти самоучки находятъ широкій сбытъ своимъ произведеніямъ, такъ какъ, при ограниченности жизненныхъ потребностей, усидчивости и трезвости, они имѣютъ возможность конкурировать съ русскимъ мастеровымъ передъ невзыскательнымъ заказчикомъ, понижая значительно цѣну на всякаго рода издѣлія. Туземные садоводы, особенно въ большихъ городахъ, быстро оцѣнили преимущества европейскихъ сортовъ фруктовыхъ деревьевъ и не замедлили ввести прививки въ своихъ садахъ. Туземные земледѣльцы, подъ вліяніемъ спроса, измѣнили свое полевое хозяйство и замѣнили посѣвы пшеницы посѣвами хлопчатника, гдѣ только это оказалось возможнымъ по климатическимъ условіямъ. Хлопковая горячка вызвала туземные капиталы въ общее обращеніе и, раззоривъ однихъ, обогатила другихъ хлопководовъ.

Въ значительной мѣрѣ измѣнился и размѣръ денежныхъ капиталовъ, находящихся въ рукахъ мѣстныхъ богачей. До прихода въ край русскихъ, богатство приходилось тщательно скрывать отъ хищническихъ поползновеній ханскихъ ставленниковъ. Съ водвореніемъ въ краѣ русскаго владычества, миновала всякая опасность, что денежный капиталъ подвергнется конфискаціи въ пользу ханской казны, и потому накопленіе капиталовъ пошло быстрыми шагами впередъ, тѣмъ болѣе, что всякое произведеніе туземнаго хозяйства нашло себѣ быстрый сбытъ съ улучшеніемъ путей сообщенія. Прежде, напримѣръ, въ Ташкентѣ считали крупными богачами людей, имѣющихъ 10—15 тысячъ рублей; въ наше же время для того, чтобы считаться извѣстнымъ богачемъ среди сартовъ, необходимо имѣть, по крайней мѣрѣ, до полумилліона.

Многіе туземцы по своимъ торговымъ дѣламъ успѣли неоднократно побывать въ Европейской Россіи и даже за границей; тамъ, за рубежомъ Туркестанскаго края, они увидѣли совер-

шенно иной строй жизни, совершенно иное отношеніе людей другъ къ другу. Эти мимолетныя наблюденія, разумѣется, еще не могли оказать рѣшительнаго вліянія на измѣненіе жизни туземцевъ, но во всякомъ случаѣ заронили въ душу среднеазіатскаго путешественника не мало новыхъ мыслей.

Всѣ перечисленныя выше перемѣны въ жизни туземцевъ подъ русскимъ вліяніемъ—ничто въ сравненіи съ крупной перемѣной, происшедшей за истекшіе полвѣка въ народномъ самосознаніи: забитый, а потому скрытный туземецъ за это время успѣлъ совершенно увѣриться въ томъ, что русскій законъ примѣняется совершенно одинаково, какъ къ кореннымъ русскимъ, такъ и къ инородцамъ; увѣрился онъ въ неприкосновенности исповѣдуемой имъ религіи и унаслѣдованныхъ отъ дѣдовъ обычаевъ. Все это дало туземцу спокойную увѣренность въ томъ, что все пріобрѣтенное имъ останется всегда неприкосновенною его собственностью, а это сознаніе есть залогъ плодотворной работы и развитія благосостоянія.

Слѣдующіе полвѣка несомнѣнно внесутъ еще больше измѣненій въ жизнь туземца, но и первое пятидесятилѣтіе нашего здѣсь пребыванія, какъ мы видѣли выше, не прошло безслѣдно, и безпристрастные туземцы должны добромъ вспомнить это прошедшее время.

Мѣропріятія русской власти.

Всеобщія переписи населенія въ Туркестанѣ.

До первой всеобщей переписи 1897 года населеніе Туркестанскаго края не было исчислено въ точности. Ежегодно требовались отъ представителей административной власти свѣдѣнія о числѣ жителей въ подвѣдомственныхъ имъ раіонахъ, но такъ какъ въ распоряженіи спрашиваемыхъ не было рѣшительно никакихъ средствъ для полученія точныхъ свѣдѣній, то они представляли только приблизительныя данныя о числѣ жителей, выведенныя ариѳметически, путемъ помноженія числа домовъ и кибитокъ на 5 или на 7. Такимъ образомъ получалось довольно близкое къ дѣйствительности понятіе только объ общей численности населенія, безъ всякихъ данныхъ о возрастномъ его составѣ, занятіяхъ, характерѣ распредѣленія по территоріи края и т. п. Всеобщая же перепись должна собрать довольно полный матеріалъ, какъ это видно изъ перечня вопросовъ, перечисленныхъ въ ст. 2 „Положенія".

Обращаясь къ разсмотрѣнію тѣхъ условій, при которыхъ перепись населенія Туркестанскаго края всего лучше могла бы быть произведена, надлежитъ прежде всего рекомендовать приступать къ переписи въ ноябрѣ или декабрѣ мѣсяцѣ, такъ какъ все кочевое населеніе находится въ это время на зимовкахъ. Если для переписи избрать другое время, то можетъ случиться, что цѣлый родъ киргизъ, кочующій въ Акмолинской области, но приписанный къ участку Чимкентскаго уѣзда, окажется зарегистрированнымъ въ Акмолинской области, а перевалившій въ Бухарское ханство аулъ Парчаюзъ Ура-тюбинскаго участка вовсе не подвергнется регистраціи. Зимнее время хорошо еще тѣмъ, что и осѣдлое населеніе въ это время года больше сидитъ на мѣстѣ: всѣ полевыя работы окончены, торговцы, разъѣзжающіе по своимъ дѣламъ, возвращаются домой изъ другихъ городовъ, а холодъ заставляетъ туземца больше сидѣть дома.

Домъ туземца дѣлится на двѣ половины—„ичкари“ и „ташкари“. Только въ наружную половину, „ташкари“, можно войти, не посягая на неприкосновенность помѣщенія женщинъ, ведущихъ затворническій образъ жизни и тщательно скрывающихъ лицо свое отъ посторонняго глаза. Это обстоятельство должно, повидимому, затруднить счетчика въ томъ отношеніи, что самъ онъ не увидитъ женщинъ, входящихъ въ составъ семьи; но это можетъ случиться со счетчикомъ и во внутренней Россіи, если почему либо въ одной изъ квартиръ всѣ женщины будутъ временно отсутствовать въ день переписи: въ подобныхъ случаяхъ счетчикъ имѣетъ возможность получить отъ квартирохозяина всѣ нужныя для переписи свѣдѣнія.

Туземцы Туркестанскаго края почти всѣ не знаютъ русскаго языка, а русскіе жители весьма рѣдко владѣютъ туземнымъ языкомъ. Положеніе о переписи предусматриваетъ такой случай и допускаетъ печатаніе вопросовъ въ переписныхъ карточкахъ на иностранныхъ языкахъ, знакомыхъ населенію. Въ нашемъ краѣ разноязычность населенія имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе, потому что незнающіе государственнаго языка здѣсь не вкраплены небольшими группами среди знающихъ, а занимаютъ наибольшую часть территоріи края. Для того, чтобы произвести перепись туземцевъ исключительно русскими счетчиками пришлось бы къ каждому счетчику назначить еще по переводчику, такъ какъ при переписи придется довольно долго бесѣдовать съ главой каждой семьи, чтобы заполнить личныя карточки. У насъ не только не хватитъ переводчиковъ къ счетчикамъ, но и самыхъ то счетчиковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трудно будетъ навербовать изъ числа русскихъ обывателей. Перепись внутри Россіи не встрѣтитъ недостатка въ грамотныхъ людяхъ для образованія контингента счетчиковъ. Обыкновенно перепись настолько интересуетъ интеллигентные классы общества, что профессора, студенты, гимназисты старшихъ классовъ, чиновники и офицеры охотно, безъ всякаго вознагражденія, предлагаютъ свой трудъ и даже добиваются возможности участвовать въ производствѣ переписи. Въ Туркестанскомъ краѣ русскихъ такъ мало, что желающихъ принять участіе въ переписи едва хватитъ для производства переписи даже въ мѣстностяхъ, населенныхъ исключительно русскими, и нечего думать о производствѣ всей переписи исключительно русскими счетчиками.

Такимъ образомъ безъ привлеченія къ производству пере-

писи грамотныхъ туземцевъ нельзя обойтись, а туземцы, всѣ поголовно, не имѣютъ понятія о томъ, съ какой цѣлью производится перепись вообще. Туземецъ твердо помнитъ „хераджныя“ и „танабныя“ регистраціи *) ханскихъ временъ, когда путемъ такихъ частныхъ переписей опредѣлялись размѣры податей. Туземцы города Ташкента, кромѣ того, видѣли перепись для оцѣнки ихъ имуществъ при введеніи городского оцѣночнаго налога и три переписи для составленія посемейныхъ списковъ. Эти послѣдніе списки, устанавливая личность каждаго туземца и его принадлежность къ извѣстной семьѣ, имѣли практически важное и ясное значеніе для каждаго, такъ какъ полученіе денегъ съ почты, отлучка изъ города и начало какого-либо торговаго предпріятія одинаково требуютъ удостовѣренія личности, а это удостовѣреніе дается не прежде, чѣмъ городской старшина дастъ справку, что проситель записанъ въ „джанъ—дафтарѣ“ **), какъ у туземцевъ называются посемейные списки. Эти переписи, производившіяся съ совершенно понятной для туземцевъ цѣлью, дѣлались только въ Ташкентѣ, въ другихъ же городахъ, селеніяхъ и среди кочевого населенія даже и такихъ частныхъ переписей до 1897 года не производилось. Необходимо поэтому задолго до наступленія переписи ознакомить туземцевъ съ порядкомъ ея производства и убѣдить ихъ, что перепись не повлечетъ за собой никакихъ непріятныхъ для нихъ послѣдствій, вродѣ, напримѣръ, повышенія налоговъ, воинской повинности, принудительнаго переселенія и т. п. Какъ на средство для ознакомленія туземцевъ съ переписью можно указать на разсылку въ громадномъ числѣ напечатанныхъ на простомъ тюркскомъ нарѣчіи обстоятельныхъ объявленій о переписи, а также на личное разъясненіе представителями администраціи значенія переписи чинамъ туземной администраціи и пятидесятникамъ.

Въ виду необходимости положиться на счетчиковъ-туземцевъ является неизбѣжнымъ не только печатаніе вопросовъ личныхъ карточекъ на двухъ языкахъ, но и писаніе отвѣтовъ на туземномъ нарѣчіи. Скажутъ, можетъ быть, что переводъ на русскій языкъ нѣсколькихъ милліоновъ карточекъ будетъ затруднителенъ, но, мнѣ кажется, что только такимъ путемъ можно добиться сколько-нибудь вѣрныхъ свѣдѣній о числѣ и

*) Хераджъ“ и „танабъ“—поземельныя подати двухъ видовъ.

**) Въ переводѣ: „тетрадь душъ“—подушный списокъ.

составѣ населенія. Устранить необходимость перевода текста личныхъ карточекъ нельзя, потому что у насъ нѣтъ достаточнаго числа счетчиковъ, знакомыхъ съ туземнымъ языкомъ. Изъ числа грамотныхъ туземцевъ необходимо отобрать самыхъ благонадежныхъ счетчиковъ, а для этого желательно было бы заинтересовать въ успѣшномъ окончаніи переписи туземную интеллигенцію. Этого можно достичь, если высшіе начальники, лично пригласивъ къ себѣ избранныхъ администраціей лицъ, постараются убѣдить интеллигентныхъ туземцевъ поработать наряду съ туземной администраціей надъ производствомъ переписи и возбудятъ въ будущихъ счетчикахъ рвеніе обѣщаніемъ вознаградить, наиболѣе старательныхъ и аккуратныхъ, наградами въ видѣ почетныхъ халатовъ. Почетный халатъ 3-го разряда представляется крайне заманчивымъ состоятельному туземцу, и то чего онъ не сдѣлалъ бы за деньги, въ которыхъ не нуждается, онъ сдѣлаетъ изъ желанія заслужить вниманіе начальства. Вознагражденіе бѣднымъ счетчикамъ также слѣдовало бы выдавать въ видѣ простыхъ халатовъ, стоимостью на ту сумму денегъ, какая заработана. Такой подарокъ, выданный при торжественной обстановкѣ въ присутствіи начальства, по душѣ придется всякому туземцу и счетчики будутъ, какъ чести, добиваться этого назначенія.

Въ видахъ облегченія подготовительныхъ къ переписи работъ, полезно было бы предпослать всеобщей однодневной переписи мѣстную полицейскую перепись, добывъ при посредствѣ администраціи подробныя свѣдѣнія о числѣ, названіи и распредѣленіи по территоріи края всѣхъ населенныхъ пунктовъ: городовъ, русскихъ селеній, кишлаковъ осѣдлыхъ туземцевъ и зимовыхъ стойбищъ кочевниковъ, а также временныхъ базаровъ, съ показаніемъ возможно точнаго числа домовъ, кибитокъ и числа жителей. На общей большой картѣ Туркестанскаго края необходимо нанести всѣ подлежащіе переписи населенные пункты и опредѣлить ихъ взаимныя между собой разстоянія.

Въ кишлакахъ и городахъ, населенныхъ туземцами, въ случаѣ, если бы не удалось привлечь къ участію въ переписи людей интеллигентныхъ, придется обратиться къ услугамъ „дамулла-имамовъ“, которые имѣются при каждой мечети и занимаются, кромѣ предстоянія на молитвѣ, преподаваніемъ въ мѣстной приходской школѣ.

Этихъ людей можно считать достаточно грамотными и, кромѣ того, они могутъ быть полезны потому, что хорошо знаютъ почти всѣхъ жителей своего „махалля“, расположеніе домовъ, занятія и взаимныя семейныя отношенія своихъ прихожанъ.

Объяснивъ въ деталяхъ механизмъ переписи и отобравъ отъ избранныхъ счетчиковъ подписки, что они будутъ подчиняться всѣмъ предписаннымъ правиламъ, нельзя будетъ всетаки вполнѣ положиться на точность свѣдѣній, внесенныхъ въ переписные листы туземцами-счетчиками; необходимо будетъ заранѣе предупредить всѣхъ привлеченныхъ къ этому дѣлу лицъ, что доставленныя каждымъ изъ нихъ свѣдѣнія будутъ провѣрены на выдержку, и это послѣднее необходимо дѣйствительно исполнить. Провинившійся счетчикъ-туземецъ можетъ быть и не объяснитъ толкомъ, почему онъ не вписалъ въ листы нѣкоторыхъ лицъ, но онъ можетъ это сдѣлать совершенно необдуманно, руководимый только желаніемъ скрыть истину. При посемейныхъ переписяхъ въ туземной части Ташкента число жителей по переписи всегда явно уступало дѣйствительной населенности города; это происходило оттого, что хозяева домовъ нерѣдко скрывали своихъ женъ и дочерей, не желая сказать ихъ имена счетчику. Туземецъ, даже обращаясь къ женѣ или дочери, не называетъ ихъ по имени, а прибѣгаетъ къ какому-нибудь намеку или эпитету; спросить: „какъ зовутъ вашу жену?“ – считается неприличнымъ. Поэтому будетъ не удивительно, что и при всеобщей переписи не мало женщинъ ускользнетъ отъ регистраціи. Надо внушить счетчикамъ, чтобы они повліяли на своихъ одномахаллинцевъ и, зная приблизительно семейный составъ того дома, который переписывается, не упускали бы случая тутъ же, на мѣстѣ, провѣрять показанія одного показаніями другихъ.

При производствѣ переписей въ городахъ внутренней Россіи начало всѣхъ работъ по времени дня пріурочивается обыкновенно къ 9—10 часамъ утра. У насъ время это необходимо измѣнить, потому что въ 9—10 часовъ утра, даже зимой, большинство домохозяевъ уже не бываетъ дома: торговецъ сидитъ въ лавкѣ, чернорабочій становится на поденную работу, а мастеровой давно работаетъ въ мастерской, часто довольно далеко отстоящей отъ его дома. Поэтому и раздачу переписныхъ листовъ и отобраніе ихъ отъ домовладѣльцевъ необходимо произвести гораздо раньше. Туземцы встаютъ очень рано

около 4 часовъ утра, для первой молитвы; къ этому времени долженъ поспѣть счетчикъ, и если онъ живетъ въ томъ же „махалля“, которое ему приходится переписывать, то приступить къ дѣлу тотчасъ, какъ заслышитъ „азанъ“, призывъ къ первой молитвѣ. Можно бы предупредить населеніе особымъ приказомъ, что въ такой-то день въ каждомъ домѣ долженъ быть на-лицо или хозяинъ дома, или замѣняющій его взрослый родственникъ. Это явится нѣкоторымъ насиліемъ надъ свободой туземцевъ, но избѣжать его трудно, такъ какъ въ отсутствіи хозяина домъ туземца представляется недоступнымъ. Женщины не выйдутъ на зовъ счетчика, войти во внутреннее помѣщеніе— значило бы нарушить самыя основныя правила приличія и крайне раздражить хозяина; да если бы и удалось счетчику вступить въ разговоры съ хозяйкой дома, то она не скажетъ ему ничего о своей семьѣ изъ боязни навлечь на себя неудовольствіе мужа. Молчаніе и скромность при постороннихъ составляютъ лучшее украшеніе туземной женщины и трудно заставить ее разговориться, а когда собираешь какія-нибудь свѣдѣнія, почти невозможно: „я не знаю“, „мужа нѣтъ дома“, „когда придетъ, спросите у него“—вотъ отвѣты туземныхъ женщинъ на всѣ вопросы и вслѣдъ за отвѣтомъ она запираетъ передъ носомъ спрашивающаго дверь.

Въ большихъ туземныхъ городахъ торговля сосредоточивается на центральныхъ базарахъ, и большіе базары имѣютъ свое населеніе. Здѣсь живутъ базарные караульщики, въ чайхане остаются ночевать хозяева и работники, часто не имѣющіе въ городѣ своего дома, въ кладовыхъ при чайхане находятъ пріютъ всевозможные пришельцы изъ другихъ городовъ и даже сосѣднихъ ханствъ, а въ топкахъ туземныхъ бань зимой спасаются отъ холода паріи туземнаго населенія душевно-больные, если холодъ загонитъ ихъ туда съ кладбищъ, гдѣ эти несчастные ночуютъ нерѣдко подъ навѣсами, устроенными на могилахъ. Все это бродячее населеніе необходимо зарегистровать особенно тщательно, потому что оно не имѣетъ опредѣленнаго мѣста жительства. При этомъ можетъ случиться, что субъектъ, ночевавшій въ ночь передъ переписью въ одномъ изъ помѣщеній базара, будетъ показанъ и въ своемъ домѣ на-лицо, а не въ числѣ временно отсутствующихъ, и надо весьма тщательно разобраться въ возможной при записи путаницѣ.

При вписываніи въ личныя карточки возраста счетчикамъ неминуемо придется встрѣтиться съ трудностью полученія отъ

туземцевъ свѣдѣній объ ихъ лѣтахъ. Рѣдкій туземецъ въ состояніи правильно отвѣтить на вопросъ: „сколько вамъ лѣтъ?“ Происходитъ это оттого, что для счисленія возраста у туземцевъ повсемѣстно принятъ счетъ прожитыхъ годовъ по особому двѣнадцатилѣтнему циклу, въ которомъ каждый годъ имѣетъ свое названіе. Этотъ циклъ носитъ названіе „мучаль“, а входящіе въ составъ его годы называются по порядку: мышь, корова, тигръ, заяцъ, рыба, змѣя, лошадь, баранъ, обезьяна, курица, собака, свинья. Часто туземецъ затруднится отвѣтить на вопросъ, сколько ему лѣтъ, но зато онъ твердо помнитъ названіе того года, въ которомъ онъ родился. Надо спросить: „илингизъ кайсы“ или „мучалингизъ кайсы“,—и спрашивающій получитъ названіе этого года, а по числу повтореній года рожденія можетъ провѣрить показаніе о возрастѣ. Добиться свѣдѣній о днѣ и мѣсяцѣ рожденія, нечего и думать; ни одинъ туземецъ, даже изъ грамотныхъ, не скажетъ вѣрно, въ какой именно день онъ родился, потому что никто изъ нихъ не запоминаетъ точно времени появленія на свѣтъ ребенка.

Въ заключеніе остается сказать, что дѣло переписи въ Туркестанѣ—очень трудное дѣло и можетъ быть произведено болѣе или менѣе успѣшно только послѣ тщательнаго обсужденія всѣхъ его сторонъ.

Имена туземцевъ.

Въ одномъ изъ засѣданій Туркестанскаго географическаго общества былъ возбужденъ вопросъ объ установленіи правильной транскрипціи мѣстныхъ географическихъ названій въ краѣ. Вопросъ этотъ имѣетъ, безспорно, немаловажное значеніе, но гораздо важнѣе установить правильную транскрипцію собственныхъ именъ туземцевъ. Благодаря неустановившейся транскрипціи, мы безбожно коверкаемъ собственныя имена, тогда какъ ошибка въ произношеніи, а тѣмъ болѣе въ написаніи имени человѣка можетъ повлечь за собою гораздо болѣе непріятныя послѣдствія, чѣмъ искаженіе названія какого либо урочища. Достаточно представить себѣ задержаніе туземца съ паспортомъ, въ которомъ невѣрно написано его имя или отчество, выдачу денежнаго пакета вмѣсто адресата другому лицу, тоже изъ-за ошибки въ транскрипціи, наконецъ, осужденіе русскимъ судомъ не того, кто виноватъ, чтобы судить о практической важности правильнаго написанія туземныхъ именъ.

Одинъ изъ нашихъ податныхъ инспекторовъ составилъ краткій списокъ именъ туземцевъ, который въ литографированныхъ копіяхъ имѣется въ нѣкоторыхъ казначействахъ, но эт работа мало помогаетъ дѣлу, такъ какъ составленный списокъ содержитъ въ себѣ имена, распространенныя, главнымъ образомъ, въ Кокандѣ и кокандскомъ уѣздѣ, тогда какъ, напр., въ Чимкентскомъ уѣздѣ почти не встрѣчаются среди туземцевъ указанныхъ въ этомъ спискѣ именъ.

Дѣло въ томъ, что въ каждой мѣстности края только извѣстныя имена популярны среди мѣстнаго населенія; другія имена иногда вовсе отсутствуютъ въ данной мѣстности, зато преобладаютъ въ другой. Объясняется это явленіе, какъ общей всѣмъ людямъ привычкой называть своихъ дѣтей именами почтенныхъ родственниковъ, вслѣдствіе чего извѣстныя имена фиксируются въ данномъ округѣ, такъ и различіемъ этнографическихъ группъ, населяющихъ данную мѣстность. Поэтому, полный словарь туземныхъ именъ, хотя бы для коренныхъ областей Туркестанскаго края, долженъ будетъ состоять изъ многочисленныхъ именъ, принятыхъ въ различныхъ мѣстностяхъ края.

Тѣмъ желательнѣе составленіе подобнаго словаря и одно изъ мѣстныхъ ученыхъ учрежденій (напр., общество востоковѣдѣнія или географическое общество), оказало бы и русскому, и туземному населенію неоцѣнимую услугу, принявъ на себя починъ въ изслѣдованіи затронутаго вопроса. Централизація этой работы необходима потому, что только собирая въ одно мѣсто списки именъ, присланныхъ изъ разныхъ уѣздовъ края, возможно охватить изслѣдованіемъ все разнообразіе характерныхъ для разныхъ мѣстъ края именъ. Только сосредоточивъ сборъ матеріаловъ въ ученомъ учрежденіи, возможно достигнуть извѣстной полноты и правильности транскрипціи именъ, требующей, прежде всего, однообразія, чтобы каждый, желающій написать имя правильно, могъ изъ общаго для всѣхъ словаря извлечь нужныя свѣдѣнія.

Разумѣется, крайне желательно было бы имѣть словарь на двухъ языкахъ, чтобы какъ знающій туземный языкъ русскій былъ въ состояніи, въ случаѣ надобности, правильно написать имя туземца на мѣстномъ нарѣчіи, такъ и грамотный по-русски туземецъ могъ бы изъ того же словаря извлечь справку о правильномъ написаніи своего имени, отыскавъ въ словарѣ по-туземному написанное имя и взявъ соотвѣтствующую ему русскую транскрипцію.

Работа по составленію такого словаря весьма кропотлива, требуетъ серьезнаго редакторскаго труда, но зато подобный словарь избавилъ бы практическихъ дѣятелей отъ многихъ весьма прискорбныхъ и подчасъ непоправимыхъ ошибокъ. Для составленія списка именъ по г. Ташкенту есть уже сырой матеріалъ: въ полицейскомъ управленіи туземной части имѣются посемейные списки, или, какъ называютъ ихъ туземцы, „джанъ-дафтары“ *), содержащіе въ себѣ имена 125 тысячъ туземцевъ стараго Ташкента, мужчинъ и женщинъ. Очевидно, что систематически составленная и расположенная по алфавиту выписка именъ изъ такого значительнаго числа дастъ совершенно вѣрный отвѣтъ на вопросъ, какія имена наиболѣе употребительны у сартовъ г. Ташкента. Для другихъ мѣстностей возможно воспользоваться посемейными списками и раскладками податей, составляемыми въ селеніяхъ и аулахъ, но необходимо имѣть свѣдѣнія изъ всѣхъ мѣстностей края, не взирая на то, что при собираніи по частямъ могутъ встрѣтиться повторенія однихъ и тѣхъ же именъ, попадающихся въ различныхъ мѣстностяхъ.

Какъ ни пестрятъ разнообразіемъ мѣстныя имена туземцевъ въ разныхъ углахъ Туркестанскаго края, однако, и въ этомъ разнообразіи возможно прослѣдить нѣкоторую послѣдовательность.

Начнемъ съ кочевниковъ—киргизъ. Въ степь сравнительно мало проникла мусульманская схоластика и грамотность на арабскомъ языкѣ. Кромѣ того, киргизъ и въ наше время живетъ простой, близкой къ природѣ жизнью. Эти условія оказываютъ вліяніе и на нареченіе именъ рождающимся въ особой обстановкѣ дѣтямъ.

Прежде всего у киргизъ часто встрѣчаются знаменитыя имена родоначальниковъ ордъ, родовъ и отдѣленій.

Далѣе, въ бѣдной событіями, простой и однообразной жизни хочется, посредствомъ нареченія имени ребенку, отмѣтить и запечатлѣть въ памяти событія, имѣвшія отношеніе къ рожденію ребенка или случайно совпавшія съ рожденіемъ по времени. Отсюда въ киргизскомъ обиходѣ, встрѣчаются имена вродѣ: Байкильды (хозяинъ пріѣхалъ), Туляббирганъ (заплатившій дань), Ходжакильды (ходжа пріѣхалъ), Ходжа Назаръ (взглядъ ходжи), Иитмышъ (семьдесятъ) и т. д.

Нарекая имена, часто выражаютъ въ самомъ имени завѣт-

---

*) Посемейные списки (въ переводѣ—тетрадь душъ)

ныя пожеланія ребенку, вродѣ: Турсунъ (пусть живетъ), Ульмасъ (не умретъ). Бай-буль (будь богачемъ)—для мальчиковъ, и что-нибудь вродѣ: Кызъ-тугмасъ (не будетъ родить дѣвочекъ) – для дѣтей женскаго пола.

Не было подходящаго событія, не пришло въ голову желанія—и киргизъ нерѣдко называетъ ребенка словомъ, взятымъ прямо изъ окружающей природы или принятымъ въ качествѣ синонима для выраженія какого-нибудь совершенства. Нерѣдки поэтому среди киргизъ Бури-бай (волкъ), Бута-бай (верблюжонокъ), Туякъ-бай (копыто), Мусукъ (кошка), Арсланъ (левъ), Джульбарсъ (тигръ) и т. п.—для мальчиковъ, Улугъ-ай (большой мѣсяцъ), Юлдузъ (звѣзда), Камаръ (луна), Саусаръ (куница) и т. п.—для дѣвочекъ.

Таковы пріемы нареченія именъ у нашихъ кочевниковъ – киргизъ.

Осѣдлое населеніе—сарты и таджики—совершенно иначе относятся къ этому и здѣсь считающемуся немаловажнымъ дѣлу. Они рѣдко сами изобрѣтаютъ имена для своихъ дѣтей, а чаще предоставляютъ выборъ имени мѣстному имаму, или же называютъ дѣтей по именамъ ближайшихъ родственниковъ. Только для женскихъ именъ принято выбирать что-либо изящное, красивое, что могло бы украсить свою обладательницу.

Мѣстные же имамы, какъ представители духовнаго сословія, всецѣло находятся подъ властью мусульманской схоластики и не могутъ за выборомъ имени обратиться къ своей фантазіи. Они предпочитаютъ выборъ имени по гаданію изъ „прекрасныхъ именъ Божіихъ“.

Мусульмане вѣруютъ, что Богу присущи 4000 прекрасныхъ именъ; нѣкоторые законовѣды изъ общаго числа выбираютъ только 1001, а изъ нихъ всѣмъ туземцамъ хорошо извѣстны 99 именъ, обозначающія свойства Бога, его качества.

Вотъ изъ списка этихъ-то именъ муллы осѣдлаго населенія и выбираютъ имена для нареченія младенцевъ, отступая отъ этого списка только въ пользу нѣкоторыхъ именъ прославившихся своею вѣрою подвижниковъ Ислама, или руководителей духовныхъ суфійскихъ или мистическихъ орденовъ.

Однако, не всѣ имена изъ списка именъ Божійхъ пользуются одинаковой популярностью и, нарекая имена, избираютъ чаще другихъ слѣдующія: Рахманъ (милостивый), Рахимъ (милосердный), Муминъ (вѣрный), Азизъ (державный), Джабаръ

(крѣпкій), Разакъ (снабжающій), Алимъ (знающій), Хакимъ (судія), Азимъ (верховный), Шукуръ (благотворитель), Халиль (величественный), Каримъ (щедрый), Кадыръ (мощный), Рауфъ (благій), Маджидъ (досточтимый), Гани (богатый), Бакы (вѣчный(·

Такое имя составляетъ основу. Но такъ какъ сарты фамилій не имѣютъ и называютъ другъ друга только по имени и отчеству, то приходится различать одноименныхъ субъектовъ, что достигается приставками до и послѣ имени.

Чаще всего къ имени прибавляется имя мусульманскаго вѣроучителя и получаются имена: Мухаммадъ-Каримъ, Мухаммадъ-Аминъ, Дустъ-Мухаммадъ и т. п. Приставка имени Мухаммадъ въ просторѣчіи сокращается при произношеніи въ слогъ Мадъ, откуда и получаются имена: Мадкаримъ, Мадаминъ, Дустмадъ и пр. Киргизы то же имя переиначиваютъ по-своему въ Мамбетъ, получается Мамбетъ-Али (у сартовъ Маадали), Мамбетъ-Шукуръ (у сартовъ Машукуръ).

Далѣе, передъ арабскими словами, выражающими свойства Божіи, кромѣ арабскаго члена („алъ"), часто ставятъ слово „абу", что значитъ по-арабски рабъ, или то же понятіе выражаютъ тюркскимъ „кулъ", которое ставится и до и послѣ основного имени. Этого рода приставки выражаютъ, что человѣкъ считаетъ себя рабомъ Бога (Абдулла), или Мухаммада (Мухаммадъ-кулъ), или пророка (Абдуррасулы, Абдунаби).

Человѣкъ грамотный прибавляетъ къ своему имени слово „мулла", получается: Мулла-Азизъ, Мулла-Каримъ.

Ремесленникъ-мастеръ ставитъ прибавку „Уста": Уста-Каримъ, Уста-Азизъ.

Тотъ, кто служилъ когда-нибудь аксакаломъ или старшиной, присоединяетъ къ своему имени слово аксакалъ, хотя бы онъ и не состоялъ болѣе на службѣ; получается: Асиль-Аксакалъ, Салиматъ-Аксакалъ и т. п.

Человѣкъ зажиточный присоединяетъ къ имени слово „бай", чтобы отличить себя отъ одноименнаго бѣдняка.

Преподаватели высшихъ мусульманскихъ учебныхъ заведеній (мадраса) прибавляютъ къ имени слово „дамулла", а сыновья извѣстныхъ ученыхъ сохраняютъ титулъ „махсумъ".

Происходящіе отъ Мухаммада родовитые туземцы носятъ титулы „саидъ", „ходжа".

Происходящіе отъ извѣстнаго мистика Міана-Раббани, присоединяютъ къ имени слово „міанъ".

Члены мистическихъ орденовъ добавляютъ къ имени слово „ишанъ“.

Есть еще родовой титулъ „тура“ и, наконецъ, совершившій паломничество (хаджъ) въ Мекку получаетъ право на титулъ „хаджи“ *).

Употребляются также и многія другія приставки: миръ, мирза, джанъ, байбача и т. п.; эти приставки до и послѣ основного имени разнообразятся въ каждой мѣстности по-своему

Если-бы удалось составить списокъ наиболѣе употребительныхъ именъ туземцевъ и приложить къ нему правила, разъясняющія пользованіе приставками, то это устранило бы много ошибокъ и недоразумѣній, происходящихъ отъ нашего невниманія къ именамъ туземцевъ и неправильнаго ихъ написанія.

Преміи за знаніе языковъ.

На одномъ изъ общихъ собраній членовъ Ташкентскаго отдѣленія общества востоковѣдѣнія былъ поднятъ вопросъ о распространеніи знанія русскаго языка среди туземцевъ Туркестанскаго края и туземныхъ нарѣчій среди русскаго, въ особенности, служилаго люда. Въ такой формѣ вопросъ поставленъ, кажется, впервые. Впервые признано, что для упроченія русскаго вліянія въ краѣ необходима двойная работа, движеніе навстрѣчу другъ другу двухъ главныхъ группъ мѣстнаго населенія.

Все, что сдѣлано до сихъ поръ для распространенія среди туземцевъ русскаго языка, общество востоковѣдѣнія, повидимому, склонно считать работой весьма плодотворной, а достигнутые результаты—солидными. Конечно, честь и хвала всѣмъ кто работалъ и продолжаетъ трудиться на этомъ благородномъ поприщѣ, но къ достигнутымъ результатамъ надо отнестись построже.

Намъ пришлось познакомиться на службѣ съ учениками первой въ краѣ русско-туземной школы за то время, когда ею руководилъ выдающійся знатокъ края В. П. Наливкинъ, положившій начало обученію инородческихъ дѣтей русскому языку. Лучшій ученикъ этого перваго набора школьниковъ У. Т—въ сдѣлалъ свою карьеру на нашихъ глазахъ, и мы имѣли возможность прослѣдить, какъ онъ постепенно совершенствовался въ русскомъ языкѣ.

*) Совершившій „хаджъ“.

По окончаніи курса У. Т—въ едва умѣлъ неправильно передать по-русски свои мысли, бойко, но съ плохими удареніями читалъ русскую книгу и кое-что зналъ изъ ариѳметики по русской методѣ, постоянно сбиваясь, однако, на сартовскій „абджадъ“ *). Въ 1890 г. юноша поступилъ въ канцелярію начальника г. Ташкента, гдѣ понемногу сталъ совершенствоваться, какъ въ разговорномъ русскомъ языкѣ, такъ и въ письменномъ изложеніи. Далѣе У. Т—въ служилъ приказчикомъ-писцомъ у неграмотнаго купца (5 р. въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ), писцомъ у городского аксакала (10 руб. въ мѣсяцъ) и, наконецъ, занялъ отвѣтственную должность городского старшины, по значенію равную должности волостного управителя. Такого положенія достигъ мой знакомый черезъ 10 лѣтъ по выходѣ изъ школы. У. Т—въ былъ бѣднымъ сиротой и на рукахъ у него была семья, которую надо было содержать. Чисто экономическіе расчеты подвинули юношу на сближеніе съ русскими и на значительную затрату энергіи для достиженія намѣченной цѣли—матеріальной обезпеченности и почетнаго положенія среди своихъ единоплеменниковъ. Какъ видимъ, этотъ лучшій, удачнѣйшій воспитанникъ русско-туземной школы пріобрѣлъ большую часть своихъ познаній за стѣнами учебнаго заведенія и пріобрѣлъ не безъ упорнаго труда, побуждаемый къ тому только открывавшимися впереди выгодными перспективами.

Пока знакомецъ мой проходилъ этотъ послѣучилищный курсъ, многіе изъ его сверстниковъ побогаче изъ купеческаго сословія, не учившіеся въ русско-туземной школѣ, успѣли легко овладѣть и русской разговорной рѣчью, и грамотой: имъ удалось побывать во внутреннихъ губерніяхъ Россіи и тамъ изучить русскій языкъ практически.

Случалось намъ также наблюдать сартовъ и евреевъ, посѣщавшихъ курсы для взрослыхъ. Эти люди энергично трудились и торопливо изучали языкъ до того момента, когда могли самостоятельно составить и написать коротенькую торговую телеграмму, или буквально нацарапать безграмотнѣйшее, непонятное для незнающаго сартовскаго языка прошеніе. Ихъ сверстники, мелкіе торговцы воскресенскаго базара, за то же самое время легко изучали русскую разговорную рѣчь и бойко объяснялись съ русскими покупателями.

*) Особый мусульманскій пріемъ обученія таблицѣ умноженія путемъ заучиванія словъ.

Потомъ мнѣ пришлось видѣть городское училище въ Чимкентѣ *). Здѣсь въ интернатѣ при училищѣ были мальчики-киргизы, постоянно жившіе вмѣстѣ съ русскими мальчиками и вмѣстѣ съ ними учившіеся. Эти мальчики не только хорошо усваивали русскую грамоту и занимались по программѣ училища такими предметами, какъ географія, исторія, ариѳметика и геометрія, но вдобавокъ вполнѣ овладѣвали разговорною рѣчью и перенимали также русскіе обычаи, т. е. становились по истинѣ обрусѣвшими киргизами, не только знающими русскій языкъ, но и желающими жить по-русски. Этого рода училища дали многихъ дѣльныхъ воспитанниковъ учительской семинаріи, много хорошихъ переводчиковъ, одного врача и одного офицера-артиллериста.

Приведенныя наблюденія указываютъ на то, что обученіе маленькихъ сартятъ русскому языку въ предѣлахъ программы русско туземной школы, при отсутствіи совмѣстнаго обученія съ русскими дѣтьми, даетъ весьма мало людей, которые могли бы продолжать изученіе русскаго языка самостоятельно и пріобщиться затѣмъ къ культурной работѣ, совершаемой русскими въ краѣ. Напротивъ, городскія училища съ интернатами, гдѣ инородческія дѣти живутъ съ русскими бокъ-о-бокъ и проходятъ на русскомъ языкѣ дающую общее развитіе программу' выпускаютъ молодыхъ людей, не только способныхъ продолжать свое образованіе, но и лишенныхъ (вслѣдствіе пріобрѣтенной ими привычки къ другой обстановкѣ) возможности возвратиться къ дѣдовскому укладу жизни, потонуть въ темной массѣ мусульманскаго населенія края.

Отмѣченной разницей между двумя типами учебныхъ заведеній для инородцевъ объясняется пожертвованіе чимкентскими киргизами нѣсколько лѣтъ тому назадъ около 100 тысячъ рублей на расширеніе городского училища.

Необходимо сломить ту вѣковую преграду, которую представляетъ самый укладъ сартовской жизни, и поставить учащихся по-русски сартятъ въ русскую обстановку, въ непосредственныя сношенія съ ихъ русскими сверстниками. Только тогда можно разсчитывать на удовлетворительные результаты. Намъ скажутъ, что это будетъ дорого. Да, но за безцѣнокъ при нормальныхъ условіяхъ вообще не удается пріобрѣсти предметы высокаго достоинства. Какое-же имѣемъ мы основаніе ожидать цѣнныхъ результатовъ отъ дешевыхъ русско-туземныхъ школъ?

*) Нынѣ городъ Черняевъ.

Привлечь сартовъ въ училища описаннаго типа будетъ не легко. Многіе въ Ташкентѣ помнятъ, какъ сартенокъ-гимназистъ (сынъ покойнаго Мухитдина-ходжи), пріѣзжая въ учебное заведеніе въ національномъ костюмѣ, облачался въ гимназическій мундиръ уже въ стѣнахъ гимназіи (въ каморкѣ швейцара) и тщательно избѣгалъ показываться на улицахъ стараго города въ русской одеждѣ. Ясно, что при такомъ настроеніи высшихъ слоевъ сартовскаго общества, крѣпко держащихся традиціи и не поступающихся въ этомъ отношеніи даже мелочами, заманить сартятъ въ русскія училища будетъ довольно трудно. Лучшею изъ мѣръ, которыя можно было-бы принять въ этомъ направленіи, является установленіе преміи за изученіе русскаго языка, которая была-бы въ состояніи заставить туземцевъ добиваться ея. Какова должна быть премія—это вопросъ серьезный. М. Г. Черняевъ выдавалъ въ Чимкентѣ пособія сартянкамъ, которыя соглашались отдавать своихъ дочерей въ женское училище. Пособія получались исправно, но дѣвочки русскому языку не научились. Съ тѣхъ поръ прошло 50 лѣтъ; можетъ быть теперь матеріальный расчетъ привлечетъ въ русскія школы бѣдныхъ сартовскихъ дѣтей, если въ этихъ школахъ имъ дадутъ все, что необходимо для существованія, а сверхъ того будутъ еще учить.

Перейдемъ теперь ко второй части вопроса, затронутаго обществомъ востоковѣдѣнія,—къ тому, какъ распространяется знаніе туземныхъ нарѣчій между русскими, живущими въ краѣ. Общество признаетъ, что распространеніе туземныхъ языковъ среди мѣстнаго русскаго люда невелико; только отдѣльныя личности успѣли изучить мѣстные языки, обычаи, исторію или этнографію,—кого что больше интересовало.

Работа этихъ лицъ дала плоды небольшіе, но зато она выяснила мотивы, которыми руководствовались всѣ означенныя лица, затрачивая на изученіе языковъ трудъ и время. Русскій купецъ изучаетъ языкъ, чтобы его не обманулъ маклеръ-сартъ. Служащіе путемъ изученія языка стремятся избавиться отъ переводчиковъ и сберечь затрачиваемыя на ихъ наемъ деньги.

Въ приказѣ Туркестанскаго генералъ-губернатора 1906 года за № 46 *) констатированъ фактъ незнанія туземныхъ нарѣчій многими служащими по администраціи. Явленіе это признано

*) „Туркестанскія Вѣдомости“ 1906 г. №№ 44 и 45.

ненормальнымъ и требующимъ воздѣйствія со стороны высшей власти въ краѣ. Приказъ не упоминаетъ о необходимости знанія туземныхъ языковъ для другихъ служащихъ въ краѣ, а между тѣмъ, это знаніе столь-же необходимо судьѣ, слѣдователю, землемѣру, лѣсничему, податному инспектору, врачу и фельдшеру. Достаточно представить себѣ какого-нибудь слѣдователя, ведущаго слѣдствіе при посредствѣ невѣжественнаго, а зачастую и недобросовѣстнаго переводчика, чтобы понять, на сколько важно знаніе туземныхъ языковъ для представителей судебной власти. Точно такъ же и въ практикѣ служащихъ въ Туркестанѣ по другимъ вѣдомствамъ нерѣдки случаи, когда, безъ знанія туземнаго языка, обойтись очень трудно, а потому знаніе туземныхъ нарѣчій слѣдовало бы сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ служащихъ въ краѣ.

Образованная по вопросу о распространеніи среди служащихъ знанія мѣстныхъ нарѣчій комиссія высказалась за то, что такого знанія можно потребовать отъ кандидатовъ на административныя должности, привлекая офицеровъ къ изученію мѣстныхъ нарѣчій единственно только выгодами, связанными съ переходомъ на службу по администраціи. Однако, выгоды службы по администраціи не настолько велики, что онѣ могли побудить достаточное число офицеровъ приняться за изученіе языка: условія денежнаго довольствія въ войскахъ измѣнены къ лучшему и ротному командиру почти нѣтъ расчета переходить на должность участковаго пристава. Поэтому необдимо установить въ видѣ премій за знаніе туземныхъ языковъ добавочныя выдачи, какъ это практикуется въ военномъ вѣдомствѣ по отношенію къ офицерамъ, окончившимъ курсы восточныхъ языковъ. Точно также и въ Индіи британское правительство для распространенія среди служащихъ знанія тибетскаго языка установило выдачу премій въ 500 рупій *).

Нельзя согласиться съ требованіемъ комиссіи о возможности установленія разныхъ минимумовъ знанія мѣстнаго языка и обычаевъ въ зависимости отъ положенія даннаго лица въ административной іерархіи. Минимумъ во всякомъ дѣлѣ можетъ быть только одинъ, а потому и въ знаніи языка и обычаевъ минимумомъ должно быть признано такое знаніе разговорнаго языка, письменности и обычаевъ, которое обезпечивало бы возможность идти въ этомъ направленіи дальше. Для того, чтобы

*) „Туркестанскія Вѣдомости“ 1904 г. № 165. „Разумная поспѣшность“.

овладѣть правильной разговорной рѣчью, т. е. быть въ состояніи вести дѣловые разговоры, а не ограничиваться отрывочными, заученными фразами, нельзя обойтись безъ элементарныхъ познаній въ грамматикѣ и письменности. Правда, выросшіе въ Туркестанѣ русскіе люди иногда бойко объясняются на туземномъ нарѣчіи, но такой разговоръ ограничивается сферою узкихъ, обыденныхъ отношеній; русскіе мальчики, играя съ сартятами, выучиваются сартовскому языку въ кругѣ тѣхъ понятій, который связанъ съ игрой, улицею и бранью.

Для администратора, если онъ хочетъ путемъ знанія мѣстнаго языка войти въ жизнь того народа, которымъ онъ призванъ управлять, этого мало. Ему необходимо знать языкъ гораздо основательнѣе и, прежде всего, надо знать грамоту. Между тѣмъ, по предположеніямъ комиссіи, для участковаго пристава требуется только разговорная рѣчь, и только выше, начиная съ помощника уѣзднаго начальника, считается необходимымъ знаніе письменности. Но если разсуждать такимъ образомъ, то помощникъ губернатора долженъ знать больше уѣзднаго начальника и меньше губернатора. Выдержать эту систему градацій до конца невозможно, а потому не должно ставить ее и въ началѣ служебной лѣстницы. Не лучше ли установить для всѣхъ служащихъ или желающихъ поступить на службу по администраціи общій минимумъ знаній языка и обычаевъ, чтобы служащій могъ, въ случаѣ надобности, обойтись безъ переводчика или провѣрить ненадежнаго толмача? Дальнѣйшее расширеніе познаній можно предоставить желающимъ, у кого къ тому будетъ время, возможность и способности.

Участковый приставъ настолько занятъ службою, что у него почти не остается свободнаго времени; требовать отъ пристава систематическихъ занятій по языкамъ и обычному праву совершенно невозможно и лучше заблаговременно, еще до принятія на службу, требовать отъ поступающаго необходимыхъ познаній съ тѣмъ, чтобы на службѣ онъ только совершенствовался въ нихъ.

Необходимо, чтобы поступающій на службу могъ переговорить съ просителями, прочесть ихъ прошенія, написать и объявить резолюціи; онъ долженъ знать дѣйствующее Положеніе объ управленіи Туркестанскаго края и относящіеся до службы законы, главнѣйшіе обычаи мѣстнаго населенія, а также основы мусульманской религіи и шаріата. Только съ такимъ запасомъ знаній можно служить и совершенствоваться въ изученіи языка и жизни народа.

Вполнѣ присоединяясь къ пожеланіямъ комиссіи объ упрощеніи дѣлопроизводства по жалобамъ туземцевъ съ тѣмъ, чтобы освободить участковыхъ приставовъ отъ безплодной работы для настоящаго живого дѣла и изученія языка, необходимо замѣтить, что пожеланія эти на основаніи существующихъ законовъ не осуществимы. Въ войскахъ по дисциплинарному уставу введены градаціи рѣшающихъ инстанцій, установленъ надзоръ высшихъ за дѣйствіями низшихъ и запрещена подача жалобъ высшей инстанціи помимо низшей. Ввести такой же порядокъ для удобства работы въ народную администрацію невозможно, потому что народъ—не войско: всякому должно быть предоставлено право жаловаться кому угодно и на что угодно, а дѣло администраціи—разобрать каждую, даже самую нелѣпую, жалобу по закону.

Для уменьшенія канцелярской работы участковому приставу остается только, пользуясь знаніемъ мѣстнаго языка и обычаевъ, узнать всѣ стороны жизни ввѣреннаго ему раіона душой войти въ эту жизнь и систематически, не торопясь, дѣлать каждое дѣло до конца, строго руководствуясь закономъ. Когда всѣ нужды народа удовлетворяются своевременно и безъ помѣхъ, когда должностныя лица туземной администраціи, добросовѣстно исполняютъ свои обязанности и чувствуютъ постоянный надзоръ вполнѣ доступной народу русской власти, жалобы исчезаютъ сами собою за отсутствіемъ для нихъ благопріятной почвы.

Проектированныя комиссіей поощренія для участковыхъ приставовъ едва-ли могутъ имѣть практическое значеніе: выдающіеся труды по изученію языковъ и юридическихъ обычаевъ не по плечу простому служащему, и нельзя расчитывать, чтобы участковый приставъ, при своей хлопотливой работѣ, могъ сдѣлать что-нибудь выдающееся въ области науки.

Намѣченная комиссіей организація областныхъ и уѣздныхъ курсовъ для изученія туземныхъ языковъ также едва-ли окажется практичною. Въ Ташкентѣ въ 1886 г. В. П. Наливкинымъ были открыты курсы для офицеровъ и чиновниковъ, желающихъ изучать туземные языки. Талантливый лекторъ два года подрядъ собиралъ до 50 чел. слушателей, обученіе языку сопровождалось и иллюстрировалось бесѣдами о туземныхъ обычаяхъ и декламаціей стиховъ, но въ концѣ каждаго семестра на курсахъ оставалось 2—3 человѣка, у остальныхъ-же не хватало терпѣнія посвящать свои досуги изученію чуждаго языка

только ради чистаго знанія. Кромѣ того, по условіямъ жизни и служебной работы въ уѣздахъ, во многихъ уѣздныхъ городахъ организація курсовъ для изученія туземныхъ языковъ окажется совершенно невозможною. Поэтому денежныя преміи и полная свобода выбора способовъ изученія требуемыхъ для полученія преміи предметовъ дадутъ болѣе ощутительные результаты, чѣмъ курсы.

Составить и издать необходимые для изученія туземныхъ языковъ учебники и словари очень трудно и для этого необходимы значительныя денежныя средства; поэтому, пока нельзя дать желающимъ новыхъ пособій для изученія туземныхъ языковъ.

Для практической цѣли подготовки служащихъ слѣдовалобы составить совершенно оригинальный и потому вовсе не научный учебникъ, отчасти напоминающій „самоучитель“ Старчевскаго. Въ учебникѣ должны быть легко и просто изложены грамматическія правила и помѣщены только такія слова каждаго языка, которыя могутъ быть признаны жизненными, нужными. На этомъ матеріалѣ должны быть построены упражненія, которыя въ то-же время должны знакомить съ народными обычаями и мѣстной обстановкой. Тутъ же должны быть литографированные образцы письма „калямомъ“ *) разными почерками и, особенно, точныя копіи съ прошеній, писанныхъ туземцами стальнымъ перомъ, чтобы научить разбирать плохо написанныя прошенія. Такой учебникъ составить недолго, издать недорого, а для практическихъ цѣлей онъ только и можетъ пригодиться всякому, даже не особенно способному къ изученію языковъ, человѣку. Составленіе же вполнѣ научныхъ руководствъ и словарей пусть идетъ своимъ порядкомъ.

Изъ существующихъ нынѣ руководствъ учебникъ В. П. Наливкина очень хорошъ для систематическаго изученія сартовскаго языка тѣмъ, у кого достаточно времени и кто можетъ усидчиво трудиться надъ прохожденіемъ курса по параграфамъ. Въ результатѣ должно получиться такое знаніе языка, какое мы выносимъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній по новымъ европейскимъ языкамъ. Практику нужно не такое знаніе и мало кто способенъ, даже подъ руководствомъ учителя, добросовѣстно пройти этотъ курсъ. Въ учебникѣ отсутствуетъ руко-

*) Камышевое перо.

писный шрифтъ и много словъ и выраженій, рѣдко встрѣчающихся въ разговорѣ.

При словарѣ Наливкина имѣется грамматика, изложенная на 16 страницахъ; начинающимъ изученіе сартовскаго языка слѣдуетъ тщательно изучить эту грамматику, предварительно исключивъ изъ нея, по указанію практика, мало употребительныя формы. Этой грамматики совершенно достаточно для практическаго изученія языка. Словарь живого мѣстнаго нарѣчія составленъ очень хорошо, но изъ него можно кое-что выбросить, опять таки по указанію практически знающаго языкъ.

Для изученія письменности очень хорошъ учебникъ М. С. Андреева, а хрестоматія Наливкина (литографированная) можетъ служить отличнымъ матеріаломъ для упражненія въ чтеніи.

Съ этими книгами можно свободно изучить языкъ, при условіи, конечно, постоянной въ немъ практики.

Самоучитель З. А. Алексѣева съ приложенными къ нему „фразами“ совершенно негоденъ для изученія языка. Руководства фонъ-деръ-Берга и Торнау слишкомъ серьезны и даютъ мало матеріала для мѣстнаго примѣненія. Составленные Старчевскимъ „Переводчики“ съ разныхъ языковъ нужно запретить брать въ руки тому, кто хочетъ выучиться языку; они составлены, повидимому, полиглоттомъ, не знающимъ толкомъ ни одного языка, а потому въ нихъ масса безстыднѣйшаго вранья, и для изученія языковъ они совершенно не пригодны.

Саидъ-Расуль-Саидъ Азимовъ написалъ свое руководство для русско-туземныхъ школъ; пусть оно тамъ и останется, для практическихъ цѣлей оно негодно.

Сартовская хрестоматія Калинина составлена изъ неособенно гладкихъ переводовъ на сартовскій языкъ и значительно уступаетъ хрестоматіи Наливкина, гдѣ собраны народные сартовскіе разсказы.

Русско-туземная газета Н. П. Остроумова издается на книжномъ языкѣ и можетъ служить матеріаломъ для чтенія только хорошо уже ознакомившемуся съ языкомъ, а не обучающемуся.

Св. Евангеліе въ переводѣ Н. П. Остроумова (изд. Библейскаго общества) надо имѣть для чтенія рядомъ съ русскимъ текстомъ, но научиться по нему языку, въ виду трудности изложенія, невозможно.

Выработанный комиссіей списокъ пособій по мусульманскому и обычному праву необходимо дополнить слѣдующими книгами:

Саблуковъ. „Свѣдѣнія о Коранѣ“; эта книга въ болѣе компактномъ видѣ даетъ всѣ свѣдѣнія, содержащіяся въ изслѣдованіяхъ Остроумова, внесенныхъ въ списокъ подъ №№ 14, 15 и 16.

В. П. Наливкинъ и М. В. Наливкина. „Очеркъ быта туземной женщины въ Ферганѣ“. Это сочиненіе классическое, премировано золотой медалью географическаго общества и непонятно, почему не попало въ списокъ. Такъ-же необходима всякому „Исторія Кокандскаго ханства“ В. П. Наливкина; оба эти изданія составляютъ библіографическую рѣдкость, но достать ихъ возможно и упомянуть слѣдуетъ.

Худабай Кустанаевъ. Очень полезная брошюрка по киргизскому обычному праву и этнографіи.

Статистическіе сборники Сыръ-Дарьинскаго комитета и справочныя книжки Самаркандской области содержатъ много интереснаго этнографическаго матеріала.

Хороши многія сочиненія студентовъ Казанской духовной академіи, помѣщенныя въ миссіонерскихъ сборникахъ; въ нихъ много необходимыхъ свѣдѣній о мусульманствѣ.

Настойчиво слѣдуетъ рекомендовать знакомство съ „Туркестанскими Вѣдомостями“ за все время ихъ изданія; на столбцахъ этого органа, были напечатаны крайне цѣнные матеріалы мѣстныхъ изслѣдователей края.

Для изученія туземнаго языка на службѣ въ тѣхъ предѣлахъ, которые намѣчены выше, нужно предоставить не меньше 3 лѣтъ; по истеченіи трехлѣтняго срока вопросъ объ удаленіи не усвоившихъ минимума требуемыхъ знаній подлежитъ обсужденію по отношенію къ каждому лицу отдѣльно, въ зависимости отъ его пригодности къ административной службѣ съ тѣмъ, чтобы рѣшить, кто намъ дорогъ и безъ языка, и кѣмъ можно пожертвовать въ цѣляхъ проведенія въ жизнь необходимой мѣры. Могутъ оказаться весьма полезными для службы лица, почему-либо лишенныя возможности взяться за книгу или неспособныя къ изученію языковъ вообще.

Лично мнѣ для изученія сартовскаго языка понадобилось не менѣе 3-хъ лѣтъ, при службѣ на должности участковаго пристава, между дѣломъ и при вынужденной практикѣ (у меня не было переводчика). Послѣ того я еще нѣсколько лѣтъ работалъ на досугѣ надъ изученіемъ языка прежде, чѣмъ успѣлъ освоиться съ сартовскимъ языкомъ настолько, чтобы заниматься переводами. Когда меня перевели въ уѣздъ съ киргиз-

скимъ населеніемъ, пришлось учиться новому языку; еще позже, на службѣ въ Самаркандской области, мнѣ понадобилось таджикское нарѣчіе персидскаго языка, а съ назначеніемъ въ Аму-Дарьинскій отдѣлъ пришлось ознакомиться съ хивинскимъ нарѣчіемъ.

Въ связи съ вопросомъ о времени, необходимомъ административному служащему на ознакомленіе съ языкомъ, возникаетъ вопросъ о количествѣ свободнаго времени у участковаго пристава вообще. Я уже указывалъ, что свободнаго времени у пристава почти нѣтъ; позволю себѣ добавить слѣдующее.

Нельзя допускать, чтобы участковый приставъ писалъ отъ 6 до 12 тысячъ бумагъ въ годъ, т. е. отъ 16 до 32 бумагъ въ день. Такъ вести дѣло нельзя, а если оно такъ идетъ, то виноватъ уѣздный начальникъ, допускающій такую безплодную трату времени.

Не будемъ называть жалобы туземцевъ пренебрежительнымъ словомъ „кляуза". Жалобы указываютъ на неспокойное состояніе населенія, какъ шумъ въ пчелиномъ роѣ въ минуту опасности. Надо устранить причины и число жалобъ уменьшится, а какъ-бы добросовѣстно. ни были написаны 12 тысячъ бумагъ, онѣ не могутъ уничтожить жалобъ и только сдѣлаютъ ихъ явленіемъ хроническимъ.

Вызывать людей для производста дознанія запрещено закономъ, — необходимо производить дознанія на мѣстѣ. По инструкціи для производства дознаній показанія отдѣльныхъ лицъ записывать не полагается. Дознаніе должно представлять собою разсказъ о собранныхъ свѣдѣніяхъ, съ указаніемъ, отъ кого они получены.

Приставъ не можетъ самъ закончить производство по ложной, по его мнѣнію, жалобѣ, потому что на этотъ счетъ существуютъ законныя требованія, которыя необходимо исполнить. Нельзя предоставить приставу, да еще не знающему языка, право единолично прекращать дознанія. Сдѣлать пристава полнымъ хозяиномъ участка нельзя, какъ нельзя и вообще кого-бы то ни было сдѣлать хозяиномъ населенія, его жизни и благополучія.

Для облегченія работы участковаго пристава необходимо изъять изъ компетенціи администраціи статистику и гражданскія взысканія. Должны быть уѣздные статистики и судебные пристава для исполненія каждымъ своего дѣла.

Въ заключеніе позволю себѣ возразить Н. П. Остроумову.

Предлагаемая имъ для облегченія замѣна арабскаго алфавита русскимъ давно уже потерпѣла фіаско въ печатаніи книгъ для киргизъ. Всѣ книги, напечатанныя по-киргизски русскими буквами, лежатъ безъ употребленія. Зачѣмъ же повторять ошибку и допускать изображеніе звуковъ туземной рѣчи неизображающимъ ихъ алфавитомъ, когда, напр., для передачи буквы „айнъ" приходится вставлять между гласными ъ (твердый знакъ), а для изображенія звука, соотвѣтствующаго латинскому h,—ставить русское г. Арабскій алфавитъ необходимъ. Вначалѣ человѣкъ будетъ писать некрасиво и неправильно въ отношеніи орѳографіи, но ни каллиграфіи, ни орѳографической правильности никому и не нужно, тѣмъ болѣе, что сами туземцы пишутъ и неправильно и безграмотно. Для пользы дѣла надо требовать отъ кандидатовъ на административныя должности умѣнья читать и писать по-сартовски, не предъявляя, конечно, къ нимъ неисполнимыхъ требованій.

Въ программу минимальныхъ знаній, требуемыхъ для полученія премій за изученіе туземныхъ языковъ, слѣдовало-бы включить не только знаніе одного (тюркскаго) или двухъ (тюркскаго и таджикскаго) нарѣчій, но и необходимыя свѣдѣнія о бытѣ, обычаяхъ, исторіи и юриспруденціи мѣстныхъ мусульманскихъ народностей, въ тѣхъ размѣрахъ, какіе вызываются служебными потребностями экзаменующагося по его званію. Возможно выработать отдѣльныя программы для военнаго, администратора, юриста, чиновника финансоваго вѣдомства, педагога и пр., но въ основу каждой такой программы слѣдовало-бы положить теоретическое и практическое изученіе одного изъ мѣстныхъ нарѣчій.

Переправы черезъ рѣки.

Во многихъ мѣстахъ Туркестанскаго края экономическая жизнь мѣстнаго населенія тѣсно связана съ переправами черезъ рѣки, протекающія по раіонамъ, занятымъ населеніемъ, или преграждающія путь изъ одного промышленнаго раіона въ другой. Мало мостовъ въ Туркестанѣ и еще много переправъ примитивныхъ: каючныхъ, самолетныхъ и въ бродъ, на арбахъ. Всѣ эти примитивныя переправы представляютъ изъ себя одно сплошное неудобство и крайне затрудняютъ движеніе. Кромѣ того, такія переправы и не безопасны, и дѣйствуютъ съ перерывами, совершенно прекращая движеніе.

Особенно это замѣтно на такой большой рѣкѣ, какъ Сыръ-Дарья, на всемъ ея протяженіи. Тутъ ужъ нечего думать о переправѣ вбродъ; только на высотѣ г. Намангана рѣка допускаетъ еще арбяную переправу, а дальше внизъ приходится пользоваться переправами каючными или самолетными, если не считать построеннаго Великимъ Княземъ Николаемъ Константиновичемъ деревяннаго моста у Запорожья, въ 3-хъ верстахъ отъ станціи Хилково, Средне-Азіатской жел. дор. А переправа на каюкѣ—дѣло не легкое. Рѣка постоянно мѣняетъ свой фарватеръ, на берегахъ нельзя установить опредѣленныхъ пристаній, то и дѣло приходится мѣнять мѣста отправленія и причала каюка.

Общества, въ раіонѣ земель которыхъ расположены переправы, обыкновенно сдаютъ право устройства переправы въ аренду частному лицу за сравнительно небольшую плату; предприниматель, конечно, стремится извлечь изъ арендованной переправы возможно большій доходъ и возможно больше сберечь изъ денегъ, собираемыхъ по таксѣ съ проѣзжающихъ. Вполнѣ понятная со стороны арендатора экономія ведетъ къ тому, что каюкъ для переправы, въ видѣ большой барки съ помостомъ, строится кое-какъ, подъемная сила каюка совершенно не сообразована съ перевозимымъ грузомъ, а приспособленія для приведенія каюка въ движеніе ограничиваются двумя неимовѣрной тяжести большими веслами и шестами для отталкиванія каюка при посадкѣ его на мель. Личный составъ экипажа, обыкновенно, два—три киргиза, взятыхъ прямо изъ степи, нанятыхъ за безцѣнокъ и вовсе не подготовленныхъ къ трудной и отвѣтственной службѣ на утломъ паромѣ.

Широка мѣстами Дарья, теченіе ея разбивается на рукава, раздѣленные островами, и переправа отнимаетъ не мало времени Начать съ того, что прибывающіе на берегъ путешественники подходятъ къ переправѣ не сразу, не одновременно. Нельзя-же перевозить каждаго отдѣльно, или маленькими группами; это невыгодно для арендатора переправы и рабочихъ, стремящихся сдѣлать въ день поменьше рейсовъ и собрать побольше денегъ. Вотъ и приходится запастись терпѣніемъ, пока на берегу накопится достаточно людей, арбъ и животныхъ, а каюкъ еще на той сторонѣ и тоже выжидаетъ сбора переправляющихся, чтобы не плыть порожнемъ.

Все это сравнительно ничего при тихой погодѣ и малой водѣ. Уходитъ время, но все-таки есть надежда переправиться.

и опасности мало. Каюкъ, не торопясь, затаскиваютъ высоко по берегу, отъ котораго отчаливаютъ, причемъ весь экипажъ парома, какъ бурлаки, идетъ по берегу и медленно тянетъ каюкъ за веревку; потомъ производится погрузка переправляющихся, занимающая также не мало времени, а затѣмъ остается пустить каюкъ по теченію и усиленно грести тяжелыми веслами. Правда, не всегда переправа идетъ гладко, часто каюкъ совершенно неожиданно садится на мель, и его вожатымъ приходится не только отталкиваться длинными шестами, но и слѣзать въ воду, не разбирая ея температуры. Такъ или иначе, каюкъ подходитъ къ противоположному берегу, и въ худшемъ случаѣ его можетъ только пронести теченіемъ мимо пристани внизъ. Тогда снова приходится, идя по берегу съ бичевой, подтягивать нагруженный каюкъ вверхъ по теченію къ пристани, чтобы переѣзжающіе могли выбраться на берегъ.

Гораздо хуже, когда рѣка въ половодьи или поднимется сильный вѣтеръ. Тогда каюкъ не всегда можетъ отчалить отъ противоположнаго берега, чтобы принять пассажировъ, ожидающихъ его на этомъ берегу, а самое плаваніе по рѣкѣ становится весьма опаснымъ. Бываютъ случаи, когда низовый вѣтеръ не пускаетъ каюкъ по теченію, несмотря на всѣ усилія гребцовъ, да и перевернуться каюкъ можетъ легко при волненіи. особенно, если нагрузка парома не очень равномѣрна.

Всѣ эти мытарства приходится испытывать бѣдному люду; переправляющимся вовсе не все равно, когда имъ удастся переѣхать на противоположный берегъ, особенно, если дѣло идетъ къ вечеру, а аулъ или кишлакъ, куда они ѣдутъ, въ такомъ отдаленіи отъ переправы, что только поздно ночью можно попасть домой, или ѣдущіе на базаръ рискуютъ добраться туда такъ поздно, что у нихъ уже не купятъ въ этотъ день привезенныхъ ими продуктовъ. И за все это приходится еще платить арендатору переправы.

Такса за переправу утверждена администраціей; при утвержденіи таксы она тщательно разсматривалась, чтобы плата за перевозъ не была слишкомъ высока, при чемъ имѣлось въ виду не дать въ обиду проѣзжающихъ, не дать слишкомъ нажиться арендатору переправы или обществу, сдающему переправу въ аренду.

Однако, вообще, рѣдко что-либо хорошее достается дешево, и если бы спросить тѣхъ, кому часто приходится пользоваться допотопными переправами, можно съ увѣренностью

сказать, что они согласились-бы платить за переправу немного дороже, только-бы не испытывать теперешнихъ неудобствъ. Такія сѣтованія именно на дешевизну переправъ (при современномъ ихъ устройствѣ) случалось выслушивать неоднократно отъ самыхъ бѣдныхъ и потому, можетъ быть, больше другихъ страдающихъ на переправѣ людей.

Несмотря на сравнительно дешевую плату по таксѣ за переправу, общества получаютъ отъ арендаторовъ паромныхъ переправъ довольно порядочныя деньги, которыя поступаютъ въ такъ называемыя мірскія суммы, никого рѣшительно не устраивая и слабо поддаваясь контролю.

Нельзя, конечно, требовать отъ правительства, нельзя возлагать на земскія средства значительные расходы на постройку мостовъ черезъ рѣки вездѣ, гдѣ они нужны, но почему-бы не подойти къ осуществленію этой завѣтной мечты всѣхъ пользующихся нынѣшними неудобными переправами, наложивъ veto на собираемыя по таксѣ деньги за переправы. Таксу за переправы можно нѣсколько повысить, хотя бы до размѣра таксы, примѣнявшейся въ теченіе 30 лѣтъ на ходжентскомъ мосту черезъ Сыръ-Дарью, выстроенномъ и арендованномъ отставнымъ поручикомъ артиллеріи Флавицкимъ. Деньги-же, собираемыя за переправы, слѣдовало-бы изъять изъ распоряженія обществъ, во власти которыхъ нынѣ случайно очутились переправы, и обратить исключительно на улучшеніе самыхъ переправъ.

Накопивъ нѣкоторую сумму, вмѣсто каючной переправы можно было-бы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поставить самолеты на канатахъ, съ постоянными пристанями (такой самолетъ есть въ Ходжентѣ), а дальше можно было-бы подумать и о замѣнѣ нынѣшнихъ неудобныхъ переправъ постоянными мостами.

Такимъ образомъ переправы могли-бы сами себя улучшать и черезъ нѣкоторый промежутокъ времени мы, вмѣсто каючныхъ переправъ, обзавелись-бы мостами на счетъ тѣхъ лицъ, которымъ такъ много горя причиняютъ нынѣ допотопныя переправы черезъ наши рѣки.

Кромѣ того крайне необходимо было-бы дозволить постройку мостовъ всякому частному лицу, обществу или учрежденію съ правомъ взимать плату за переходъ по мосту по утвержденной таксѣ до тѣхъ поръ, пока сдѣланныя на постройку моста затраты не возвратятся предпринимателю и мостъ не перейдетъ въ собственность общества.

Когда постройка моста окупится, тогда придется оставить

небольшую плату за переходъ по мосту на содержаніе его въ исправности, потому что мы знаемъ случай разборки моста за отсутствіемъ средствъ на ремонтированіе его.

Дороговизны бояться нечего, надо дать просторъ частной иниціативѣ и добиться замѣны нынѣшнихъ скверныхъ переправъ желѣзными мостами; тогда только населеніе не будетъ испытывать затрудненій при передвиженіи по путямъ, перерѣзаннымъ рѣками.

Сбереженіе весенней воды.

Въ одномъ изъ отчетовъ переселенческаго управленія по ирригаціоннымъ работамъ въ переселенческомъ раіонѣ Ходжентскаго уѣзда*) было сдѣлано указаніе на запруду около Чиназа для сбереженія воды, непроизводительно спадающей въ Сыръ-Дарью изъ арыка Босу. Это указаніе заслуживаетъ большого вниманія, какъ едва ли не первый опытъ гидротехническихъ работъ, направленныхъ къ сбереженію воды и использованію такой „бросовой“ влаги для орошенія новыхъ площадей. Проектированную г. Елистратовымъ работу я считаю первою въ краѣ, потому что запруда, сдѣланная Н. К. Калмаковымъ около г. Туркестана, насколько мнѣ извѣстно, не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ.

Въ краѣ найдется не мало мѣстъ, гдѣ оросительная вода непроизводительно сбрасывается въ большія рѣки, а еще того больше мѣстъ, гдѣ съ помощью гидротехническихъ сооруженій вполнѣ возможно взять въ руки снѣговую и силевую воду и, вмѣсто стихійнаго разрушенія, обратить эту воду на плавное и своевременное орошеніе посѣвовъ.

Для Ходжентскаго уѣзда развитіе работъ по устройству запрудъ и шлюзовъ имѣетъ особенно важное значеніе, потому что территорія уѣзда имѣетъ общій уклонъ съ юга на сѣверъ и всѣ земли орошаются главнымъ образомъ горными рѣчками. Потоки эти въ своемъ натуральномъ видѣ весьма неудобны для орошенія и неприспособленность руслъ этихъ рѣчекъ доставляетъ не мало хлопотъ населенію, пользующемуся изъ изъ нихъ оросительной водой.

Каждая рѣчка много лѣтъ тому назадъ выбрала направленіе наименьшаго сопротивленія или наибольшаго уклона и по-

---

*) См. „Туркестанскія Вѣдомости“ за 1907 г. №№ 37 и 38.

степенно разрушила водой почву на своемъ пути. По теченію рѣчки образовался „сай“, или глубокій оврагъ, съ частью отвѣсными, частью пологими берегами. Снѣговыя воды, стекая въ рѣчку съ боковыхъ побережныхъ уваловъ, вырыли для себя сточныя русла въ видѣ овраговъ и размыли при этомъ не мало площадей, вполнѣ годныхъ для земледѣлія. Эта разрушительная работа воды въ значительной мѣрѣ сократила общую площадь земель, которыя могли-бы быть использованы подъ ирригаціонные или богарные посѣвы. Во многихъ мѣстахъ отвѣсныя осыпи по берегамъ овраговъ содержатъ въ себѣ мощный слой теперь никому ненужнаго леса.

Вода работала здѣсь такъ только потому, что за ней не смотрѣли, не парализовали вредное ея дѣйствіе Для этого у прежнихъ хозяевъ этой земли не было ни средствъ, ни надобности. Средствъ не было потому, что всѣ оросительныя работы стараго времени велись исключительно эмпирически во многихъ мѣстахъ наугадъ, вездѣ съ громадной излишней затратой подневольнаго труда населенія, которое славолюбивые правители высылали на работы тысячами, нисколько не заботясь о томъ, во что обходятся населенію ихъ грандіозныя, но недостаточно обоснованныя, гидротехническія сооруженія. Надобности не было потому, что населеніе было рѣдкое, потребности были слабо развиты и орошаемыхъ площадей было совершенно достаточно для земледѣлія того времени. Честь и слава, конечно, тѣмъ деспотамъ востока, которые сумѣли провести всѣ существующіе въ краѣ ирригаціонные каналы. Ихъ иниціатива и настойчивость заслуживаютъ и въ наше время восхищенія, но приходится все-таки пожалѣть, что первоначальные устроители оросительныхъ системъ не могли предотвратить вредныхъ послѣдствій проведенія воды простѣйшими способами.

Что не было сдѣлано раньше, необходимо постараться сдѣлать теперь, когда въ нашихъ рукахъ имѣются всѣ средства къ производству научно обоснованныхъ гидротехническихъ работъ и когда совершенно опредѣленно сказалась необходимость упорядоченія нашего воднаго хозяйства, чтобы не только не терпѣть далѣе вреда отъ стихійной разрушительной работы воды, но и воспользоваться каждой каплей влаги для орошенія.

Земли Ходжентскаго уѣзда—сплошь культурныя и годныя по климатическимъ условіямъ къ воздѣлыванію самыхъ цѣн-

ныхъ растеній. Цѣны на земли здѣсь очень высоки; такъ, напримѣръ, десятина земли въ прилегающей къ городу Ходженту Унджинской волости стоитъ 8000 рублей. Между тѣмъ развитіе культуры въ настоящее время ограничено крайне недостаточнымъ орошеніемъ.

Если-бы было достаточно воды, можно было-бы утроить площадь посѣвныхъ земель и годныя для культуры площади старицею вознаградили-бы произведенныя на оросительныя работы затраты.

Чтобы не быть голословнымъ и сдѣлать понятнымъ каждому мѣстную нужду въ оросительной водѣ, позволю себѣ привести наиболѣе убѣдительный примѣръ этого стѣсненнаго водопользованія.

Городъ Ходжентъ, Унджинская, Гулякандозская и Костакозская волости ведутъ интенсивное сельское хозяйство на земляхъ, орошаемыхъ водою рѣчки Ходжа-Бакырганъ-сай. Вполнѣ цѣлесообразно устроенными каналами, съ вододѣлителями въ видѣ такъ называемыхъ „кубуръ" (деревянныхъ желобовъ), вода берется изъ рѣчки и разводится на земли всѣхъ участвующихъ въ этой системѣ населенныхъ пунктовъ восточной части Ходжентскаго уѣзда.

Распредѣленіе воды, установленное вѣковымъ обычаемъ и исправленное трудами инженеровъ, въ этой мѣстности не оставляетъ желать лучшаго, но самое умѣлое распредѣленіе не въ состояніи увеличить недостаточнаго по количеству земель притока воды.

При самомъ тщательномъ дѣленіи оросительной воды по Ходжентскому раіону для поддержанія цѣнныхъ культуръ риса, хлопчатника, винограда, джугары *), клевера и плодовыхъ садовъ, земледѣльцамъ приходится испытывать всѣ неудобства неумолимой очереди водопользованія. Очередь водопользованія неудобна не только потому, что не всегда въ рукахъ хозяина есть оросительная вода,—съ этимъ еще можно было-бы мириться, толково чередуя дни пользованія водой, въ зависимости отъ нужды въ орошеніи. При водопользованіи поочереди ни подъ какимъ видомъ невозможно развивать культуру, расширять посѣвную площадь, а между тѣмъ, желаніе расширить культурную площадь присуще каждому хозяину, въ особенности,

*) Сахарное сорго.

если хозяйство, какъ здѣсь, достигло уже интенсивнаго состоянія и приноситъ значительныя выгоды.

Очередь водопользованія изъ рѣки Ходжа-Бакырганъ-сай установлена только для трехъ мѣсяцевъ въ году, но эти то три мѣсяца наиболѣе важны для сельскаго хозяйства. Съ 1 іюня по 1 марта слѣдующаго года вода изъ рѣчки разбирается всѣми желающими безъ всякой очереди, а съ 1 марта наступаетъ очередное водопользованіе на слѣдующихъ основаніяхъ: съ 1 по 14 марта вода дается городу Ходженту и Унджинской волости; съ 15 по 31 марта—Гулякандозской и Костакозской волостямъ; далѣе снова очередь Ходжента и Унджинской волости—съ 1 по 10 апрѣля, и двухъ другихъ волостей съ 10 по 30 апрѣля; въ маѣ Ходжентъ и Унджинская волость имѣютъ воду съ 1 по 8 и съ 22 по 31 число, а съ 9 по 22 мая водой пользуются Гулякандозская и Костакозская волости. Такимъ образомъ изъ трехмѣсячнаго лѣтняго періода 40 дней водопользованія принадлежатъ городу Ходженту и Унджинской волости и 50 дней Гулякандозской и Костакозской волостямъ.

При соблюденіи этой основной очереди, вода дѣлится между отдѣльными селеніями, а въ селеніяхъ—между отдѣльными хозяевами. Дѣленіе производится съ педантическою аккуратностью потому что только вода и даетъ цѣну землѣ.

Для нуждъ русской части города Ходжента, ежедневно, безъ всякой очереди, дается три „тигирмана“ *) воды на поливку садовъ и улицъ. Излишки воды отъ очередного пользованія, если они оказываются въ обильные влагой года, арыкъ-аксакалъ распредѣляетъ по мѣрѣ необходимости. Въ безводные дни въ маѣ мѣсяцѣ 1906 года болѣе другихъ жаловались на недостатокъ воды жители селеній Руманъ и Пули чукуръ, расположенныхъ невдалекѣ отъ города Ходжента, и ихъ требованія, по мѣрѣ возможности, удовлетворялись.

Такимъ образомъ, Ходжентскій раіонъ испытываетъ весьма существенныя затрудненія изъ-за недостатка воды и мѣстные жители не только не могутъ думать о расширеніи посѣвной площади, но должны постоянно опасаться и за воздѣланные участки, какъ-бы не засушить посѣвовъ.

Между тѣмъ, многоводная горная ~~рѣчка~~ Ходжа-Бакырганъ-сай, берущая начало изъ отроговъ окаймляющаго уѣздъ съ

*) Обычная мѣра воды, равная струѣ, способной привести въ движеніе туземную мельницу мутовку.

юга Туркестанскаго хребта, несетъ свои мутныя воды по громадному оврагу, вырытому въ сплошномъ пластѣ конгломерата, прикрытаго толстымъ слоемъ леса. Такъ какъ, кромѣ ключей, питающихъ рѣчку въ верховьяхъ, въ нее подаютъ воду и ледники, и горные снѣга, и весенніе дожди, то она служитъ стокомъ и для силевыхъ водъ, для паводковъ.

Ежегодно весною начинается дружное таяніе снѣга и по Ходжа-Бакырганъ-саю валомъ идетъ мутная вода, уносящая съ собою массу смытаго съ горъ леса, обломки деревянныхъ сучьевъ, корни и стебли отмытыхъ отъ почвы растеній. При выходѣ изъ узкихъ горныхъ ущелій, рѣчка на своемъ пути встрѣчаетъ слабыя гидравлическія сооруженія, сдѣланныя руками мѣстныхъ земледѣльцевъ, и бурному потоку ничего не стоитъ мигомъ покончить съ этими незначительными преградами.

Рѣчка несутъ съ собою камни, которыми засоряетъ приготовленныя для посѣва площади, рветъ примитивно построенныя головы арыковъ, въ щепки разноситъ кое-гдѣ перекинутые мосты. Разрушая все на пути и ничего не созидая, силевой водяной валъ катится по рѣчкѣ, въ большую рѣку Сыръ-Дарью, гдѣ въ это время тоже очень много воды.

Вода въ это время никому не нужна, и всякій опасается обилія воды въ силевомъ потокѣ, чтобы не пострадали отъ ея дикаго разгула площади, съ большимъ трудомъ приготовленныя для посѣвовъ. А пройдетъ мѣсяцъ-другой, и та же безъ пользы прошедшая мимо полей вода становится нужной для земледѣльца, ее начинаютъ цѣнить на вѣсъ золота, стараясь использовать каждую ея каплю. Благоразумно-ли такъ систематически растрачивать водныя богатства, такъ легкомысленно подрывать свое благосостояніе?

Запасъ воды въ нашихъ горныхъ рѣчкахъ составляетъ необходимый во всякомъ предпріятіи неприкосновенный фондъ, запасный капиталъ, которымъ можно воспользоваться въ минуту скудости. Необходимо только твердо увѣриться въ томъ, что мы не вправѣ равнодушно наблюдать ежегодно происходящее явленіе природы и не воспользоваться имъ для цѣлей сельскаго хозяйства.

Наши земледѣльцы, мѣстные жители, отлично понимаютъ, что хорошо было-бы воспользоваться для орошенія безполезно протекающей водой, но у нихъ руки коротки: они не обладаютъ ни знаніями, ни средствами. Кромѣ того, народъ, какъ цѣлое, не

способенъ сговориться, чтобы сообща приняться за грандіозное предпріятіе, требующее большихъ затратъ.

Казалось-бы, живя у рѣки, какъ мы, въ Ходжентскомъ раіонѣ, легко поставить на рѣкѣ турбину и вывести извѣстное количество воды для орошенія пустующихъ нынѣ, но вполнѣ пригодныхъ для культуры земель. Однако, сдѣланное въ 1903 году агрономомъ Б. М. Шахъ-Назаровымъ предложеніе до сихъ поръ не осуществлено: не находится желающихъ затратить нѣкоторую сумму для оборудованія машинъ. Нѣтъ примѣра, который, безъ всякихъ объясненій, своей очевидной прибыльностью увлекъ-бы нашихъ скептиковъ-туземцевъ, очень трудно свыкающихся со всякимъ нововведеніемъ, больше жизни дорожащихъ дѣдовскимъ обычаемъ, который они называютъ „раемъ“ или „тааму́ль“.

Нашимъ инженерамъ-гидравликамъ необходимо возможно скорѣе обратить вниманіе на сбереженіе и использованіе значительнаго количества воды, нынѣ безполезно увеличивающей собою большія рѣки, а по пути къ нимъ приносящей населенію только одни убытки. Въ рукахъ инженеровъ имѣются точныя научныя данныя, для инженерной науки нѣтъ непреодолимыхъ преградъ, а необходимыя денежныя средства могутъ быть найдены тѣмъ или другимъ путемъ. Стоитъ только сберечь извѣстное количество воды въ то время, когда она никому не нужна, когда она не въ цѣнѣ, и ее можно потомъ продать, какъ всякій товаръ, въ то время, когда цѣна на воду значительно возрастетъ.

Нельзя не пожелать, чтобы знатоки воднаго дѣла примѣнили свои знанія въ Ходжентскомъ уѣздѣ, гдѣ и вода, и земля дороги, гдѣ при интенсивной культурѣ можно быстро окупить даже значительныя затраты на ирригаціонныя сооруженія. Ходжентскій уѣздъ представляетъ обширное поле для нововведеній въ ирригаціонномъ дѣлѣ, а мѣстное населеніе ждетъ только почина со стороны представителей русской науки, чтобы заняться, какъ слѣдуетъ, улучшеніемъ своего орошенія *).

---

*) Со времени написанія этой статьи прошло всего 8 лѣтъ, а теперь уже существуетъ въ Ходжентскомъ уѣздѣ нѣсколько оросительныхъ предпріятій по добычѣ машинами воды изъ р. Сыръ-Дарьи. Починъ въ этомъ полезномъ дѣлѣ принадлежитъ инженеръ-технологу А. А. Рудинскому, оросившему насосами 500 дес. въ ур. Сары-Тугай, въ 8 в. отъ Ходжента.

Мертвый городъ.

Ходженту не повезло при проведенiи мимо него Средне-Азiатской желѣзной дороги, но ему еще болѣе не повезло раньше при разбивкѣ и основанiи русской части городского поселенiя.

Послѣ взятiя Ходжента русскими войсками, завоеватели выбрали для основанiя русскаго города прирѣчную полосу на лѣвомъ берегу рѣки Сыръ-Дарьи и воспользовались готовою кокандскою крѣпостью, какъ опорнымъ пунктомъ для охраны города съ сѣвера. Широкая рѣка и красивое мѣстоположенiе играли, вѣроятно, не послѣднюю роль въ выборѣ мѣста, а между тѣмъ русская часть города сразу осуждена была на тѣсноту, такъ какъ занятая ею площадь ограничена теченiемъ рѣки съ одной и туземнымъ городомъ съ другой стороны.

На первыхъ порахъ тѣснота не была особенно замѣтна главнымъ образомъ потому, что желающихъ поселиться надолго во вновь завоеваннномъ городѣ было немного, а для казенныхъ зданiй мѣста было вдоволь. Построили казенныя зданiя, роздали небольшiя (около 100 кв. с.) мѣста отставнымъ солдатамъ для постройки домовъ и первая насущная потребность горожанъ была удовлетворена.

Вскорѣ, однако, оказалось, что обычный уровень воды въ рѣкѣ является весьма непостояннымъ, вслѣдствiе чего въ половодье расположенные на набережной дворы заливались, а во всѣхъ дворахъ выступала близко къ поверхности стоящая подпочвенная вода и открывались новые родники подъ полами обывательскихъ квартиръ. Неожиданно обнаружившееся неудобство скоро заставило подумать о переносѣ расположенныхъ на берегу зданiй въ болѣе возвышенныя мѣста, что вызвало не мало хлопотъ.

Покинула казармы стоявшая въ Ходжентѣ 3-я батарея туркестанской артиллерiйской бригады, перенесли повыше зданiя военнаго лазарета и только домъ, отведенный подъ квартиру начальника уѣзда, довольно долго оставался на берегу рѣки, какъ будто выжидая, когда-же, наконецъ, его размоетъ окончательно. Въ концѣ концовъ домъ уѣзднаго начальника былъ размытъ и пришлось перенести его въ середину города, подальше отъ рѣки.

Мѣста въ серединѣ города было такъ мало, что пришлось

занять единственную свободную площадку, гдѣ теперь довольно тѣсно расположены зданіе канцеляріи уѣзднаго начальника, его квартира и скверъ. Зданія построены прекрасныя, просторныя, свѣтлыя съ хорошо расположенными большими комнатами.

Войсковыя зданія тоже весьма тѣсно расположились внутри крѣпости; здѣсь-же до 1904 года расположено было въ очень старомъ домѣ и уѣздное казначейство. Ни одного выдающагося по архитектурѣ зданія въ крѣпости нѣтъ и многія значительно обветшали, какъ, напр., тѣсный лабиринтъ зданій, занятыхъ нынѣ тюрьмой. Тюрьма занимаетъ особый дворъ, но удивительно, какъ до сихъ поръ не признали еще совершенно неподходящими всѣ постройки этого мѣста заключенія. Камеры тѣсны, стѣны вывѣтрились, а про квартиру начальника тюрьмы и говорить нечего,—она находится гдѣ-то въ самомъ дальнемъ углу двора и только крайняя нужда можетъ заставить ютиться съ семьей въ двухъ маленькихъ комнаткахъ безъ свѣта и безъ воздуха.

Итакъ, въ русской части Ходжента почти нѣтъ хорошихъ домовъ, а горожане-домохозяева лишены возможности сколько-нибудь улучшить и расширить свои дома за недостаткомъ мѣста; большинство только въ крайности подмазываетъ свои мазанки, дѣлая въ нихъ такъ называемый мелкій ремонтъ.

Городъ не въ состояніи прійти на помощь обывателямъ, потому что свободныхъ городскихъ земель въ раіонѣ русской части города нѣтъ совсѣмъ, а значительная часть русскаго квартала занята старинными мусульманскими кладбищами.

Подъ кладбищами пропадаетъ даромъ большая площадь, но, конечно, воспользоваться ею для расширенія города невозможно: и безъ того во дворахъ многихъ нынѣ существующихъ домовъ то и дѣло находятъ кости, указывающія на прежде бывшія здѣсь могилы.

Если сопоставить кладбищенское происхожденіе территоріи русскаго города съ постоянно колеблющимся уровнемъ подпочвенныхъ водъ и массой родниковъ, станетъ понятно, сколь опасна въ санитарномъ отношеніи занятая городомъ площадь.

Мертвымъ приходится считать русскій Ходжентъ потому, что онъ дальше развиваться не можетъ. Не имѣетъ будущаго русская часть города, пока она будетъ находиться между рѣкой и туземнымъ городамъ, во много разъ превосходящимъ ее и по территоріи, и по значенію, и по количеству населенія.

Всякому, кто побывалъ въ Ходжентѣ, невольно приходитъ

на мысль, что во всѣхъ отношеніяхъ было-бы удобно и выгодно перенести русскую часть города на другое мѣсто и сдѣлать это, какъ можно скорѣе, чтобы дать возможность русскимъ людямъ образовать поселеніе, способное къ развитію въ хорошихъ санитарныхъ условіяхъ и обезпеченное отъ разливовъ рѣки.

Мѣсто новаго города опредѣляется само собою положеніемъ желѣзно-дорожной станціи, гдѣ уже положено начало русскаго поселенія въ видѣ станціоннаго городка, красиво-разбитаго, умѣло засаженнаго деревьями и кустарниками съ отличнымъ проточнымъ прудомъ. Здѣсь, бокъ-о-бокъ со службами желѣзно-дорожной станціи, слѣдовало-бы расположить и русскую часть города, перенеся сюда необходимыя зданія изъ стараго, неудобнаго во всѣхъ отношеніяхъ русскаго квартала.

Близость желѣзной дороги, сухое ровное на галечной подпочвѣ мѣсто и необъятный просторъ для разбивки города,— вотъ неоспоримыя преимущества предлагаемаго мѣста. Построенный близъ вокзала городъ въ санитарномъ отношеніи не имѣлъ-бы себѣ равнаго въ Туркестанскомъ краѣ, потому что твердый грунтъ дѣлаетъ загрязненіе почвы невозможнымъ, а сравнительная трудность разведенія здѣсь деревьевъ надолго обезпечила бы новый городъ отъ чрезмѣрной тѣни, такъ много вредящей здоровью горожанъ Ташкента.

Могутъ возразить, что переносъ города—дѣло нелегкое, и главнымъ образомъ сошлются на убытки отъ переноса казенныхъ зданій. Въ данномъ случаѣ возраженіе это не особенно сильно, потому что хорошихъ, вполнѣ исправныхъ зданій въ городѣ, въ сущности, только два, а эти зданія съ пользой могутъ быть отведены подъ помѣщеніе лечебныхъ заведеній туземнаго города, ютящихся нынѣ въ плохихъ квартирахъ; что-же касается расхода на переносъ зданій, то расходы эти съ лихвой пополнились-бы продажей туземцамъ городскихъ участковъ изъ-подъ переносимыхъ на новое мѣсто построекъ и самихъ зданій.

Туземцы Ходжента тоже стѣснены въ густо населенной части города и, не будучи особенно требовательны, охотно раскупятъ земли, отдѣляющія ихъ отъ рѣки. Такимъ образомъ, и въ денежномъ отношеніи переносъ Ходжента къ вокзалу не можетъ вызвать серьезныхъ затрудненій.

Народный судъ и самоуправленіе.

Казіи.

(Народные судьи осѣдлаго населенія Туркестана).

Со времени присоединенія къ Россіи обширной территоріи Туркестанскаго края протекло достаточно времени для того, чтобы русская гражданственность, гуманныя стремленія правительства и самая жизнь русскихъ людей бокъ-о-бокъ съ туземцами-аборигенами края оказали на мѣстное туземное населеніе вліяніе сильное и замѣтное. Все въ Туркестанѣ перемѣнилось со времени его завоеванія; не избѣжалъ общей участи и народный судъ нашихъ туземцевъ, но для него еще не наступило время коренныхъ реформъ и потому намъ кажется не безполезнымъ изложить тѣ свѣдѣнія о народномъ судѣ, какія намъ удалось собрать за нѣсколько лѣтъ жизни въ Старомъ Ташкентѣ, въ непосредственномъ соприкосновеніи съ туземцами и ихъ народными судьями. Собранныя свѣдѣнія неполны и отрывочны, юристъ по спеціальности можетъ найти нѣкоторыя стороны обстановки народнаго суда недостаточно выясненными или неправильно освѣщенными, но и предлагаемыя читателю свѣдѣнія помогутъ всякому интересующемуся этимъ вопросомъ выяснить значеніе народнаго суда для туземцевъ и познакомиться съ туземнымъ правосудіемъ. Русской администраціи, русской прокуратурѣ такъ мало приходится сталкиваться съ дѣятельностью народныхъ судей, что многіе, самые важные вопросы въ этой области народной жизни заслоняются другими явленіями, не имѣющими прямой связи съ отправленіемъ правосудія; между тѣмъ, сфера дѣятельности народнаго суда настолько обширна, что подробное, всестороннее изученіе ея является дѣломъ первостепенной важности.

Какъ сказано выше, всѣ собранныя въ предлагаемомъ очеркѣ свѣдѣнія относятся къ туземной части города Ташкента, гдѣ, рядомъ съ значительно меньшимъ по числу населенія рус-

скимъ центромъ Туркестана, живетъ 125-ти тысячное туземное населеніе, состоящее исключительно изъ сартовъ; несмотря на это, весьма многія стороны обстановки народнаго суда могутъ быть признаны типичными и вообще для народнаго суда осѣдлаго населенія въ другихъ мѣстностяхъ Туркестана. Законы о народномъ судѣ одни и тѣ-же, прошлое суда и основы мусульманскаго права общи для всѣхъ народныхъ судовъ, а потому, основываясь на данныхъ для Ташкента, можно, не рискуя впасть въ грубую ошибку, судить и о прочихъ судахъ осѣдлаго населенія.

Существующій въ настоящее время у осѣдлыхъ туземцевъ Туркестана народный судъ смѣнилъ существовавшій ранѣе при мусульманскомъ владычествѣ судъ казіевъ. Гуманныя стремленія завоевателей повлекли за собою съ одной стороны ограниченіе компетенціи прежняго суда казіевъ, при чемъ болѣе важныя преступленія были подчинены юрисдикціи общихъ судебныхъ установленій, а съ другой — совершенную отмѣну тѣлесныхъ наказаній, отсѣченія рукъ и ногъ, наконецъ, смертной казни по приговору казіевъ.

Во времена мусульманскаго владычества въ рукахъ казія, какъ представителя правосудія, находилось право жизни и смерти надъ каждымъ изъ подданныхъ мусульманскаго государя; поэтому только достойные люди могли имѣть нравственное и законное право занять отвѣтственную должность казія, а мусульманскій правитель той, или другой области, задолго до назначенія кого-либо на должность казія, тщательно знакомился съ личностью предположеннаго кандидата, чтобы выяснить, соотвѣтствуетъ-ли онъ всѣмъ требованіямъ.

По мнѣнію мусульманскихъ законовѣдовъ, казіемъ можетъ быть всякій, кто свободенъ, здоровъ, совершеннолѣтенъ, исповѣдуетъ исламъ и въ своемъ прошломъ не имѣетъ позорящихъ человѣка проступковъ, напр., не былъ обвиненъ въ клеветѣ. Само собою разумѣется, что въ государствѣ было очень много лицъ, удовлетворявшихъ всѣмъ этимъ условіямъ, а потому правитель долженъ былъ приложить не мало старанія, чтобы изъ лицъ, правоспособныхъ по закону, избрать на должность судьи человѣка, наиболѣе заслуживающаго довѣрія и способнаго къ исполненію сложныхъ обязанностей блюстителя правосудія.

Хотя шаріатъ и допускаетъ, въ случаѣ необходимости, назначеніе на должность казія лицъ, не свѣдущихъ въ шаріатѣ,

такъ какъ казій можетъ постановить справедливое рѣшеніе и на основаніи мнѣнія другихъ, свѣдущихъ лицъ, но, на практикѣ, выборъ въ большинствѣ случаевъ падалъ на одного изъ мѣстныхъ знатоковъ шаріата, заслужившаго во мнѣніи своихъ сосгражданъ популярность своею ученостью, при всѣхъ другихъ необходимыхъ казію достоинствахъ.

Зрѣло обдумавъ и посовѣтовавшись съ высшими представителями духовной и свѣтской власти, правитель, наконецъ, останавливалъ свой выборъ на одномъ изъ кандидатовъ и предлагалъ ему занять должность казія.

Шаріатъ положительно запрещаетъ кому бы то ни было добиваться назначенія на должность казія; одно желаніе достичь этой высокой степени власти уже является, по мнѣнію мусульманскихъ законовѣдовъ, преступленіемъ. Самые строгіе изъ толкователей шаріата находятъ даже, что непристойно принимать на себя и по назначенію исполненіе обязанностей казія, если избранный соглашается принять должность добровольно, безъ принужденія. Въ данномъ случаѣ, главнымъ доводомъ служатъ слова Мухаммада, который сказалъ: „кто назначается казіемъ, терпитъ такое-же мученіе, какъ и животное, горло котораго рѣжется тупымъ, а не острымъ ножемъ“. Въ виду этого правила, наиболѣе популярный среди туземцевъ Туркестанскаго края законовѣдъ Имамъ-Акзамъ, или Абу-Ханифа, основатель правовѣрной секты ханифитовъ суннитскаго толка, когда ему предложили занять должность казія, долго отказывался, говоря: „я лучше готовъ переплыть море“; за это Имамъ-Акзамъ, по приказанію Гарунъ-ар-Рашида, былъ наказанъ 90 ударами и умеръ въ тюрьмѣ.

Понятно, что при строгомъ выборѣ кандидатовъ назначенный на должность казія пріобрѣталъ на глазахъ народа большое значеніе, являлся въ полномъ смыслѣ слова высшимъ представителемъ правосудія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи всецѣло обязанъ правителю высокой честью, которой онъ удостоился, вновь назначенный казій становился первымъ и усерднымъ слугой главы государства, направляя всѣ свои усилія къ тому, чтобы оправдать на дѣлѣ оказанное ему высокое довѣріе, и стараясь въ своихъ рѣшеніяхъ руководствоваться исключительно указаніями шаріата. Дѣятельность казія распространялась по преимуществу на разрѣшеніе разнаго рода денежныхъ и имущественныхъ споровъ между тяжущимися: къ повседневной жизни гражданъ казій имѣлъ мало отношенія, охраненіе же

общественной тишины и спокойствія, а также надзоръ за нравственностью народа и строгимъ исполненіемъ обязанностей религіозныхъ были возложены на другихъ должностныхъ лицъ (раиса, мухтасиба).

Роль казія въ судебномъ процессѣ, въ сущности, сводилась къ исполненію обязанностей посредника, такъ какъ стороны, приходя на судъ, запасались такъ называемыми „риваятами", или справками изъ книгъ шаріата, составленными мѣстными знатоками мусульманскаго кодекса. Каждый изъ тяжущихся старался поручить составленіе риваята для себя лучшему законовѣду и тотъ, кто брался за это дѣло, прилагалъ всѣ свои старанія, чтобы извлечь изъ юридическихъ трактатовъ и толкованій побольше самыхъ убѣдительныхъ цитатъ, доказывающихъ правоту кліента, имѣвшаго представить риваятъ казію. Противная сторона также точно заботилась о возможно большей убѣдительности своего риваята и такимъ образомъ передъ судомъ казія выступали тяжущіеся съ самыми подробными справками изъ закона. Казій обязанъ былъ предложить представленные ему риваяты на обсужденіе состоявшихъ при немъ „аалямовъ" (совѣтниковъ) и, выслушавъ ихъ мнѣнія, а также ознакомившись съ объясненіями тяжущихся и представленными документами, казій постановлялъ рѣшеніе на основаніи внутренняго своего убѣжденія.

Рѣшеніе казія было окончательнымъ, никакой высшей судебной инстанціи не существовало, но за то каждый, испытавшій на себѣ несправедливость казія, могъ найти себѣ защиту предъ лицомъ представителя административной власти—бека или хана.

Иногда несправедливость или судебная ошибка казія влекла за собой пересмотръ дѣла въ присутствіи бека при участіи мѣстныхъ законовѣдовъ, въ болѣе же важныхъ случаяхъ и при обнаруженіи со стороны казія пристрастія или корысти, неправосудіе вызывало немедленную смѣну казія или даже изгнаніе его съ конфискаціею его имущества.

Несмотря на осторожность при назначеніи, несмотря на страхъ кары за неправый судъ, казіи, конечно, и при мусульманскомъ режимѣ не были безупречны. Человѣческія слабости, присущія и этимъ стражамъ законности, оказывали свое вѣчное и неизмѣнное вліяніе на рѣшенія казіевъ, но во всякомъ случаѣ можно было поручиться за преданность такихъ казіевъ тому правительству, волею котораго они были поставлены судить народъ. Въ такомъ положеніи застало народный судъ присоединеніе Туркестана къ Россіи.

Русскій законъ предоставилъ туземцамъ выбирать себѣ народныхъ судей по своему усмотрѣнію, ограничивъ это право лишь требованіемъ, чтобы въ народные судьи избирались „жители волости, пользующіеся уваженіемъ и довѣріемъ народа, не подвергавшіеся по приговору суда наказаніямъ, превышающимъ семидневный арестъ или денежное взысканіе въ тридцать рублей, не состоящіе подъ слѣдствіемъ и судомъ и имѣющіе не менѣе двадцати пяти лѣтъ отъ роду“ *). Эти ограниченія настолько незначителны, что лицъ, удовлетворяющихъ указаннымъ въ законѣ для избранія въ народные судьи требованіямъ, весьма много: каждый не опороченный по суду туземецъ можетъ добиваться чести быть избраннымъ. Съ одной стороны, конечно, полная свобода въ выборѣ народныхъ судей желательна, потому что, выбирая изъ большого числа претендентовъ на должность, можно сдѣлать болѣе удачный выборъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, если-бы число кандидатовъ было ограничено, но съ другой стороны, отсутствіе какого-бы то ни было образовательнаго ценза не можетъ не отразиться неблагопріятно на общемъ составѣ представителей правосудія.

Со времени введенія въ дѣйствіе „Положенія объ управленіи Туркестанскаго края“ дважды принимались мѣры, направленныя къ улучшенію состава должностныхъ лицъ туземной администраціи, но въ обоихъ случаяхъ вниманіе высшей въ краѣ власти было обращено лишь на развитіе въ средѣ должностныхъ лицъ стремленія къ изученію русскаго языка.

Въ концѣ 1891 года бывшій Туркестанскій генералъ-губернаторъ, баронъ Вревскій, въ циркулярѣ своемъ на имя военныхъ губернаторовъ областей края, между прочимъ, писалъ: „Предполагать и надѣяться, что жители Туркестанскаго края сами сознаютъ пользу и восчувствуютъ удовольствіе отъ изученія русскаго языка, отъ тѣхъ знаній, которыя сообщаются въ русско-туземныхъ школахъ, значило-бы оставлять дѣло въ обычной косности, надолго задерживать обрусѣніе или духовное общеніе средне-азіатской окраины съ русскою народностью, и тѣмъ самымъ затруднять сліяніе этой окраины съ имперіей. Съ другой стороны, привлеченіе туземныхъ дѣтей въ школу только черезъ посредство волостныхъ управителей и аксакаловъ не приводитъ къ желательной цѣли: дѣти, приступая къ ученію не по желанію родителей или родственниковъ, а по

*) Ст. 223 Положенія объ управленіи Туркестанскаго края (Св. Зак. т. II изд. 1892 г.).

внѣшнему побужденію, учатся неохотно, подневольно и безуспѣшно. Способъ этотъ не соотвѣтствуетъ достоинству русской школы и русскаго правительства".

„Настало время поставить дѣло такъ, чтобы въ русской и только въ русской школѣ туземцы видѣли носительницу и насадительницу знаній, необходимыхъ для всякаго рода общественной службы и дѣятельности, чтобы знали о неприложимости къ настоящему государственному и общественному строю ихъ быта тѣхъ ученій, которыя выносятся изъ мадраса и мактаба, Бытъ этотъ самъ собою, силою неотразимыхъ обстоятельствъ, предъявляетъ требованія на такія знанія и умѣнія, которыхъ не даютъ и не могутъ дать школы мусульманскія. А туземцы, какъ и всѣ простые люди, прежде и больше всего интересуются утилитарной стороной книжнаго ученья, его приложимостью къ практическимъ цѣлямъ".

„Мѣстные мусульмане, знающіе русскій языкъ, могутъ и должны пользоваться имъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, не только при отправленіи обязанностей казіевъ, біевъ, волостныхъ управителей, аксакаловъ и состоящихъ при сихъ лицахъ мирзъ, а также сельскихъ старшинъ, всѣхъ полицейскихъ служителей въ русскихъ частяхъ каждаго города и, по крайней мѣрѣ, старшихъ въ частяхъ туземныхъ, не только при этихъ обязанностяхъ, но и при другихъ разнообразныхъ службахъ и занятіяхъ въ областяхъ, правленіяхъ, судахъ, казначействахъ, банкахъ, почтовыхъ конторахъ, при работахъ по садоводству и особенно по ирригаціи. Для подготовки къ послѣднимъ занятіямъ ученикамъ русско-туземныхъ школъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, слѣдуетъ сообщать главнѣшія свѣдѣнія и умѣнія, необходимыя для выполненія культуныхъ работъ и для правильнаго наблюденія за ними".

Въ виду этихъ соображеній баронъ Вревскій просилъ военныхъ губернаторовъ „неотложно принять настоятельныя мѣры къ тому, чтобы отнынѣ туземцы, знающіе русскій языкъ, избирались и назначались на указанныя и другія должности и службы предпочтительно предъ незнающими его и чтобы сущность настоящаго распоряженія возможно чаще была оповѣщаема и уясняема населенію края".

Приведеннымъ распоряженіемъ русско-туземнымъ школамъ придавалось значеніе разсадника будущихъ должностныхъ лицъ туземной администраціи, въ томъ числѣ и народныхъ судей, но, въ дѣйствительности, считать эти заведенія достаточ-

нымъ для подготовки будущихъ служащихъ совершенно невозможно. Русско-туземныя школы посѣщаются дѣтьми туземцевъ неохотно и даже самые усердные ученики русско-туземныхъ школъ, не имѣя дома никакой практики въ разговорной рѣчи, быстро забываютъ и то немногое, что они выносятъ изъ школы по части знанія русскаго языка. А между тѣмъ, большинство туземныхъ мальчиковъ вступаютъ въ русско-туземную школу въ возрастѣ 8—10 лѣтъ и, окончивъ полный курсъ школы, покидаютъ заведеніе 14—16 лѣтъ. Знанія большинства юношей, съ успѣхомъ окончившихъ курсъ русско-туземной школы, крайне слабы; сартъ-торговецъ считаетъ достаточнымъ, если сынъ его, по окончаніи школы, оказывается въ состояніи написать по-русски адресъ на письмѣ или несложную торговую телеграмму, но дальше этого развитіе мальчика въ желательномъ для насъ направленіи не идетъ, а отъ этого еще очень далеко до той суммы знаній, которую можно было бы считать достаточною для будущаго общественнаго дѣятеля на томъ или другомъ поприщѣ. Къ тому же знанія очень легко испаряются изъ памяти юноши, возвращающагося по окончаніи школы въ свою семью и приступающаго къ обычнымъ занятіямъ среди своихъ соплеменниковъ, гдѣ ему цѣлые годы не придется услышать ни одного русскаго слова. Наиболѣе просвѣщенные туземцы отлично понимаютъ, что дѣти ихъ безъ практики позабудутъ русскую грамоту и всѣми силами стараются пристроить своихъ сыновей куда-нибудь въ такое правительственное, или общественное учрежденіе, гдѣ мальчикъ могъ бы заниматься письмомъ по-русски. Къ сожалѣнію, свободныхъ мѣстъ въ канцеляріяхъ такъ мало, а каллиграфическія познанія бывшихъ питомцевъ русско-туземныхъ школъ такъ ничтожны, что весьма немногіе изъ нихъ устраиваются на мѣста.

Приведенное выше распоряженіе главнаго начальника края дѣйствуетъ болѣе 20-ти лѣтъ, а между тѣмъ, до сихъ поръ въ составѣ должностныхъ лицъ туземной администраціи сравнительно немного знающихъ русскій языкъ; между казіями нѣтъ ни одного кончившаго русско-туземную школу, а среди народныхъ судей можно указать, кажется, только одного народнаго судью гор. Черняева, губернскаго секретаря Саттархана Абдулгафарова, который, дѣйствительно, хорошо владѣетъ русскимъ языкомъ, но въ русско-туземной школѣ не учился.

Несмотря на ясно выраженное въ помянутомъ циркулярѣ

распоряженіе о предпочтительномъ назначеніи на должности лицъ, знающихъ по-русски, уѣзднымъ начальникамъ на практикѣ почти не приходится пользоваться правомъ выбора должностныхъ лицъ и отдавать предпочтеніе знающимъ русскій языкъ. Законъ вполнѣ предоставляетъ населенію право избранія должностныхъ лицъ и, если нѣтъ никакихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, вызывающихъ назначеніе старшины или народнаго судьи безъ выборовъ, по личному усмотрѣнію начальства, то населеніе должно избрать двухъ кандидатовъ на должность народнаго судьи, а губернатору предоставлено право утвердить одного изъ кандидатовъ. Такимъ образомъ, избраніе начальства ограничено тѣми двумя лицами, которыя выбраны населеніемъ. Само населеніе, въ большинствѣ не понимающее ни слова по-русски, естественно недовѣрчиво относится къ своимъ должностнымъ лицамъ, если они бойко говорятъ по-русски. Это недовѣріе объясняется тѣмъ, что присутствующіе при разговорѣ такого должностного лица съ начальникомъ не понимаютъ ихъ разговора, а потому и предполагаютъ всегда, что должностное лицо, изъ угожденія начальнику, говоритъ неправду во вредъ своимъ единовѣрцамъ. Такое недовѣріе свойственно всѣмъ туземцамъ потому, что между ними, дѣйствительно, не мало лицъ, способныхъ воспользоваться во вредъ другимъ своимъ положеніемъ посредниковъ между населеніемъ и русскимъ начальствомъ.

Въ большинствѣ случаевъ туземецъ входитъ въ близкія сношенія съ русскими и добивается входа въ домъ начальника только изъ разсчета, когда думаетъ извлечь какую-нибудь выгоду для себя и, нечего грѣха таить, широко пользуется своимъ положеніемъ. Русскіе люди по природѣ довѣрчивы, не многимъ приходится познакомиться хотя бы съ основными положеніями мусульманской религіи, а тѣмъ болѣе съ безчисленными толкованіями на тексты Корана, которыми руководятся мусульмане въ своихъ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ. Благодаря этому, большинство русскихъ людей въ приходящихъ къ нимъ сартахъ видятъ лишь добрыхъ знакомыхъ, совершенно безкорыстно преданныхъ своимъ русскимъ пріятелямъ. Дйствительно, сартъ, ищущій почему-либо сближенія съ русскимъ, отъ котораго надѣется рано или поздно получить какую-либо выгоду, прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы увѣрить своего новаго знакомаго въ искренней и совершенно безкорыстной привязанности. Знакомство завязывается случайно, или ранѣе знакомый въ домѣ

сартъ приводитъ другого, рекомендуя его своимъ русскимъ друзьямъ своимъ братомъ или родственникомъ. Новый знакомый время отъ времени заходитъ навѣстить семейство русскаго знакомаго, самъ вызывается исполнить небольшія порученія по покупкѣ въ туземномъ городѣ необходимыхъ въ хозяйствѣ продуктовъ или матерій, которыя въ сартовскихъ лавкахъ дешевле и т. п. Долголѣтнее знакомство устанавливаетъ въ отношеніяхъ извѣстную короткость и ловкій туземецъ становится своимъ, котораго въ домѣ перестаютъ стѣсняться. Само собою разумѣется, что сближенію съ русскимъ въ значительной степени помогаетъ хотя бы поверхностное знаніе русскаго языка. Наконецъ, установились добрыя отношенія, основанныя на взаимномъ довѣріи, и сартъ почувствовалъ подъ собой почву. Тогда новый знакомецъ начинаетъ осторожно и умѣло извлекать изъ своего знакомства выгоды. Прежде всего подробными разспросами изучается положеніе русскаго пріятеля въ обществѣ, его отношенія къ тому или другому лицу, нужному туземцамъ, а тамъ ужъ не далеко и до почтительныхъ просьбъ замолвить словечко кому-либо изъ сравнительно высокопоставленныхъ лицъ по дѣлу, имѣющему отношеніе къ освоившемуся въ домѣ туземцу. Просьбы эти такъ рѣдки, такъ почтительны, что довѣрчивому ходатаю и въ голову на придетъ, что онъ становится послушнымъ орудіемъ въ рукахъ туземца, а этотъ послѣдній эксплоатируетъ свою пріязнь не только для себя, но и для своихъ близкихъ-туземцевъ. Иногда не о чемъ попросить русскаго знакомаго, да и онъ самъ не могъ-бы исполнить просьбы о какомъ-либо ходатайствѣ; тогда знакомство съ русскими можетъ быть полезно для того, чтобы узнавать новости, интересующія почему-либо туземцевъ. Съ совершенно невиннымъ выраженіемъ лица, такъ хитро, какъ можетъ сдѣлать это только восточный политикъ, сартъ начинаетъ въ разговорѣ бродить кругомъ да около того предмета, который его интересуетъ, и не бываетъ случая, чтобы любопытство не было удовлетворено: недовѣрія въ насъ нѣтъ, а болтливости много, поэтому, если не самъ хозяинъ дома, то его семья непремѣнно разскажутъ туземцу то, что ему надо знать, зачѣмъ онъ собственно и пришелъ. Добытая такимъ образомъ, часто животрепещущая и важная для туземцевъ новость тотчасъ же послѣ визита знакомаго туземца дѣлается достояніемъ чуткаго до новостей стараго Ташкента. Этимъ объясняется, что сарты знаютъ рѣшительно все и что русскому

человѣку, живущему въ старомъ Ташкентѣ, нерѣдко приходится слышать отъ сартовъ такія извѣстія, о которыхъ не освѣдомлены еще жители русскаго города.

Между тяготѣющими къ русскимъ людямъ туземцами есть счастливцы, которымъ удается стать въ близкія отношенія къ начальствующимъ лицамъ. Чаще всего это случается, когда старый знакомый сарта достигаетъ, наконецъ, степеней извѣстныхъ. Знакомство съ большимъ человѣкомъ представляетъ уже значительныя выгоды для умѣлаго туземца и можетъ не только поднять значеніе сарта въ обществѣ его соплеменниковъ, но и доставить ему подчасъ матеріальную прибыль. Визиты сарта къ высокопоставленному знакомому не часты — нельзя надоѣдать своими посѣщеніями, и дѣлаются обыкновенно въ такое время дня, когда высокопоставленный хозяинъ одинъ и не занятъ. Посѣщенія туземца никогда не стѣсняютъ; иногда онъ просто придетъ, посидитъ, спроситъ о здоровьи и уйдетъ, даже отказавшись отъ предложеннаго стакана чая. Но для туземца и такое кратковременное свиданіе не лишено значенія: онъ побывалъ у своего стараго знакомаго, посѣтилъ высокопоставленное лицо, и, если никто не видѣлъ, какъ онъ выходилъ изъ дома, то онъ самъ всѣмъ разскажетъ о посѣщеніи. Восточная фантазія мѣшаетъ сарту разсказать правду и онъ сильно преувеличиваетъ радушіе, съ какимъ былъ принятъ въ домѣ начальника: самая обыкновенная вѣжливость при встрѣчѣ описывается, какъ искренняя радость приходу туземца, предложенный стаканъ чая принимаетъ размѣры роскошнаго угощенія, а прощаніе уснащается добавленными отъ разсказчика просьбами заходить, какъ можно чаще, и обращаться со всѣми своими нуждами безъ всякой церемоніи въ какое угодно время. Хвастливые разсказы туземца производятъ сильное впечатлѣніе на слушателей, вѣкъ свой живущихъ въ старомъ Ташкентѣ, всѣ завидуютъ привиллегированному положенію разсказывающаго, его близости къ высокопоставленному лицу. Одинъ-два такихъ преувеличенныхъ разсказа и за туземцемъ упрочивается значеніе вліятельнаго человѣка, къ нему уже обращаются съ подобострастными просьбами о содѣйствіи черезъ знакомаго начальника. Приходится давать обѣщанія исполнить просьбу, но не всегда просьба исполнима и нельзя лѣзть къ начальству по пустякамъ; поэтому нерѣдко приходится хитрить и въ другую сторону. Туземный политикъ обѣщалъ съѣздить и попросить за кого нибудь изъ туземцевъ, зная навѣрно, что просьба не

будетъ исполнена Тогда ходатай дѣлаетъ начальнику одинъ изъ своихъ, по виду ничѣмъ не вызванныхъ, визитовъ и дѣлаетъ его такъ, чтобы это видѣлъ и тотъ, за кого онъ взялся хлопотать. Выйдя отъ начальника, посѣтитель беззастѣнчиво лжетъ и увѣряетъ своего кліента, что онъ съ большимъ трудомъ уговорилъ своего высокопоставленнаго покровителя исполнить просьбу. Разоблачить ложь некому, такъ какъ никому въ голову не придетъ предположить такую тонкую политику въ наивномъ на видъ знакомомъ сартѣ.

Тщеславному любителю знакомствъ въ средѣ русскихъ надоѣло, наконецъ, разсказывать небылицы про восторженные пріемы и про короткость къ высокопоставленному лицу. Надо воочію показать остальнымъ сартамъ, какъ хорошо относится начальникъ къ своему протеже. Тогда затѣвается въ подходящее время вечеринка или пріемъ въ саду за городомъ. За нѣсколько дней до назначеннаго пріема сартъ объѣзжаетъ самыхъ высокопоставленныхъ своихъ знакомыхъ, упрашиваетъ ихъ посѣтить его домъ и привезти къ нему своихъ знакомыхъ по своему выбору, не стѣсняясь тѣмъ, что они, можетъ быть, не знакомы съ хозяиномъ. Приглашенія сдѣланы, сартъ не щадитъ средствъ на пріемъ гостей, но и не упускаетъ случая побесѣдовать со своими на тему о высокомъ положеніи своихъ гостей и о своей къ нимъ близости. Въ этихъ описаніяхъ фантазія туземца ничѣмъ не сдерживается и желаніе похвастаться короткостью съ сильными міра переходитъ иногда всякія границы. Въ старомъ Ташкентѣ мнѣ пришлось слышать по этому поводу такой разсказъ изъ прошлаго: нѣкто С. А. въ первые годы послѣ завоеванія Туркестана ближе другихъ сошелся съ русскими и прилагалъ всѣ старанія, чтобы воспользоваться своими знакомствами для увеличенія своего вліянія среди туземцевъ. Онъ усиленно старался расширять кругъ своихъ знакомствъ преимущественно среди лицъ, занимавшихъ въ то время видное служебное положеніе, и распространялъ между туземцами преувеличенные разсказы о близости и короткости своихъ отношеній съ высокопоставленными знакомыми. Благодаря умѣнію и хитрости, С. А. достигъ блестящихъ результатовъ: весь городъ бывалъ у него и самъ онъ, какъ почетный туземецъ, былъ принятъ въ лучшихъ домахъ столицы Туркестана. Одного не доставало кичливому политику—у него еще не былъ генералъ Э. Направивъ всѣ усилія къ завѣтной цѣли, С. А., наконецъ, успѣлъ заручиться согласіемъ генерала посѣ-

тить его въ извѣстное, заранѣе назначенное время. Что же дѣлаетъ польщенный обѣщаніемъ высокаго гостя сартъ у себя дома? Незадолго до назначеннаго посѣщенія генерала, онъ собираетъ своихъ друзей и знакомыхъ-туземцевъ по какому-то вымышленному дѣлу и сидитъ съ ними въ гостиной, непринужденно бесѣдуя. Въ разговорѣ хозяинъ шутитъ: „а что, не послать-ли за генераломъ, онъ, вѣроятно, съ удовольствіемъ пріѣдетъ посидѣть у меня часокъ". Гости поражены развязностью и самоувѣренностью хозяина, они громко выражаютъ свое сомнѣніе въ томъ, чтобы такъ легко и просто было даже для С. А. пригласить къ себѣ большого генерала въ любое время. Чтобы прекратить споръ, хозяинъ зоветъ своего слугу и при всѣхъ приказываетъ ему ѣхать къ генералу и просить отъ имени хозяина на чашку чая. Даже обычной въ такихъ случаяхъ записки не трудится написать обезумѣвшій отъ тщеславія сартъ: въ душѣ онъ вполнѣ увѣренъ, что генералъ сдержитъ данное ранѣе обѣщаніе. Черезъ полчаса во дворѣ появляется скачущій посланный, а за нимъ плавно вкатываетъ и коляска генерала. Удивленію присутствующихъ нѣтъ предѣловъ, а хитрый амфитріонъ сгибается въ почтительный поклонъ и подобострастно приглашаетъ высокаго гостя въ другую гостиную, гдѣ все уже приготовлено для его пріема.

Подобныя выходки и преувеличенные разсказы сблизившихся съ русскими туземцевъ внушаютъ суевѣрный страхъ всѣмъ остальнымъ обитателямъ стараго города и подобные С. А. туземцы занимаютъ весьма выгодное для нихъ положеніе посредниковъ между туземнымъ населеніемъ и русскимъ начальствомъ. Нечего и говорить, что вся ихъ дѣятельность въ этой роли полна хитрости, притворства и поддакиванія. Передъ русскими эти посредники стараются выставить своихъ земляковъ неразвитыми и фанатизированными, себѣ же приписываютъ руссофильское вліяніе на массу и умѣнье провести въ народъ всякую новую мѣру русскаго правительства. Передъ туземцами посредники выставляютъ себя ярыми ревнителями старины и неприкосновенности завѣтныхъ обычаевъ; они также, какъ и остальные сограждане, ненавидятъ невѣрныхъ, также не сочувствуютъ всему, что исходитъ отъ завоевателей, и прилагаютъ всѣ силы къ тому, чтобы ослабить тяжесть всѣхъ новыхъ мѣропріятій для своихъ земляковъ; для этого они и знакомятся съ русскими, для этого и посѣщаютъ начальствующихъ лицъ. Одинъ и тотъ-же изворотливый актеръ играетъ одно-

временно двѣ роли и обѣ ему удаются только потому, что русская и туземная части города отдѣлены другъ отъ друга непроницаемой завѣсой. Кого больше обманываетъ посредникъ— сказать трудно, это зависитъ отъ обстоятельствъ и его собственной карьеры. Народъ боится такихъ близко стоящихъ къ русскимъ туземцевъ, но не уважаетъ ихъ. У простыхъ людей есть необъяснимое чутье, подсказывающее вѣрную оцѣнку общественнымъ дѣятелямъ, и это-то чутье заставляетъ избирателей хлопотать о томъ, чтобы не только ни одинъ изъ близко стоящихъ или отличившихся передъ русскимъ начальствомъ не былъ избранъ на должность, но чтобы въ число избранныхъ, по возможности, не попали и туземцы, хорошо знающіе русскій языкъ. Поэтому уѣздному начальнику въ большинствѣ случаевъ не изъ кого выбирать и онъ вынужденъ представлять къ утвержденію кандидата, не знающаго ни слова по-русски.

Предоставленное туземцамъ право выборовъ должностныхъ лицъ парализуетъ всякія поползновенія русскаго начальства провести на извѣстную должность желательнаго начальству кандидата. Мнѣ живо памятны выборы 1896 года въ Ташкентѣ. На должность Сибзарскаго народнаго судьи, вмѣсто М. Х., устраненнаго вмѣстѣ съ прочими должностными лицами за безпорядки 1892 года, назначенъ былъ нѣкто Р. Х., который въ теченіе своей трехлѣтней службы успѣлъ зарекомендовать себя человѣкомъ съ прогрессивными взглядами и слабо развитымъ фанатизмомъ. Прежній народный судья, наоборотъ, въ мнѣніи начальства стоялъ не высоко, какъ убѣжденный консерваторъ и фанатикъ. Передъ выборами было рѣшено не допускать назначенія на должность народнаго судьи М. Х., преступно-равнодушно отнесшагося къ безпорядкамъ 1892 года, и всѣми силами постараться объ утвержденіи Р. Х., какъ желательнаго съ русской точки зрѣнія кандидата. Русскій избранникъ понималъ, что начальство постоитъ за него, имѣя въ виду его важныя заслуги, и не позаботился привлечь на свою сторону избирателей пятидесятниковъ; твердо увѣренный въ поддержкѣ начальства, Р. Х. не нашелъ нужнымъ заискивать у пришедшихъ къ нему по знакомству пятидесятниковъ: „дѣлайте, что хотите, а я всетаки буду народнымъ судьей“, сказалъ онъ своимъ доброжелателямъ. Тѣмъ временемъ соперникъ правительственнаго кандидата, болѣе симпатичный населенію и отлично знавшій, что онъ не можетъ разсчитывать на под-

держку со стороны начальства, не дремалъ. По освященному практикой обычаю, М. Х. съѣздилъ къ кому слѣдуетъ изъ вліятельныхъ туземцевъ, собралъ къ себѣ вечеромъ на угощеніе нужныхъ избирателей и успѣлъ увѣрить ихъ въ томъ, что во время безпорядковъ 1892 года онъ пострадалъ за свои твердыя убѣжденія и непоколебимую вѣрность избравшему его народу; онъ сумѣлъ внушить избирателямъ, что и впредь народъ найдетъ въ немъ опору противъ русскаго вліянія, а, въ случаѣ избранія его соперника, они рискуютъ нажить себѣ много непріятностей, такъ какъ бывшій адвокатъ съ темнымъ прошлымъ, не пользующійся уваженіемъ среди народа, очевидно, будетъ все больше и больше заискивать передъ русскими властями, поступаясь завѣтными традиціями. Этимъ путемъ М. Х. заручился большинствомъ голосовъ и судьба выборовъ была рѣшена. Мало того, въ день выборовъ пришлось убѣдиться, что туземцы не хуже насъ знаютъ статьи „Положенія объ управленіи Туркестанскаго края", относящіяся до выборовъ должностныхъ лицъ: предположенный начальствомъ кандидатъ Р. Х., по числу полученныхъ избирательныхъ голосовъ, оказался третьимъ и, такимъ образомъ, не вошелъ въ число тѣхъ двухъ кандидатовъ, изъ которыхъ начальство по закону избираетъ одного въ должность народнаго судьи. Предусмотрительный М. Х. позаботился о томъ, чтобы избиратели и въ кандидаты къ нему предложили угоднаго ему человѣка. Сартъ побѣдилъ и, въ день выборовъ, главный начальникъ края поздравилъ М. Х. за обѣдомъ съ избраніемъ его въ народные судьи. При такихъ условіяхъ желаніе уѣзднаго начальника подбирать знающихъ русскій языкъ должностныхъ лицъ не имѣетъ никакого значенія, и онъ не въ состояніи выполнить распоряженіе, изложенное въ вышеприведенномъ циркулярѣ.

Если бы въ населеніе и проникло сознаніе необходимости для должностныхъ лицъ знанія русской грамоты, то при выборахъ встрѣтились-бы немаловажныя затрудненія, потому что, кромѣ недостигшихъ еще 25-лѣтняго возраста бывшихъ учениковъ русско-туземныхъ школъ, къ тому же забывшихъ по выходѣ изъ школы русскую грамоту, среди туземцевъ почти нѣтъ людей, знающихъ по-русски, если не считать уволенныхъ отъ службы городовыхъ, джигитовъ уѣздныхъ управленій и татаръ-переводчиковъ, хотя и знающихъ немного по-русски, но зато вовсе не обладающихъ нравственными достоинствами. Есть еще практически изучившіе разговорную русскую рѣчь и грамоту

сыновья Ташкентскихъ купцовъ, ведущихъ торговлю съ губерніями внутренней Россіи, но они всецѣло поглощены торговлей, никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ не принимаютъ и кандидатами на выборныя должности не выступаютъ.

Второе распоряженіе, направленное къ распространенію между туземными должностными лицами знанія русскаго языка, послѣдовало въ томъ же 1891 году: генералъ-лейтенантъ Гродековъ отдалъ приказъ, чтобы должностныя лица туземной администраціи постепенно перешли къ веденію служебной переписки на русскомъ языкѣ; до 1 іюля 1892 года разрѣшалось представлять служебныя бумаги, написанныя на туземномъ языкѣ, съ точнымъ переводомъ на русскій языкъ, а съ 1 іюля 1892 года предлагалось въ служебной перепискѣ вовсе не допускать туземныхъ языковъ.

Эта мѣра произвела на туземцевъ большое впечатлѣніе. Особенно народные судьи призадумались надъ тѣмъ, какъ имъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Ослушаться приказа было нельзя, а найти подходящее лицо для изложенія служебныхъ бумагъ на русскомъ языкѣ было очень трудно. Надо было подыскать знающаго русскій языкъ секретаря, которому народный судья могъ вполнѣ довѣрить свои подчасъ серьезныя и не терпящія огласки дѣла, а такому человѣку необходимо было назначить соотвѣтствующее содержаніе. Народные судьи рѣшили какъ можно скорѣй подготовить на должности секретарей своихъ взрослыхъ сыновей или родственниковъ, которыхъ они до изданія распоряженія и не думали обучать по-русски. Пошли разспросы, гдѣ найти учителя, способнаго въ возможно короткій срокъ научить молодого туземца русской грамотѣ, а вопросъ о дороговизнѣ вознагражденія учителю даже не подымался. Раньше сарты не хотѣли отдавать своихъ сыновей въ безплатную русско-туземную школу, а тутъ готовы были истратить деньги на приглашеніе отдѣльнаго учителя, только бы скорѣй пріобрѣсти для письменныхъ занятій вѣрнаго человѣка, умѣющаго хорошо писать по-русски. Этимъ путемъ распоряженіе генерала Гродекова, очевидно, было-бы выполнено туземными должностными лицами и результаты получились-бы блестящіе, но 24 іюня 1892 г. въ Ташкентѣ случились безпорядки. ближайшее начальство перемѣнилось и вопросъ о введеніи служебной переписки на русскомъ языкѣ остался открытымъ. а распоряженіе военнаго губернатора понемногу забылось. Та-

кимъ образомъ и эта, вторая, мѣра не привела къ желаемому результату *).

Хотя русскій законъ предоставляетъ народнымъ судьямъ право разрѣшать „подсудныя имъ дѣла на основаніи существующихъ въ каждой части населенія обычаевъ“, но на самомъ дѣлѣ народные судьи осѣдлаго населенія Туркестана, въ томъ числѣ и народные судьи гор. Ташкента, рѣшаютъ дѣла не по обычаю, а по „шаріату“. Подъ именемъ „шаріата“ извѣстна цѣлая наука мусульманскаго права, основанная на религіозно-нравственныхъ положеніяхъ Корана и широко разработанная многочисленными учеными юристами, посвятившими всѣ свои силы толкованію на разные лады юридическихъ положеній со всѣми мелочными частными случаями казуистики. Творенія отцовъ мусульманскаго права и всѣхъ ихъ послѣдователей на поприщѣ истолкованія изложены преимущественно на арабскомъ языкѣ и только нѣкоторыя юридическія сочиненія переведены на персидскій. Если собрать лишь наиболѣе чтимыя сочиненія по юридическимъ вопросамъ, то составится громадная библіотека, но въ практикѣ всетаки можетъ встрѣтиться случай, къ которому нельзя подобрать подходящей статьи въ имѣющихся на-лицо книгахъ.

Осмысленное чтеніе юридическихъ книгъ требуетъ отъ судьи обширныхъ познаній въ арабскомъ языкѣ, а между тѣмъ знатоки арабскаго языка между нашими учеными туземцами попадаются все рѣже и рѣже. Прежде мусульманская наука, основанная главнымъ образомъ на изученіи арабскаго языка, находилась подъ покровительствомъ мусульманскаго правительства, которое отпускало значительныя денежныя средства въ

*) 6 ноября 1898 г. за № 19 объявленъ слѣдующій циркуляръ Туркестанскаго генералъ-губернатора военнымъ губернаторамъ Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей: „Признавая необходимымъ приступить къ обсужденію вопроса объ обязательномъ введеніи государственнаго языка въ письменныхъ сношеніяхъ лицъ туземной администраціи съ русскими властями въ краѣ, я полагалъ бы полезнымъ и своевременнымъ, впредь до осуществленія этой реформы въ полномъ ея объемѣ, потребующаго довольно продолжительнаго срока, принять на первое время мѣры къ тому, чтобы всѣ мѣстныя туземныя власти или, по крайней мѣрѣ, волостные управители имѣли русскихъ писарей для своихъ оффиціальныхъ сношеній съ уѣздными начальниками и приставами. Затрудняясь, однако, опредѣлить срокъ для пріисканія необходимаго числа русскихъ писарей, а равно указать контингентъ лицъ, могущихъ занять эти должности, прошу доставить мнѣ заключеніе, какъ по этому дѣлу, такъ и по общему вопросу объ обязательномъ введеніи русскаго языка въ оффиціальныхъ сношеніяхъ мѣстной туземной администраціи съ русскими властями“.

пользу „талабиильмъ“ (буквально ищущихъ знанія), т. е. учащихъ и учащихся. Подъ вліяніемъ высшаго духовенства и ученыхъ, занимавшихъ видное положеніе при дворѣ, мусульманскіе государи считали всегда лучшимъ средствомъ для прославленія своего имени—образованіе „вакуфовъ“, или заповѣдныхъ имѣній, доходами съ которыхъ могли бы пользоваться люди, посвятившіе свои силы мусульманской наукѣ.

Послѣ присоединенія Туркестанскаго края къ Россіи, значительная часть вакуфныхъ имуществъ перешла въ руки частныхъ лицъ, которыя уже не такъ близко къ сердцу принимали благополучіе ученыхъ и процвѣтаніе учебныхъ заведеній; стипендіи учениковъ высшихъ учебныхъ заведеній (мадраса) въ Ташкентѣ и другихъ городахъ Туркестана уменьшились до ничтожныхъ размѣровъ 3—4 р. въ годъ на человѣка. Жить на такія средства, при возрастающей дороговизнѣ продуктовъ первой необходимости, стало немыслимо даже и при даровомъ помѣщеніи ученика въ стѣнахъ заведенія, а потому число желающихъ учиться мусульманской наукѣ систематически уменьшается съ каждымъ годомъ.

Только въ Бухарѣ мусульманская наука, преимущественно законовѣдѣніе, еще до сихъ поръ хорошо поставлена, благодаря неприкосновенности богатыхъ „вакуфовъ“, и потому хорошо подготовленные ученые выходятъ только изъ мадраса гор. Бухары.

Создавшіяся силою обстоятельствъ затрудненія въ распространеніи высшаго мусульманскаго образованія, уже отразились неблагопріятно на составѣ народныхъ судей осѣдлаго населенія Туркестана, въ томъ числѣ, и народныхъ судей г. Ташкента. Прежде, на видную должность казія было такъ много претендентовъ, что человѣку, получившему посредственное образованіе въ одномъ изъ незначительныхъ высшихъ учебныхъ заведеній и проходившему курсъ подъ руководствомъ мало извѣстнаго преподавателя, нечего было и думать попасть въ казіи; теперь же изъ 4 народныхъ судей Ташкента, только одинъ окончилъ курсъ мадраса въ Бухарѣ *), остальные же трое учились при своихъ родителяхъ, не покидая Ташкента. Не велика была бы для насъ, русскихъ, бѣда въ этомъ, если бы народные судьи недостатокъ своего мусульманскаго образованія пополняли бы, хотя отчасти, знакомствомъ съ европейской наукой, но невы-

*) Съ 1899 г. и онъ остался не у дѣлъ.

сокое умственное развитіе мало учившихся людей препятствуетъ пробужденію въ нихъ интереса къ какому бы то ни было знанію.

Народные судьи, не взирая на то, что обязанности ихъ по „Положенію объ управленіи Туркестанскаго края“ строго ограничиваются функціями чисто судебнаго характера, никакъ не могутъ помириться съ мыслью, что при русскомъ режимѣ они стали уже не казіями, а только народными судьями: человѣку, свыкшемуся съ дѣтства съ представленіемъ о положеніи казія, конечно, трудно измѣнить свой взглядъ на внѣшнюю обстановку и значеніе представителя правосудія. При мусульманскомъ правительствѣ казій былъ облеченъ не только судебною властью но отчасти и властью духовною. Правда, казій не имѣлъ значенія священника въ тѣсномъ смыслѣ слова, но за отсутствіемъ въ Исламѣ рукоположеннаго духовенства, ему приходилось исправлять и нѣкоторыя требы.

Бракъ у туземцевъ очень рѣдко совершается въ личномъ присутствіи невѣсты, а обычаемъ установленно, что невѣста къ заключенію брака присылаетъ своего довѣреннаго, который и выражаетъ согласіе ея на бракъ. Такъ какъ совершеніе довѣренностей вообще свидѣтельствуется народными судьями, то съ первыхъ же дней завоеванія Туркестана народные судьи усиленно хлопотали о присвоеніи имъ права совершать браки между туземцами. Къ этому ихъ побуждало не только желаніе поднять въ глазахъ туземцевъ свое значеніе и пріобрѣсти права духовной власти, но кромѣ того и матеріальный разсчетъ, такъ какъ, по обычаю, народному судьѣ за записку о бракѣ („никахъ-натта“) уплачивается „никахъ-кана“: при бракѣ съ дѣвицей 2 руб., а при бракѣ со вдовой (джуанъ) 1 руб.

На первыхъ порахъ послѣ занятія края русскими было не мало претендентовъ на право собирать плату за совершеніе мусульманскихъ браковъ; генералъ Черняевъ сдѣлалъ изъ этого права арендную статью въ пользу бѣдныхъ мусульманъ и право взиманія брачнаго налога было взято на откупъ туземцемъ за 2,500 руб. въ годъ. Впослѣдствіи этотъ порядокъ измѣнился и казіи вновь получили право совершать браки и собирать деньги за выдачу брачныхъ записокъ. Казіи настолько ревниво охраняли свое право на совершеніе браковъ, что дѣло доходило до преслѣдованія всѣхъ имамовъ, которые осмѣливались, на точномъ основаніи шаріатныхъ постановленій о бракѣ, безъ вѣдома казія соединять для брачной жизни мусульманскія

пары. Такой случай былъ въ Чимкентскомъ уѣздѣ въ 1891 году и военный губернаторъ генералъ Гродековъ вынужденъ былъ издать особый приказъ, которымъ разъяснялось, что народные судьи не въ правѣ отправлять духовныя требы, а должны исполнять только тѣ обязанности, какія возложены на нихъ соотвѣтствующими статьями „Положенія объ управленіи Туркестанскаго края". Это распоряженіе вызвало большое неудовольствіе со стороны народныхъ судей, но населеніе привѣтствовало новую мѣру, потому что плата за бракъ имаму ограничивается 40 к., а народному судьѣ платилось раньше 2 руб. Остались, правда, нѣкоторые зажиточные горожане, которые приглашаютъ и теперь для совершенія брака народныхъ судей, но это уже роскошь и не обязательно. Не всѣ туземцы зовутъ теперь народныхъ судей въ качествѣ почетныхъ гостей на свои семейные праздники (обрѣзаніе сыновей и сговоры дочерей); похоронные обряды (джаназа) теперь также у простыхъ людей обходятся безъ присутствія народныхъ судей и сокращеніе числа такихъ приглашеній сберегаетъ бѣднымъ людямъ довольно много денегъ, такъ какъ на почетнаго гостя принято надѣвать новый халатъ въ 4—5 рублей въ благодарность за сдѣланную посѣщеніемъ честь.

Прежде народные судьи утверждали свои рѣшенія и свидѣтельствовали различные акты приложеніемъ большой именной печати, оттискъ которой дѣлался китайской тушью. Именныя печати имѣли видъ старинныхъ казійскихъ печатей, рѣзались на серебрѣ со всевозможными украшеніями и размѣромъ бывали больше стариннаго серебрянаго рубля. Съ тѣхъ поръ, какъ казіи сдѣлались народными судьями по русскому закону, были введены форменныя должностныя печати съ русскими надписями. Областное правленіе распорядилось изготовленіемъ необходимаго числа должностныхъ печатей и прислало для раздачи всѣмъ служащимъ туземной администраціи. Народнымъ судьямъ очень не понравились грубыя желѣзныя печати, которыя должны были замѣнить ихъ щегольскія именныя печати, вполнѣ подходившія къ достоинству казія. Послышались возраженія, что печати даютъ плохіе неясные оттиски и областному правленію пришлось объявить къ руководству, что хорошіе оттиски новыя печати даютъ при копченіи ихъ на свѣчѣ. Затѣмъ туземные законники подняли вопросъ о томъ, что имъ нерѣдко приходится совершать документы, которые обращаются въ сопредѣльныхъ Туркестану ханствахъ, гдѣ только

именныя печати извѣстныхъ казіевъ служатъ ручательствомъ за подлинность и правильность документа, а русская печать ни для кого непонятна и можетъ повести къ недоразумѣніямъ. Народные судьи ходатайствовали, чтобы имъ разрѣшено было прикладывать къ документамъ двѣ печати—казенную должностную и свою именную. Въ Ташкентѣ этотъ компромиссъ разрѣшенъ не былъ, но изъ Коканда кто-то изъ народныхъ судей получилъ документъ о двухъ печатяхъ и вновь былр возбуждено ходатайство о разрѣшеніи прикладывать двѣ печати по примѣру Ферганской области. Для прекращенія всякихъ домогательствъ народныхъ судей о сохраненіи казійскихъ печатей мнѣ было приказано уничтожить именныя печати и надо было видѣть горе владѣльцевъ, когда я собственноручно рубилъ топорикомъ серебряныя пластинки печатей, богато разукрашенныхъ затѣйливыми арабесками. Только послѣ уничтоженія именныхъ печатей окончательно введены были должностныя печати, и народные судьи заказали себѣ по формѣ казенныхъ каучуковыя печати съ футлярами въ видѣ часовъ и красящими приспособленіями.

Должностные знаки, присвоенные народнымъ судьямъ и носящіе на себѣ изображеніе геральдическаго единорога въ гербѣ Туркестантскаго края, тоже не пользуются симпатіями народныхъ судей, доказывающихъ, что ношеніе на себѣ изображенія живого существа противно постановленіямъ мусульманской религіи. Это возраженіе приходитъ на умъ туземцу только потому, что прежніе казіи знаковъ не носили, они и безъ знаковъ хорошо были извѣстны народу. Когда одинъ изъ стѣсняющихся носить должностной знакъ изъ-за помѣщеннаго на немъ изображенія получаетъ первую медаль съ портретомъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, или тѣмъ болѣе первый орденскій знакъ, для нехристіанъ установленный, съ изображеніемъ въ центрѣ креста двуглаваго орла, ему даже и въ голову не приходитъ, что ношеніе такого знака отличія противорѣчитъ мусульманскимъ его воззрѣніямъ. Напротивъ, полученіе первой награды развиваетъ въ награжденномъ ненасытную жадность къ полученію новыхъ и новыхъ знаковъ отличія, двигаетъ его на щедрыя пожертвованія и другія услуги русскому правительству, только бы добиться удовлетворенія своего тщеславія. Медали и ордена уже не прячутся подъ верхнее платье, какъ должностные знаки, а старательно выставляются на показъ самыми ревностными хранителями мусульманскихъ обрядностей, видящими идолопоклон-

ство въ одномъ только взглядѣ на изображеніе живого существа. Только во время молитвы въ мечети принято снимать съ груди знаки отличія, и потому петличныя медали и ордена туземцы помѣщаютъ обыкновенно на отстегивающуюся колодку или длинную шпильку. Если медаль одна или двѣ, то подъ ними въ халатѣ дѣлается небольшой кармашекъ, въ который изображенія и помѣщаются на время молитвы, дѣлаясь невидимыми, а потому, по мнѣнію мусульманскихъ формалистовъ, и безвредными въ молитвенномъ отношеніи.

Вотъ какія перемѣны пережилъ институтъ казіевъ при переходѣ къ исполненію обязанностей народныхъ судей по русскому закону; большая часть этихъ перемѣнъ чисто формальнаго свойства.

По наружности бывшій казій все тотъ же: это въ большинствѣ случаевъ представительный, высокаго роста мужчина съ горделивой осанкой, съ плавными, полными достоинства манерами родовитаго туземца. Голова покрыта громадной бѣлой чалмой, аршинъ изъ 30-ти дорогой кисеи, верхняя одежда чаще всего изъ серебристаго „бикасаба"—полушелковой матеріи туземнаго производства, обувь туземнаго покроя, но уже изъ американской лакированной кожи. Выѣзжая изъ дому, казій предпочитаетъ экипажу большую, красивую, верховую лошадь: улицы стараго Ташкента плохо мощены для ѣзды въ экипажѣ, да и верхомъ ѣхать какъ-то важнѣе. Было время, когда никто изъ почетныхъ туземцевъ не рѣшался показаться въ экипажѣ, боясь уронить свое достоинство отступленіемъ отъ освященнаго обычаемъ способа передвиженія; теперь только казіи да ишаны предпочитаютъ верховую ѣзду. Медленно движется по улицамъ города казій на великолѣпномъ сѣромъ аргамакѣ, а позади него ѣдетъ верхомъ въ почтительномъ отдаленіи свита и непремѣнно бѣжитъ пѣшій конюхъ, чтобы при остановкѣ принять и подержать лошадь казія, вытереть пыль съ шитаго шелками наряднаго чепрака и подсадить казія на коня, когда онъ пожелаетъ ѣхать далѣе. Незавидна участь такого пѣшаго проводника и въ кодексѣ восточныхъ приличій даже прямо указано, что человѣкъ, ѣдущій верхомъ и взявшій съ собою пѣшаго слугу, долженъ заботиться, чтобы тотъ не утомился. Однако все это забывается, когда является желаніе удовлетворить свое тщеславіе, увеличить важность своего появленія передъ народомъ. Весь выѣздъ казія носитъ на себѣ отпечатокъ чисто восточной неторопливости и

важности; иначе не можетъ быть у людей, руководящихся правиломъ, что, „торопливость есть свойство діавола“.

Далеко видитъ находящійся на улицахъ народъ медленно приближающагося казія и всякій привѣтствуетъ его почтительнымъ поклономъ и обычнымъ „асъ-саляму-алейкумъ“. На русскаго служащаго, даже начальника, народъ обращаетъ гораздо менѣе вниманія и нерѣдки случаи, когда приходится взыскивать съ туземца за явно презрительное отношеніе къ русскому. Объясняется это чисто религіозной ненавистью къ иновѣрцу. Словами „міръ вамъ“ („асъ-саляму-алейкумъ“) мусульманину полагается привѣтствовать только мусульманина; для привѣтствія „имѣющихъ писаніе“, въ томъ числѣ и христіанъ, установлена другая форма: „асъ-саляму-алейманъ-итъ-табааль-гуда“, что значитъ: „миръ идущему или направляющему на истинный путь“. Изъ этого различія можно вывести заключеніе, какую рѣзкую границу проводитъ Исламъ между своими послѣдователями и исповѣдниками другихъ религій. Удивительно ли послѣ этого, что народъ, съ такимъ почтеніемъ привѣтствующій казія, въ лицѣ котораго туземцы все еще продолжаютъ видѣть высшее духовное лицо, довольно неохотно, съ выраженіемъ неудовольствія на лицѣ, поднимается при проѣздѣ кого-либо изъ ближайшихъ своихъ русскихъ начальниковъ.

Это бы еще ничего, но часто можно замѣтить, что встрѣтившійся съ русскимъ на улицѣ туземецъ, особенно изъ простонародья и стариковъ, подобострастно поклонится, а пропустивъ русскаго, вслѣдъ ему звонко плюнетъ, какъ будто встрѣча съ иновѣрцемъ вызываетъ у него сильное отдѣленіе мокроты. Этимъ уже серьезно можно возмутиться, но что же дѣлать, если подобныя привѣтствія можно встрѣтить на каждомъ шагу. Вѣдь существуетъ же у нашего русскаго простолюдина глупѣйшій предразсудокъ, что встрѣча съ попомъ предвѣщаетъ неудачу и что ослабить дѣйствіе неблагопріятной примѣты можно только плевкомъ. Предразсудокъ этотъ, восходящій, вѣроятно, къ первымъ временамъ христіанства на Руси, выведется только тогда, когда народная масса разовьется настолько, что перестанетъ бояться примѣтъ. Съ мусульманами также придется предоставить все дѣйствію времени, въ надеждѣ, что привычка къ русскимъ, развитіе народа и исчезновеніе мнимыхъ упованій на торжество Ислама въ странѣ, сдѣлаютъ свое дѣло и заставятъ мусульманъ поступать съ иновѣрцами по арабской пословицѣ, гласящей, что „всѣ люди — люди“. До тѣхъ же поръ приходится

учить туземцевъ вѣжливости по отношенію къ русскимъ административными мѣрами, хотя это очень трудно не только для тѣхъ, кого „надо заставить“ быть вѣжливыми, но и для тѣхъ, кому полагаются эти совсѣмъ неискреннія привѣтствія нашихъ мусульманъ.

По справедливости, долженъ, впрочемъ, упомянуть, что туземцы воздерживаются отъ привѣтствія русскихъ обычнымъ „асъ-саляму-алейкумъ“ нетолько изъ фанатизма, потому что о существованіи другой формулы привѣтствія для иновѣрцевъ „имѣющихъ писаніе“ (китаби) знаютъ только немногіе интеллигентные туземцы. Многіе, по моему мнѣнію, воздерживаются отъ привѣтствія изъ опасенія, что русскій человѣкъ не отвѣтить на арабское привѣтствіе, а между тѣмъ, дать „салямъ“ и не получить „джуаба“ (отвѣта на привѣтствіе) крайне оскорбительно: это все равно, что поклониться на улицѣ своему знакомому и въ отвѣтъ не получить поклона не по невниманію, а по сознательному уклоненію знакомаго отъ привѣтствія. Для мусульманина не позучить отвѣта на привѣтствіе, пожалуй, еще тяжелѣе, чѣмъ для русскаго, потому что арабское „миръ вамъ“, по толкованію мусульманскихъ законниковъ, относится не къ самому человѣку, котораго привѣтствуютъ, а къ невидимо присутствующимъ при немъ безотлучно двумъ „ангеламъ-записывателямъ“, которые ведутъ запись добрымъ и злымъ дѣламъ человѣка для расчета на страшномъ судѣ. Поэтому-то и говорится: не „миръ тебѣ“ (асъ-саляму-алейка), а „миръ вамъ“. Вотъ почему и становится рискованнымъ высказать вслухъ привѣтствіе ангеламъ встрѣченнаго человѣка, когда не разсчитываешь въ обмѣнъ получить привѣтствіе своимъ *).

Мнѣніе мое основано на личныхъ наблюденіяхъ. Зная правила привѣтствія между мусульманами, я съ первыхъ же дней жизни своей между мусульманами стараго Ташкента принялъ за правило на обращенное ко мнѣ арабское привѣтствіе отвѣчать арабской же фразой, выражающей отвѣтъ на привѣтствіе „ва-алей-кумъ-ас-селамъ“, т. е. „и вамъ миръ“. Я не находилъ въ этомъ ничего для себя унизительнаго, не считалъ, что наша православная вѣра запрещаетъ намъ привѣтствовать иновѣрца,

*) Правила приличій на всѣ случаи жизни мусульманъ весьма подробно изложены въ книгѣ „Адабу-с-салихынъ“, переведенной мною съ тюркскаго и напечатанной въ одномъ изъ выпусковъ сборника матеріаловъ Сыръ-Дарьинскаго областного статистическаго комитета. Цѣлая глава этого сочиненія посвящена правиламъ приличій при привѣтствіяхъ.

такъ-же искренно желая ему мира душевнаго, какъ и своему единовѣрцу тѣмъ болѣе, что то-же привѣтствіе на еврейскомъ языкѣ произносилъ Спаситель. Въ теченіе всего времени службы въ старомъ Ташкентѣ я держался этого правила и очень скоро сталъ замѣчать, что чаще и чаще слышу отъ сартовъ арабское привѣтствіе. Подъ конецъ перваго же года жизни среди сартовъ я почти уже не слышалъ привѣтствія „издрастъ", передѣланнаго для русскихъ изъ русскаго „здравствуй"; мнѣ или молча кланялись, или привѣтствовали словами „миръ вамъ".

Кодексъ мусульманскихъ приличій учитъ, что старшій долженъ первый привѣтствовать младшаго, а ѣдущій верхомъ первый привѣтствуетъ идущаго пѣшкомъ, стоящаго или сидящаго. На практикѣ это весьма разумное правило рѣдко примѣняется: ѣдущій по улицѣ казій только отвѣчаетъ въ полголоса на обращенныя къ нему привѣтствія горожанъ, да прикладываетъ къ сердцу правую руку, въ которой обыкновенно при ѣздѣ держитъ онъ свою нагайку, а иногда даже не трудится отвѣчать на привѣтствія и глубокомысленно смотритъ между ушей своей лошади, какъ-бы обдумывая какое-либо важное положеніе шаріата.

Важности въ нашихъ народныхъ судьяхъ очень много и хотя, почитая ихъ, народъ слѣдуетъ традиціямъ, но не малая доля почета вызывается и громадной властью, которую русскій законъ далъ народнымъ судьямъ надъ подвѣдомственными имъ туземцами. Власть эта такъ велика, что каждый туземецъ чувствуетъ страхъ передъ народнымъ судьей.

По статьѣ 217 „Положенія" народный судъ, если стороны не согласятся помириться, по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ, независимо опредѣленія вознагражденія за вредъ и убытки, налагаетъ на виновныхъ слѣдующія наказанія: а) денежныя взысканія не свыше трехсотъ рублей и б) заключеніе подъ стражу не свыше одного года и шести мѣсяцевъ.

Законъ, такимъ образомъ, опредѣляетъ лишь высшій предѣлъ власти народныхъ судей по наложенію взысканій и не даетъ никакихъ градацій для примѣненія этой власти въ каждомъ частномъ случаѣ, въ зависимости отъ важности содѣяннаго. Надо обладать въ высокой степени развитой справедливостью, чтобы по внутреннему убѣжденію точно опредѣлить мѣру взысканія, соотвѣтствующую для каждаго случая, и можно съ увѣренностью сказать, что ни одинъ изъ народныхъ судей не въ состояніи провести во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ по уго-

ловнымъ дѣламъ одну и ту же систему назначенія наказаній. Начать съ того, что субъективные взгляды народныхъ судей очень сильно вліяютъ даже на рѣшеніе вопроса о преступности и наказуемости извѣстнаго дѣянія, при примѣненіи же наказанія народный судья находится въ полной зависимости отъ отношенія къ данному проступку, или къ данному человѣку общественнаго мнѣнія. Могу указать случай, гдѣ предъ народнымъ судомъ предстала молодая сартянка, уличенная показаніями очевидцевъ въ томъ, что она, съ открытымъ лицомъ, сидѣла въ обществѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей, не находящихся къ ней въ тѣхъ степеняхъ родства. которыя допускаютъ такую короткость и не обязываютъ мусульманскую женщину закрывать лицо передъ мужчиной. Народный судья, въ раіонѣ котораго это случилось, приговорилъ женщину къ содержанію подъ стражей въ теченіе полугода, руководствуясь лишь сознаніемъ необходимости строго карать всякое отступленіе отъ обычаевъ, охраняющихъ общественную нравственность. Законъ предоставляетъ народнымъ судьямъ право карать туземцевъ за „преступленія и проступки“, т. е. за такія дѣянія, которыя считаются преступными по нашему европейскому кодексу; между тѣмъ въ данномъ случаѣ сартянка подверглась строгой карѣ за то, что по нашимъ законамъ никоимъ образомъ не можетъ считаться проступкомъ. Къ тому же виновность женщины въ данномъ случаѣ была весьма сомнительна и съ точки зрѣнія мусульманской этики: изъ числа другихъ народныхъ судей, съ которыми я бесѣдовалъ по этому поводу, нашелся болѣе либеральный, положительно высказавшійся за невмѣненіе женщинѣ въ вину бесѣды съ открытымъ лицомъ съ молодыми людьми, если при этомъ не было съ ея стороны никакого другого проступка противъ нравственности. Другой случай: сынъ богатаго купца, молодой человѣкъ, былъ уличенъ въ посягательствѣ на семейное счастье одного изъ своихъ знакомыхъ и преступность его была неоспоримо доказана. Тотъ же народный судья, который такъ строго отнесся къ открывшей при постороннихъ свое лицо женщинѣ, ограничился на сей разъ непродолжительнымъ арестомъ, да и тотъ, по просьбѣ родныхъ осужденнаго, замѣнилъ денежнымъ штрафомъ въ 200 рублей, отлично зная, что при большомъ состояніи, уплата этого штрафа не составитъ для молодого купчика никакого затрудненія. Кто можетъ поручиться за то, что множество другихъ рѣшеній народныхъ судей не грѣшитъ такою-же односторонностью?

Опредѣленіе мѣры взысканія въ практикѣ народныхъ судей зависитъ еще и отъ общественнаго положенія обвиняемаго. Руководствуясь толкованіями шаріата, казій за одну и ту-же вину долженъ высокопоставленному туземцу написать письмо, съ указаніемъ неблаговидности его поступка, туземцу средняго класса сдѣлать публично внушеніе, а простому сарту-чернорабочему можетъ назначить самое строгое наказаніе. Развѣ это не произволъ, развѣ можетъ позволить себѣ что-либо подобное нашъ мировой судья, каждый шагъ котораго точно опредѣленъ существующими законоположеніями?

Народный судья мало возвышается своимъ нравственнымъ развитіемъ надъ массой народной, а по рожденію своему и жизни онъ тѣсно связанъ именно съ тѣми туземцами, которыхъ призванъ судить. Очевидно, что при такихъ условіяхъ народный судья далеко не свободенъ отъ стороннихъ вліяній и на каждомъ шагу, смотря по обстоятельствамъ, то мирволитъ провинившемуся, за котораго похлопочутъ у него сильные заступники, то непомѣрно строгъ къ такому подсудимому, который чѣмъ-нибудь прогнѣвилъ вліятельнаго знакомаго судьи. Я не говорю уже о случаяхъ, когда дѣйствіями народнаго судьи руководитъ корысть; помимо личныхъ разсчетовъ, въ обстановкѣ туземной жизни много обстоятельствъ, вліяющихъ на образъ дѣйствій судьи, съ такой широкой властью.

Страхъ населенія передъ народнымъ судьей не можетъ быть. названъ безпричиннымъ: дѣйствительно, есть чего бояться. Стоитъ только простому туземцу чѣмъ-либо огорчить, или прогнѣвить, не говорю уже самого народнаго судью, а хотя бы родственника его, или близкаго человѣка, и наказаніе, гораздо строже заслуженнаго, непремѣнно постигнетъ виновнаго Всегда найдется человѣкъ, который по наущенію самого народнаго судьи или только съ вѣдома его способенъ начать противъ провинившагося уголовный или гражданскій процессъ и горе тому, кто, понадѣявшись на свою правоту, попробуетъ упорствовать и не примирится заблаговременно съ близкими народному судьѣ лицами. Это упорство или обойдется туземцу очень дорого въ денежномъ отношеніи, или повлечетъ за собой заключеніе подъ стражу на продолжительный срокъ.

Помимо такихъ произвольныхъ насильственныхъ дѣйствій, народный судья страшенъ для всякаго туземца еще изъ-за присяги. Старыя добрыя времена, когда каждый былъ вѣренъ своему слову, прошли. Теперь никто изъ туземцевъ даже не

представляетъ себѣ, какъ можно было вести дѣла въ тѣ времена, когда не занимающій деньги выдавалъ расписку въ ихъ полученіи, а заимодавецъ удостовѣрялъ документомъ, что онъ далъ такую-то сумму. Очевидно, тогда случаи неуплаты долга не встрѣчались и можно было лишь опасаться того, что заимодавецъ, по забывчивости, будетъ требовать съ должника больше, чѣмъ слѣдуетъ. Обходились люди безъ документовъ, свидѣтелей и печатей. Но тѣ времена прошли невозвратно, отошла въ область преданій строгая честность предковъ теперешнихъ кліентовъ народныхъ судей и появились на свѣтъ всевозможныя доказательства справедливости иска. Нравы настолько измѣнились къ худшему, что одного словеснаго удостовѣренія извѣстнаго факта свидѣтелемъ стало недостаточно, потребовалось извѣстное давленіе на человѣка, призваннаго свидѣтельствовать передъ судомъ, для того, чтобы услышать отъ него по дѣлу только одну чистую правду. Для подтвержденія своихъ словъ стали прибѣгать къ клятвѣ, а клятва, съ теченіемъ времени, создала и клятвопреступниковъ. Въ практикѣ народнаго суда играетъ весьма видную роль очистительная присяга, имѣющая силу неопровержимаго доказательства, а между тѣмъ не у всякаго страхъ кары за лжеприсягу одинаковъ. Вѣрующій и дорожащій репутаціей честнаго человѣка туземецъ чѣмъ угодно пожертвуетъ, чтобы не принимать присяги, человѣкъ же, у котораго нравственное чувство слабо развито, не задумается произнести за народнымъ судьей непонятныя для него арабскія слова: „Билляги, Валлагу-Таллагу“, чтобы пріобрѣсти такимъ путемъ матеріальныя выгоды. Должно быть, дурныхъ людей между туземцами не мало, потому что въ каждомъ обществѣ встрѣчаются, такъ называемые, „мутагамы“, т. е. люди, которые приняли ложную присягу по какому-либо дѣлу. Народъ презираетъ такихъ людей и въ тоже время боится ихъ. И боязнь эта вполнѣ справедлива: вѣдь стоитъ только разъ въ жизни рѣшиться перешагнуть преграду, отдѣляющую ложь отъ истины, и послѣдующіе подобные же случаи уже не представятъ никакого затрудненія. Между туземцами, наряду съ такими людьми, которые боятся очистительной присяги, какъ самаго тяжелаго наказанія, встрѣчаются субъекты, для которыхъ лжесвидѣтельство подъ присягой не представляетъ никакого затрудненія при самыхъ незначительныхъ выгодахъ, пріобрѣтаемыхъ путемъ клятвопреступленія. Присяжные лжесвидѣтели - профессіоналы и профанація ими присяги сдѣлали то, что каждый туземецъ не только опасается имѣть

какое-либо дѣло съ легко относящимся къ клятвѣ землякомъ своимъ, но боится и самъ принять присягу предъ судомъ даже за правое дѣло. Каждый порядочный человѣкъ страшится принять присягу въ доказательство своего иска или уголовнаго преслѣдованія, чтобы не дать повода къ предположенію, что и онъ легко относится къ клятвѣ, а значитъ, въ исключительныхъ обстоятельствахъ, способенъ покривить душой. При производствѣ дѣла въ народномъ судѣ, такой боящійся присяги человѣкъ рискуетъ или самъ получить приглашеніе присягнуть, или же присутствовать при клятвѣ безстыднаго лжеца, который, присягнувъ ложно, выиграетъ дѣло. Вотъ почему народъ боится присяги, а, слѣдовательно, и народнаго судьи, отъ котораго зависитъ назначнніе присяги. Вотъ почему лучшая часть туземнаго общества всѣми силами сторонится отъ всякихъ обращеній въ народный судъ по своимъ дѣламъ. „Я во всю жизнь свою ни разу не былъ въ камерѣ народнаго судьи“ (казыхана), говоритъ туземецъ, когда хочетъ указать на свою порядочность и, дѣйствительно, это лучшая рекомендація человѣка.

Наиболѣе зажиточные туземцы стараются всѣ денежныя дѣла свои дѣлать на слово съ хорошо извѣстными имъ лицами, а если необходимо сдѣлать документъ, то прибѣгаютъ къ услугамъ нотаріуса, чтобы разъ навсегда избавиться отъ всевозможныхъ случайностей въ народномъ судѣ. Самимъ народнымъ судьямъ иногда приходится тоже принимать присягу, когда ихъ самихъ, въ качествѣ свидѣтелей, или свѣдущихъ людей, вызываютъ въ русскія судебныя мѣста. Для полнаго чувства собственнаго достоинства народнаго судьи создается очень затруднительное положеніе: принять присягу — значитъ уронить себя въ мнѣніи всѣхъ туземцевъ, потерять въ значительной степени то обаяніе, какое производитъ на простой народъ личность судьи, отказаться отъ присяги—значитъ ослушаться и не исполнить законнаго требованія русскихъ властей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ случай, когда два старыхъ народныхъ судьи, будучи приглашены въ засѣданіе Сыръ-Дарьинскаго Областного Суда въ качествѣ экспертовъ, на отрѣзъ отказались принять присягу и были за это подвергнуты штрафу въ 50 рублей каждый. Теперь такіе случаи не повторяются и народные судьи безпрекословно принимаютъ присягу передъ русскимъ судомъ.

Самая обстановка производства дѣлъ въ народныхъ судахъ настолько отличается отъ обстановки нашихъ судовъ, что стоитъ сказать о ней нѣсколько словъ. Камера народнаго судьи

всегда находится въ его собственномъ домѣ, гдѣ живетъ и судья съ семействомъ. Наружный дворикъ дома (ташкари) служитъ хозяину, какъ для пріема гостей, такъ и для отправленія правосудія. Обыкновенно все помѣщеніе состоитъ изъ двухъ комнатъ: въ одной помѣщается самъ народный судья и его совѣтники муфтіи и аалямы, а въ другой располагаются писцы съ канцеляріей. Мебели ни въ той, ни въ другой комнатѣ не полагается; всѣ сидятъ на полу, покрытомъ циновками и коврами. Мѣсто, гдѣ предпочитаетъ сидѣть самъ судья, можно узнать иногда по разостланной тамъ шкурѣ медвѣдя или барсука. Ниши въ стѣнахъ комнаты обыкновенно заняты разставленными въ порядкѣ книгами, имѣющими значеніе для судопроизводства, а передъ судьей лежитъ должностной знакъ съ цѣпью, печать и письменный приборъ. Опредѣленныхъ дней и часовъ для разбора дѣлъ у народныхъ судей не назначено. Просители начинаютъ собираться съ ранняго утра, тотчасъ послѣ утренней молитвы (намазъ бамдадъ), которая зимой оканчивается около 6 ч. утра, а лѣтомъ и раньше, въ зависимости отъ времени восхода солнца. Съ утра до вечера судья безотлучно находится въ камерѣ и готовъ къ пріему просителей, разбору дѣлъ и засвидѣтельствованію актовъ. Только съ наступленіемъ сумерокъ прекращается дневная дѣятельность судьи, но канцелярія его иногда далеко за полночь работаетъ, чтобы закончить переписку за день и приготовить къ слѣдующему дню для выдачи кліентамъ необходимые документы и копіи рѣшеній судьи.

Просители входятъ въ комнату, гдѣ сидитъ народный судья, по одиночкѣ или небольшими группами, если у нѣсколькихъ лицъ одно и то же дѣло. Лѣтомъ окна изъ комнаты на террасу при домѣ остаются открытыми, такъ что желающіе слушать разборъ дѣлъ могутъ присутствовать при разбирательствѣ, не стѣсняя судью съ его совѣтниками и прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ. Произнеся при входѣ въ комнату общепринятое привѣтствіе и получивъ на него отвѣтъ, проситель усаживается поближе къ входной двери. По мусульманскому обычаю, почетными мѣстами въ комнатѣ считаются тѣ, которыя расположены противъ входной двери и дальше отъ нея въ глубину комнаты; поэтому проситель и занимаетъ подобающее мѣсто чтобы не заслужить порицанія за невѣжество. Садится туземецъ, передъ народнымъ судьей не такъ, какъ самъ признаетъ для себя удобнѣе; онъ даже не можетъ сѣсть, что называется, „по

турецки“, поджавъ подъ себя ноги, а долженъ непремѣнно принять позу, установленную для молитвы, для чего нужно встать на колѣни и опустить нижнюю часть туловища на пятки ногъ. Проситель почтительно ждетъ, пока судья предложитъ ему высказать его желаніе, и тогда только, стараясь быть краткимъ и сохраняя почтительность въ голосѣ, излагаетъ свое дѣло.

Сами туземцы являются къ народному судьѣ въ большинствѣ случаевъ только тогда, когда они обращаются къ нему, какъ къ нотаріусу, для засвидѣтельствованія различнаго рода актовъ, или когда начатое дѣло не вызываетъ никакихъ сомнѣній, не сложно само по себѣ. Чуть дѣло поважнѣе и требуетъ извѣстной ловкости и знанія судебныхъ пріемовъ, оно передается для веденія профессіональному довѣренному (вакиль). Эти лица замѣняютъ въ народномъ судѣ адвокатовъ и приносятъ населенію большой вредъ. Искусившіеся въ различныхъ ухищреніяхъ мусульманскаго кодекса вакили пріобрѣтаютъ значеніе людей, способныхъ вліять на рѣшеніе дѣла въ ту или другую сторону, и часто пользуются своимъ положеніемъ исключительно въ личныхъ разсчетахъ. Нерѣдко случаи, что туземный ходатай по дѣламъ беретъ на себя веденіе дѣла отъ имени истца, а затѣмъ, получивъ съ него вознагражденіе, условливается и съ отвѣтчикомъ помочь ему отдѣлаться отъ иска, за уплату также извѣстнаго вознагражденія за хлопоты. Понятно послѣ этого, съ какимъ рвеніемъ этотъ продажный повѣренный поведетъ дѣло своего перваго и главнаго кліента. Иногда, благодаря воздѣйствію тѣхъ же повѣренныхъ, стороны соглашаются покончить дѣло миромъ и передаютъ свои полномочія ходатаямъ. Такіе случаи—прямая выгода для вакилей: заручившись письменнымъ согласіемъ обѣихъ сторонъ на мировое разбирательство, посредники рѣшаютъ дѣло такъ, чтобы самимъ имъ это было выгодно, и довѣритель получаетъ въ большинствѣ случаевъ, только весьма незначительную часть исковой суммы, остальныя же деньги дѣлятся услужливыми миротворцами между собой. Кліентъ уходитъ послѣ примиренія, радуясь, что хоть что-нибудь получилъ и отдѣлался отъ корыстныхъ и жадныхъ посредниковъ. Общественное мнѣніе неодобрительно относится къ такимъ ходатаямъ въ народномъ судѣ, слышатся нерѣдко просьбы населенія объ изгнаніи повѣренныхъ изъ камеръ народныхъ судей, но ходатаи попрежнему остаются на занятыхъ ими у чужихъ дѣлъ постахъ, благодаря тому, что и передъ народными судьями много вчиняется столь неправыхъ

исковъ, что безъ умѣлаго веденія дѣла нѣтъ никакой надежды выиграть такое дѣло; поневолѣ, приходится обращаться къ услугамъ повѣренныхъ, въ надеждѣ, что можетъ быть на этотъ разъ ходатай постѣснится поступить несправедливо и продать дѣло противной сторонѣ. Повѣренные и сами не мало хлопочутъ о своихъ выгодахъ, они ищутъ кліентовъ и уговариваютъ туземцевъ начинать гражданскія и уголовныя дѣла, обѣщая несомнѣнный выигрышъ. Благодаря этому, у народныхъ судей, не имѣющихъ опредѣленнаго содержанія, а получающихъ вознагражденіе отъ тяжущихся, устанавливается съ ходатаями связь, основанная на общности интересовъ: повѣренные даютъ работу народному судьѣ и увеличиваютъ его прибыль, а судья снисходительно смотритъ на неблаговидные поступки вакилей, по поговоркѣ „рука руку моетъ“.

Привычный вакиль сознаетъ свою силу; онъ гораздо развязнѣе держитъ себя передъ народнымъ судьей, громче говоритъ, какъ бы желая похвастаться передъ присутствующими своей храбростью, и настойчиво требуетъ того, что считаетъ нужнымъ для дѣла, ссылаясь на темныя, заранѣе подобранныя указанія шаріатныхъ постановленій. Къ подыскиванію такихъ постановленій, книги шаріата представляютъ всѣ удобства, какъ по многочисленности своей, такъ и по отсутствію какой-либо систематизаціи юридическихъ толкованій мусульманскаго кодекса. Кромѣ общеизвѣстныхъ классиковъ мусульманскаго законовѣдѣнія, которые довольно опредѣленно высказывали свои мнѣнія по каждому юридическому вопросу, въ мусульманской юридической литературѣ появилось съ теченіемъ времени безчисленное множество частныхъ пространныхъ толкованій на каждый отдѣльный вопросъ права и авторы, такъ называемыхъ „патва“ (или „фетва“, какъ говорятъ въ Турціи) задались цѣлью такъ подробно разработать тему, чтобы въ данномъ сочиненіи можно было найти отвѣтъ на всякій вопросъ. Для того, чтобы написать объ одномъ и томъ же предметѣ цѣлую книгу, приходилось вдаваться въ такія подробности юридической казуистики и давать до такой степени подробный разборъ всѣхъ возможныхъ случаевъ, что въ него вошли выдуманныя, не встрѣчающіяся въ жизни положенія тяжущихся, а самое изслѣдованіе до того запуталось, что только опытная рука юриста-практика можетъ найти въ книгѣ ту страницу, которая должна быть принята въ основаніе при рѣшеніи даннаго дѣла. Разумѣется отъ самихъ народныхъ судей зависѣло бы понемногу

вывести изъ употребленія пространныя толкованія и придерживаться въ практикѣ классическихъ юридическихъ сочиненій вродѣ „Хидая-и-шерифъ“, которыя, излагая весь матеріалъ въ системѣ, не останавливаются на мелочныхъ подробностяхъ и предоставляютъ въ каждомъ данномъ случаѣ совѣсти и здравому смыслу судьи полный просторъ толкованія статьи шаріата въ духѣ закона, но наши судьи не любятъ этихъ „большихъ дорогъ“ шаріата, какъ они зовутъ опредѣленныя постановленія, а всѣ поголовно предпочитаютъ руководствоваться запутанными „патва“ исключительно въ своихъ личныхъ расчетахъ. Классиковъ мусульманскаго законовѣдѣнія не такъ много и даже частное лицо прежде, чѣмъ пойти съ своимъ дѣломъ къ народному судьѣ, имѣетъ полную возможность справиться, какъ смотрятъ мусульманскіе законовѣды на данный вопросъ. Понятно, что, заручившись подобной справкой, тяжущійся пріобрѣтаетъ возможность настаивать на исполненіи судьей своего законнаго требованія, можетъ спорить съ судьей, жаловаться на его неправосудіе. Иное положеніе получается, когда въ ходу не систематическіе юридическіе трактаты, а мелочныя подробныя компиляціи. Здѣсь, при пользованіи подобными книгами съ предвзятой мыслью, можно найти указаніе на рѣшеніе дѣла въ ту или другую сторону и все это будетъ „по шаріату“. Провѣрить судью нѣтъ никакой возможности, да онъ и не отдаетъ никому отчета, какой книгой и какимъ ея указаніемъ онъ руководствовался въ данномъ случаѣ, а пишетъ въ приговорѣ, что такъ полагается „по шаріату“, и только. Зато при пользованіи „патва“ и для судьи подчасъ бываетъ трудно возразить на удачно подысканную умѣлымъ вакилемъ статью мало извѣстнаго автора, такъ что, пользуясь пространными толкованіями, вакиль нерѣдко можетъ поставить въ тупикъ и самого судью. Въ большинствѣ случаевъ судья мало споритъ, чтобы не уронить своего достоинства; онъ знаетъ, что при постановленіи рѣшенія за нимъ останется послѣднее рѣшающее слово и что обжаловать его рѣшеніе при описанныхъ условіяхъ судопроизводства очень трудно. Въ Турціи народные судьи уже отказались отъ безсистемныхъ толкованій мусульманскихъ авторовъ и въ практикѣ тамошняго, тоже шаріатскаго, суда мы встрѣчаемъ судебникъ, напоминающій наше „Уложеніе о наказаніяхъ“ или „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями“; однако, изъ нашихъ народныхъ судей никто не желаетъ руководствоваться этимъ судебникомъ, а всѣ предпочитаютъ ту-

манныя указанія „патва“, находя, что за статьями этихъ книгъ вѣрнѣе укрывается личное желаніе или даже пристрастіе судьи.

Какъ сказано выше, проситель садится передъ народнымъ судьей въ установленной обычаемъ позѣ. Для начала разбора дѣла необходимо, чтобы проситель или стороны сидѣли передъ судьей. Такъ принято и установилось обычаемъ; сартъ, говоря о своемъ обращеніи къ народному суду, всегда употребляетъ глаголъ „тушмакъ“ — опускаться: „казыга туштымъ“ — я опустился передъ казіемъ, скажетъ туземецъ въ такомъ случаѣ. Ни одинъ народный судья не станетъ разбирать дѣла, а тѣмъ болѣе не постановитъ рѣшенія, если тяжущіеся стоятъ передъ нимъ: онъ всегда сначала прикажетъ всѣмъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ сѣсть. Этимъ пользуются въ свою очередь туземцы, наклонные къ сутяжничеству. Истецъ или отвѣтчикъ сидитъ передъ судьей во все время судебныхъ преній, но какъ только дѣло близится къ развязкѣ и судья собирается объявить приговоръ, недовольный исходомъ тяжбы встаетъ и лишаетъ тѣмъ самымъ судью возможности окончить дѣло. Народный судья призываетъ вставшаго съ мѣста къ порядку и проситъ его сѣсть, но бываютъ случаи, когда добиться этого не удается и дѣло затягивается, благодаря упорству тяжущихся, не желающихъ принять передъ лицомъ судьи ту позу, какая установлена обычаемъ. Посадить силой тяжущагося нельзя, а не садясь самъ, онъ выражаетъ нежеланіе подчиниться рѣшенію судьи. Былъ случай, что народный судья о нежелавшемъ сѣсть отвѣтчикѣ постановилъ особый приговоръ и присудилъ его къ заключенію подъ стражу.

Итакъ, проситель излагаетъ свою просьбу народному судьѣ. Если просьба заключается въ желаніи получить какую-либо копію состоявшагося уже рѣшенія или засвидѣтельствовать документъ, то просителя направляютъ въ канцелярію народнаго судьи, гдѣ привычные къ дѣлу писцы очень быстро исполняютъ приказаніе судьи, списывая копію или внося въ актовую книгу содержаніе нужнаго документа. Вскорѣ въ помѣщеніе судьи снова входитъ кліентъ съ готовой записью или распиской, которую судья долженъ утвердить приложеніемъ своей должностной печати. Если сдѣлка происходитъ между двумя находящимися на-лицо кліентами, то они снова садятся и на вопросы судьи опредѣленно выражаютъ свое согласіе на утвержденіе состоявшейся сдѣлки. Судья неторопливо надѣваетъ на себя цѣпь со знакомъ, присвоеннымъ его должности, такъ же неторопливо нама-

зываетъ тушью съ мизинца желѣзную печать (если не имѣетъ красящей каучуковой) и, лизнувъ языкомъ то мѣсто документа, гдѣ текстъ заканчивается словами „приложилъ печать“, прикладываетъ печать къ особой проклеенной бумагѣ туземнаго приготовленія, на которой преимущественно пишутся документы. Проситель почтительно подходитъ къ судьѣ, беретъ изъ рукъ его документъ и, отступая къ двери, не поворачиваясь спиной, оставляетъ помѣщеніе камеры.

Другой порядокъ соблюдается, если передъ судьей явится истецъ по гражданскому дѣлу или потерпѣвшій по дѣлу уголовному. Здѣсь недостаточно словеснаго заявленія, и просителю приходится изложить свои желанія письменно, написать, такъ называемый, „махзаръ“, или исковое прошеніе, что исполняется однимъ изъ писцовъ народнаго судьи за небольшое вознагражденіе. Разсмотрѣвъ прошеніе, народный судья, разспрашиваетъ просителя о подробностяхъ дѣла и выясняетъ, кого именно необходимо вызвать ко дню разбора дѣла. Заготовляются повѣстки на треугольныхъ маленькихъ клочкахъ бумаги и передаются для врученія особымъ лицамъ изъ туземцевъ, постоянно находящимся при канцеляріи народнаго судьи. Эти люди извѣстны подъ общимъ названіемъ „асауловъ“ и врученіе повѣстокъ составляетъ для нихъ промыселъ, дающій имъ средства къ жизни. Народный судья не платитъ содержанія асауламъ, но за врученіе каждой повѣстки посланный получаетъ отъ истца небольшое вознагражденіе въ 10—25 коп. Болѣе расторопные асаулы иногда ухитряются получать деньги и за невручение повѣстокъ въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ или свидѣтель по дѣлу, въ силу какихъ-либо соображеній, желаетъ уклониться отъ явки по вызову судьи; вызванный платитъ асаулу за то, чтобы тотъ унесъ повѣстку назадъ и сказалъ, что не могъ найти вызываемаго и, разумѣется, платитъ немного болѣе того, что асаулъ могъ бы получить за врученіе повѣстки.

Въ день разбора, когда явились стороны и свидѣтели, провѣряется, всѣ ли вызванные явились, и затѣмъ народный судья приступаетъ къ разбирательству. Все производство ведется кратко и такъ же кратко записывается на оборотѣ искового прошенія. Протоколъ судебнаго разбирательства носитъ названіе „тазкира“ и содержитъ въ себѣ изложеніе послѣдовательнаго хода преній сторонъ. По окончаніи разбора, всѣ удаляются изъ камеры, а народный судья, посовѣтовавшись съ своими ааля-

мами и муфтіями, диктуетъ писцу рѣшеніе по дѣлу, которое и вписывается въ книгу.

Когда рѣшеніе написано, всѣхъ причастныхъ къ дѣлу лицъ снова зовутъ въ камеру, усаживаютъ передъ народнымъ судьей и рѣшеніе объявляется присутствующимъ подъ расписку въ книгѣ рѣшеній, съ выдачей желающей сторонѣ копіи рѣшенія.

Обыкновенно дѣла у народныхъ судей разбираются весьма быстро, если только судья изъ какихъ-либо расчетовъ или постороннихъ соображеній не затягиваетъ дѣла и если повѣренные сторонъ не заинтересованы въ отсрочкѣ окончательнаго рѣшенія. При наличности одного изъ этихъ факторовъ нельзя сказать заранѣе, когда кончится извѣстное дѣло, такъ какъ его можно затянуть на неопредѣленное время, пользуясь самыми шаріатными уловками. Не говоря уже про то, что истецъ, начавъ дѣло, можетъ, по своему произволу, откладывать вызовъ свидѣтелей и требовать какіе угодно сроки для собранія доказательствъ, его неявка къ назначенному сроку лишаетъ народнаго судью возможности разобрать дѣло въ его отсутствіи, такъ какъ заочныя рѣшенія не допускаются. Въ свою очередь и отвѣтчикъ можетъ надолго затянуть дѣло, не являясь по вызову народнаго судьи или прося объ отсрочкѣ разбирательства по какой-либо маловажной причинѣ. Но зато если ужъ дѣло дошло до разбора, то разбирательство идетъ чрезвычайно быстро, безъ всякихъ формальностей и околичностей.

Мнѣ пришлось однажды показывать достопримѣчательности стараго Ташкента нашему маститому юристу В. Д. Спасовичу и, по его желанію, мы посѣтили камеру одного изъ народныхъ судей, во время разбора дѣлъ. Въ нашемъ присутствіи судья такъ быстро и просто разобралъ нѣсколько дѣлъ, что произвелъ сильное впечатлѣніе на видѣвшаго на своемъ вѣку столько процессовъ почтеннаго профессора.

Иногда разборъ дѣла откладывается на весьма продолжительное время по необходимости изъ-за составленія „ривоята", т. е. справки изъ шаріатныхъ толкованій по разбираемому вопросу. Стоитъ только той или другой сторонѣ заявить о желаніи представить суду ривоятъ, и народный судья вынужденъ дать просимый срокъ для составленія мнѣній законовѣдовъ по данному вопросу, чтобы не лишить тяжущагося возможности должнымъ образомъ подкрѣпить свои исковыя требованія и обвиненія, или же, наоборотъ, привести данныя въ свое оправданіе или опроверженіе иска.

Во всякомъ дѣлѣ по шаріату долженъ быть истецъ, чѣмъ для нашихъ народныхъ судей создается затрудненіе при разборѣ цѣлой категоріи дѣлъ, возбуждаемыхъ помимо жалобы потерпѣвшаго. Неосторожное обращеніе съ огнемъ, преступное оставленіе человѣка въ опасности, нарушеніе санитарныхъ постановленій и тому подобные проступки, совершенные туземцами въ туземной части города, вызываютъ привлеченіе виновныхъ къ отвѣтственности передъ народнымъ судомъ, а между тѣмъ, шаріатъ совершенно не предусматриваетъ подобныхъ случаевъ, когда само общество настаиваетъ на взысканіи съ виновнаго, помимо чьего-либо частнаго интереса. Дѣлая уступку времени, наши народные судьи разбираютъ и такого рода дѣла, но каждый подобный случай вызываетъ продолжительныя объясненія о томъ, кого же слѣдуетъ въ такомъ дѣлѣ считать истцомъ или обвинителемъ. Наложеніе взысканій за общественныя преступленія не сходится съ установившимся у народныхъ судей взглядомъ, что если нѣтъ истца, то не можетъ быть и возбуждено дѣло. Очевидно, народные судьи не могутъ уяснить себѣ, что съ упраздненіемъ существовавшей при мусульманскомъ правительствѣ должности „казы-раиса", часть обязанностей этого должностного лица перешла къ самимъ народнымъ судьямъ. Раисъ, помимо наблюденія за исполненіемъ мусульманами ихъ религіозныхъ обязанностей, наблюдалъ еще за благочиніемъ въ публичныхъ мѣстахъ, чистотою улицъ и площадей, вѣрностью вѣсовъ и доброкачественностью обращающихся въ продажѣ продуктовъ. Усмотрѣвъ какое-либо нарушеніе, раисъ тутъ-же, при содѣйствіи состоявшихъ при немъ служащихъ, наказывалъ виновнаго нѣсколькими ударами плети (дарра). Въ настоящее время обнаруженіе всѣхъ проступковъ противъ общественной тишины и спокойствія лежитъ на обязанности полиціи, а наложеніе наказаній зависитъ отъ народнаго суда. Недоумѣніе народныхъ судей по поводу отсутствія въ дѣлѣ необходимаго по шаріату истца влечетъ за собой крайнюю слабость при опредѣленіи наказаній за такіе проступки, которые обнаруживаются полиціей. Народный судья явно показываетъ нежеланіе наложить взысканіе, чтобы не преступить шаріатныхъ постановленій, и въ то же время не отваживается совершенно игнорировать законное требованіе полиціи; поэтому, напр., за загрязненіе человѣческими экскрементами каналовъ, изъ которыхъ жители пользуются водой для питья и приготовленія пищи, народный судья ограничивается нѣсколькими днями

ареста и, разумѣется. такой мягкій приговоръ не производитъ никакого впечатлѣнія. Обжалованіе такихъ приговоровъ не допускается, а потому дѣятельность народнаго суда въ этомъ направленіи приноситъ весьма мало пользы.

Рѣшенія и приговоры народныхъ судей, а въ особенности совершаемые народными судьями документы на недвижимыя имущества, по установившемуся обычаю, до сего времени пишутся на персидскомъ языкѣ, съ употребленіемъ множества непонятныхъ неученымъ людямъ арабскихъ юридическихъ терминовъ. Такое изложеніе приговоровъ вызываетъ не мало неудобствъ среди населенія, сплошь владѣющаго только тюркскимъ нарѣчіемъ, каково, напр., населеніе туземний части г. Ташкента, но народные судьи не желаютъ отступить отъ принятаго обычая, ссылаясь на то, что на грубомъ тюркскомъ нарѣчіи нельзя подобрать соотвѣтствующихъ выраженій для отвлеченныхъ юридическихъ понятій.

Какъ было уже упомянуто, народные судьи не получаютъ содержанія отъ казны, а трудъ ихъ оплачивается вознагражденіемъ по обычаю, при чемъ слѣдующая въ вознагражденіе судьи сумма взыскивается съ отвѣтчика. Норма вознагражденія судьи обычаемъ не установлена и въ трактатахъ мусульманскихъ законовѣдовъ по этому предмету также нѣтъ опредѣленныхъ указаній; поэтому въ большинствѣ случаевъ сумма вознагражденія зависитъ столько же отъ состоятельности того лица, съ котораго взыскиваются деньги, сколько и отъ требовательности народнаго судьи. Неудивительно, что изъ-за нормы вознагражденія часто возникаютъ пререканія между судьею и тяжущимися, а также и между самими народными судьями. Тяжущіеся нерѣдко жалуются на чрезмѣрныя требованія судей и представляютъ справки изъ шаріатныхъ книгъ, подбирая тѣ мѣста этихъ сочиненій, гдѣ авторы-законовѣды, желая поднять авторитетъ судьи, высказываются за полную безвозмездность рѣшеній. Народные судьи спорятъ между собой о нормѣ вознагражденія и не могутъ придти ни къ какому соглашенію, опять таки въ виду разнорѣчивыхъ мнѣній мусульманскихъ законовѣдовъ по этому предмету. А однообразіе въ нормѣ вознагражденія особенно необходимо именно въ Ташкентѣ, гдѣ народнымъ судьямъ приходится разбирать дѣла и совершать акты на весьма значительныя суммы и гдѣ судей четверо. Послѣднее обстоятельство получаетъ особое значеніе потому, что, при разнообразномъ опредѣленіи вознагражденія

въ пользу народнаго судьи, менѣе требовательный судья одной изъ частей города своимъ безкорыстіемъ подаетъ поводъ къ обвиненію остальныхъ народныхъ судей въ жадности и вымогательствѣ, тогда какъ они дѣйствуютъ по шаріату и повинны только въ томъ, что безкорыстіе у нихъ не такъ сильно развито, какъ у ихъ товарищей. Наши народные судьи сами сознали это неудобство и по собственному почину возбудили предъ начальникомъ города ходатайство о томъ, чтобы норма вознагражденія судьи была опредѣлена въ $^1/_2$% съ суммы иска или стоимости имущества, подлежащаго раздѣлу. Начальникъ города утвердилъ эту норму, но, кажется, поступилъ опрометчиво, потому что, вслѣдъ за изданіемъ по этому предмету приказа, народные судьи сами стали отступать отъ нормы и самый безкорыстный изъ народныхъ судей, приступивъ къ раздѣлу наслѣдства одного умершаго богача на общую сумму 400,000 р. отписалъ себѣ въ вознагражденіе 4,000 руб., удвоивъ на этотъ случай установленную норму.

Опекунскія дѣла и дѣла о раздѣлѣ наслѣдственныхъ имуществъ составляютъ видную часть дѣятельности народныхъ судей, какъ по значительности суммы наслѣдствъ, такъ и по важности правильной постановки охранительнаго производства для благосостоянія сиротъ, обезпечиваемыхъ опекунскими капиталами. Между тѣмъ эта-та сторона дѣятельности и составляетъ самое слабое мѣсто нашего народнаго суда. При охранѣ открывающагося наслѣдства, первая опись для приведенія въ извѣстность оставшагося имущества производится часто несвоевременно и крайне небрежно. Благодаря этому, нерѣдко значительная часть наслѣдства исчезаетъ еще до охраны и оказывается въ рукахъ такихъ членовъ семейства, которые по закону не имѣютъ права на наслѣдственныя доли. То, что попало въ опись, подвергается подробному изслѣдованію со стороны народнаго судьи и служащихъ при немъ съ цѣлью опредѣленія, какія именно вещи должны быть переданы народному судьѣ въ счетъ вознагражденія за предстоящій раздѣлъ наслѣдства; при этой оцѣнкѣ вещей каждая изъ нихъ кажется судьѣ значительно дешевле дѣйствительной своей стоимости, а наслѣдники до раздѣла очень сговорчивы. При раздѣлѣ наслѣдства старшіе и болѣе вліятельные наслѣдники пользуются преимущественнымъ правомъ выбора наслѣдственныхъ долей, на долю-же сиротъ, если таковые есть среди наслѣдниковъ, приходится то, что болѣе опытные изъ сонаслѣдниковъ не жела-

ютъ оставить за собой, т. е. обычно бездоходныя недвижимости или ненадежные документы. Вся наличность сиротскаго состоянія поступаетъ въ распоряженіе народнаго судьи, отъ котораго вполнѣ зависитъ хранить капиталъ, гдѣ ему угодно, или отдать его въ ростъ. Народные судьи, ссылаясь на необходимость увеличенія принадлежащихъ сиротамъ капиталовъ, предпочитаютъ помѣщать хранящіяся у нихъ деньги на проценты, при чемъ нарѣдко кредиторами опекунскихъ капиталовъ являются близкіе родственники судьи или преданные ему люди. Опредѣленіе процентовъ и обезпеченіе долга также вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія судьи. Благодаря такой постановкѣ дѣла охраны сиротскихъ капиталовъ, большинство наслѣдствъ таетъ; проценты своевременно не уплачиваются, обезпеченія, въ видѣ данныхъ въ залогъ недвижимостей, оказываются спорными, а сами должники—несостоятельными къ уплатѣ долга. Сиротскій опекунъ въ такихъ случаяхъ предъявляетъ къ должнику искъ и, отъ имени сиротъ, кончаетъ дѣло миромъ, прощая часть долга, тѣмъ болѣе, что это великодушіе ему самому ничего не стоитъ. Между опекунами встрѣчаются также люди, считающіе вполнѣ справедливымъ дѣлить все пріобрѣтаемое ими для опекаемыхъ съ своей семьеи, такъ что содержаніе семьи опекуна ложится всей своей тяжестью на средства опекаемыхъ.

Туземцы давно сознали все неудобство такого произвольнаго распоряженія сиротскимъ достояніемъ, но страхъ передъ народными судьями заставляетъ молчать недовольныхъ. Только въ 1891 г. вдова одного богача начала кампанію противъ самаго вліятельнаго народнаго судьи, выступивъ въ качествѣ опекунши своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей; при участіи русскихъ властей, ей удалось заставить народнаго судью поступить съ сиротскими деньгами не по шаріату—сдать 30.000 руб. на храненіе въ отдѣленіе Государственнаго Банка, а потомъ даже пріобрѣсти на эту сумму государственныя процентныя бумаги; деньги цѣлы до сихъ поръ, сироты отлично содержатся на аккуратно получаемые опекуншей проценты, но этотъ примѣръ не увлекъ другихъ: остальные народные судьи не могутъ рѣшиться преступить указанія шаріатскихъ книгъ, писанныхъ еще тогда, когда не существовало банковыхъ учрежденій, а потому и не упоминающихъ о храненіи денегъ въ банкахъ. Для туземныхъ опекуновъ, очень часто злоупотребляющихъ своими полномочіями во вредъ опекаемымъ, было бы гораздо легче хранить въ банкѣ наслѣдственные сиротскіе капиталы, но по закону они къ тому не обязаны.

Контроль надъ дѣйствіями единоличныхъ народныхъ судей по всѣмъ дѣламъ, не исключая и опекунскихъ, сосредоточивается въ рукахъ съѣзда народныхъ судей. Входя въ составъ съѣзда, народные судьи судятъ самихъ себя, потому что сегодня 3 народныхъ судьи провѣряютъ дѣло объ охранѣ имущества четвертымъ своимъ коллегою и тотъ даетъ всѣ объясненія по требованію съѣзда, а завтра онъ самъ въ числѣ трехъ повѣряетъ дѣйствія остальныхъ народныхъ судей и уже одинъ изъ судей, наканунѣ бывшихъ контролерами, оказывается самъ въ роли контролируемаго и т. д.

Нечего и говорить, что при такихъ условіяхъ съѣздъ народныхъ судей является только фикціей и апелляція въ эту коллегіальную инстанцію приноситъ очень мало пользы тяжущимся. Всякое рѣшеніе единоличнаго народнаго судьи любая сторона можетъ обжаловать въ съѣздъ и большинство туземцевъ въ случаяхъ неудовольствія рѣшеніями своихъ судей прибѣгаетъ къ этому послѣднему средству, но почти всегда безъ всякаго результата.

Съѣздъ народныхъ судей разбираетъ дѣла подъ предсѣдательствомъ одного изъ народныхъ судей, котораго на каждую сессію избираютъ остальные члены съѣзда. Предсѣдатель пользуется въ съѣздѣ большимъ вліяніемъ, чѣмъ другіе члены, и потому каждый изъ народныхъ судей стремится быть избраннымъ на эту должность. Въ Ташкентѣ почти всегда предсѣдательствуетъ въ съѣздѣ одинъ и тотъ-же народный судья, самый ловкій и рѣчистый. Такое привиллегированное положеніе вызываетъ зависть въ другихъ народныхъ судьяхъ, а безсмѣнный предсѣдатель утверждаетъ за собой значеніе, во многомъ схожее съ положеніемъ при мусульманскомъ режимѣ „казыкаляна“, или старшаго казія.

Каждый народный судья въ своей практикѣ единоличнаго народнаго судьи не можетъ дѣйствовать безпристрастно и независимо, онъ постоянно долженъ оглядываться на вліятельнѣйшихъ изъ избирателей и стараться имъ угождать, чтобы обезпечить себѣ ихъ симпатіи при выборахъ на слѣдующее трехлѣтіе. Состоящій изъ тѣхъ-же зависящихъ отъ населенія судей, съѣздъ народныхъ судей также не можетъ обладать въ достаточной мѣрѣ независимостью. Такъ, напр , до 1892 года въ туземной части гор. Ташкента вовсе не было русскихъ властей; туземнымъ городомъ правилъ во всѣхъ отношеніяхъ старшій аксакалъ изъ туземцевъ. Иногамъ Ходжа Умріаходжиновъ, кото-

рый пользовался большимъ вліяніемъ въ народѣ и управлялъ по своему усмотрѣнію выборами должностныхъ лицъ, а потому и съѣздъ народныхъ судей привыкъ не противорѣчить ему.

Наблюденіе надъ дѣйствіями съѣзда народныхъ судей принадлежитъ уѣздному начальнику; онъ вноситъ черезъ прокурора въ окружный судъ протестъ, если рѣшеніе постановлено съѣздомъ съ превышеніемъ власти или по дѣлу народному суду не подсудному. Надо немного знать туземца и народныхъ судей въ особенности, чтобы оцѣнить значеніе для народнаго суда такого контроля. Власть суда такъ велика, что, и не превышая ея, судъ можетъ постановить весьма важное для тяжущихся рѣшеніе въ прямое нарушеніе справедливости; допустить же въ народныхъ судьяхъ столько неопытности, чтобы кто-нибудь изъ нихъ принялъ къ своему разбирательству дѣло, ему не подсудное, невозможно, потому что каждый народный судья отлично знаетъ тѣ статьи „Положенія объ управленіи Туркестанскаго края", которыя относятся до его компетенціи. Поэтому надзоръ русской административной власти и прокуратуры почти не распространяется на существо дѣятельности народнаго суда, гдѣ каждое дѣло имѣетъ свою интимную исторію, извѣстную только жителямъ туземной части города, нерѣдко выводящимъ вѣрное заключеніе объ исходѣ дѣла только на основаніи соображеній объ отношеніяхъ и связяхъ тяжущихся, или на основаніи посѣщенія тѣмъ или другимъ лицомъ предсѣдателя съѣзда незадолго до начала сессіи.

Нельзя спорить противъ независимости суда вообще, но если ужъ народный судъ находится въ полной зависимости отъ нѣсколькихъ туземцевъ-избирателей, то лучше, казалось бы, дать большій просторъ вмѣшательству въ дѣла суда русской власти, установивъ, напр., предсѣдательство на съѣздѣ народныхъ судей русскаго чиновника. Присутствіе посторонняго свидѣтеля, въ особенности, если лицо это владѣетъ туземнымъ нарѣчіемъ, въ сильной степени упорядочитъ пренія суда и находчивые туземцы, народные судьи, отлично сумѣли-бы на этомъ вмѣшательствѣ построить свою самостоятельность по отношенію къ своимъ избирателямъ, увѣривъ ихъ, что имъ пришлось на съѣздѣ дѣйствовать по закону и что присутствіе коронпаго предсѣдателя помѣшало имъ въ рѣшеніи дѣла руководствоваться симпатіями.

Прослѣдивъ, шагъ за шагомъ, обстановку, въ которой функціонируетъ народный судъ гор. Ташкента, я нахожу не лиш-

нимъ передать и впечатлѣнія, вынесенныя мной изъ близкаго знакомства съ народными судьями, находившимися на службѣ въ періодъ времени съ 1890 по 1897 г.г. За два выборныхъ трехлѣтія составъ судей перемѣнился такъ, что я служилъ съ 8-ю разными лицами; ко всѣмъ имъ я и долженъ отнести свою характеристику.

Общій уровень мусульманскаго образованія народныхъ судей вообще не высокъ по сравненію съ подготовкой прежнихъ шаріатныхъ казіевъ, но въ Ташкентѣ былъ случай избранія въ народные судьи совсѣмъ неграмотнаго человѣка, съ трудомъ подписывавшаго свою фамилію; старшему аксакалу необходимо было одного изъ вліятельныхъ старыхъ народныхъ судей замѣнить болѣе податливымъ; послушные избиратели не замедлили исполнить волю сильнѣйшаго и на должность народнаго судьи избранъ былъ нѣкто Саидъ Умаръ Махсумъ потому, какъ говорили тогда, что отецъ его славился своей ученостью. Недолго послужилъ неученый сынъ ученаго отца, его пришлось смѣнить въ виду полнѣйшей неспособности къ принятымъ на себя важнымъ обязанностямъ, а вскорѣ онъ и умеръ. Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ только, какъ населеніе безразсудно пользуется предоставленнымъ ему правомъ избранія должностныхъ лицъ.

Постоянно сталкиваясь съ народными судьями по службѣ, я съ каждымъ днемъ все больше и больше убѣждался въ ихъ пристрастіи къ сильнымъ и богатымъ туземцамъ, которые всегда могутъ разсчитывать на энергичную поддержку народнаго судьи и пользуются этимъ, чтобы давить бѣдняка. Иногда возникаютъ дѣла, вызванныя исключительно желаніемъ богача доказать бѣдняку свою силу, и народный судья никогда не встанетъ на защиту слабаго. Въ частныхъ бесѣдахъ съ народными судьями при народѣ, мнѣ удавалось иногда однимъ намекомъ предотвратить неправое рѣшеніе судьи, клонящееся только къ поддержанію престижа богачей: достаточно было иной разъ только спросить судью, въ какомъ положеніи дѣло такого-то, чтобы политичный шаріатный законовѣдъ совершенно прекратилъ несправедливыя притязанія, и мое косвенное вмѣшательство развязывало руки народному судьѣ, получавшему возможность отказать богачу въ виду того, что безпочвенность иска уже не составляетъ секрета.

Кромѣ служебныхъ сношеній со всѣми должностными лицами, я поддерживалъ съ ними и частныя отношенія, простое знакомство. Подобно тому, какъ прочіе туземцы составляютъ компаніи для собраній по очереди—„джура“, всѣ мы, служащіе

туземной части города, составляли особую компанію и собирались по пятницамъ по очереди то у того, то у другого изъ лицъ, принадлежащихъ къ нашей „джурѣ“, при чемъ хозяинъ дома пользовался правомъ приглашать къ себѣ и стороннихъ гостей въ тѣ дни, когда очередь собирать компанію доходила до него. Собранія эти устроились по предложенію одного изъ народныхъ судей и я съ удовольствіемъ согласился завести частныя сношенія со своими сослуживцами изъ туземцевъ. Мнѣ удалось гораздо ближе стать къ моимъ собесѣдникамъ и пробудить въ нихъ любознательность къ разнымъ особенностямъ жизни культурныхъ народовъ и ихъ взаимнымъ между собой отношеніямъ, но зато я вполнѣ въ нихъ разочаровался, увидавъ ихъ такими, каковы они въ дѣйствительности, а не какими они кажутся при офиціальныхъ сношеніяхъ. Я разсчитывалъ, проводя время среди ученыхъ туземцевъ, почерпнуть нѣкоторыя свѣдѣнія изъ ихъ науки, услышать ихъ сужденія о прошломъ ихъ народа и о значеніи русскаго завоеванія для туземнаго населенія. Въ дѣйствительности же, мои новые знакомцы обнаружили передо мной только свои человѣческія слабости, сбросивъ съ себя маску лицемѣрія и чопорности, подъ которой они выступаютъ передъ народомъ. Здѣсь, въ своей компаніи, народные судьи главнымъ образомъ сводили между собой счеты, да старались пощеголять своимъ остроуміемъ. Когда же дѣло доходило до предложенія почитать какую-нибудь серьезную книгу, или бесѣда сводилась къ предметамъ, нѣсколько выступающимъ за границы повседневной жизни, мои собесѣдники обнаруживали сонливость или подъ какимъ-либо предлогомъ торопились домой.

Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать, что и народные судьи нѣсколько измѣнили свою жизнь подъ вліяніемъ неизбѣжныхъ сношеній съ русскими людьми. Вліяніе знакомства съ русской жизнью распространилось на наружную половину (ташкари) ихъ домовъ и ихъ самихъ заставило немного сбавить пренебрежительности и гордости по отношенію къ меньшей туземной братіи. По-немногу и народный судья начинаетъ сознавать, что онъ слуга народа, отъ котораго зависитъ его благосостояніе, перестаетъ быть только неприступнымъ, величественнымъ казіемъ. Въ отступленіе отъ обычаевъ, разрѣшивъ себѣ ѣзду въ русскихъ экипажахъ, наиболѣе цивилизованные судьи немного перестроили свои дома, сложили въ гостиныхъ русскія печи, которыя топятъ, впрочемъ, только къ пріѣзду гостей изъ

русскаго города, завели столы и буковую мебель, развѣсили по стѣнамъ часы и термометры. Правда, эта наружная оболочка очень тонка, а за нею толстыми слоями расположены нажитыя вѣками привычки и непоколебимыя пока основы мусульманскаго міровоззрѣнія, до которыхъ еще долго не коснутся вліянія, проистекающія изъ совмѣстной жизни съ русскимъ народомъ.

Изложивъ все, что мнѣ извѣстно о нашихъ ташкентскихъ народныхъ судьяхъ, которые могутъ считаться типичными и для другихъ мѣстностей края съ осѣдлымъ населеніемъ, я попробую намѣтить въ нѣсколькихъ словахъ тѣ стороны дѣятельности народнаго суда, которыя особенно настоятельно требуютъ реформы для пользы народа и для достиженія правосудія въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ европейскіе народы.

Прежде всего, при теперешней своей власти народные судьи имѣютъ слишкомъ много силы и нерѣдко злоупотребляютъ своей властью, допуская произволъ и насиліе надъ слабымъ. По уголовнымъ дѣламъ власть народнаго судьи, простирающаяся до $1^1/_2$ годичнаго тюремнаго заключенія, далеко превышаетъ власть нашего мирового судьи, каждый шагъ котораго обусловленъ точно выраженнымъ законоположеніемъ. Компетенція суда по гражданскимъ дѣламъ, не ограниченная никакой суммой иска, даетъ въ руки народнаго судьи слишкомъ большую власть надъ имущественными интересами туземнаго населенія. Изъ этого слѣдуетъ, что въ интересахъ справедливости необходимо ограничить власть народнаго суда и устранить произволъ при назначеніи мѣры взысканій, выработавъ соотвѣтственный уставъ для народнаго суда.

Нотаріальная часть дѣятельности народныхъ судей занимаетъ такую значительную долю ихъ работы *), что въ интересахъ казны было бы справедливо изъять изъ вѣдѣнія народныхъ судей всю нотаріальную часть, передавъ совершеніе всѣхъ актовъ русскимъ нотаріусамъ. Во всякомъ случаѣ необходимо передать нотаріусамъ акты о недвижимости; это значительно увеличитъ нотаріальные сборы казны и городовъ, а туземцы нисколько не пострадаютъ отъ необходимости обращенія къ нотаріусу вмѣсто народнаго судьи.

Для установленія надлежащаго контроля надъ судебной дѣятельностью народныхъ судей было-бы вполнѣ умѣстно обязать ихъ вести всю переписку и излагать рѣшенія на русскомъ языкѣ, съ переводомъ на туземный языкъ. Можно сказать съ

*) См. таблицы въ № 21 газеты „Русскій Туркестанъ“ за 1898 годъ.

увѣренностью, что это требованіе подвинуло бы въ значительной степени стремленіе туземцевъ къ изученію русскаго языка.

Наконецъ, необходима коренная реформа съѣздовъ народныхъ судей съ тѣмъ, чтобы образовать изъ нихъ дѣйствительно инстанцію для обжалованія рѣшеній единоличныхъ народныхъ судей и устранить изъ дѣятельности съѣздовъ принципъ взаимной поддержки, на которомъ въ настоящее время зиждется съѣздъ народныхъ судей.

Всѣ предлагаемыя мѣры уменьшатъ доходы, власть и значеніе народныхъ судей, но въ значительной степени облегчатъ тяжущимся туземцамъ обращеніе къ правосудію. Народные судьи никогда не были и не станутъ искренними сторонниками распространенія въ народѣ русской гражданственности и культуры, потому что вся власть ихъ и значеніе покоятся на непроглядной тьмѣ шаріатныхъ хитросплетеній; поэтому лучше ограничить кругъ ихъ дѣятельности, распространивъ ихъ компетенцію на тѣ только дѣла, которыя рѣзко разнятся отъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ короннымъ судьямъ.

Къ реформѣ народнаго суда.

Наиболѣе существеннымъ недостаткомъ съѣздовъ народныхъ судей является отсутствіе въ ихъ составѣ независимыхъ элементовъ: съѣздъ народныхъ судей, въ качествѣ апелляціонной инстанціи, составляется изъ тѣхъ же народныхъ судей, рѣшенія и приговоры коихъ онъ призванъ провѣрять. Неудивительно, что члены съѣзда всегда стараются поддерживать другъ друга и апелляціонныя жалобы сторонъ обыкновенно оставляются безъ уваженія *).

Нѣкоторое улучшеніе организаціи съѣздовъ народныхъ судей могло бы быть достигнуто путемъ введенія въ составъ съѣзда, въ качествѣ предсѣдателя, кого-либо изъ чиновъ русской уѣздной администраціи. Нельзя только при этомъ ограничивать власть предсѣдателя распорядительной стороной дѣла и лишать его права голоса при постановленіи рѣшенія.

Если не пришло еще время всѣ дѣла мѣстныхъ жителей полностью передать въ вѣдѣніе общихъ судебныхъ учрежденій, то участіе въ съѣздѣ народныхъ судей русскаго короннаго служащаго несомнѣнно желательно, но нельзя разсчитывать на

* См. выше, стр. 91.

полезное вліяніе въ судѣ предсѣдателя, призваннаго лишь слѣдить за порядкомъ, не вмѣшиваясь въ разборъ дѣла.

Если предсѣдатель не знакомъ съ туземнымъ нарѣчіемъ, то, оставаясь безмолвнымъ зрителемъ судоговоренія, онъ точно и спокойно исполнитъ возложенныя на него обязанности. Если же предсѣдатель не только свободно понимаетъ туземную рѣчь, но въ добавокъ знакомъ съ основаніями шаріата *) или адата **), которыми должны руководствоваться при рѣшеніи дѣла народные судьи, то для него будетъ крайне тяжело запрещеніе вмѣшиваться въ рѣшеніе дѣла по существу, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда судьи, по невѣдѣнію или по какимъ либо инымъ соображеніямъ, пожелаютъ рѣшить дѣло наперекоръ основнымъ положеніямъ своего же кодекса. Добавимъ къ этому чисто нравственному терзанію еще необходимость для предсѣдателя удостовѣрить своей подписью рѣшеніе судей, и станетъ ясно, что безъ права голоса при рѣшеніи дѣла предсѣдатель не только не принесетъ дѣлу никакой пользы, а пожалуй еще и повредитъ ему, такъ какъ постановленіе суда будетъ приписано вліянію русскаго начальника. Возлагать на представителя русской администраціи нравственную отвѣтственность и въ то же время лишать его права голоса въ коллегіи—врядъ ли справедливо. Что-нибудь одно: или пусть народные судьи сами судятъ своихъ единовѣрцевъ и сами же отвѣчаютъ передъ народомъ за неправыя рѣшенія, или же, если въ туземномъ коллегіальномъ судѣ предсѣдательствуетъ русскій служащій, пусть его роль будетъ болѣе активной.

Наиболѣе серьезнымъ возраженіемъ противъ активнаго участія русскаго предсѣдателя въ народномъ судѣ является отсутствіе точно регламентированнаго судебника по шаріату и адату, потому что, не имѣя его подъ рукой, предсѣдатель не можетъ составить себѣ правильнаго взгляда на справедливое рѣшеніе дѣла. Но шаріатныя постановленія въ достаточной мѣрѣ изучены. Если не вдаваться въ тонкости мусульманской схоластики и совершенно игнорировать „патва“ и „шархи“ ***), которыми наши народные судьи такъ любятъ руководствоваться, именно въ виду запутанности этихъ толкованій, то можно, не погрѣшая противъ основъ шаріата, выработать подробный судебникъ по образцу нашего мирового устава, какъ это сдѣ-

*) Писанный религіозно-нравственный кодексъ мусульманъ.

**) Киргизское обычное право.

***) Толкованія.

лано уже въ турецкихъ судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ всѣ дѣйствія судей подчинены точной градаціи въ отношеніи размѣра наказаній. Судебникъ константинопольскаго изданія намъ случалось видѣть въ рукахъ одного изъ народныхъ судей, и къ примѣненію подобнаго руководства здѣсь конечно не встрѣтилось бы препятствій, если бы мы задумали въ своемъ русскомъ кодексѣ выдѣлить всѣ проступки, подсудные народному суду, и указать въ новомъ уставѣ какъ правила судопроизводства, такъ и квалификацію проступковъ въ отношеніи размѣра взысканій. Такое подраздѣленіе проступковъ по ихъ важности сразу отняло бы у народныхъ судей ту устрашающую населеніе силу, которой они теперь располагаютъ; судьи были бы лишены возможности произольно назначать обвиняемымъ ни съ чѣмъ несообразныя взысканія до 300 рублей штрафа и 18 мѣсячнаго ареста за самыя незначительныя въ сущности правонарушенія. Существованіе такого устава сразу поставило бы народныхъ судей подъ контроль общественнаго мнѣнія, потому что каждый легко могъ бы справиться по уставу, какое взысканіе положено за извѣстный проступокъ.

Обычное право киргизъ разработано меньше, чѣмъ шаріатъ. Здѣсь составитель судебника неминуемо встрѣтился бы съ большимъ числомъ варіантовъ адата по мѣстностямъ, но зато и жизнь кочевниковъ, и ихъ тяжбы настолько несложны, что составленіе общаго судебника по адату, которымъ упорядочивалась бы дѣятельность біевъ *) не встрѣтило бы затрудненій.

Съ такимъ уставомъ въ рукахъ, русскій предсѣдатель коллегіи народнаго суда, несомнѣнно, могъ бы наравнѣ съ прочими судьями здраво обсудить обстоятельства дѣла и высказать затѣмъ свое компетентное мнѣніе. Такое участіе русскаго чиновника въ дѣятельности народнаго суда было бы полезно и внесло бы въ туземное правосудіе новые для туземцевъ гуманные взгляды.

Если, однако, тщательнымъ предварительнымъ обсужденіемъ реформы народнаго суда будетъ выяснено, что не слѣдуетъ „вливать въ старые мѣхи вино новое“, то единственнымъ вѣрнымъ средствомъ обезпечить туземному населенію правосудіе является окончательное упраздненіе народныхъ судовъ, съ предоставленіемъ общимъ судебнымъ установленіямъ воз-

*) Киргизскіе народные судьи.

можности получать необходимыя разъясненія обычнаго права въ данной мѣстности при помощи опроса свѣдущихъ людей.

Лучшіе представители туземнаго населенія давно уже сознали всѣ недостатки своего народнаго суда и тяготятся этимъ институтомъ, но отъ этого еще далеко до заявленія самаго народа о желаніи судиться въ русскомъ судѣ.

Путь къ русскому суду для туземцевъ, въ случаѣ согласія обѣихъ тяжущихся сторонъ, открытъ давно; почему же туземцы до сихъ поръ сворачиваютъ съ этой дороги къ бію или казію? Да именно потому, что народный судъ существуетъ; миновать его не позволяетъ туземцу обычай и боязнь упрека въ неуваженіи къ тѣмъ религіознымъ или патріархальнымъ принципамъ, которые должны бы лежать въ основѣ туземнаго судопроизводства, но на самомъ дѣлѣ давно исчезли оттуда подъ всесокрушающимъ вліяніемъ времени и измѣнившихся жизненныхъ условій.

Какъ безъ приказа свыше туземцы никогда не рѣшатся открыть лица своихъ женщинъ, такъ не рѣшатся они открыто признать несостоятельность своихъ устарѣвшихъ судовъ, а потому у благо правосудія должно быть даровано туземному населенію извнѣ.

Упраздненіе народныхъ судовъ неминуемо вызвало бы затраты на соотвѣтственное увеличеніе русскаго судебнаго персонала, но и теперь населеніе должно-же содержать въ нѣкоторыхъ уѣздахъ до 120 народныхъ судей. Нельзя опасаться, чтобы расходъ на содержаніе добавочныхъ русскихъ судей показался для населенія непосильнымъ, такъ какъ русскихъ судей потребуется несравненно меньше, а служить интересамъ народа они будутъ гораздо лучше.

Могутъ сказать, что русскій судъ не совсѣмъ пригоденъ для туземцевъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ чисто обычнаго характера, но ст 244 Положенія объ управленіи Туркестанскаго края даетъ народу, кромѣ народнаго суда, еще весьма простой и въ то же время гуманный органъ суда—судъ посредниковъ. Это свободное отъ всякихъ формальностей и основанное только на довѣріи и уваженіи къ судьямъ учрежденіе съ успѣхомъ можетъ дѣйствовать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда стороны почему либо предпочтутъ третейское разбирательство своего дѣла хожденію по судамъ.

Судъ посредниковъ, свободный и окончательный, вотъ—форма, которую необходимо оставить туземцамъ для чисто

обычныхъ дѣлъ, не поддающихся, по глубокому различію европейскихъ и мусульманскихъ основныхъ взглядовъ, нашему суду; всѣ же остальныя дѣла уже въ настоящее время могутъ быть переданы русскимъ судебнымъ учрежденіямъ безъ всякаго опасенія, что населеніе пожалѣетъ о своемъ старомъ и несовершенномъ народномъ судѣ.

Представителямъ русскаго суда придется, конечно, много поработать, чтобы стать близко къ народу и завоевать себѣ его симпатіи. Прежде всего необходимо перешагнуть препятствіе, заключающееся въ незнаніи туземнаго нарѣчія. Русскіе судьи должны будутъ ознакомиться съ языкомъ туземцевъ хотя бы настолько, чтобы быть въ состояніи провѣрять переводчика. Вообще много придется, конечно, положить труда и силъ, чтобы водворить въ краѣ справедливость, какъ мы ее понимаемъ.

Судебная присяга мусульманъ.

Мусульмане, по своимъ религіознымъ понятіямъ признающіе только святость присяги, произнесенной передъ мусульманиномъ же въ доказательство существованія или несуществованія извѣстнаго факта, не признаютъ той же святости и ненарушимости присяги, произнесенной передъ иновѣрной, напримѣръ, русской властью. По мнѣнію мусульманъ, присяга не есть средство, которымъ можно заставить лжеца сказать правду, а потому у нихъ всѣ показанія передъ своимъ судомъ безприсяжныя. И предъ мусульманскимъ судомъ говорится много неправды, но возникающія изъ перекрестнаго допроса сомнѣнія разъясняются посредствомъ очныхъ ставокъ, посредствомъ оцѣнки самой личности свидѣтеля, по его положенію въ обществѣ, возрасту, происхожденію, степени религіозности и по сложившемуся о немъ мнѣнію общества, къ которому онъ принадлежитъ. Такая оцѣнка и провѣрка свидѣтельскихъ показаній, въ связи съ точнѣйшимъ опредѣленіемъ взаимныхъ отношеній участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, отлично извѣстныхъ призванному судить ихъ казію, даетъ извѣстную гарантію того, что неправда, сказанная на судѣ, не повлечетъ за собою крупной судебной ошибки.

Присяги на судѣ мусульмане избѣгаютъ всѣми средствами, потому что принявшій присягу роняетъ, по ихъ мнѣнію, свое достоинство. Происхожденіе этого предразсудка, повидимому, относится къ тому времени, когда въ жизни мусульманъ, вѣрив-

шихъ ранѣе другъ другу на слово, произошла перемѣна къ худшему и нравственность понизилась настолько, что уже не заимодавецъ сталъ давать должнику расписку въ томъ, что ссудилъ его такой-то суммой, а должникъ сталъ излагать въ распискѣ обязательство отдать извѣстную сумму заимодавцу: прежде никто и въ мысляхъ не допускалъ возможности не отдать занятыя деньги, а заимодавецъ давалъ расписку только для того, чтобы величина долга съ теченіемъ времени не забылась и не возникло сомнѣній, сколько именно надо отдать. Вслѣдъ за упадкомъ нравственности пошли въ ходъ подписи и именныя печати, а затѣмъ возникла необходимость подтверждать передъ судомъ долговыя обязательства присягой. Когда въ памяти народной накопилось достаточное число случаевъ ложной присяги, съ цѣлью уклоненія отъ исполненія принятыхъ на себя обязательствъ, тогда всякій, кому приходилось подтверждать присягою дѣйствительный фактъ, могъ уже допустить въ другихъ подозрѣніе, что и принятая имъ присяга тоже ложная. Отсюда недалеко до предразсудка, что порядочный человѣкъ не долженъ принимать присяги, даже если бы это повлекло за собой для отказавшагося отъ присяги имущественный ущербъ. Каждый боится уподобиться людямъ, которые не прочь принять ложную присягу съ цѣлью наживы.

Произнесеніе клятвы въ частной жизни сгоряча или по злобѣ, въ видѣ обѣщанія сдѣлать что-либо, до такой степени налагаетъ на поклявшагося обязанность выполнить обѣщанное клятвенно, что изъ-за необдуманно произнесенной фразы невоздержному человѣку иногда приходится очень плохо. Укажемъ, напримѣръ, на семнадцать формулъ мусульманскаго развода, которыя можно найти въ переведенной подъ редакціей Н. И. Гродекова книгѣ „Хидая“. Въ этихъ формулахъ даже весьма тонкій намекъ на желаніе или намѣреніе разстаться съ съ женой обязываетъ человѣка къ разводу съ нею.

Бываютъ случаи, когда человѣкъ, желая пригрозить кому-нибудь, сгоряча свяжетъ себя обѣщаніемъ, равносильнымъ клятвѣ. Почтенный народный судья одного большого селенія поссорился изъ-за пустяковъ съ своимъ родственникамъ и въ пылу перебранки, между прочимъ, сказалъ: „если я не посажу тебя на семь сутокъ подъ арестъ,—три развода моей женѣ“. Другими словами, этимъ обѣщаніемъ онъ при свидѣтеляхъ принялъ на себя обязательство приговорить родственника къ аресту, а если этого не исполнитъ, то жена его, народнаго судьи

должна считаться разведенной съ нимъ такъ, что если бы онъ захотѣлъ впослѣдствіи возстановить брачный союзъ съ нею, то долженъ былъ бы ждать, пока его разведенная жена выйдетъ замужъ за другого, а тотъ, въ свою очередь, дастъ ей разводъ и такимъ образомъ сдѣлаетъ ее дозволенной для прежняго мужа. Посадить человѣка подъ арестъ безъ причины не легко,—это можетъ повлечь за собою служебную отвѣтственность, а въ негодованіи общества и родни нечего и сомнѣваться. Почтенному народному судьѣ пришлось не разъ пожалѣть о вылетѣвшемъ у него сгоряча словѣ.

Приступая къ произнесенію формулы присяги по установленному въ русскомъ законѣ присяжному листу, мусульманинъ испытываетъ сначала непріятное ощущеніе, а затѣмъ, какъ природный казуистъ, живо находитъ выходъ изъ своего положенія и прибавляетъ въ умѣ къ произносимымъ вслухъ словамъ присяги такія вводныя слова и предложенія, которыя совершенно уничтожаютъ смыслъ принимаемаго на себя присягающимъ обязательства. Или же присягающій вспоминаетъ, что онъ принимаетъ присягаетъ не по своей волѣ, а по требованію правительственной власти, значитъ, присяга—вынужденная и потому значенія имѣть не можетъ. Присяга, данная передъ иновѣрцемъ, по смыслу постановленій корана ни къ чему не обязываетъ мусульманина; слѣдовательно, чего же бояться въ случаѣ клятвопреступленія?

Самое цѣлованіе текста корана, завершающее присягу, можетъ, если не досмотрѣть, утратить все свое устрашающее въ религіозномъ отношеніи значеніе. Прежде, чѣмъ прикоснуться къ корану, мусульманинъ долженъ совершить омовеніе; если передъ приводомъ къ присягѣ судья или слѣдователь не удостовѣрился, находятся ли присягающіе въ состояніи чистоты, т. е. совершенъ ли ими положенный „тааратъ“, и кто-либо изъ присягающихъ окажется нечистымъ, то такого поруганія святыни въ глазахъ мусульманина совершенно достаточно, чтобы уничтожить значеніе произнесенной передъ тѣмъ клятвы, и вся вина въ оскверненіи священной книги ложится на совѣсть судьи а не присягавшаго, которому приказали поцѣловать коранъ, когда онъ и въ руки то его взять не могъ, не нарушая постановленій религіи.

Положеніе сравнительно нетвердыхъ еще въ мусульманской религіи киргизъ, въ случаѣ требованія отъ нихъ присяги, гораздо легче, чѣмъ положеніе сартовъ. У киргиза присяга также имѣетъ значеніе только доказательства извѣстнаго факта,

а не подтвержденія обѣщанія не лгать въ отвѣтахъ на задаваемые вопросы, но самый обрядъ присяги въ практикѣ суда по „адату“, хранимому въ преданіяхъ киргизскаго народа, измѣнчивъ, какъ и самый адатъ. Обряды киргизской присяги имѣютъ между собой лишь то сходство, что всѣ они—наслѣдіе язычества и всѣ сводятся не къ произнесенію какихъ либо словъ, а къ исполненію извѣстнаго дѣйствія: присягающій обязывается сходить на могилу святого («ауліе») и принести отломанную съ растущаго на могилѣ дерева вѣтку, или перешагнуть черезъ обнаженную саблю, или пройти черезъ протянутую передъ нимъ нитку или проведенную на землѣ черту, или выпить чашку воды *), а во многихъ случаяхъ присягающій просто обязывается только явиться молча въ назначенный срокъ къ народному судьѣ (бію). Всѣми этими дѣйствіями киргизъ принимаетъ присягу, клянется, не произнося ни слова. Къ такой присягѣ киргизъ привыкъ и ей онъ придаетъ значеніе.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется очистительная присяга, въ качествѣ непререкаемаго доказательства неосновательности иска въ гражданскомъ процессѣ или правоты обвиняемаго въ случаѣ уголовнаго преслѣдованія, киргизу въ большинствѣ случаевъ не приходится самому исполнять обрядъ клятаы. Народный судья обыкновенно предлагаетъ отвѣтчику или обвиняемому доставить одного—двухъ человѣкъ изъ своего аула, которые согласились бы присягнуть, что сославшійся на ихъ свидѣтельство не бралъ въ долгъ денегъ или не кралъ лошади. Эти то люди и принимаютъ присягу, при чемъ самое прибытіе ихъ къ народному судьѣ въ назначенный для клятвы срокъ обыкновенно считается за принятіе присяги и дѣло рѣшается въ пользу того, за кого его одноаульцы выразили согласіе принять присягу. „Джанга салдымъ“ (положилъ на душу), говорятъ киргизскіе народные судьи про рѣшеніе дѣла, когда оно зависѣло отъ клятвеннаго утвержденія того или другого обстоятельства.

Въ сферѣ отношеній къ правительственной власти киргизъ не встрѣчаетъ ничего подобнаго: онъ повторяетъ непонятныя для него, въ особенности на чуждомъ киргизскому уху произношеніи татарскаго указнаго муллы, слова и выраженія присяжнаго листа частью тюркскія, частью арабскія и всѣ отвлеченно-

*) Можетъ быть отсюда и произошло выраженіе „касамъ ичмакъ“, или „пить клятву“, какъ называютъ туземцы принятіе присяги на тюркскомъ языкѣ и на киргизскомъ его нарѣчіи.

схоластическія, затѣмъ цѣлуетъ коранъ, святость котораго не составляетъ для кочевника неоспоримаго догмата,—и все.

Совершенно понятно, что послѣ такой присяги киргизъ продолжаетъ „ничто же сумняшеся“ нести ту же чушь, явно ложную, но полезную для благополучія его рода („алакучукъ“). Можно ли строго относиться къ этому клятвопреступнику, который принявъ присягу не такъ, какъ полагается по адату, считаетъ для себя необязательнымъ и все проистекающее изъ данной не по обычаю клятвы? На днѣ киргизской души послѣ присяжнаго лжесвидѣтельства остается только небольшая горечь, неясное сознаніе, что онъ сдѣлалъ что-то дурное, солгавъ подъ присягой. Отъ этого чувства избавиться не трудно; не говоря уже про то, что достаточно зарѣзать лишняго барана „худаи“ и, въ видѣ искупительной жертвы, накормить одноаульцевъ, можно еще проще и дешевле избавиться отъ вредныхъ послѣдствій клятвопреступленія: слѣдуетъ только, покончивъ съ присягой и показаніями, взяться руками за дерево, заборъ или какой либо другой предметъ—тогда вся тяжесть лжи, весь грѣхъ клятвопреступленія уйдетъ въ предметъ, къ которому прикоснулся присягавшій, и всѣ дурныя послѣдствія проступка исчезнутъ сами собою. Послѣ этого не трудно и подъ присягой лгать такъ, какъ умѣютъ дѣлать это только одни киргизы при всякомъ столкновеніи съ русскими чиновниками.

При такомъ отношеніи къ присягѣ, туземцы оказываются на судѣ въ совершенно особомъ положеніи. Сохраняя существующее положеніе, мы обращаемъ страшный актъ клятвы въ шутку, роняемъ значеніе присяги и сами же послѣ этого придаемъ одинаковую цѣну присяжнымъ показаніямъ богобоязненнаго крестьянина, нашего земляка, и киргиза, фантазія котораго только пуще разыгрывается послѣ необычной для него томаши.

Казалось бы вполнѣ справедливымъ и цѣлесообразнымъ отнести лицъ, принадлежащихъ къ мусульманскому вѣроученію, къ категоріи лицъ, непріемлющихъ присяги, и ограничиваться отобраніемъ отъ свидѣтелей мусульманъ обѣщанія „показывать всю правду по чистой совѣсти“, какъ это допускаетъ законъ для лицъ этой категоріи.

Разумѣется, вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо строго преслѣдовать лжесвидѣтелей и наказывать непріемлющихъ присяги за неисполненіе даннаго на судѣ обѣщанія говорить правду.

Книги для записи судопроизводства и актовъ въ народномъ судѣ.

Въ 1893 году народнымъ судьямъ города Ташкента было предписано завести новыя книги для записи судопроизводства и актовъ. Въ основу выработанной новой формы книгъ положено требованіе, чтобы изъ записей явствовалъ весь ходъ судопроизводства. Болѣе подробныя записи даютъ возможность не только безошибочно судить о быстротѣ разбирательства у того или другого судьи, но и разрѣшать, на основаніи просмотра книгъ, многія недоразумѣнія по жалобамъ заинтересованныхъ лицъ на приговоры народныхъ судей. Вмѣстѣ съ тѣмъ народнымъ судьямъ пришлось установить для разбирательства дѣлъ опредѣленные дни, а также назначить время (съ 8 ч. утра до 3 ч. дня), когда камера судьи открыта для тяжущихся.

Раньше вызовы лицъ къ судоговоренію не были ничѣмъ ограничены, и случалось, что народный судья неоднократно и тщетно вызывалъ къ себѣ въ камеру отвѣтчика, а тотъ, не являясь, затягивалъ дѣло, пока, наконецъ, по жалобѣ истца, отвѣтчика не приводили къ судьѣ при помощи полиціи. Самыя повѣстки о вызовѣ въ судъ вручались тѣмъ же способомъ, какъ и въ ханскія времена: истецъ самъ отъ себя нанималъ частное лицо, которое за плату разыскивало отвѣтчика и вручало ему повѣстку. При такомъ порядкѣ не могло быть и рѣчи о какомъ-либо взысканіи съ неявившихся по вызову судьи и дѣла тянулись очень долго. Новая форма книгъ, давая возможность прослѣдить по записямъ, когда началось дѣло и по какимъ причинамъ задерживалось его производство, вынудила народныхъ судей возложить врученіе повѣстокъ на чиновъ полиціи.

Та же новая форма книгъ заставила народныхъ судей изыскать способъ оканчивать дѣла въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ упорно не является въ судъ. Наши мировые судьи имѣютъ право въ подобныхъ случаяхъ постановлять заочныя рѣшенія, и неявка отвѣтчика въ судъ безъ уважительныхъ причинъ не останавливаетъ рѣшенія дѣла. Шаріатъ обязываетъ судью непремѣнно добиться явки обѣихъ тяжущихся сторонъ (что называется „камту кылмакъ“) и только въ этомъ случаѣ рѣшеніе признается законнымъ; заочныхъ рѣшеній шаріатъ вовсе не допускаетъ. Изъ этого затрудненія наши народные судьи нашли выходъ, подыскавъ въ книгахъ шаріата

статьи, допускающія замѣстительство отсутствующаго отвѣтчика особымъ, по выбору казія, лицомъ, называемымъ „каюмъ"; основываясь на этихъ статьяхъ, народные судьи, для ускоренія судопроизводства, приняли за правило, что отвѣтчикъ вызывается дважды, а въ случаѣ неявки и по второму вызову его замѣщаетъ на судѣ „каюмъ", который выслушиваетъ рѣшеніе судьи въ качествѣ представителя неявившагося отвѣтчика.

Сумма, причитающаяся въ вознагражденіе народному судьѣ за постановленіе рѣшенія по гражданскому дѣлу, а также за совершеніе акта о переходѣ недвижимости или о кредитной сдѣлкѣ, раньше опредѣлялась самимъ народнымъ судьей по обычаю, что часто вело къ неудовольствіямъ: кліентъ находилъ назначенное судьею вознагражденіе слишкомъ большимъ, но поневолѣ уплачивалъ требуемое, негодуя на корыстолюбіе казія. Судья же при опредѣленіи вознагражденія всегда имѣлъ въ виду, что онъ не получаетъ содержанія отъ правительства и что ему нерѣдко приходится отказываться отъ вознагражденія въ виду очевидной бѣдности просителя, а потому иногда назначалъ сумму, которая справедливо казалась кліенту слишкомъ большой. Во избѣжаніе неудовольствій съ обѣихъ сторонъ, а также для того, чтобы устранить вовсе торгъ между судьей и кліентами изъ-за вознагражденія, народные судьи обратились къ начальнику города съ просьбой установить пропорціональный сборъ съ актовъ и рѣшеній по $^1/_2$% съ суммы акта или стоимости присужденнаго иска, что и было разрѣшено. Такимъ образомъ и вопросъ о вознагражденіи вылился въ совершенно опредѣленную форму, введеніе въ народномъ судѣ новыхъ книгъ повлекло за собой весьма важныя практическія послѣдствія.

Русскіе передъ судомъ шаріата.

Положенія объ управленіи Туркестанскаго края даетъ право лицамъ, не принадлежащимъ къ туземному населенію, обращаться къ народному суду по исковымъ дѣламъ съ туземцами. Для передачи иска въ руки народнаго судьи истецъ долженъ заручится согласіемъ отвѣтчика и вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ уже право вчинать искъ по тому же дѣлу у мирового судьи. Казалось бы до крайности нелѣпымъ предпочитать рѣшенію дѣла у мироваго судьи, по строго опредѣленнымъ статьямъ европейскаго кодекса, разбирательство въ народномъ судѣ и отдавать свое дѣло въ руки иновѣрца и иноплеменника,

не связаннаго никакими намъ извѣстными положеніями и во всемъ ссылающагося на юридическія тонкости шаріатскихъ софистовъ, всякій вопросъ толкущихъ на нѣсколько ладовъ. Однако, русскіе люди въ своихъ дѣлахъ съ туземцами все чаще и чаще обращаются къ народному суду, въ особенности со времени развитія въ краѣ хлопковаго дѣла. Русскій человѣкъ по своей природѣ безпеченъ и довѣрчивъ; сартъ, напротивъ, хитеръ и подозрителенъ; поэтому при обоюдныхъ торговыхъ сдѣлкахъ съ русскими туземецъ рядомъ правильныхъ торговыхъ расчетовъ и точнымъ исполненіемъ принятыхъ на себя обязательствъ успѣваетъ обыкновенно совершенно усыпить и безъ того неразвитую въ насъ осторожность, и мы начинаемъ уже вовсе халатно относиться къ сдѣлкамъ съ знакомымъ „тамыромъ“ *), вѣря безусловно въ честность и благородство его души. Осторожнаго сарта такая безпечность просто бѣситъ, и онъ кончаетъ свои дѣла съ русскимъ компаніономъ, обыкновенно не доплативъ нѣкоторую сумму денегъ за принятый товаръ или не расчитавшись сполна за исполненную для него мастеровымъ работу. Конечно, это не похвально со стороны сарта, но вѣдь и нашъ братъ, какъ человѣкъ болѣе развитой и смѣтливый, могъ бы немного серьезнѣе относиться къ своей собственной выгодѣ.

Скрылся сартъ въ закоулкахъ стараго города; не является онъ и денегъ не шлетъ, а найти его трудно, когда знаешь о немъ только, что зовутъ его Норматбаемъ и что онъ занимается скупкой хлопка. О документальныхъ доказательствахъ долга въ такихъ случаяхъ и рѣчи быть не можетъ: кому же придетъ въ голову брать расписки съ туземца, который всегда такъ аккуратно разсчитывался и былъ въ этомъ отношеніи внѣ всякихъ подозрѣній? Остается или ждать счастливой случайности, которая толкнетъ сарта на глаза кредитору, или обращаться къ помощи правящихъ населеніямъ административныхъ лицъ, чтобы они, по весьма гадательнымъ признакамъ, отыскали отвѣтчика или хотя бы указали мѣсто его жительства. Наконецъ, искомый туземецъ найденъ, кредиторъ обращается къ нему съ напоминаніемъ о неоконченныхъ счетахъ и тотъ начинаетъ доказывать, что собственно не онъ виновенъ въ своей неисправности, а самъ кредиторъ не выполнилъ относительно своего кампаніона нѣкоторыхъ обѣщаній. Разговоръ кончается увѣреніемъ, что

*) Другъ пріятель.

завтра, а самое позднее въ слѣдующую среду всѣ дѣла будутъ покончены въ желательномъ для кредитора смыслѣ. Какъ не повѣрить еще разъ: до среды недалеко, а у насъ не въ обычаѣ настойчиво требовать свои деньги и тащить за полу къ судьѣ своего должника, какъ это принято у туземцевъ въ ихъ дѣлахъ между собой. Проходитъ много времени, должникъ не является, терпѣніе приходитъ къ концу и кредиторъ рѣшается, наконецъ, защиты своихъ интересовъ у властей, требовать судомъ уплаты причитающихся ему денегъ. Обратиться непосредственно къ мировому судьѣ обыкновенно мы не умѣемъ, и потому приходится искать подходящаго недорогого адвоката. Адвокатъ терпѣливо выслушиваетъ іереміады кліента о томъ, какъ онъ жестоко обманутъ, но когда дѣло доходитъ, до повѣрки доказательствъ, имѣющихся въ рукахъ у потерпѣвшаго, онъ выливаетъ на голову кліента ушатъ холодной воду, объявляя, что самъ онъ вполнѣ вѣритъ всему разсказанному и сочувствуетъ горю кліента, но что этого недостаточно, ибо мировой судья потребуетъ документальныхъ доказательствъ, а такъ какъ ихъ нѣтъ въ рукахъ потерпѣвшаго, то въ искѣ неминуемо будетъ отказано.

Обыкновенный путь хожденія по дѣлу оказывается непримѣнимымъ; приходится изыскивать другой способъ заставить сарта исполнить свои обязательства, и тутъ-то обыкновенно кто-нибудь изъ знакомыхъ подаетъ совѣтъ обратиться къ народному судьѣ, т. е. къ суду по шаріату, въ которомъ якобы безъ письменныхъ доказательствъ можно взыскать съ должника свои деньги. Надо снова найти должника, надо уговорить его судиться по шаріату, потому что, если онъ не пожелаетъ этого, то съ нимъ ничего нельзя подѣлать. Въ большинствѣ случаевъ сартъ отлично понимаетъ, что если его просятъ судиться у казія, то это значитъ, что у мирового судьи выиграть дѣло нельзя, и потому онъ обыкновенно на-отрѣзъ отказываетъ своему кредитору въ его просьбѣ и не безъ ироніи приглашаетъ его обратиться къ мировому судьѣ. Но иногда, или по недостаточному знанію законовъ, или по привычкѣ къ своему суду, гдѣ онъ знаетъ всѣ ходы и выходы, сартъ соглашается выступить въ качествѣ отвѣтчика въ народномъ судѣ. Отсюда начинаются новыя мытарства.

Прежде всего, истцу, не знающему языка, на которомъ происходитъ судопроизводство, необходимо найти переводчика для объясненія дѣла народному судьѣ и для передачи, конечно изъ пятаго въ десятое, истцу всего того, что будетъ говориться

на судебномъ разбирательствѣ. Вмѣстѣ съ юркимъ татариномъ-переводчикомъ потерпѣвшій пускается на поиски правосудія. Камера народнаго судьи ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ сартовскихъ домовъ; ошеломленный непривычнымъ говоромъ многочисленныхъ посѣтителей казія, наполняющихъ весь тѣсный дворикъ его жилища, русскій проситель совершенно теряется, не зная, къ кому изъ присутствующихъ онъ долженъ обратиться съ своей просьбой. Переводчикъ-татаринъ подходитъ съ поклонами къ сѣдому полному старику въ распашномъ халатѣ и въ одномъ бѣльѣ, по-лѣтнему, и почтительно обращаетъ его вниманіе на приведеннаго просителя. На лицѣ представителя правосудія, сквозь свойственное туземцамъ равнодушіе, прежде всего проглядываетъ неудовольствіе, что къ нему обращается не свой братъ туземецъ, съ которымъ онъ привыкъ имѣть дѣло. Русскіе рѣдко приходятъ къ нему съ своими личными дѣлами; обыкновенно его безпокоятъ только лишенные права хожденія по дѣламъ въ русскихъ судахъ мелкіе адвокаты, возбуждающіе самыя неосновательныя тяжбы, чтобы вымотать у туземца нѣсколько рублей. Адвокаты эти—ножъ острый для казія: каждый изъ нихъ бойко пишетъ прошенія, каждый изъ нихъ умѣетъ обвинить народнаго судью въ медленности или пристрастіи, что со стороны начальства вызываетъ требованіе объясненій по поводу давно оконченныхъ дѣлъ. Поэтому неудивительно, что и нашъ проситель не видитъ на лицѣ судьи выраженія участія и готовности все сдѣлать для справедливаго удовлетворенія просьбы пришельца, добровольно подчиняющагося его мудрому рѣшенію.

Мы привыкли думать, что судъ по шаріату отличается крайней простой, полнымъ отсутствіемъ формальностей и, главное, быстротой, которой могутъ позавидовать наши судебныя учрежденія, но это прискорбное недоразумѣніе: судопроизводство въ народномъ судѣ допускаетъ только больше произвола, тамъ только съ меньшей увѣренностью можно сказать, чѣмъ кончится данное дѣло, а формальности тоже есть и онѣ немало вредятъ интересамъ тяжущихся. Такъ, прежде всего, выслушавъ просьбу истца на словахъ и совершенно уяснивъ себѣ ея смыслъ, народный судья предлагаетъ, однако, просителю изложить свою просьбу письменно, составить такъ называемый „махзаръ“. Опять затрудненіе: или надо писать просьбу по-русски и потомъ искать письменнаго переводчика, который перевелъ бы прошеніе на туземный языкъ, или же, довѣрившись одному изъ мирзъ (пис-

цовъ), обитающихъ въ камерѣ народнаго судьи, просить его за извѣстное вознагражденіе составить просьбу (со словъ просителя) прямо на туземномъ языкѣ. И та, и другая процедура одинаково сложны и одинаково допускаютъ возможность ошибокъ и недомолвокъ въ переводѣ, а, кромѣ того, стоятъ денегъ. Наконецъ „махзаръ“ написанъ, прошеніе принято. Народный судья предлагаетъ сторонамъ дать подписку о согласіи судиться народнымъ судомъ на основаніи 210 ст. „Положенія“. Русскій проситель принужденъ подписать свою фамилію подъ документомъ, котораго прочесть не въ силахъ. Пройдя всѣ эти мытарства онъ свободно вздыхаетъ, полагая, что теперь уже нѣтъ никакихъ препятствій къ немедленному окончанію дѣла, при чемъ въ десятый разъ объясняетъ своему замѣстителю-татарину всѣ подробности дѣла. Переводчикъ тупо слушаетъ, заранѣе приготовившись выбросить добную половину изъ того, что говорилъ ему въ роказательство своей правоты словоохотливый русскій, и сказать казію только самое необходимое, чтобы скорѣй отдѣлаться отъ своей менторской роли и получить причитающейся гонораръ. Отвѣтчику предъявленъ искъ. Истецъ съ нетерпѣніемъ ждетъ, что будетъ говорить въ свое оправданіе обманувшій его компаніонъ, но тотъ и не думаетъ оправдываться: онъ только проситъ народнаго судью дать ему нѣсколько дней на подготовку доказательствъ, тѣмъ болѣе, что въ Чиназѣ заболѣла его сестра, которую ему необходимо навѣстить. Заявленіе это народнымъ судьей принято; по шаріату онъ обязанъ дать отвѣтчику срокъ („муглатъ“),—и на оборотѣ „махзара“ просителя рукою казія дѣлается краткая надпись „тазкира“ (протоколъ), гдѣ прописывается, что, въ виду заявленія отвѣтчика, ему дана отсрочка на двѣ недѣли.

По истеченіи ихъ отвѣтчику посылается повѣстка съ предложеніемъ явиться въ судъ въ такой-то день, но онъ и не думаетъ объ этомъ. По настойчивому требованію истца, отвѣтчику шлютъ вторую и третью повѣстки, а о немъ все нѣтъ ни слуху, ни духу. Проситель негодуетъ, народный судья тоже сердится, но самъ онъ не въ правѣ наказать ослушника, а долженъ просить объ этомъ начальника города. По рапорту судьи на виновнаго въ нѣявкѣ налагается штрафъ и только послѣ этого онъ является въ камеру судьи, куда проситель русскій приходилъ все время весьма аккуратно, такъ какъ заочныя рѣшенія въ народномъ судѣ не допускаются и истцу надо быть всегда на-лицо. Судья доволенъ, ему удалось, наконецъ, свести

въ своей камерѣ обѣ стороны, и онъ немедля приступаетъ къ разбору. По установившемуся обычаю, народный судья предлагаетъ тяжущимся сѣсть передъ нимъ, такъ какъ спрашивать стоящихъ онъ не можетъ; сѣсть надо, ставъ на колѣна и опустивъ на пятки сѣдалище. Неловко садиться на пятки непривычному человѣку, но въ камерѣ нѣтъ мебели и, подчиняясь обычаю, проситель испытываетъ пренепріятное ощущеніе остановки кровообращенія: по ногамъ бѣгаютъ мурашки. Сѣли. Судья приступаетъ къ разбирательству („мурафіа"): читаетъ прошеніе, разсматриваетъ „ривоятъ" противной стороны, собираетъ дополнительныя объясненія, и, наконецъ, предлагаетъ сторонамъ покончить дѣло миромъ и, если они согласны, избрать для рѣшенія 4—6 посредниковъ.

Мировыя сдѣлки („сульхъ") въ большомъ ходу у туземцевъ; имъ нравится самая процедура долгихъ споровъ и просьбъ объ уступкахъ, но зато горько же и расплачиваются они за любовь къ мировымъ сдѣлкамъ, отъ которыхъ въ выигрышѣ положительно только одни примирители, которые, покончивъ дѣло, кладутъ въ свои карманы большую часть опредѣленной къ уплатѣ суммы, а истецъ и отвѣтчикъ должны утѣшать себя только тѣмъ, что всѣ счеты между ними покончены и, слѣдовательно, долго не придется вѣдаться со всѣми хитростями народнаго суда. Русскій проситель незнакомъ съ мировыми сдѣлками въ этомъ судѣ и потому проситъ покончить дѣло по закону (шаріату). Народный судья недоволенъ этимъ; онъ знаетъ, что дѣло идетъ къ присягѣ, а приводить къ присягѣ туземца непріятно, потому что казію извѣстно, какъ не любитъ народъ присяги, считая ее позорнымъ дѣломъ. Однако, по шаріату судья обязанъ дать отвѣтчику присягу. Присяга считается дѣйствительною только въ томъ случаѣ, если присягающій послѣ своего наказанія произнесетъ за казіемъ слова: „Валлагу, билляги, таллаги". Туземецъ, воспитанный въ правилахъ формализма, боится произнесенія только этихъ словъ, клятву же, данную въ какихъ либо другихъ выраженіяхъ, онъ весьма легко преступаетъ. Такъ, бываютъ случаи, что народный судья, зная, какъ тяжко мусульманину произносить клятву въ этихъ именно выраженіяхъ, нѣсколько видоизмѣняетъ формулу присяги и предлагаетъ отвѣтчику подтвердить свое отрицаніе присягой, выраженной иначе, напр., „азберой-худа", „бакки-худа" и т. п. Такую присягу туземецъ легко принимаетъ, но зато и не считаетъ клятвопреступленіемъ дать послѣ нея ложное показаніе.

Отсюда ясно, какъ не равны силы русскаго и туземца передъ народнымъ судомъ. Если прибавить къ этому, что клятвопреступленіе по шаріату можетъ быть искуплено дѣлами милосердія и постомъ, то прямо-таки приходится удивляться наивности тѣхъ соотечественниковъ нашихъ, которые разсчитываютъ на правый судъ у казія въ своихъ дѣлахъ съ туземцами. Допустимъ, однако, что народный судья предложилъ присягу въ общепринятой страшной для туземца формѣ: „Валлагу, билляги, таллаги". Тогда все зависитъ отъ личности принимающаго присягу. Если онъ пользуется уваженіемъ согражданъ и сумма иска не велика, то, конечно, онъ не захочетъ присягать и тѣмъ дастъ народному судьѣ право постановить рѣшеніе въ пользу истца; но если отвѣтчикъ, какъ чаще случается, человѣкъ иныхъ свойствъ, то ему ничего не стоитъ, принявъ присягу, дать ложное показаніе и такимъ образомъ отдѣлаться отъ предъявленнаго къ нему иска, потому что послѣ присяги не пріемлются отъ истца никакія дополнительныя требованія и доказательства, и всѣ счеты съ отвѣтчикомъ считаются поконченными. Дорога къ мировому судьѣ закрыта окончательно и приходится, примирившись съ совершившимся фактомъ, быть въ другой разъ осторожнѣе въ торговыхъ сдѣлкахъ съ туземцами.

Мы разобрали случай, когда передъ народнымъ судомъ русскій является истцомъ, а туземецъ отвѣтчикомъ, но можетъ случиться, что русскій дастъ согласіе судиться съ туземцемъ въ народномъ судѣ и въ томъ случаѣ, когда ему самому придется выступить въ роли отвѣтчика. Тогда процедура судоговоренія представляетъ еще болѣе странную и совершенно несоотвѣтствующую нашимъ понятіямъ о судебномъ состязаніи сцену. Не имѣя доказательствъ и не пожелавъ примириться, туземецъ потребуетъ отъ отвѣтчика присяги и отвѣтчику, повторяя за казіемъ, придется произнести арабскую фразу: „Биллягильлязи инзалятъ инджили Аля-и Иса Алансалямъ" *), въ которой русскому человѣку не понятно ни одно слово, а отъ произнесенія на незнакомомъ нарѣчіи этой клятвы зависитъ между тѣмъ рѣшеніе дѣла въ пользу истца или отвѣтчика. Нечего и говорить, что и здѣсь, какъ въ первомъ случаѣ, многое зависитъ отъ совѣсти присягающаго; легко можетъ случиться, что тотъ, кто постѣснился бы дать ложную клятву передъ св.

*) Въ шаріатѣ есть формулы присяги для еврея, христіанина, огнепоклонника и идолопоклонника. Ихъ можно найти въ книгѣ „Хидая", переводъ подъ ред. Н. И. Гродекова, т. III, стр. 66.

крестомъ и евангеліемъ, увлекшись выгодою, можетъ сказать неправду, подтверждая ее непонятными арабскими словами, хотя въ переводѣ слова эти означаютъ: „клянусь Богомъ, ниспославшимъ евангеліе Іисуса“, т. е. представляютъ формальную клятву.

Всѣ эти обстоятельства, казалось бы, должны были удерживать насъ, русскихъ, отъ обращенія къ народному суду, тѣмъ болѣе, что у насъ есть гораздо болѣе совершенный судъ, въ которомъ такія шаткія и условныя доказательства, какъ очистительная присяга, не имѣютъ мѣста. Тяжелы тѣ мытарства, которымъ приходится подвергаться русскимъ людямъ, рискующимъ иногда по своимъ тяжбамъ съ туземцами обращаться къ народному суду, но, во избѣжаніе этихъ мытарствъ, можно только рекомендовать всѣмъ, имѣющимъ дѣло съ туземцами, не полагаться никогда на ихъ пресловутую честность, а всегда основывать свои сдѣлки на документальныхъ данныхъ, которыя и въ мировыхъ учрежденіяхъ могли бы быть приняты, какъ доказательства.

Въ тюрьму за любовь.

Несмотря на разныя аномаліи въ дѣятельности нашего народнаго суда, этотъ институтъ до сего времени все ожидаетъ реформы, продолжая въ то же время выносить рѣшенія, которыя подчасъ противорѣчатъ общимъ принципамъ нашего законодательства.

Раньше въ Сыръ-Дарьинской области представители русскаго короннаго суда—окружной судъ и прокуратура—вносили нѣкоторые коррективы въ рѣшенія народнаго суда не только въ случаяхъ нарушенія формальностей (ст. 218 Положенія), но и по существу въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшеніе противорѣчило общему духу русскихъ законовъ и народный судья признавалъ преступнымъ такое дѣяніе, которое по русскимъ законамъ не относится къ числу воспрещенныхъ подъ страхомъ наказанія.

Въ сосѣдней Самаркандской области судъ установилъ иной взглядъ на дѣло и нѣсколько лѣтъ подъ рядъ практиковалъ полное невмѣшательство въ дѣятельность народныхъ судей, когда послѣдними соблюдена подсудность и не превышена предоставленная имъ закономъ власть. Въ основаніи такого отношенія къ народному суду лежитъ мнѣніе, что народный судъ установленъ „по обычаю“ и потому все, что пообычаю считается преступнымъ, можетъ быть предметомъ разбирательства въ

народномъ судѣ и можетъ быть караемо по усмотрѣнію суда, независимо отъ того, считаетъ ли и нашъ законъ инкримиируемое дѣяніе преступленіемъ или проступкомъ.

Вслѣдствіе такого различія взглядовъ представителей судебнаго вѣдомства, получилась и рѣзкая разница въ практикѣ разсмотрѣнія рѣшеній народнаго суда по вносимымъ въ судъ протестамъ на эти рѣшенія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Сыръ-Дарьинскій окружной судъ отмѣнилъ рѣшеніе народнаго суда, приговорившаго на 18 мѣсяцевъ въ тюрьму туземную женщину за то, что она „сидѣла съ открытымъ лицомъ въ обществѣ постороннихъ ей мужчинъ". Протестъ начальника города Ташкента былъ уваженъ на томъ основаніи, что дѣяніе, повлекшее за собой столь тяжкое взысканіе, совершенно непреступно по нашимъ законамъ.

Отмѣна рѣшенія народнаго судьи имѣла значеніе и въ дѣлѣ постепеннаго раскрѣпощенія туземной женщины отъ покрывала, во всякомъ случаѣ, нежелательнаго въ цѣляхъ развитія женщины и пріобщенія ея къ культурѣ. Окружной судъ не нашелъ возможнымъ стать на защиту ставшаго анахронизмомъ обычая закрывать лицо женщины и не допускать ее до вполнѣ приличнаго общенія съ мужчинами, не имѣющаго ничего общаго съ нарушеніемъ супружеской вѣрности.

Однако, не всегда отношеніе русскаго суда къ рѣшеніямъ народнаго по такого рода „преступленіямъ" бываетъ одинаково. Вотъ какого рода дѣло поступило въ 1909 году въ Самаркандскій окружной судъ.

Въ городѣ Ходжентѣ у богатаго сарта Адильбая выросъ сынъ-красавецъ Ачильбай, котораго немного коснулось русское вліяніе, такъ какъ онъ былъ въ русско-туземной школѣ и научился русскому языку.

Жилъ нѣсколько лѣтъ „байбача" при отцѣ и нельзя сказать, чтобы жилъ совсѣмъ безупречно. Отцу нерѣдко приходилось улаживать недоразумѣнія, проистекавшія изъ наклонности юноши къ веселью, кутежу и т. п. увлеченіямъ, свойственнымъ юности при матеріальной обезпеченности. Народный судъ видѣлъ поступки Ачильбая, не совсѣмъ согласные со строгими постановленіями шаріата, но молчалъ. Молчалъ и отецъ, прощая сыну его прегрѣшенія по свойственной всѣмъ отцамъ снисходительности къ любимымъ дѣтямъ.

Но вдругъ Ачильбай затѣялъ совсѣмъ уже не шаріатную авантюру: онъ влюбился въ русскую женщину, супругу клоуна

К., появившуюся въ Ходжентѣ съ циркомъ и оставшуюся въ городѣ послѣ перекочевки труппы и мужа въ другой городъ. Молодые люди сошлись, г-жа К., почувствовала подъ сердцемъ вещественные знаки невещественныхъ отношеній, и дѣло стало серьезнымъ.

Въ городѣ распространились сначала слухи, что г-жа К. задумала перейти въ мусульманство, и настоятель мѣстной церкви принялъ противъ этого отпаденія отъ православія соотвѣтствующія мѣры увѣщанія, увѣнчавшіяся, повидимому, успѣхомъ. Тогда молва стала приписывать Ачильбаю намѣреніе перейти въ православіе, и мусульмане заволновались: переходъ въ православіе сына мѣстнаго богача, конечно, не былъ желателенъ ни для родныхъ „байбачи", ни для всѣхъ горожанъ-магометанъ. Потребовалось вмѣшательство народнаго суда въ дѣло чисто конфессіональное.

Выждали время, когда Ачильбай уѣхалъ со своей русской сожительницей въ селеніе Самгаръ, находящееся въ 20 верстахъ отъ Ходжента, въ Уральской волости. Влюбленные покинули городъ, чтобы избавиться отъ нареканій родителей и осужденій ближнихъ, недовольныхъ такимъ прочнымъ конкубинатомъ, но тамъ-то, въ селеніи Самгаръ, къ нимъ и подкралась бѣда: мѣстный народный судья въ дѣйствіяхъ Ачильбая усмотрѣлъ грубое нарушеніе шаріата и „за то, что онъ, Ачильбай, живетъ гражданскимъ бракомъ съ русской женщиной", приговорилъ его на 6 мѣсяцевъ въ тюрьму.

Ачильбай не обжаловалъ этотъ приговоръ въ съѣздъ народныхъ судей, хорошо зная, что съѣздъ утвердитъ рѣшеніе своего коллеги, а предпочелъ принести жалобу уѣздному начальнику, который внесъ въ окружной судъ протестъ объ отмѣнѣ приговора въ порядкѣ 218 ст. Положенія объ управленіи Туркестанскаго края.

Къ удивленію потерпѣвшаго, протестъ не былъ уваженъ Самаркандскимъ окружнымъ судомъ и приговоръ народнаго судьи былъ приведено въ исполненіе. Ачильбай собиралъ справки, не освободятъ ли его изъ тюрьмы, если онъ приметъ православіе, но на этотъ вопросъ никто не могъ отвѣтить положительно, и сарту пришлось отсидѣть въ тюрьмѣ за любовь къ русской женщинѣ.

Это грустное происшествіе хорошо характеризуетъ практическую расчетливость нашихъ сартовъ. Очевидно, существуетъ природная боязнь ассимиляціи посредствомъ смѣшанныхъ браковъ. Вѣдь существовалъ же въ городѣ Ходжентѣ не такъ давно

домъ терпимости. Вѣдь посѣщали же его во множествѣ молодые люди-сарты, сыновья бѣдныхъ и богатыхъ родителей, и нерѣдко пользовались тамъ ласками русскихъ женщинъ, наряду съ сартянками. Шаріатъ молчалъ тогда, молчали и отцы, смотрѣвшіе на поведеніе своихъ сыновей, какъ на невинную, пожалуй, позволительную шалость. Никому и въ голову не приходило уличить какого-нибудь молодца и трактовать его дѣйствія съ точки зрѣнія шаріата и общественной нравственности. Такое равнодушіе вызывалось лишь увѣренностью, что связь очень ужъ кратковременна и исключаетъ возможность продолженія рода. У Ачильбая связь была покрѣпче, появились признаки продолженія рода, и мусульманство заговорило, мало того, примѣнило репрессію и очень серьезную.

Забытъ, видно, стихъ 7 главы 5 Корана, разрѣшающій мусульманамъ вступать въ бракъ съ женщинами, „имѣющими писаніе *), забыты и подробныя указанія въ книгѣ „Никахъ", достовѣрнаго коментарія мусульманскаго права **), а наперекоръ всему этому гражданскій бракъ съ русской женщиной навлекъ на Ачильбая полугодовое тюремное заключеніе. И русская власть, по установившемуся порядку, безмолствуетъ; мало того, уѣздный начальникъ, протестъ котораго не былъ уваженъ окружнымъ судомъ, принужденъ исполнить такой приговоръ народнаго суда, съ сознаніемъ явной несправедливости и жестокости этого приговора, состоявшагося лишь для вящшей славы мусульманства.

Кромѣ того, если-бы по отбытіи Ачильбаемъ наказанія молодые гражданскіе супруги пожелали во славу любви продолжать свое сожительство, о которомъ нельзя сказать ничего дурного, то стоитъ только пожелать мѣстному народному судьѣ и, по жалобѣ, напримѣръ, отца Ачильбая, онъ можетъ снова посадить молодого сарта на 18 мѣсяцевъ въ тюрьму за то, что онъ живетъ гражданскимъ бракомъ съ русской женщиной, и такимъ образомъ, только смерть можетъ избавить Ачильбая-мусульманина отъ періодической посадки въ тюрьму за любовь.

Волостные управители у киргизъ.

Въ киргизскихъ волостяхъ Туркестанскаго края постоянно борются между собою претенденты на должности волостныхъ

*) „Китаби", т. е. христіане, евреи, собеяне.
**) „Хидая", т. I, переводъ подъ редакціей Н. И. Гродекова.

управителей, которые въ этой борьбѣ, для удовлетворенія своихъ личныхъ цѣлей, не считаются съ интересами массы населенія и не жалѣютъ расходовъ.

Пока въ волости нѣтъ сильнаго тщеславнаго родовича, все населеніе живетъ спокойной ровной жизнью, безпрепятственно сосредоточивая все свое вниманіе на повседневныхъ заботахъ о насущномъ хлѣбѣ. Хозяева кибитокъ большую часть времени проводятъ дома, покидая свой родной аулъ только для посѣщенія ближайшаго базара въ обычные дни. Хозяйство и скотоводческое, и земледѣльческое идетъ своимъ порядкомъ, всѣ работы дѣлаются своевременно и въ той постепенности, какая установлена обычаемъ въ зависимости отъ временъ года и мѣстныхъ климатическихъ условій. Боится киргизъ только „джута"—безкормицы, влекущей за собой падежъ скота, да и то страхъ голодовки проходитъ вмѣстѣ съ перенесенной невзгодой. Только въ первый годъ, слѣдующій за безкормицей, киргизъ запасаетъ значительно большія количества сѣна, а тамъ, смотришь, пригрѣло солнышко и забылъ кочевникъ тяжелую пору безкормицы, когда приходилось быть безсильнымъ свидѣтелемъ падежа цѣлыхъ стадъ, когда богачъ въ одну весну превращался въ нищаго.

Но вотъ изъ среды киргизъ почему-либо выдѣляется человѣкъ, не довольствующійся узкими рамками хозяйственнаго благополучія, даже богатства, а желающій добиться и удовлетворенія своего тщеславія. Какъ это ни странно, но появленіе такого честолюбца можетъ перевернуть вверхъ дномъ всю волость, кореннымъ образомъ измѣнить тихую и ровную дотолѣ жизнь мирныхъ кочевниковъ.

Киргизы, внимательно присматривающіеся къ настроенію массы своихъ сородичей, въ состояніи уловить тотъ моментъ, когда спокойствіе ихъ общества нарушено. „Наша волость стала кыркбій", говорятъ киргизы, когда происки претендента на высшую въ волости должность управителя встревожатъ родичей претендента, живущихъ отъ него въ нѣкоторомъ отдаленіи. „Въ волости стало сорокъ біевъ, сорокъначальниковъ",—такъ можно перевести приведенное характерное опредѣленіе выборной агитаціи. И это опредѣленіе совершенновѣрно. Волость, до сего времени признававшая только одного волостного управителя и біевъ (народныхъ судей), служащихъ текущее трехлѣтіе, начинаетъ волноваться, потому что „сѣли на коня", какъ говорятъ киргизы, представители разныхъ только что образовавшихся

партій и каждый изъ „аткаминаровъ“ *) твердитъ свое, проводитъ своего патрона, а всѣхъ другихъ претендентовъ старается всѣми возможными способами уронить въ глазахъ населенія. Дружба, свойство, родство—все отходитъ на задній планъ; всѣ принимающіе участіе въ новомъ движеніи, точно въ угарѣ, стремятся только къ одной цѣли—къ завоеванію наибольшей популярности своей партіи.

Понятно, что жизнь волости, гдѣ началась выборная горячка, измѣняется до неузнаваемости. Киргизы, не покидавшіе своихъ ауловъ, обращаются въ какихъ то странствующихъ „мясоѣдовъ“, переѣзжаютъ изъ аула въ аулъ, смотря по тому, гдѣ готовится угощеніе для лицъ, которыхъ необходимо завербовать въ ту или другую партію. За вліятельными родовичами и избирателями плетутся той же дорогой и бездѣльники, отъ которыхъ ничего не зависитъ, но которые не прочь провести время въ веселой компаніи, угоститься на чужой счетъ. Ничего, что такого сорта людей зовутъ въ народѣ „тутункузатурами“ **),— они не обидчивы и настойчиво сопутствуютъ вліятельнымъ лицамъ своего аула, въ твердой увѣренности, что угощенія достанетъ и на ихъ долю.

Биткомъ набиты юрты, рѣжутъ барановъ, а киргизки аула всѣ поголовно заняты замѣшиваніемъ тѣста для любимаго киргизскаго блюда „нарынъ“ ***): вареное въ котлѣ мясо барана смѣшивается съ широкими полосами недоваренаго тѣста и заливается бульономъ. Дорогіе нужные гости и ихъ спутники съ восхищеніемъ вылавливаютъ собственной, не знающей мыла, пятерней содержимое громадныхъ деревянныхъ чашекъ, въ которыхъ подается „нарынъ“.

До угощенія и послѣ уничтоженія обильно предлагаемыхъ яствъ, всѣ присутствующіе заняты совѣщаніями, происходящими непремѣнно на чистомъ воздухѣ, а не въ юртѣ. Тамъ и сямъ на возвышенностяхъ, окружающихъ кочевку аула, присаживаются на корточки въ кружокъ степные политики, переходятъ отъ одного круга къ другому, соединяются въ большія группы. Бесѣда ведется чинно, вполголоса и только по часто

*) Буквально „постоянно ѣздящій верхомъ“, т. е. проводящій время въ разъѣздахъ по волости по дѣламъ партійной агитаціи, общественный паразитъ, заправила.

**) Слѣдящими за появленіемъ дыма, очевидно, изъ подъ очаговъ, гдѣ варится мясо.

***) Татары это блюдо зовутъ „бишъ-бармакъ“, а сарты въ насмѣшку— „чильпульдакъ“.

упоминаемому имени того или другого претендента можно догадаться, что рѣчь идетъ о формированіи избирательнаго большинства.

„Абиръ“ и „спарликъ“ *) руководятъ всѣми волненіями населенія, смотря по тому, задѣто ли просто самолюбіе какого-нибудь главаря, желающаго, во что бы то ни стало, отмстить обидчику и поставить на своемъ, или же борьба происходитъ изъ за преобладанія въ волости того или другого рода, той или другой партіи. Въ томъ и другомъ случаѣ, добиться осуществленія своихъ желаній можно только обезпечивъ себѣ большинство въ волости, а потому пріемы агитаціи одни и тѣ же. Вплоть до выборовъ идетъ поголовная кормежка, тратятся большія суммы на угощеніе, раздачу халатовъ и небольшихъ подарковъ наличными. Волостные выборные (пятидесятники) становятся на все это время предметомъ самаго заботливаго вниманія заискивающихъ въ нихъ претендентовъ на должности.

Выборы кончены, кончаются сами собой и волненія, вызванныя избирательной горячкой, наступаетъ время свести счеты, пополнить сдѣланныя на выборы затраты. Новый волостной управитель объѣзжаетъ со свитой аулы своихъ приверженцевъ и, толкуя въ свою пользу киргизскій обычай „джиллу“ **), въ преувеличенномъ видѣ описываетъ произведенные на выборы расходы и проситъ помочь ему возстановить свое благосостояніе, которымъ де онъ жертвовалъ для пользы и славы своего рода, своей партіи.

Никому не приходитъ въ голову спорить противъ такого примѣненія симпатичнаго киргизскаго обычая, каждый отлично понимаетъ, что въ требованіи новаго волостного большая натяжка, что выборные расходы никакъ нельзя приравнять къ ряду неудачъ, независящихъ отъ волио бѣднѣвшаго родовича и вызывающихъ необходимость родовой помощи, но каждый сторонникъ партіи вновь избраннаго управителя считаетъ своимъ долгомъ исполнить его просьбу о помощи и даритъ ему скотъ, одежду или деньги, смотря по своему достатку.

Да и не можетъ быть иначе: всякому памятны еще ще-

---

*) Абиръ—испорченное слово „абру“—значитъ честь, репутація. „Спарликъ“ передѣлано изъ русскаго слова споръ, съ присоединеніемъ тюркскаго окончанія, означаетъ партійную вражду, борьбу изъ-за власти.

**) Обычай этотъ обязываетъ весь родъ помочь одному изъ сородичей, не по своей винѣ впавшему въ нищету, дать ему возможность снова встать на ноги и заняться хозяйствомъ

дрыя кормежки народа на счетъ претендента передъ баллотировкою и неловко не отблагодарить выборнаго амфитріона за съѣденное по его милости громадное количество мяса и лошадиной колбасы („казы“). Благодаря такой отзывчивости киргизъ—избирателей, новый управитель волости возвращается домой съ новымъ стадомъ пожертвованнаго народомъ скота, везетъ хлѣбъ въ зернѣ, войлоки, ткани и деньги, точно возвращается изъ удачнаго набѣга на иноплеменниковъ.

Однако, какъ бы много подарковъ по обычаю („джиллу“) ни получилъ волостной управитель, ему не возвратить этимъ мирнымъ и по обычаю даже не совсѣмъ предосудительнымъ способомъ всѣхъ затратъ, сдѣланныхъ имъ во время выборной агитаціи. Онъ израсходовалъ гораздо больше, чѣмъ собралъ: большинство киргизъ постаралось не обидѣть себя при подношеніи волостному, и подаренныя ему лошади по большей части оказываются старыми или порочными, лучшая изъ нихъ не стоитъ 20 рублей.

Волостной управитель начинаетъ изыскивать другіе способы къ пополненію дефицита, вызваннаго угощеніями и подкупомъ избирателей, при чемъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ пріемовъ возмѣщенія расходовъ являются примирительныя разбирательства всѣхъ дѣлъ, возникающихъ между киргизами на почвѣ гражданской или уголовной.

Собственно для разбора этихъ дѣлъ въ каждой волости имѣется четыре народныхъ судьи („бія“) и если допустить дѣло до разбора въ народномъ судѣ, то волостному управителю поживиться нечѣмъ. Приходится склонять стороны къ миру, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда возбуждается обвиненіе въ конокрадствѣ. Расторопный волостной управитель умѣетъ уговорить пострадавшаго отъ конокрадства передать дѣло въ его руки, беретъ извѣстное вознагражденіе за хлопоты, а, разыскавъ вора, убѣждаетъ того, что для него несравненно выгоднѣе внести извѣстную сумму на пополненіе убытковъ потерпѣвшаго съ приложеніемъ незначительной суммы въ пользу примирителя, чѣмъ быть вызваннымъ къ бію и, помимо уплаты вознагражденія, рисковать еще попасть въ тюрьму на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ большинствѣ случаевъ конокрадъ охотно идетъ на примиреніе и доходы волостного управителя растутъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются въ волости и кражи скота.

Киргизы, не думая объ общей пользѣ и не понимая, что мирясь передъ лицомъ волостного управителя съ конокрадами,

они сами потворствуютъ кражамъ скота, стремятся этимъ путемъ возвратить себѣ хоть часть стоимости украденнаго скота, потому что безъ компромисса, каждый рискуетъ вовсе ничего не получить. Между киргизскими народными судьями мало справедливыхъ людей, но и самые справедливые изъ нихъ связаны родовыми и партійными симпатіями и лишены возможности судить по совѣсти. Волостной управитель всѣми силами препятствуетъ отправленію правосудія, не вызывая къ судьѣ по его повѣсткамъ ни обвиняемыхъ, ни свидѣтелей, если только дѣло идетъ о преслѣдованіи судомъ одного изъ своихъ приверженцевъ. Дѣйствовать иначе волостной управитель не можетъ,—это значило бы измѣнить родовымъ традиціямъ и навсегда утратить симпатіи своихъ избирателей. Народные судьи такъ же всецѣло проникнуты родовыми и партійными симпатіями, каждый изъ нихъ рѣшаетъ дѣло такъ или иначе, исключительно въ зависимости отъ личности тяжущихся—свой или чужой передъ судомъ.

При такомъ положеніи народнаго суда киргизамъ приходится очень хитро бороться съ партійнымъ пристрастіемъ. Чтобы навѣрняка выиграть дѣло, киргизъ обращается къ народному судьѣ, принадлежащему къ противной истцу партіи. Судья постановляетъ рѣшеніе, конечно, не въ пользу обратившагося къ нему „чужого“, но послѣдній тотчасъ же по полученіи копіи рѣшенія апеллируетъ въ съѣздъ народныхъ судей и тамъ, очень часто, выигрываетъ дѣло. Все зависитъ отъ счета голосовъ коллегіи: изъ 4 народныхъ судей, обыкновенно двое принадлежатъ къ своей и двое къ чужой партіи; къ одному судьѣ чужой партіи истецъ уже обращался и получилъ отъ него рѣшеніе; значитъ, при обжалованіи рѣшенія въ съѣздъ, этотъ чужой бій уже не можетъ принять участія въ разборѣ дѣла, въ засѣданіи съѣзда дѣло рѣшается однимъ чужимъ и двумя своими, и побѣда остается за своими.

Понятно, что такой кривосудъ открываетъ полный просторъ примирительной дѣятельности волостного управителя, благодаря которой можно, хотя и невыгодно, но по крайней мѣрѣ, скоро покончить всякое дѣло.

И миритъ управитель всѣхъ съ пользою для себя одного, пока, наконецъ, не выведетъ изъ терпѣнія ввѣренное ему населеніе или пока въ волости не появится новый претендентъ, задающійся цѣлью свергнуть управителя съ его служебнаго пьедестала, чтобъ занять его мѣсто.

Быстро тогда мѣняется положеніе всесильнаго владыки волости, и его начинаютъ буквально травить. Десятками подаются жалобы на его несправедливость, взяточничество, на то, что онъ покровительствуетъ ворамъ и организуетъ шайки конокрадовъ, а данные когда-то подъ видомъ „джиллу“ подарки въ прошеніяхъ новыхъ враговъ управителя преувеличиваются и изображаются въ видѣ противозаконныхъ поборовъ, соединенныхъ съ насиліемъ, угрозами и вымогательствомъ. Лжесвидѣтели готовы, цѣлые десятки людей подъ присягой клевещутъ на управителя, и весьма часто не долго заставляетъ себя ждать смѣщеніе, а то и ссылка не въ мѣру развернувшагося волостного управителя.

Вотъ каково положеніе волостного управителя, на котораго по службѣ возлагается такъ много обязанностей и который призванъ быть добросовѣстнымъ проводникомъ въ массу народа русской гражданственности, порядка и справедливости.

Можетъ ли этотъ, связанный родствомъ, свойствомъ и личными интересами, служащій поступать по долгу службы и совѣсти, можетъ ли хоть на минуту отрѣшиться отъ пристрастія къ своему или ненависти къ чужому? Конечно, нѣтъ, и даже волостные управители, служащіе не по выбору населенія, а по назначенію уѣзднаго начальника, являются послушнымъ орудіемъ въ рукахъ части населенія, а не въ рукахъ начальства. Получивъ какое бы то ни было приказаніе, волостной вынужденъ сообразовывать его исполненіе съ тѣми неуловимыми для посторонняго наблюденія условіями, въ которыя онъ поставленъ, благодаря своему положенію относительно выборныхъ партій и принадлежности къ извѣстному роду. Весьма часто въ силу этихъ условій управителю приходится быть не только неисполнительнымъ, но прямо таки противодѣйствовать исполненію требованія начальства. Это случается каждый разъ, какъ исполненіе какого-либо распоряженія влечетъ за собою непріятность для близкаго управителю киргиза.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда исполненіе какого-нибудь дѣла по службѣ возложено на волостного управителя, онъ никогда почти не дѣлаетъ его самъ, а пользуется услугами аульныхъ или сельскихъ старшинъ, состоящихъ въ его вѣдѣніи.

Сборъ податей, самая главная обязанность волостного управителя, производится въ дѣйствительности старшинами, а управитель, лишь по окончаніи сбора, объѣзжаетъ аулы, собираетъ со старшинъ деньги и сдаетъ ихъ въ казначейство. Вы-

зовъ людей по требованію разныхъ присутственныхъ мѣстъ, врученіе повѣстокъ судебныхъ установленій, различнаго рода взысканія,—все это исполняютъ старшины, а волостной управитель служитъ лишь передаточной инстанціей, а иногда, даже мѣшаетъ исполненію того или другого требованія сельскими должностными лицами. Въ то же время русскимъ должностнымъ лицамъ приходится считаться съ значеніемъ и вліяніемъ управителя въ волости, такъ какъ исключительно черезъ него проводятся всѣ дѣла и получаются всѣ свѣдѣнія о волости.

Стоя между русской властью и народомъ волостной управитель часто вынужденъ кривить душой. Киргизъ боится всякаго, даже незначительнаго, измѣненія вѣками сложившагося строя; болѣе религіозный и фанатичный сартъ во всякомъ нововведеніи видитъ нарушеніе своихъ религіозныхъ обрядовъ; тотъ и другой каждое новое распоряженіе разсматриваютъ еще съ точки зрѣнія отношенія новой мѣры къ введенію общей воинской повинности. Волостному управителю приходится лавировать между начальствомъ и народомъ. На словахъ, передъ начальствомъ онъ вѣрный слуга и убѣжденный сторонникъ всѣхъ нововведеній, исходящихъ отъ русской власти. Передъ народомъ, при введеніи новой мѣры, тотъ же волостной управитель является ярымъ консерваторомъ и заступникомъ за народъ передъ начальствомъ. Такая ложь на обѣ стороны, сильно вредитъ дѣлу и препятствуетъ установленію взаимнаго довѣрія между администраціей и населеніемъ.

Волостные съѣзды выборныхъ, особые съѣзды уполномоченныхъ и чрезвычайные съѣзды народныхъ судей у киргизъ.

Изслѣдователи бытовыхъ условій туземнаго населенія Туркестанскаго края въ достаточной мѣрѣ выяснили неудовлетворительность выборныхъ народныхъ судей и ихъ съѣздовъ; изученіе богатаго матеріала, собраннаго по этому вопросу на страницахъ мѣстныхъ повременныхъ изданій, приводитъ къ выводу о необходимости коренного пересмотра законоположеній, касающихся порядка судопроизводства въ народномъ судѣ и самой компетенціи этого суда.

Однако, какъ ни велико вліяніе народнаго суда на личные и имущественные интересы кочевого инородческаго населенія, но имѣются еще болѣе важныя выборныя учрежденія, кото-

рымъ предоставлено распредѣленіе между киргизами находящихся въ ихъ пользованіи государственныхъ земель.

Правда, компетенція этихъ коллегіальныхъ учрежденій обнимаетъ собою лишь распредѣленіе права пользованія землями, но наслѣдственное право пользованія, въ сущности, такъ близко на практикѣ къ праву полной собственности, что и въ этихъ предѣлахъ упомянутыя учрежденія при наличности злоупотребленій могутъ принести и приносятъ въ дѣйствительности не мало вреда благосостоянію кочевниковъ.

Ст. 271 Положенія объ управленіи Туркестанскаго края дѣлитъ всѣ земли, находящіяся въ пользованіи кочевниковъ, на три разряда: зимовки, лѣтовки и обрабатываемыя земли. Распредѣленіе зимовыхъ стойбищъ между аульными обществами предоставлено ст. 274 Положенія волостнымъ съѣздамъ выборныхъ, или пятидесятниковъ (елликъбаши), какъ называетъ ихъ народъ. Въ основаніе этого распредѣленія, согласно той же статьѣ Положенія, принимается количество скота и размѣръ хозяйства.

Казалось бы, для киргизскаго населенія не можетъ быть ничего лучше такого свободнаго распредѣленія пользованія зимовыми стойбищами. Участники волостного съѣзда, пятидесятники, избраны *) большинствомъ голосовъ на аульныхъ сходахъ; это—лучшіе люди кочевой волости, близко знакомые съ условіями жизни въ данной мѣстности, хорошо освѣдомленные о степени зажиточности каждаго изъ аульныхъ обществъ, входящихъ въ составъ данной волости.

Къ сожалѣнію, прекрасная теорія оказывается трудно примѣнимою на практикѣ. Свободное избраніе пятидесятниковъ, этихъ узаконенныхъ выразителей воли народной на волостномъ съѣздѣ, свободно только въ теоріи, на практикѣ-же оно всецѣло зависитъ отъ вліянія господствующихъ въ волости главарей—агитаторовъ, извѣстныхъ у кочевниковъ подъ шутливымъ прозвищемъ „аткаминаровъ“. Эти люди, заинтересованные въ проведеніи своихъ кандидатовъ на должности волостного управителя и народныхъ судей, все свое вниманіе прежде всего обращаютъ на личный составъ бираемыхъ народомъ пятидесятниковъ, которые въ съѣздѣ волостныхъ выборныхъ являются избирателями должностныхъ лицъ. Вотъ почему избраніе этихъ самыхъ близкихъ къ народу и потому

*) Ст. 85 Положеніе объ управленіи Туркестанскаго края.

самыхъ важныхъ представителей интересовъ аульнаго общества въ большинствѣ случаевъ вовсе не обезпечиваетъ кочевникамъ возможности имѣть въ лицѣ пятидесятниковъ независимыхъ радѣтелей о благѣ своего родного аула.

Чаще всего пятидесятники являются представителями родовыхъ или выборныхъ партій и также, какъ простые киргизы, на вопросъ „кимга карайсанъ“ (кому ты подчиняешься, или кого ты признаешь своимъ патрономъ), каждый изъ пятидесятниковъ, не задумываясь, называетъ имя одного изъ главарей волостной аристократіи, по неразумію, нисколько не скрывая того, что онъ уже не безпристрастенъ и далъ обѣщаніе отстаивать въ съѣздѣ волостныхъ выборныхъ интересы не всего избравшаго его аульнаго общества, а лишь той партіи, которой верховодитъ его патронъ.

Не будемъ говорить о причинахъ такого пристрастнаго отношенія выборныхъ къ дѣлу. Родовыя связи, личныя симпатіи, наконецъ, подкупъ, одинаково связываютъ выборнаго и на практикѣ оказываются сильнѣе закона.

Когда составленному такимъ образомъ съѣзду волостныхъ выборныхъ приходится избирать волостного управителя и народныхъ судей волости, можно заранѣе предсказать, что они изберутъ того, кто сумѣетъ привлечь на свою сторону большую часть выборныхъ. Вслѣдствіе этого въ волости всегда преобладаетъ сильнѣйшая партія, со всѣми несправедливостями, которыя возможны при широкомъ произволѣ выборныхъ должностныхъ лицъ.

Пока произволъ этотъ выражается лишь въ мелкихъ насиліяхъ надъ отдѣльными личностями, главнымъ образомъ тяжущимися или потерпѣвшими отъ конокрадства, можно еще мириться съ этимъ зломъ: терпитъ только извѣстная часть населенія, да и та, добившись при слѣдующихъ выборахъ преобладанія, можетъ возмѣстить свои убытки и, въ свою очередь, показать противной партіи свою силу. Плохо, когда партійные главари не удовлетворяются простымъ преобладаніемъ и задумываютъ серьезно поживиться на счетъ своихъ противниковъ; здѣсь уже дѣло идетъ обыкновенно о насиліи не надъ отдѣльными личностями, а надъ цѣлымъ обществомъ, и слабой сторонѣ грозятъ не преходящіе убытки, а полное разореніе.

Когда выборная вражда въ волости достигаетъ извѣстнаго напряженія, волостной управитель съ своими приверженцами

нерѣдко рѣшается наложить руку на земли, находящіяся въ пользованіи его противниковъ подъ общимъ названіемъ зимовыхъ стойбищъ, т. е. на тѣ лучшія части волостныхъ территорій, гдѣ расположены незамысловатыя постройки для жилья киргизъ и для загона скота въ зимнее время, гдѣ наиболѣе рачительными хозяевами посажены деревья и сдѣланы въ ограниченныхъ размѣрахъ запашки. Начинающій дѣло агитаторъ отлично знаетъ, что эти участки особенно дороги его врагамъ и что самое возникновеніе тяжбы причинитъ имъ не мало огорченій и убытковъ, а въ случаѣ неблагопріятнаго для нихъ исхода угрожаетъ имъ выселеніемъ изъ давно насиженныхъ мѣстъ, освященныхъ могилами отцовъ и дѣдовъ. Приверженцамъ управителя выгодно отобрать въ свою пользу лишній кусокъ земли съ орошеніемъ и насажденіями, а потому быстро организуется кампанія противъ чужого имущества.

Три—четыре изъ самыхъ рѣчистыхъ „закунчи" (ходатаевъ по дѣламъ) снабжаются общей довѣренностью аульнаго общества и необходимыми на расходы деньгами. Довѣренность въ большинствѣ случаевъ составляется отъ имени одноаульцевъ заочно, а деньги собираются съ нихъ же безъ объясненія, на что именно ихъ предполагается израсходовать; волостному управителю легко это сдѣлать, когда онъ въ силѣ и когда всѣмъ извѣстна его неутомимая ревность ко всякаго рода интригамъ для блага и славы его партіи. Съ этого момента „закунчи" пріобрѣтаютъ лестное названіе „юртнынъ—довѣреннасы" *) (довѣренные отъ народа), и начинаютъ буквально жить на счетъ этого послѣдняго, требуя отъ одноаульцевъ все новыхъ и новыхъ сборовъ на расходы по дѣлу.

Довѣренные начинаютъ съ того, что, прибывъ въ уѣздный городъ, пріискиваютъ въ одномъ изъ питейныхъ домовъ самаго смѣлаго составителя прошеній изъ мелкихъ русскихъ ходатаевъ по дѣламъ и заказываютъ ему за небольшую плату, часто замѣняемую прямо покупкой вина, аналогичныя по содержанію прошенія сразу всѣмъ главнымъ административнымъ и судебнымъ должностнымъ лицамъ. Въ прошеніи этомъ описывается небывалый случай захвата сосѣднимъ ауломъ издавна принадлежавшихъ просителямъ зимовыхъ стойбищъ и насажденій, при чемъ произведенное насиліе иллюстрируется вымыш-

*) Касаясь непосредственно народа и живо его интересуя, русскіе судебные и административные порядки отразились и на языкѣ туземцевъ, въ которомъ слова: „истарчинъ" (старшина), „уалясной" (волостной), „сіазъ" съѣздъ), „пауиска" (повѣстка) пріобрѣли полное право гражданства.

ленными указаніями на грабежъ, увозъ женщинъ и избіеніе младенцевъ. Свое право на якобы захваченныя сосѣдями зимовки просители основываютъ не только на давности владѣнія, но и на отводѣ имъ данной площади по распоряженію одного изъ бывшихъ кокандскихъ хановъ. Документы, подтверждающіе такой отводъ („ярлыкъ", „инаятъ-нама"), изготовляются какимъ-нибудь туземнымъ каллиграфомъ, хорошо изучившимъ стиль подлинныхъ ханскихъ грамотъ, а ханскія печати, которымъ суждено украшать собою подобные документы, выдѣлываются за небольшую плату искуснымъ рѣзчикомъ *).

Изложенныя такъ правдоподобно прошенія, съ приложеніемъ къ нимъ столь же правдоподобныхъ документовъ, а иногда еще и съ удостовѣреніями всѣхъ аульныхъ старшинъ волости **), сдаются на почту и доходятъ по назначенію, вызывая вскорѣ запросы начальства по небывалому захвату зимовокъ. Ближайшее къ народу русское начальство въ большинствѣ случаевъ умышленно обходится; довѣренные не обращаются съ своей просьбой къ начальнику уѣзда или участковому приставу и дѣлаютъ это вполнѣ сознательно, такъ какъ ближайшему начальству хорошо извѣстно дѣйствительное распредѣленіе зимовыхъ стойбищъ между аулами, и можно заранѣе быть увѣреннымъ, что прошеніе не будетъ принято такъ, какъ хотѣлось бы довѣреннымъ. Начинать прямо съ высшаго начальства гораздо удобнѣе, потому что самый запросъ его о положеніи дѣла есть уже дѣйствіе, устрашающее противниковъ и могущее само по себѣ привести стороны къ примиренію, подъ условіемъ уплаты сильнѣйшему извѣстной суммы въ возвратъ произведенныхъ по дѣлу расходовъ.

Далѣе дѣло обыкновенно сводится къ разбору спора съѣздомъ волостныхъ выборныхъ на основаніи ст. 274 Положенія и, по составу этихъ выборныхъ, можно заранѣе съ увѣренностью сказать, что споръ будетъ рѣшенъ несправедливо. Либо часть зимовыхъ стойбищъ чужого аула отойдетъ въ поль-

*) Съ такимъ мастеромъ своего дѣла мнѣ лично пришлось познакомиться при производствѣ одного дознанія и я видѣлъ дѣйствительно художественно исполненныя на оловѣ ханскія печати.

**) Такое удостовѣреніе обыкновенно пишется однимъ только старшиной того аула, который начинаетъ дѣло, по печать прилагается къ тому столько разъ, сколько ауловъ въ волости, при чемъ номеръ аула какъ будто нечаянно стирается. Выходитъ очень внушительно: правильность изложенныхъ въ прошеніи притязаній подтверждается всѣми аульными старшинами волости.

зованіе сильнѣйшихъ сосѣдей, либо эти послѣдніе получатъ съ потерпѣвшихъ деньгами значительную сумму, въ видѣ „чилына“ *), на возмѣщеніе произведенныхъ по дѣлу расходовъ, къ дѣйствительной суммѣ которыхъ легко присоединяются вымышленныя затраты на вознагражденіе лицъ, способствовавшихъ окончанію дѣла.

Законъ не указываетъ инстанціи, куда можно было бы жаловаться на подобныя постановленія волостного съѣзда выборныхъ, а безапелляціонность такихъ постановленій только усиливаетъ ихъ вредное значеніе въ народномъ хозяйствѣ.

На моихъ глазахъ былъ такой случай: потерявшій голову въ выборной враждѣ волостной управитель совершенно такъ, какъ выше описано, возбудилъ дѣло объ отобраніи части зимовыхъ стойбищъ сосѣдняго аула и, благодаря преобладанію въ волостномъ съѣздѣ выборныхъ его сторонниковъ, успѣлъ добиться рѣшенія дѣла въ свою пользу. Прошло полгода, затѣявшій тяжбу управитель былъ смѣщенъ съ должности и замѣненъ управителемъ по назначенію. Какъ только произошла эта перемѣна въ личномъ составѣ туземной администраціи, пострадавшій при прежнемъ режимѣ аулъ снова поднялъ дѣло о зимовкахъ, и тотъ же волостоой съѣздъ выборныхъ рѣшилъ дѣло въ совершенно противоположномъ смыслѣ, оставивъ зимовки за ихъ исконными владѣльцами.

Можно ли въ рѣшеніи такихъ важныхъ дѣлъ, какъ пользованіе зимовыми стойбищами, полагаться на усмотрѣніе волостного съѣзда выборныхъ, учрежденія далеко не свободнаго отъ стороннихъ вліяній? Гораздо правильнѣе было-бы рѣшеніе всѣхъ вопросовъ о распредѣленіи, или, точнѣе, объ измѣненіяхъ въ распредѣленіи зимовокъ отложить до окончанія всесторонняго изслѣдованія киргизскаго землепользованія особо снаряженными для того экспедиціями, подобными экспедиціи Щербины въ Кокчетавскомъ уѣздѣ Акмолинской области, или вновь учрежденными въ уѣздахъ поземельно-податными присутствіями. Только такія совершенно безпристрастныя коллегіи, на основаніи собранныхъ ими статистическихъ данныхъ, могли бы, не обижая никого, указать необходимыя по „количеству скота и размѣрамъ хозяйства“ измѣненія въ распредѣленіи зимовыхъ стойбищъ между аулами.

До принципіальнаго рѣшенія этого важнаго вопроса, всѣ

---

*) Расходъ по дѣлу.

споры сосѣднихъ аульныхъ обществъ о правѣ владѣнія площадями зимовыхъ стойбищъ, безъ всякаго ущерба для дѣла и въ интересахъ справедливости, легко могли бы разбираться въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ право фактическаго владѣнія можно установить совершенно независимо отъ взгляда на эти дѣла права обычнаго. Только такимъ путемъ и возможно устранить вопіющія несправедливости въ дѣлахъ о распредѣленіи зимовыхъ стойбищъ.

Для распредѣленія зимовыхъ стойбищъ между волостями и разбора споровъ по поводу этого распредѣленія между обществами разныхъ волостей, согласно ст. 273 Положенія, назначаются, съ разрѣшенія губернатора, особые съѣзды подъ предсѣдательствомъ особо назначеннаго губернаторомъ лица; эти съѣзды составляются изъ трехъ выборныхъ отъ каждой волости, избираемыхъ порядкомъ, установленнымъ ст. 85 Положенія для выборовъ волостныхъ представителей. Приговоры съѣздовъ представляются уѣзднымъ начальникомъ на утвержденіе губернатора и вносятся въ особыя книги, которыя хранятся въ областномъ правленіи.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ коллегіей меньшаго состава и притомъ рѣшающій голосъ въ ней принадлежитъ представителю русской администраціи. Большое значеніе имѣетъ здѣсь болѣе или менѣе удачный выборъ трехъ уполномоченныхъ отъ каждой волости для участія въ съѣздѣ. Рѣдко гдѣ уполномоченные для участія въ особыхъ съѣздахъ избираются въ волостяхъ порядкомъ, указаннымъ въ ст. 85 Положенія, т.-е. аульными сходами при общихъ выборахъ. Трудно и сдѣлать это въ кочевой волости, гдѣ числится обыкновенно 10—12 ауловъ, потому что избирать приходится только трехъ человѣкъ изъ всей волости, а привести къ соглашенію являющіеся въ качествѣ избирателей аульные сходы всѣхъ ауловъ, часто не имѣющихъ между собой ничего общаго, кромѣ принадлежности къ одной волости, какъ чисто административному подраздѣленію, нерѣдко оказывается весьма затруднительнымъ.

На практикѣ чаще прибѣгаютъ къ избранію трехъ уполномоченныхъ для особаго съѣзда изъ наличнаго числа представителей волостного съѣзда, т.-е. тѣхъ же пятидесятниковъ, о которыхъ говорилось раньше. Въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, и уполномоченные особаго съѣзда приступаютъ къ разбору дѣла все подъ тѣми же вліяніями, о которыхъ мы упоминали выше. Не выходя изъ своей всегдашней партійной зависимости, уполномоченные

могутъ не только небрежно отнестись къ дѣлу, если оно касается благополучія враждебныхъ имъ ауловъ, но даже сознательно высказаться въ пользу интересовъ чужой волости, если рѣшеніе дѣла въ этомъ смыслѣ отвѣчаетъ желаніямъ ихъ партіи. При этомъ случайно на дѣло могутъ оказать вліяніе не только партійныя, но и родовыя связи; для этого достаточно только представить себѣ случай, когда избранные отъ одной изъ спорящихъ волостей уполномоченные окажутся однородцами тяжущихся другой стороны изъ чужой волости. Родовыя связи здѣсь неминуемо окажутъ значительное вліяніе на рѣшеніе уполномоченныхъ, въ особенности, если они не принадлежатъ къ заинтересованнымъ въ спорѣ ауламъ. Нечего и говорить, что уполномоченные порадѣютъ своимъ родовичамъ, принося имъ въ жертву интересы своихъ довѣрителей, связанныхъ съ ними лишь принадлежностью къ одному административному подраздѣленію.

Допустимъ, что всѣ указанныя неблагопріятныя вліянія среды, до извѣстной степени, устранены счастливымъ выборомъ уполномоченныхъ, счастливой комбинаціей родовыхъ и партійныхъ связей, однимъ словомъ, представимъ себѣ шесть вполнѣ добропорядочныхъ, справедливыхъ уполномоченныхъ, по три съ каждой спорящей стороны. Что же получается и при этихъ, исключительно благопріятныхъ, условіяхъ? Каждая группа, состоящая изъ трехъ уполномоченныхъ, не должна и не можетъ упустить изъ-виду, что ихъ довѣрители ждутъ отъ нихъ рѣшенія дѣла въ благопріятномъ для себя смыслѣ, независимо отъ того, справедливо ли будетъ такое рѣшеніе или нѣтъ. Поэтому каждый уполномоченный и всѣ они трое вмѣстѣ будутъ прилагать всѣ старанія, чтобы исковыя требованія ихъ стороны были непремѣнно удовлетворены. Такимъ же точно образомъ будутъ дѣйствовать въ интересахъ своихъ довѣрителей и уполномоченные другой стороны, безцеремонно отрицая справедливость всѣхъ доказательствъ стороны противной. Засѣданіе особаго съѣзда, состоящаго по закону изъ 7-ми членовъ, сводится, такимъ образомъ, къ спору двухъ тяжущихся сторонъ (ибо три согласныхъ между собой мнѣнія уполномоченныхъ каждой волости совпадаютъ) въ присутствіи предсѣдателя, независимаго представителя отъ русской администраціи. При такихъ условіяхъ, дѣло сводится къ единоличному рѣшенію спора представителемъ администраціи, потому что его предсѣдательскій голосъ санкціонируетъ рѣшеніе той стороны,

согласиться съ мнѣніемъ которой онъ признаетъ справедливымъ. Оказывается, что коллегіальное рѣшеніе спора сводится къ единоличному, и вся отвѣтственность за справедливое рѣшеніе спора остается на предсѣдателѣ. Къ чему же тогда всѣ формальности, къ чему составлять коллегію, непригодную для независимаго и безпристрастнаго разбора дѣла? Не проще ли было-бы прямо поручить разборъ подобныхъ дѣлъ ближайшему къ народу представителю русской администраціи, давъ ему возможность, прежде постановленія рѣшенія всесторонне ознакомиться съ положеніемъ дѣла, не ограничиваясь предвзятыми данными, сообщаемыми ему на съѣздѣ уполномоченными отъ волостей, а собравъ, по собственному почину, на мѣстѣ всѣ необходимыя справки о состояніи хозяйства тяжущихся ауловъ.

Если къ сказанному выше добавить, что при выборѣ уполномоченныхъ особаго съѣзда закономъ не установлено отвода, и не указаны поводы къ таковому, а для обжалованія постановленій особаго съѣзда закономъ не установлено аппеляціонной инстанціи, то станетъ ясно, сколько пагубныхъ случайностей могутъ, даже при наличности благопріятныхъ условій, оказывать вліяніе на рѣшеніе въ особомъ съѣздѣ спора о распредѣленіи зимовыхъ стойбищъ между аулами разныхъ волостей.

Кромѣ спеціально предусмотрѣнныхъ ст. 273 Положенія дѣлъ о зимовыхъ стойбищахъ, между волостями одного и того же уѣзда могутъ возникать чисто поземельные споры; дѣла этого рода, по ст. 247 Положенія, вѣдаются чрезвычайными съѣздами народныхъ судей. Такіе съѣзды кочевниковъ составляются изъ народныхъ судей тѣхъ волостей, въ которыхъ числятся тяжущіеся или подсудимые, не менѣе одного отъ волости.

Въ чрезвычайныхъ съѣздахъ народныхъ судей много сходныхъ чертъ съ особыми съѣздами, которые мы только что разсмотрѣли. Въ каждой изъ кочевыхъ волостей въ обычное время правосудіе отправляется четырьмя народными судьями, которые такимъ образомъ составляютъ ограниченный контингентъ лицъ, могущихъ быть избранными для участія въ чрезвычайномъ съѣздѣ народныхъ судей. На основаніи примѣчанія къ ст. 247 Положенія, судьи избираются въ составъ чрезвычайнаго съѣзда сторонами и только дополнительное назначеніе судей предоставлено закономъ уѣздному начальнику. Эта добавка судей по распоряженію администраціи можетъ имѣть въ извѣстныхъ

случаяхъ рѣшающія для дѣла послѣдствія, такъ какъ уѣздный начальникъ имѣетъ право назначить въ составъ съѣзда, сколько онъ пожелаетъ, народныхъ судей и такимъ образомъ опредѣлить составъ коллегіи по своему усмотрѣнію.

Единолично рѣшая такой важный для дѣла вопросъ, уѣздный начальникъ, даже руководясь самыми лучшими побужденіями, можетъ выбрать назначаемыхъ имъ въ составъ съѣзда народныхъ судей неудачно: не имѣя никакой возможности близко изучить личность каждаго народнаго судьи, и не зная взаимныхъ отношеній назначаемыхъ имъ судей съ тяжущимися, уѣздный начальникъ можетъ, совершенно не намѣренно-такъ подобрать составъ съѣзда, что рѣшеніе его окажется предвзятымъ и односторонне несправедливымъ.

Положеніе назначенныхъ уѣзднымъ начальникомъ судей въ съѣздѣ какое-то особенное. Повидимому, только они и могутъ считаться безпристрастными по дѣлу судьями, а между тѣмъ, обѣ стороны относятся къ нимъ недовѣрчиво. Особенно затруднительное положеніе получается въ томъ случаѣ, если начальникъ уѣзда найдетъ нужнымъ въ составъ чрезвычайнаго съѣзда назначить по своему усмотрѣнію или, какъ это чаще дѣлается, по жребію только одного судью. Тогда, этотъ судья, стоящій между двумя спорящими сторонами, обыкновенно избирается предсѣдателемъ съѣзда и, въ сущности, рѣшаетъ дѣло единолично. Получается то же самое, что мы видѣли въ практикѣ особаго съѣзда для распредѣленія зимовыхъ стойбищъ,—коллегіальное рѣшеніе дѣла замѣняется единоличнымъ.

Междууѣздные или даже междуобластные съѣзды для рѣшенія разныхъ спорныхъ вопросовъ между занимающими смежныя территоріи или вмѣстѣ лѣтующими киргизами построены совершенно на тѣхъ же началахъ и не только грѣшатъ тѣми же недостатками, но, пожалуй, даютъ еще худшіе результаты, нежели мѣстные съѣзды въ предѣлахъ одного и того же уѣзда, потому что дѣло происходитъ гдѣ-то за тридевять земель; люди съ противной стороны избираются совершенно неизвѣстные другой половинѣ судей, а за отдаленностью судбища и вѣсти оттуда не доходятъ, не говоря уже о томъ, что нѣтъ возможности непосредственно наблюдать ходъ преній съѣзда и составить себѣ понятіе о томъ, какія данныя принимались въ разсчетъ при постановленіи рѣшенія.

Высшей инстанціи для контроля дѣятельности чрезвычайныхъ съѣздовъ народныхъ судей закономъ не установлено и

рѣшенія этихъ временныхъ учрежденій являются окончательными.

Весь строй разсмотрѣнныхъ нами съѣздовъ рѣзко отличается отъ организаціи чисто выборнаго народнаго суда тѣмъ, что правительство въ лицѣ тѣхъ или другихъ чиновъ русской администраціи принимаетъ въ дѣлахъ съѣзда непосредственное участіе. Въ особомъ съѣздѣ предсѣдательствуетъ особо назначенное губернаторомъ лицо; въ чрезвычайныхъ съѣздахъ часть судей назначается уѣздными начальниками; самый съѣздъ, наконецъ, происходитъ въ присутствіи чиновника русской администраціи,*) который, однако, смотритъ только за порядкомъ, не вмѣшиваясь въ занятія съѣзда.

При такихъ условіяхъ русская администрація неминуемо принимаетъ на себя въ глазахъ народа извѣстную часть нравственной отвѣтственности за справедливое рѣшеніе дѣла, а между тѣмъ, рѣшеніе очень рѣдко зависитъ отъ взгляда на дѣло представителей администраціи; главная роль принадлежитъ въ дѣлѣ представителямъ тяжущихся сторонъ. Огульно обвинять этихъ представителей въ недобросовѣстности нѣтъ основанія, но нельзя отрицать въ нихъ присутствія племенной, родовой и партійной связи съ тѣми или другими группами населенія, а это присущее всѣмъ рѣшительно кочевникамъ качество должно серьезно поколебать увѣренность въ безпристрастіи подобныхъ дѣятелей всякій разъ, какъ имъ приходится разбирать важное поземельное дѣло.

Не опасаясь погрѣшить противъ истины, можно сказать, что въ настоящее время всѣ разсмотрѣнные нами особые и чрезвычайные съѣзды являются по меньшей мѣрѣ анахронизмомъ, и дальнѣйшее существованіе ихъ при наличіи уѣздныхъ поземельно-податныхъ присутствій и реформированныхъ судебныхъ учрежденій не вызывается необходимостью.

Всѣ надобности, касающіяся исторіи и экономическаго значенія спорнаго земельнаго участка, всегда могутъ быть въ точности выяснены представителями администраціи и провѣрены коллективно поземельно-податнымъ присутствіемъ, постановить же окончательное рѣшеніе по дѣлу на основаніи добытыхъ данныхъ не составитъ никакого затрудненія для любой инстанціи общихъ судебныхъ учрежденій, а тяжущіеся, кромѣ того, получатъ возможность обжаловать рѣшенія эти въ установлен-

---

*) Ст. 248 Положенія объ управленіи Туркестанскаго края.

номъ закономъ общемъ порядкѣ. Поэтому нѣтъ никакихъ основаній поддерживать эти, когда-то, на первыхъ порахъ, занятія края, необходимыя административно-судебныя учрежденія, далеко не свободныя отъ стороннихъ вліяній и въ то же время не отвѣтственныя въ глазахъ народа за постановляемыя ими рѣшенія.

Волостные управители по выборамъ и назначенію.

Принципъ самоуправленія представляется въ теоріи наиболѣе примѣнимымъ въ организаціи низшихъ ступеней народной администраціи: для населенія весьма удобно и просто избирать себѣ низшихъ должностныхъ лицъ, по общему соглашенію, изъ числа самыхъ почетныхъ и уважаемыхъ согражданъ. Въ Туркестанскомъ краѣ принципъ самоуправленія, кромѣ того, служитъ доказательствомъ гуманнаго отношенія русскаго правительства къ туземному населенію, такъ какъ ранѣе въ азіатской исторіи никогда не случалось, чтобы завоеватели предоставляли покореннымъ народамъ самоуправленіе.

Однако, при ближайшемъ изученіи жизни туземцевъ оказывается, что на практикѣ принципъ самоуправленія примѣняется совершенно въ искаженномъ видѣ.

Туземное населеніе наше искони не было пріучено самостоятельно выбирать себѣ начальниковъ; кромѣ цеховыхъ старостъ у ремесленниковъ, всѣ остальные должностныя лица назначались высшей властью и почитались народомъ въ качествѣ ея агентовъ. Такому-то, вовсе неподготовленному предшествующей жизнью къ самоуправленію, народу мы дали право, которымъ пользуются жители внутреннихъ губерній Россіи, славяне по происхожденію, вѣками пріученные къ вѣчевому и общинному устройству. Если и въ Россіи выборные волостные дѣятели нерѣдко заслуживаютъ порицанія и требуютъ постояннаго контроля, то чего же можно ожидать отъ избранниковъ нашихъ туземцевъ, нашихъ волостныхъ управителей.

Прежде всего самъ народъ, какъ мы себѣ его представляемъ, вовсе не участвуетъ въ избраніи должностныхъ лицъ; выборы являются привиллегіей народной аристократіи, не только составляющей по своимъ интересамъ съ массою населенія неразрывнаго цѣлаго, но скорѣе заинтересованной лишь въ безбожной эксплоатаціи простого народа. Такъ называемые „аткаминары“ составляютъ совершенно обособленный классъ туземной общины, если и возвышающійся надъ общимъ уровнемъ

народной массы, то только благодаря своей хитрости и наглости, а отнюдь не по своимъ нравственнымъ преимуществамъ. Эти то люди и ведутъ за собой темный народъ, намѣчая при выборахъ должностныхъ лицъ кандидатовъ, угодныхъ имъ самимъ, а не народу. Они то, въ сущности, и правятъ безконтрольно народомъ черезъ своихъ ставленниковъ, всецѣло обязанныхъ имъ своимъ избраніемъ и потому во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ оглядывающихся на этихъ демагоговъ.

Вотъ почему встрѣчаются волости, гдѣ волостныхъ управителей народъ нѣсколько трехлѣтій подрядъ выбираетъ „единогласно“ и, наоборотъ, есть волости, гдѣ населеніе никакъ не можетъ прійти къ соглашенію относительно выбора себѣ управителя, и борьба враждующихъ партій доходитъ иногда до раздѣленія волости на двѣ, чтобы дать претендентамъ обѣихъ партій возможность достигнуть власти. Въ первомъ случаѣ „аткаминары“ дѣйствуютъ дружно за одно, въ послѣднемъ они ссорятся, затрудняясь избрать наиболѣе удобнаго и покладистаго управителя, изъ котораго можно было бы, что называется, хоть веревки вить.

Наконецъ, выборы въ волости кончены, управитель утвержденъ въ должности и ему приходится нести службу. Уѣздный начальникъ, участковый приставъ, мировой судья и слѣдователь всѣ обращаются къ нему съ требованіями и при этомъ, конечно, нисколько не справляются со вкусами „аткаминаровъ“; идти въ разрѣзъ съ требованіями русскаго начальника подчасъ опасно—можно лишиться добытаго съ такимъ трудомъ почетнаго положенія; поэтому ставленникъ выборной агитаціи бьется какъ рыба объ ледъ, на каждомъ шагу прибѣгая ко лжи и хитрости, чтобы какъ-нибудь согласить несогласимое. Приставу волостной управитель вѣчно жалуется на непослушаніе туземцевъ, укоряетъ ихъ въ косности и невѣжествѣ, „аткаминарамъ“ управитель представляетъ пристава жестокимъ гонителемъ, передъ которымъ ему, управителю, не всегда удается отстоять народные интересы, а приходится поневолѣ исполнять его требованія. Въ результатѣ между представителями русской власти и народомъ вырастаетъ стѣна, обѣ стороны другъ друга не понимаютъ только потому, что не соприкасаются непосредственно.

Участки у насъ большіе, участковый приставъ не въ состояніи удѣлить на разъѣзды по своему большому району столько времени, сколько требуется для всесторонняго и близкаго знакомства съ туземнымъ населеніемъ, и волостной управитель по-

неволѣ является посредникомъ во многихъ случаяхъ, когда, въ интересахъ не только русской власти, но и самого народа, крайне важно было бы обойтись безъ этого посредничества.

Недостатки выборной системы неоднократно уже обнаруживались на дѣлѣ: дознанія о поборахъ, несправедливостяхъ и другихъ должностныхъ преступленіяхъ волостныхъ управителей сотнями производятся ежегодно въ каждой области, заботы о благосостояніи населенія или о его просвѣщеніи, повидимому, вовсе недоступны выборнымъ представителямъ народа, а служба съ такими подручными — сущая мука для представителей правительственной власти.

Но и это сравнительно мелочи передъ тѣми, къ счастью, рѣдко повторяющимися, но крайне важными случаями, когда къ молчаливому протесту самого ставленника „аткаминаровъ" присоединяется еще сомнѣніе, что исполненіе какого-либо отданнаго свыше распоряженія не вполнѣ согласно съ религіозными взглядами мусульманъ или препятствуетъ точному исполненію какихъ-либо обрядностей. Въ этихъ случаяхъ русская власть, за неимѣніемъ лучшихъ исполнителей, опирается все на тѣхъ же волостныхъ управителей, а въ ихъ неискренности въ такіе моменты не представляется уже никакого сомнѣнія. Живо вспоминаю торжественную смѣну всѣхъ должностныхъ лицъ туземной администраціи Стараго Ташкента генераломъ Гродековымъ на другой день послѣ безпорядковъ 24 іюня 1892 года за то, что всѣ должностные туземцы поголовно спрятались во время безпорядковъ и появились снова только послѣ прихода войскъ и возстановленія спокойствія. Ни у одного изъ служащихъ туземцевъ не достало гражданскаго мужества образумить наэлектризованную интриганами толпу и уговорить не добиваться безобразіемъ отмѣны санитарныхъ мѣръ противъ свирѣпствовавшей тогда холеры и, можетъ быть, отчасти потому, что всѣ санитарныя мѣры эти не указаны въ книгахъ шаріата, а потому защитники ихъ рисковали возбудить сомнѣніе въ своемъ правовѣріи. Ближайшіе очевидцы Андижанскаго бунта 1898 года помнятъ, сколько волостныхъ управителей нашли умѣстнымъ утвердить своими должностными печатями воззванія Миньтюбинскаго ишана о газаватѣ.

Выборныя должностныя лица скомпрометировали себя, выборная агитація признана явленіемъ вреднымъ въ народной жизни и потому въ послѣднее время чаще и чаще выборы стали замѣняться назначеніемъ туземныхъ должностныхъ лицъ изъ

числа извѣстныхъ администраціи туземцевъ, знающихъ русскій языкъ, воспитавшихся въ русскихъ школахъ. Волостные управители обязаны вести переписку съ начальствомъ на русскомъ языкѣ и потому многіе изъ нихъ обзавелись вольнонаемными писарями изъ русскихъ.

Взглянемъ на обстановку дѣятельности волостныхъ управителей новѣйшей формаціи и постараемся выяснить: кто и какія выгоды можетъ пріобрѣсти отъ замѣны выборовъ назначеніемъ при опредѣленіи къ должностямъ нашихъ волостныхъ управителей.

Кадромъ для назначенія новыхъ служащихъ, по необходимости, являются малоразвитые сыновья прежнихъ должностныхъ лицъ, съ грѣхомъ пополамъ обучившіеся русской грамотѣ, еще менѣе грамотные и развитые переводчики, мирзы и джигиты уѣздныхъ управленій, оспопрививатели и т. п. люди, случайно ближе другихъ стоявшіе къ русской администраціи и потому ей знакомые. Все это туземцы, по преимуществу бѣдные, не пользующіеся вліяніемъ и, казалось бы, вынужденные въ предстоящей имъ дѣятельности опираться исключительно на русскую власть, отъ которой зависитъ ихъ назначеніе.

На повѣрку выходитъ, однако, другое. Вновь назначенный волостной управитель не долго помнитъ, кому онъ обязанъ своимъ благополучіемъ, и посвящаетъ всѣ свои силы увеличенію своего благосостоянія, для чего, по необходимости, примыкаетъ къ сильнѣйшей въ данную минуту волостной партіи и становится орудіемъ въ рукахъ все тѣхъ же „аткаминаровъ“. Русскую рѣчь и грамоту новый волостной понемногу забываетъ, костюмъ его пріобрѣтаетъ все большее и большее сходство съ одеждой незнакомыхъ съ русской жизнью туземцевъ, а самъ новый служащій быстро и непомѣрно жирѣетъ и разлѣнивается. При такихъ условіяхъ трудно предположить какія-либо просвѣтительныя стремленія, да и трудно пропагандировать что-нибудь новое черезъ людей, которые ничего общаго не имѣютъ съ народомъ, въ ихъ вѣдѣніи находящимся.

И при старыхъ выборныхъ, и при новыхъ назначенныхъ управителяхъ весьма большимъ значеніемъ пользуется волостной писарь, получающій 8—10 руб. жалованья въ мѣсяцъ и какъ то ухитряющійся жить на эти деньги съ семьей изъ нѣсколькихъ душъ. Эти сотрудники управителей комплектуются почти исключительно изъ писцовъ разныхъ управленій и почталіоновъ, не-

могущихъ продолжать службу въ другомъ мѣстѣ изъ-за поклоненія Бахусу. Весьма понятно, что на такихъ людей нельзя возлагать особенно большихъ надеждъ, а между тѣмъ, этотъ единственный въ волости русскій человѣкъ ведетъ, въ сущности, все служебное дѣло управителя.

Вотъ какъ обстоитъ дѣло управленія волостями послѣ того, какъ устои выборной системы немного пошатнулись и, трудно сказать, много-ли пользы принесутъ назначаемые русской властью должностныя лица изъ туземцевъ уже потому, что вся дѣятельность ихъ ограничивается все-таки посредничествомъ между русскими начальниками и дѣйствительными исполнителями всевозможныхъ требованій.

Если мы присмотримся ближе къ тому, что волостной управитель дѣлаетъ въ волости самъ лично, то должны будемъ прійти къ заключенію, что едва ли это не лишнее лицо въ служебной іерархіи. Получивъ какое-либо распоряженіе, управитель обращается за его исполненіемъ къ подлежащему аульному старшинѣ, или народному судьѣ. Врученіе повѣстокъ, объявленіе резолюцій начальствующихъ лицъ, вызовъ туземцевъ по требованіямъ разныхъ лицъ и учрежденій, исправленіе дорогъ и, наконецъ, сборъ податей, все это лежитъ на обязанности аульнаго старшины, который, исполнивъ дѣло, передаетъ его волостному управленію, докладывающему участковому приставу объ исполненіи. Лично на долю волостного управителя выпадаетъ такимъ образомъ: встрѣча и сопровожденіе прибывающихъ въ уѣздъ начальствующихъ лицъ, собираніе съѣзда волостныхъ выборныхъ по разнымъ дѣламъ и отвозъ въ казначейство податныхъ денегъ, собранныхъ съ населенія аульными старшинами. Между тѣмъ, содержаніе волостного управителя и его канцеляріи обходится волости ежегодно въ 900 руб.

Сами туземцы, не заинтересованные въ существованіи выборной агитаціи, къ волостному управителю обращаются исключительно за выдачей удостовѣреній на полученіе паспортовъ и за приведеніемъ въ исполненіе рѣшеній народнаго суда. Первыя волостной управитель выдаетъ только съ согласія подлежащаго аульнаго старшины, а вторыя исполняетъ крайне медленно и неаккуратно, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикомъ является богатый и знатный, а истцомъ— бѣдный туземецъ.

Выходитъ, что ни туземцы, ни русская власть ничего не потеряютъ, если число должностныхъ лицъ туземной админи-

страціи ограничить тѣми сельскими и аульными старшинами, которые, за очень скромное вознагражденіе, несутъ въ дѣйствительности всю службу ближайшаго завѣдыванія туземцами во всѣхъ отношеніяхъ и дѣйствительно близко стоятъ къ народу, а напоминающихъ синекуру волостныхъ управителей и безусловно вредныхъ волостныхъ писарей замѣнить отвѣтственными русскими служащими.

Соединивъ волостные раіоны, напримѣръ, по три, возможно было-бы образовать изъ каждыхъ 3 волостей по одному маленькому участку и поручить его русскому чиновнику на тѣхъ же основаніяхъ, какъ волостью правитъ волостной управитель, подъ непосредственнымъ руководствомъ участковаго пристава и уѣзднаго начальника. Содержаніе такого волостного начальника, безъ всякихъ дополнительныхъ расходовъ отъ казны или земства, могло бы быть хорошо обезпечено тѣми деньгами, которыя населеніе тратитъ въ настоящее время на содержаніе волостныхъ управителей, а пользы эти близко стоящіе къ народу русскіе люди принесли бы гораздо больше.

Конечно, и здѣсь, какъ въ каждомъ дѣлѣ, все зависитъ отъ надлежащаго выбора служащихъ, но, мнѣ кажется, русское населеніе Туркестанскаго края настолько велико, что не встрѣтилось бы никакихъ затрудненій къ подысканію на вновь проектируемыя должности вполнѣ подходящихъ молодыхъ людей, которые выросли въ Туркестанѣ, здѣсь же получили среднее образованіе, практически изучили мѣстное нарѣчіе и, хотя поверхностно, ознакомились съ бытомъ и нуждами мѣстнаго туземнаго населенія. Болѣе интеллигентный, чѣмъ нынѣшній волостной управитель, новый „волостной начальникъ“ быстро освоится въ новой обстановкѣ и станетъ для туземцевъ необходимымъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ, къ которому туземцы будутъ обращаться съ такимъ же довѣріемъ, какимъ нынѣ пользуются съ ихъ стороны прочія русскія должностныя лица. Волостному начальнику, при помощи сельскихъ и аульныхъ старшинъ, завѣдывать своимъ небольшимъ участкомъ было бы не трудно и потому къ такому служащему можно было бы предъявлять самыя строгія требованія.

Обязательство жить въ раіонѣ своего участка неминуемо привело бы волостныхъ начальниковъ къ необходимости избрать себѣ постоянное мѣстожительство среди туземцевъ въ селеніяхъ осѣдлыхъ волостей и въ центрѣ зимовокъ кочевыхъ. Появленіе русскаго дома и русской семьи въ туземномъ киш-

лакѣ или въ степи, само по себѣ, уже было-бы отраднымъ явленіемъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мало пришлаго русскаго населенія. При настоящихъ условіяхъ жизни трудно простому туземцу познакомиться съ обстановкой жизни своихъ сосѣдей — русскихъ, это удается только жителямъ большихъ городовъ, по своимъ торговымъ дѣламъ сталкивающимся часто съ русскими людьми. Всякій простой туземецъ безъ нужды и не пойдетъ знакомиться съ нами; но если мы сами, путемъ увеличенія чуть не въ пять разъ русскаго служилаго элемента, пойдемъ навстрѣчу сближенію, то, несомнѣнно, принесемъ не мало знаній простому туземцу, сдѣлаемъ много для ознакомленія туземцевъ съ нашей жизнью, нисколько не посягая на ихъ религіозныя вѣрованія.

Выборная агитація у туземцевъ.

Какіе пріемы примѣняются туземцами въ партійной борьбѣ при выборахъ должностныхъ лицъ, можно судить по слѣдующему эпизоду, имѣвшему мѣсто во время однихъ выборовъ народныхъ судей въ Ташкентскомъ уѣздѣ. Какъ-то ночью я, въ качествѣ начальника туземной части города Ташкента, получилъ отъ одного изъ волостныхъ управителей уѣзда настоятельную просьбу оказать содѣйствіе въ розыскѣ и доставкѣ къ слѣдующему утру на выборы въ уѣздное управленіе бѣжавшихъ отъ него выборныхъ уполномоченныхъ (пятидесятниковъ), которые скрылись въ домѣ одного туземца. Оказалось, что для вящщей увѣренности въ отношеніи подачи голосовъ пятидесятниками на выборахъ за извѣстныхъ кандидатовъ, сторонники ихъ партіи заблагоразсудили увести уполномоченныхъ въ самую дальнюю часть туземнаго Ташкента и тамъ запереть ихъ, угостить и продержать до утра для того, чтобы до подачи голосовъ они не подпали подъ вліяніе представителей противной партіи. Въ два часа ночи на мѣсто почтеннаго собранія явились полицейскіе и пригласили избирателей отправиться въ уѣздное управленіе. Такимъ образомъ, невольно пришлось вмѣшаться въ своего рода парламентскіе происки нашихъ туземцевъ.

Выборы туземцевъ въ Ташкентскую городскую думу

Разъ въ три года теченіе жизни обывателей туземнаго Ташкента немного нарушается выборами гласныхъ въ городскую думу. Недѣли за двѣ до начала выборовъ избирателямъ

раздаются черезъ старшинъ пригласительныя повѣстки пожаловать на выборы. При врученіи повѣстокъ обыкновенно не мало недоразумѣній: много повѣстокъ адресуется такимъ домовладѣльцамъ, которыхъ уже нѣтъ въ живыхъ, и потому на выборы нужно идти ихъ наслѣдникамъ; далѣе, весьма немногіе туземцы сразу понимаютъ, какъ нужно оформить уполномочіе другого присутствовать за себя на выборахъ, а внесшіе деньги за свое имущество уже послѣ составленія избирательныхъ списковъ, обыкновенно крайне удивлены, почему имъ, уплатившимъ оцѣночный налогъ сполна, не послано повѣстокъ. Разъясненіе всѣхъ этихъ мелочей занимаетъ дня три передъ первымъ избирательнымъ собраніемъ. Разскажу, какъ прошли на моихъ глазахъ одни такіе выборы.

Рано утромъ въ соборную мечеть Джамъ близь базара, какъ въ единственное помѣщеніе, пригодное для многолюднаго собранія, были доставлены избирательные ящики и все прочее, необходимое для производства выборовъ представителей туземнаго населенія въ городскомъ общественномъ управленіи. Понемногу стали собираться избиратели и однимъ изъ первыхъ явился, видимо издалека, древній старецъ верхомъ на ишакѣ. Выборы для этого престарѣлаго избирателя не представляли рѣшительно никакого интереса, но, по недоразумѣнію, онъ счелъ, что полученіе повѣстки обязываетъ его явиться въ избирательное собраніе и что неявка по приглашенію можетъ подвергнуть его взысканію. Только изъ страха наказанія и потащился дѣдъ чуть не за десять верстъ изъ своего сада на границѣ города.

Публика собралась только къ 11-ти часамъ и набралось всего лишь 64 человѣка, не болѣе одной трети всѣхъ приглашенныхъ. По прочтеніи установленныхъ статей закона и по выборѣ къ ящикамъ особыхъ уполномоченныхъ для надзора за баллотировкой, было предложено назвать кандидатовъ. Оказалось, что эти кандидаты уже намѣчены раньше въ частныхъ совѣщаніяхъ избирателей и потому немедленно можно было приступить къ выборамъ.

Въ полномъ порядкѣ, степенно задвигались солидные избиратели къ ряду избирательныхъ ящиковъ. Здѣсь, при самомъ рѣшеніи судьбы намѣченныхъ кандидатовъ, чрезвычайно любопытно было наблюдать, съ какой чисто восточной деликатностью стоявшіе у ящиковъ и подававшіе шары уполномоченные, не имѣя права передать каждому подходящему избирателю

свой взглядъ на качества кандидатовъ, старались все-таки интонаціей голоса или умильной улыбкой склонить избирателя къ тому, чтобы онъ положилъ шаръ направо желательному кандидату. Избиратель платилъ уполномоченному той же монетой: любезно улыбался на обращенную къ нему улыбку, точно соглашаясь поддержать своимъ шаромъ баллотирующагося, и въ то же самое время, съ самымъ невиннымъ видомъ, клалъ подъ платкомъ шаръ налѣво. Избиратели спокойны и, повидимому, тяготятся ожиданіемъ своей очереди положить шаръ, чтобы затѣмъ оставить собраніе; большинство ихъ торопится въ сады и лавки, но нѣсколько человѣкъ, зараженныхъ тщеславіемъ, волнуются: имъ хочется или самимъ попасть въ гласные, или провести кого-нибудь изъ своихъ присныхъ. Эти немногіе претенденды ярко выдѣляются на общемъ фонѣ невозмутимыхъ избирателей Въ нихъ сторонній наблюдатель сразу замѣчаетъ безпокойство: они переходятъ отъ кучки къ кучкѣ и просительное выраженіе ихъ лицъ, ихъ вкрадчивыя рѣчи сразу обличаютъ желаніе попасть въ гласные. Что тянетъ этихъ честолюбцевъ въ думскую залу, сказать трудно; конечно, не выгода, не корысть, а вѣрнѣе всего тщеславное стремленіе прибавить къ своему имени прозвище „дума“ какъ карты величаютъ гласныхъ. Говорю такъ потому, что большинство претендентовъ, добившись званія гласнаго, очень рѣдко посѣщаетъ думскія собранія и, побывавъ тамъ, большей частью не можетъ отдать отчетъ о томъ, что тамъ происходило.

Есть и другая категорія—это, такъ сказать, пассивные кандидаты, которымъ народъ самъ хочетъ ввѣрить свои интересы. Такихъ немного; все это люди весьма почтенные, пользующіеся всеобщимъ уваженіемъ и симпатіями. Купцы выбираютъ такихъ людей для рѣшенія споровъ между собою по денежнымъ дѣламъ, народные судьи упрашиваютъ ихъ принять на себя опеку надъ богатыми сиротами. Къ сожалѣнію, люди такого рода въ большинствѣ случаевъ совершенно сторонятся отъ участія въ городскихъ дѣлахъ, и, если ихъ все-таки избираютъ, то они почти всегда отказываются. Нельзя, до нѣкоторой степени, не оправдать ихъ: сознаніе долга работать на пользу общую слабо развито въ эгоистѣ-туземцѣ, а добросовѣстность не позволяетъ ему взяться за дѣло, къ которому не лежитъ душа; кромѣ того, большинство стѣсняется и тѣмъ невыгоднымъ положеніемъ, какое занимаютъ въ думѣ гласные, не знающіе русскаго языка; сидѣть въ собраніи, не понимая многаго изъ того, что

тамъ говорится,—участь незавидная, и каждый, не владѣющій русской рѣчью, долженъ сознаться, что не много пользы приноситъ онъ, посѣщая думскія засѣданія. Званіе гласнаго не прельщаетъ дѣйствительно уважаемыхъ населеніемъ туземцевъ. Они подыскиваютъ всевозможныя оправданія своему протесту противъ привлеченія ихъ къ общественной службѣ. Какъ только вы заговорите съ ними на эту тему, сейчасъ же услышите сѣтованія, что, попавъ въ гласные, приходится запускать свои собственныя дѣла; что быть гласнымъ—значитъ наживать лишнихъ враговъ; что очень трудно сидѣть до 12-ти часовъ ночи въ думѣ и потомъ возвращаться домой, въ азіатскій городъ; что въ ненастную погоду лошади гласныхъ мокнутъ и мерзнутъ на улицѣ, дѣлаясь негодными для ѣзды на нихъ утромъ слѣдующаго дня; что необходимо имѣть особаго конюха, который сопровождалъ бы хозяина въ думскія засѣданія,—однимъ словомъ, приводится цѣлый рядъ второстепенныхъ причинъ, побуждающихъ къ отказу отъ выбора въ гласные. Дѣйствительною же причиною является полное равнодушіе туземцевъ къ общественнымъ дѣламъ, которыхъ они никогда не знали и которыя еще и теперь слабо понимаютъ. Что касается почета, то нынѣшніе гласные, разумѣется, не могутъ идти въ сравненіе съ старыми „думà“, членами бывшаго хозяйственнаго управленія, въ небольшой коллегіи вершившими городскія дѣла до введенія городового положенія, и каждый изъ прежнихъ „думà“ счелъ бы для себя пониженіемъ попасть теперь въ думу въ качествѣ одного изъ 24-хъ ея членовъ.

Религіозныя вѣрованія и обряды.

Ишаны и ихъ значеніе у туземцевъ.

У мусульманъ нѣтъ рукоположеннаго духовенства, нѣтъ даже и духовнаго сословія, какъ касты. Въ каждомъ приходѣ (махалля), группирующемся около одной общей мечети, правда, всегда имѣется „имамъ“ — предстоящій при совершеніи пятикратныхъ ежедневныхъ молитвъ, но имамъ не есть посредникъ между Богомъ и прихожанами, а только лишь исполнитель указанной ему обязанности руководить общей молитвой. Когда почему-либо нѣтъ налицо имама, или когда намазъ совершается внѣ мечети, мѣсто имама можетъ занять каждый мусульманинъ, независимо своего положенія или образованія, если только обрядовая сторона молитвы имъ хорошо усвоена. Кромѣ предстоянія на молитвѣ, приходскій имамъ большею частію занимается и преподаваніемъ въ приходской школѣ (мактабъ), куда собираются ежедневно дѣти прихожанъ, въ возрастѣ отъ 6—14 лѣтъ. Соединеніе обязанностей имама и приходскаго учителя даетъ ему право на званіе „дамулла-имама“, учителя-имама. Внѣ мечети имаму приходится исполнять религіозныя требы — совершать браки и обрѣзаніе, читать молитву и нарекать имя новорожденному, напутствовать умирающихъ, но и эти обязанности совершенно отличны по своему характеру отъ тѣхъ обязанностей, какія несутъ на себѣ по совершенію требъ христіанскіе пастыри-священники.

Мусульманскій бракъ не есть таинство, а гражданскій договоръ, обусловленный имущественными выгодами обѣихъ брачущихся сторонъ, и хотя имамъ приглашается на свадьбу для того, чтобы прочесть установленныя молитвы, но въ утвержденіи брачнаго союза роль имама второстепенная: ему не дано вязать брачущихся неразрывными узами, потому что разводъ можетъ совершиться и безъ его участія, и мужъ можетъ единолично рѣшить вопросъ о разводѣ, ни у кого не спрашиваясь. Для того, чтобы бракъ считался нарушеннымъ, мужу достаточно

намекнуть своей женѣ на рѣшеніе оставить ее, произнеся одну изъ семнадцати формулъ, слѣдствіемъ которыхъ является неуничтожаемый разводъ: ты отлучена! ты отрѣзана! ты запретна! поводья брошены на твою собственную шею! соединись съ своимъ родомъ! ты лишена! я даю тебя твоему семейству! я выпускаю тебя! твои дѣла въ твоихъ собственныхъ рукахъ! ты свободна! опусти покрывало! будь чиста! выйди вонъ! ступай! иди! встань! ищи товарища! *) Такимъ образомъ бракъ расторгается безъ всякаго участія имама, а если разводящимся супругамъ и приходится для огражденія своихъ имущественныхъ правъ обратиться къ власти, то стороны приносятъ жалобу казію—первой инстанціи народнаго суда, гдѣ дѣло и оканчивается утвержденіемъ гражданскаго акта, опредѣляющаго уплату денежной пени за совершеніе развода, если жена имѣетъ право на полученіе съ мужа вознагражденія.

Имамъ, приглашенный на обрѣзаніе, или для нареченія имени новорожденному также ограничивается прочтеніемъ установленныхъ молитвъ. Самое обрѣзаніе исполняетъ цирульникъ — „сартарашъ", изучившій пріемы этой несложной операціи, которой подвергается каждый мусульманинъ, а нареченіе имени весьма часто зависитъ не столько отъ имама, сколько отъ одного изъ старшихъ родственниковъ въ домѣ, гдѣ родилось дитя. Обращенная къ такому почтенному родственнику просьба— наречь новорожденному имя—есть дань уваженія его преклонному возрасту и почетному положенію въ семьѣ, а потому имаму рѣдко приходится исполнять и эту обязанность.

Къ умирающему въ послѣднія минуты его жизни не зовутъ имама, а послѣ смерти тѣло покойника нуждается сначала въ омывальщикѣ („мурда-шу", „югучи") и только приготовленнаго къ погребенію покойника, по дорогѣ на кладбище, заносятъ въ мечеть, чтобы имамъ прочелъ надъ покойнымъ молитвы. Послѣ погребенія надъ свѣжей могилой читаетъ коранъ особый чтецъ Корана — „кари", декламирующій установленныя главы священной книги мусульманъ наизусть и повторяющій это чтеніе въ установленные дни поминовенія усопшихъ.

При всѣхъ событіяхъ своей жизни, мусульманинъ и его близкіе не столько хлопочутъ о томъ, чтобы представитель религіи освятилъ молитвой событіе, призвавъ на него благосло-

*) Хидая по переводу Гродекова, т. I, стр. 274.

веніе Божіе, сколько радѣютъ о томъ, чтобы до пунктуальности точно выполнить всѣ предписанные на каждый случай обряды чисто житейскаго характера, между которыми самое главное—угощеніе возможно большаго числа лицъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ данной семьѣ.

На пиру по случаю семейнаго торжества имаму предоставляется одно изъ почетныхъ мѣстъ, но богачи-знакомые, а тѣмъ болѣе казіи и другіе нужные люди и въ угощеніи, и при раздачѣ халатовъ имѣютъ всегда преимущество передъ приходскимъ служителемъ вѣры.

Такимъ образомъ, въ самомъ составѣ населенія прихода нѣтъ налицо такого человѣка, который, по оффиціальному положенію своему, выполнялъ бы функціи наставника для взрослыхъ, совѣтника въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, утѣшителя въ минуту горя и богомольца за своихъ прихожанъ. Между тѣмъ, сарты, какъ и всякій народъ, нуждаются въ духовномъ руководствѣ, наставленіи и утѣшеніи: имъ необходимъ ходатай предъ Богомъ о прощеніи грѣховъ, человѣкъ, котораго бы настолько уважали, чтобы придти къ нему и. изливъ передъ нимъ душу, найти успокоеніе въ сознаніи своей виновности.

Пробѣлъ, остающійся въ строеніи мусульманскаго общества за отсутствіемъ рукоположеннаго духовенства, отчасти заполняется особымъ сословіемъ мистиковъ, извѣстныхъ въ народѣ подъ названіемъ „суфи“, „дервишей“ или „ишановъ“.

Ишанами принято называть послѣдователей и проповѣдниковъ особаго ученія „суфизма“, основаннаго на началахъ религіи Мухаммада, но во многомъ отступающаго отъ мусульманскихъ догматовъ и принявшаго въ себя многое изъ религіи Зороастра, буддизма и пантеистическихъ ученій. „Суфизмъ“ нѣсколько сходенъ съ монашествомъ, потому что въ немъ есть дѣленіе на ордена, которые держатся извѣстныхъ принциповъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ различныхъ учителей „тарикатa“. Хотя мусульманская религія учитъ, что „въ Исламѣ нѣтъ монашества“, но сарты говорятъ, что соотвѣтствующая арабская фраза означаетъ: „въ Исламѣ нѣтъ аскетизма“, и потому считаютъ, что суфизмъ нисколько не нарушаетъ принциповъ Ислама, такъ какъ суфи не аскеты, а только люди строгой жизни, болѣе другихъ мыслящіе, углубляющіеся въ тайны религіи, стремящіеся познать самихъ себя и Бога и не придающіе

преимущественнаго значенія мірскимъ дѣламъ передъ духовными.

Ишаны не представляютъ изъ себя замкнутой, опредѣленной касты; это не жреческое сословіе древней Греціи, не каста браминовъ Индостана. Люди эти отличаются отъ прочихъ своихъ согражданъ лишь замкнутымъ образомъ жизни и наклонностью къ созерцанію, что не позволяетъ имъ слиться воедино съ народомъ, изъ котораго они вышли и съ которымъ неразрывно связаны родственными, а главное—имущественными интересами.

Ишаны среди туземцевъ пользуются большимъ почетомъ; весьма многіе сарты входятъ въ болѣе близкія сношенія съ какимъ-либо извѣстнымъ ишаномъ и послѣ нѣкотораго знакомства съ положеніями суфизма становятся „муридами" этихъ учителей, подавая ишану руку въ знакъ связи и покорности. Другіе, не подавая руки, остаются по отношенію къ учителю („пиру" или „муршиду") только „ихлясами", или „зокирами"; эти отношенія не столь коротки: „ихлясъ" (искренній) не налагаетъ на себя никакихъ формальныхъ обязательствъ по отношенію къ ишану: онъ только его почитатель, а „зокиръ", кромѣ того, участвуетъ въ монашескихъ радѣніяхъ секты „джагріа", заключающихся въ произнесеніи эпитетовъ Божіихъ.

Для характеристики взаимныхъ отношеній между духовнымъ наставникомъ (ишаномъ, пиромъ, шейхомъ или муршидомъ) и его ученикомъ и послѣдователемъ (муридомъ), могутъ служить слѣдующія выдержки изъ сартовскаго кодекса приличій, „Адабъ-ус-салихынъ" *) о приличіяхъ, соблюдаемыхъ „въ собраніяхъ, гдѣ присутствуютъ шейхи, находящіеся въ степени тариката":

„Когда муридъ придетъ къ своему наставнику (пиру), онъ долженъ сѣсть въ отдаленіи. Если пиръ пригласитъ вошедшаго занять высшее мѣсто, то необходимо тотчасъ же послѣдовать приглашенію и перейти на высшее мѣсто, даже и въ томъ случаѣ, если бы при этомъ пришлось сѣсть выше какого-нибудь почтеннаго человѣка. Каждое слово наставника надо выслушивать со вниманіемъ и стараться запомнить, чтобы потомъ примѣнять въ жизни усвоенныя въ бесѣдѣ съ пиромъ правила. Во всѣхъ дѣлахъ слѣдуетъ руководствоваться волей шейха, во

*) Эта книга переведена мною съ тюркскаго языка и напечатана въ Сборникѣ трудовъ Сыръ-Дарьинскаго областного статистическаго комитета 1893 года.

всемъ ему безпрекословно повиноваться, будь то дѣла вѣры или житейскія; ничего не слѣдуетъ предпринимать безъ разрѣшенія пира, его волѣ должно подчиняться даже принятіе пищи и питья. Не слѣдуетъ спать въ одной комнатѣ съ шейхомъ, развѣ, если онъ самъ прикажетъ. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ исполнить приказаніе, но не слѣдуетъ спать крѣпко, а все время быть насторожѣ, чтобы, въ случаѣ надобности, исполнить волю шейха. Необходимо всѣми силами остерегаться своимъ поведеніемъ ставить шейха въ такое положеніе, когда онъ, хотя и замѣтитъ проступокъ, но изъ деликатности умолчитъ объ этомъ; такое молчаніе показываетъ, что шейхъ считаетъ провинившагося мурида не заслуживающимъ даже наставленія, а это очень не хорошо для мурида. Если шейхъ расположенъ къ мурид у, то онъ прямо выскажетъ ему свое неудовольствіе,—нельзя допустить, что шейхъ могъ не замѣтить вины мурида и только потому не высказываетъ неудовольствія провинившемуся".

Въ книгѣ „Манауви" сказано, что и муридъ долженъ считать своего пира единственнымъ въ мірѣ и самымъ важнымъ, долженъ вѣрить, что пиру извѣстны всѣ мельчайшія обстоятельства жизни мурида; преданность мурида пиру должна быть такова, что если бы даже пиръ прогналъ мурида, то послѣдній не долженъ оставлять пира, а продолжать служить наставнику, въ надеждѣ вновь заслужить его расположеніе. Начиная какое бы то ни было дѣло, необходимо мысленно испросить разрѣшенія и помощи у шейха; тайны шейха муридъ долженъ хранить отъ людей, а свои тайны обязанъ сообщать пиру. Муридъ долженъ всѣми силами стараться предотвратить всякій вредъ или непріятность, которые могутъ угрожать его шейху". Какъ видно изъ вышеприведенныхъ правилъ, муридъ, давши руку ишану, совершенно обезличивается, перестаетъ быть самимъ собой и представляетъ слѣпое орудіе въ рукахъ ишана.

Имущественное положеніе ишана вполнѣ зависитъ отъ его популярности среди своихъ соотечественниковъ: чѣмъ больше у ишана учениковъ-послѣдователей, тѣмъ больше проходитъ чрезъ руки ишана пожертвованій на богоугодныя дѣла („н а з р ъ"). Конечно, отъ воли самого ишана вполнѣ зависитъ распредѣлять приносимыя ему пожертвованія между бѣдняками или, обративъ въ деньги, тратить ихъ на благотворительность, но такіе безсребренники рѣдки между ишанами. Большинство изъ нихъ считаетъ, что все, принесенное добровольно, поступаетъ въ полную собственность того, кому принесено, и нисколько не стѣс-

няется увеличивать приношеніями свое личное благосостояніе, видя въ этомъ тоже своего рода благотворительность... Для послѣдователей въ сущности и не важно, какъ распорядится ишанъ ихъ приношеніями, потому что обѣтъ подарить что-нибудь ишану дается обыкновенно въ минуту невзгоды, и самое обѣщаніе уже даетъ обѣщавшему увѣренность, что своею жертвою онъ заручился молитвами своего ишана.

Приношенія бываютъ крайне разнообразны, какъ по поводамъ, которыми вызвано пожертвованіе, такъ и по цѣнности самыхъ приношеній. Рожденіе ребенка, обрѣзаніе, свадьба, болѣзнь, неурожай, падежъ скота могутъ подвинуть хозяина дать обѣтъ сдѣлать ишану пожертвованіе, размѣръ же и цѣнность подарка вполнѣ зависятъ съ одной стороны отъ степени состоятельности и щедрости приносящаго, а съ другой—отъ степени нравственнаго вліянія на него ишана, которому дѣлается приношеніе. Если ишанъ сумѣетъ поработить себѣ душу своего послѣдователя мурида, то все достояніе послѣдняго становится полной собственностью ишана, и отъ него вполнѣ зависитъ взять отъ мурида то, что понравится. Приношеніемъ можетъ быть все, что угодно: можно приносить хлѣбъ, зерно, матеріи, привести скотъ, или же просто поднести ишану деньги. Значеніе назра, какъ умилостивительной жертвы, нисколько не измѣняется отъ вида и размѣра приношенія.

Муриды добровольно несутъ свои пожертвованія, но врагъ силенъ, и нерѣдко случается, что наивный, суевѣрный поклонникъ не прочь и обмануть немного ишана, въ особенности, если до исполненія обѣта успѣла уже исчезнуть причина, послужившая поводомъ къ обѣщанію. Заболѣлъ любимый сынъ у туземца—въ страхѣ онъ даетъ обѣтъ, въ случаѣ выздоровленія, отвести ишану лучшую свою лошадь; но, случайно, послѣ даннаго обѣта сынокъ поправился и приходится расплачиваться за его выздоровленіе съ ишаномъ; страхъ прошелъ, на сцену выступаетъ природная расчетливость и въ, результатѣ, ишанъ получаетъ уже не самую лучшую, а далеко уступающую ей по цѣнѣ и достоинству лошадь.

Хотя сословіе ишановъ, по обычаю, и завоевало себѣ право получать отъ своихъ послѣдователей всякаго рода приношенія и имѣть полную возможность жить на эти пожертвованія, ничего не пріобрѣтая личнымъ трудомъ, но только дѣйствительно отрекшіеся отъ богатства и довольства ишаны могутъ разсчитывать на широкую извѣстность и искреннее уваженіе своихъ

послѣдователей. Встрѣчаются такіе ишаны, которые всецѣло предаются созерцанію и молитвѣ и не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на увеличеніе своихъ матеріальныхъ средствъ. Эти-то представители самоотреченія, въ сущности, и пользуются почетомъ и довѣріемъ своихъ послѣдователей, которые не безъ основанія предполагаютъ, что молитва такого, покончившаго расчеты съ міромъ человѣка, должна быть угодна Богу и усердно обращаются къ такимъ людямъ съ своими нуждами. Надо сказать, однако, что безсребренники между ишанами стрѣчаются крайне рѣдко, большинство же самоотреченію предпочитаетъ довольство

Чрезвычайно рѣдки также случаи, чтобы ишаны проводили время въ религіозныхъ упражненіяхъ, въ родѣ добровольнаго стоянія на молитвѣ или другихъ религіозныхъ подвигахъ, столь обычныхъ у христіанскихъ подвижниковъ. Обыкновенно ишанъ живетъ въ бракѣ, не истощаетъ себя постомъ, сверхъ положеннаго для всѣхъ мусульманъ поста въ мѣсяцъ „рамазанъ“ и вообще не отличается отъ другихъ туземцевъ образомъ жизни. Среди 60 извѣстныхъ мнѣ ташкентскихъ ишановъ религіозными подвигами выдѣлялся только ишанъ „Этъ-йимасъ“ (не вкушающій мяса), пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ далеко за предѣлами Ташкента.

Громадное большинство ишановъ не прочь хорошо поѣсть, хорошо пожить, да еще отложить про черный день сколько возможно больше денегъ, чтобы обезпечить и потомство свое средствами къ жизни на случай, если муриды вздумаютъ почему-либо уменьшить свои пожертвованія.

Ишанъ, который и не думалъ давать обѣта нищенства употребляетъ всѣ средства, чтобы заставить своихъ муридовъ платить побольше. Ежегодно дважды, въ извѣстное время, ишанъ отбываетъ особое молитвенное стояніе („чилля“), продолжающееся 40 дней. Въ этотъ промежутокъ времени онъ не выходитъ изъ своей комнаты и предается уединенію, читая Коранъ. Муриды, хорошо зная, когда ихъ ишанъ принимается за чиллю, стараются въ это время прислать ему побольше подарковъ, вѣря, что молитвы ишана во время чилли имѣютъ большую силу, чѣмъ въ обыкновенные дни. Къ ишану стекается скотъ, разныя вещи, а съ почты то и дѣло получаются пакеты съ денежными взносами, отъ 10 до 50 рублей каждый.

Особенно много денежныхъ пожертвованій со всѣхъ концовъ Туркестанскаго края въ свое время получалъ покойный

ишанъ Абулъ-Касымъ-ханъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ среди мусульманъ (ум. въ 1892 г.). По обилію получаемыхъ на его имя денежныхъ пакетовъ, можно было безошибочно опредѣлить, когда онъ становился на молитву чилля.

Чтобы пріобрѣсти больше пожертвованій, нерѣдко ишаны устраиваютъ высшія учебныя заведенія („мадраса"), гдѣ и учатся молодые люди, уже прошедшіе курсъ низшихъ школъ грамотности. Содержаніе молодыхъ людей и пріобрѣтеніе для нихъ учебныхъ пособій требуетъ расходовъ и, зная это, муриды, а въ особенности родители и родственники обучающихся въ мадраса не жалѣютъ денегъ на приношенія. Разумѣется, ихъ благотворительность даетъ средства къ жизни и самому ишану, покровителю учебнаго заведенія.

Наконецъ, если ишанъ видитъ, что притокъ благостыни незначителенъ, онъ собирается въ путешествіе и объѣзжаетъ наиболѣе зажиточныхъ своихъ муридовъ. Путешествіе обыкновенно совершается верхомъ, а за нѣсколько дней пути ишану предшествуютъ его преданные клевреты, предупреждающіе населеніе о предстоящемъ прибытіи ишана, чтобы всякій успѣлъ заблаговременно приготовиться встрѣтить духовнаго наставника. Весьма понятно, что, возвращаясь съ объѣзда, ишанъ привозитъ съ собою не мало добра.

Подобные выѣзды ишановъ изъ обыкновеннаго мѣста жительства обнаруживаютъ въ путешествующемъ жажду къ стяжанію, и потому лучшая часть населенія не одобряетъ такого пріема насильственнаго извлеченія средствъ. Ишанъ „ау-га чикты" (поѣхалъ на охоту) — говорятъ про поѣздку ишана по раіону его вліянія.

Нѣкоторый доходъ даетъ нашимъ ишанамъ отчитываніе психически больныхъ. Среди сартовъ нерѣдки случаи умственнаго разстройства, частью отъ употребленія наркотиковъ, частью отъ заботъ по запутанности денежныхъ дѣлъ. Много туземцевъ предается куренію опія или „наши" *), увеличивая съ теченіемъ времени дозу наркоза; это постоянное возбужденіе вызываетъ страданія мозга, которыя обыкновенно приводятъ къ помѣшательству. Купцы-туземцы, склонные къ быстрому обогащенію, часто ведутъ свои дѣла, не соображаясь съ размѣрами своихъ средствъ, дѣлаютъ долги, а потомъ, запутавшись окончательно, такъ много хлопочутъ объ устройствѣ своихъ торговыхъ дѣлъ,

*) Продуктъ, добываемый изъ конопли.

что нерѣдко тоже кончаютъ сумасшествіемъ. Первое средство, конечно, скорѣй вести больного къ одному изъ наиболѣе уважаемыхъ ишановъ и просить его прочесть надъ больнымъ установленныя молитвы, изгнать своимъ дыханіемъ „нафасъ", діавола, овладѣвшаго душой помѣшаннаго. По словамъ туземцевъ, нерѣдко ишанамъ удается своими молитвами возвращать разсудокъ временно его утратившимъ.

Однако, въ 1894 г. одинъ помѣшанный татаринъ бѣжалъ изъ дома ишана, куда былъ отданъ на излеченіе, и, безъ всякаго повода, напалъ на старика-сторожа на могилѣ русскихъ воиновъ въ Бишъ-агачской части г. Ташкента, которому въ нѣсколькихъ мѣстахъ проломилъ черепъ. Конечно, можно предположить, что ишанъ не успѣлъ еще вылечить больного, но можно просто усумниться въ силѣ отгоняющихъ нечистую силу молитвъ ишана.

Иногда ишана приглашаютъ помочь молитвами безплодной супругѣ туземца. И сарты увѣрены, что достаточно ишану дунуть на кусочекъ лепешки и произнести надъ нимъ нѣсколько таинственныхъ словъ, чтобы женщина, не имѣвшая до сего дѣтей, испытала въ самомъ непродолжительномъ времени муки и радости материнства. Закоренѣлый пьяница также идетъ къ ишану, чтобы тотъ прочелъ надъ нимъ молитву, радикально излечивающую отъ пьянства. Словомъ, сфера дѣятельности ишановъ неограничена, и предѣлъ ихъ вліянію можетъ положить только возвышеніе общаго уровня народнаго развитія, а до тѣхъ поръ паства ишановъ не уменьшится.

Ишанское достоинство, независимо принадлежности ишана къ тому или другому суфійскому ордену („сулюку"), большею частью пріобрѣтается служеніемъ какому-нибудь извѣстному ишану, который, убѣдившись, что ученикъ его достаточно изучилъ всѣ тайны суфизма, даетъ ему особую грамоту „иршадъ-нама", и, посвящая его въ достоинство ишана, ставитъ его своимъ „хальфа" — помощникомъ. Само собою разумѣется, что хальфа и послѣ посвященія долженъ находиться въ безусловномъ подчиненіи своему „пиру", или „муршиду" и долженъ стараться, насколько возможно, дальше распространять славу своего патрона, пріобрѣтая ему все больше и больше послѣдователей. Пожертвованія, получаемыя съ муридовъ, хальфа долженъ передавать своему наставнику, самъ же довольствуется тѣмъ, что получитъ отъ пира и терпѣливо ожидаетъ перехода наставника въ лучшій міръ чтобы тогда уже дѣйствовать самостоятельно.

Бываютъ, впрочемъ, случаи перехода ишанскаго достоинства по наслѣдству; такъ, фамилія, происходящая отъ нѣкоего имама Раббони, жившаго въ Индіи, носитъ при своемъ имени приставку „Міанъ“, и у нихъ достоинство переходитъ по наслѣдству. Приставка Міанъ составляетъ своего рода титулъ: имамъ Раббони происходитъ отъ халифа Омара и былъ „Умари“, а жена его происходила прямо отъ Мухаммада и, слѣдовательно, была изъ рода „Саидовъ“; поэтому потомство имама Раббони и составило „Міанъ“ — средину между двумя родами.

Нѣкоторые ишаны считаютъ себя „чахаръ-сулюкъ“, т. е. принадлежащими къ 4 суфійскимъ орденамъ. Для этого необходимо получить и посвященіе отъ четырехъ представителей разныхъ орденовъ.

Всѣхъ ишановъ можно подраздѣлить на двѣ большія категоріи: „джагріа“ и „хуфія“. Первые, какъ показываетъ ихъ названіе, предаются молитвеннымъ упражненіямъ громко, гласно, вторые же болѣе сосредоточены и славятъ Бога въ душѣ своей тайно, молча. По своимъ внутреннимъ убѣжденіямъ и тѣ, и другіе могутъ принадлежать къ различнымъ дервишскимъ орденамъ, ученіе которыхъ вмѣстѣ съ посвященіемъ и передаютъ своимъ послѣдователямъ. Между ишанами Ташкента наибольшее число послѣдователей имѣютъ ордена „накшбандія“ и „кадрія“. Представители другихъ орденовъ встрѣчаются рѣже.

Молитвенныя собранія ишановъ, „джагріа“, имѣютъ характеръ многолюдныхъ сборищъ и обыкновенно происходятъ въ мечети, въ опредѣленные дни недѣли, преимущественно вечеромъ съ четверга на пятницу. Цѣль такихъ собраній—достиженіе состоянія экстаза, во время котораго душа дервиша входитъ въ непосредственное общеніе съ Богомъ, сливается съ вѣчнымъ Духомъ, перестаетъ существовать отдѣльно. Средствомъ къ достиженію экстаза является непрестанное повтореніе одного или нѣсколькихъ словъ, имѣющихъ отношеніе къ именамъ Божіимъ, или Его свойствамъ, съ мѣрными покачиваніями туловища въ обѣ стороны, или же ритмическое круженіе, также соединенное съ выкрикиваніемъ одного и того же слова. Радѣющіе дервиши собираются въ кругъ—„халька“; они становятся лицомъ внутрь круга или садятся также кружкомъ и приступаютъ къ выкрикиванію на разные лады именъ Божіихъ, Его свойствъ, или же символа: „нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха,“ сообразуя темпъ и ритмъ произносимаго съ голосомъ пира или его хальфа, обык-

новенно занимающаго мѣсто противъ входа въ мечеть, гдѣ становится имамъ во время намаза. Въ это же время, въ сторонѣ 2—3 хафиза нараспѣвъ пронзительнымъ голосомъ не то читаютъ, не то поютъ стихи какого-нибудь поэта, принятаго въ суфійствѣ. Наиболѣе извѣстны Ходжа-Хафизъ и Хазретъ-Султанъ-Ясови; „хикматъ“ (ученіе) Хазретъ-Султана изложено въ стихахъ на тюркскомъ нарѣчіи и крайне популярно между туземцами, которые съ удовольствіемъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, декламируютъ строфы хикмата; по своему размѣру стихи Хазретъ-Султана крайне удобны для переложенія на унылые напѣвы и смыслъ тюркскихъ стиховъ всѣмъ понятенъ. Послѣдовательное однообразное качаніе и произнесеніе однихъ и тѣхъ же словъ хоромъ приводитъ болѣе впечатлительныхъ людей въ состояніе забвенія, экстаза; большинство же присутствующихъ только представляются экзальтированными, чтобы не отставать отъ компаніи и не нарушить своихъ отношеній къ наставнику-пиру. Собраніе заканчивается благословеніемъ, за которымъ каждый изъ радѣвшихъ подходитъ къ наставнику, и общей трапезой, которая готовится на средства ишана. Конечно, расходы пира сторицею возвращаются приношеніями его муридовъ, но въ вечеръ „джагра“, или „зикра“, онъ предлагаетъ собравшимся какъ духовное утѣшеніе, въ видѣ нисходящей на нихъ во время радѣнія благодати, такъ и пищу, въ видѣ любимаго кушанья изъ риса и баранины—„палау“.

Молитвенныя упражненія секты „хуфія“ еще болѣе таинственны и не поддаются наблюденію и изученію для непосвященныхъ въ тайны суфизма. Здѣсь наставникъ (пиръ) сообщаетъ благодать своимъ ученикамъ или на происходящихъ у него собраніяхъ („сухбадъ“), или же посредствомъ внушенія („таваджугъ“). Въ послѣднемъ случаѣ пиръ сидитъ въ комнатѣ одинъ, а муриды по очереди входятъ къ нему; вошедшій садится на землю противъ наставника, касаясь своими колѣнами колѣнъ пира, который вперяетъ свой взоръ въ глаза мурида и пристальнымъ взоромъ своимъ производитъ на душу сидящаго предъ нимъ субъекта непонятное, но сильное впечатлѣніе. *) Въ чемъ состоитъ это впечатлѣніе, невозможно добиться даже отъ испытавшихъ на себѣ такое состояніе, потому что крайне затруднительно разсказать словами, что чувствуетъ такой муридъ; по разсказамъ, дервишъ начинаетъ анализировать, какая часть тѣла

*) Иногда „таваджугъ“ происходитъ и съ закрытыми у обоихъ глазами.

въ такое-то время неслышно произноситъ имена Божіи: печень, сердце или селезенка. Мнѣ много приходилось говорить и съ ишанами-хуфія и съ муридами, но обѣ стороны настолько запутанно толкуютъ свое состояніе во время „таваджуга“, что приходитъ на умъ, не морочатъ ли другъ друга и наставникъ, и ученикъ.

На всемъ суфійскомъ движеніи лежитъ печать тайны, всѣ прикосновенные къ этому дѣлу туземцы крайне не охотно разговариваютъ о сущности дервишскихъ направленій и получить какія-либо свѣдѣнія по этому предмету представляется возможность только тогда, когда объ этомъ зайдетъ рѣчь въ разговорѣ и нельзя отмолчаться изъ вѣжливости. Удается также добывать свѣдѣнія и отъ такихъ туземцевъ, которые сами чего-нибудь добиваются отъ русскихъ властей и разсказами своими надѣются заслужить расположеніе или разсчитываютъ на помощь въ какомъ-нибудь дѣлѣ.

Весьма серьезнымъ препятствіемъ къ изслѣдованію суфизма служитъ также и то, что туземцы крайне слабо подготовлены къ отвлеченному мышленію: очень образованный, по-своему, сартъ, знающій хорошо шаріатъ, затрудняется подчасъ отвѣтить на самый простой вопросъ отвлеченнаго свойства, а вся сущность ишанства есть отвлеченіе, и потому въ міръ основныхъ идей суфизма проникнуть разспросами чрезвычайно трудно.

Пролить свѣтъ на этотъ интересный предметъ могутъ только систематическія изслѣдованія положенія ишановъ среди туземцевъ, ихъ руководящихъ взглядовъ и сущности того, что заповѣдано имъ учителями суфизма. Только знакомство съ подлинными суфійскими сочиненіями можетъ дать опредѣленное понятіе объ основныхъ идеяхъ суфизма. Чтобы сдѣлать посильный вкладъ въ изслѣдованіе этого важнаго вопроса, я составилъ списокъ ишановъ разныхъ орденовъ, жившихъ въ 1895 г. въ туземной части города Ташкента, съ краткими біографическими о нихъ свѣдѣніями*) и перевелъ съ арабскаго „Рисаля-и-тарикатъ“**) и съ тюркскаго часть „премудрости“ Ходжи-Ахмада Ясави Хазретъ-Султана Арифина, которая, какъ выше сказано, читается хафизами при радѣніяхъ дервишей.

„Рисаля-и-тарикатъ“, т. е. наставленіе къ суфизму, это документъ, присланный однимъ мединскимъ пиромъ сво-

*) Списокъ этотъ напечатанъ въ VII томѣ Сборника матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области, стр. 116—136.

**) См. ниже, стр. 156.

ему муриду, жившему въ Ташкентѣ; подобные документы здѣсь составляютъ большую рѣдкость и, повидимому, въ ходу лишь между дервишами ордена „накшбандіа“, наиболѣе организованнаго и съ болѣе опредѣленными правилами.

Область вліянія ишановъ на туземцевъ нашихъ среднеазіатскихъ владѣній столь велика, что изученіе всего, касающагося ишанства, казалось-бы, должно быть поставлено въ первую очередь. Въ пропагандѣ суфійскаго ученія мы должны видѣть не только средство къ постепенному омусульманенію киргизъ-кочевниковъ, но и могучій двигатель на почвѣ политическаго единенія народовъ Ислама. И съ той, и съ другой стороны распространеніе въ краѣ суфизма не можетъ считаться желательнымъ, поэтому необходимо изыскать мѣры къ ослабленію вліянія ишановъ на темную массу народа. Пока, какъ на единственное вѣрное средство къ ослабленію вліянія ишановъ, можно указать на просвѣщеніе народныхъ массъ, но не скоро еще простой народъ будетъ въ состояніи отрѣшиться отъ вѣковыхъ предразсудковъ и отдѣлаться отъ суевѣрнаго страха, который ему внушаетъ сословіе ишановъ, а потому обстоятельное изученіе положенія и дѣятельности ишановъ среди туземцевъ дастъ возможность и раньше что-нибудь предпринять въ этомъ направленіи.

Одно можно сказать навѣрно, что усилія одного человѣка недостаточны для изслѣдованія такого громаднаго вопроса, и только дружныя усилія знатоковъ мусульманскаго востока, при содѣйствіи администраціи, могутъ привести насъ къ всестороннему изученію принциповъ и тайнаго воздѣйствія на народныя массы всѣхъ духовныхъ наставниковъ мусульманъ-туземцевъ, подъ какимъ-бы названіемъ (пиръ, ишанъ, муршидъ, дервишъ, суфи, каляндаръ, [illegible]ддахъ, дивана) они ни были извѣстны въ данной мѣстности.

„Рисалля-и-тарикатъ

Во имя Бога, милостиваго, милосердаго!

Слава Богу, сотворившему день и ночь; день для того, чтобы исполнить всѣ дѣла житейскія, а ночь—чтобы произно-

*) Наставленіе, какъ слѣдуетъ подготовлять себя для вступленія въ орденъ дервишей накшбандіа-ахмадіа, присланное изъ Медины шейхомъ Хазретъ-Міанъ Мазгаръ-Сахибомъ Мухиддину Ходжѣ-Хакимъ Ходжа-Ишанову въ Ташкентѣ. Подлинникъ представляетъ печатный арабскій текстъ на одномъ листѣ бумаги, при чемъ рукою шейха написано только имя Мухаммадъ Мухиддина-Ходжи и приложена печать шейха.

сить имя Божіе и славословить Его, а также возобновлять свои силы отдыхомъ. Слава Богу, который открылъ глаза произносящихъ Его Имя и далъ имъ возможность видѣть то, что ожидаетъ ихъ въ будущей загробной жизни. Да ниспошлетъ Богъ свое благословеніе пророку нашему Мухаммаду, первому изъ произносящихъ зикръ (имя Божіе), научившему насъ Богопочитанію, терпѣливому, за все славящему Господа. Да пребываетъ благословеніе Всевышняго на потомствѣ пророка и его сподвижникахъ, потому что они посвятили свое имущество и свои души на служеніе Богу, а Богъ обѣщалъ имъ напоить ихъ въ раю напиткомъ блаженства. Ниже сего изложены въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ молитвенныя упражненія, какія днемъ и ночью надлежитъ выполнять каждому ищущему истины, желающему вступить въ орденъ накшбандіа-ахмадіа *). Богъ очистилъ сердца дервишей этого ордена и просвѣтилъ міръ ихъ свѣтомъ.

Самое главное правило тариката—ни въ чемъ не отступать отъ завѣщаннаго въ преданіи отъ пророка и, удаляясь отъ всего дурного, неуклонно держаться положеній толка „суннитовъ“ (да ниспошлетъ Богъ успѣхъ ихъ стараніямъ), а также въ точности руководствоваться правилами той изъ четырехъ сектъ, къ которой принадлежишь. (Мазгабъ: Ханафи, Шафіи, Молики, Фамбали).

Познать Бога, сдѣлаться Ему угоднымъ нельзя, не исполняя предписаній шаріата, не слѣдуя указаніямъ пророка и не подчинившись искренно шейхамъ—проводникамъ истины, потому что пророкъ и шейхи служатъ посредниками между Богомъ и человѣкомъ, и у нихъ надо всегда просить помощи.

Для мурида обязательно: въ послѣдней трети ночи (сахаръ) необходимо исполнить „таваджугъ“ (состоящій изъ 2—12 ракаатовъ намаза); когда проснешься, но еще не встанешъ съ постели, произнести по десяти разъ: астагфирулла, Субханъ-алла, альхамдулилля, аллагу акбаръ (что значитъ: Боже! прости мнѣ мои прегрѣшенія, существо Твое—идеалъ чистоты, слава Богу! Богъ великъ!) Послѣ этого, вставъ съ постели, надо совершитъ омовеніе—„тааратъ“ и исполнить намазъ „таваджугъ“, по крайней мѣрѣ, въ два ракаата, а если можно, до двѣнадцати ракаатовъ. Послѣ намаза слѣдуетъ приступить къ

*) Это та вѣтвь дервишей, которая преемственно получила ученіе этого ордена чрезъ имама Раббони изъ Индустана; всѣ потомки его зовутся „Міанами“. см. выше, стр 153.

произнесенію внутренно зикра, предписаннаго „пиромъ“ (наставникомъ); слово „Алла!“ (исмизатъ, имя существа Божія) необходимо научиться произносить внутри себя, не слышно для другихъ и такъ, чтобы повтореніе этого слова самому произносящему слышалось въ мѣстѣ „кальбъ“, въ сердцѣ—на два пальца ниже лѣваго соска груди и на два пальца лѣвѣе. Мысленно произнося имя Божіе указаннымъ мѣстомъ, не слѣдуетъ допускать и мысленно сравнивать или уподоблять Бога чему-либо существующему въ природѣ, не надо задерживать или усиливать дыханіе, не надо соображаться съ біеніемъ сердца. Имя Божіе указаннымъ способомъ надо непрестанно произносить до тѣхъ поръ, пока само сердце не пріучится совершенно непроизвольно, безъ вѣдома человѣка, постоянно произносить „Алла!“

Затѣмъ, по указанію „пира“, необходимо приступить къ упражненію себя въ произнесеніи имени Божія другимъ мѣстомъ—„рухъ“, которое въ тѣлѣ человѣка расположено симметрично выше указанному мѣсту „кальбъ“, т. е. на два пальца ниже и правѣе праваго соска груди. Этимъ упражненіемъ также слѣдуетъ довести себя до такого состоянія, чтобы и душа достигла постояннаго произнесенія имени Божія безъ воли человѣка. Далѣе, послѣдовательнымъ упражненіемъ, необходимо пріучить къ постоянному и непроизвольному произнесенію зикра другія мѣста человѣческаго организа: „сыръ“—на два пальца правѣе соска на линіи „кальба“ въ лѣвой сторонѣ груди; „хафи“—на два пальца лѣвѣе соска на линіи „руха“); „ахфи“—посрединѣ груди, нѣсколько ниже линіи грудныхъ сосковъ; „латифа-и-нафсъ“—на лбу между бровями по серединѣ, и, наконецъ, добиться состоянія „латифа-и-калабъ—постояннаго непроизвольнаго произнесенія имени Божія всѣмъ существомъ человѣка: этотъ зикръ называется „сультанъ-ульазкаръ“—царь зикровъ; по достиженіи этого состоянія, все существо мурида проникается мыслью о Богѣ. Необходимо муриду посвящать какъ можно больше времени произнесенію именъ Божіихъ, чтобы по возможности скорѣй сдѣлаться достойнымъ суфійскаго ученія, и каждымъ изъ указанныхъ выше мѣстъ человѣческаго тѣла каждые сутки необходимо произносить имя Божіе по меньшей мѣрѣ 1000 разъ, а если можно, то до 5000 разъ: это похвально.

Далѣе, съ разрѣшенія пира, слѣдуетъ приступить къ „муракаба-и-ахадіадъ“, что обозначаетъ сосредоточеніе

мысли на единствѣ Божіемъ: надо вполнѣ предаться размышленію о томъ, что сотворившій міръ, создавшій человѣка и исполняющій его просьбы,—единый Богъ, наисовершеннѣйшее наивысшее существо.

Когда существо мурида въ достаточной мѣрѣ проникнется сознаніемъ единства Божія, съ разрѣшенія пира, слѣдуетъ перейти къ „муракаба-и-маіатъ“,—къ сосредоточенію на мысли о томъ, что Богъ наполняетъ собою вселенную, что Онъ вездѣсущъ,—до тѣхъ поръ, пока и это свойство Божіе не перейдетъ въ сознаніе человѣка.

Слѣдующая ступень изученія суфійскаго тариката есть „нафи-исбатъ“, буквально: „отрицаніе и утвержденіе“. Это, собственно, есть исповѣданіе ислама: „ля иля-га иль Алла, Мухаммадъ-уръ-расуль Алла“. Задерживая въ себѣ дыханіе, надо произносить мысленно слово „ля“ такъ, чтобы чувствовалось, что мѣсто, которымъ произносится это слово, перемѣщается отъ пупка вверхъ до лба; произнося „иля-га“, надо ощущать перемѣщеніе точки произнесенія отъ лба къ правому плечу, а произнося мысленно слова „илля-алла“, надо ощущать передвиженіе мѣста, въ которомъ слышится зикръ,— отъ праваго плеча черезъ рухъ, хафи, сыръ, до кальба. Пріучая себя къ исполненію этого религіознаго упражненія, необходимо нѣкоторое время мысленно произносить: „ля-мауджуда иль-Алла“ (нѣтъ ничего вѣчнаго, кромѣ Аллаха), потомъ нѣсколько времени: „ля-максуда иль-Алла“ (нѣтъ другого предмета желаній, кромѣ Аллаха), потомъ нѣкоторое время: „ля мабуда иль-Алла“ (нѣтъ другого предмета поклоненія, кромѣ Аллаха); при этомъ, разумѣется, слѣдуетъ стараться изгнать изъ головы всѣ мысли, кромѣ мысли о Богѣ. Во время произнесенія „нафи-исбатъ“ не слѣдуетъ двигать или трясти какой-нибудь частью тѣла, а надо пріучать себя въ теченіе трехъ дней съ каждымъ дыханіемъ мысленно произносить въ душѣ „нафи-исбатъ“, пока человѣкъ не почувствуетъ изнеможенія. Въ слѣдующіе за тѣмъ дни слѣдуетъ увеличить число повтореній „нафи-исбатъ“ съ каждымъ вздохомъ до трехъ разъ. Потомъ по степенно увеличивать число произнесеній „нафи-исбатъ“, съ каждымъ вздохомъ произнося 3, 5, 7, 9 и, наконецъ, 21 разъ. Во время произнесенія „нафи-исбатъ“ надо при вдыханіи воздуха произносить первую часть исповѣданія: „ля иляга-иль-Алла“, а при выдыханіи—Мухаммадъ-расуль-Алла“.

Вотъ порядокъ и правила, какъ произносить зикры, но

не слѣдуетъ упускать изъ вида, что выше указано наименьшее число произнесенія разныхъ зикровъ, а въ сутки необходимо произносить никакъ не менѣе 1001 „нафи-исбатъ“, по числу именъ Божіихъ, извѣстныхъ людямъ. Все это число произнесеній исповѣданія можно исполнить сразу, или понемногу въ разное время дня и ночи, но не слѣдуетъ прямо приступать къ произнесенію положеннаго числа „нафи-исбатъ“, а предварительно пройти послѣдовательно всѣ зикры, указанные выше, и тогда уже приступать къ произнесенію „отрицанія и утвержденія“.

Когда человѣкъ утвердится въ произнесеніи мысленно „нафи-исбатъ“, слѣдуетъ переходить къ изученію „тахлиль“ — показанія, произнося вслухъ девять разъ „ля илляга иль-Алла“, а десятый разъ прибавлять къ этимъ словамъ еще: „Мухаммадъ-уръ-расуль-Алла“. Все это время необходимо представлять себѣ лицо „пира“, связывая свою душу съ его душой. Это называется „р а б и т а“, сцѣпленіе. Послѣ каждыхъ 100 разъ произнесенія „тахлиля“ необходимо про себя произнести молитву: „о Боже! Ты предметъ моихъ желаній, всѣ мои усилія направлены къ тому, чтобы Ты былъ доволенъ мною и приблизилъ меня къ Себѣ“. Все, выше сказанное, исполняется до зари во время, называемое, „сахаръ“. Когда появится заря (субхъ-и-садыкъ), слѣдуетъ приступить къ исполненію намаза „б а м д о д ъ, исполнивъ тотчасъ по наступленіи зари, или немного спустя, два ракаата намаза (суннатъ), а потомъ отправиться въ мечеть и тамъ, въ предстояніи имама, исполнить два ракаата намаза (фарзъ). Далѣе слѣдуетъ произнести 33 раза „Субханала“ (твое существо есть идеалъ чистоты), 33 раза „альхамдулилля“ (слава Богу!), 33 раза „Аллагу акбаръ“ (Богъ великъ!), 10 разъ: „Ла илла-га иль Аллагу, вагдагу, ла шарико ла гу, ла гуль мульку, ва ла гуль хамдъ, ва хуа алла кулли шай инъ кадыръ“ (нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, Богъ единъ, у него нѣтъ товарищей, Онъ Царь всего, въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ хорошаго, онъ всемогущъ *). Потомъ, семь разъ „Аллагумма аджирны минанъ-наръ“ (о Боже! спаси меня отъ ада **).

Далѣе, до разсвѣта слѣдуетъ произносить зикры, читать Коранъ, славословія пророку, или мысленно сосредоточиваться (муракабба). Когда взойдетъ солнце, необходимо исполнить 2—4 ракаата намаза, который называется „ишракъ“—восходъ.

*) Эти же слова надо произнести 10 разъ и послѣ намаза „ахъ-шамъ“ (или „магрибъ“ по-арабски).

**) Эти же слова надо произнести 7 разъ и послѣ намаза „ахъ-шамъ“.

Исполнивъ все, выше указанное, можно приступить къ повседневнымъ занятіямъ: учить или учиться, торговать или заниматься мастерствомъ, но и эти мірскія дѣла надо дѣлать, соблюдая приличіе, т. е., приниматься за дѣло съ хорошимъ, чистымъ намѣреніемъ, исполнять дѣло честно, не примѣшивая лжи, не произнося безъ нужды клятвы и занимаясь дѣломъ, все время, по возможности, не забывать о Богѣ.

Когда человѣкъ окончитъ дѣло, которымъ былъ занятъ, слѣдуетъ совершить „истигфаръ", т. е. 25 разъ повторить просьбу о прощеніи грѣховъ, произнося: „истагфиръ-улла-галь-аримъ".

Необходимо всѣми силами избѣгать знакомства съ дурными людьми, а дурными слѣдуетъ считать всѣхъ тѣхъ, кто не уважаетъ „пира", не признаетъ ученія ордена и указаній наставника, а слѣдующихъ его наставленіямъ считаетъ своими врагами. Находясь передъ „пиромъ", муридъ долженъ привести себя въ такое состояніе безволія, безличности и безразличія, какъ покойникъ, находящійся въ рукахъ омывальщика и, передавъ волю свою „пиру", дѣлать только то, что онъ прикажетъ, и не дѣлать того, что онъ запретилъ *). Въ присутствіи пира необходимо держать себя прилично, а когда его нѣтъ, произнося зикры, надо имѣть передъ глазами его лицо, представлять его себѣ мысленно.

Муриду надлежитъ поститься три дня въ каждомъ мѣсяцѣ**). Кромѣ того, слѣдуетъ соблюдать постъ: каждую недѣлю два дня—понедѣльникъ и четвергъ, въ мѣсяцъ рузахаита (праздника, слѣдующаго за постомъ рамазанъ), 6 дней поста по выбору, съ 1-го числа мѣсяца зуль-хидма (курбанъ) до праздника курбанъ и еще 10-й день мѣсяца ашуръ. Если муридъ захочетъ еще больше поработать Богу, можно принять за правило всегда

*) На вопросъ, который самъ собою возникаетъ при этомъ: а что, если пиръ прикажетъ муриду что-нибудь дурное, мусульманскіе толковники, съ присущей имъ ловкостью въ приведеніи доказательствъ, приводятъ хадисъ: „Ла та ата миль махлуки фи масіотиль халики" (то, что дѣлаетъ человѣка виновнымъ предъ Богомъ, нельзя возлагать на него). Примѣръ: Царь приказалъ держать постъ руза не 1, а 2 мѣсяца—это можно. Царь приказалъ не исполнять поста въ мѣсяцъ рамазанъ—этого приказанія исполнять не слѣдуетъ, потому что исполненіе приказа дѣлаетъ человѣка виновнымъ предъ Богомъ.

**) На счетъ того, какіе именно дни слѣдуетъ выбирать для поста, существуетъ разногласіе: нѣкоторые говорятъ, надо поститься 1, 15 и 30 числа каждаго мѣсяца; другіе же утверждаютъ, что постъ въ „аями бизъ", ясныя числа, когда луна свѣтитъ ярко, т. е. 13, 14 и 15 число каждаго мѣсяца,—болѣе угоденъ Богу. Это послѣднее мнѣніе болѣе популярно.

одинъ день поститься, а второй день вкушать пищу; еще лучше постоянно поститься черезъ день, подражая этимъ обычаю пророка Давида. Подвигъ поста имѣетъ громадное вліяніе на проясненіе души человѣка. Во все время мѣсяца рамазанъ необходимо, какъ можно больше, заниматься богоугодными дѣлами и посвящать больше времени поклоненію (ибадатъ). Если кто проведетъ мѣсяцъ рамазанъ въ молитвѣ и благочестіи, то весь годъ пройдетъ такъ же хорошо; если же въ мѣсяцъ рамазанъ человѣкъ не постарается на пользу своей души, то и весь слѣдующій за рамазаномъ годъ онъ проведетъ скверно.

Когда человѣкъ приступаетъ къ вкушенію пищи, то необходимо соблюсти установленныя для этого случая приличія: вымыть руки, потомъ произнести: „во имя Бога, милостиваго, милосердаго“, и ѣсть съ намѣреніемъ принять пищу, чтобы пріобрѣсти силы на служеніе Богу. Послѣ ѣды, когда солнце дойдетъ до половины между горизонтомъ и зенитомъ, необходимо исполнить намазъ „зуха“, состоящій изъ 12-ти, или 8, а, въ крайнемъ случаѣ, изъ 4 ракаатовъ*). Раньше поворота солнца къ закату (пешикъ), слѣдуетъ немного поспать (кайлюля-сокъ): этотъ сонъ укрѣпляетъ силы и даетъ возможность ночью предаваться религіознымъ упражненіямъ. По наступленіи „пешика“, необходимо прочесть четыре ракаата молитвы по случаю начала заката солнца и четыре ракаата по случаю наступленіи „пешика“ (суннатъ), потомъ 4 ракаата намаза „фарзъ“ съ имамомъ въ мечети и еще 2 ракаата „суннатъ“. Послѣ „пешика“ надо прочесть извѣстную часть корана, вдумываясь въ смыслъ прочитаннаго. Потомъ можно приниматься за повседневныя занятія, а если нѣтъ дѣла, то слѣдуетъ заняться зикрами, или другими религіозными упражненіями до наступленія намаза „асръ“. Когда наступитъ время намаза „асръ“, слѣдуетъ исполнить четыре ракаата „суннатъ“ и четыре ракаата намаза „фарзъ“ съ имамомъ. Послѣ намаза можно вновь приняться за житейскія дѣла, а если нѣтъ дѣла, то посвятить время чтенію суфійскихъ книгъ, вродѣ „Мактубадъ и шерифъ“ (соч. имама Раббони) или „Макаматъ-и-Саидіа“ — сочиненіе по вопросамъ суфизма: эта книга много способствуетъ изученію суфизма. Случается, что человѣку, предающемуся религіознымъ упражненіямъ, открывается что-нибудь чудесное, во снѣ или наяву, во время сосредоточенія. Въ такихъ случаяхъ, если бы муридъ и увидѣлъ

*) Этотъ намазъ можно исполнить и вслѣдъ за выше указаннымъ намазомъ „ширакъ“.

что-нибудь подобное, не слѣдуетъ прекращать „ріазата“, т. е. религіозныхъ подвиговъ, направленныхъ къ самоусовершенствованію и, чтобы ни случилось, не слѣдуетъ отступать отъ „сунната“, отъ указаннаго пророкомъ.

Относительно поведенія наружнаго нужно принять за правило: быть всегда сдержаннымъ, снисходительнымъ къ другимъ, воспитать въ себѣ смиреніе, милосердіе, уваженіе къ чужой личности и положенію. Слѣдуетъ желать другимъ только того, что нравится самому, быть услужливымъ, въ особенности по отношенію къ бѣднымъ, прощать нанесенныя обиды, быть щедрымъ, избѣгать и стыдиться дурныхъ дѣлъ, быть правдивымъ и справедливымъ, всегда исполнять свои обѣщанія, не считать другихъ дурными, а, относясь строго къ себѣ, считать, наоборотъ, себя дурнымъ, а другихъ хорошими. Вообще, необходимо избѣгать лжи и несправедливости, не говорить за глаза дурно про кого-нибудь (суханчинъ *), не оскорблять, не огорчать другого и не чинить насилія.

Внутри себя слѣдуетъ сознавать свою вину и раскаиваться въ томъ, что сдѣлалъ дурного, избѣгать дурныхъ рѣчей, дурныхъ дѣлъ, недозволенныхъ вещей. Если случится что-нибудь непріятное, надо переносить терпѣливо и быть довольнымъ всѣмъ, что далъ Богъ. Во всякомъ дѣлѣ надо полагаться на помощь Божію, каждое дѣло надо дѣлать искренно, начинать дѣло только въ надеждѣ на Бога, боясь гнѣва Божія. Надо всѣми силами избѣгать жадности, скупости, зависти, ненависти и вражды, гордости, самоувѣренности, тщеславія и желанія выказать передъ другими свои достоинства. Въ началѣ и концѣ дня необходимо исполнять молитвословія: тасбихъ, тахлиль, тахмидъ, такбиръ, истигфаръ и салаватъ, наблюдая, чтобы безъ этихъ молитвъ не проходили ни утро, ни вечеръ. Во время, указанное для намаза шамъ, нужно исполнить три ракаата „фарзъ“ съ имамомъ, два ракаата „суннатъ“, а послѣ этого 20, 12 или въ крайнемъ случаѣ 6 ракаатовъ намаза „нафль“ (который, какъ и намазъ „суннатъ“, считается „мустахабъ“ — похвальнымъ). Далѣе, до намаза „гуфтанъ“ слѣдуетъ провести время въ сосредоточеніи (муракабба), потомъ исполнить

*) Одинъ изъ суфійскихъ писателей, Суфи-Аллаяръ, говоритъ по поводу сплетень и пересудовъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній: суханъ-чинъ булса амъ, булма суханчинъ“, т. е., если даже въ словахъ будетъ правда, не будь сплетникомъ, не передавай ничего про другихъ.

четыре ракаата „суннатъ“, четыре ракаата „фарзъ“ съ имамомъ, потомъ вновь четыре ракаата „суннатъ“. Когда наступитъ время ложиться спать, надо предварительно произнести 33 раза „Субханулла“ (Твое существо—идеалъ чистоты), 33 раза „Альхамдулилла“ (Слава Богу), 33 раза „Аллагу акбаръ“ (Богъ великъ) и хотя 1 разъ „Ля илляга Илля ллага, вагдагу, ля шарика ля гу, ля гуль мульку, ва ля гуль хамдъ, ва хуа Алла кулли шайинъ кадыръ“ (Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, Богъ единъ, у него нѣтъ товарищей, онъ царь всего, кромѣ хорошаго въ Немъ нѣтъ ничего, Онъ всемогущъ“). Послѣ этого необходимо совершить омовеніе „тааратъ“. Затѣмъ слѣдуетъ лечь на постель, опершись на правую руку, поставленную на локоть, ложиться надо съ намѣреніемъ своевременно встать и совершить „таваджугъ“ (см. выше). Готовящемуся быть „суфи“ необходимо всегда соблюдать себя въ чистотѣ, совершая омовеніе „тааратъ“ послѣ каждаго исполненія естественной надобности: этотъ тааратъ много помогаетъ чистотѣ душевной.

Муриду надлежитъ непремѣнно 1 или 2 раза въ день поминать всѣхъ шейховъ, начиная съ своего „пира“ до Мухаммада и потомъ просить у Бога, что надо, ради всѣхъ этихъ людей. Если поминаніед ѣлается одинъ разъ въ день, то его надо дѣлать послѣ намаза „таваджугъ“, а если 2 раза, то второй разъ—ложась спать.

Передъ поминаніемъ надо прочесть 1-ю главу корана, главу „ихлясъ“—3 раза, посвятивъ спасительность этого богоугоднаго дѣла („савабъ“) душамъ всѣхъ поминаемыхъ. Посвящая имъ этотъ „савабъ“, надо сказать: о Боже! принявъ отъ насъ, отдай этотъ „савабъ“ душѣ лучшаго изъ всѣхъ пророковъ, ходатаю о прощеніи нашихъ грѣховъ въ день страшнаго суда, нашего святого пророка Мухаммада (миръ ему!), и душамъ его братьевъ—всѣхъ пророковъ, близкимъ къ Богу ангеламъ, сподвижникамъ пророка („сахабъ“) и „табіинъ“ (видѣвшимъ сахабовъ въ живыхъ), всѣмъ святымъ и въ особенности душѣ Ходжа Богауддина-Накшбандъ, будь имъ доволенъ Богъ! Потомъ, сложивъ руки для молитвы, надо произнести: „о Боже! ради заслугъ и въ честь нашего пророка Мухаммада, милость Божія и миръ ему, и перваго халифа Абубакръ-Сиддыка, да будетъ имъ доволенъ Богъ, Хазретъ Салманъ-и-Фарси, Хазретъ-Имамъ Касыма, сына Мухаммада, сына Абубакръ-Сиддыка, Хазретъ-имамъ Джагфаръ-и-Саддыка, Хазретъ-Султанъ

Баязиди-Бастами, Ходжа Абуль-Хасанъ-и-Харакани, Ходжа Абу Али Парамоди, Ходжа Абу Юсуфъ-и-Хамадани, Хазретъ Абдъ-уль-Халыкъ-и-Гыджъ-Дивани, Ходжа Арифъ-и-Ривгари, Ходжа Махмудъ-и-Анджиръ-Пагнауви, Ходжа Азизанъ-Али-Рамитани, Ходжа Баба-и-Самоси, Хазретъ Саидъ Амиръ Куляль, Хазретъ Ходжа Багауддинъ-Накшбандъ, Хазретъ Ходжа Алауддинъ-и-Аттаръ-и-Бухари, Хазретъ Мауляна Якубъ-Чархи, Хазретъ Ходжа Убайдуллахъ-и-Ахраръ, Хазретъ Мауляна Мухаммадъ Захидъ, Хазретъ Ходжа Мухаммадъ Дарвишъ, Хазретъ Ходжа-и-Амканаки, Хазретъ Ходжа Бакы-Билля, Хазретъ Муджаддидъ Альфи Сани Имамъ-и-Рабани, Шейхъ Ахмадъ-и-Фаруки Сархинди, Хазретъ Ходжа Мухаммадъ Маасумъ, Хазретъ Шейхъ Сайфиддинъ, Саидъ Нуръ Мухаммадъ Бадавини, Хазретъ Шамсиддинъ Хабибулла Мирза-и-Джаны-Джананъ Мазгаръ-и-Шахидъ, Хазретъ Ша Абдулла Машхуръ Ша Гуламъ-Али, Хазретъ Ша Абу Саидъ, Хазретъ Ша Ахмадъ Саидъ, о Боже! Тебя прошу, будь милостивъ къ бѣдному рабу твоему Мухаммаду Мазгари Ахмади и къ его искреннему, близкому другу Мухаммадъ Мухиддину Ходжѣ и сдѣлай насъ обоихъ угодными Тебѣ, дай возможность познать Тебя и отъ вышепоименованныхъ святыхъ пошли намъ изобиліе и пошли намъ часть ихъ святости. Сдѣлай насъ угодными Тебѣ и приблизь насъ къ себѣ. О, многомилостивый Боже, всѣхъ наставляющій на истинный путь, всѣмъ помогающій; да будетъ милостивъ Богъ къ нашему пророку, главѣ всѣхъ почитающихъ Бога и къ его потомству, къ сподвижникамъ пророка (сахабамъ), къ произносящимъ зикры, Слава Богу, Господу міровъ".

Окончено написанное мною, безсильнымъ безъ помощи Божіей рабомъ Мухаммадъ Мазгаръ Умара Накшбанди, въ Мединѣ (Мукаввара). Боже, окажи мнѣ много милости и прощенія и въ раю дай мнѣ мѣсто. Аминь.

Ниже приложена тушью печать Мухаммадъ Мазгаръ-аль-Ахмади. 1287.

Премудрость

Хазретъ-Султана Арифинъ-Ходжа-Ахмада Яссави.

(Могила его въ мечети г. Туркестана).

Переводъ съ тюркскаго [1]).

Во имя Бога, милостиваго, милосердаго.

I.

Со словами во имя Бога, начнемъ разсказъ, говоря про мудрость,
Предъ ищущими мудрости [2]) разсыпалъ я драгоцѣнные камни [3]),
Много потрудившись, мнѣ удалось умертвить плоть,
И я открылъ изъ книги грядущаго смыслъ и слова.

* * *

Свою рѣчь я обращаю къ тѣмъ, кто жаждетъ увидѣть Бога въ послѣдній день,

---

[1]) Приведенныя въ переводѣ шесть главъ или хикматовъ ученія Ходжа-Ахмада-Ясави, своимъ, мѣстами загадочнымъ, смысломъ, могутъ поставить читателя въ затрудненіе относительно того, что общаго между дервишескимъ воздержаніемъ и религіозно-аскетическими упражненіями съ одной стороны и виномъ, любовью, и тому подобными, чисто мірскими, предметами съ другой. Поэтому необходимо пояснить, что все ученіе Ходжа-Ахмада, подобно мистическимъ книгамъ другихъ суфійскихъ авторовъ, вродѣ Ходжа Хафиза, Саади, Фузули, Мирзы Бидиля и пр., изложено аллегорически и потому всѣ слова, на первый взглядъ, выражающія неподходящія къ дервишеству понятія, слѣдуетъ понимать въ переносномъ, въ отвлеченномъ смыслѣ; тогда для читателя станетъ ясно, что выраженія: любовь, влюбленность означаютъ извѣстныя степени близости къ Богу, святости и духовнаго совершенства.

[2]) Мудрость на языкѣ дервишей обозначаетъ не ученость свѣтскую въ общемъ смыслѣ, а знакомство съ сущностью суфійскаго ученія, которое Ходжа-Ахмадъ и намѣренъ изложить въ своемъ сочиненіи для послѣдователей муридовъ.

[3]) Драгоцѣнные камни—такъ называетъ Ходжа-Ахмадъ слова суфійскаго ученія, которое онъ намѣренъ преподать.

Кто душу свою привилъ къ моей душѣ и вены свои соединилъ
съ моими [1]).
Для этого я ищу сердца безпріютныхъ, бѣдняковъ, сиротъ и
нищихъ,
А гордыхъ и самодовольныхъ людей—избѣгаю.

* * *

Увидя человѣка огорченнаго, будь для него цѣлителемъ,
Встрѣтивъ такого человѣка—сопутствуй ему.
Тогда, въ день страшнаго суда, увидишь лицо Божіе и будешь
къ нему близокъ,
Отъ гордыхъ и самодовольныхъ людей я бѣгу.

* * *

Самъ пророкъ заботливо относился къ сиротамъ и бѣднымъ,
Въ одну ночь вознесшись на небо, онъ удостоился лицезрѣть
Бога,
А возвратившись на землю, вновь освѣдомился о положеніи
бѣдныхъ и сиротъ,
Поэтому я стараюсь отыскать слѣды безпріютныхъ.

* * *

Если хочешь быть послѣдователемъ пророка, служи бѣднымъ.
Кто будетъ читать Коранъ, или говорить о словахъ пророка,
того слушай внимательно.
Будь доволенъ хлѣбомъ насущнымъ,
Будучи доволенъ малымъ, я отвѣдалъ напитка любви [2]) къ Богу.

* * *

Пророкъ, бѣжавъ въ Медину, былъ тамъ пришельцемъ.
И въ изгнаніи посредствомъ подвиговъ святости сдѣлался дру-
гомъ Божіимъ,
Потрудившись, сдѣлался близокъ къ Творцу,
Я, будучи чужеземцемъ, преодолѣлъ всѣ препятствія.

---

[1]) Прививка души, соединеніе венъ—обозначаетъ полнѣйшее обезличеніе ученика, въ подчиненіи своей воли наставнику — „пиру". Принимая на себя званіе „мурида", дервишъ какъ-бы перестаетъ существовать самостоятельно, а всѣ помыслы свои сосредоточиваетъ на исполненіе воли учителя.

[2]) Любовь, влюбленность, напитокъ любви обозначаютъ восторженное стремленіе познать Бога и соединиться съ Нимъ духовно посредствомъ дервишескихъ религіозныхъ упражненій, доводящихъ до состоянія экстаза.

Если ты уменъ, привлекай къ себѣ сердца одинокихъ,
Подражая пророку, не забывай сиротъ,
Отвратите лице свое отъ людей, поклонниковъ всего мірского
Я отвернулся отъ нихъ и разлился, какъ рѣка [1]).

* * *

Дверь любви я открылъ съ трудомъ и страданіемъ,
Создавшій меня изъ праха призвалъ меня, и я смутился,
Считая такое счастіе незаслуженнымъ,
Взявъ острую стрѣлу [2]), я изранилъ себѣ сердце и печень.

* * *

Моя душа груба, языкъ мой золъ и самъ я жестокъ,
Читая Коранъ и не исполняя всего въ немъ написаннаго — я ложный ученый,
Мою душу, временно находящуюся въ этомъ мірѣ, посвящу Богу; у меня нѣтъ богатства,
Боясь Бога, я, не садясь въ огонь,—изжарился [3]).

* * *

Достигнувъ шестидесятитрехлѣтняго возраста, я оставался беззаботенъ, не исполняя того, что надо,
Божіи повелѣнія не исполнялъ я, самъ того не понимая,
Пропустивъ время, назначенное для поста и молитвы, остался я неисправнымъ,
Разыскивая дурныхъ, я избѣгалъ достойныхъ.

* * *

Раскаиваюсь, что, не испивъ изъ сосуда твоей любви,
Не отрѣшился я совсѣмъ отъ семьи и дома,
Не развязалъ узла моихъ грѣховъ и винъ;
Діаволъ будетъ меня мучить въ день страшнаго суда.

* * *

Коснувшись рукой моей вѣры, онъ меня огорчилъ,
Но великій Наставникъ строго предупредилъ меня, и

---

[1]) Разлился, какъ рѣка, - отрѣшился, сталъ выше всего земного и сдѣлался воспріимчивъ только къ отвлеченнымъ истинамъ суфизма.

[2]) Острая стрѣла—раскаяніе и религіозныя упражненія, имѣющія цѣлью умерщвленіе плоти.

[3]) Изжарился (испекся), не садясь въ огонь,—посредствомъ воздержанія и религіозныхъ упражненій изгналъ изъ своей души помыслы о всемъ земномъ и, воспитавъ себя, подготовился къ изученію дервишескихъ наставленій.

Отъ меня тотчасъ-же бѣжалъ сатана,
Во славу Божію, я принялъ вѣру.

* * *

Я старался усердно служить великому Наставнику,
Не смыкая глазъ, я всегда былъ наготовѣ,
Богъ помогъ мнѣ, я прогналъ діавола,
Затѣмъ, взмахнувъ крылами, я взлетѣлъ [1]).

* * *

Одинокихъ, бѣдныхъ, сиротъ сдѣлай довольными.
Ко всѣмъ относись дружески, принеси имъ въ жертву святую твою душу,
Если найдется у тебя немного хлѣба, то постарайся угостить бѣдныхъ.
Эти слова я передаю потому, что слышалъ ихъ отъ Бога.

* * *

Кто будетъ заботливъ къ одинокимъ, бѣднымъ и сиротамъ,
Тотъ заслужитъ одобреніе и помощь отъ Бога,
О, невѣжда! ты только поводъ [2]), потому что Онъ самъ даетъ тайно,
Я говорю, что слышалъ изъ наставленій пророка;

* * *

Семи лѣтъ отъ роду, я привѣтствовалъ Арсланъ-Баба [3]),
Просилъ его дать мнѣ то, что вручено ему пророкомъ,
Въ это время я могъ уже произносить 101 зикръ,
Умертвивъ плоть, я достигъ высокой степени совершенства (ламаканъ) [4]).

---

[1]) Взлетѣлъ, взмахнувъ крыльями,—освободился отъ мірскихъ привязанностей и всецѣло посвятилъ себя возвышеннымъ стремленіямъ къ Богу.

[2]) Поводъ (средство, орудіе)—по мнѣнію мусульманъ, если человѣкъ творитъ милостыню, или дѣлаетъ другое богоугодное дѣло, то онъ не самъ это дѣлаетъ, а является для того только средствомъ, доброе же дѣло дѣлается всегда самимъ Богомъ. Такой взглядъ рѣзко отличается отъ христіанскаго взгляда на добрыя дѣла.

[3]) Арсланъ-Бабъ—современникъ Мухаммада и одинъ изъ ревностнѣйшихъ его послѣдователей, потрудившихся надъ распространеніемъ ислама. Наши туземцы, кромѣ Арсланъ-Баба, чтутъ еще Асиль-Баба, принимавшаго участіе въ распространеніи ислама въ Туркестанѣ.

[4]) Ламаканъ—въ буквальномъ переводѣ съ арабскаго означаетъ:

Давъ мнѣ финикъ и погладивъ мою голову, Арсланъ-Бабъ посмотрѣлъ на меня,
А самъ въ это время направился въ сторону послѣдняго дня,
Попрощавшись, переправился изъ этого міра,
А я, отправившись въ школу, усердно принялся за науку.

* * *

Прочтя „сура-и-фатхъ“ [1]), я просилъ объяснить мнѣ смыслъ,
По милости Божіей я лишился чувствъ и удостоился лицезрѣнія, [2])
Учитель, не понимая въ какомъ я состояніи, ударилъ меня и приказалъ заниматься, я стерпѣлъ,
Заплакавъ и устыдившись, я всталъ.

* * *

О невѣжда!—сказалъ учитель, смыслъ прочитаннаго слѣдующій и я понялъ,
Послѣ этого удалившись въ пустыню, я питался злаками.
Богъ далъ день, когда мнѣ удалось поймать діавола и вскочить на него;
Крѣпко усѣвшись на него, я стиснулъ и сломалъ ему бедра [3]).

* * *

Исполнивъ всѣ зикры [4]), я сталъ юродивымъ,
Кромѣ Бога, никому постороннему не говорилъ ни слова,

нѣтъ мѣста; такъ называется одна изъ высшихъ степеней духовно-мистическаго совершенства, когда душа дервиша становится совершенно независимою отъ мѣста, такъ сказать, паритъ въ мірѣ.

[1]) Сура-и-фатхъ—114-я глава Корана, по русскому переводу Саблукова называется „отверзающая дверь къ писанію“.

[2]) Лицезрѣніе—очевидно, говорится про видѣніе Бога, являвшагося Ходжѣ-Ахмаду, когда онъ находился въ состояніи экстаза.

[3]) Вскочилъ на діавола, сломалъ ему ребра—это выраженіе обозначаетъ, что Ходжѣ-Ахмаду, посредствомъ аскетическихъ подвиговъ, удалось обуздать свои страсти и восторжествовать надъ діаволомъ, соблазнившимъ его.

[4]) Зикръ—буквально значитъ произнесеніе. Подъ этимъ именемъ у дервишей извѣстно молитвенное собраніе для общаго радѣнія, которое имѣетъ цѣлью приведеніе радѣющихъ въ состояніе забытья, экстаза, посредствомъ ритмическихъ движеній стана въ соединеніи съ произнесеніемъ именъ Божіихъ или словъ, выражающихъ присущія Ему свойства. Послѣдовательнымъ упражненіемъ дервиши достигаютъ возможности весьма быстро мысленно повторять имена Божіи и повтореніе зикра 1001 разъ доказываетъ большую степень подготовки Ходжа-Ахмада въ суфійскихъ упражненіяхъ.

Ища свѣта, я сталъ подражать бабочкѣ въ ея неодолимомъ стремленіи къ свѣту.
Я спалилъ крылья, обжегся, и, загорѣвшись, полетѣлъ.

* * *

Я ничего больше не видѣлъ, какъ „нѣтъ, нѣтъ“
И произнося имя Божіе въ памяти, дошелъ до „кромѣ“ [1])
Будучи свободнымъ и искреннимъ, я всецѣло обратился къ Богу,
И достигъ степени „фана филля“. [2])

* * *

Въ суннатѣ сказано, что и невѣрнаго не надо обижать,
Богъ наказываетъ черствыхъ сердцемъ, обладающихъ душой, склонной къ несправедливости,
У Бога для такихъ людей уготованъ адъ.
Я говорю эти слова, потому что слышалъ ихъ отъ мудрыхъ.

* * *

Твердо придерживаясь сунната, я сталъ ревностнымъ послѣдователемъ,
Сойдя одинъ въ подземелье, я достигъ свѣта,
Я присоединился къ поклонникамъ истины,
И страсти свои изрѣзалъ ножемъ.

* * *

Мои страсти, совративъ меня съ пути, сдѣлали меня презрѣннымъ
У меня осталась только надежда на помощь народа.
Препятствуя мнѣ произносить имя Божіе, страсти подружили меня съ сатаной,
Но, видя, что всему этому причиной страсти, я ихъ умертвилъ.

* * *

Рабъ божій Ходжа-Ахмадъ! твоя жизнь протекла беззаботно,
Увы! въ очахъ и членахъ твоихъ пропала сила,
Увы! насталъ день стыда.
Не обращая вниманія, я ушелъ съ мѣста ночлега, какъ кочевникъ.

[1]) Нѣтъ, нѣтъ, кромѣ (ля, ля, илля)—выраженія, входящія въ составъ исповѣданія ислама: „ля, ля, илля“. Суфи, предаваясь религіознымъ упражненіямъ, повторяютъ это исповѣданіе по частямъ, какъ указано, „рисалля-и-тарикатъ“ (см. выше, стр. 156-165),

[2]) Фана филля — высшая степень суфійскаго совершенства, когда дервишъ всецѣло соединяется съ Богомъ и перестаетъ существовать отдѣльно.

II.

О, друзья, слушайте, что я вамъ скажу:
Почему я вошелъ въ подземелье шестидесяти трехъ лѣтъ.
Пророкъ увидѣлъ мой духъ, когда взошелъ на небо,
Потому я вошелъ въ подземелье шестидесяти трехъ лѣтъ.

* * *

Пророкъ спросилъ Гавріила:
Почему этотъ духъ, не входя въ тѣло, сталъ совершеннымъ?
Глаза молодые, вождь людей, станъ согбенный,
Потому я вошелъ въ подземелье шестидесяти трехъ лѣтъ.

* * *

Гавріилъ отвѣтилъ: дѣла послѣдователей вамъ извѣстны,
Взойдя на небо, духъ этотъ получаетъ наставленія отъ ангеловъ,
И седьмое небо присоединяется къ его просьбѣ.
Потому я вошелъ въ подземелье шестидесяти трехъ лѣтъ.

* * *

„Я усыновилъ его“, сказалъ Пророкъ,
И всѣ духи, услышавъ это, поклонились моему духу,
Богъ повелѣлъ переполниться рѣкѣ милости...
Потому я вошелъ въ подземелье шестидесяти трехъ лѣтъ.

* * *

Когда я появился въ чревѣ матери, раздался голосъ:
„Произноси зикръ!“ и я почувствовалъ сотрясеніе въ тѣлѣ.
„Я его усыновилъ“, сказалъ Пророкъ и оказалъ мнѣ милость.
Потому я вошелъ въ подземелье шестидесяти трехъ лѣтъ.

* * *

„Черезъ четыреста лѣтъ будь послѣдователемъ.
„Много лѣтъ наставляй на путь народъ,
„Четырнадцать тысячъ муштахидовъ[1]) пусть служатъ тебѣ“.
Потому я вошелъ въ подземелье шестидесяти трехъ лѣтъ.

* * *

Черезъ девять мѣсяцевъ и девять дней я вышелъ изъ чрева матери,
Но не прошло и девяти часовъ, какъ я вознесся на небо,

[1]) Муштахидъ — степень богословской учености и авторитетности у мухаммеданъ. Сарты различаютъ три рода авторитетныхъ послѣдователей Мухаммеда: „сахабы“, которые видѣли сами пророка въ живыхъ, „табаа-табіинъ, которые застали въ живыхъ „сахаба“, „муштахиды“, которые учили богословію со словъ „табаа-табіинъ“.

Приблизившись къ трону Всевышняго, я ухватился руками за ноги трона.
Потому я вошелъ въ подземелье шестидесяти трехъ лѣтъ.

* * *

Взлѣзши на тронъ, я, молясь, склонилъ колѣни,
И обратившись къ Богу съ просьбой, я заплакалъ.
Лжевлюбленныхъ, лжемонаховъ, увидѣвъ, выручалъ,
Потому я вошелъ въ подземелье шестидесяти трехъ лѣтъ.

* * *

Не удалившіеся отъ соблазна, а произносящіе: о сущій, сущій! всѣ лжецы,
Не учись у такихъ людей,—они отстали,
Достигшіе познанія истины и сами скрываются, и слова ихъ сокровенны.
Потому я вошелъ въ подземелье шестидесяти трехъ лѣтъ.

* * *

Когда мнѣ было одинъ годъ, Духъ оказалъ мнѣ милость,
Въ два года пришли ко мнѣ пророки,
Въ три года пришли сорокъ святыхъ и спрашивали, какъ я поживаю.
Потому я вошелъ въ подземелье шестидесяти трехъ лѣтъ.

* * *

Въ четыре года Пророкъ далъ мнѣ финикъ,
Я указалъ дорогу, и на путь возвратилось много заблудшихъ,
Куда ни пойду, со мной мой дѣдъ—Хызръ.
Потому я вошелъ въ подземелье шестидесяти трехъ лѣтъ.

* * *

Пяти лѣтъ, перепоясавшись, я посвятилъ себя Богу,
Наложивъ на себя добровольный постъ, я сдѣлалъ это своимъ обычаемъ,
Также привыкъ я день и ночь произносить имя Божіе.
Потому я вошелъ въ подземелье шестидесяти трехъ лѣтъ.

* * *

Шести лѣтъ я бѣжалъ отъ людей,
Взойдя на небо, я слушалъ наставленія ангеловъ,
Обрѣзавъ полы, я бѣжалъ отъ семьи и родныхъ.
Потому я вошелъ въ подземелье шестидесяти трехъ лѣт

* * *

Когда мнѣ исполнилось семь лѣтъ, меня нашелъ Арсланъ-Бабъ.
Узнавъ всѣ тайны, скрылъ ихъ, будучи покровомъ.

Возблагодарилъ Бога, что меня увидѣлъ и поцѣловалъ мой слѣдъ.
Потому я вошелъ въ подземелье шестидесяти трехъ лѣтъ.

* * *

Азраилъ, [1]) явившись, взялъ душу Арсланъ-Баба,
Райскіе люди пришли и изъ чистыхъ одеждъ сшили ему саванъ,
Семьдесятъ тысячъ ангеловъ собрались.
Потому я вошелъ въ подземелье шестидесяти трехъ лѣтъ.

* * *

Прочтя похоронныя молитвы, они подняли съ земли,
И вскорѣ вознесли его въ рай,
Помѣстивъ духъ его въ Илліюнъ. [2])
Потому я вошелъ въ подземелье шестидесяти трехъ лѣтъ.

* * *

Боже, Боже! Первый подъ землей онъ нашелъ родину,
Два ангела (Мюнкиръ и Някиръ) [3]) спросили его: какого Бога признаешь?

---

[1]) Азраилъ—ангелъ смерти; по вѣрованію мусульманъ, этотъ ангелъ является къ умирающему въ моментъ смерти и извлекаетъ изъ тѣла умирающаго его душу съ страшными мученіями.

[2]) Илліюнъ—книга въ раю, въ которую записана судьба благочестивыхъ людей (Коранъ, гл. 83, ст. 18, 19).

[3]) Мюнкиръ и Някиръ—имена ангеловъ, которые творятъ частный судъ надъ человѣкомъ тотчасъ послѣ погребенія. Въ книгѣ „Рисаля-и-Газизя" объ этихъ могильныхъ ангелахъ говорится слѣдующее: „Во многихъ извѣстныхъ книгахъ написано, что два ангела войдутъ въ могилу и будутъ спрашивать о состояніи рабовъ (т. е. людей); войдутъ они, говорятъ, въ могилу въ то время, когда люди, положивши тѣло покойника въ могилу, отойдутъ отъ нея на сорокъ шаговъ. Говорятъ, что ангеловъ-вопрошателей четверо: первый называется „Мюнкиръ", второй „Някиръ", третій „Руманъ", четвертый „Накюръ"; но говорятъ также, что ихъ только двое, именно, „Мюнкиръ" и „Някиръ" и что будто при каждомъ человѣкѣ находятся свои ангелы. Есть мнѣніе, что ангелы эти будутъ спрашивать, а люди отвѣчать на сирійскомъ языкѣ. Могильные ангелы спросятъ раба, находящагося въ могилѣ: какого онъ исповѣдывалъ Бога? какого пророка? какой держался вѣры? по какому шелъ пути? Когда эти два ангела предстанутъ предъ раба со гнѣвомъ, тогда изъ устъ и носовъ ихъ будетъ выходить огонь и они примутъ на себя самый страшный образъ: глаза у нихъ будутъ посреди лба и большіе какъ тарелки, волосы будутъ стлаться по землѣ, взоры ихъ будутъ метать молнію, голосъ ихъ будетъ подобенъ грому. Ежели рабъ не дастъ имъ никакого отвѣта, то они будутъ бить его дубиною и такъ сильно, что звукъ дубины услышатъ всѣ люди и духи. Этого удара не вынесли бы горы: какъ же вынесетъ человѣкъ, сотворенный только изъ горсти праха? Напротивъ, скромно и тихо войдутъ эти два ангела въ могилу добраго человѣка и еще напередъ скажутъ ему: не бойся насъ; мы пришли дать тебѣ желанный тобой рай, и начнутъ спрашивать его самымъ ласковымъ и крот-

Арсланъ-Бабъ исповѣдалъ предъ ними вѣру ислама.
Потому я вошелъ въ подземелье шестидесяти трехъ лѣтъ.

* * *

Если у тебя есть умъ, служи благочестивымъ,
Вѣрующимъ оказывай уваженіе,
Поступающихъ неправедно проклинай.
Потому я вошелъ въ подземелье шестидесяти трехъ лѣтъ.

* * *

Когда мнѣ исполнилось восемь лѣтъ, предо мною лежало восемь дорогъ (?).
Учи премудрости! осѣнилъ меня свѣтъ,
Слава Богу, Пророкъ опьянилъ меня любовью къ Богу.
Потому я вошелъ въ подземелье шестидесяти трехъ лѣтъ.

* * *

Пиромъ великимъ я называю Мухаммада, не сомнѣвайся,
Куда бы ты ни пошелъ, говори о дѣлахъ Пророка съ уваженіемъ,
Произнося славословіе, будь его послѣдователемъ.
Потому, я, увѣрившись въ Богѣ, сошелъ въ землю.[1])

* * *

Девяти лѣтъ я вышелъ на истинный путь,
Меня, какъ подарокъ, передавали изъ рукъ въ руки,
Но я не радовался почестямъ, а бѣжалъ въ пустыню.
Потому я вошелъ въ землю шестидесяти трехъ лѣтъ.

* * *

Десяти лѣтъ ты былъ мальчикомъ, рабъ Ходжа-Ахмадъ,
Надѣясь на свое происхожденіе, ты не старался угодить Богу,
Если, благодаря тщеславію своимъ родомъ, ты отстанешь, то это всего стыднѣе.
Потому я вошелъ въ землю шестидесяти трехъ лѣтъ.

кимъ образомъ. Если онъ (рабъ) удовлетворитъ ихъ своими отвѣтами, то они откроютъ край могилы и покажутъ ему рай. Увидѣвши райскія мѣста рабъ будетъ лежать въ могилѣ весело; послѣ этого въ сердцѣ его не останется печали и на одно зерно хлопчатой бумаги; онъ будетъ лежать въ могилѣ съ такою же радостью, съ какою лежитъ юноша съ молодою женою". (Опытъ изложенія мухаммеданскаго ученія А. Леопольдова, Казань, 1873 г., стр. 59. 60).

[1]) Сошелъ въ землю—говорится о томъ времени, которое Ходжа-Ахмадъ провелъ на молитвѣ въ подземной кельѣ (хоръ-хана). Имѣя въ виду что Мухаммадъ умеръ 63 лѣтъ и былъ погребенъ въ землѣ, Ходжа-Ахмадъ счелъ нужнымъ уподобиться пророку и 63 лѣтъ сошелъ въ подземелье, гдѣ и провелъ остальную часть своей жизни въ молитвѣ и религіозныхъ упражненіяхъ.

III.

Каждый день, на разсвѣтѣ, я слышалъ голосъ:
Произноси зикръ! и произносилъ зикръ,
Я видѣлъ не влюбленныхъ, они отстали на дорогѣ.
Поэтому я установилъ станокъ любви.

* * *

Когда мнѣ было одиннадцать лѣтъ, рѣка милости Божіей переполнившись, вылилась,
Я произнесъ „Алла“, и діаволъ бѣжалъ отъ меня далеко.
Жадность и гордость отъ меня удалились.
Двѣнадцати лѣтъ я узналъ эту тайну.

* * *

Тринадцати лѣтъ я овладѣлъ страстями и тщеславіемъ.
На страсти я обратилъ сто тысячъ наказаній,
На гордость я наступилъ ногой.
Четырнадцати лѣтъ я сталъ, какъ пыль, какъ прахъ.

* * *

Когда мнѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ, ко мнѣ пришли гуріи и гильманы. [1])

---

[1]) Гуріи и гильманы — (гуламы) райскія дѣвы и отроки, предназначенные праведнымъ мухаммеданамъ въ загробной жизни. Мухаммеданскій рай есть твореніе восточной фантазіи, съ чувственнымъ оттѣнкомъ, и мусульманскіе авторы не скупятся на изображенія райскаго блаженства съ смѣлыми соблазнительными подробностями, основанными на ученіи Корана; рай, жилище блаженныхъ въ загробной жизни, носитъ въ Коранѣ нѣсколько названій: джаннатъ, фирдависъ, садъ эдема, верхній садъ, сады утѣхъ, садъ вѣчности, садъ обитанія, жилище всегдабытности, жилище мира; все это названія рая въ Коранѣ.

Вѣрующіе пойдутъ толпами въ рай и когда они достигнутъ до него, ворота откроются предъ ними и привратники скажутъ праведникамъ: да будетъ миръ надъ вами! Вы были добродѣтельны, войдите въ рай для того, чтобы жить въ немъ вѣчно. Войдите въ рай, вы и ваши жены, и наслаждайтесь. Богъ обѣщалъ вѣрующимъ мужьямъ и женамъ сады, орошаемые источниками; они будутъ жить въ нихъ вѣчно, они будутъ имѣть прелестнѣйшія обиталища въ садахъ эдемскихъ и безконечную благость Божію. Древнѣйшіе, первые изъ могаджировъ и ансаровъ (спутники Мухаммеда въ бѣгствѣ въ Медину и содѣйствовавшіе его бѣгству) и тѣ, кои подражали имъ въ добромъ поведеніи, будутъ удовлетворены Богомъ. Онъ обѣщалъ имъ сады, орошаемые источниками воды; они будутъ жить въ нихъ вѣчно. Въ сады эдемскіе войдутъ благочестивые; тамъ протекаютъ источники, тамъ они найдутъ все, чего пожелаютъ. Вотъ награда отъ Бога тѣмъ, которые Его боятся. Вотъ картина рая, который обѣщалъ Богъ благочестивымъ людямъ: тамъ рѣки, въ коихъ вода никогда не портится, рѣки молока, вкусъ кото-

Наклонивъ головы, сложивъ руки, мнѣ поклонились.
Фирдаусъ по имени изъ рая принесъ мнѣ письмо.
На все это я не обратилъ вниманія, такъ какъ мнѣ хотѣлось только удостоиться лицезрѣнія.
Въ шестнадцать лѣтъ всѣ духи умершихъ святыхъ мнѣ оказали милость.
Хай, Хай, будь счастливъ, поздравляю, говорилъ первый человѣкъ, Адамъ.
О ты, мой сынъ, обнявъ меня, сказалъ и взялъ на руки.
Семнадцати лѣтъ я пришелъ въ Туркестанъ.
Восемнадцати лѣтъ я пилъ вино съ сорока святыми.
Произнося зикръ сосредоточившись, я продырявилъ грудь;
Богъ послалъ мнѣ милость, я вошелъ въ рай и обнялъ гурій.
Я увидѣлъ лицо пророка.

раго никогда не измѣняется, рѣки вина, пріятнаго для питья, рѣки чистаго меда, всякаго рода плоды и прощеніе грѣховъ. Вѣрующимъ приготовлены сады эдемскіе; подъ ногами ихъ потекутъ рѣки, они украсятся золотыми браслетами, будутъ облечены въ зеленыя одежды изъ шелку и атласа, будутъ посажены на престолахъ, другъ противъ друга. Въ жены имъ дадутъ черноокихъ дѣвъ, чистыхъ отъ всякой скверны. Они будутъ покоиться, возлежа на шелковыхъ вышитыхъ золотомъ коврахъ. Тамъ будутъ юныя дѣвицы съ скромнымъ взглядомъ, къ которымъ никогда не приближались ни человѣкъ, ни геній. Они будутъ похожи на рубинъ и жемчугъ. Вѣрующимъ будетъ дано два сада, въ каждомъ изъ нихъ будетъ два источника, въ каждомъ будутъ плоды пальмы и гранаты. Тамъ будутъ молодыя и прекрасныя дѣвицы съ большими черными глазами, хранимыя въ павильонахъ. Никогда ни человѣкъ, ни геній не касались ихъ невинности. Они будутъ покоиться на зеленыхъ возглавіяхъ и великолѣпныхъ коврахъ. Жилище счастія будетъ уготовано для праведныхъ, сады и виноградники, дѣвы съ воздымающимися грудями и одинаковаго возраста съ ними, и полныя чаши. Они не услышатъ тамъ ни пустыхъ рѣчей, ни лжи. Ни чернота, ни стыдъ не коснутся блеска лица ихъ, они будутъ имѣть въ раю прекраснѣйшіе плоды и будутъ почитаемы въ садахъ увеселенія. Они будутъ отдыхать на ложахъ своихъ, обратившись лицомъ другъ къ другу. Чаша будетъ носима вокругъ нихъ, наполненная изъ прозрачныхъ источниковъ, да насладятся ею пьющіе. Питье это не обременитъ головы и не опьянитъ. И около нихъ возлягутъ райскія дѣвы, не обращающія своихъ взоровъ ни на кого, кромѣ своихъ супруговъ, дѣвы, имѣющія большія черные глаза, какъ перлы въ раковинахъ и онѣ будутъ обращаться одни къ другимъ съ разговорами. Праведные будутъ пить изъ полныхъ чашъ съ примѣсью камфарнаго дерева. Имъ предложатъ вина самаго отборнаго, запечатаннаго. Печать будетъ изъ моха. Это предметъ зависти для тѣхъ, кои его не имѣютъ. Это вино будетъ смѣшано съ водою источника Таснима, изъ котораго будутъ пить только приближенные къ Богу. (Цит. соч. А. Леопольдова, стр. 165—170).

* * *

Когда мнѣ исполнилось девятнадцать лѣтъ, я достигъ семидесяти степеней суфійства.

Я произносилъ зикръ, и мое наружное и внутреннее стало чисто.
Куда бы я ни пошелъ, дѣдъ мой, Хызръ,[1]) всегда со мной.
Гаусъ и Гіасъ[2]) напоили меня виномъ[3]) и я утолилъ жажду.

* * *

Когда мнѣ исполнилось двадцать лѣтъ, я превзошелъ степени совершенства.

Слава Богу, я окончилъ службу у пира,
Черви и птицы мнѣ поклонились,
Поэтому я сталъ близокъ къ Богу.
Не правовѣрный, кто, услышавъ поученіе, не заплачетъ,
Кто не внимаетъ словамъ современныхъ мужей,
Это все равно, что не внимать аяту, хадису, Корану;
Это правило я видѣлъ написаннымъ на тронѣ Бога.

---

[1]) Хызръ. Подъ этимъ названіемъ мухаммедане знаютъ одного изъ сорока невидимыхъ людей, покровителей рода человѣческаго, изъ которыхъ самый старшій носитъ названіе: „кутб-уль-актабъ", звѣзда-звѣздъ, полярная звѣзда. Каждое утро эти невидимые покровители міра молятся на гробѣ Мухаммада и расходятся потомъ по землѣ, чтобы подавать людямъ помощь въ то самое время, когда ихъ призываютъ. Въ извѣстные дни мѣсяца они находятся въ извѣстныхъ странахъ міра. Хызръ живъ и въ настоящее время, потому что напился живой воды изъ источника, открытаго Александромъ Македонскимъ, и находится на землѣ. Самое имя „хызръ" значитъ зеленый, потому что на томъ мѣстѣ, гдѣ посидитъ онъ, зеленѣетъ земля. По мнѣнію Н. П. Остроумова (приложеніе къ стр. 150 книги „Критическій разборъ мухаммеданскаго ученія о пророкахъ", Казань, 1874), представленіе мухаммеданъ о хызрѣ, какъ о лицѣ таинственномъ и невидимомъ, возникло подъ вліяніемъ распространеннаго во время Мухаммада на Востокѣ разсказа объ одномъ отшельникѣ, который молилъ Бога даровать ему знаніе судебъ Божіихъ и наложилъ на себя ради этого постъ. Богъ вложилъ ему, наконецъ, мысль итти и посѣтить ветхаго деньми старца, жившаго вдали отъ отшельника, съ которымъ и долженъ былъ поговорить пытливый отшельникъ. Разсказъ этотъ, занесенный въ Прологъ и Патерикъ, былъ, очевидно, извѣстенъ и Мухаммаду, который и приложилъ его къ Хызру. Вообще у мухаммеданъ имѣется весьма много самыхъ разнорѣчивыхъ разсказовъ о невидимомъ покровителѣ людей, Хызрѣ, и мусульманскіе авторы весьма охотно повѣствуютъ о явленіяхъ и чудесахъ этого таинственнаго лица.

[2]) Гаусъ и Гіасъ—это одно изъ названій величайшаго изъ сорока невидимыхъ людей или кутб-уль-актаба.

[3]) Вино, опьяненіе—обозначаетъ религіозный восторгъ, доходящій у дервишей до самозабвенія.

* * *

Увидѣвъ правило, я говорилъ съ Богомъ.
Десять тысячъ сортовъ разныхъ ангеловъ я видѣлъ;
Поэтому я, говоря съ Богомъ, испилъ истины;
Я посвятилъ Ему мою душу и сердце.

* * *

Рабъ Божій, Ходжа-Ахмадъ, возрастъ твой достигъ двадцати одного года.
Что ты будешь дѣлать, твои грѣхи тяжелѣе горы.
Во время страшнаго суда Богъ воленъ наказать,
О, друзья, какой я дамъ тогда отвѣтъ?

IV.

Неизвѣстно откуда, я услышалъ голосъ,
Поэтому, увѣрившись въ Богѣ, я пришелъ
И всѣ святые, собравшись, поклонились мнѣ,
Поэтому, увѣрившись въ Богѣ, я пришелъ.

* * *

Я двадцати двухъ лѣтъ всецѣло предался Богу,
Я сталъ „маргамъ“ [1])—лекарствомъ для искреннихъ,
Я сталъ свидѣтелемъ для отличія искренно влюбленныхъ отъ ложно влюбленныхъ.
Поэтому, увѣрившись въ Богѣ, я пришелъ.

* * *

О, друзья! возрастъ мой достигъ двадцати трехъ лѣтъ,
Неосновательные расчеты, все мое стараніе угодить Богу — пустяки:
Что я буду дѣлать въ день страшнаго суда—нагой? [2])
Поэтому, увѣрившись въ Богѣ, я пришелъ.

* * *

Я достигъ двадцати четырехъ лѣтъ, будучи далекъ отъ Бога.
Для того, чтобы явиться на страшный судъ, есть ли у меня оружіе?
Когда я умру, нанесите моему тѣлу сто тысячъ ударовъ палкой.
Поэтому, увѣрившись въ Богѣ, я пришелъ.

---

[1]) Маргамъ—лекарство, извѣстное въ туземной медицинѣ.

[2]) Нагой — не защищенный отъ суда одеждою изъ добрыхъ дѣлъ неправедный.

* * *

Вслѣдъ моему гробу бросайте камни,
Схвативъ меня за ноги, тащите до могилы,
Говоря: ты не старался угодить Богу! Измельчите мое тѣло въ могилѣ.
Поэтому, увѣрившись въ Богѣ, я пришелъ.

* * *

Въ беззаботности достигъ я двадцати пяти лѣтъ.
Научая меня произносить имя Божіе, продырявивъ мою грудь,
Развяжите сами узы въ моей груди.
Поэтому, увѣрившись въ Богѣ, я пришелъ.

* * *

Двадцати шести лѣтъ я устроилъ торгъ [1]).
Я, какъ Мансуръ, [2]) призвалъ бунтъ, чтобы увидѣть лицо Божіе,
Ходя безъ наставника, я заболѣлъ.
Поэтому, увѣрившись въ Богѣ, я пришелъ.

* * *

Двадцати восьми лѣтъ я влюбился.
Отрѣшившись отъ души и приложивъ много старанія, я сталъ праведнымъ.
Послѣ этого я сталъ угоденъ Богу.
Поэтому, увѣрившись въ Богѣ, я пришелъ.

* * *

Когда я достигъ двадцати девяти лѣтъ, положеніе мое было безпомощно:
На дорогѣ любви я не былъ даже пылинкой...
Положеніе мое безпомощно—сердце сгорѣло, глаза всегда въ слезахъ.
Поэтому, увѣрившись въ Богѣ, я пришелъ.

---

[1]) Торгъ — вѣроятно, это понятіе приравнивается къ монашескому радѣнію дервишей, которое по шуму вполнѣ подходитъ подъ это сравненіе.

[2]) Мансуръ-Халладжъ — былъ одинъ дервишъ, который, видимо, достигъ той степени суфійскаго совершенства, когда мистикъ перестаетъ существовать отдѣльно отъ высшаго существа и считаетъ себя воплощеніемъ Бога. Этотъ дервишъ разъ вышелъ на базаръ и, при большомъ стеченіи народа, громко произнесъ: „я Богъ!“ Такое утвержденіе навлекло на него гнѣвъ властей и негодованіе народа, не понимавшаго смысла, на взглядъ непричастнаго къ суфизму, столь богохульнаго и дерзкаго заявленія Мансура, и онъ былъ повѣшенъ, не разъяснивъ ничего своимъ судьямъ. Очевидно, что только доведенная до высшаго предѣла восторженность могла подвинуть этого дервиша на мученичество, и Ходжа-Ахмадъ не даромъ беретъ его въ примѣръ суфійскаго совершенства.

* * *

Тридцати лѣтъ меня, какъ дрова, сожгли,
Всѣ святые, собравшись, сожгли во мнѣ помыслы,
Побоями и бранью уничтожили во мнѣ все земное.
Поэтому, увѣрившись въ Богѣ, я пришелъ.

* * *

Рабъ Ходжа-Ахмадъ! брось міръ, и твое дѣло придетъ къ желанному концу.
Вздохъ, вышедшій изъ твоей души, достигнетъ престола Божія;
Въ моментъ выхода души, Пророкъ подастъ тебѣ руку.
Поэтому, увѣрившись въ Богѣ, я пришелъ.

V.

Вдругъ одинъ великій святой
Вложилъ въ мою душу любовь къ Богу,
Мой дѣдушка Хызръ, находясь налицо. оказалъ мнѣ милость,
Оказавъ, помощь, поддержалъ меня за руку ниже локтя, друзья!

* * *

Тридцати одного года дѣдъ Хызръ опьянилъ меня,
Богъ изгналъ изъ моего тѣла діавола,
Я устроилъ торгъ и записываемые грѣхи [1]) Богъ мнѣ простилъ,
Потомъ Богъ направилъ меня на истинный путь.
Тридцати двухъ лѣтъ я получилъ повелѣніе Божіе:
„Не смущайся! Я принялъ твое поклоненіе,
Въ моментъ смерти я пошлю тебѣ свѣтъ вѣры".
И моя бѣдная душа, будучи довольна, улыбнулась. [2])

* * *

Отъ Бога пришло мнѣ извѣстіе, что мое поклоненіе Ему угодно.
Кто меня ругалъ и даже билъ, я терпѣлъ;
Въ этомъ мірѣ безъ сна я постоянно бодрствовалъ;
Неумѣренность и тщеславіе оставили меня.

---

[1]) Записываемые грѣхи—Мухаммедане вѣрятъ, что при каждомъ человѣкѣ находятся безотлучно два ангела, назначеніе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы записывать всѣ дѣла человѣка, великія и малыя, подраздѣляя ихъ на добрыя и злыя. Записанныя дѣла человѣка, предъявленныя на послѣднемъ судѣ, рѣшаютъ загробную судьбу человѣка и онъ подѣломъ награждается райскимъ блаженствомъ, или карается адскими мученіями.

[2]) Душа улыбнулась—выражаетъ блаженное мистическое духовное удовлетвореніе, вызванное совершенными добрыми дѣлами.

* * *

Тридцати трехъ лѣтъ сталъ я „сакы“,[1]) схватилъ вино,
Чашу вина, взявъ въ руки, все выпилъ.
Изготовивъ войско, я сразился съ діаволомъ.
Слава Богу, двѣ страсти мои умерли.

* * *

Тридцати четырехъ лѣтъ я сталъ ученымъ, знающимъ,
Богъ сказалъ: „учи премудрости!“ И я приготовился:
Съ сорока святыми я пилъ вино и сдѣлался ихъ спутникомъ,
Душа моя и тѣло переполнились свѣтомъ истины.

* * *

Тридцати пяти лѣтъ, войдя въ мечеть, я нашелъ величіе,
Ищущимъ любви я приготовилъ все нужное.[2])
Кто шелъ по ложной дорогѣ, тѣхъ я билъ и ругалъ,
Влюбленнымъ же отъ Бога пришла радостная вѣсть, друзья!

* * *

Я достигъ тридцати семи лѣтъ и не проснулся;
По несправедливости я не исполнилъ заповѣданнаго Богомъ,
Во время разсвѣта я не вставалъ и не молился Богу,
Но я раскаялся въ грѣхахъ, и Богъ принялъ мое раскаяніе, друзья!
Я достигъ тридцати восьми лѣтъ, моя жизнь прошла.
Развѣ не надо плакать, что конецъ мой насталъ?
Предопредѣленіе поднесло мнѣ сосудъ смерти,
Я не зналъ, что насталъ конецъ моей жизни, друзья!

* * *

Достигнувъ тридцати девяти лѣтъ, я устыдился.
Какіе результаты моей прошедшей жизни?
Покорные Богу предъ Нимъ будутъ счастливы,
Румянецъ моего лица исчезъ въ то время, когда я не старался угодить Богу, друзья!

---

[1]) Сакы — виночерпій, а въ мистическомъ смыслѣ — учитель дервишизма.

[2]) Установить станокъ любви—какъ ткачъ, прежде чѣмъ приняться за работу, долженъ собрать и установить всѣ части своего станка, такъ Ходжа-Ахмадъ, только пройдя послѣдовательно всѣ степени духовнаго самоусовершенствованія, могъ счесть себя готовымъ для воспринятія высшихъ истинъ суфійства.

* * *

Волоса и борода побѣлѣли, а душа моя черна,
Если ты не будешь ко мнѣ милостивъ въ день суда, положеніе мое ужасно;
Тебѣ извѣстно, что у меня нѣтъ добрыхъ дѣлъ, а грѣховъ много.
Всѣ мои грѣхи, записанные, всѣ ангелы узнали.

* * *

Я выпилъ одну каплю напитка Великаго Наставника,
Въ поискахъ истины я не спалъ всю ночь,
Слава Богу, Онъ оказалъ милость, и я погрузился въ свѣтъ,
Птица моей души достигла степени ламаканъ (вездѣсущій).

* * *

Отъ страха послѣдняго дня мой умъ смущенъ,
Духъ мой въ страхѣ, сердце трепещетъ, домъ мой разрушенъ.
Душа моя содрогается, при воспоминаніи о мостѣ, ведущемъ въ адъ. [1])
Сознаніе покинуло меня, я остался безъ чувствъ, друзья!

* * *

Рабъ Божій, Ходжа-Ахмадъ, ты достигъ сорока лѣтъ, разорви свои страсти,
Плача здѣсь въ мірѣ, приходи въ послѣдній день тощимъ,
Оболочка вѣры—шаріатъ, [2]) а зерно—тарикатъ. [3])
Пришедшій на дорогу суфійства получилъ награду отъ Бога, друзья.

VI.

О, Боже! славословя Тебя, я говорю премудрость.
О, Великій Властитель мой! довѣрившись Тебѣ, я пришелъ къ Тебѣ.
Раскаявшись, устыдившись, положившись на Тебя, я пришелъ къ Тебѣ.

---

[1]) Мостъ, ведущій въ адъ,—„сыртъ". Мухаммедане вѣрятъ, что дорога въ адъ пролегаетъ по мосту „сыртъ"; въ то время, когда люда взойдутъ на мостъ, находящійся надъ самымъ адомъ, тонкій какъ волосъ и острый какъ мечъ, они такъ изумятся его тонинѣ и остротѣ, въ такой придутъ страхъ отъ адскаго огня, который начнетъ палить имъ ноги, что пожелаютъ воротиться назадъ. Но тотчасъ явятся ангелы-хранители ада съ огненными дубинами и заставятъ людей продолжать тяжелый для нихъ путь „по сырту". (Цит. соч. Леопольдова, стр. 61).

[2]) Шаріатъ—религіозно-нравственный кодексъ мусульманъ.

[3]) Тарикатъ—мистическое ученіе мусульманскихъ дервишей, полагающихъ въ немъ прямой путь къ спасенію.

* * *

Когда я достигъ сорока одного года, я вознамѣрился искренно искать пути къ спасенію,
Я рѣшилъ скрывать отъ другихъ все, что увижу чудеснаго отъ великихъ учителей.
Найдя слѣды великихъ наставниковъ, цѣловать ихъ.
О, Великій Властитель, положившись на Тебя, я пришелъ къ Тебѣ.

* * *

Сорока двухъ лѣтъ, ставши искателемъ, я вышелъ на дорогу,
Искренно я посвятилъ свою душу единому Богу,
Тронъ, престолъ, „лаухъ" и перо, [1]) все это я прошелъ.
О, Великій Властитель! положившись на Тебя, я пришелъ къ Тебѣ.

* * *

Сорока трехъ лѣтъ, отыскивая Бога, я сталъ молиться.
Слезы лились у меня изъ глазъ, какъ дождь.
Пройдя пустыни, я самъ молился Богу.
О, Великій Властитель! положившись на Тебя, и пришелъ къ Тебѣ.
Сорока четырехъ лѣтъ, на базарѣ любви,
Схвативъ себя за шею отъ восторга, плача, я пошелъ въ цвѣтникъ,
Подобно Мансуру, я пожертвовалъ свою голову на висѣлицу любви.
О, Великій Властитель, положившись на Тебя, я пришелъ къ Тебѣ.

* * *

Сорока пяти лѣтъ я просилъ у Тебя необходимое,
Раскаялся, что все въ сдѣланномъ мною было ошибочно;
Милосердаго владыки великое милосердіе я понялъ.
О, Великій Властитель! положившись на Тебя, я пришелъ къ Тебѣ.

---

[1]) Лаухъ и перо — небесная скрижаль, на которой отъ вѣчности изображено все, что было и будетъ въ мірѣ, называется „лаух-уль—махфузъ" и хранится въ раю. Мухаммедане вѣрятъ, что Божественное откровеніе, ниспосылавшееся разновременно черезъ пророковъ, представляло выписки изъ этой великой книги судебъ. Для записи въ эту книгу въ раю имѣется и особое тростниковое перо — калямъ (подробно см. стр. 90 соч. Н. Ильина въ III вып. Миссіонерскаго сборника. Казань, 1874).

* * *

Сорока шести лѣтъ мой восторгъ, моя влюбленность, переполнившись, вылилась,
Капля милости упала на меня и діаволъ бѣжалъ.
Я услышалъ голосъ, говорившій мнѣ, что для меня отворились двери милости Божіей.
О, Великій Властитель! положившись на тебя, я пришелъ къ Тебѣ.

* * *

Сорока семи лѣтъ съ семи сторонъ послышался голосъ,
Ставши виночерпіемъ, чашу напитка мой Наставникъ мнѣ далъ.
Вмѣстѣ съ діаволомъ отъ меня бѣжали страсти и гордость.
О, Великій Властитель! положившись на Тебя, я пришелъ къ Тебѣ.

* * *

Сорока восьми лѣтъ святая душа стала меня безпокоить,
Зараза грѣха коснулась меня, и я заболѣлъ;
По этой причинѣ, устрашившись Бога, я проснулся.
О, Великій Властитель! положившись на Тебя, я пришелъ къ Тебѣ.

* * *

Сорока девяти лѣтъ на меня снизошла Твоя любовь, и я сгорѣлъ,
Какъ Маджнунъ,[1]) я бѣжалъ отъ родныхъ, пересталъ узнавать,
Разныя наказанія на меня пришли, но я перенесъ терпѣливо,
О, Великій Властитель! положившись на Тебя, я пришелъ къ Тебѣ.

* * *

Пятидесяти лѣтъ я сказалъ себѣ: ты мужчина, а дѣлалъ дѣла, приличныя женщинѣ,
Ты не плакалъ до того, чтобы изъ глазъ вмѣсто слезъ потекла кровь.
Я, какъ собака, искалъ удовлетворенія страстямъ,
О, Великій Властитель! положившись на Тебя, я пришелъ къ Тебѣ.

---

[1]) Маджнунъ—буквально сумасшедшій; это имя носитъ герой поэмы Саади „Ляйли-Маджнунъ", гдѣ описывается страстная любовь молодого человѣка Маджнуна къ своей избранницѣ Ляйли. Ходжа-Ахмадъ, очевидно, желалъ сравнить свое страстное увлеченіе суфизмомъ съ горячимъ чувствомъ, какое испытывалъ герой названной поэмы. Его любовь—стремленіе достичь высшихъ степеней близости къ Богу.

* * *

Голова моя прахъ, я прахъ, тѣло мое прахъ,
Духъ мой всѣми силами старается достичь Бога.
Я загорѣлся, сгорѣлъ, но не сталъ безупречныъ человѣкомъ.
Ставъ росой, я сошелъ подъ землю.

* * *

Великій наставникъ взглянулъ на меня, и я испилъ напитка,
Какъ святой Шибли, [1]) я впалъ въ экстазъ,
Будучи сильно опьяненъ, я, отрекшись отъ своего народа, бѣжалъ,
Ставъ источникомъ Земъ-Земъ, [2]) я скрылся подъ землю.

---

[1]) Святой Шибли — одинъ изъ видныхъ представителей дервишества. Онъ собственно носилъ имя Хазретъ-Шейхъ-Абубакри-Шибли и былъ посвященъ Саидомъ-Таифа-Джунайдъ-и-Багдади (см. родословную дервишскихъ орденовъ), а самъ былъ наставникомъ или пиромъ Мансура-Халаджи о которомъ также упоминается въ ученіи Ходжа-Ахмада-Яссави.

[2]) Земъ-земъ—источникъ, чтимый мухаммеданами, находится близъ Мекки. Существуетъ преданіе, что жена Авраама, Сарра, потребовала отъ мужа удаленія Агари въ пустыню между Меккой и Іерусалимомъ. Авраамъ исполнилъ желаніе своей жены и Агарь въ пустынѣ родила сына, на лбу котораго появился свѣтъ Мухаммада. Въ пустынѣ у Агари не достало воды. Она завернула сына въ одежды, положила его на землю, а сама пошла искать источникъ. Отъ холма Сафа (около Мекки) услышала голосъ: „вотъ вода!“ и отъ холма Мярва (около Мекки) тоже. Тогда она отправилась сначала по направленію къ Сафа, но воды не нашла; потомъ пошла къ Мярва и также не нашла воды. Семь разъ прошла она между этими двумя холмами, какъ дѣлаютъ это современные мухаммедане, путешествующіе на поклоненіе Каабѣ, но воды, всетаки, не находила. Въ своихъ поискахъ она, наконецъ, обезсилѣла и потому воскликнула: „истамигъ, я илъ, илъ“, т. е. вонми, Господи! Отсюда произошло и имя Измаила (изъ рода котораго, по преданію, долженъ былъ произойти Мухаммадъ). Когда Агарь услышала плачъ Измаила, то поспѣшила къ нему и увидѣла, что онъ перевернулся, лежитъ лицомъ къ землѣ и болтаетъ по ней ногами. Гавріилъ вывелъ изъ этого мѣста воду, и по опредѣленію Бога Всевышняго, это сталъ колодезь Земъ-Земъ, Замзамъ. Современные мухаммедане послѣ посѣщенія холмовъ Сафа и Мярва, между которыми они бѣгаютъ семь разъ съ торопливостью, подобно Агари, и долины Мина идутъ къ источнику Замзамъ и пьютъ изъ него воду, по ихъ вѣрованію, обладающую цѣлебными свойствами. Хаджи, возвращаясь на родину, какъ лучшій подарокъ, везутъ своимъ роднымъ и знакомымъ въ особенныхъ запаянныхъ жестяночкахъ небольшое количество замзамской воды (су-и-замзамъ), которая употребляется, какъ лекарство и какъ примѣсь къ пищѣ во время разговѣнья послѣ дневного поста въ мѣсяцъ Рамазанъ. По окончаніи поста мухаммедане берутъ немного привезенной изъ хаджа воды, разбавляютъ ее большимъ количествомъ обыкновенной воды и съ молитвой выпиваютъ нѣсколько глотковъ прежде, чѣмъ приступить къ разговѣнью.

* * *

Рабъ Ходжа-Ахмадъ! если хочешь давать наставленія другимъ,
дай ихъ прежде себѣ,
Если хочешь быть влюбленнымъ до смерти, иди по этой
дорогѣ.
Слова твои не поймутъ недостойные, не повѣрятъ,
Ставъ крѣпкимъ, я сошелъ подъ землю.

Ишанъ Этъ-йимасъ.

Среди ташкентскихъ ишановъ пользуется заслуженною славою за свои религіозные подвиги Ишанъ-Баба-Ахундъ-Шадманъ-Ходжа-Ишановъ, извѣстный далеко за предѣлами г. Ташкента подъ прозвищемъ: „Этъ-йимасъ“ (не вкушающій мяса); его прозвали такъ потому, что онъ вовсе не ѣстъ мяса, что не входитъ въ правила жизни другихъ ишановъ.

Ишанъ Этъ-йимасъ—сынъ имама мечети Кукча у Кукчинскихъ воротъ стараго Ташкента, Шадманъ-Ходжи-Ишана. Когда умеръ отецъ, мѣсто имама въ мечети предложили сыну, но тотъ отказался и предпочелъ занятія земледѣліемъ у Салибекъ-ахуна, извѣстнаго своей ученостью и принимавшаго большое участіе въ судьбѣ юноши. Познакомившись вскорѣ съ Ша-Юсуфъ-Ходжа-Ишаномъ въ сел. Янчи-Курганъ около Пскента, будущій ишанъ сталъ учиться у него всему, что относится къ суфизму. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ испытанія Ша-Юсуфъ-Ходжа призналъ своего ученика достаточно подготовленнымъ и далъ ему „иджазатъ“ — разрѣшеніе на самостоятельную дѣятельность, какъ члену секты „джагріа“. Неудовольствовавшись полученнымъ разрѣшеніемъ, ишанъ спустился въ сырую и почти темную подземную келью (хоръ-хана) на кладбищѣ Шейхъ-Зайнуддинъ-Баба въ Ташкентѣ, въ которой когда-то молился самъ святой. Въ этой кельѣ ишанъ провелъ на молитвѣ „кыркъ-чилля“, т. е. сорокъ сороковицъ (1600 дней), питаясь исключительно продуктами растительнаго царства — хлѣбомъ, чаемъ, овощами и фруктами, которые ему приносили его родные и почитатели. Во время пребыванія ишана на молитвѣ, Ташкентъ посѣтила холерная эпидемія 1872 года, но ишанъ продолжалъ питаться сырыми фруктами и это не повредило его здоровью, что туземцы считаютъдоказательствомъ безвредности фруктовъ во время холеры.

Окончивъ свою 4-хъ-лѣтнюю молитву, ишанъ Этъ-йимасъ обратился къ суфи ордена „накшбандія-хуфія“, Салихъ-Ахунду, проживавшему въ махалля Кисякъ-Курганъ, Кукчинской части г. Ташкента, и отъ него получилъ посвященіе въ суфи этого ордена. Вмѣстѣ съ тѣмъ ишанъ добровольно наложилъ на себя

постоянный постъ („руза"). Всѣ мусульмане соблюдаютъ постъ ежегодно только одинъ мѣсяцъ рамазанъ, воздерживаясь отъ ѣды и питья отъ восхода до заката солнца, и это имъ кажется нелегкимъ подвигомъ. Ишанъ Этъ-йимасъ соблюдаетъ такой постъ всю свою жизнь, принимая одинъ разъ въ сутки, послѣ заката солнца крайне, незначительное количество пищи. Такой „ріазатъ", или религіозный подвигъ, доставилъ ишану всеобщее уваженіе.

Не предаваясь исключительно религіознымъ упражненіямъ, какъ то принято у членовъ ордена „накшбандія-хуфія", ишанъ Этъ-йимасъ ушелъ въ степь и сталъ странствовать между киргизами, кочующими въ долинѣ р. Сыръ-Дарьи; отбывая въ извѣстные сроки сорокадневные молитвы въ подземныхъ кельяхъ, (хоръ-хана), вырытыхъ имъ самимъ въ четырехъ мѣстахъ, онъ посвящалъ остальное время врачеванію, или, лучше сказать, отчитыванію больныхъ, такъ какъ ишанъ въ то же время и „касида-ханъ", т. е. обладаетъ способностью посредствомъ молитвъ исцѣлять отъ болѣзней. Во время холерной эпидеміи 1892 года ишанъ неутомимо посѣщалъ больныхъ холерою въ степи отъ Чимкента до Перовска и, по словамъ киргизъ, исцѣлялъ больныхъ, возлагая на нихъ свои руки. Вѣра въ ишана была настолько сильна, что его, 60-ти-лѣтняго старика, перевозили изъ аула въ аулъ, а подъ конецъ эпидеміи ишанъ настолько ослабѣлъ, что уже не могъ ѣздить и его переносили на носилкахъ. Врачебная дѣятельность доставила ишану много новыхъ поклонниковъ. Особенное почтеніе Этъ-йимасъ заслужилъ благотворительностью и безкорыстіемъ: всѣ деньги, какія только поступаютъ къ нему отъ муридовъ, онъ расходуетъ на покупку пищи бѣднымъ или на постройку мостовъ, проведеніе арыковъ и другія общественныя надобности. Пользуясь безусловнымъ подчиненіемъ своихъ послѣдователей, ишанъ старается соединять окрестныхъ киргизъ и сартовъ для полезной дѣятельности по оживленію неорошенныхъ мертвыхъ земель. Совокупными усиліями своихъ муридовъ ишану удалось оросить въ 25 верстахъ отъ Ташкента пространство земли, извѣстное теперь подъ названіемъ „Ишанъ-базара". Здѣсь ишанъ выстроилъ въ степи курганчу (усадьбу); по сосѣдству расположились наиболѣе преданные ему муриды, сначала кочевьями, а потомъ уже въ глинобитныхъ домахъ. Образовалось небольшое поселеніе, куда съѣзжались на поклонъ къ ишану его послѣдователи и ученики. Выстроили мечеть, имамомъ которой сдѣ-

лался ишанъ Этъ-йимасъ. Стеченіе народа въ новомъ поселкѣ естественно привлекло сюда разныхъ торговцевъ и образовался базаръ, названный, въ отличіе отъ другихъ степныхъ базаровъ, по званію основателя новаго поселенія, Ишанъ-базаромъ.

На новое мѣсто собиралось много людей. Были между ними хорошіе люди, посѣщавшіе поселокъ ишана съ душеспасительными намѣреніями, но были и дурные, имѣвшіе въ виду только наживу. Всѣ паломники и торговцы обыкновенно пріѣзжали въ Ишанъ-базаръ верхомъ и, за неимѣніемъ конюшенъ, привязывали своихъ лошадей, гдѣ попало. Окрестные кочевники-киргизы принялись за конокрадство: не проходило дня, чтобы не пропала у кого-нибудь лошадь, а подстеречь и поймать дерзкихъ конокрадовъ никому не удавалось. Не зная, какъ помочь горю, жители Ишанъ-базара обратились къ ишану Этъ-йимасу и просили его заступничества. Собравъ всѣхъ жившихъ въ Ишанъ-базарѣ, ишанъ предложилъ имъ стать на молитву и просить Бога, чтобы Онъ защитилъ селеніе отъ конокрадовъ, препятствуя каждому поживившемуся чужою лошадью удалиться изъ Ишанъ-базара; ишанъ самъ молился съ прихожанами, и общая молитва была услышана. Съ этого времени съ конокрадами стали происходить непріятныя исторіи: конокраду удавалось обыкновенно незамѣтно отвязать и увести чужую лошадь, но, выѣхавъ за околицу, онъ сбивался съ дороги, блуждалъ цѣлую ночь вокругъ да около, а подъ утро усталая лошадь привозила его въ тотъ же поселокъ, откуда была уведена наканунѣ. Нѣсколько случаевъ такого непонятнаго блужданія съ крадеными лошадьми убѣдили конокрадовъ, что въ Ишанъ-базарѣ имъ нечего дѣлать, и всякія поползновенія на кражу лошадей изъ заговореннаго молитвою ишана поселка прекратились, хотя жители Ишанъ-базара и не принимаютъ противъ конокрадства никакихъ предупредительныхъ мѣръ.

Орошеніе мертвыхъ земель составляетъ спеціальность ишана Этъ-йимаса. Такъ, онъ указалъ одно мѣсто на арыкѣ Каракамышъ въ Ташкентскомъ уѣздѣ, гдѣ, по его мнѣнію, возможно съ небольшими сравнительно затратами использовать остатки водъ Карамыша и Боссу для орошенія расположенныхъ между ними 50 тыс. десятинъ земли.

Несмотря на стекающіяся къ нему обильныя пожертвованія, у самого ишана Этъ-йимаса ровно нечего нѣтъ и семья его (жена и сынъ) живетъ у его брата въ Ташкентѣ. Ежегодно Этъ-йимасъ посѣщаетъ Ташкентъ, гдѣ у него много родныхъ;

во время своихъ пріѣздовъ онъ отбываетъ сорока-дневную молитву въ надземной кельѣ на кладбищѣ Шейхъ-Зайнуддинъ-Баба, а затѣмъ устраиваетъ „дервишона“—собраніе суфи съ радѣніемъ и раздачею пищи бѣднымъ; на этихъ собраніяхъ бываетъ до 500 человѣкъ.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ ишана Этъ-йимаса въ Ташкентъ я, черезъ знакомаго мнѣ мурида ишана, просилъ Этъ-йимаса пріѣхать ко мнѣ или назначить время для свиданія. Какъ и слѣдовало ожидать, ишанъ уклонился отъ визита къ русскому начальнику и мнѣ пришлось самому отправиться къ нему. Ишанъ Этъ-йимасъ высокаго роста, худощавый, очень скромно одѣтъ; несмотря на свыше 60-ти-лѣтній возрастъ, вь волосахъ у него мало сѣдины, стройный станъ и прекрасный цвѣтъ лица. Ишанъ пригласилъ меня къ столу, на которомъ были приготоалены чай и сласти, но самъ не дотронулся до угощенія.

Вскорѣ мнѣ пришлось встрѣтиться съ ишаномъ Этъ-йимасомъ въ домѣ одного почтеннаго туземца, считающаго себя весьма обязаннымъ ишану и потому оказывающаго ему большое уваженіе. Знакомый мой 13 лѣтъ не имѣлъ дѣтей отъ своей жены; родные совѣтовали ему жениться вторично, какъ обыкновенно поступаютъ въ такихъ случаяхъ туземцы, но онъ на это не согласился; въ это время въ Ташкентъ пріѣхалъ ишанъ Этъ-йимасъ, въ молодости водившій знакомство съ его отцомъ, и самъ напросился въ гости къ моему знакомому; послѣ угощенія ишанъ сталъ разспрашивать хозяина объ его житьѣ бытьѣ и, между прочимъ, освѣдомился, сколько у него дѣтей; когда хозяинъ повѣдалъ ишану свое горе, послѣдній прочелъ нѣсколько молитвъ надъ хлѣбомъ, подышалъ на него (по-сартовски „дамъ-салды“) и предложилъ хозяину и его женѣ съѣсть хлѣбъ; хлѣбъ подѣйствовалъ отлично—не прошло года, какъ въ домѣ появился „бишикъ“—колыбелька. Этотъ случай навсегда обязалъ моего знакомаго по отношенію къ ишану, и съ тѣхъ поръ каждый разъ, какъ ишанъ пріѣзжаетъ въ Ташкентъ, онъ приглашаетъ его къ себѣ на „ифтаръ“—разговѣнье послѣ дневного поста.

Для пріема ишана домъ былъ парадно освѣщенъ; новая михманъ-хана устлана лучшими коврами; прислуга суетилась, разставляя на подносы блюдечки съ разнообразными сластями. Въ углу михманъ-ханы я замѣтилъ нѣсколько музыкантовъ съ оригинальными струнными инструментами; тутъ былъ и „гиджакъ“, родъ маленькой віолончели изъ кокосоваго орѣха съ

грифомъ и струнами, „ду-таръ“ и „си-таръ“, двухъ и трехъ-струнныя гигары,—наконецъ, былъ „рабабъ“, многострунный инструментъ, выдолбленный изъ цѣльнаго орѣховаго бруска съ натянутой, вмѣсто деки, кожей.

Вскорѣ вошелъ ишанъ Этъ-йимасъ съ двумя своими наиболѣе приближенными муридами. Всѣ встали и почтительно привѣтствовали наставника рукопожатіемъ, послѣ чего, поглаживая бороды, садились. Когда раздался призывъ азанчи къ намазу „шамъ“ (четвертый дневной намазъ), всѣ встали на молитву. По окончаніи намаза началось угощеніе, на этотъ разъ не отличавшееся разнообразіемъ блюдъ, вѣроятно, потому, что виновникъ торжества не ѣстъ ничего, кромѣ „суюкъ-аша“ (родъ густого супа изъ рису). Всѣ наскоро поѣли и принялись за чай, а музыканты, настроивъ инструменты, принялись наигрывать тихо и довольно мелодично. Вскорѣ и чай сошелъ со сцены.

Ишанъ, съ котораго я не спускалъ глазъ, все больше и больше задумывался, то закрывая глаза, то опуская голову на грудь; было замѣтно, что музыка сильно дѣйствовала на него. Вскорѣ по лицу ишана заструились слезы; онѣ текли все обильнѣе и обильнѣе; старикъ началъ понемногу впадать въ забытье и не сталъ то всхлипывать, не то произносить какія-то отрывочныя слова, мѣрно, въ тактъ музыкѣ, раскачиваясь туловищемъ направо и налѣво. Восторженное настроеніе ишана все усиливалось, и, когда экстазъ наступилъ вполнѣ, онъ знакомъ подозвалъ къ себѣ обоихъ муридовъ; остальные туземцы тоже подвинулись поближе и только музыканты продолжали грустно и однообразно наигрывать. Экстазъ ишана сообщился и остальнымъ; составился кругъ для зикра, человѣкъ 12. Здѣсь не было тѣхъ рѣзкихъ движеній, которыя наблюдаются у обыкновенныхъ „джагріа-кадріа“, не было и обычнаго громкаго съ хрипѣніемъ произнесенія эпитетовъ Божьихъ; всѣ тихо произносили слово „ху“—(Онъ, Сущій) и мѣрно покачивались. Скоро зикръ перешелъ въ рыданія; всѣ присутствующіе лили слезы, а ишанъ плакалъ навзрыдъ горючими слезами. Что оплакивали эти люди, было непонятно, но сцена эта производила глубокое впечатлѣніе и на непосвященнаго въ тайны ордена „ишкыя-султанія“. Ишанъ на колѣніяхъ двинулся по кругу, поочередно подходя къ каждому изъ „закировъ“, составлявшихъ кругъ („халка“). Къ нему прикасались съ восторгомъ; онъ возлагалъ руки на присутствующихъ, какъ бы благославляя ихъ; отъ него, видимо,

ждали передачи благодати черезъ прикосновеніе. Наконецъ, ишанъ, не поднимаясь съ колѣнъ, сложилъ руки для молитвы, и его примѣру тотчасъ послѣдовали всѣ присутствовавшіе; тихимъ растроганнымъ голосомъ и не по-арабски, а по тюркски произнесъ ишанъ нѣсколько молитвъ о прощеніи грѣховъ присутствующихъ, о благосостояніи дома, въ которомъ мы находились, о благополучіи хозяевъ и, наконецъ, о здоровьи моихъ дѣтей. Всѣ молились съ неподдѣльнымъ чувствомъ; музыка умолкла, а ишанъ взволнованный, утомленный, съ лицомъ, орошеннымъ слезами, тихо возвратился на свое мѣсто и снова погрузился въ забытье. Такъ какъ прислуга замѣшкалась, я предложилъ старику свой стаканъ чая, который онъ принялъ съ удовольствіемъ и съ жадностью выпилъ. Подали снова угощеніе, но гости, видимо, были глубоко потрясены и едва дотрогивались до пищи. Вскорѣ я оставилъ собраніе. Какъ мнѣ потомъ передавали, послѣ моего ухода ишанъ еще разъ впалъ въ экстазъ и совершилъ такое же радѣніе, „зикръ", какое происходило при мнѣ.

Уходя изъ собранія, туземцы подходили къ ишану, высказывали ему свои нужды и просили его молитвъ; за нѣкоторыхъ онъ молился вмѣстѣ съ присутствующими; другимъ отказывалъ въ молитвѣ. Мой джигитъ, неисправимый пьяница, просилъ ишана помочь ему избавиться отъ пристрастія къ спиртнымъ напиткамъ и Этъ-йимасъ не отказалъ ему въ его просьбѣ: всѣ присутствовавшіе совершили молитву о томъ, чтобы мой Усманъ не пилъ больше водки, и молитва ишана, вѣроятно была услышана, потому что послѣ этого мой слуга дѣйствительно вступилъ на путь трезвости.

Черезъ нѣсколько дней я еще разъ посѣтилъ домъ моего знакомаго сарта вмѣстѣ съ нѣсколькими русскими, заинтересовавшимися моимъ разсказомъ о зикрѣ Этъ-йимаса. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ или ишанъ былъ что называется не въ ударѣ, или его стѣсняло присутствіе зрителей, передъ которыми ему пришлось обнаруживать свой мистическій восторгъ, но только не было и тѣни той торжественности и искренности экстаза, которую мнѣ удалось наблюдать въ первый разъ. Въ кругъ собралось для зикра человѣкъ 30, поднялся шумъ, собраніе превратилось въ обыкновенное радѣніе дервишей—джагріатовъ и рыданія замѣнились произнесеніемъ на разные манеры эпитетовъ Божіихъ. Гостепріимный хозяинъ подъ конецъ совсѣмъ испортилъ все дѣло, предложивъ

намъ вмѣстѣ съ ишаномъ посмотрѣть на прибывшую изъ Самарканда труппу „маскарабазовъ“, туземныхъ скомороховъ. Ишанъ Этъ-йимасъ, со свойственнымъ ему добродушіемъ, согласился посмотрѣть на актеровъ. Мы вышли на террасу дома и подъ открытымъ небомъ прослушали нехитрое представленіе туземныхъ лицедѣевъ; муриды ишана, видимо, сочли такое зрѣлище для себя не подходящимъ, и остались въ гостиной (михманъ-хана), гдѣ происходилъ зиркъ. Въ числѣ актеровъ былъ 80-тилѣтній старикъ съ бѣлоснѣжной бородой; онъ всячески коверкалъ свое лицо и произвелъ на насъ тяжелое удручающее впечатлѣніе; на лицѣ сидѣвшаго вмѣстѣ съ нами ишана также можно было прочесть только одно состраданіе къ убѣленному сѣдинами старцу, на склонѣ лѣтъ потѣшавшему публику изъ-за куска насущнаго хлѣба.

Яздагумъ.

Проѣзжая по улицамъ туземнаго Ташкента, часто слышишь странные, почти нечеловѣческіе звуки массы голосовъ, исходящихъ точно изъ-подъ земли. Хриплый басовой хоръ однообразно подпѣваетъ звучному тенору пѣвца, произносящаго (часто фальцетомъ) ритмически раздѣленныя строфы это— „зикръ“, или произнесеніе имени Божія въ собраніи дервишей.

Обыкновенно собранія происходятъ въ мечетяхъ или же въ домѣ ишана, главенствующаго въ извѣстной группѣ дервишей того или другого суфійскаго ордена; въ рѣдкихъ случаяхъ толпа, наэлектризованная восторженнымъ радѣніемъ, продолжаетъ пѣніе и по выходѣ на улицу: впереди идетъ „хафизъ“, пѣвецъ, декламирующій нараспѣвъ стихи суфійскаго поэта, а сзади чинно слѣдуютъ остальные и, раскачиваясь изъ стороны въ сторону, однообразно произносятъ одинъ изъ 1001 эпитетовъ Божьихъ, или часть мусульманскаго символа: „Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, а Мухаммадъ посланникъ Бога“. Такое экстраординарное возбужденіе суфіевъ производитъ весьма сильное впечатлѣніе. Несмотря на то, что ученые туземцы вообще довольно скептически относятся къ дервишамъ „джагріа“, прославляющимъ Бога путемъ произнесенія Его эпитетовъ, не найдется, однако, человѣка, который рѣшился бы осудить поведеніе дервишей, переносящихъ религіозное упражненіе изъ мечети на улицу. Больше того: когда группа дервишей съ пѣніемъ проходитъ по улицѣ, изъ каждаго переулка присоединяются къ ней отдѣль-

ныя личности и толпа растетъ и растетъ, а встрѣчные даютъ дорогу „зокирамъ“, или влюбленнымъ, какъ называютъ себя дервиши. На непричастныхъ къ суфійству мусульманъ такое открытое проявленіе вѣры суфіевъ производитъ хорошее впечатлѣніе уже потому, что проходящіе слышатъ изъ устъ восторженныхъ прекрасныя имена Божіи.

Въ каждомъ суфійскомъ орденѣ чтится какое-нибудь число, имѣющее связь съ біографіей основателя ордена; такъ, орденъ Накшбандія, считающій своимъ основателемъ и покровителемъ погребеннаго въ Бухарѣ Хазратъ-Бага-уд-дина-Накшбанда, чтитъ число 7, потому что основатель ордена считалъ число это имѣющимъ особый тайный смыслъ и значеніе. Въ силу этого установился обычай, что когда кто-нибудь изъ послѣдователей Бага-уд-дина пожелаетъ поднести своему наставнику пожертвованіе, онъ долженъ поднести непремѣнно семь одинаковыхъ предметовъ, будь то скотъ, лепешки, одежда или деньги; стоимость каждаго предмета зависитъ отъ усмотрѣнія жертвователя. Въ орденѣ Кадріа, основателемъ котораго считается весьма популярный среди мусульманъ святой Гыясъ-уль-Агзамъ, такимъ счастливымъ числомъ считается 11, и подношенія сообразно съ этимъ дѣлаются по 11 предметовъ. Орденъ Кадрія празднуетъ 11-ое число мѣсяца Ашура; этотъ религіозный праздникъ дервишей называется „яздагумъ“ (по-персидски одиннадцатый).

Не всѣ ишаны ордена Кадріа соблюдаютъ обычай праздновать 11-ое число мѣсяца Ашура, но въ приходѣ махалля Джаркуча туземной части г. Ташкента этотъ день ежегодно отмѣчается большимъ религіознымъ собраніемъ Юсуфъ-Ходжи-Ишана. Самъ ишанъ, не старый еще человѣкъ (лѣтъ сорока), лѣтъ шесть тому назадъ получилъ посвященіе („иршадъ“) отъ своего отца, нынѣ умершаго, а тотъ былъ посвященъ въ орденъ Кадріа (джагрія и хуфія) Абдухалыкъ-Ходжей изъ Карши. Юсуфъ-Ходжа-Ишанъ отличается большой скромностью и, что очень рѣдко встрѣчается среди представителей суфійской интеллигенціи, добровольно обрекъ себя на безбрачіе, находя, что семейная жизнь не совмѣстна съ дервишскимъ подвижничествомъ. Своего имущества ишанъ также не имѣетъ, а живетъ въ небольшой кельѣ при мечети, гдѣ преподаетъ своимъ ученикамъ мусульманское богословіе и мистическое ученіе. По пятницамъ ишанъ руководитъ радѣніемъ дервишей въ Акъ-мечети, куда собирается до 150 человѣкъ.

Въ одну изъ майскихъ пятницъ зикръ приверженцевъ

Юсуфъ-Ходжи-Ишана, по случаю праздника „Яздагумъ“, происходилъ не въ мечети, а на дворѣ дома его брата, въ махалля Джаркуча. Съ полудня стали собираться „зокиры“ *) и „мухлисы“ **) ишана, между ними преобладали древніе старики, привели подъ руки даже недавно разбитаго параличемъ пятидесятника этого прихода (махалля). Всѣхъ „братьевъ“, какъ называютъ другъ друга суфіи, встрѣчалъ ишанъ съ одинаковымъ радушіемъ и каждый изъ входящихъ, пожавъ обѣими руками руки ишана и приложившись къ его рукамъ лбомъ, поглаживалъ свою бороду, произнося въ душѣ молитву о благополучіи хозяина. Ишанъ отвѣчалъ тѣмъ же, молясь за входящаго.

Родственники ишана старались оказать вниманіе входящимъ гостямъ и самыхъ почетныхъ изъ нихъ усаживали подъ навѣсъ въ глубинѣ двора, подавая имъ на подносахъ чай, хлѣбъ и сушеные фрукты; остальные усаживались на дворѣ, на разостланномъ подъ тѣнью громаднаго тута войлокѣ и также угощались чаемъ.

Когда собралось человѣкъ 70, то всѣ усѣлись въ кругъ (халька); кругъ, по понятіямъ мистиковъ, знаменуетъ и равенство, и безконечность. Въ сторонѣ расположились пѣвцы-хафизы съ книгами въ рукахъ. Каждый хафизъ имѣетъ при себѣ сборникъ лучшихъ произведеній суфійскихъ поэтовъ, произведенія которыхъ декламируются въ дервишскихъ собраніяхъ какъ можно выше и какъ можно громче. Такъ какъ одинъ человѣкъ не въ силахъ долго держаться исключительно на высокихъ нотахъ, то хафизовъ на зикрахъ всегда присутствуетъ нѣсколько, чтобы можно было смѣнить уставшаго пѣвца.

Зикръ въ 11-ый день Ашура отличался отъ обыкновенныхъ радѣній только большимъ возбужденіемъ „зокировъ“, экзальтація которыхъ, усиливалась и большимъ собраніемъ братьевъ, и особымъ значеніемъ чествуемаго дня.

Въ углу двора хлопотали надъ приготовленіемъ въ большомъ котлѣ популярнаго среди дервишей кушанья „халимъ“, являющагося традиціоннымъ угощеніемъ на собраніяхъ суфіевъ. Кушанье это весьма древнее: въ „Исторіи Бухары“ Наршахи, при описаніи большого пожара, уничтожившаго большую часть Бухары, въ мѣсяцѣ Раджабъ 325 г. хиджры (937 г.

---

*) Произносящій (имя Божіе).

**) Искренній, почитатель ишана.

по Р. Хр.) упоминается, что пожаръ начался изъ лавки, гдѣ приготовлялся халимъ. Для „халима“ употребляется немолотая пшеница и баранина; въ данномъ случаѣ въ котелъ было положено мясо отъ четырехъ барановъ и 5 пудовъ пщеницы. Пшеница долго варится вмѣстѣ съ мясомъ въ закрытомъ котлѣ и часовъ черезъ пять обращается въ кисель съ большими кусками баранины.

Описываемое собраніе продолжалось съ 12 ч. дня до 5 ч. вечера и присутствовавшіе подъ конецъ очень утомились. Въ заключеніе была совершена молитва и кругъ распался на отдѣльныя группы принявшихся за халимъ зокировъ.

Рамазанъ

(мусульманскій постъ).

Ежегодно наши туркестанскіе мусульмане вмѣстѣ съ прочими своими единовѣрцами, въ теченіе мѣсяца Рамазана исполняютъ оригинальный по своимъ пріемамъ постъ „руза“.

Подъ именемъ поста мусульмане разумѣютъ воздержаніе постящагося отъ пищи, питья, куренія и супружескихъ сношеній въ теченіе дня, отъ перваго проблеска утренней зари до наступленія вечерней темноты; съ наступленіемъ послѣдней постящемуся разрѣшается безъ всякихъ ограниченій все, отъ чего онъ воздерживался днемъ. Такимъ образомъ мусульманскій постъ рѣзко отличается отъ христіанскаго, долженствующаго, при помощи физическаго воздержанія, способствовать нравственному возвышенію человѣка; тѣмъ не менѣе, посту въ мѣсяцъ Рамазанъ мусульмане приписываютъ значеніе весьма богоугоднаго дѣла: „для Бога,—говорится въ одномъ изъ преданій,—дурной запахъ изо рта постящагося пріятнѣе запаха мускуса“.

Постъ въ мѣсяцъ Рамазанъ (сауму-ги-шагри Рамазанъ) обязателенъ для всѣхъ послѣдователей Мухаммада, онъ заповѣданъ въ Коранѣ, *) гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ указано и опредѣленное время для исполненія этого поста—девятый мѣсяцъ луннаго года. Поэтому начало поста каждый годъ отступаетъ назадъ на 11 дней сравнительно со счетомъ по солнечному календарю, который принятъ у европейскихъ народовъ.

Мусульмане соблюдаютъ въ году только одинъ постъ—въ мѣсяцъ Рамазанъ; они считаютъ его весьма древнимъ Боже-

*) Коранъ, гл. 2 ст. 179.

ственнымъ установленіемъ и находятъ, что это своеобразное воздержаніе днемъ и разрѣшеніе всего ночью душеспасительнѣе и строже, чѣмъ постъ христіанскій.

Ссылаясь на преданія, а также на слова Корана: „Вамъ предписанъ постъ, какъ онъ предписанъ тѣмъ, которые были прежде васъ“, мусульмане считаютъ, что они постятся тѣмъ именно постомъ, какой издревле былъ заповѣданъ Богомъ всѣмъ народамъ, въ томъ числѣ и христіанамъ; всѣ народы отступили отъ поста въ мѣсяцъ Рамазанъ, и только они, мусульмане, твердо исполняютъ предписанное Богомъ.

Другія религіи не придерживались для поста непремѣнно мѣсяца Рамазана, а потому приведенное выше выраженіе Корана слѣдуетъ принять за простую ссылку Мухаммада на то, что устанавливаемый имъ для своихъ послѣдователей постъ не есть новость, такъ какъ и прежде посты соблюдались другими народами. Евреи постились, между прочимъ, въ 10-ый день седьмого мѣсяца (тисри) іудейскаго года; соотечественники и современники Мухаммада постились въ 10-ый день перваго въ арабскомъ году мѣсяца Мехаррама; слѣдуетъ допустить, что и Мухаммадъ въ первую половину своей жизни, до начала религіозной пропаганды, вмѣстѣ съ корейшитами постился въ 10-ый день перваго мѣсяца. Вооруживъ противъ себя корейшитовъ, Мухаммадъ бѣжалъ въ Медину, гдѣ и занялся болѣе точнымъ опредѣленіемъ обрядовой стороны своей новой вѣры. При этомъ нельзя было обойтись безъ поста, такъ какъ иначе новая вѣра не привлекла-бы прозелитовъ. Іудеи соблюдали постъ по закону Моисея; арабы-язычники находились подъ ихъ вліяніемъ и вотъ, Мухаммадъ сначала устанавливаетъ для своихъ послѣдователей одновременный съ еврейскимъ постъ „гашура“ (что значитъ— десять, десятый день). Видя, что эта уступка іудеямъ не привлекла къ нему прозелитовъ изъ среды этого народа, а многіе арабы негодовали на него за подражаніе, Мухаммедъ опять таки изъ политическихъ расчетовъ измѣняетъ начало поста, и въ 623—624 гг. по Р. Х. мусульманскій постъ совпадаетъ съ постомъ христіанъ. Такой-же сорокадневный постъ мусульмане соблюдали и въ 625 году, при чемъ въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, 25 апрѣля, былъ установленъ мусульманскій праздникъ (гайду-ль-фитръ). Лишь въ 626 году Мухаммадъ окончательно установилъ постъ въ мѣсяцъ Рамазанъ (Коранъ, гл. 2 ст. 181), сократилъ число дней поста до тридцати, что-бы навсегда по времени отдѣлить постъ своихъ послѣдователей отъ

поста христіанскаго. Мѣсяцу Рамазанъ мусульмане приписываютъ особое значеніе; въ этотъ мѣсяцъ, говорятъ они, ниспосланъ Коранъ и вообще Богъ ниспосылаетъ людямъ наибольшее число милостей. У древнихъ же арабовъ мѣсяцъ этотъ назывался „натыль“ или „микьяль“, по имени сосуда для питья вина, которое арабы принимались пить именно въ этотъ мѣсяцъ. Когда впослѣдствіи перемѣнили названіе мѣсяцевъ, то мѣсяцъ „натыль“ получилъ названіе Рамазанъ по причинѣ сильнаго зноя*), которымъ онъ въ тотъ годъ отличался.

Христіанскій постъ является духовно-нравственнымъ подвигомъ покаянія и потому наша церковь при помощи особо установленныхъ церковныхъ службъ и молитвъ приготовляетъ души вѣрующихъ къ раскаянію. Мусульмане съ отличающимъ ихъ религію формализмомъ и въ постѣ главное вниманіе сосредоточиваютъ на мелочномъ исполненіи обрядностей. По дѣлаемымъ въ каждомъ мусульманскомъ домѣ приготовленіямъ къ посту можно подумать, что обитатели дома будутъ предаваться какому-то обязательному и продолжительному чревоугодію. Очистивъ домъ свой, закупивъ новую обувь и матеріи для платья, каждый мусульманинъ на послѣднія деньги старается заготовить на мѣсяцъ поста какъ можно больше съѣстныхъ припасовъ, чтобы семья его и приходящіе гости не имѣли ни въ чемъ недостатка ночью послѣ посвященнаго воздержанію длиннаго дня.

Далѣе опять формальность. Чтобы постъ былъ законнымъ каждый мусульманинъ наканунѣ дня, въ который приходится начать постъ Рамазанъ, необходимо долженъ вслухъ или мысленно произнести особо установленное намѣреніе (нійятъ), выражаемое непремѣнно словами: „я вознамѣрился поститься постомъ мѣсяца Рамазана отъ утренней зари до заката солнца, единственно ради Бога Всевышняго“. Постъ незаконенъ, если ему не предшествовало произнесеніе „нійята“, а своевременно произнести это намѣреніе бываетъ иногда трудно, въ особенности, если въ первый вечеръ Рамазана не видно луны и нельзя рѣшить—будетъ ли завтра первый день Рамазана или послѣдній день предыдущаго мѣсяца Шагбана. Начать постъ однимъ или двумя днями раньше тоже запрещается; слѣдовательно, остается или начинать постъ за три дня (болѣе 2-хъ), или же поститься и въ день сомнѣнія (яуму-ги-шакъ), который

*) Сильный зной по-арабски—„рамадъ-харръ“.

навѣрное нельзя отнести ни къ Шагбану, ни къ Рамазану. Такъ и дѣлаетъ большинство мусульманъ, чтобы не попасть въ просакъ и не лишиться великихъ наградъ за точное исполненіе всѣхъ предписанныхъ для поста формальностей. Всякій, кто увидѣлъ вечеромъ луну наступающаго мѣсяца Рамазана, долженъ начать постъ съ слѣдующаго же утра, хотя бы другіе и не послѣдовали его примѣру. При облачномъ небѣ достаточно свидѣтельства одного лица, хотя-бы то былъ рабъ, или женщина *), что луна имъ замѣчена; если же небо было безоблачно, то требуется подтвержденіе большаго числа лицъ. По обычаю, до сихъ поръ придерживаются такого опредѣленія начала Рамазана, несмотря на возможность точныхъ астрономическихъ наблюденій.

Увѣрившись, наконецъ, что завтра должно приступить къ посту, мусульмане собираются въ мечеть, чтобы совершить особую молитву „салатъ-таравихъ", и, вернувшись домой, вкушаютъ пищу, послѣ чего произносятъ намѣреніе съ завтрашняго дня начать поститься. Въ Ташкентѣ молитву передъ постомъ совершаютъ въ мечети въ присутствіи народныхъ судей, которые какъ бы свидѣтельствуютъ о правильности начала поста.

Съ появленіемъ утренней зари мусульманинъ долженъ начать постъ, т. е. абсолютно воздерживаться отъ пищи и питія. Если постящійся поѣстъ или напьется намѣренно, не по ошибкѣ, не по забвенію и не насильно, то постъ считается нарушеннымъ. Въ такомъ случаѣ необходимо вознагражденіе поста (каза) и раздача очистительной милостыни (кяфаратъ). Нарушившій постъ намѣренно долженъ за каждый день поста поститься 60 дней или раздать 60-ти нищимъ пищу на одинъ день, или освободить раба, если таковаго имѣетъ.

Постящемуся приходится твердо держать, въ памяти всѣ наставленія, перечисляющія случаи нарушенія поста. Здравый смыслъ помочь здѣсь не можетъ, надо помнить всѣ формальности и исполнять ихъ подъ опасеніемъ, вмѣсто неисчислимыхъ наградъ за формально исполненный постъ, подвергнуться осужденію. Постъ нарушенъ, если человѣкъ постящійся проглотитъ маленькій камушекъ, орѣшекъ или кусочекъ желѣза. Значительная рвота, при чемъ отдѣленія наполнили весь ротъ, ведетъ тоже къ нарушенію поста. Постящемуся запрещается проглатывать частицы пищи, засѣвшія въ зубахъ, если онѣ величиной съ горошинку или крупнѣе ея. Постъ нарушенъ, если

*) Во всѣхъ другихъ случаяхъ показаніе двухъ женщинъ или двухъ рабовъ соотвѣтствуетъ по степени достовѣрности показанію одного мужчины.

человѣкъ проглотитъ маленькое зернышко съ цѣлью утолить свой голодъ, или проглотитъ слюну, накопившуюся во рту. Отвѣдываніе пищи безъ нужды, куренье и жеванье табаку— воспрещается. Постящемуся нельзя даже купаться и втягивать въ себя запахъ душистыхъ веществъ. Постъ нарушается также, если постящійся намѣренно проглотитъ муху (кому можетъ придти въ голову такое намѣреніе?), снѣжинку (зимой) или каплю дождя (лѣтомъ), потому что, зажавъ крѣпче ротъ, человѣкъ можетъ себя предохранить отъ этого. Во время поста равнымъ образомъ нельзя принимать лѣкарства и имѣть сношенія съ женщиной, при чемъ, однако, страстные взгляды на женщину поста не нарушаютъ *). Для стариковъ старше 50 лѣтъ время обязательнаго поста сокращается; беременнымъ и кормящимъ грудью женщинамъ, больнымъ и путешествующимъ разрѣшается не поститься. За все это необходимо отпоститься въ другое время или откупиться раздачей милостыни. Только несовершеннолѣтніе и умалишенные вовсе освобождаются отъ поста. Женщинамъ въ періодъ мѣсячныхъ очищеній разрѣшается не поститься съ замѣной поста въ другое время. Если человѣкъ подвергся обмороку, продолжавшемуся нѣсколько дней, то первый день обморока присчитывается къ общему числу дней поста, ибо человѣкъ наканунѣ произнесъ формулу намѣренія поститься слѣдующій день (нійятъ); послѣдующіе же дни обморочнаго состоянія къ посту не присчитываются потому, что человѣкъ въ состояніи обморока не могъ высказать намѣренія, обязательно требуемаго для законности поста.

Неестественно и безсмысленно тяжелый день поста прошелъ и физіономія каждаго мусульманина дышетъ восторгомъ— можно, наконецъ, удовлетворить голодъ и жажду. Всѣ спѣшатъ исполнить молитву, чтобы затѣмъ въ теченіе цѣлой ночи предаваться пиршествамъ и разгулу, вкушая всѣ прелести земной жизни, какъ-бы въ награду за испытанныя днемъ мученія, тщательно, впрочемъ, скрываемыя мусульманами.

Особенно торжественно проводятъ ночи Рамазана жители Константинополя. Тамъ совершается противорѣчащее духу Ислама цѣлованіе плаща Мухаммада и поклоненіе двумъ его зубамъ, выбитымъ во время Оходской битвы съ жителями Мекки въ 624 году по Р. Х. Зданія и улицы роскошно иллюминуются и мусульмане предаются всевозможнымъ развле-

*) За естественное сношеніе съ женщиной и педерастію полагается вознагражденіе поста и очистительная милостыня.

ченіямъ. Въ Ташкентѣ мусульмане тоже весело проводятъ ночи Рамазана, собираясь въ чайныхъ лавкахъ на большомъ базарѣ, разъѣзжая на извозчикахъ и прогуливаясь по улицамъ; всякій отдыхаетъ ночью, чтобы съ утра вновь предаться оригинальному воздержанію.

Въ послѣдній день поста мусульмане снова озабочены: имъ нужны достовѣрныя свидѣтельства, что мѣсяцъ Рамазанъ истекъ и постъ можно завтра прекратить. Въ этомъ случаѣ уже недостаточно показанія одного человѣка тѣмъ болѣе, женщины или раба: необходимо, чтобы о появленіи новой луны наступающаго мѣсяца Шевалля засвидѣтельствовали двое мужчинъ или 1 мужчина и 2 женщины.

Начало праздника (аид-уль-фитръ) ознаменовывается высказываемымъ въ молитвахъ сожалѣніемъ, что Рамазанъ прошелъ; насколько искренно повторяютъ за имамомъ слова молитвы этой прихожане, предоставляемъ судить каждому, кто самъ испыталъ голодъ и жажду.

Таковъ-то мусульманскій постъ, не имѣющій ничего общаго съ установленнымъ нашей церковью воздержаніемъ съ цѣлью духовнаго усовершенствованія. Религія Мухаммада обставляетъ человѣка во время поста мелочными формальностями и совершенно игнорируетъ заботу объ очищеніи духа покаяніемъ и благочестивыми размышленіями.

Ночь предопредѣленій.

„Шабъ-и-баратъ“, „баратъ-кичасы“, такъ зовутъ наши туземцы „ночь предопредѣленій“, наканунѣ праздника Шаабанъ, 15-го числа 8-го мѣсяца. Въ мечетяхъ въ эту ночь послѣ вечерняго намаза „гуфтанъ“ совершаются особыя моленія въ 100 ракаатовъ, съ чтеніемъ въ каждомъ ракаатѣ одинъ разъ 1-ой главы корана „Начало священной книги“ и 10 разъ главы 112-й „Чистое исповѣданіе“; менѣе набожные читаютъ только 12 и даже 10 ракаатовъ молитвы. Нѣкоторые ишаны собираютъ къ себѣ въ эту ночь муридовъ для особаго моленія, приготовляютъ для приходящихъ угощеніе и получаютъ отъ своихъ учениковъ соотвѣтствующія приношенія; эти сборища у ишановъ въ ночь предопредѣленій придуманы недавно и въ религіозныхъ книгахъ мусульманъ о нихъ не говорится.

Простой народъ гадаетъ въ эту ночь о продолжительности жизни. Желающій узнать, проживетъ-ли онъ годъ до слѣдую-

щей „шабъ-и-баратъ“ долженъ посмотрѣть на тѣнь, которая падаетъ отъ его собственнаго тѣла, освѣщеннаго полной луной; сарты вѣрятъ, что тѣнь того, кому не суждено дожить до слѣдующей „баратъ-кичасы“, бываетъ безъ головы. Ученые туземцы смѣются надъ этимъ повѣрьемъ, но и они вѣрятъ, что въ ночь предопредѣленій на небѣ составляется подробный списокъ того, что кому должно быть послано въ теченіе предстоящаго года: кому богатство, кому бѣдность, кому счастье, кому несчастіе,— все это рѣшается и записывается по повелѣнію Божіему въ ночь предопредѣленій, а потомъ исполняется съ буквальной точностью. Это вѣрованіе основано на стихахъ 2 и 3 главы „Дымъ“ (44) Корана, гдѣ сказано: „Мы ниспослали его (писаніе) въ одну благословенную ночь, во время которой раздаются всѣ мудрыя повелѣнія“.

Фидія.

У сартовъ Туркестанскаго края существуетъ обычай „фидія“—расплаты за неисполненныя религіозныя обязанности (фарзъ), очень напоминающій принятую въ римско-католической церкви раздачу за плату индульгенцій.

Независимо отъ замѣны поста раздачею милостыни (каза), всякій мусульманинъ можетъ на смертномъ одрѣ разсчитаться за свои неисправности въ отношеніи исполненія установленныхъ молитвъ (намаза) и соблюденія поста (руза). Въ книгахъ „Раддуль-Мухтаръ“ и „Джамуррамуръ“ имѣются подробныя указанія, что должны дѣлать наслѣдники умершаго для избавленія его отъ послѣдствій неисправнаго исполненія молитвъ.

Если умретъ мусульманинъ, говорится въ этихъ книгахъ, который при жизни не исполнилъ въ точности всѣхъ своихъ религіозныхъ обязанностей по отношенію намаза и поста, и если имъ было завѣщано, что за каждую неисполненную во время молитву и за каждый день, пропущенный во время поста, наслѣдники обязываются сдѣлать „фидію“, то наслѣдникамъ надлежитъ выполнить это завѣщаніе на счетъ одной трети имущества, оставшагося послѣ умершаго.

„Фидія“ должна быть выполнена, по возможности, до погребенія умершаго. За каждый пропущенный во время поста день или неисполненную своевременно молитву надлежитъ раздать бѣднымъ въ милостыню зерномъ или мукою $4^1/_4$ ф. пшеницы или $8^1/_2$ ф. ячменя; въ случаѣ надобности зерно или мука могутъ быть замѣнены $8^1/_2$ ф. финиковъ или изюма, а раздача

продуктовъ бѣднымъ въ натурѣ можетъ быть замѣнена уплатою соотвѣтствующаго ихъ стоимости количества денегъ.

Чтобы опредѣлить общее количество „фидіи“, необходимо прибѣгнуть къ слѣдующему расчету: изъ возраста умершаго вычесть 12 лѣтъ для мужчины и 9 лѣтъ для женщины *) и затѣмъ вычислить, сколько было пропущено молитвъ (считая по шести въ день), и дней поста, полагая ежегодно по одному мѣсяцу поста въ 30 дней. Когда число подлежащихъ оплатѣ молитвъ и постныхъ дней будетъ опредѣлено, слѣдуетъ вычислить количество продуктовъ, причитающихся въ фидію, или ихъ стоимость, и раздать бѣднымъ эту сумму изъ трети оставшагося по смерти покойнаго наслѣдства.

Если наслѣдство настолько незначительно, что нѣтъ возможности сразу внести всю сумму вычисленной вышеуказаннымъ способомъ „фидіи“, то разрѣшается исполнить эту обязанность слѣдующимъ образомъ: изъ всего подлежащаго оплатѣ времени выдѣляютъ нѣсколько лѣтъ или мѣсяцевъ, и слѣдуемую за этотъ періодъ „фидію“ передаютъ какому-нибудь бѣдняку; бѣднякъ, принявъ продукты или ихъ стоимость, въ свою очередь даритъ ихъ наслѣдникамъ умершаго; они снова передаютъ тѣ-же продукты или деньги бѣдняку за слѣдующій періодъ жизни умершаго, чтобы вновь получить отъ него уплаченное въ даръ (хиба); путемъ такой послѣдовательной передачи, однимъ и тѣмъ же количествомъ продуктовъ или одной и той же суммой денегъ, оплачиваются всѣ пропущенныя покойнымъ молитвы и постные дни.

Можетъ случиться, что умершій настолько бѣденъ, что въ распоряженіи наслѣдниковъ совершенно не окажется имущества, которое они могли бы передать бѣдняку; въ такомъ случаѣ разрѣшается занять $^1/_2$ саха ($4^1/_4$ ф.) зерна, чтобы сдѣлать „фидію“. Если покойный не оставилъ завѣщанія, то наслѣдники могутъ сдѣлать „фидію“ и по своему почину, но въ такомъ случаѣ для нихъ обязательно при каждой передачѣ упоминать, что „фидія“ дается за такого-то, сына такого-то, а принимаемый „фидію“ бѣднякъ каждый разъ долженъ изъявить свое согласіе на принятіе „фидіи“.

Въ этомъ оригинальномъ способѣ освобожденія умершаго онъ отвѣтственности за неисполненіе при жизни предписанныхъ религіей формальныхъ обязанностей поражаетъ не самая мысль избавить покойнаго отъ осужденія въ загробной жизни, а та,

*) Возрастъ, до достиженія котораго исполненіе религіозныхъ обязанностей не считается обязательнымъ у мусульманъ.

поистинѣ торгашская, мелочность мусульманскихъ толковниковъ шаріата, которая подсказала имъ, какъ методъ для вычисленія пропусковъ въ испол неніи религіозныхъ обязанностей, такъ въ особенности остроумный способъ расплаты при недостаточности средствъ.

„Талабъ".

(Сборъ подаяній въ день праздника „Руза-Майрамъ").

Томительно тянутся для мусульманина дни поста Рамазанъ, немало приходится ему провести тяжелыхъ часовъ въ голодѣ и жаждѣ; необычный ходъ жизни съ превращеніемъ ночи въ день истощаетъ постящихся, всѣ ходятъ раздраженные и апатичные, работа на умъ нейдетъ, и нѣтъ, нѣтъ да возропщетъ правовѣрный на тяжесть религіознаго требованія, заставляющаго голодать днемъ и питаться ночью, когда хочется не ѣсть, а спать. Наконецъ, наступаетъ утро перваго дня праздника „Руза-Майрамъ" Дневной свѣтъ едва забрежжилъ, а уже въ каждомъ домѣ всѣ на ногахъ; всѣ поднялись съ пріятнымъ сознаніемъ, что испытаніе пройдено, что сегодня конецъ голодовкѣ, что жизнь вступаетъ въ свою обычную колею. Изъ сундуковъ достаются лучшія одежды, обыкновенно сшитыя къ годовому празднику на всѣхъ членовъ семьи, и каждый мусульманинъ спѣшитъ въ ту „намазга" (мечеть для праздничныхъ моленій), гдѣ онъ привыкъ совершать праздничный намазъ. Въ туземной части Ташкента наибольшее число молящихся собирается въ этотъ день въ трехъ мѣстахъ: въ такъ называемой, царской мечети Джамъ соборной *), на мазарѣ Шейхъ-ванъ-тауръ и на мазарѣ Хазретъ-Имамъ, въ Сибзарской части. Только тѣ, кто живетъ слишкомъ далеко отъ этихъ мѣстъ, творятъ праздничный намазъ въ одной изъ близлежащихъ мечетей.

Живя съ семьей въ отдаленной отъ русскаго города части азіатскаго Ташкента, я изо дня въ день былъ свидѣтелемъ всѣхъ подробностей исполненія туземцами поста. По ночамъ я иногда посѣщалъ ту часть базара, гдѣ преимущественно проводятъ время въ ночныхъ развлеченіяхъ оригинальные постники, и видѣлъ не разъ, какъ за часъ до разсвѣта, по сигналу туземныхъ музыкантовъ, толпа расходилась по домамъ, чтобы поѣсть въ послѣдній разъ передъ восходомъ солнца и приготовиться

*) Царской зовутъ эту большую мечеть потому, что на возобновленіе ея пожалованы средства Императоромъ Александромъ III.

къ дневному посту. Если не пойдешь на базаръ, то терзающіе слухъ звуки туземныхъ артистовъ все равно разбудятъ во второмъ часу ночи: одинъ изъ сигнальныхъ пунктовъ для кукчинской части былъ устроенъ на крышѣ мадрасса Шарафій-бай, рядомъ съ моей квартирой; проснешься, слушаешь полчаса дробь маленькихъ глиняныхъ барабановъ и переливы сурнай*) и вновь засыпаешь подъ игру дикаго оркестра.

Когда наканунѣ праздника пришли ко мнѣ народные судьи сказать, что завтра кончается постъ, я рѣшилъ побывать на праздничной молитвѣ мусульманъ.

Въ пять часовъ утра я направился верхомъ къ Царской мечети. Подъѣхать къ ней оказалось невозможнымъ, такъ какъ улицы близь мечети были запружены толпой народа. Пришлось оставить лошадь и идти пѣшкомъ. Вся узкая и кривая улица, идущая отъ большого базара мимо мечети, была сплошь устлана плетенками (буйра), небольшими ковриками (джай-намазъ) и халатами. Каждый молящійся приноситъ для себя подстилку, стелетъ ее на землю, а позади ставитъ снятыя калоши. Какъ ни велика мечеть (она вмѣщаетъ до 5 тысячъ человѣкъ), но въ праздничные дни въ ней не хватаетъ мѣста для всѣхъ прихожанъ и пришедшіе позже вынуждены располагаться для молитвы на улицѣ, вблизи входа въ мечеть. Осторожно пробравшись между молящимися, я вошелъ въ мечеть и меня поразила представившаяся моимъ глазамъ величественная картина. Обширная мечеть не умѣстила подъ своими сводами и двадцатой части всѣхъ молящихся; они расположились рядами во внутреннемъ дворикѣ, въ сводчатыхъ нишахъ боковыхъ и заднихъ галлерей и даже на крышахъ крытыхъ переходовъ. Мужчины были разодѣты по-праздничному, а женщины и тутъ оставались въ своей всегдашней сѣрой одеждѣ. Онѣ помѣщались въ самомъ дальнемъ углу мечети и на крышѣ; въ общемъ праздничномъ моленіи онѣ не участвуютъ и имъ только для праздника разрѣшается присутствовать при молитвѣ; въ другое время мнѣ не случалось видѣть женщинъ даже на крышѣ галлерей мечети.

По серединѣ мечети—сложенное изъ кирпича возвышеніе, нѣчто вродѣ кіоска; сводчатые входы ведутъ въ него съ четырехъ сторонъ, а на верху площадка, осѣненная растущимъ тутъ же деревомъ. На этомъ возвышеніи мѣсто „суфи“, передающаго прихожанамъ возгласы имама или „хатиба“, а также ука-

*) Родъ гобоя

зывающаго собственнымъ примѣромъ, когда кончаются ракааты молитвы и когда слѣдуетъ пасть ницъ, припавъ на нѣсколько секундъ къ землѣ и положивъ лицо на распростертыя ладони рукъ. Вся пятитысячная толпа молящихся истово продѣлываетъ всѣ движенія, какъ одинъ человѣкъ. Стоятъ люди, потомъ всѣ сразу поднимаютъ руки до висковъ, склоняются на колѣна и затѣмъ, точно скошенные, падаютъ ницъ; нѣсколько секундъ— и всѣ вновь стоятъ въ безмолвномъ благоговѣніи. Нуженъ мусульманскій фанатизмъ, нужна увѣренность, что только исполняя „фарзъ“ намаза можно достичь райскаго блаженства, чтобы съ такимъ формализмомъ выполнять молитвенныя движенія. Сознаешь, что это—одна обрядность, видишь, что здѣсь нѣтъ лицъ орошенныхъ благоговѣйными слезами восторга, но тѣмъ не менѣе картина молящейся массы мусульманъ производитъ неизгладимое впечатлѣніе.

Осмотрѣвшись въ мечети, я былъ пораженъ, увидѣвъ на возвышеніи, рядомъ съ суфи, еще какую-то загадочную фигуру. Голова стоявшаго тамъ человѣка покрыта была остроконечнымъ краснымъ колпакомъ „каляндара“ (странствующаго монаха), но виденъ былъ только самый конусъ, расшитый какими-то узорами, все-же туловище до колѣнъ, было покрыто большимъ армячиннымъ мѣшкомъ, вродѣ тѣхъ каповъ, въ которыхъ возятъ шерсть. Грубая матерія стояла коломъ, скрывая формы оригинальнаго прихожанина соборной мечети. Предположивъ, что я вижу предъ собой одного изъ юродивыхъ (дивана), я ожидалъ, что загадочный ряженый выкинетъ, ко всеобщему соблазну правовѣрныхъ, какую-нибудь неподходящую штуку; однако, закутанный въ мѣшокъ человѣкъ такъ-же истово молился, какъ и всѣ другіе. Я обратился къ близъ стоящему полицейскому, но онъ въ отвѣтъ мнѣ произнесъ только одно слово „талабчи“, которое ничего мнѣ не разъяснило; вспомнилъ я только, что на арабскомъ языкѣ слово „талабъ“ означаетъ требованіе, а, слѣдовательно, „талабчи“ можно перевести—требующій, требователь.

Кончилась молитва, прочли отдѣльную молитву за Царя и „талабчи“ сошелъ по приставленной лѣстницѣ вмѣстѣ съ суфи съ возвышенія и вышелъ изъ мечети. Большинство молившихся торопливо оставили мечеть, но по срединѣ дворика собралась кучка народа, въ которой я разсмотрѣлъ извѣстнаго туземнаго адвоката Исламъ-Хальфа изъ махалля Гульбазаръ. Я подошелъ къ нимъ и увидѣлъ въ серединѣ круга двѣ кучи: одну—лепе-

шекъ, другую, поменьше,—мѣдныхъ денегъ. Вскорѣ подошелъ „талабчи“, къ которому Исламъ-Хальфа обратился съ выраженіемъ извиненія, что сборъ не великъ. Монахъ принялъ позу для молитвы, близъ стоящіе тоже опустились на колѣни и вслѣдъ за закутаннымъ субъектомъ прочли небольшую молитву. Затѣмъ „талабчи“ навьючилъ на себя хлѣбъ, собралъ въ платокъ деньги и удалился.

Присутствующіе объяснили мнѣ, что „талабъ“,—это особый родъ обращенія къ общественной благотворительности. Обычай этотъ весьма древній и теперь уже почти выводится; въ былыя же времена нуждающійся въ извѣстной суммѣ денегъ на какой-либо богоугодное дѣло, на паломничество въ Мекку или даже просто на уплату неотложныхъ долговъ рисковалъ въ годовые праздники обращаться къ помощи своихъ согражданъ. Рисковалъ потому, что было принято передъ сборомъ объявлять ту сумму, какую желательно собрать, а по окончаніи сбора деньги пересчитывались, становилось извѣстно, достигъ-ли сборщикъ своей цѣли. Если къ сбору приступалъ всѣми уважаемый, извѣстный благочестивой жизнью, но временно постигнутый несчастіемъ человѣкъ, или если это былъ безкорыстный сборщикъ на благое дѣло, деньги и хлѣбъ ручьемъ лились въ его полу, и онъ собиралъ даже больше, чѣмъ самъ назначилъ; если-же личныя качества или задуманное дѣло не встрѣчало сочувствія общества, то „талабчи“ давали такъ мало, что назначенная имъ сумма оказывалась не собранною. Въ такихъ случаяхъ толпа осмѣивала неудачника: его сажали задомъ на передъ на ишака и возили по городу на посмѣшище всѣмъ. Въ наше время „талабъ“ случается видѣть крайне рѣдко и уже никому нѣтъ дѣла до того, сколько собрано денегъ; осталась только форма одежды для сборщика, который долженъ скрывать свое лицо до окончанія сбора. чтобы съ одной стороны, пощадить самолюбіе просящаго подаяніе, а съ другой — дать возможность всякому желающему подать свою лепту, какъ-бы незначительна ни была цѣнность подаянія. Сартъ настолько расчетливъ, что и копѣйку дать ему кажется много; лепешки, которыя, по обычаю раздаются въ праздникъ, дѣлаются изъ самой плохой муки, плохо выпечены, чтобы казались тяжелѣе, и по величинѣ ровно въ четверо меньше обыкновенныхъ копѣечныхъ лепешекъ; неудивительно, поэтому, что благотворитель посовѣстился-бы положить въ полу сборщика такую ничтожную лепту, если-бы глаза сборщика не были на-глухо завѣшаны армя-

чинной тканью. Сборщикъ, котораго я встрѣтилъ въ мечети, оказался монахомъ, „каляндарь“, изъ той группы разодѣтыхъ въ причудливые костюмы дервишей, которые ходятъ по улицамъ и хоромъ распѣваютъ мусульманскій символъ вѣры: „Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, и Мухаммадъ—Его пророкъ“, получая за это милостыню. Монахи эти, которыхъ въ Ташкентѣ человѣкъ до тридцати, дѣйствуютъ сообща и живутъ артелью, подъ главенствомъ наставника (пира или тюри), который пользуется большимъ почетомъ, ведетъ замкнутую, но вполнѣ обезпеченную жизнь, и по улицамъ съ пѣснями не ходитъ, а участвуетъ въ предпріятіи скорѣе какъ антрепренеръ. За годъ до описываемаго мною дня старый „тюря“ календарей умеръ, и достоинство „пира“ отъ отца наслѣдственно перешло къ сыну, еще молодому человѣку. Всѣ собраннныя подаянія монахи сдаютъ своему „пиру“, а онъ даетъ имъ пристанище въ принадлежащей ему „календарь-ханѣ“ и пищу, которая, какъ говорятъ, желудковъ этихъ людей никогда не переполняетъ; діэта входитъ въ программу монашескихъ подвиговъ. Судя по величинѣ кучки денегъ, „талабчи“ удалось собрать не болѣе 50-ти рублей, да пуда 4 хлѣба, но все-таки и эту сумму, вѣроятно, „пиръ“ принялъ съ благодарностью.

Я старался добиться, на чемъ основаны сборы „талабъ“, но туземные законовѣды и даже самъ „тюря“, выславшій на сборъ монаха, не могли мнѣ указать соотвѣтствующихъ постановленій въ книгахъ шаріата. Между тѣмъ, въ тѣхъ-же книгахъ я нашелъ нѣсколько указаній на недопустимость подобнаго сбора милостыни; такъ, въ книгѣ „Хыла-сатуль-патава“ говорится, что не слѣдуетъ подавать милостыню въ мечети Джамъ (соборной), гдѣ совершается пятничный намазъ, и въ другихъ мечетяхъ; въ „Хазынатуль-патва“ сказано, что грѣшно просить милостыню безъ крайней необходимости; въ книгахъ „Тарика“, „Джаміуль-патава“ и „Айпуль-Ильмъ“ упоминается, что просить милостыню можно только у должника, а дѣтямъ запрещается безъ нужды брать деньги даже у родителей; въ „Шархъ-и-Айнуль-Ильмъ“ опредѣленно указывается, что прибѣгать къ подаянію можно только въ случаѣ болѣзни, препятствующей работать, и если нѣтъ необходимаго на одинъ день количества пищи. Ни одному изъ указанныхъ условій „талабчи“ не удовлетворялъ, и я долженъ былъ допустить, что онъ свое требованіе милостыни основывалъ только на постановленіяхъ о „саддакае-фиттиръ“— о днѣ празднованія окончанія поста.

Хаджи-Кабуль.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ дней 1839 года все населеніе Бишъ-агачской части города Ташкента высыпало на улицы и толпилось на нихъ, не зная хорошенько, въ чемъ дѣло. Напирая на стоявщихъ впереди и давя другъ друга, двадцать тысячъ человѣкъ спѣшили черезъ базаръ къ холму „Иски-намазга", гдѣ обыкновенно совершались праздничныя молитвы въ годовые праздники Руза и Курбанъ. Народъ собрался въ самомъ мирномъ настроеніи, и не было ничего похожаго на часто случавшіяся прежде драки между четырьмя частями города, или на перемѣну бека, сопровождавшуюся всегда ожесточенной рѣзней.

Терпѣніе пожилого продавца мыла на базарѣ Чарсу совсѣмъ истощалось, когда къ его лавкѣ подошелъ сѣдобородый имамъ сосѣдней мечети, въ большой бѣлой чалмѣ изъ кисеи, съ традиціоннымъ посохомъ въ рукахъ. Онъ произнесъ обычное привѣтствіе „ас-салямъ-алейкумъ", степенно принялъ отвѣтъ торговца, „ва-алейкумъ-ас-салямъ" и принялся откладывать выбранные имъ продолговатые и конусообразные куски сѣраго вонючаго мыла. Расплатившись, онъ собрался было ужъ идти дальше, но хозяинъ лавки остановилъ его вопросомъ: „А не слышали-ли вы, дамулла, почему сегодня мусульмане побросали незапертыми лавки и толпятся на улицѣ"?

— Какъ-же, знаю, я сейчасъ только присутствовалъ на „джаназа" (похоронная молитва, панихида) по Юсуфъ-Мишкау, и весь народъ молился о немъ потому, что „ходжы кабуль-бульды" (его поломничество въ Мекку угодно Богу).

„Какъ? Неужели нашъ Юсуфъ Мишкау удостоился такого счастья?"

„Да, онъ самый, всѣ вѣдь мы каждый день видѣли его на базарѣ."

„Тауба*)", проговорилъ удивленный лавочникъ, сжимая правой рукой полы халата на груди, а слово „хаджи-кабуль" передавалось въ толпѣ изъ устъ въ уста, при чемъ наиболѣе набожные шептали молитвы, поглаживая бороды ладонями рукъ.

Нѣкоторымъ все-таки удалось понять, въ чемъ дѣло: многіе изъ слышавшихъ слово „хаджи-кабуль", такъ хорошо знакомое всякому магометанину, недоумѣвали,—кто же тотъ счастливецъ, который удостоился милости Божіей и совершилъ па-

*) Раскаиваюсь.

ломничество въ Мекку, сдѣлавшееся угоднымъ, принятое Богомъ. Ежегодно нѣсколько сотъ тысячъ мусульманъ изъ всѣхъ странъ, гдѣ распространена вѣра Ислама, съ большими затрудненіями достигаютъ мусульманскихъ святынь Мекки и Медины и педантично исполняютъ всѣ предписанныя для „хаджи" обрядности, а между тѣмъ, только одинъ человѣкъ въ годъ удостоивается того, что Богъ принимаетъ его поклоненіе. Велико это счастье, такъ велико, что послѣ „хаджи-кабуль" человѣку ужъ не приходится жить на свѣтѣ съ грѣшными людьми, и Богъ посылаетъ ангела смерти за его душой какъ разъ въ то время, когда народу станетъ извѣстно о счастьи, выпавшемъ на долю избраннаго праведника.

„Кто же хаджи-кабуль, кто счастливецъ?! Гдѣ онъ?"—сыпались вопросы изъ той части толпы, которая добивалась имени избранника. Другая половина толпы добивалась, что-же сдѣлалось съ Юсуфомъ Мишкау, котораго всѣ близко знали.

Перекрестные вопросы разъяснили недоумѣніе, и толпа узнала, что паломничество Юсуфа Мишкау угодно Богу, принято, что онъ совершилъ „хаджи-кабуль". Однако, это не удовлетворило любопытства собравшихся на улицѣ, ведущей къ большому базару, а около медрессе Кугальдашъ, гдѣ столпилось больше всего людей, нѣсколько человѣкъ заспорили: „Что-то непонятно для меня", проговорилъ смуглый кокандецъ-поливальщикъ съ перекинутымъ черезъ плечо турсукомъ съ водой. „Юсуфа Мишкау я знаю прекрасно, еще сегодня ночью я видѣлъ его на базарѣ Чарсу, еще сегодня утромъ онъ помогъ мнѣ набрать воды изъ Анхара; какимъ же образомъ онъ могъ совершить хаджи, не выѣзжая изъ родного города?"

„Не будь въ числѣ тѣхъ, которые считаютъ ложными знаменія Божія, чтобы тебѣ не быть въ числѣ погибающихъ*)", наставительно проговорилъ стоявшій рядомъ мулла: „Богъ Святъ, по его волѣ можетъ совершиться всякое чудо!"

„Я вѣдь и не сомнѣваюсь, таксыръ, а только оно все-таки какъ-то непонятно: утромъ видѣлъ человѣка, а къ полудню, оказывается, онъ успѣлъ уже совершить хаджи. Развѣ пророкъ прислалъ за нимъ своего бѣлоснѣжнаго коня Альбаракъ?"

Въ толпѣ нѣкоторые фыркнули, а мулла презрительно отвернулся. Толпа зашевелилась, показались вооруженные шаш-

*) Коранъ, ст. 10, гл. 95.

варами шавгары (полицейскіе) и энергично принялись расталкивать любопытныхъ, очищая кому-то дорогу.

Отъ Иски-Памазга къ медрессе Кугальдашъ двигалась толпа, а посреди ея плавно выступалъ высокій одногорбый наръ, разукрашенный ковровыми попонами, съ большими кистями по сторонамъ разноцвѣтнаго недоуздка. На верблюдѣ помѣщался всѣмъ хорошо знакомый Аталыкъ-Ясауль-баши Канаатъ-Ша (помощникъ управлявшаго городомъ хакима), держа въ рукахъ поперекъ верблюда какой-то продолговатый предметъ, покрытый бѣлоснѣжной индійской кисеей. Верблюда велъ за поводъ другъ Аталыка бишь-агачскій сартъ Миръ-Аширъ, а все вниманіе всадника было сосредоточено на томъ, чтобы не выронить изъ рукъ драгоцѣнную ношу, къ которой всѣ окружающіе тянулись, чтобы оторвать на память кусочекъ бѣлаго покрова или хоть коснуться рукой закрытаго кисеей предмета.

Въ рукахъ Канаатъ-Ша находился „табутъ", деревянный ящикъ, замѣняющій у магометанъ гробъ, а въ ящикѣ покоилось тѣло того Юсуфа Мишкау, на погребеніе котораго собралась такая масса народа, какой не собиралось никогда и въ большіе годовые праздники на общее моленье; всякій хотѣлъ, если не прикоснуться къ гробу „хаджи-кабуль", то хоть взглянуть на торжественную процессію.

Толпа волной устремилась за верблюдомъ и по дорогѣ, ведущей къ Бишъ-агачскимъ воротамъ, направилась къ кладбищу Кошъ-Мазаръ у Чакарскаго моста. На правой сторонѣ дороги могильщики только что окончили рытье могилы, къ которой осторожно поднесли снятый съ верблюда табутъ съ останками Юсуфа Мишкау. Не мало нужно было энергіи со стороны полицейскихъ, чтобы удержать старавшихся пробраться къ могилѣ; то и дѣло раздавались вопли прижатыхъ женщинъ и дѣтей, а потому понятна поспѣшность, съ которой бренное тѣло поливальщика было предано землѣ. Только когда надъ засыпанной могилой выросъ небольшой, продолговатый могильный холмикъ,—толпа понемногу стала расходиться. Всякій старался подробнѣе разспросить объ обстоятельствахъ, при которыхъ скромный поливальщикъ, Юсуфъ Мишкау, удостоился высочайшаго для мусульманина счастья.

На большомъ базарѣ западной части города издавна можно было встрѣтить немолодого, бѣдно одѣтаго сарта съ небольшой бородой съ просѣдью и съ замѣчательно добродушнымъ, привѣтливымъ лицомъ; ночи онъ проводилъ тутъ-же на базарѣ,

исполняя безвозмездно обязанности базарнаго караульщика. По установившемуся обычаю, за часъ до заката солнца базарные корридоры или пассажи понемногу пустѣютъ; торговцы, задвинувъ входы въ лавки досчатыми переборками, спѣшатъ домой, чтобы засвѣтло добраться къ своей семьѣ и провести вечеръ въ кругу своихъ родныхъ, съ которыми не видятся цѣлые дни. Кого манитъ къ себѣ молоденькая жена, кому нужно еще до вечера посѣтить по дѣлу знакомаго, кого ждетъ дома любимый баловень сынъ, которому заботливый отецъ каждый день съ базара приноситъ гостинца. Всѣ спѣшатъ къ привязаннымъ въ сараяхъ лошадямъ и вереницей двигаются отъ базара по радіусамъ, ведущимъ къ 12 городскимъ воротамъ въ сады, гдѣ воздухъ лучше и гдѣ утомленныхъ дневнымъ трудомъ торговцевъ ждетъ отдыхъ. Богатые, покидая на базарѣ все свое достояніе, всѣ товары, всю выручку, спокойно ѣдутъ домой, зная, что нѣсколько десятковъ бѣдняковъ сберегутъ ихъ добро. Дѣйствительно, какъ только хозяева лавокъ покинутъ базаръ, откуда-то, будто изъ-подъ земли, являются вооруженныя метлами фигуры базарныхъ караульщиковъ и принимаются мести и складывать въ кучки весь навозъ и мусоръ, что накопится за день подъ кровомъ базарныхъ переходовъ. Десятки тысячъ народа, посѣщающаго базаръ днемъ, оставляютъ на улицѣ замѣтный слой разнаго рода отбросовъ; если не убирать все это ежедневно, то черезъ недѣлю и справиться нельзя будетъ съ массой накопившагося навоза и сора. Вотъ почему базарные караульщики первою своей обязанностью считаютъ очистку улицъ и сборъ нечистотъ въ кучки, чтобы на разсвѣтѣ пріѣзжающіе спеціально за навозомъ арбакеши могли увести все это подальше отъ базара, въ сады, гдѣ всегда ощущается надобность въ удобреніи. Улицы выметены. Быстро темнѣетъ въ крытыхъ переходахъ базара и то тамъ, то здѣсь постепенно начинаютъ зажигать фонари, свѣшивающіеся на блокахъ съ балокъ базарныхъ навѣсовъ. Далеко раздается скрипъ блоковъ и этому пронзительному звуку вторитъ окрикъ караульщика, замѣтившаго идущаго черезъ базаръ пѣшехода. Стоитъ кому-нибудь зайти подъ крайній навѣсъ длиннаго причудливаго лабиринта базарныхъ переходовъ, и вслѣдъ ему послышатся окрики караульщиковъ, точно каждый изъ стражей считаетъ долгомъ сдѣлать внушеніе непрошенному нарушителю почти мертваго молчанія. Трудно при такихъ условіяхъ воровать съ базара, но за-то и нелегка служба ночныхъ карауль-

щиковъ азіатскаго базара, отвѣтственныхъ передъ купцами за ввѣренныя ихъ охранѣ богатства. Юсуфъ Мишкау много лѣтъ несъ уже эту службу, несъ ее добросовѣстно и ни за что на свѣтѣ не соглашался принять установленнаго обычаемъ денежнаго вознагражденія за свой трудъ; карауля лавки по ночамъ, онъ служилъ народу изъ чести, и народъ умѣлъ цѣнить услуги преданнаго караульщика. Зная, что денегъ Юсуфъ не возьметъ, торговцы старались отплатить ему за трудъ натурой, и семья бѣдняка никогда не терпѣла нужды: все нужное для жизни въ домъ Юсуфа доставляли любившіе и уважавшіе своего караульщика базарные торговцы.

Посмѣнно съ другими караульщиками Юсуфъ стерегъ лавки, а рано утромъ, еще до разсвѣта, его уже можно было видѣть бодрствующимъ. Передъ разсвѣтомъ сартянки, по обычаю, ходятъ въ мечети на молитву „ауратъ"; эта молитва приноситъ женщинѣ счастье. Молоденькія богомолки нерѣдко подвергаются назойливому ухаживанію молодыхъ людей, которые, зная обычай ходить на „ауратъ", пользуются имъ ужъ вовсе не для душеспасительныхъ цѣлей. Юсуфъ Мишкау въ это раннее время дня часто оберегалъ беззащитныхъ женщинъ отъ ухаживаній непрошенныхъ любезниковъ. Не одинъ изъ ловеласовъ уходилъ съ базара, почесывая спину послѣ ударовъ палки ревностнаго охранителя общественной нравственности.

Юсуфъ всегда считалъ своей обязанностью придти на помощь обиженному и самъ искалъ подходящаго случая. Больше всего ненавидѣлъ Юсуфъ „бачабазовъ", увлекающихся красотой мальчиковъ и не щадящихъ никакихъ средствъ, чтобы заманить въ свои сѣти юную жертву. Многихъ мальчиковъ спасъ Юсуфъ на своемъ вѣку отъ позорной роли игрушки въ рукахъ развращенныхъ до мозга костей ухаживателей. Стоило ему замѣтить гдѣ-нибудь кучку вздыхателей, жадными взорами пожирающихъ миловиднаго мальчугана, какъ тотчасъ же Юсуфъ входилъ въ кругъ, бралъ за руку ребенка и отводилъ его въ домъ отца.

Понятно негодованіе „бачабазовъ", у которыхъ изъ-подъ носа вырывали лакомый кусокъ, но вся эта публика, точно чувствуя чистоту побужденій бѣднаго караульщика, безмолвно подчинялась его рѣшенію. Не было случая, чтобы кто-нибудь посмѣлъ оскорбить словомъ Юсуфа или поднять на него руку — было въ этомъ человѣкѣ что-то, внушавшее почтеніе къ его безкорыстной дѣятельности на пользу ближняго.

Первые лучи солнца заставали Юсуфа Мишкау за тяжелой работой, которая утвердила за нимъ прозвище „Мишкау“—поливальщика. Нѣкоторые изъ базарныхъ караульщиковъ несутъ вдобавокъ еще и эту трудную службу. У каждаго изъ нихъ, какъ и у Юсуфа, черезъ плечо виситъ подъ мышкой турсукъ изъ кожи барана, вмѣщающій ведеръ 10 воды, а въ рукахъ особый кожаный черпакъ, которымъ поливальщикъ наполняетъ турсукъ. Наполнивъ тяжелые турсуки водою изъ большого арыка, поливальщики проходятъ по базару и привычнымъ движеніемъ руки обильно опрыскиваютъ мостовую базарныхъ переходовъ, чтобы не допустить на базарѣ пыли и хотя немного испареніемъ влаги умѣрить зной палящаго черезъ неплотную крышу солнца. Юсуфъ быстро поливаетъ свой пассажъ, и въ этомъ бодромъ добродушно настроенномъ работникѣ никто не узналъ бы человѣка, почти всю ночь проведшаго безъ сна и такъ рано начавшаго свой трудовой день. Окончивъ поливку, Юсуфъ, чисто сполоснувъ турсукъ, идетъ къ ключу на кашемномъ *) базарѣ и принимается разносить ключевую воду въ корчаги, врытыя въ землю въ каждой чай-хане. Скоро базаръ снова наполнится народомъ, скоро будетъ большой спросъ на чай и не мало приходится потрудиться добровольному труженику, чтобы успѣть разнести воду всюду, гдѣ она требуется. Базаръ оглашается шумомъ воды, льющейся изъ турсука въ корчагу; вслѣдъ за тѣмъ начинаютъ издавать оригинальный звукъ желѣзныя трубы большихъ самоваровъ, нагрѣваемыхъ мелко наколотыми дровами. На двѣ-три минуты базарный проходъ наполняется дымомъ, и чай-хане готовы къ пріему утреннихъ посѣтителей-купцовъ, не начинающихъ торговли, не напившись предварительно чая, съ горячими только что изъ „тандура“ **) лепешками.

Базаръ ожилъ. Узенькіе тротуары наполняются торопливо снующими фигурами продавцовъ и покупателей, и только теперь роль ночного караульщика, поливальщика и водоноса окончена. Юсуфъ неторопливой походкой удаляется съ базара въ свою лачужку, какъ будто ласточкино гнѣздо, прилѣпленную на скатѣ холма „Иски-Намазга“. Служба его обществу окончена, теперь онъ служитъ Богу, педантично исполняя установленные намазы, и семьѣ своей, принимаясь за несложныя домашнія работы, рука объ руку съ своей единственной женой.

*) Кашма—войлокъ.

**) Переносная глиняная печь, для печенія лепешекъ.

Такъ изо дня въ день, въ теченіе многихъ лѣтъ Юсуфъ Мишкау, ведя трудовую жизнь, успѣлъ снискать уваженіе всѣхъ, кто его зналъ. Богатый сартъ отличается вообще гордостью; видъ бѣдняка вызываетъ въ немъ какое-то чувство пренебреженія, граничащее съ презрѣніемъ и брезгливостью, но никто изъ самыхъ богатыхъ сартовъ не замѣчалъ бѣдности Юсуфа Мишкау; всякій, наоборотъ, старался высказать ему свое уваженіе, сочувствіе, и такое отношеніе къ нему согражданъ не мало радовало Юсуфа Мишкау.

Въ 1839 году многіе изъ ташкентскихъ сартовъ совершили паломничество (ходжи) въ Мекку. Описываемое нами время какъ разъ совпало съ возвращеніемъ большинства „хаджей" (паломниковъ) на родину. Возвращеніе хаджей сопровождается обыкновенно общимъ подъемомъ религіознаго настроенія мусульманъ, не совершавшихъ поклоненія; всѣ оставшіеся въ городѣ спѣшатъ посѣтить пришедшихъ изъ священныхъ областей Ислама своихъ знакомыхъ, чтобы выслушать пространные разсказы путешественниковъ о видѣнномъ и слышанномъ, а главное, чтобы взять молитву („дуа-алмакъ"), т. е. попросить новаго подвижника вѣры помолиться за себя. Мусульмане вѣрятъ, что такая молитва весьма спасительна и составляетъ большой „савабъ" *) для того, за кого хаджи помолится. Въ такое то время, когда фанатически настроенная толпа была особенно наэлектризована молитвами паломниковъ, разнесся вдругъ слухъ, что во время пребыванія ташкентскихъ паломниковъ въ Меккѣ, тамъ сдѣлалось достовѣрно извѣстно, что поклоненіе ташкентца Юсуфа Мишкау принято Богомъ, угодно Ему и что его „хаджъ-кабуль-булды". Кто распустилъ этотъ лестный для бѣднаго водоноса слухъ, добраться не было возможности, да никто и не думалъ допытываться, откуда пришла такая вѣсть; всѣ сразу повѣрили, стали передавать другъ другу, и въ одно утро все населеніе Ташкента устремилось къ неофиту мусульманской святости, чтобы поцѣловать его руку, прикоснуться къ краю его одежды или испросить его молитвъ. Юсуфъ Мишкау, ничего не подозрѣвая, исполнялъ свои обязанности и толпа нашла новаго святого, съ турсукомъ черезъ плечо, въ одномъ изъ крытыхъ пассажей базара. Когда виновнику объявили о выпавшемъ на его долю счастьи, онъ крайне смутился и не зналъ, что ему дѣлать. Толпа тѣснилась, все больше и больше приливало народа, какъ вдругъ показался вблизи Юсуфа верховой посланецъ ташкент-

*) Польза отъ совершеннаго богоугоднаго дѣла.

скаго „казы-каляна“ (старшаго судьи) Иса-Ходжа-Кары. Въ чалмѣ его торчалъ листъ бумаги, который посланецъ и поспѣшилъ вручить Юсуфу Мишкау, едва къ нему протолкавшись. Юсуфъ почтительно принялъ переданную ему бумагу, приложивъ ко лбу и къ губамъ, а затѣмъ попросилъ близь стоящаго грамотнаго сарта прочесть ея содержаніе; самъ онъ читать не умѣлъ. „Да будетъ извѣстно мусульманамъ — говорилось въ бумагѣ казія Иса-Ходжи,—что до свѣдѣнія нашего дошло извѣстіе о томъ, что поклоненіе ташкентца Юсуфа Мишкау принято Богомъ, а потому, дабы провѣрить распространенный въ народѣ слухъ, на основаніи шаріата, мы приглашаемъ означеннаго Юсуфа Мишкау безотлагательно явиться въ нашу „казы-хану“ *), въ махалля Казы-куча, Сибзарской части“. Внизу, вмѣсто подписи, былъ оттискъ большой казійской печати, украшенный замысловатыми арабесками.

Выслушавъ приказъ казія, вся толпа заволновалась, всѣ принялись обсуждать происшедшее, а смущеніе самого Юсуфа все увеличивалось; наконецъ, Юсуфъ, обращаясь къ окружавшимъ его согражданамъ, сказалъ, что чрезвычайно смущенъ случившимся и, съ одной стороны, не смѣетъ вѣрить выпавшему на его долю счастью, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что онъ никуда не отлучался изъ Ташкента и не былъ въ Меккѣ, а съ другой стороны—облетѣвшій весь городъ слухъ не можетъ быть неоснователенъ, иначе бы никто ему не повѣрилъ; поэтому, допуская, что Богу угодно было совершить чудо и принять его поклоненіе, онъ проситъ всѣхъ присутствующихъ помолиться вмѣстѣ съ нимъ о томъ, чтобы, если дѣйствительно его поклоненіе принято Богомъ, Господь послалъ бы ему смерть до представленія казію. Юсуфъ поднялъ руки для молитвы и за нимъ то же движеніе повторила тысячная толпа; всѣ сдѣлали „фатиху“, произнеся „Аминь, аллагу, акбаръ“. Юсуфъ сѣлъ верхомъ сзади посланнаго казіемъ человѣка и отправился по вызову, а толпа послѣдовала за Юсуфомъ въ крайне возбужденномъ состояніи: всѣмъ хотѣлось узнать достовѣрно, дѣйствительно-ли передъ ними святой, или же это одно прискорбное недоразумѣніе. Черезъ базаръ Иски-джува, по большой Сибзарской улицѣ до Казы-кучане болѣе двухъ верстъ и скоро слѣдовавшая за Юсуфомъ Мишкау толпа подошла къ воротамъ дома казы-каляна Иса-Ходжи. Посланный казія вздумалъ слѣзть съ лошади и ожидалъ, что сидѣвшій сзади и обнявшій его руками Юсуфъ Мишкау по-

*) Камера народнаго судьи.

слѣдуетъ его примѣру. Каково-же было удивленіе присутствовавшихъ, когда оказалось, что Юсуфъ Мишкау мертвъ. „Чудо совершилось, Богъ великъ!“ раздались возгласы, и толпа ринулась къ умершему, уже нисколько не сомнѣваясь въ его святости и въ угодности Богу его паломничества, котораго онъ и не думалъ совершать. Вышедшій изъ дома старикъ казій, послалъ верхового къ завѣдывавшему городомъ аталыку Канаатъ-Ша, увѣдомить о случившемся и Юсуфу Мишкау были возданы почести.

Имя Юсуфа живетъ въ памяти народа, а въ особенности въ памяти жителей Бишъ-агачской части, изъ которой онъ самъ происходилъ и гдѣ еще въ 90-ыхъ годахъ въ махалля Иски-Намазга жилъ столѣтній старецъ Бай-баба, родственникъ знаменитаго поливальщика.

На кадбищѣ Кошъ-мазаръ, на правой сторонѣ, если ѣхать отъ большого базара къ Бишъ-агачскимъ воротамъ, выложена кирпичная арка съ отверстіемъ, а за заборомъ, на возвышеніи, виднѣется продолговатая могила подъ навѣсомъ. Все кругомъ обвѣшано, по обычаю, разноцвѣтными лоскутками, которые оставлены здѣсь посѣтителями. Ни надгробной плиты, ни эпитафіи на могилѣ нѣтъ: и такъ всѣ помнятъ о жизни и смерти благочестиваго Юсуфа Мишкау.

Подобный же случай былъ за нѣсколько лѣтъ до занятія края русскими войсками въ кишлакѣ Занги-ата Ташкентскаго уѣзда, но тамъ „хаджи-кабуль“ повело къ грубой ошибкѣ: произвели въ святые не того, кого слѣдовало, а лицо, совершенно постороннее, но носившее одинаковое имя съ тѣмъ, поклоненіе кого стало угодно Богу.

Какъ импульсъ къ стадному движенію народной массы, добродушно настроенной и добивающейся лишь возможности поклониться святому, „хаджи-кабуль“ заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ подобные случаи возможны и въ наше время.

Мечеть Хазретъ-Султана въ Туркестанѣ и связанныя съ нею суевѣрія киргизъ.

Грандіозная мечеть Ходжи-Ахмада-Ясави въ городѣ Туркестанѣ *) является предметомъ религіознаго поклоненія для

*) Мечеть построена въ XIV столѣтіи амиромъ Тимуромъ, и подъ ея сводами, кромѣ самого Ходжи-Ахмада Ясавійскаго, погребено нѣсколько представителей царскихъ родовъ. (Подробнѣе см. „Надписи мечети Ахмада Ясави“, ст. II. Н. Ахмерова въ изданіи Общ. археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ, — „Восточныя замѣтки“, 1896 года. Казань).

мусульманъ Туркестанскаго края и сосѣднихъ съ нимъ областей Сибири Ежегодно, преимущественно весной, въ г. Туркестанъ съѣзжаются небольшими партіями паломники. чтобы исполнить обѣтъ поклоненія высокочтимымъ святынямъ Хазрета.

Соблюдаютъ этотъ обычай и киргизы, мало еще утвердившіеся въ вѣрѣ Ислама и перенимающіе отъ осѣдлыхъ туземцевъ главнымъ образомъ внѣшнія формы богопочитанія. При этомъ въ душѣ киргиза, не порабощенной еще мусульманскимъ формализмомъ и ханжествомъ, доктрины Ислама легко уживаются съ пережитками языческихъ вѣрованій, съ примѣтами и суевѣріями, не имѣющими ничего общаго съ новымъ еще для кочевника ученіемъ Мухаммада.

Мнѣ пришлось однажды провести нѣсколько часовъ на ночлегѣ съ киргизами-паломниками, двигавшимися къ Туркестану. Мои словоохотливые собесѣдники поразсказали мнѣ не мало интереснаго о достопримѣчательностяхъ хазрета, съ глубокой наивностью и легковѣріемъ передавая преданія о разныхъ чудесахъ.

Мнѣ совѣтовали посѣтить въ г. Туркестанѣ радѣніе дервишей (зикръ), происходящее по пятницамъ въ мечети Джульбарсъ-хана, составляющей одинъ ихъ придѣловъ большого мавзолея надъ гробомъ Хазретъ-Султана, и побывать въ тотъже день, около часа дня, на раздачѣ всѣмъ прихожанамъ большой мечети на счетъ благотворителей, „халима“, особеннаго кушанья изъ разваренной пшеницы. Радѣнія суфіевъ происходятъ въ г. Туркестанѣ при той-же обстановкѣ, какъ и въ другихъ городахъ края, а потому я отправился посмотрѣть на раздачу популярнаго у дервишей „халима“. По окончаніи проповѣди, послѣ намаза „джума“, администрація мечети Хазрета стала готовиться къ раздачѣ угощенія. Въ большую залу мечети внесли изъ сосѣдняго помѣщенія объемистые котлы, и нѣсколько поваровъ принялись быстро раскладывать на деревянныя глубокія тарелочки небольшія количества варева изъ пшеницы съ мясомъ. по виду напоминающаго овсяный кисель.

Въ полномъ порядкѣ, не сходя съ своихъ мѣстъ, богомольцы, сидѣвшіе въ мечети, быстро передавали другъ другу блюдца съ кушаньемъ, а получившіе благотворительное угощеніе, быстро справлялись при помощи пальцевъ съ своей порціей. Не прошло и двадцати минутъ, какъ „халимъ“ былъ уничтоженъ. блюдца переданы обратно, и народъ чинно, въ молчаніи, оставилъ мечеть.

Киргизы увѣряли меня, что при раздачѣ „халима“ никогда не бываетъ обдѣленныхъ: чудесной силой, исходящей отъ погребеннаго подъ сводами мечети Хазретъ-Султана, котлы наполняются такимъ количествомъ „халима“, какое необходимо для насыщенія всѣхъ посѣтителей мечети, сколько бы ихъ ни собралось къ пятничному намазу. Дѣйствительно, число посѣтителей мечети колеблется въ значительныхъ предѣлахъ, но, по времени года и сезону паломничества, можно довольно вѣрно заранѣе опредѣлить число порцій и слѣдуетъ удивляться умѣнью поваровъ раздавать вѣрующимъ „халимъ“ такими умѣренными порціями, что-бы никому не пришлось увидѣть обнаженнаго дна чудеснаго котла.

На серединѣ мечети возвышается художественно исполненный изъ бронзы громадный котелъ, украшенный арабскими надписями*).

Котелъ на литой подставкѣ и такъ высокъ, что человѣку средняго роста трудно видѣть середину котла. По повѣрью киргизъ, этотъ красивый сосудъ для воды, въ настоящее время никогда ею не наполняемый, чудесно приспособляется къ росту приближающихся къ нему вѣрующихъ, и край котла всегда оказывается на высотѣ устъ подошедшаго къ нему человѣка, давая возможность напиться и малорослому, и высокому жаждущему. Мнѣ этого чуда видѣть не пришлось, такъ какъ при осмотрѣ котла край его далеко не равнялся съ моимъ ртомъ.

Кромѣ надписей, край котла украшенъ еще бронзовыми ушками, число которыхъ, по киргизскому вѣрованію, никому не дано ни знать, ни пересчитать. „Стоитъ начать считать ушки котла, говорилъ мнѣ одинъ почтенный киргизъ, и выходитъ то 40, то 41; такъ и не знаетъ никто навѣрно, сколько ушковъ

*) Привожу по П. Н. Ахмерову переводъ надписей: 1) „Богъ (да возвеличится и да возвысится Онъ!) сказалъ: Ставите-ли вы напоеніе путешествующихъ (въ Мекку) и построеніе запретной мечети равными съ тѣмъ, кто вѣруетъ въ Бога и въ послѣдній день и кто ревностно воюетъ на пути Божіемъ“? (Коранъ, глава IX, ст. 19); 2) „И сказалъ онъ, т. е. пророкъ (миръ ему!): „Кто устроитъ на пути Божіемъ колодезь для питья (или: мѣсто, гдѣ приготовляютъ или раздаютъ питье), тому Богъ (да возвысится Онъ!) устроитъ озеро въ раю“. Посланникъ Божій говоритъ вѣрно“. 3) „Повелѣлъ построить это мѣсто напоенія (великій повелитель, владѣтель выси народовъ, отличенный помощью Царя милостиваго, эмиръ Тимуръ Гурганъ (т. е. женившійся на дочери одного изъ потомковъ Чингизъ-хана), да увѣковѣчитъ Богъ Всевышній царство его въ награду за то, что (онъ устроилъ) усыпальницу для шейха Ахмада Ясавійскаго, великій духъ коего да освятитъ Богъ! 851 года 25 шавваля (т. е. среда 3 января 1448 г. по Р. Х.)

у котла". При осмотрѣ котла я убѣдился, что ушки такъ чисто сдѣланы и такъ похожи одно на другое, что, начавъ счетъ съ одного какого-либо ушка, счетчикъ быстро его теряетъ и сбивается со счета.

Еще дорогой я слышалъ, какъ одному изъ моихъ джигитовъ знакомый киргизъ поручилъ „насыпать могилку для его души". Когда мы вошли въ правый придѣлъ мечети, гдѣ находится могила Аблай-хана, мой джигитъ принялся насыпать на полу могилки для души знакомаго киргиза и для своей собственной. Земляной полъ цѣлаго угла мечети былъ занятъ безчисленными возвышеніями, вершка въ 2 вышиной каждое; формой своей возвышенія эти напоминали тѣ насыпи, которыя дѣлаются на мусульманскихъ кладбищахъ изъ остатковъ земли, вынутой изъ нижней камеры могилы, гдѣ кладутъ покойника; маленькія могилки были украшены даже воткнутыми въ нихъ прутиками, какъ настоящія могилы. Мусульмане твердо вѣрятъ, что быть погребеннымъ вблизи святого, есть вѣрное средство освободиться отъ гнѣва Божія на страшномъ судѣ, потому что святой заступится за всѣхъ погребенныхъ на извѣстномъ разстояніи отъ его могилы (шафаатъ). Въ данномъ случаѣ вмѣсто того, чтобы хоронить подлѣ могилы святого самого умершаго, что не всегда возможно, симулируютъ погребеніе, вѣруя, что душа человѣка, гдѣ бы онъ ни былъ погребенъ въ дѣйствительности, переселится въ мечеть Хазрета и помѣстится въ маленькой могилкѣ, для нея заранѣе приготовленной. Съ этой вѣрою устраиваютъ киргизы свои холмики въ мечети близь могилы Аблай-хана, но при этомъ, за недостаткомъ мѣста, безъ зазрѣнія совѣсти разоряютъ ранѣе приготовленныя могилки, заботясь лишь о спасеніи своей собственной души.

Въ томъ же придѣлѣ есть еще чудо, это такъ называемый „айна ташъ" или зеркало-камень.

Это намогильный мраморный камень Аблай-хана *).

Киргизъ поражаетъ, что если смотрѣть съ боку на вертикальную грань памятника, то въ ней, какъ въ зеркалѣ, можно видѣть стѣну большой залы мечети, а на этой стѣнѣ тѣнь большого котла, стоящаго по срединѣ залы, несмотря на то, что стѣна находится за косякомъ двери, ведущей во второй придѣлъ. Чудо это объясняется оптическимъ закономъ о равенствѣ угла паденія углу отраженія. Предметы расположены такъ, что стѣна от-

*) Вѣрнѣе, Абулъ-Хаира Суюнчи-ходжи хана, какъ значится въ надписи на могилѣ.

ражается на памятникѣ, а на стѣнѣ получается тѣнь отъ котла, потому что окна мечети расположены на противоположной южной стѣнѣ.

Остальные чудесные предметы мечети не заслуживаютъ подробнаго описанія по своей незначительности. Надъ входомъ въ самую гробницу Хазретъ-Султана виситъ очень высоко на цѣпочкѣ старый металлическій кувшинъ, напоминающій чайный кумганъ. Разсказываютъ, что повѣсилъ его самъ Тимуръ, положивъ въ кувшинъ золотую тиллю. Монета эта долго соблазняла охотниковъ до чужой собственности, пока, наконецъ, одинъ смѣльчакъ не рискнулъ достать ее, но убился, упавъ съ высоты, а тилля осталась на своемъ мѣстѣ.

Есть еще, также на высотѣ, выдавшійся кирпичъ, которому, какъ вѣрятъ киргизы суждено упасть въ день свѣтопреставленія.

Вотъ, что возбуждаетъ суевѣрный трепетъ въ сердцахъ киргизъ, посѣщающихъ мечеть Хазретъ-Султана въ г. Туркестанѣ. Въ дѣйствительности эта мечеть въ цѣломъ представляетъ собою чудо архитектурнаго искусства ея строителей—мастеровъ изъ Ташкента, Исфагани и Шираза. Въ XIV столѣтіи они сумѣли сочетать въ своей постройкѣ изящество формъ съ необыкновенной прочностью, дающей и намъ возможность любоваться грандіознымъ мавзолеемъ Тамерлановой эпохи.

Наука и школьное дѣло у туземцевъ.

Мученіе, а не ученіе.

(Туземныя школы грамотности—мактабы).

Много лѣтъ назадъ, подъ мощнымъ вліяніемъ Ислама, народъ созналъ необходимость обученія грамотѣ, но не для какихъ-нибудь практическихъ цѣлей, не для саморазвитія и усвоенія новѣйшихъ завоеваній человѣческой мысли, а исключительно для исполненія религіозныхъ формальностей. Родной языкъ остался въ сторонѣ, имъ мало занимались, полагая, что ребенку не трудно усвоить его въ своей семьѣ. Гораздо болѣе важнымъ считалось какъ можно раньше привить ребенку обще-мусульманскій, арабскій языкъ. Религіозное ученіе Корана, всѣ ученыя изслѣдованія и толкованія шаріата изложены на арабскомъ языкѣ; поэтому безъ знанія арабскаго языка, по мнѣнію мусульманскихъ педагоговъ, немыслимо знаніе, немыслима никакая наука. Это предпочтеніе арабскаго языка другимъ зиждется на принципѣ единенія всѣхъ магометанъ, къ какой бы націи они ни принадлежали, а принципъ этотъ, какъ чисто политическая мѣра, положенъ въ основу религіи Мухаммада. Ставя исповѣдуемую вѣру на недосягаемую высоту, мусульмане стараются придать ей всесвѣтное значеніе не только въ далекомъ будущемъ, но и во всемъ прожитомъ человѣчествомъ періодѣ времени. Поговорите съ начитаннымъ туземцемъ и вы услышите, что всѣ пророки, начиная съ Адама, были мусульманами. Восторженный поклонникъ Ислама не обратитъ вниманія на ваше указаніе, что не могло быть магометанства прежде Мухаммада—основателя этой религіи. Онъ не хочетъ и слушать возраженій противъ истинъ, воспринятыхъ имъ въ раннемъ дѣтствѣ, а стоитъ на своемъ и конецъ. Мусульманинъ твердо увѣренъ, что въ будущемъ, можетъ быть весьма отдаленномъ, всѣ народы поймутъ тщету своихъ релизіозныхъ заблужденій и, какъ рѣки, вливающіяся въ обширный неизмѣримый океанъ, сольются въ одинъ

народъ, исповѣдующій единую религію Ислама. Чтобы подготовить возможность такого объединенія, а также для того, чтобы современные мусульмане сильнѣе чувствовали свою духовную связь съ единовѣрцами другихъ національностей, арабскимъ языкомъ пользуются, какъ связующимъ звеномъ.

Какъ только 6—7 лѣтній туземный мальчикъ входитъ подъ кровъ элементарной школы, его начинаютъ знакомить съ арабскими словами, заставляя заучивать наизусть первую главу Корана „Аль-хамдъ". О пониманіи заучиваемаго не можетъ быть и рѣчи, языкъ Корана издревле признанъ непереводимымъ на другія нарѣчія и боязнь хоть на іоту измѣнить смыслъ прочитаннаго изреченія Корана при переводѣ, удерживаетъ каждаго мусульманина отъ попытокъ уяснить себѣ смыслъ преподаннаго въ этой книгѣ вѣроученія. Благодаря такому взгляду, краеугольнымъ камнемъ обученія въ низшей школѣ грамотности является непримѣнимый въ практической жизни арабскій языкъ. Не легко даже для взрослаго изучить крайне сложныя формы арабской грамматики. Какія же трудности долженъ преодолѣть мальчикъ, совершенно не подготовленный къ усиленной мозговой работѣ, съ крайне узкимъ развитіемъ. Прибавимъ къ этому не развивающій, а, напротивъ, притупляющій мыслительныя способности учащагося допотопный методъ преподаванія арабскаго языка, господствующій въ туземныхъ „мактабахъ", и не трудно будетъ представить себѣ, какая масса энергіи должна быть затрачена для пріобрѣтенія хотя-бы первоначальныхъ понятій объ языкѣ Корана и ученыхъ сочиненій.

Обстановка классныхъ занятій вызываетъ въ случайномъ посѣтителѣ мусульманской школы одно лишь недоумѣніе. Кажется совершенно невѣроятной возможность круглый годъ учить дѣтей, самаго нѣжнаго возраста, въ сложенномъ изъ комковъ глины зданіи, гдѣ нѣтъ ни плотно запирающихся дверей, ни оконныхъ рамъ, гдѣ зимой такъ же холодно, какъ на дворѣ, но воздухъ гораздо хуже наружнаго, потому что насыщенъ міазмами не провѣтриваемыхъ сырыхъ стѣнъ и полонъ пыли, поднимаемой ногами учениковъ съ земляного пола. Маленькая темная комната вмѣщаетъ въ себѣ 30—40 учениковъ; классной мебели не полагается; ученики располагаются прямо на сырой землѣ, подославъ подъ себя тонкую камышевую циновку, и только самые зажиточные приносятъ съ собой ватный стеганый тюфячокъ, который немного предохраняетъ сидящаго отъ сырости и холода земляного пола. Ученики приносятъ съ собой книги

нужныя для чтенія, и деревянныя дощечки для заучиванія буквъ арабскаго алфавита. Книгу или дощечку во время занятій ученикъ держитъ въ рукахъ, не имѣя даже стола, чтобы положить ихъ передъ собой, какъ это дѣлается въ нашихъ школахъ. Вѣнецъ школьнаго обученія, калиграфія,— и та не обставлена какими-либо удобствами. Туземный калиграфъ ухитряется писать очень красиво на перегнутомъ вдвое клочкѣ лощеной бумаги, держа его на воздухѣ или опираясь на свое колѣно. Нужно нечеловѣческое терпѣніе, чтобы при такихъ неудобствахъ изучить въ совершенствѣ искусство красиво писать.

Между тѣмъ, среди туземцевъ немало артистовъ по части калиграфіи. Мнѣ пришлось встрѣтить однажды такого мастера своего дѣла, что для письма ему нужно было дать только одну бумагу. Обходясь совершенно безъ пера и чернилъ, знакомецъ мой цѣлыя стихотворенія персидскихъ поэтовъ изображалъ ногтемъ большого пальца правой руки, выдавливая на бумагѣ всѣ мельчайшія подробности буквъ и даже не скупясь на украшенія вродѣ вѣточекъ и цвѣтовъ. Когда бывшій министръ финансовъ Вышнеградскій посѣтилъ въ туземномъ городѣ одного сарта, искусникъ-калиграфъ поднесъ высокому гостю написанное ногтемъ стихотвореніе, содержавшее въ себѣ комплименты по адресу высокаго посѣтителя. Рельефное письмо очень оригинально и красиво, а самое существованіе его поражаетъ наблюдателя, привыкшаго думать, что для письма, кромѣ бумаги, необходимы еще перо и чернила.

Учителя туземныхъ школъ почти всѣ въ очкахъ. Въ небѣленой комнатѣ, гдѣ идутъ школьныя занятія, царитъ полумракъ; причудливыя соединенія арабскихъ буквъ и отличающія одну букву отъ другой едва замѣтныя точки требуютъ сильнаго напряженія зрѣнія, а потому нѣсколькихъ лѣтъ бываетъ достаточно, чтобы въ конецъ испортить зрѣніе школьнаго учителя, цѣлые дни просиживающаго съ мальчуганами.

Далеко слышно, гдѣ помѣщается туземный „мактабъ“. Прохожаго поражаетъ нестройный гомонъ дѣтскихъ голосовъ, нараспѣвъ выкрикивающихъ арабскія фразы, и диву дается онъ, какъ можно, принимая участіе въ такомъ гвалтѣ, усвоить что нибудь и не оглохнуть окончательно. Войдите въ школу, и вы увидите два ряда дѣтскихъ фигуръ, качающихся въ тактъ распѣваемыхъ изреченій Корана, и почтеннаго педагога, дирижирующаго этимъ нестройнымъ хоромъ. Какъ и подобаетъ дирижеру, педагогъ вооруженъ тонкой палкой, но его палка

много длиннѣе дирижерской: онъ можетъ достать ею крайняго ученика. Безпрестанно призывая всѣхъ ко вниманію, онъ время отъ времени ударяетъ своимъ жезломъ по головѣ учениковъ, не особенно звонко произносящихъ слова или сбивающихся съ такта повышеній и пониженій голоса при хоровомъ чтеніи. Здѣсь никому не читаютъ морали, здѣсь нѣтъ кондуитнаго списка или журнала съ грозными единицами, но въ рукахъ педагога сильное побудительное ко вниманію средство, которымъ онъ и пользуется во благовременіи.

Уходя, жалѣешь дѣтей, которымъ съ трудомъ дается наука и наука, вовсе не примѣнимая въ жизни.

Дѣвочкамъ еще хуже: ихъ почти не учатъ. Туземная школа ждетъ коренной реформы, и чѣмъ скорѣе разсѣется тьма схоластической педагогіи, тѣмъ лучше. За что губятся лучшіе годы жизни дѣтей?

Школы при Шейхантаурскомъ кладбищѣ.

Тяжелое впечатлѣніе оставляютъ туземныя школы при кладбищѣ въ Шейхантаурской части города Ташкента. Находящіяся тамъ двѣ начальныя школы (мактабы) для мальчиковъ помѣщаются въ такихъ тѣсныхъ, низкихъ и темныхъ сакляхъ, что надо удивляться выносливости дѣтей, занимающихся въ такой неблагопріятной обстановкѣ. Еще нестарый учитель перваго мактаба уже не видитъ безъ очковъ, что, очевидно, объясняется его занятіями въ темной и душной комнатѣ. Въ лѣтнее время ученики начальныхъ школъ покидаютъ свои зимнія помѣщенія и занимаются подъ навѣсомъ мечети, гдѣ они чувствуютъ себя гораздо лучше и, видимо. занимаются съ большей охотой и вниманіемъ.

Въ помѣщеніи высшей школы (медресе) кельи маленькія и темныя, аудиторіи крайне неудобны для занятій; въ нихъ очень мало свѣта и воздуха. Въ одной кельѣ ученикъ изъ киргизъ вздумалъ посадить лукъ; но можно сказать навѣрное, что лукъ не выростетъ.

Мечети Занджерликъ и Сяидъ-Азимбая содержатся въ чистотѣ, но лучше и красивѣе всѣхъ мечеть Алтынлыкъ, обновленная бывшимъ Шейхантаурскимъ впослѣдствіи старшимъ аксакаломъ, нынѣ покойнымъ Инагамъ-Ходжа-Ишаномъ.

Кладбище Шейхантуръ, извѣстное могилою Низимбая, близко расположено отъ школьныхъ построекъ; такое сосѣдство учащихся съ кладбищемъ весьма невыгодно для дѣтей. На кладбищѣ

поражаютъ старые столѣтніе чинары. Говорятъ, что нѣкоторымъ деревьямъ больше 500 лѣтъ. А черныя безлистныя деревья-сауръ своимъ унылымъ видомъ такъ и напоминаютъ о смерти; по преданію, эти деревья привезены изъ Мекки, но, вѣроятно, для нихъ ташкентскій климатъ не благопріятенъ. Вблизи школьныхъ зданій расположено весьма зловонное отхожее мѣсто; ямы сдѣланы очень глубокія, никто никогда ихъ не чиститъ. Живущіе вблизи сосѣди тутъ же, въ саду школы, привязываютъ свой скотъ, не убирая навоза. Удивительно, какъ допускаютъ туземцы такую нечистоту и зловоніе вблизи отъ мѣста молитвы и отъ могилъ мусульманскихъ святыхъ, вблизи отъ учебныхъ заведеній.

Нужна школа.

Вопросъ о распространеніи между туркестанскими туземцами европейскихъ знаній довольно подробно обсуждался на столбцахъ мѣстныхъ повременныхъ изданій и, наконецъ, повидимому, установился взглядъ, что европейскія знанія должны проникнуть въ среду туземцевъ исключительно на русскомъ языкѣ. Для достиженія указанной цѣли увеличено было число русско-туземныхъ школъ, общество востоковѣдѣнія учредило курсы русскаго языка для взрослыхъ туземцевъ, а въ Ташкентѣ, по частной иниціативѣ, возникла даже первоначальная школа грамотности для сартовскихъ дѣвочекъ.

Все это несомнѣнно приближаетъ насъ къ тому времени, когда большинство интересующихся наукою туземцевъ, убѣдившись въ необходимости русскаго языка для дальнѣйшаго образованія, основательно изучитъ русскій языкъ и получитъ возможность безъ посторонней помощи читать и понимать русскую книгу.

Нечего и говорить, что желанный моментъ этотъ еще очень далекъ, а то, что дѣлается для распространенія среди туземцевъ знанія русскаго языка, является каплей въ морѣ: тѣ сотни мальчиковъ, которые обучаются въ русско-туземныхъ школахъ, составляютъ весьма незначительный процентъ по отношенію къ общей массѣ туземнаго населенія. Покидая школу, юноши быстро забываютъ усвоенныя ими знанія, если не имѣютъ постоянной нужды и практики въ разговорномъ русскомъ языкѣ. Наконецъ, даже отлично кончившіе курсъ русско-туземныхъ школъ мальчики не пріобрѣтаютъ навыка читать со смысломъ легко написанную русскую книгу.

Счастье тому изъ окончившихъ школу, кто сейчасъ же попадаетъ на службу къ русскимъ людямъ; такой юноша быстро усваиваетъ все, чего ему недоставало въ школѣ, и становится зоркимъ смышленымъ слугою того дѣла, къ которому приставила его судьба. Знаніе русской разговорной рѣчи у такого юноши не замираетъ, а развивается, а если случается еще такому туземцу побывать въ Россіи по торговымъ своимъ дѣламъ, то онъ быстро пріобрѣтаетъ и безъ книги много новыхъ знаній и навыковъ.

Въ стремленіи къ изученію русскаго языка, съ самаго начала и до сихъ поръ, впереди прочихъ народностей Туркестанскаго края идутъ киргизы, главнымъ образомъ потому, что мальчики кочевниковъ не испытываютъ на себѣ вліянія туземной мусульманской школы и не подвергаются выучкѣ въ мактабѣ. Кромѣ того, и общая обстановка жизни киргизскаго мальчика облегчаетъ ему возможность освоиться съ русской жизнью и практически изучить русскую грамоту и разговорную рѣчь. Изъ киргизъ мы имѣемъ уже не мало учителей русско-туземныхъ школъ, переводчиковъ, чиновниковъ, есть офицеры и врачи.

Сартовское и таджикское населеніе пока отстаетъ отъ киргизъ въ изученіи русскаго языка и сартенокъ въ большинствѣ случаевъ изучаетъ русскій языкъ только въ томъ случаѣ, когда ясно видитъ пользу отъ знанія русскаго языка, въ видѣ преимущества при общеніи съ русскими, не знающими туземнаго языка.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что при расширеніи сѣти учебныхъ заведеній для обученія туземцевъ русскому языку необходимо давать киргизскому населенію преимущество передъ сартами и таджиками; надо идти навстрѣчу тѣмъ, кто самъ стремится къ изученію государственнаго языка.

Въ Ходжентскомъ уѣздѣ, почти сплошь населенномъ сартами и таджиками, есть три волости: Исфанейская, Буксе-сибиргенская и Чапкуллукская. Въ каждой изъ этихъ волостей, наряду съ небольшимъ количествомъ сартовскаго населенія, главную массу представляютъ осѣвшіе уже и занимающіеся преимущественно земледѣліемъ киргизы, которые до сего времени не утратили своихъ національныхъ особенностей.

По роду моей службы мнѣ пришлось довольно близко познакомиться съ киргизскимъ населеніемъ степной части Чапкуллукской волости и я былъ пораженъ совершенно искреннимъ и сильнымъ желаніемъ многихъ юношей изучить русскій языкъ, разговорную рѣчь и грамоту.

Въ каждомъ селеніи Чапкуллукской волости есть туземные мактабы, но они какъ-то не въ фаворѣ у киргизъ. Учителя не нанимаютъ на опредѣленный окладъ содержанія, а предоставляютъ родителямъ оплачивать услуги „дамуллы“ нищенскимъ „пайшамбеликомъ“ (нѣсколько лепешекъ по четвергамъ) и другими подачками. При такихъ условіяхъ сарты неохотно идутъ въ преподаватели мѣстныхъ первоначальныхъ школъ, да сарту и неудобно было бы жить съ семьей среди киргизъ, гдѣ женщины вовсе не закрываютъ лица. Учительскія должности замѣщаются бѣднѣйшими киргизами, едва изучившими мусульманскую грамоту и совсѣмъ не посвященными въ тонкости мусульманскаго „адаба“ (наука о приличіяхъ или церемоніяхъ въ жизни) и другихъ схоластическихъ наукъ, направленныхъ къ прославленію Ислама. Такой учитель кое-какъ учитъ грамотѣ, но, не зная арабскаго языка, не можетъ пріохотить своихъ учениковъ къ мусульманской наукѣ и нисколько ихъ не фанатизируетъ уже потому, что и самъ весьма поверхностно относится къ религіи. Намазы здѣсь исполняются немногими и то неаккуратно. Съ переходомъ скота въ горы киргизы временно подновляютъ въ себѣ кочевые инстинкты и пользуются свободой и просторомъ, какіе немыслимы для кишлачнаго сарта. Гдѣ же при такихъ условіяхъ укрѣпиться въ мѣстномъ населеніи тѣмъ характернымъ чертамъ мусульманскаго міросозерцанія, которыя обособляютъ мусульманъ и заставляютъ ихъ гордо сторониться общенія съ другими, иновѣрными народностями. Здѣшній киргизъ, найманъ по происхожденію, во многомъ напоминаетъ своего степного собрата „казака“ большой и малой орды. Это простодушный жизнерадостный человѣкъ, мало задумывающійся надъ отвлеченными вопросами, довѣрчиво ко всѣмъ относящійся и не безъ юмора подсмѣивающійся надъ сартовскимъ фарисействомъ и замкнутостью жизни своихъ кишлачныхъ сосѣдей; на сартовъ киргизъ наивно смотритъ, какъ на людей нѣсколько низшей расы, лишенныхъ той доблести, которую самъ онъ считаетъ своимъ преимуществомъ передъ мелкимъ торгашествомъ кишлачнаго сарта.

Въ сосѣдней, сартовской, части волости — Бишкендскомъ сельскомъ обществѣ, гдѣ мнѣ пришлось бывать, я ни разу не слышалъ даже разговора о желательности изученія русскаго языка. Здѣсь же, въ киргизской части волости, съ самаго переѣзда моей семьи на лѣто въ горы, насъ настойчиво осаждали желающіе учиться по-русски. То и дѣло приходили совершенно

незнакомые киргизы и заводили разговоръ о томъ, какъ бы это поскорѣе выучиться по-русски, а чуть-чуть зажиточные киргизы заговаривали даже о наймѣ для своихъ дѣтей русскаго учителя.

Благодаря тому, что вся семья моя говоритъ немного по сартовски, жена и дочери мои оказались въ силахъ учить русскому языку киргизъ-подростковъ. Самъ же я былъ настолько занятъ службой, что не имѣлъ возможности помочь имъ въ этомъ дѣлѣ.

Желающихъ учиться было очень много, но пришлось ограничиться двумя учениками, потому что остальнымъ было далеко ѣздить къ намъ на уроки. Одинъ знакомый киргизъ выпросилъ у меня позволеніе помѣстить ко мнѣ на житье своего сына, страстно желавшаго научиться русскому языку. Ученикъ нашей семьи оказался смышленымъ малымъ и надо было видѣть, съ какимъ усердіемъ просиживалъ онъ цѣлые дни надъ букваремъ и тетрадью. Хорошо зная, что мы недолго проживемъ въ Маргеланѣ, куда онъ пріѣхалъ изъ селенія Мадынгамъ, отстоявшаго въ 25 верстахъ, нашъ Садыкъ безъ устали заучивалъ цѣлыя страницы новыхъ для него словъ, исписывалъ цѣлые вороха бумаги, чтобы поскорѣе овладѣть искусствомъ русскаго письма.

Наблюдая этого ученика моихъ дочерей, я поражался его выносливостью и прилежаніемъ. Невольно приходило на мысль, какъ полезно было бы учрежденіе именно здѣсь небольшой русско-туземной школы съ простѣйшимъ интернатомъ на 10—20. мальчиковъ-киргизъ и съ вечерними курсами для взрослыхъ туземцевъ. Пока не проникла сюда и не укрѣпилась здѣсь сартовская схоластика, слѣдовало бы дать киргизскому населенію Чапкуллукской волости возможность учиться русскому языку.

Русская рѣчь.

Существующія въ небольшомъ числѣ русско-туземныя школы несомнѣнно дѣлаютъ свое дѣло, знакомя сыновей туземцевъ съ русскимъ языкомъ; но каждаго, кто посѣтитъ такую школу, всмотрится внимательно въ систему преподаванія, непремѣнно поразятъ совершенно разные результаты обученія въ двухъ параллельныхъ классахъ школы, русскомъ и мусульманскомъ. При открытіи первыхъ русско-туземныхъ школъ туземцы поспѣшили заявить, что для нихъ неудобна русская школа, потому что, отдавая своего сына въ русское училище, туземецъ долженъ

оставить его безъ религіознаго образованія, какое мальчикъ получаетъ въ „мактабѣ“. Это заявленіе вызвало съ нашей стороны компромисъ и мусульманскій „мактабдаръ“ (учитель) водворился въ русско-туземномъ училищѣ рядомъ съ русскимъ учителемъ.

Дѣти занимаются съ русскимъ учителемъ чтеніемъ и письмомъ, но дѣло идетъ впередъ медленно и съ большимъ трудомъ. Конечно, вѣнецъ всего обученія въ русскомъ классѣ, это передача ученику русской разговорной рѣчи, пріученіе его хоть немного объясняться по-русски.

Вотъ и бьется учитель съ сартятами, заставляя ихъ читать вслухъ, писать и переводить, но какъ только прошли установленные часы занятій въ русскомъ классѣ, мальчики переходятъ въ сосѣднюю комнату, поступая въ распоряженіе туземнаго учителя, который обучаетъ ихъ всѣмъ наукамъ, составляющимъ курсъ туземнаго „мактаба“. Въ часы занятій съ туземнымъ учителемъ мальчики совершенно отрѣшаются отъ того, что старался преподать имъ русскій учитель. Обстановка туземнаго класса почти ничѣмъ не отличается отъ туземнаго мактаба, только въ комнатѣ сдѣланы окна и двери, кирпичный полъ устланъ войлоками и стѣны выбѣлены. Ученикъ, пользовавшійся въ русскомъ классѣ принятыми въ нашей школѣ ученическими партами, садится здѣсь на землю, учебныхъ пособій никакихъ нѣтъ и преподаваніе ведется по старинному способу, основанному исключительно на механическомъ заучиваніи. Конечно, русскаго языка здѣсь нѣтъ и въ поминѣ, ученикъ, запомнившій въ русскомъ классѣ нѣсколько русскихъ словъ, тотчасъ же забываетъ ихъ, увлекшись хоровымъ чтеніемъ Корана или механическимъ заучиваніемъ обрядовъ, сопровождающихъ омовеніе „тааратъ“. Если вы попросите туземнаго учителя спросить при себѣ учениковъ изъ пройденнаго, вы будете поражены метаморфозой, происшедшій съ мальчикомъ, только что оставившимъ классъ русскаго языка. Тамъ онъ вяло и монотонно прочитывалъ предложенную ему страницу, декламировалъ Крыловскую басню, не отдавая себѣ отчета въ смыслѣ словъ и морали басни, механически продѣлывалъ сложеніе и вычитаніе на классной доскѣ. Здѣсь онъ съ увлеченіемъ обнаруживаетъ свои знанія въ предметахъ, знакомыхъ каждому мусульманину, и ни на волосъ не отступитъ отъ преподанныхъ мактабдаромъ сложныхъ обрядныхъ формальностей религіознаго характера. Самые маленькіе мальчики оказываются въ короткое время

обученными всѣмъ тонкостямъ обрядовъ, недурно читаютъ наизусть цѣлыя главы Корана и дѣлаютъ ариѳметическія выкладки при помощи крайне оригинальной таблицы умноженія, выраженной въ стихахъ, гдѣ каждая буква соотвѣтствуетъ извѣстному числу. Такимъ образомъ, занятія въ мусульманскомъ классѣ идутъ часто успѣшнѣе, чѣмъ въ русскомъ, а самое обученіе въ двухъ параллельныхъ классахъ по очереди приводитъ къ тому, что мусульманскія знанія, не имѣющія ничего общаго съ проходимой въ русскомъ классѣ наукой, положительно парализуютъ старанія русскаго учителя и только мѣшаютъ мальчику сосредоточиться на изученіи русскаго языка.

Повидимому, въ этомъ надо искать причину тѣхъ слабыхъ успѣховъ, какіе обнаруживаютъ юноши, покидающіе послѣ шестилѣтняго курса русско-туземную школу. Познанія ихъ въ русской грамотѣ настолько незначительны, что 2—3 года, проведенные школьникомъ въ семьѣ, гдѣ никто не говоритъ порусски, совершенно изглаживаютъ изъ памяти все пройденное, и нужны особыя условія занятій или службы, чтобы юноша сохранилъ вынесенныя имъ изъ школы знанія. А между тѣмъ и времени, и энергіи со стороны учителя и учениковъ было потрачено не мало.

Что же нужно сдѣлать, чтобы не пропадали даромъ лучшіе для обученія годы туземныхъ мальчиковъ и чтобы русскіе учителя не тратили съ ними попусту время? Думается, нужно обратить вниманіе на мусульманскія начальныя школы, реформировать ихъ и, можетъ быть, тогда школы эти могутъ совсѣмъ замѣнить въ краѣ мало отвѣчающія своему назначенію русско-туземныя школы. До сихъ поръ же всѣ начальныя мусульманскія школы (мактабы) открываются частными лицами по своему произволу, и никто не интересуется ни личностью, ни степенью подготовки даннаго туземца къ принимаемой имъ на себя отвѣтственной роли школьнаго учителя. Можно было бы примѣнить къ туземнымъ начальнымъ школамъ тѣ правила, какія соблюдаются при открытіи начальныхъ школъ въ Россіи, и потребовать, чтобы всякій, желающій учить другихъ, сначала самъ бы прошелъ извѣстный курсъ обученія и освоился бы съ новѣйшими методами преподаванія. Нужно также, чтобы будущіе учителя реформированныхъ начальныхъ туземныхъ училищъ изучили бы русскій языкъ. Могутъ возразить, что взрослаго туземца трудно будетъ заставить толкомъ выучиться по-русски, но мнѣ кажется, что никакого затрудненія здѣсь быть не можетъ:

на вечернихъ курсахъ при русскихъ городскихъ училищахъ и русско-туземныхъ школахъ добровольно обучается русскому языку не мало взрослыхъ туземцевъ только потому, что знаніе русскаго языка они считаютъ для себя необходимымъ. Стоитъ только учредить правительственный надзоръ за начальными туземными училищами и назначить туда подготовленныхъ учителей на небольшое, но опредѣленное жалованье—120-200 р. въ годъ. Найдется не мало способныхъ туземцевъ, которые пожелаютъ пройти курсъ въ заведеніи, подготовляющемъ учителей, для того, чтобы пріобрѣсти право на званіе мактабдара.

Необходимыя на содержаніе школъ средства могутъ быть получены отъ родителей, отдающихъ своихъ дѣтей въ начальныя школы. Теперь они тоже платятъ учителямъ, но въ видѣ подарковъ или подачекъ; можно обязать ихъ вносить за обученіе дѣтей незначительную, но опредѣленную сумму. Разъ только училища будутъ поставлены на легальную почву, не встрѣтится затрудненій и въ томъ, чтобы приспособить программу начальныхъ школъ къ болѣе успѣшному изученію всего того, что теперь преподается въ туземныхъ мактабахъ, но по новѣйшимъ методамъ, требующимъ отъ ученика пониманія, а не простого механическаго запоминанія. Это дастъ лучшіе результаты при меньшей затратѣ силъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно ввести въ курсъ элементарное обученіе русскому языку, чтобы сдѣлать болѣе незамѣтнымъ переходъ изъ начальной школы въ обыкновенное городское училище.

Мнѣ случалось видѣть мальчиковъ, которые не учились въ русско-туземной школѣ, а прямо изъ мактаба попадали въ городское или приходское училище. Эти дѣти, находясь между русскими, шутя выучивались хорошо говорить по-русски, а ихъ товарищи, окончившіе курсъ въ русско-туземныхъ школахъ, значительно уступали имъ въ бойкости разговорной рѣчи. Причину такой разницы надо искать, конечно, въ общеніи туземныхъ мальчиковъ съ русскими дѣтьми; въ играхъ и шалостяхъ разговорный языкъ быстрѣе прививается, чѣмъ въ классѣ, за стѣнами котораго нѣтъ практики русской рѣчи.

Если бы удалось начальныя туземныя училища преобразовать въ такія школы, которыя были бы въ состояніи преподать своему ученику необходимыя свѣдѣнія по религіи и знанію мусульманской грамоты и, сверхъ того, подготовили бы мальчика по русскому языку для перехода въ русское училище, тогда, можетъ быть, и не встрѣтилось бы надобности открывать

русско-туземныя школы съ параллельными классами, а пришлось бы въ городскихъ и приходскихъ училищахъ дать мѣсто и дѣтямъ туземцевъ, желающимъ обучаться русскому языку, какъ слѣдуетъ. Туземцы сознаютъ уже теперь необходимость знанія русскаго языка, но справедливо недовольны тѣми результатами, какіе получаются отъ 5—6 лѣтняго пребыванія ихъ дѣтей въ русско-туземныхъ школахъ. Эти учебныя заведенія вмѣстѣ съ туземными начальными училищами ждутъ преобразованій.

Просвѣщеніе на родномъ языкѣ.

Очень часто приходится выслушивать сѣтованія на медленность сближенія туземцевъ съ пришлымъ въ край русскимъ населеніемъ, на косность, фанатизмъ и тому подобныя нежелательныя, въ смыслѣ ассимиляціи, стороны характера нашего туземнаго населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, присмотрѣвшись внимательнѣе, мы замѣтимъ, что не на всѣхъ пунктахъ взаимнаго соприкосновенія съ русскими туземцы избѣгаютъ сближенія. Торговецъ воскреснаго базара въ Ташкентѣ ничуть не сторонится русскихъ, а, напротивъ, старается, въ угоду своимъ покупателямъ и покупательницамъ, подготовить къ ихъ появленію на базарѣ тотъ именно товаръ, какой нуженъ русскимъ, до соленыхъ огурцовъ и кислой капусты включительно. „Максимка“, какъ обыкновенно величаютъ лавочника наши деньщики и кухарки, идетъ дальше: онъ старательно изучаетъ тотъ „волапюкъ“, на которомъ ему приходится вести бесѣду съ покупателями, безпощадно коверкая сартовскій языкъ, подгоняя его грамматическія формы къ русскому и русскія фразы передѣлывая по своему. Такъ или иначе болтовня на новомъ международномъ нарѣчіи достигаетъ своей цѣли, и стороны въ состояніи совершать торговыя сдѣлки, даже не прибѣгая къ помощи профессіональнаго переводчика.

Сартъ отлично понимаетъ превосходство мануфактурныхъ издѣлій русскихъ фабрикъ и если-бы наши мануфактуры не были такъ дороги, то можно сказать съ увѣренностью, что туземныя, кустарнаго издѣлія, ткани, („алачи, маты, адраса, бикасаба, бенареса“) совсѣмъ сошли бы со сцены, а пока онѣ держатся еще вовсе не по традиціи, а только по причинѣ дешевизны. Смѣло можно сказать, что въ данное время въ Ташкентѣ нѣтъ уже туземцевъ, которые, имѣя на то средства, не предпочли бы одѣться сами къ празднику и одѣть членовъ своей

семьи въ платья изъ привозныхъ матерій, не взирая на то, что ткани эти выработаны не на станкахъ ихъ единовѣрцевъ.

Сартъ и даже сартянка посѣщаютъ городскую амбулаторную лечебницу, принимаютъ помощь русскаго врача, даже иногда любятъ лечиться.

Туземный хлопководъ изучилъ до тонкости всѣ пути къ сбыту своего товара, а купецъ хорошо ознакомился съ банковыми операціями и отваживается совершать поѣздки по торговымъ дѣламъ въ города внутренней Россіи.

Всѣхъ этихъ примѣровъ, мнѣ кажется, достаточно для того, чтобы убѣдиться, что туземное населеніе Туркестанскаго края съ полной готовностью идетъ навстрѣчу сближенію со своими русскими соотечественниками, когда сближеніе это не касается области религіозныхъ отличій и при этомъ сулитъ туземцу матеріальныя выгоды въ той или иной формѣ. Послѣднее условіе, какъ поводъ къ сближенію, конечно, самое главное и, хотя это нисколько и нелестно для насъ, европейцевъ, но приходится признать полную основательность опасливаго отношенія туземцевъ къ подражанію огульному, безъ разбора.

Русское правительство, съ самаго присоединенія Туркестанскаго края къ Имперіи, не переставало изыскивать пути къ тому, чтобы убѣдить туземцевъ въ необходимости стать съ русскими въ близкія сосѣдскія отношенія, сдѣлаться совершенно русскими подданными. Это стремленіе вызвало къ жизни множество русско-туземныхъ школъ, выразилось въ изданіи для туземцевъ особой газеты съ русскимъ переводомъ и больше всего сказалось въ организованныхъ по распоряженію Главнаго Начальника края образовательныхъ поѣздкахъ по Россіи молодыхъ людей-туземцевъ.

Безспорно, всѣ мѣры, направленныя къ распространенію среди туземцевъ знанія русскаго языка, принесутъ не мало пользы сближенію съ нами туземцевъ, но, по нашему мнѣнію, не мѣшало бы обсудить способы воздѣйствія на умы тѣхъ туземцевъ, которымъ, по разнымъ обстоятельствамъ, не суждено имѣть личныя, непосредственныя сношенія съ русскими. Необходимо подумать о тѣхъ, которые не могутъ послать мальчика въ школу по отдаленности ея отъ мѣста ихъ жительства, не могутъ прочитать газету, потому что неграмотны и по мусульмански и, наконецъ, не могутъ воспользоваться тѣми свѣдѣніями, какія привезетъ возвратившійся изъ поѣздки экскурсантъ. Надо подумать объ

нихъ, потому что ихъ большинство, они составляютъ $^{9}/_{10}$ всего туземнаго населенія.

Несмотря на значительное распространеніе въ краѣ мусульманскихъ учебныхъ заведеній разныхъ наименованій, далеко не всѣ молодые туземцы проходятъ курсъ обученія въ этихъ школахъ, а слѣдовательно и не подвергаются тому фантизирующему воздѣйствію, которое лежитъ въ основѣ мусульманской педагогики по самымъ программамъ курса туземныхъ мактебе и мадраса. Вотъ на такихъ то молодыхъ людей, не вкусившихъ мусульманской премудрости, основанной на Исламѣ, можно было бы успѣшно дѣйствовать, если бы мы серьезно занялись ихъ просвѣщеніемъ.

Въ 90-хъ годахъ были сдѣланы попытки чтеній для туземцевъ на ихъ языкѣ съ туманными картинами, а комиссія народныхъ чтеній возбуждала вопросъ о переводѣ на туземный языкъ такихъ сочиненій, которыя могли бы ознакомить сартовъ съ явленіями видимаго міра и распространить въ народѣ другія полезныя свѣдѣнія. Къ сожалѣнію, результаты этой просвѣтительной работы совершенно незамѣтны и трудно даже сказать, многоли пользы получилось отъ популяризаціи знаній такимъ способомъ.

Слушатели народныхъ чтеній въ Ташкентской мужской гимназіи, судя по краткимъ газетнымъ сообщеніямъ, въ большинствѣ принадлежали къ интеллигенціи Стараго Ташкента и даже болѣе—къ классу ученыхъ туземцевъ. Эти довольно состоятельные и, по-своему, много учившіеся люди представляютъ изъ себя аудиторію, которая не обѣщаетъ своимъ лекторамъ успѣха въ работѣ. Ученый туземецъ, будь то казій, ишанъ, аллямъ или мударрисъ высшей туземной школы, прежде всего страшно гордъ своей ученостью и самый завзятый консерваторъ въ смыслѣ старинныхъ мусульманскихъ традицій. Эти люди до того дорожатъ сохраненіемъ, хотя бы по наружности, престижа перваго сословія умовъ въ мусульманскомъ обществѣ, что позже всѣхъ перенимаютъ отъ русскихъ своихъ сосѣдей даже и то, что выгодно и удобно, что неученые туземцы перенимаютъ безъ всякаго размышленія. Такъ, напримѣръ, казіи въ Старомъ Ташкентѣ долго не могли рѣшить: прилично ли имъ, подобно простымъ туземцамъ, ѣздить по городу на извозчикахъ. Казалось бы, никакихъ основаній къ такому сомнѣнію не представлялось, а наши ученые туземцы долго не рѣшались измѣнить старому способу передвиженія въ крытыхъ арбахъ или

верхомъ, въ то время, когда остальные туземцы давно уже оцѣнили преимущество ѣзды въ русскихъ экипажахъ. Сравнительно недавно можно было видѣть въ Старомъ Ташкентѣ одного изъ бывшихъ казіевъ, ѣздившаго исключительно верхомъ, въ сопровожденіи пѣшаго джигита,—ни дать, ни взять, какъ въ старыя мусульманскія времена.

Мы указывали выше, что туземцы охотно покупаютъ русскія матеріи для своихъ одеждъ; однако ученое сословіе и здѣсь составляетъ исключеніе. Въ то время, когда простой туземецъ выбираетъ себѣ по вкусу сукно на халатъ, ситецъ или батистъ на рубашку, наши улемы только даромъ, въ видѣ подарка на тояхъ или похоронахъ, принимаютъ халаты изъ русскихъ суконъ. Если же пріобрѣтеніе матеріала зависитъ отъ него самого, то онъ непремѣнно добудетъ себѣ или сѣро-голубое константинопольское сукно, привозимое въ большомъ количествѣ паломниками, или остановитъ свой выборъ на дорогомъ, лучшаго сорта, муаровомъ бикасабѣ или бенаресѣ кокандскаго производства. Только костюмъ изъ такихъ чисто мусульманскихъ матерій считается приличнымъ для представителя мусульманской науки, который даже и нижнюю рубашку постарается сшить непремѣнно изъ тонкой туземной бумажной ткани, сохранивъ при этомъ древній покрой ворота безъ застежекъ, въ видѣ проймы, обшитой туземнаго же издѣлія тесьмой. Одѣвшись такъ, ученый туземецъ рѣзко отличается отъ толпы прочихъ туземцевъ, давно разрѣшившихъ себѣ разные компромиссы и приспособляющихся къ обстановкѣ, въ которой имъ приходится жить теперь.

Важный ученый туземецъ отличается отъ простого народа не только по наружному своему виду. Самое міровоззрѣніе его основано совсѣмъ на другихъ принципахъ; по самому складу ума ему трудно принять новыя знанія изъ устъ иновѣрца—преподавателя. Проходя, книга за книгой, мусульманскую науку, основанную главнымъ образомъ на непререкаемыхъ положеніяхъ Корана, ученый туземецъ до такой степени проникается духомъ своей мусульманской науки, что ему трудно потомъ отъ средневѣковыхъ научныхъ понятій перейти къ усвоенію научныхъ истинъ нашего времени. О чемъ бы вы ни заговорили съ ученымъ туземцемъ, въ памяти его встаетъ какой-нибудь „хадисъ“ Мухаммада или примѣръ изъ жизни мусульманскаго подвижника, совершенно противорѣчащій тому, что ему приходится слышать. Я ужъ не говорю о противорѣчіяхъ, съ ко-

торыми столкнулся бы русскій преподаватель, задавшись цѣлью объяснить ученому туземцу строеніе міровой системы и различныя астрономическія явленія. Внимательно, на видъ, прослушавъ лекцію, улемъ все-таки ни на іоту не измѣнилъ бы космогоніи, преподанной ему отцами мусульманской учености, иначе ему пришлось бы сильно задуматься надъ расположеніемъ, по отношенію къ землѣ и земной атмосферѣ мусульманскаго рая и ада. Многое въ наукѣ, по необходимости, должно быть встрѣчено ученымъ туземцемъ съ недовѣріемъ, потому что почти по каждому вопросу у ученаго туземца при изученіи мусульманской науки уже сложились опредѣленные взгляды. Ученаго туземца приходится не учить, а переучивать, что, конечно, гораздо труднѣе.

Даже если бы и посчастливилось русскому преподавателю найти не особенно твердаго въ мусульманской наукѣ туземнаго интеллигента и внушить ему нѣкоторыя современныя научныя положенія, то пользы отъ этого туземной массѣ все равно не будетъ. Самъ новичокъ въ европейской наукѣ врядъ ли рѣшится пропагандировать свои вновь пріобрѣтенныя знанія отвлеченнаго свойства въ средѣ своихъ единоплеменниковъ: онъ побоится прослыть невѣрнымъ и потерять въ глазахъ толпы престижъ, который доставляется ученому туземцу полученнымъ въ мусульманской школѣ схоластическимъ образованіемъ.

Такимъ образомъ результаты научно-популярныхъ чтеній, организованныхъ для туземцевъ при Ташкентской мужской гимназіи, можно считать совершенно не соотвѣтствующими массѣ затрачиваемаго на нихъ труда.

Народныя чтенія для туземцевъ можно было бы организовать и для значительнаго числа слушателей изъ простого народа. Очень удобны для такихъ чтеній ночи поста Рамазана, когда много народу, по обычаю, посѣщаетъ пассажи центральнаго базара въ Старомъ Ташкентѣ. Слѣдовало бы воспользоваться этими сборищами празднаго народа для просвѣтительныхъ цѣлей и заинтересовать хотя бы немногихъ пріобрѣтеніемъ знанія въ то время, какъ остальные будутъ смотрѣть туманныя картины, наслаждаясь невиданнымъ зрѣлищемъ, но не постигая настоящаго значенія того, что показывается. Свою долю пользы такія чтенія въ своеобразной ночной аудиторіи на открытомъ воздухѣ несомнѣнно принесутъ, но это еще далеко не все.

Массѣ туземцевъ болѣе всего необходима книга. Ждать, пока туземцы будутъ въ состояніи прочесть нужныя книги на

русскомъ языкѣ, значило бы откладывать въ очень долгій ящикъ просвѣщеніе всей туземной массы, которое только и можетъ воздвигнутъ надежный мостъ для сближенія ихъ съ нами. Не ослабляя нисколько нашей энергіи въ дѣлѣ распространенія между туземцами русской грамотности, весьма полезно и своевременно было бы ввести въ обиходъ туземца книгу на его родномъ нарѣчіи, которая въ общедоступной формѣ познакомила бы его съ новой областью свѣдѣній, отсутствующихъ въ чисто мусульманскихъ сочиненіяхъ.

Если ознакомиться съ содержаніемъ мусульманскихъ книгъ, продающихся въ лавкахъ мѣстныхъ книгопродавцевъ (сахафъ), то окажется, что всѣ онѣ не только не развиваютъ читателя, а, наоборотъ, лишь отуманиваютъ его умъ отвлеченностями или завѣдомо превратными толкованіями явленій видимаго міра.

Оставимъ въ сторонѣ тѣ книги, которыя содержатъ въ себѣ изложеніе религіозныхъ догматовъ и всѣхъ распространенныхъ толкованій на религіозныя темы,—это неотъемлемая принадлежность религіознаго культа, и мусульманину книги эти необходимы.

Спрашивается, какую пользу можетъ извлечь туземецъ изъ книгъ мусульманскихъ мистиковъ-суфіи, въ которыхъ они излагаютъ въ стихахъ свои философскія ученія и путемъ сравненій объясняютъ различныя состоянія своей души? Какую пользу можетъ извлечь туземецъ изъ чтенія всей своей героически-романической литературы или классическаго сочиненія „Аджаибъ-уль-махлукатъ“, гдѣ подробно описываются всевозможныя несуществующія въ дѣйствительности животныя, птицы, рыбы и т. п.

А вѣдь книги эти, въ тысячахъ экземпляровъ, идутъ къ намъ изъ-за моря, привозятся агентами константинопольскихъ и бомбейскихъ типографій и раскупаются на нашихъ базарахъ. Значитъ, у простого народа есть потребность пріобрѣсти и прочесть книгу или послушать ея чтеніе гдѣ-нибудь въ собраніи. Почему же не пойти навстрѣчу этой потребности и не предложить на рынкѣ, рядомъ съ перлами мусульманской учености, другія книги, которыя въ доступной формѣ сообщали бы необходимыя, полезныя свѣдѣнія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что придется преодолѣть значительныя трудности прежде, чѣмъ русская книга на мѣстныхъ нарѣчіяхъ займетъ подобающее мѣсто на книжномъ рынкѣ. Придется много подумать, чтобы обезпечить русско-туземной литературѣ симпатіи ея потребителей. Самый видъ книги, ея изложеніе и стоимость необходимо будетъ приспособить ко вкусу

и средствамъ зауряднаго покупателя. Придется, можетъ быть, писать по таджикски, тюрски и киргизски для туземцевъ, говорящихъ на разныхъ нарѣчіяхъ, но всѣ эти трудности преодолѣть можно, если только нами будетъ руководить сознаніе необходимости упорной борьбы съ мусульманской книгой, только задерживающей развитіе туземнаго населенія, а вслѣдствіе этого тормозящей сліяніе туземцевъ съ русскими.

Изучивъ книжный товаръ, обращающійся на туземномъ книжномъ рынкѣ, можетъ быть, мы окажемся въ силахъ каждому сочиненію общей (не религіозной) мусульманской литературы противопоставить однородное по предмету сочиненіе изъ литературы европейской. Главное отличіе всѣхъ этихъ книгъ, предложенныхъ взамѣнъ мусульманскихъ, должно заключаться въ томъ, что содержаніе ихъ не будетъ касаться прославленія Ислама, какъ міровой религіи, не будетъ въ нихъ раздѣленія всѣхъ людей на мусульманъ и невѣрныхъ, но за то, сколько дѣйствительно полезныхъ свѣдѣній изъ этихъ книгъ почерпнетъ каждый, хотя бы изъ любопытства, взявшій въ руки новую русско-туземную книгу.

Выступая на борьбу съ мусульманской книгой путемъ свободной конкуренціи, руководители этого дѣла должны приготовиться заранѣе не только къ равнодушному, но даже къ завѣдомо непріязненному отношенію къ новымъ книгамъ со стороны представителей мусульманской учености. Новой книгѣ предстоитъ пробудить въ мозгу туземца много новыхъ мыслей и, можетъ быть, критику того, что ему преподавалось раньше. Представители мусульманской учености несомнѣнно употребятъ всѣ усилія, чтобы помѣшать распространенію этихъ книгъ въ массѣ народа.

Поэтому необходимо принять такія мѣры, которыя способствовали бы распространенію среди туземцевъ русско-туземной книги. Между прочимъ, можно вліять въ этомъ направленіи черезъ школу, вводя въ преподаваніе многочисленныхъ туземныхъ школъ тѣ предметы и свѣдѣнія, какіе признаются необходимыми для просвѣщенія туземцевъ. Въ школѣ ученикъ увидитъ новую книгу, онъ принесетъ ее домой и родители мальчика также съ ней ознакомятся. Такимъ образомъ сразу во многихъ мѣстахъ Туркестанскаго края новая русско-туземная книга окажетъ свое воздѣйствіе и успѣхъ ея будетъ зависѣть только отъ того, насколько удачно она будетъ составлена.

Книжная торговля въ туземной части г. Ташкента.

Книжная торговля въ туземной части Ташкента ведется въ обширныхъ размѣрахъ и сосредоточивается на „сахабъ-базарѣ“, состоящемъ изъ однѣхъ только книжныхъ лавокъ. Само собой разумѣется, что лавки эти по своей обстановкѣ и величинѣ ни чуть не напоминаютъ нашихъ книжныхъ магазиновъ. Это такія же клѣтки въ 9 квадратныхъ аршинъ, какъ и другія лавки на большомъ азіатскомъ базарѣ: туземецъ очень не любитъ расходоваться на представительность и не заботится объ удобствахъ торговли. Тридцать торговцевъ расположились по обѣ стороны небольшого пассажа, занятаго книжнымъ товаромъ. Остальные торговцы оптовые; ихъ всего человѣкъ восемь. Торгуютъ они въ караванъ-сараяхъ и вмѣстѣ съ другимъ товаромъ снабжаютъ книгами владѣльцевъ лавокъ въ „сахабъ-базарѣ“.

Долго не принималось никакихъ мѣръ къ упорядоченію книжной торговли у туземцевъ и только въ 90-хъ годахъ сдѣланъ былъ первый шагъ въ этомъ направленіи. Наблюдающій за книжной торговлей въ области Е. Т. Смирновъ, при посредствѣ полицейскихъ властей, потребовалъ, чтобы всѣ книжные торговцы запаслись установленными закономъ разрѣшительными свидѣтельствами военнаго губернатора на производство книжной торговли въ туземномъ Ташкентѣ. Требованіе это повело къ установленію числа книготорговцевъ, такъ какъ каждый изъ нихъ, опасаясь взысканія, поспѣшилъ заявить о своемъ желаніи получить свидѣтельство. При этомъ, между прочимъ, выяснилось, что почти всѣ торговцы книжнаго базара занимаются въ то же время переплетнымъ мастерствомъ и продажей дешевыхъ письменныхъ принадлежностей. Кромѣ того, нѣкоторымъ торговцамъ желѣзомъ, мануфактурными, галантерейными и другими товарами приходится нерѣдко заниматься книжною торговлею помимо желанія и подчасъ совершенно неожиданно: купцы на ярмаркахъ внутренней Россіи, преимущественно татары, въ счетъ заказаннаго товара высылаютъ нашимъ сартамъ извѣстное число экземпляровъ Корана и „Гафтіака“ (одна изъ частей Корана), вынуждая ихъ такимъ образомъ распродавать и книжный товаръ. Этотъ обычай прочно установился и сартамъ приходится распространять въ Туркестанѣ массу казанскихъ изданій.

Требованіе, чтобы книготорговцы имѣли разрѣшительныя свидѣтельства, является первымъ шагомъ въ дѣлѣ упорядоче-

нія книжной торговли у туземцевъ, но въ этомъ отношеніи предстоитъ сдѣлать еще весьма многое. Было бы весьма желательно ознакомиться съ тѣми литературными произведеніями восточныхъ авторовъ, которыя пользуются наибольшей популярностью среди нашихъ туземцевъ, опредѣлить, такъ сказать, ихъ вкусъ и, руководствуясь указаніями, добытыми такимъ изслѣдованіемъ, внести на книжный рынокъ кое-что новое, что могло бы быть интересно и полезно въ видахъ расширенія умственнаго кругозора сартовъ. Въ отношеніи надзора за содержаніемъ книгъ, обращающихся среди туземцевъ, необходимо было бы установить цензуру книгъ здѣсь, на мѣстѣ, но цензуру отнюдь не формальную только, какая нынѣ существуетъ для мусульманскихъ книгъ. Многимъ, кто интересовался этимъ дѣломъ, приходилось, вѣроятно, замѣчать, что въ пропущенныхъ цензурою книгахъ на восточныхъ нарѣчіяхъ, тамъ и сямъ, красныя чернила цензора уничтожили слово „кяфиръ", которое у мусульманскихъ писателей встрѣчается почти на каждомъ шагу. Слово это въ переводѣ на нашъ языкъ значитъ „многобожникъ" и по смыслу своему не должно къ христіанамъ и евреямъ примѣняться, а можетъ относиться только въ людямъ, „неимѣющимъ писанія"—язычникамъ, буддистамъ, браманистамъ и др. Поэтому, казалось бы, нечего намъ принимать на себя это прозвище и обижаться. Между тѣмъ вы видите томъ сочиненій самаго популярнаго персидскаго поэта Саади, весь испещренный красными чернилами на словѣ „кяфиръ", тогда какъ другое сочиненіе, гораздо менѣе позволительное, пройдетъ черезъ Сциллу и Харибду цензуры только потому, что слова „кяфиръ" тамъ нѣтъ. Поэтому, а также въ видахъ ускоренія рѣшенія всякихъ вопросовъ по цензурѣ мусульманскихъ книгъ, крайне желательно было-бы имѣть компетентнаго цензора, который здѣсь, на мѣстѣ, былъ бы вправѣ рѣшать, можно ли допустить то или другое сочиненіе на книжный рынокъ или дозволить его изданіе.

Среди туземцевъ многіе постигли уже выгоды книгоиздательскаго дѣла и между ними можно было-бы найти подходящихъ людей для выпуска въ свѣтъ сочиненій, не узко религіознаго схоластическаго содержанія только, но и практическаго характера. Книги по естественнымъ наукамъ и руководства по различнымъ отраслямъ техники помогли-бы двинуть развитіе туземца. Сартъ—большой практикъ, а практическія то свѣдѣнія какъ разъ отсутствуютъ въ книгахъ чисто мусульманскаго

характера; надо придти на помощь туземцу и оживить его книжный рынокъ популярными сочиненіями. Это было-бы надежнымъ средствомъ побудить сарта расширить свой кругозоръ и не ограничиваться чтеніемъ книгъ узко-религіознаго направленія.

Преміи за образованіе.

Нѣсколько ташкентскихъ сартовъ ежегодно ѣздятъ въ Бухару для полученія премій за образованіе, извѣстныхъ подъ именемъ „дагіакъ“ (десятина). Еще эмиромъ Тимуромъ былъ установленъ „вакфъ“ (заповѣдное имущество), доходы съ котораго опредѣлено было выдавать ученымъ въ поощреніе къ изученію самой мудреной книги восточныхъ правовѣдовъ „Хидая-и-шерифъ“; *) было назначено 800 стипендіатовъ, каждому по 120 тенегъ или 24 р. въ годъ. Эмиръ Музаффаръ прибавилъ еще 200 вакансій и теперь стипендіатовъ книги „Хидая“ насчитывается 900 въ Бухарѣ и 100 въ Шааръ-Сабизѣ. Всѣ обучавшіеся въ бухарскихъ медресе (высшихъ школахъ) имѣютъ право явиться на публичный экзаменъ и доказать свое знаніе мусульманской науки на чтеніи и объясненіи текста арабской „Хидаи“.

Ежегодно около 15 февраля эмиръ Бухарскій отдаетъ приказъ казы-каляну (старшему судьѣ) раздѣлить стипендіи „дагіакъ“. У двери каждаго медресе глашатаи возвѣщаютъ о приближеніи дня раздачи стипендій и всѣ, имѣющіе право на полученіе 120 тенегъ, спѣшатъ въ домъ казы-каляна, гдѣ производится повѣрка кандидатскихъ списковъ и выдаются деньги. Живущіе внѣ Бухары должны прибыть лично къ назначенному сроку—иначе они лишаются права на полученіе премій. По окончаніи раздачи денегъ всѣмъ наличнымъ стипендіатамъ, подводится счетъ неявившимся и умершимъ. Такимъ образомъ открываются новыя вакансіи и начинается въ присутствіи нѣсколькихъ тысячъ народа публичный экзаменъ въ знаніи „Хидаи“.

Экзаменаторы страшно строги: не говоря уже о неясномъ толкованіи, даже невѣрное чтеніе „зира“ или „забара“ **), лишаетъ соискателя преміи. Понятно, что при такихъ условіяхъ награда лауреатовъ не ограничивается полученіемъ 24 р.: они становятся героями дня и слава ихъ разносится далеко за предѣлы Бухары.

*) Переводъ ея въ 1893 году изданъ подъ редакціей Н. И. Гродекова.
**) Надстрочные и подстрочные знаки.

Энциклопедія мусульманскихъ знаній.

Между туземцами довольно часто встрѣчаются люди, обладающіе солидными познаніями въ той области восточныхъ наукъ, которая составляетъ ихъ спеціальность. Имѣющіе отношеніе къ народному суду законовѣды отлично знаютъ самыя сбивчивыя постановленія мусульманскаго кодекса со всѣми толкованіями; туземные лекаря хорошо усвоили себѣ тѣ элементарныя свѣдѣнія о человѣческой природѣ, которыя заключаются въ книгахъ посвященныхъ медицинѣ („ильми-тибъ"); наконецъ, мусульманскіе мистики—дервиши различныхъ орденовъ суфизма—хорошо ознакомлены съ темными отвлеченными положеніями, лежащими въ основѣ суфійскаго ученія и съ педантично мелочными подробностями суфійскаго ритуала.

Зато очень рѣдко можно встрѣтить образованнаго туземца, который зналъ бы что-нибудь, кромѣ избраннаго имъ, такъ сказать, для эксплоатаціи, предмета. Обыкновенно, какъ только вопросъ чуть-чуть выходитъ изъ сферы узкой спеціальности, такъ ужъ и не жди пространнаго отвѣта: собесѣдникъ старается отдѣлаться общими мѣстами или просто прибѣгаетъ къ фигурѣ умолчанія, прикрытой какимъ-нибудь религіознымъ возгласомъ, вродѣ „я Алла" или „ой тауба". Послѣ такого возгласа, указывающаго на твердое намѣреніе перемѣнить разговоръ, становится какъ-то неловко его дальше разспрашивать. Знатоковъ исторіи нѣтъ даже между самыми образованными сартами, а если кто и чувствуетъ охоту къ запоминанію историческихъ фактовъ, то только изъ библейской исторіи по „Сіар-и-шарифъ" или „Касас-уль- анбіа", а не по общей исторіи востока.

Однажды знакомый сартъ пріѣхалъ ко мнѣ съ „гапа" (еженедѣльное собраніе) и разсказалъ, что встрѣтился тамъ съ однимъ ишаномъ, который поразилъ его глубиной своихъ познаній и разносторонностью свѣдѣній.

Въ собраніи было много ученыхъ людей, но ишанъ Кадріа всѣхъ ихъ перещеголялъ ученостью. Какой бы ни поднялся вопросъ, старикъ ишанъ умѣлъ очень обстоятельно отвѣтить и, не останавливаясь на краткомъ освѣщеніи предмета, шелъ все дальше и дальше, развивалъ свою мысль, приводилъ примѣры, подыскивалъ удачныя остроумныя сравненія и ссылался на ученые труды видныхъ мусульманскихъ дѣятелей. Онъ не останавли-

вался до тѣхъ поръ, пока не удавалось ему объяснить слушателямъ данный предметъ во всей подробности. При этомъ ишанъ излагалъ свои знанія въ весьма краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, — говорилъ мнѣ очевидецъ, мой знакомый.

Я заинтересовался личностью выдающагося по эрудиціи туземца и выразилъ желаніе съ нимъ познакомиться. Какъ всегда дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, я вскорѣ получилъ приглашеніе на чашку чая къ одному знакомому, который, спеціально для меня, вмѣстѣ съ другими своими знакомыми пригласилъ также интересовавшаго меня ишана.

Ишанъ этотъ ранѣе былъ мнѣ извѣстенъ только по имени; я зналъ, что онъ принадлежитъ къ ордену Кадріа-джагрія и уроженецъ Пешавера. Его происхожденіе объяснило мнѣ при свиданіи, почему мой новый знакомый по типу лица вовсе не походилъ на нашихъ ташкентскихъ туземцевъ. Передо мной былъ старикъ съ сѣдой бородой и бронзовымъ цвѣтомъ лица. Крупный носъ придавалъ нѣсколько суровое выраженіе его лицу, а выразительные глаза и улыбка обнаруживали привѣтливый и веселый характеръ старца.

Старикъ быстро овладѣлъ разговоромъ и, пересыпая рѣчь остротами и подходящими къ данному случаю стихами восточныхъ классиковъ, заставилъ всѣхъ присутствующихъ сосредоточить вниманіе только на немъ одномъ. Было дѣйствительно что-то притягательное въ плавной рѣчи человѣка, для котораго, казалось, не было никакихъ затрудненій во всемъ, о чемъ его спрашивали. Я самъ заслушался и убѣдился, что въ области восточной науки мой знакомецъ дѣйствительно является весьма свѣдущимъ.

Мы познакомились ближе; ишанъ сталъ бывать у меня, я у него. А когда старикъ поѣхалъ въ „хаджъ“ въ Мекку, онъ изъ каждаго попутнаго города присылалъ мнѣ письма о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ. Однажды, пересматривая книги ишана, я спросилъ его: какую книгу онъ считаетъ самой цѣнной въ своей библіотекѣ? Старикъ назвалъ мнѣ „Матла-уль-улумъ“ (источникъ наукъ), объемистую книгу, содержащую въ себѣ краткія свѣдѣнія по всѣмъ наукамъ. Я заитересовался содержаніемъ книги и взялъ ее на время. Ознакомившись съ этой книгой, я убѣдился, что она-то главнымъ образомъ и дала ишану тотъ громадный запасъ свѣдѣній, какой онъ обнаруживалъ въ обраніяхъ. Въ оглавленіи былъ приведенъ длинный перечень знаукъ, и между ними видное мѣсто занимали всевозможныя от-

влеченныя знанія, вродѣ алхиміи, гаданія и т. п., отошедшія въ европейской наукѣ въ область преданій о средне-вѣковой эпохѣ умственной жизни европейцевъ. Сѣдой стариной пахнуло на меня съ пожелтѣвшихъ страницъ персидской энциклопедіи, и я не могъ удержаться отъ желанія перевести для образца самую коротенькую главу этой книги. Въ ожиданіи, что когда-нибудь найдется желающій заняться болѣе подробно изученіемъ указанной книги, я привожу здѣсь переводъ отрывка, посвященнаго „Ильми-кіофатъ“ или „фирасатъ“, т. е. угадыванію внутреннихъ качествъ человѣка по его наружности. Эту главу энциклопедіи я выбралъ потому, что мы какъ-то долго бесѣдовали съ ишаномъ на эту тему.

„Да будетъ вѣдомо всѣмъ, что наука „фирасатъ“—святая наука. Потомки Адама, знакомые съ этой наукой, имѣютъ возможность, посмотрѣвъ на человѣка, судить о внутреннихъ его качествахъ. Если, по указаннымъ ниже признакамъ, какого-нибудь человѣка можно будетъ отнести къ числу хорошихъ людей, то необходимо стараться сблизиться съ такимъ человѣкомъ и искать его общества; наоборотъ, когда наружность человѣка даетъ данныя для невыгоднаго заключенія о внутреннихъ его качествахъ—надо стараться избѣгать такого человѣка.

Разсказъ 1-ый.

Изъ книгъ извѣстно, что одинъ ученый, для того, чтобы научиться различать внутреннія качества людей по наружному виду, ушелъ отъ людей и поселился на уединенной горѣ. У воротъ своего дома онъ поставилъ художника, которому приказалъ прежде, чѣмъ впустить къ нему пришедшаго человѣка, дѣлать и показывать ему портретъ посѣтителя. По портрету, справившись въ книгахъ, ученый рѣшалъ, надо ли видѣться съ пришедшимъ или нѣтъ. Если по наукѣ физіогномики выходило, что видѣться можно, ученый звалъ посѣтителя, если нѣтъ—не впускалъ въ ворота. Однажды одинъ человѣкъ пришелъ, желая повидаться съ ученымъ. Художникъ, по принятому порядку, сдѣлалъ портретъ и принесъ показать. Ученый по даннымъ наружности вывелъ заключеніе, что характеръ пришедшаго не хорошъ и не приказалъ его пускать. Художникъ сдѣлалъ посѣтителю жестъ прощанія и не впускалъ его. Посѣтитель не ушелъ, а написалъ ученому письмо, въ которомъ высказалъ, что заключеніе о его дурномъ характерѣ, сдѣланное ученымъ по портрету, совершенно вѣрно, но что посредствомъ

поста и молитвы ему удалось исправиться и поэтому ученый можетъ не опасаться его. Ученый приказалъ тогда впустить посѣтителя.

Такимъ образомъ наука эта приноситъ пользу всѣмъ, потому что знающіе за собой дурныя качества принуждены стараться исправиться при помощи воздержанія, а, кромѣ того, даетъ возможность каждому узнавать недостатки дурныхъ людей и остерегаться общенія съ такими людьми.

Разсказъ 2-ой.

Имамъ Джагфаръ-и-Садыкъ однажды вздумалъ совершить путешествіе. Когда онъ прибылъ въ одинъ городъ, богато одѣтый человѣкъ подошелъ къ лошади имама и, поклонившись, привѣтствовалъ его. Онъ спросилъ имама объ его имени, присхожденіи и гдѣ онъ предполагаетъ остановиться въ этомъ городѣ. Когда имамъ назвалъ свое имя, незнакомецъ узналъ его, такъ какъ имя это ему было извѣстно; онъ поцѣловалъ стремя имама Джагфара-и-Садыка, выразилъ ему искреннее почтеніе и пригласилъ его остановиться у него въ домѣ. Сколько имамъ ни отказывался и ни извинялся, тотъ не отставалъ. Имамъ по наружности вывелъ заключеніе, что онъ имѣетъ дѣло съ дурнымъ человѣкомъ, къ которому не слѣдуетъ приближаться, но, видя его настойчивость, согласился принять приглашеніе. Пригласившій обрадовался и, взявъ лошадь подъ уздцы, повелъ его къ себѣ въ домъ; приведя къ себѣ, помогъ имаму сойти съ коня и исполнилъ все, что требовало гостепріимство. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня имамъ просилъ разрѣшенія уѣхать, но хозяинъ сказалъ: „Вы имамъ (духовный глава) нашего времени, вы потомокъ пророка, посѣщеніе ваше принесло мнѣ много счастія, освѣтило мой домъ. Я очень сожалѣю, что не могъ предложить вамъ гостепріимство въ теченіе 2—3 дней“... Имамъ, желая исполнить просьбу хозяина, остался и пробылъ у него еще нѣсколько дней, потому что, какъ только онъ собирался уѣзжать, хозяинъ просилъ остаться. Прошло двѣ недѣли. Наконецъ имамъ, несмотря на упрашиванія хозяина, рѣшилъ ѣхать дальше. Когда имамъ хотѣлъ выйти и сѣсть на лошадь, хозяинъ вынулъ изъ кармана бумагу и подалъ имаму. Когда тотъ прочиталъ ее, оказалось, что въ ней написанъ счетъ издержекъ по пріему гостя. Имамъ подсчиталъ расходы, сдѣланные хозяиномъ по его пріему, и убѣдился, что если онъ отдастъ всю свою одежду, оружіе и лошадь, то все-таки не въ состояніи будетъ

расплатиться, такъ какъ наличныхъ денегъ у него не было. Собравъ всѣ вещи. какія у него были, имамъ отдалъ ихъ хозяину и пошелъ дальше пѣшкомъ въ одномъ бѣльѣ. Человѣкъ, сдѣлавшій такую непріятность имаму, былъ съ впалыми щеками и и въ глазахъ его свѣтился огонекъ жадности,—было видно, что онъ плохой человѣкъ.

Изложеніе науки „кіофа". Ученые люди нашли нѣсколько средствъ судить о внутреннихъ качествахъ человѣка на основаніи наружныхъ признаковъ, и правильность положеній этой науки подтверждается преданіемъ отъ пророка (хадисъ), которое гласитъ: каждый высокій ростомъ—глупъ (кромѣ хазратъ Умара, да будетъ имъ доволенъ Богъ!) и всякій маленькій ростомъ (кромѣ хазратъ Алія, да будетъ имъ доволенъ Богъ!) долженъ быть сѣятелемъ зла. Одинъ человѣкъ вечеромъ сидѣлъ за книгой и читалъ. Онъ прочелъ въ книгѣ, что если у человѣка очень длинная борода, то это вѣрный признакъ его глупости. Борода читавшаго была длинна, и онъ принялъ это указаніе къ свѣдѣнію. Желая исправить свой недостатокъ, человѣкъ захватилъ свою длинную бороду въ руку и, не имѣя подъ рукой чѣмъ обрѣзать бороду, приставилъ конецъ бороды къ свѣчѣ, обжегъ, разумѣется, руки и борода сгорѣла вся. Этотъ поступокъ, конечно, доказалъ его глупость.

Стихъ. Когда лицо пріятное, счастливое, внутреннія качества можно узнать при помощи науки кіофа.

Голова. Если черепъ великъ и имѣетъ круглую форму, темя плоское, ровное, голова хорошо поросла волосами, то это доказательство ума, проницательности, щедрости и милосердія. Голова длинная по вертикальному направленію, неровная и безволосая—признакъ глупости, раздражительности и горячности.

Лобъ большой, сморщенный, нахмуренный указываетъ на недоброжелательность, дурныя намѣренія, гордость, тщеславіе и самоувѣренность. Лобъ—средній и не нахмуренный—есть признакъ правдивости, дружбы, милости и ума, и указываетъ на счастливую судьбу человѣка. Маленькій выпуклый лобъ—признакъ безстыдства и глупости; выпуклость на лбу отъ носа до волосъ показываетъ гнѣвъ и несчастливую судьбу человѣка. Нѣкоторые утверждаютъ, что морщины на лбу показываютъ счетъ лѣтъ и каждая морщина обозначаетъ десять лѣтъ.

Брови густыя и длинныя—признакъ жестокости, дурного характера и самомнѣнія. Если брови срослись, это—доказательство милосердія. Женщина со сросшимися бровями крѣпко лю-

битъ своего мужа, а мужъ—свою жену. Средней величины брови, не длинныя и не короткія, чернаго цвѣта—признакъ понятливости, благочестія и хорошаго отношенія къ людямъ. Если со стороны носа брови рѣдки, чуть видны, а къ сторонамъ лица гуще, то это показываетъ недоброжелательство, кляузничество. наклонность къ злодѣянію; если брови торчатъ и растутъ высоко, то это признакъ глупости и гордости.

Глаза. Если глаза большіе и черные, то это—признакъ беззаботности; вдавленные, провалившіеся глаза свидѣтельствуютъ о легковѣріи и маломъ развитіи; средней величины глаза—признакъ стыдливости и правдивости. Глаза провалившіеся, хотя вѣки и на мѣстѣ, показываютъ, гордость, подлость, неискренность и дурныя намѣренія. Глаза не на мѣстѣ—выпученные—признакъ безстыдства и зависти; моргающіе глаза показываютъ, что человѣкъ, обладающій ими, обманщикъ, хитрецъ и воръ. Глаза, отъ роду, безъ болѣзни, красные—признакъ долгой жизни. Бѣгающіе, подвижные глаза—признакъ зависти. Глаза голубые, малыхъ размѣровъ—признакъ хитрости и сладострастнаго влеченія къ женщинамъ. Круглые глаза не хорошо имѣть. Продолговатые глаза—признакъ счастія и добросердечія. Глаза средніе во всѣхъ отношеніяхъ, по величинѣ и цвѣту, свидѣтельствуютъ о хорошемъ характерѣ. Краснота на бѣлкѣ глаза безъ болѣзни показываетъ страстность къ женщинамъ.

Уши. Большія уши—признакъ хорошихъ качествъ, долгой жизни, но иногда вспыльчиваго характера. Маленькія уши—признакъ глупости, а средніе свидѣтельствуютъ объ умѣ и проницательности. Мясистыя нижнія мочки уха—признакъ богатства.

Носъ. Острый носъ—признакъ легковѣрія; расплющенный носъ съ большими ноздрями—признакъ сладострастія и гнѣва, а кривой носъ показываетъ отсутствіе искренности, безстыдство. Человѣкъ, обладающій такимъ носомъ, не боится грѣха. Носъ длинный, кривой, какъ клювъ попугая,—признакъ богатства. Средній во всѣхъ отношеніяхъ носъ—признакъ общаго здоровья.

Губы. Толстыя губы свидѣтельствуютъ о глупости, склонности къ дурному и злопамятности. Тонкія губы—признакъ ума и проницательности. Красныя губы—признакъ счастья; наоборотъ, синія, черныя губы—признакъ дурныхъ намѣреній, склонности къ дурнымъ страстямъ и низкаго происхожденія. Бѣлыя губы свидѣтельствуютъ о болѣзненности.

Ротъ. Большой ротъ—признакъ храбрости, а маленькій—

признакъ трусости и мнительности. Если у женщины большой ротъ, то она отличается страстностью къ мужчинамъ".

Вотъ какія указанія о наружныхъ признакахъ внутреннихъ качествъ человѣка содержитъ въ себѣ книга „Матла-уль-Улумъ". Свѣдѣнія эти могутъ послужить для сравненія съ такими же указаніями европейскихъ сочиненій и тогда, можетъ быть, выяснится, кто и что у кого позаимствовалъ.

Умному человѣку—достаточно и намека.

Среди сартовъ не мало можно найти такъ-называемыхъ „кари", спеціалистовъ декламаціи Корана. Эти труженики посвящаютъ лучшіе годы своей юности на безсмысленное повтореніе, сначала по книгѣ, а затѣмъ и наизусть, текстовъ Корана, который они, такимъ образомъ, выучиваютъ на память. Трудъ адскій, способный совершенно притупить мыслительныя способности, но въ результатѣ этихъ неимовѣрныхъ усилій является, для одолѣвшаго премудрость, званіе „кари", дающее право на уваженіе своихъ согражданъ и небольшой заработокъ; безъ чтенія Корана на могилѣ не обходятся ни одни похороны и каждый мало-мальски состоятельный человѣкъ приглашаетъ кари, вознаграждая его трудъ небольшой суммой денегъ или дешевенькимъ халатомъ.

Понятно поэтому желаніе каждаго отца, отдающаго сына въ науку, чтобы мальчикъ былъ обученъ этому искусству, а богатые люди-благотворители, завѣщая свое имущество въ вакфъ (*), нерѣдко опредѣляютъ доходы съ имущества на содержаніе „кари-хана"—помѣщеній для чтецовъ Корана, которые, получая отъ вакфа квартиру, обязываются читать Коранъ на поминъ души жертвователя.

Между женщинами „кари"—рѣдкость, но одинъ ученый мусульманинъ разсказалъ мнѣ преданіе о томъ, какъ женщина-кари въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ жизни и путешествій объяснялась со встрѣчными людьми исключительно одними подходящими къ случаю текстами Корана, не говоря отъ себя ни слова.

Героиня этого разсказа въ изученіи Корана ушла нѣсколько дальше, чѣмъ наши „кари", которые, повторяя на распѣвъ главы Корана и подрядъ и въ разбивку, не понимаютъ ни слова изъ прочитаннаго текста; она, изучивъ Коранъ наизусть, усвоила себѣ и смыслъ отдѣльныхъ изреченій.

---

*) Заповѣдное имущество.

Туземцамъ очень нравятся разсказы на тему о томъ, что, зная Коранъ, можно обойтись безъ пустословія, и въ средѣ сартовъ такіе разсказы циркулируютъ въ самыхъ разнообразныхъ версіяхъ. Я передаю разсказъ въ томъ видѣ, какъ самъ его слышалъ, а изреченія Корана, на которыхъ зиждется интересъ разсказа, я записалъ по-арабски и подыскалъ соотвѣтствующія мѣста по переводу Корана г. Саблукова, проставивъ послѣ каждой цитаты обозначеніе главъ и стиховъ.

— По преданію отъ Хазрета Абдуллы, сына Мубарака, такъ говорилъ разсказчикъ, извѣстно, что Хазретъ-Абдулла однажды вознамѣрился совершить „фарзъ“ (обязанность) паломничества въ Мекку, на поклоненіе Каабѣ. Послѣ утомительныхъ и трудныхъ переходовъ, достигъ онъ безводной мертвой пустыни, миновать которую не было возможности. Вскорѣ ему повстрѣчалась женщина, вся съ головы до ногъ укутанная въ бѣлоснѣжные покровы; странница шла пѣшкомъ и видимо путешествовала одна. Хазретъ-Абдулла, приблизившись къ незнакомкѣ, обратился къ ней съ общепринятымъ между магометанами привѣтствіемъ „миръ вамъ“ (13, 24). Женщина не замедлила отвѣтить ему цѣлымъ стихомъ Корана: „Миръ! будетъ словомъ привѣтствія имъ милостиваго Господа“ (36, 58).

Хазретъ-Абдулла, заключивъ изъ этихъ словъ, что привѣтствіе его понято загадочной женщиной, и видя ее въ пустынѣ одинокой и безпомощной, спросилъ ее, какъ она очутилась въ такой безлюдной мѣстности.

„Горе тѣмъ, чьи сердца ожесточились такъ, что не помнятъ о Богѣ! Они въ очевидномъ заблужденіи“ (39, 23),—отвѣчала женщина и тѣмъ дала понять своему собесѣднику, что она заблудилась въ степи.

Абдулла продолжалъ свои разспросы, желая узнать, откуда и куда путешествуетъ загадочная женщина.

„Хвала тому, кто въ нѣкоторую ночь содѣйствовалъ рабу своему совершить путь отъ запретной мечети къ отдаленной мечети“ (17, 11), отвѣчала спутница, и Хазретъ-Абдулла понялъ, что собесѣдница его отправилась изъ Мекки, а цѣль ея путешествія Іерусалимъ.

Далѣе Абдулла пожелалъ знать, какъ долго находится женщина въ степи. Женщина отвѣтила: „Онъ сказалъ: знаменіемъ тебѣ будетъ то, что ты въ продолженіе трехъ ночей не будешь говорить съ людьми, оставаясь здоровой“ (19, 11). Изъ

чего Хазретъ-Абдулла заключилъ, что женщина провела въ пустынѣ три дня.

Абдулла поинтересовался, есть ли у его собесѣдницы какіе-нибудь съѣстные припасы, и она сказала: „Не врагъ мнѣ Господь міровъ, который и кормитъ меня, и поитъ меня“ (26, 79), т. е., дала понять, что у нея нѣтъ ничего, кромѣ упованія на помощь Божію.

Пораженный умѣньемъ женщины объясняться исключительно изреченіями Корана, Хазретъ-Абдулла продолжалъ свои разспросы. На вопросъ о томъ, какъ она совершала предписанныя мусульманамъ омовенія въ степи, гдѣ невозможно найти воды, женщина отвѣтила. „Если вы больны или въ дорогѣ... и не найдете воды, то очищайте себя доброю пылью“ (4, 46), изъ чего слѣдовало, что за неимѣніемъ воды, женщина употребляла для очищенія пыль. На предложеніе подкрѣпить пищею свои силы, женщина сказала Абдуллѣ: „Вѣрующіе! вамъ предписанъ постъ, какъ онъ былъ предписанъ тѣмъ, которые были прежде васъ“ (2, 179), а когда Абдулла выразилъ удивленіе, что женщина постится не въ установленное для поста время, не въ Рамазанъ, то она отвѣчала: „А кто будетъ боленъ или въ путешествіи,—тому такое же число дней поститься въ другой мѣсяцъ“ (2, 180), и тѣмъ дала понять, что она отбываетъ постъ очистительный за пропускъ поста Рамазана. На возраженіе Абдуллы, что такая замѣна поста не для всѣхъ обязательна, женщина сказала: „Что вы поститесь,—это добро для васъ, если вы знающіе“ (2, 180), и онъ понялъ, что, хотя постъ и не обязателенъ, но приноситъ пользу постящемуся.

Основательное знаніе содержанія Корана, обнаруженное собесѣдницей, привело въ смущеніе Хазрета-Абдуллу, и онъ просилъ женщину объяснить ему, что вынуждаетъ ее объясняться исключительно изреченіями Корана. „Слова одного не скажетъ онъ безъ того, чтобы не было надъ нимъ готоваго стража“ (50, 17), отвѣчала женщина и Абдулла понялъ, что ею руководитъ боязнь суесловія.

Разспросы Абдуллы о происхожденіи встрѣченной имъ женщины, очевидно, ей не понравились, и она сказала: „Не слѣдуй тому, о чемъ у тебя нѣтъ знанія: истинно, за слухъ, зрѣніе, сердце,—за каждое изъ нихъ будетъ спрошено“ (17, 38), а Абдулла, замѣтивъ неудовольствіе, вызванное его любопытствомъ, поспѣшилъ извиниться. Въ отвѣтъ онъ услышалъ: „Я не сдѣлаю теперь вамъ упрековъ; Богъ проститъ ваши преступленія, ибо

онъ милосерднѣйшій изъ милосердствующихъ“ (12, 92) и понялъ, что его извиненіе принято.

На предложеніе воспользоваться его услугами, чтобы скорѣй добраться до каравана, отъ котораго отстала женщина, она отвѣтила: „Берите съ собой путевыхъ запасовъ; но самый лучшій путевой запасъ есть благочестіе“ (2, 193) и тѣмъ выразила согласіе ѣхать съ Абдуллой.

Хазретъ-Абдулла поспѣшилъ посадить верблюда, чтобы женщинѣ было удобно на него сѣсть, и незнакомка при этомъ произнесла: „Скажи также и вѣрующимъ женщинамъ, чтобы онѣ потупляли свои взоры; хранили бы себя отъ половыхъ пожеланій; показывали бы только тѣ изъ своихъ нарядовъ, которые наружу, накидывали себѣ на грудь покрывала“ (24, 31). Абдулла понялъ, что женщина проситъ его дать ей возможность сѣсть на верблюда, не открывая лица передъ вожакомъ. Хазретъ-Абдулла зажмурилъ глаза, и женщина стала усаживаться на верблюда. Въ эту минуту животное встало, и женщина до того заторопилась, что разорвала свое покрывало. „И если какая бѣда случается съ вами, то это за дѣла, какія усвоили вы сами себѣ: тогда какъ Онъ прощаетъ многое“ (42, 29), сказала она, выражая этимъ стихомъ мысль, что она наказана Богомъ за какое-нибудь прегрѣшеніе. Движеніемъ головы указала она Абдуллѣ на поводъ, который тотъ и поспѣшилъ подать своей спутницѣ.

Желая одобрить понятливость Хазрета-Абдуллы, женщина сказала: „И вразумилъ Соломона разсудить о ней“ (21, 79), а затѣмъ добавила: „Онъ сотворилъ скотъ, на которомъ вы ѣздите съ тѣмъ, чтобы вы, сидя на хребтахъ ихъ, вспоминали благодѣянія Господа вашего и чтобы вы, когда будете садиться на нихъ, говорили: хвала Тому, кто ихъ покорилъ намъ, тогда какъ мы не были въ состояніи сдѣлать это“ (43, 11, 12), выразивъ этимъ свою благодарность Богу, не оставившему ее своею помощью въ пустынѣ.

Хазретъ-Абдулла повелъ верблюда и, желая ускорить его шагъ, сталъ громко понукать животное. Торопливость вожака не понравилась возсѣдавшей на верблюдѣ путницѣ и она наставительнымъ тономъ произнесла: „Походка твоя пусть будетъ скромная, говори голосомъ тихимъ, потому что самый непріятный изъ голосовъ—есть голосъ ословъ“ (31, 18).

Крайне сконфуженный замѣчаніемъ своей спутницы, Абдулла молча шелъ впереди верблюда, размышляя о загадочной женщинѣ, которую ему суждено было сопровождать. Каждый

произнесенный незнакомкой текстъ Корана все больше возбуждалъ въ немъ желаніе разгадать ея тайну и, рискуя вновь огорчить спутницу, Абдулла рѣшился все-таки спросить ее—замужемъ ли она и кто ея мужъ. Этотъ вопросъ показался незнакомкѣ крайне назойливымъ и она, вмѣсто отвѣта, сказала: „Вѣрующіе! не спрашивайте о такихъ вещахъ, которыя, если открыты будутъ вамъ, огорчатъ васъ“.

Окончательно пристыженный Абдулла принужденъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ вопросовъ и, не желая огорчать спутницу, молча велъ верблюда. Наконецъ, на горизонтѣ показались свѣтящіеся точки, спутники были въ виду каравана, къ которому стремилась женщина. Абдулла отважился спросить, тотъ ли это караванъ, отъ котораго отстала незнакомка, и что въ караванѣ ей принадлежитъ. „Богатство и дѣти—украшеніе этой дальней жизни“ (18, 44), отвѣчала женщина, видимо обрадованная приближеніемъ къ цѣли путешествія. Абдулла продолжалъ свои разспросы о томъ, какое положеніе занимаютъ въ караванѣ дѣти его спутницы, просилъ ее назвать ему ихъ имена, чтобы онъ имѣлъ возможность вызвать дѣтей навстрѣчу матери. Эти вопросы не показались женщинѣ праздными, и Абдулла услышалъ въ отвѣтъ четыре стиха Корана: „Горныя вершины вмѣстѣ со звѣздами указываютъ вамъ прямые пути; Іоаннъ! крѣпко держись писанія. Съ Моисеемъ Богъ говорилъ такъ, какъ говорятъ, Авраама Богъ избралъ себѣ другомъ“ (16, 16; 19, 13; 4, 162; 1, 24). Абдулла понялъ, что въ караванѣ три сына его спутницы: Іоаннъ, Моисей и Авраамъ, и что они начальники каравана, распоряжающіеся его движеніемъ.

Приблизившись къ каравану, Абдулла сталъ звать по именамъ сыновей своей спутницы, и вскорѣ изъ шатра вышли трое прекрасныхъ мужественныхъ юношей и, почтительно привѣтствуя свою мать, помогли ей сойти съ верблюда и торжественно ввели ее въ шатеръ. Переступивъ лишь порогъ шатра, женщина, подавая старшему сыну золотой динаръ, произнесла: „Теперь пошлите кого-нибудь изъ васъ въ городъ съ этими вашими деньгами; пусть онъ посмотритъ, въ которомъ изъ нихъ пища чище, и принесетъ вамъ потребное количество ея“ (18, 18). Вскорѣ посланный возвратился съ молокомъ, хлѣбомъ, финиками и положилъ принесенные продукты передъ Абдуллой, а женщина обратившись къ нему, произнесла: „Ѣшьте, пейте на здоровье“ (52, 19). Абдулла, до нельзя заинтересованный встрѣчей съ загадочной женщиной, отказался вкусить пищи раньше, чѣмъ сыновья его

спутницы откроютъ ему причину, почему мать ихъ изъясняется исключительно изреченіями Корана. Юноши разсказали ему, что мать ихъ, боясь прогнѣвать Бога пустыми рѣчами, въ продолженіи сорока лѣтъ не произнесла ни одного слова, кромѣ содержащихся въ Коранѣ и принадлежащихъ „Тому, кто создалъ человѣка, научилъ его краснорѣчію“ (55, 2, 3), а по арабской пословицѣ „умному человѣку—достаточно и намека“.

О гаданіи у среднеазіатскихъ туземцевъ.

Среди туземнаго населенія Туркестанскаго края, въ общемъ довольно культурнаго въ практическомъ смыслѣ, крайне слабо распространены научныя знанія.

Весьма оборотливый и сообразительный въ повседневныхъ дѣлахъ своихъ, сартъ не имѣетъ часто рѣшительно никакого понятія о томъ, что дѣлается за околицей селенія, гдѣ онъ родился и выросъ, не представляетъ себѣ даже, что могутъ быть знанія, кромѣ содержащихся въ многочисленныхъ книгахъ, изучаемыхъ въ высшикъ мусульманскихъ школахъ—мадраса.

Схоластически—религіозная премудрость курса мадраса составляетъ даже для грамотнаго туземца предѣлъ, дальше котораго не идетъ человѣческая мысль.

Про всѣ прочія книги нашъ туземецъ думаетъ, что если въ нихъ содержится только то, что есть въ Коранѣ, то онѣ безполезны, если-же что нибудь лишнее противъ содержанія Корана, то онѣ вредны. Въ результатѣ—полное равнодушіе къ живому слову, къ новому знанію, упорный консерватизмъ въ отстаиваніи устарѣлыхъ научныхъ положеній, содержащихся въ книгахъ старыхъ мусульманскихъ мудрецовъ.

При такомъ слабомъ развитіи массы туземнаго населенія въ научномъ отношеніи, между сартами встрѣчаетя весьма много люда, склоннаго къ усвоенію мистическихъ внушеній суфизма, старательно распространяемаго ишанами, представителями различныхъ дервишескихъ орденовъ.

Эти просвѣтители неразвитыхъ туземцевъ не преподаютъ имъ знанія, не требуютъ изученія чего-либо, а только вѣры, вѣры въ себя, въ спасительность своего ученія, и требуютъ подъ угрозой всевозможныхъ напастей, которыя яко-бы всякій духовный наставникъ воленъ причинить сомнѣвающемуся по своему усмотрѣнію.

Получается подчиненіе, вѣрнѣе порабощеніе ишану воли и

мысли его мурида, а при такихъ условіяхъ трудно развивать свой умъ, невозможно обогащать его положительными знаніями.

И живетъ наше мѣстное населеніе въ абсолютной тьмѣ, которую долго еще не разсѣять намъ даже при хорошо устроенныхъ учебныхъ заведеніяхъ для туземцевъ

Обычный естественный спутникъ невѣжества—суевѣріе. Для темнаго суевѣрнаго туземца весь міръ населенъ духами, дивами и пэри, во власти которыхъ всегда находится человѣкъ. На каждомъ шагу примѣта, на каждомъ шагу боязнь чего-то таинственнагс, страшнаго.

Хочется преодолѣть эти враждебныя вліянія, обезопасить себя отъ вліянія дурного глаза, заговора, приворожнаго зелья.

Отсюда обращеніе ко всевозможнымъ мастерамъ тайныхъ дѣлъ, къ знатокамъ тайныхъ наукъ, по мнѣнію простого народа, способныхъ, при помощи своихъ знаній, спасти человѣка отъ его невидимыхъ, но сильныхъ враговъ.

Набожный человѣкъ, впрочемъ, раньше обращенія къ гадателямъ, считаетъ необходимымъ воспользоваться для этой цѣли Кораномъ.

„Слова Корана, говоритъ Г. Саблуковъ [1]), принимаются мусульманами также за надежную защиту отъ всего вредящаго, отъ сглаза, отъ очарованій всякаго вида. Для того у мусульманъ всѣхъ временъ было обычнымъ дѣломъ изображать слова Корана на домашнихъ вещахъ, на столовой посудѣ, изъ которой ѣдятъ и пьютъ, на вещахъ употребляемыхъ, особливо женщинами, въ нарядъ свой, на серьгахъ, перстняхъ, браслетахъ, металлическихъ зеркалахъ, или писать ихъ на особливыхъ металлическихъ дощечкахъ, бляхахъ, на лоскуткахъ бумаги, и носить, какъ талисманъ. Въ этомъ отношеніи оказываютъ особенно спасительную силу, говорятъ мусульмане, „двѣ послѣднія главы Корана“.

Такое использованіе Корана объясняется суевѣрнымъ обожаніемъ священной книги, каждое слово, каждая буква которой, по вѣрованію мусульманъ, обладаетъ особой силой. Несмотря, однако, на такое уваженіе къ своей законодательной книгѣ, мусульмане пользуются Кораномъ и прямо для гаданія.

Въ упомянутомъ выше сочиненіи знатока Корана Саблукова [2]) содержатся слѣдующія интересныя свѣдѣнія объ „истихаре“.

---

[1]) Свѣдѣнія о Коранѣ, стр. 66.

[2]) Ibid. стр. 67.

„Замѣчателенъ одинъ изъ видовъ суевѣрнаго употребленія Корана въ мусульманскомъ мірѣ,—употребленіе его при молитвѣ истихаре. Истихаре значитъ въ переводѣ „испрашиваніе добра у Бога". Мохаммеданинъ, предпринимая какое-либо дѣло, значительное въ его жизни, посредствомъ Корана пытается узнать объ исходѣ своего предпріятія, которое онъ или исполняетъ, или оставляетъ, смотря по указанію этой книги. Въ одномъ сборникѣ мохаммеданскихъ молитвъ и разсказовъ уставъ о истихаре изложенъ такъ:

„Молитва истихаре состоитъ изъ двухъ рякатовъ. Джаберъ,—благоволеніе Божіе надъ нимъ,—сказываетъ, что пророкъ—благословеніе и миръ ему отъ Бога—научилъ насъ молитвѣ истихаре, такъ-же, какъ онъ научилъ чтенію суръ Корана. Это достойно благословеній. Если кто принимается за какое-либо дѣло, напримѣръ, отправляется въ путь или останавливается на мѣстѣ; принимается за торгъ, посѣвъ, покупку; вступаетъ въ бракъ или хочетъ развода съ женою, или принимается за другое какое-либо дѣло, и захочетъ узнать, хорошо-ли оно или худо, полезно-ли въ семъ и въ будущемъ мірѣ, то онъ можетъ употребить молитву истихаре, слѣдующимъ образомъ: совершивъ омовеніе, онъ долженъ сдѣлать двѣ чреды (рякатъ) молитвы или четыре чреды. Въ каждый рякатъ онъ долженъ прочитать одинъ разъ фатиху *), одинъ разъ аятъ-ульюрси **) и десять разъ сію молитву: „Боже, испрашиваю у Тебя добраго успѣха, прибѣгая къ Твоему всевѣдѣнію; прошу доброй судьбы у Твоего предопредѣленія; обращаюсь съ молитвой къ Тебѣ, ради великой Твоей благости. Ты силенъ, а я безсиленъ; Ты вѣдаешь, а я не вѣдаю, ибо Ты одинъ тайновѣдецъ. Боже, если это дѣло хорошо для меня, въ моемъ состояніи и въ моей жизни, какъ Ты вѣдаешь, то дай мнѣ силу совершить его, ниспошли мнѣ помощь и благослови меня въ ономъ. А если это дѣло, какъ Ты вѣдаешь, злотворно для меня въ моемъ состояніи и въ моей жизни, то останови для меня успѣхъ онаго дѣла и меня удержи отъ исполненія его. По всемогуществу Своему ниспошли мнѣ благо, гдѣ только оно есть". Послѣ этой молитвы мохаммеданинъ раскрываетъ Коранъ и по словамъ, какія прежде другихъ попадутся ему на глаза, судитъ о послѣдствіяхъ задуманнаго дѣла; онъ принимается за испол-

*) Коранъ, гл. I-ая.

**) „Стихъ престола", это 256-й ст. 2-й гл. Корана.

неніе дѣла, когда слова даютъ благопріятный смыслъ, или оставляетъ его, если находитъ слова неодобрительными".

Такимъ образомъ можетъ поступить мусульманинъ, знающій арабскій языкъ и способный понять смыслъ стиховъ Корана, которые ему попадутся при описанномъ пріемѣ гаданія. Простому, неграмотному человѣку обращеніе къ Корану не подъ силу, а потому ему приходится обратиться къ другимъ пріемамъ, задать свой вопросъ объ успѣхѣ задуманнаго имъ предпріятія человѣку, умѣющему гадать.

Вотъ въ чемъ сила и значеніе гадальщиковъ и гадальщицъ, пользующихся такою популярностью среди туземцевъ, внушающихъ имъ и лично какой-то суевѣрный страхъ.

Ремесломъ гадальщиковъ заняты по преимуществу мало состоятельные люди, которымъ не удалось обезпечить свое существованіе какимъ-нибудь болѣе опредѣленнымъ занятіемъ Необходимыя для гаданія свѣдѣнія, часто весьма сбивчивыя и неопредѣленныя, передаются по большей части изъ рода въ родъ—отъ отца къ сыну, отъ матери гадалки—къ дочери. Также наслѣдственно переходитъ и слава гадальщика, конечно, часто вовсе незаслуженно.

У каждой народности въ Туркестанѣ есть свои гадальщики и свои пріемы гаданья.

А. А. Диваевъ собралъ много матеріаловъ по этому предмету относительно киргизъ Сыръ-Дарьинской области; матеріалы эти по большей части печатались въ „Сборникахъ Сыръ-Дарьинскаго Областного Статистическаго Комитета". Г-жа Симонова (Хохрякова) посвятила одинъ изъ своихъ очерковъ описанію самаркандскихъ гадальщицъ по личнымъ наблюденіямъ *). Съ своей стороны, я рѣшаюсь добавить къ этимъ изслѣдованіямъ то, что мнѣ удалось наблюдать среди туземцевъ Туркестанскаго края.

Впервые мнѣ пришлось слышать о гаданіи въ Старомъ Ташкентѣ. Тамъ, въ мадраса Кукальдашъ, на большомъ базарѣ, былъ старикъ суфи мечети при мадраса, славившійся способностью открывать похитителей чужого имущества при помощи гаданія.

Для достиженія указанной цѣли, когда къ нему приходили потерпѣвшіе съ просьбой указать вора, старикъ, послѣ подготовки себя рядомъ одному ему извѣстныхъ молитвъ и закли-

*) См. Справочная книжка Самарк. области за 1894 г.

наній, ставилъ передъ собой небольшую чашку, наполненную до краевъ водою, и просилъ потерпѣвшаго опустить на дно чашки мелкую серебряную монету. Затѣмъ съ базара приглашали какого-нибудь мальчика, недостигшаго еще половой зрѣлости, *) и, посадивъ его около чашки, просили его упорно, не отрывая глазъ, смотрѣть на монету, лежащую на днѣ чашки. Старикъ гадальщикъ тоже упорно глядѣлъ на монету и черезъ нѣсколько времени мальчикъ начиналъ говорить о томъ, что онъ видитъ въ водѣ.

Почти всегда удавалось дождаться отъ такихъ невольныхъ участниковъ гаданья какихъ-нибудь показаній, и, если мальчикъ, въ надеждѣ получить небольшое вознагражденіе, находилъ въ себѣ достаточно терпѣнія, то просидѣвъ нѣкоторое время съ устремленными на блестящую въ водѣ монету глазами, онъ начиналъ замѣчать въ водѣ какіе-то образы и, какъ то непроизвольно, описывать то, что ему привидѣлось. Бывали, впрочемъ случаи, когда испытуемый, наскучивъ сидѣть надъ чашкой, съ ревомъ убѣгалъ изъ кельи старика-гадальщика и приходилось искать другого мальчика, желающаго подвергнуться гипнотическому опыту.

Однако, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, гаданіе старика даже по такому сравнительно простому вопросу, какъ совершенная кража, давало обыкновенно весьма неясныя и сбивчивыя свѣдѣнія о личности похитителя и обстановкѣ кражи. Мальчику видѣлись обыкновенно 2—3 человѣка, уносившіе добро или уводившіе лошадь, иногда въ его [illegible]ти слегка запечатлѣвались примѣты похитителей, но настолько неясно, что по нимъ, конечно нельзя было ни при какихъ обстоятельствахъ найти вора.

Изрѣдка попадались подходящія совпаденія и этихъ рѣдкихъ удачъ было совершенно достаточно, если не для искорененія кражъ, то для поддержанія славы гадальщика. И къ старику ходили многіе, и даже разсказывали про него, что онъ способенъ вызывать тѣни умершихъ силою своихъ заклинаній.

Эта сторона таинственной дѣятельности старика, конечно, заслуживала наибольшаго вниманія, но, при всемъ стараніи, мнѣ

*) Достиженіе половой зрѣлости у мусульманъ не пріурочено къ какому-нибудь опредѣленному возрасту; моментъ этотъ опредѣляется эмпирически, когда юноша впервые замѣтитъ у себя ночью непроизвольное выдѣленіе сѣмени (аби-манъ). Съ этаго времени для мусульманина становится обязательнымъ исполненіе всѣхъ предписанныхъ религіей обрядовъ.

не удалось провѣрить доходившіе до меня слухи. Непоср
ственныхъ очевидцевъ, т. е. такихъ людей, по просьбѣ ко
рыхъ были вызываемы тѣни, не оказывалось, а старикъ упо
отрицалъ такія свои способности и утверждалъ, что даль
розыска воровъ въ наукѣ волшебства знанія его не прости
ются

На базарѣ въ туземной части гор. Ташкента было мно
гадальщиковъ, но все это были простые шарлатаны, гадав
по какимъ-то рукописнымъ книгамъ крайне безсвязнаго сод
жанія или пользовавшіеся для гаданія небольшими шарика
Всѣ они не пользовались славой и не заслуживали вниманія

Въ русской части гор. Ташкента въ это-же время бы
сартянка-гадалка, вродѣ описанной г-жей Симоновой „Чар
чиракъ“ [1]), къ дому которой въ Хорошхинскомъ переул
собирались нерѣдко и русскія интеллигентныя дамы и оставал
вполнѣ довольны гаданіемъ старухи по книгѣ.

Позже, среди киргизъ, мнѣ удалось наблюдать только
пріемы гаданія, которые описаны А. А. Диваевымъ въ собр
ныхъ имъ „Этнографическихъ матеріалахъ“. Поэтому я возд
жусь отъ повторенія этихъ описаній, а перейду прямо къ из
женію моихъ наблюденій надъ гадальщикомъ въ Чимкентѣ.

Сартъ Рахматулла Хакназаровъ былъ „дуаханъ“, т. е. з
харь, или лекарь. Онъ славился въ городѣ умѣньемъ лечить в
возможныя болѣзни посредствомъ заговоровъ, заклинаній
отчитыванія больныхъ. Къ этому лекарю издалека привози
главнымъ образомъ, такъ называемыхъ „джинны“, или „сауда
т. е. одержимыхъ духами, помѣшанныхъ или психически бо
ныхъ. Лекарь помѣщалъ больного у себя на дому и отчи
валъ его по нѣскольку часовъ въ день, при чемъ достига
какъ говорили, успѣшныхъ результатовъ. Лечилъ Рахмату
не только помѣшанныхъ, но и всевозможныхъ больныхъ, и
однимъ и тѣмъ-же отчитываніемъ больного.

У меня джигитъ болѣлъ астмой, которая много лѣтъ
чиняла ему страданія. По просьбѣ больного, къ намъ въ д
сталъ ходить лекарь-знахарь и по цѣлымъ часамъ читалъ
больнымъ свои заклинанія. Въ одинъ изъ сильныхъ припад
астмы отчитываніе „дуахана“ какъ будто помогло, и джи
мой всталъ съ постели скорѣе, чѣмъ обыкновенно. Сред
противъ астмы однако не было найдено, и слѣдующій-же

---

[1]) См. Справочная книжка Самарк. области за 1894 г.

падокъ, и при усердномъ отчитываніи, былъ такъ-же продолжителенъ, какъ прежніе, когда больной обходился безъ помощи знахаря.

У меня самого въ то время сильно болѣли глаза, приходилось безъ дѣла сидѣть въ темной комнатѣ, и въ такомъ состояніи я легко согласился тоже полечить глаза у ходившаго къ намъ муллы.

Началось, какъ всегда, съ подробныхъ разспросовъ о ходѣ болѣзни, а объясненіе было дано тоже весьма распространенное: „иссыкъ ашты“, т. е. жаръ перешелъ мѣру, сказалъ про причину болѣзни знахарь, и добавилъ, что глаза мои разболѣлись отъ вреднаго вліянія лѣтняго зноя, солнца, пыли и зимнихъ вѣтровъ. Въ этомъ онъ, кажется, не ошибся.

Лекарь взялся лечить, но предварительно потребовалъ денегъ на покупку барана, котораго въ такихъ случаяхъ принято приносить въ жертву, раздавая мясо бѣднымъ, чтобы тѣ молились объ успѣшномъ окончаніи леченія. Послѣ переговоровъ по этому предмету, оказалось достаточнымъ принести въ жертву барана, а пѣтуха; такъ мы на этомъ и порѣшили.

Прежде, чѣмъ приступить къ леченію, мой знахарь призналъ необходимымъ, согласно принятой имъ системѣ, погадать объ исходѣ леченія.

Для этого онъ пожелалъ знать мое имя и записалъ его на листкѣ бумаги. Я предполагалъ, что имя мое ему нужно для того, что бы, принявъ за основаніе буквы, входящія въ составъ имени, произвести надъ ними какія-нибудь гадательныя манипуляціи и получить рѣшеніе. Для гаданія по Корану (истихаре имя тоже не требовалось.

Однако гадальщикъ, оставивъ совершенно въ сторонѣ лоскутокъ бумаги съ написаннымъ именемъ, принялся какимъ-то особеннымъ образомъ разставлять на чистомъ листѣ бумаги точки.

Точки онъ ставилъ рядами горизонтально и самъ отвертывался отъ листа, на которомъ все увеличивалось число точекъ въ параллельныхъ рядахъ. Очевидно было только, что точки ставились не по счету, а на угадъ, сколько выйдетъ въ каждомъ ряду. Нѣкоторыя строки точекъ вышли короткія, другія гораздо длиннѣе, чуть не во всю страницу.

Наставивъ ряды точекъ, гадальщикъ принялся зачеркивать ихъ по рядамъ отъ правой руки къ лѣвой, по двѣ точки. Вмѣсто рядовъ точекъ подъ конецъ получились ряды черточекъ.

Гадальщикъ, оканчивая зачеркиваніе въ каждомъ ряду, произносилъ слова „заучъ“ или „фардъ“, что значитъ четъ и нечетъ.

Я сталъ разспрашивать гадальщика и, хотя, видимо, я ему мѣшалъ въ его расчетахъ, отвлекая его вниманіе, мулла объяснилъ мнѣ, что его гаданіе основано на счетѣ точекъ, что принимается въ расчетъ четъ и нечетъ, и по этимъ разультатамъ рѣшается вопросъ объ успѣхѣ или неудачѣ предпринимаемаго леченія паціента.

Странно мнѣ казалось, что лекарь, не будучи увѣренъ въ успѣхѣ леченія, ищетъ въ гаданіи рѣшенія вопроса, удастся-ли ему вылечить больного. Казалось-бы, не могло быть въ этомъ сомнѣнія для того, кто вѣритъ самъ въ свое искусство и знаетъ хорошо свое дѣло.

Гадальщикъ по временамъ произносилъ какія-то незнакомыя мнѣ слова на арабскомъ языкѣ и довольно долго еще занятъ былъ своими выкладками.

Наконецъ, закончивъ всѣ вычисленія, мулла объявилъ, что можетъ приступить къ леченію, потому что гаданіе дало положительный отвѣтъ на вопросъ объ успѣхѣ леченія.

На мои разспросы о пріемахъ гаданія мало образованный гадальщикъ не могъ дать мнѣ сколько-нубудь удовлетворительныхъ объясненій и сказалъ только, что гадаетъ на основаніи данныхъ ильми-устурлябъ, т. е. науки устурлябъ. Изъ этого заявленія гадальщика я сразу могъ заключить, что онъ самъ хорошенько не знаетъ происхожденія своего ремесла, не знаетъ никакихъ подробностей гаданія и ничего больше объяснить не можетъ.

Пришлось, какъ было между нами условлено, приступить къ леченію глазъ. Рахматулла попросилъ меня сѣсть на стулъ, а самъ сѣлъ на другой, какъ разъ противъ меня, и приставивъ свои колѣни къ моимъ вплотную.

Эта маленькая подробность—приближеніе колѣнъ къ колѣнамъ паціента навела меня на мысль, что леченіе свое Рахматулла основываетъ на внушеніи. Думалъ я такъ потому, что раньше мнѣ удавалось слышать о подобномъ пріемѣ у ищановъ.

Между наставниками суфійскаго ученія—ищанами встрѣчаются учителя ордена „хуфія“, тайнаго. Эти наставники передаютъ ученикамъ свое ученіе молча, посредствомъ внушенія, и сеансы ихъ воздѣйствія на муридовъ извѣстны подъ названіемъ таваджугъ.

Во время такихъ сеансовъ ишанъ и муридъ садятся другъ противъ друга такъ, что колѣна ихъ соприкасаются, а затѣмъ учитель требуетъ отъ ученика, чтобы онъ старался не думать ни о чемъ постороннемъ, а старался-бы раскрыть свою душу для воспріятія ученія наставника. Самъ наставникъ, наоборотъ, старается сосредоточить свои мысли на передачѣ ученику тайнъ суфизма и такимъ образомъ, безъ словъ, внушаетъ адепту своему мистическое ученіе.

Этотъ способъ передачи отвлеченныхъ знаній считается между суфіями самымъ дѣйствительнымъ и, вѣроятно, таковъ и есть въ дѣйствительности, если вѣрно предположеніе о примѣненіи въ данномъ случаѣ внушенія въ томъ видѣ, какъ оно примѣняется гипнотизерами.

Мой лекарь началъ съ обычнаго возгласа, предшествующаго чтенію Корана:

„Аузу билляги минаш-шаитанъ-уль-раджимъ, бисмилляги рахмани-рахимъ“ [1]), что значитъ: „Прошу у Бога защиты отъ сатаны, прогоняемаго каменьями, во имя Бога милостиваго милосерднаго“.

Прочитавъ нѣсколько короткихъ главъ Корана тѣмъ особеннымъ гортаннымъ голосомъ, какимъ наши туземцы вообще читаютъ арабскій текстъ Корана, непонятный для нихъ, но хорошо заученный наизусть, со всѣми остановками, удареніями и прочими оттѣнками чтенія, тщательно соблюдаемыми, лекарь перешелъ на перечисленіе именъ Божіихъ, потомъ сталъ перечислять ангеловъ, джиновъ и пэри безъ всякаго порядка и ничего не добавляя къ именамъ. Это было призываніе, а просьба помочь при излеченіи, вѣроятно, подразумѣвалась. Потомъ опять вступительные стихи для чтенія Корана и 2—3 главы подрядъ, а дальше снова перечисленіе именъ. Отъ времени до времени, лекарь неожиданно громко дулъ мнѣ въ глаза, видимо направляя свое дыханіе какъ разъ на больное мѣсто. Въ такомъ порядкѣ леченіе продолжалось около часа, и надо было удивляться выносливости моего знахаря; подъ конецъ онъ, видимо,

[1]) Мусульмане придаютъ особенное значеніе правильности чтенія Корана и педантически исполняютъ при этомъ существующія для этого правила. Вѣроучители Ислама, ссылаясь на преданіе о случаяхъ изъ жизни Мухаммада, учатъ, что врагъ правовѣрныхъ—сатана, ухищряясь отклонить читающаго Коранъ отъ правильнаго чтенія, внушаетъ ему мечты и постороннія мысли, чтобы ввести въ заблужденіе и заставить произнести что-либо противное Исламу. Поэтому-то и читается молитва о защитѣ отъ дьявола передъ началомъ чтенія Корана.

самъ сильно уставалъ и просилъ скорѣй дать ему чаю—промочить пересохшее горло.

Мнѣ не трудно было молча высиживать время сеанса. Приступая къ этому дѣлу, я былъ заранѣе увѣренъ, что исцѣленія не получу, но мнѣ хотѣлось не только самому испытать ощущеніе объекта такого оригинальнаго леченія, но и познакомиться съ самымъ методомъ его. Я рзасчитывалъ при неоднократномъ повтореніи однихъ и тѣхъ-же словъ, запомнить построеніе заклинаній и записать ихъ на свѣжую память.

Это, однако, не удалось, очевидно потому, что знахарь своимъ ритмическимъ чтеніемъ, голосомъ и періодическими „суфъ", какъ мнѣ слышалось его громкое дутье въ мои глаза, производилъ на меня какое-то усыпляющее дѣйствіе. Боль въ глазахъ затихала, наступала какая-то, не лишенная пріятности, истома, и я переставалъ отдавать себѣ точный отчетъ въ произносимыхъ словахъ. Дѣленіе чтенія Корана и переходъ къ заклинаніямъ еще можно было прослѣдить по вступительной къ чтенію Корана вышеприведенной фразѣ о защитѣ отъ сатаны, но запомнить содержаніе заклинаній не было никакой возможности,—апатія тому мѣшала.

Нечего и говорить, что глаза мои отъ заклинаній знахаря нисколько не поправились, а всѣ мои разспросы лекаря относительно пріемовъ его гаданія и книги, откуда онъ почерпнулъ свои заклинанія, не привели ни къ чему. Рахматулла былъ малограмотенъ, рядъ заклинаній, видимо, заучилъ на память со словъ своего отца, тоже занимавшагося тѣмъ-же ремесломъ, и потому никакихъ дополнительныхъ разъясненій ни о гаданіи, ни о леченіи отчитываніемъ, мнѣ получить не удалось.

Позже, въ сел. Дальяпъ, Ходжентскаго уѣзда, мнѣ случилось наблюдать отчитываніе больного туземца пріѣзжимъ изъ Матчи дуаханомъ, и пріемы отчитыванія были почти тѣ-же, что и у Рахматуллы, но и въ этомъ случаѣ заклинанія были заучены на память со словъ, и записи ихъ у знахаря не было.

Неудовлетворенное желаніе познакомиться съ пріемами гаданія на точкахъ, къ которому прибѣгалъ въ Чимкентѣ Рахматулла, заставило меня искать подходящихъ книгъ, но и изъ всего рукописнаго матеріала по этому предмету мнѣ ничего не удалось выбрать для перевода на русскій языкъ, потому что гадательныя книги были очень велики по объему, скверно изложены, небрежно переписаны и не заключали въ себѣ систематическаго изложенія пріемовъ гаданія. Случайно, разсматривая

туземную на персидскомъ языкѣ энциклопедію „Матла-уль-Улумъ“, я нашелъ цѣлую главу, посвященную описанію гаданія на точкахъ, извѣстнаго подъ названіемъ *„рамль“*.

Я нашелъ, что изложеннаго въ этой главѣ по интересующему меня предмету совершенно достаточно для того, чтобы понять въ чемъ дѣло и приступилъ къ переводу очень труднаго персидскаго текста энциклопедіи. Оказалось, что и самъ авторъ энциклопедіи, видимо, не занимался изученіемъ гаданія спеціально, а собралъ о немъ только общія свѣдѣнія, которыя и изложилъ въ своемъ трудѣ.

Въ описаніи гаданія по точкамъ, на четъ и нечетъ, которое я привожу ниже, содержится не только изложеніе самыхъ пріемовъ гаданія, но и историческая справка о происхожденіи этого вида гаданія, приписываемаго пророку Даніилу въ библейскія времена.

Мнѣ кажется, что какъ-бы ни были наивны на первый взглядъ утвержденія автора о возможности посредствомъ гаданія узнать прошедшее, настоящее и будущее, они интересны, какъ матеріалъ для сравненія пріемовъ гаданія, популярныхъ среди нашихъ средне-азіатскихъ туземцевъ, съ тѣми пріемами, какіе наблюдаются у другихъ народовъ. По персидскому тексту книги, содержащему много старо-персидскихъ выраженій, затрудняющихъ переводъ, можно судить о томъ, что гаданіе на точкахъ перешло въ Среднюю Азію черезъ Персію, но сказать опредѣленно о мѣстѣ возникновенія этого рода гаданія конечно могутъ только спеціалисты-изслѣдователи этого вопроса.

Интересно въ объясненіяхъ результатовъ гаданія указаніе на связь ихъ съ звѣздами и знаками зодіака; это ставитъ приведенныя объясненія въ связь съ гадательными пріемами въ Европѣ: кому неизвѣстны, напр., распространенныя печатныя записочки о счастіи, извѣстныя у русскаго простонародья подъ именемъ „планеты“. Тамъ тоже всегда встрѣчаются подобныя ссылки на различныя звѣзды.

По приведеннымъ въ приложенной ниже главѣ о гаданіи указаніямъ можно продѣлать всѣ указанные пріемы гаданія; жаль только, что объясненія результатовъ изложены крайне туманно и оставляютъ широкое поле для толкованія ихъ самимъ гадальщикомъ. Туземные прорицатели пользуются этой темнотой и свободно толкуютъ свои предсказанія, соображаясь съ личностью обращающагося къ нимъ.

Кромѣ гаданія по точкамъ, у среднеазіатскихъ туземцевъ

особенно грамотныхъ и ученыхъ, существуетъ еще другой, болѣе сложный способъ гаданія, извѣстный подъ именемъ „Ильми-джафръ“.

Впервые мнѣ пришлось наблюдать результаты этого гаданія въ домѣ одного сумасшедшаго сарта въ Старомъ Ташкентѣ. Сартъ этотъ нѣсколько лѣтъ подрядъ страдалъ меланхоліей и, сидя въ уединенной комнаткѣ своего дома, ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова, а цѣлыми днями все что-то писалъ. Родные старались помочь больному, нѣсколько разъ его водили для отчитыванія къ ишану, но ничто не помогало, и старикъ продолжалъ вести образъ жизни отшельника и заниматься письмомъ.

Пришлось оставить старика въ покоѣ, и родные только приносили ему пищу въ его келью. Днемъ дверь въ комнату всегда была отворена, и только на ночь старикъ запирался изнутри.

Однажды утромъ родные замѣтили, что дверь въ келью старика заперта. Они подождали до полудня и затѣмъ сломали дверь. Старикъ лежалъ посреди комнаты въ лужѣ крови. Горло несчастнаго помѣшаннаго было перерѣзано, а около него валялась его собственная бритва, которою, видимо, старикъ покончилъ съ собой подъ вліяніемъ психическаго разстройства.

Мнѣ пришлось посѣтить домъ умершаго для производства дознанія и судебно-медицинскаго осмотра трупа. Осматривая обстановку, въ которой случилось происшествіе, я былъ пораженъ громаднымъ количествомъ исписанной бумаги, которая валялась въ комнатѣ на полу и въ нишахъ по стѣнамъ. Исписанная бумага лежала тетрадями и отдѣльными листами, но всѣ исписанные листы имѣли видъ разлинованныхъ таблицъ, заполненныхъ буквами арабскаго алфавита.

Я поинтересовался тогда узнать, для какой надобности старикъ могъ тратить столько труда и бумаги, но никто не могъ дать мнѣ удовлетворительнаго разъясненія и только, просматривая вышеупомянутую энциклопедію „Матла-уль-Улумъ“, я обратилъ вниманіе на помѣщенную въ текстѣ книги таблицу, сходную по виду съ видѣнными мною въ комнатѣ помѣшаннаго самоубійцы.

Ознакомившись съ содержаніемъ главы о наукѣ „джафръ“, я убѣдился, что она содержитъ въ себѣ описаніе особаго способа гаданія на буквахъ—„джафръ“.

Только прочитавъ эту главу, я понялъ, что было пунктомъ помѣшательства видѣннаго мною умалишеннаго. Видимо, ста-

рику былъ знакомъ способъ гаданія на буквахъ, и онъ задался цѣлью составить таблицы для „джафри-агзамъ“ или „джафри-кабиръ“, состоящую по правиламъ изъ 28 тетрадей бумаги, по 28 листовъ въ каждой, съ 28-ю строками, по 28 графъ на каждой страницѣ и по 4 буквы арабскаго алфавита въ каждой графѣ. Изъ перемноженія приведенныхъ цифръ ясно, что для написанія всей требующейся правилами науки „джафръ“ таблицы, старикъ долженъ былъ заполнить 614.656 графъ и вписать въ нихъ 2.458.624 буквы въ извѣстномъ порядкѣ.

Стоитъ только бѣгло ознакомиться съ пріемами составленія таблицъ, чтобы судить о трудности этого дѣла. Сколько усидчивости и вниманія нужно, чтобы разставить всѣ буквы въ извѣстномъ порядкѣ и не надѣлать ошибокъ.

Только суевѣріе, твердая увѣренность въ возможность путемъ гаданія не только узнать будущее, а пріобрѣсти власть надъ всѣмъ міромъ, какъ это сказано въ приведенномъ ниже наставленіи къ гаданію „джафръ“, могутъ заставить человѣка иереносить добровольное уединеніе въ теченіе 1001 дня, соблюдать всѣ поставленныя правила воздержанія и писать буквы въ таблицы для составленія магической книги, спасающей отъ всѣхъ бѣдствій не только самого переписчика, но и его родныхъ, сосѣдей, весь городъ, всю область, гдѣ была составлена по всѣмъ правиламъ такая книга.

Понятно, что помѣшавшемуся на составленіи этой книги старику не подъ силу была принятая на себя работа. Задавшись цѣлью изготовить кабалистическую книгу, онъ усердно работалъ надъ ней, пока умственное переутомленіе не привело его къ трагической развязкѣ.

Описанные въ приложенныхъ ниже двухъ главахъ книги „Матла-уль-улумъ“ способы гаданія самые популярные у туземныхъ гадальщиковъ, и владѣющіе этимъ искусствомъ пользуются общимъ довѣріемъ обращающихся къ нимъ кліентовъ. На взглядъ образованнаго человѣка, конечно, описанные пріемы могутъ произвести мало убѣдительное впечатлѣніе, а знакомый съ заблужденіями, пережитыми въ средніе вѣка европейскими народами въ области тайныхъ наукъ, встрѣтитъ только старые, но хорошо забытые пріемы кабалистики, за то на склоннаго къ суевѣрію туземца гаданія эти неотразимо дѣйствуютъ.

Далекій вообще отъ критическаго отношенія къ написанному въ книгахъ, туземецъ, не можетъ самъ разобраться въ запутанныхъ толкованіяхъ гадательной книги и надлежаво вѣритъ

окруженному ореоломъ таинственности гадальщику, который всегда умѣетъ дать приходящему кліенту такіе туманные отвѣты на предложенные вопросы, что во многихъ случаяхъ слова гадальщика оправдываются и слава его растетъ, только увеличивая довѣріе къ нему.

Особенно часто къ гадальщику обращаются туземцы за приворожными средствами. Его просятъ приворожить нерасположеннаго человѣка и открываютъ гадальщику свои сердечныя тайны. Ловкій чародѣй хитро обманываетъ своихъ кліентовъ и особенно кліентокъ и раздаетъ имъ написанные на клочкахъ бумаги талисманы, даетъ совѣты, какъ привлечь къ себѣ вниманіе интересующей ихъ личности.

Велика область воздѣйствія туземныхъ гадальщиковъ на массу туземнаго простонародья и только расцространеніе просвѣщенія среди мѣстнаго туземнаго населенія можетъ подорвать довѣріе ко всевозможнымъ знахарямъ, лекарямъ и гадальщикамъ.

Гаданіе (рамль).

(Кн. Матла-уль-Улумъ, глава 31-я).

Знай, что наука о гаданіи подобна астрологіи, и ей, какъ и астрологіи, въ настоящее время не можетъ быть довѣрія, такъ какъ она отмѣнена другими науками. Послѣдователи Ислама не должны обращать вниманіе на эту науку, не должны довѣрять ей, но непросвѣщенные свѣтомъ Ислама народы твердо вѣрили въ гаданіе. Поэтому приходится сказать кое-что и объ этой наукѣ въ тѣхъ соображеніяхъ, что можетъ быть найдутся люди, желающіе познакомиться съ этой наукой; пусть-же и они не останутся неудовлетворенными, — при томъ вѣдь, знать что-нибудь—это одно, а вѣрить—другое. Если и мусульманинъ пожелаетъ познакомиться съ основаніями этой науки, пусть не скучаетъ, потому-что, по словамъ мудрецовъ, „знаніе—лучше-незнанія“.

Самъ авторъ изучилъ эту науку въ силу случайности: однажды, во время путешествія онъ встрѣтился съ однимъ мусульманиномъ, знатокомъ науки о гаданіи.

Этотъ человѣкъ очень часто говорилъ о разныхъ видахъ

гаданія, о чтеніи мыслей и о томъ, что происходитъ вдали отъ слушателей; этимъ онъ удивлялъ всѣхъ присутствующихъ. На обращенные къ нему вопросы, онъ угадывалъ будущее и большинство его отвѣтовъ оправдывалось. Авторъ въ это время жаждалъ пріобрѣтенія всевозможныхъ знаній и потому пожелалъ узнать отъ гадателя нѣчто о его наукѣ и сблизился съ нимъ. Съ согласія гадателя, авторъ изучилъ нѣкоторыя черты и основанія науки о гаданіи, подобно тому, какъ въ бытность свою въ Лакъ-Нау онъ узналъ кое-что изъ науки астрологіи отъ извѣстнаго астролога Разиддинъ-хана-Богадура.

Послѣ этого авторъ отправился въ Фаррухъ-абадъ и тамъ слушалъ Мавляви-Мухаммада-Ахсана и отъ него получилъ еще большія свѣдѣнія о наукѣ гаданія. Но, слава Богу, хотя онъ и изучилъ науку гаданія, но самъ въ нее не повѣрилъ, только для того, чтобы объяснить читателямъ и быть имъ полезнымъ, онъ рѣшается сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой наукѣ.

Вступленіе въ изложеніе науки гаданія. Знай-что наука гаданія даетъ возможность напередъ узнавать, что съ нами случится дурного или хорошаго. Для этого служатъ 16 выкладокъ.

Умѣнье пользоваться гаданіемъ и давать необходимыя объясненія происходитъ отъ пророка Даніила и считается его чудомъ.

Пророкъ Даніилъ долго училъ людей богопочитанію, но люди его не слушались и не почитали. Наконецъ, пророкъ удалился въ одинъ городъ, гдѣ его никто не зналъ. Тамъ онъ взялъ доску, насыпалъ на нее песку и сталъ чертить на пескѣ, гадая людямъ о томъ, что ихъ интересовало: объ отсутствующихъ людяхъ, объ украденныхъ вещахъ и т. п.

Отъ способа, къ которому обратился пророкъ, происходитъ и самое названіе науки гаданія Рамль, потому что слово это на арабскомъ языкѣ обозначаетъ—песокъ.

Такъ прошло много времени. Слава о гаданіи Даніила распространилась между всѣми людьми, отъ мала до велика и, наконецъ, узналъ о немъ и царь той страны, гдѣ онъ жилъ [1]).

---

[1]) Основаніемъ къ такому объясненію происхожденія науки гаданія, повидимому, служитъ библейское сказаніе о дѣятельности пророка Даніила (см. книгу пророка Даніила) при дворѣ царя Навуходоносора и другихъ. Пророкъ, обладая даромъ познанія сокровеннаго, объяснялъ царямъ значеніе ихъ сновъ и предостерегалъ о грядущихъ бѣдствіяхъ за беззаконія.

Прим. переводчика.

Царь пригласилъ къ себѣ Даніила съ почетомъ и, желая испытать его знанія, предложилъ ему нѣсколько вопросовъ, на которые пророкъ Даніилъ, постигшій сокровенныя тайны царя, тотчасъ далъ отвѣтъ. Царь остался очень доволенъ и высказалъ желаніе, что бы Даніилъ остался при его дворѣ и научилъ самого царя наукѣ гаданія.

Даніилъ согласился исполнить желаніе царя, остался при его дворѣ и научилъ гаданію царя и четырехъ его вельможъ. Всѣ они изучили науку гаданія и достигли въ ней высшей степени познанія.

Однажды Даніилъ обратился къ нимъ съ просьбой погадать: есть-ли въ ихъ городѣ человѣкъ, обладающій пророческимъ даромъ?

Много потрудившись надъ выкладками, люди эти, наконецъ, объявили, что въ городѣ есть человѣкъ, обладающій даромъ пророчества.

Даніилъ просилъ погадать, въ какомъ кварталѣ города находится пророкъ. Вышло, что въ томъ кварталѣ, гдѣ происходило гаданіе.

Тогда Даніилъ просилъ, при помощи гаданія, опредѣлить примѣты пророка, и описанная гадавшими наружность пророка, какъ оказалось, вполнѣ соотвѣтствовала наружности самого Даніила.

Тогда окружающіе признали Даніила пророкомъ и убѣдили народъ въ его посланничествѣ.

Съ тѣхъ поръ научились узнавать будущее, дурное и хорошее, при помощи науки гаданія.

Гаданіе производится при помощи четырехъ точекъ. Міръ нашъ и всѣ перемѣны въ немъ зависятъ отъ четырехъ стихій (ансуръ), поэтому, соотвѣтственно четыремъ стихіямъ, и берется при гаданіи четыре точки.

Первая точка соотвѣствуетъ огню, вторая—вѣтру, третья—водѣ и четвертая—землѣ.

Поставленныя въ порядкѣ, четыре точки и составятъ стихіи, ихъ названіе тарикъ—путь

Если четыре помножить на четыре, получится шестнадцать, и каждому изъ 16-ти видовъ выкладокъ для гаданія мы, въ своемъ мѣстѣ, дадимъ названія.

§ 1. О томъ, какъ надо гадать. Прежде, чѣмъ приняться за гаданіе, необходимо совершить омовеніе (таараторъ), обратиться мысленно къ Богу, а затѣмъ сосредоточить свои мысли на томъ,

о чемъ желаютъ гадать. Далѣе надлежитъ произнести слѣдующую молитву: „о Боже, ради силы этого вида гаданія, открой мнѣ то, что я желаю знать“.

Затѣмъ надо поставить въ четырехъ мѣстахъ въ вертикальномъ ряду по четыре точки. Отъ каждой изъ поставленныхъ первоначально точекъ въ сторону, въ горизонтальномъ направленіи надо поставить рядъ точекъ. Ихъ должно быть въ каждомъ ряду не менѣе шестнадцати; поставить точки надо не считая, а сколько выйдетъ.

Когда, такимъ образомъ, всѣ четыре мѣста, по 4 строки, будутъ заняты поставленными безъ счета точками, тогда слѣдуетъ, начиная отъ основной точки каждаго ряда, соединять точки чертой, попарно. Если при этомъ въ концѣ строки останется незачеркнутыми двѣ точки, то это будетъ заучъ—четъ, если-же останется только одна точка, то выйдетъ фардъ—нечетъ. Такъ пусть и остается на мѣстѣ, чтобы изъ каждой строки получился результатъ.

Четыре впервые выведенные изъ 4-хъ группъ результата, вмѣстѣ взятые, носятъ названіе „уммуходъ“, что значитъ—мать. Эти четыре вывода слѣдуетъ обозначить слѣва отъ рядовъ зачеркнутыхъ точекъ, такъ, чтобы они не смѣшались и каждое обозначеніе находилось на своемъ мѣстѣ: первое на первомъ, второе на второмъ, третье на третьемъ и четвертое на четвертомъ.

Кромѣ этихъ четырехъ результатовъ (ашкаль-и-уммуходъ), еще четыре надо поставить съ правой стороны. Ихъ надо опредѣлить по результатамъ, выведеннымъ изъ четырехъ строчекъ каждой группы, начиная со строчки соотвѣтствующей стихіи огня (1). Это составитъ 5-й результатъ; потомъ также дѣлается выводъ изъ конечныхъ результатовъ четырехъ строчекъ стихіи вѣтра, что составитъ 6-й результатъ. Далѣе берутся для вывода результаты четырехъ строчекъ стихіи воды, что составитъ 7-й результатъ и результаты четырехъ нижнихъ строкъ (земля), что составитъ 8-й результатъ.

Эти послѣдніе четыре вывода называются наботъ—растенія.

Потомъ, изъ результатовъ 1-го и 2-го составляется 9-й, который и пишется внизу, посрединѣ между первымъ и вторымъ.

Такимъ же порядкомъ изъ 3-го и 4-го результатовъ выводится 10-й и пишется внизу, между 3-мъ и 4-мъ, изъ 5-го и 6-го составляется 11-й, который тоже пишется по срединѣ между 5 и 6-мъ и ниже ихъ; изъ 7-го и 8-го выводится 12-й результатъ и пишется между 7 и 8-мъ, ниже ихъ. Эти четыре послѣд-

ніе результата вмѣстѣ называются мутавалидодъ—рожденіе.

Далѣе, изъ 9 и 10-го результатовъ составляется 13-й и пишется ниже и между ними, изъ 11-го и 12-го выводится 14-й и пишется внизу, между 11 и 12-мъ результатами

Тринадцатый результатъ носитъ названіе сахму-саадатъ (часть счастья), а 14-й называется сахму-ль-гаибъ (часть отсутствующаго).

Изъ 13-го и 14-го результатовъ составляется 15-й и пишется между ними, а изъ 15-го и 1-го (тали [1]) результатовъ, по перемноженіи ихъ, получается 16-й результатъ, который и слѣдуетъ помѣстить рядомъ, лѣвѣе 15-го результата.

Шестнадцатый выводъ называется лабби-либобъ—избранный изъ избранныхъ, его-же называютъ результатъ результатовъ.

Результаты 13, 14, 15 и 16 называются вмѣстѣ заваидодъ—добавочные, излишніе.

Пятнадцатый выводъ называется мизанъ-уль-рамль, или вѣсы гаданія, а также казы-уль-рамль—судья гаданія.

Въ этой строкѣ только иногда получается фардъ (нечетъ), а большею частью выходитъ заучъ—четъ: два фардъ и два заучъ. Если-же въ результатѣ получается фардъ (нечетъ), то это указываетъ на то, что въ счетѣ вкралась ошибка. Поэтому-то эту строку и называютъ вѣсы гаданія (мизанъ-уль-рамль).

Шестнадцатый выводъ измѣняетъ свое названіе въ зависимости отъ расположенія въ немъ результатовъ выкладокъ.

Если въ немъ первый результатъ будетъ фардъ (нечетъ), а послѣдній будетъ заучъ (четъ), то въ этомъ случаѣ выводъ называется хориджъ (исключенный); если-же вначалѣ получился заучъ (четъ), а въ концѣ фардъ (нечетъ), то выводъ называется дохыль (присоединенный); если-же въ началѣ и въ концѣ получится фардъ (нечетъ), а въ серединѣ будетъ заучъ (четъ), выводъ получаетъ названіе мункалибъ (оборотная сторона).

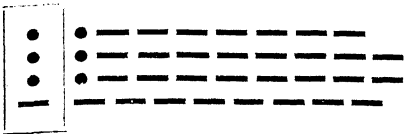
Чтобы сдѣлать болѣе понятнымъ для начинающаго способъ производства выкладокъ, ниже приводится примѣръ разстановки точекъ и вывода изъ нихъ.

Сначала въ четырехъ мѣстахъ изображается по четыре строки изъ точекъ въ каждомъ, всего 16 строчекъ. Каждое изъ этихъ мѣстъ наз. шакль (видъ) и изъ четырехъ мѣстъ выйдетъ четыре результата, составляющіе вмѣстѣ уммуходъ—мать, а изъ нихъ будутъ выведены остальные двѣнадцать результатовъ шакль.

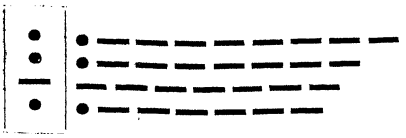
---

[1]) Счастье.

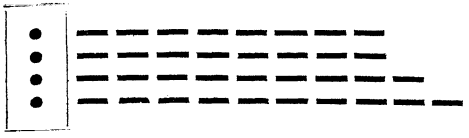
2.



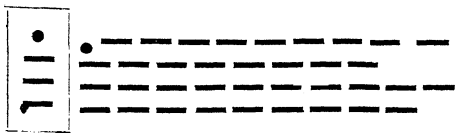
1.



4.



3.

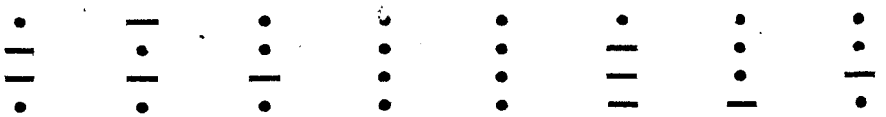


Такимъ образомъ получилось четыре выкладки, вмѣстѣ называемыя уммуходъ. Изъ нихъ надо указаннымъ выше способомъ вывести остальные двѣнадцать результатовъ, для чего надо сначала написать первые четыре результата рядомъ [1]).

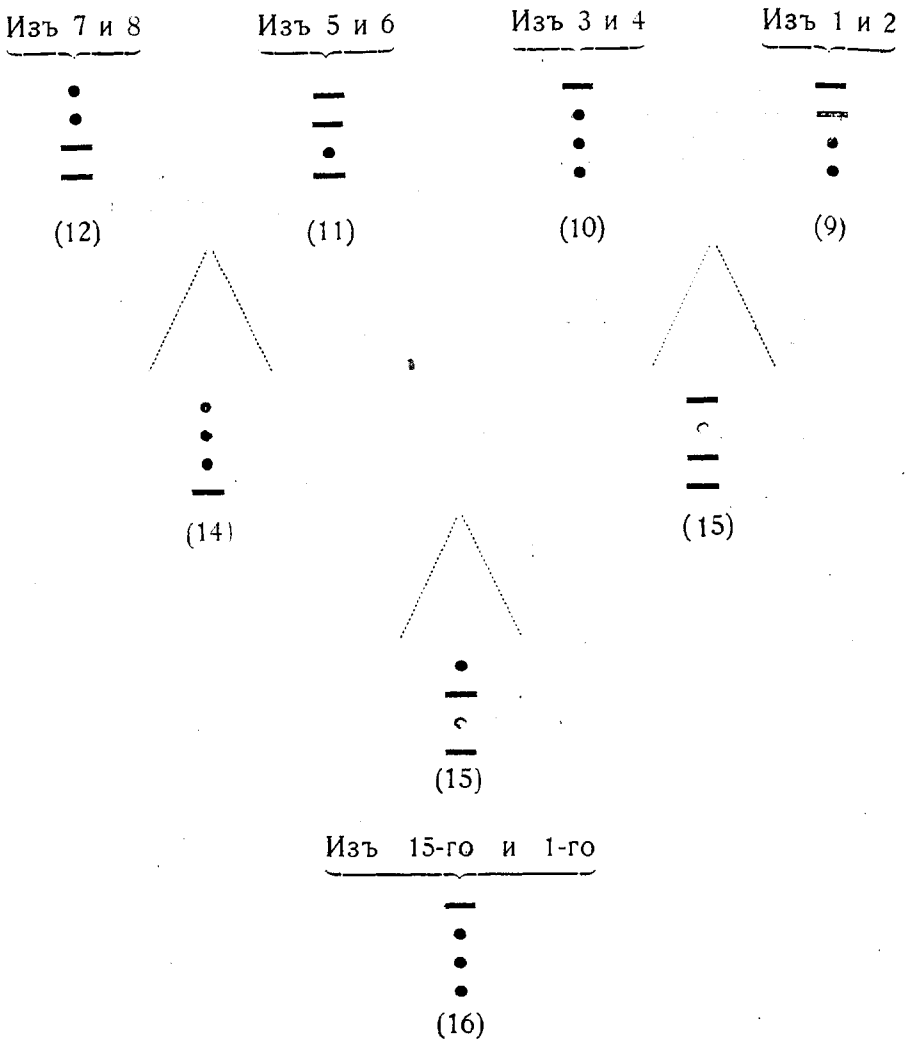
Эти шестнадцать выводовъ (шакль), полученные вышеуказаннымъ путемъ, составляютъ основную схему для гаданія и всѣ вмѣстѣ называются заиджа (роженица). Заключенія изъ этой заиджа сходны съ выводами астрологіи, и по нимъ можно судить о предстоящемъ гадающему счастіи или несчастіи, можно узнать слабости и способности, силу. Каждый изъ шестнадцати результатовъ, смотря по тому на какомъ мѣстѣ онъ пришелся,— на мѣстѣ счастія или желанія, на мѣстѣ хорошемъ или дурномъ, даетъ возможность сдѣлать выводъ о томъ, что предстоитъ въ будущемъ гадающему, или даетъ возможность отвѣтить на вопросъ гадающаго.

Знай, что первое мѣсто заиджи соотвѣтствуетъ мѣсту стихіи огня, оно обозначаетъ счастіе и исполненіе желаній, второе мѣсто соотвѣтствуетъ вѣтру, третье — водѣ, четвертое — землѣ. Такимъ-же образомъ, мѣста 5, 9 и 13-е обозначаютъ огонь, 6, 10 и 14—вѣтеръ, 7, 11 и 15 воду, 8, 12 и 16—землю.

(8) (7) (6) (5) (4) (3) (2) (1)



[1]) Необходило помнить что фардъ, нечетъ, обозначается точкой, а заучъ, четъ — черточкой. При составленіи новыхъ результатовъ изъ двухъ, точка съ черточкой даютъ точку, а двѣ точки или 2 черточки, даютъ черточку.



§ 3. Значеніе шестнадцати выводовъ. 1) Лихъянъ (длиннобородый) находится подъ вліяніемъ звѣзды Муштари (Юпитеръ) и подъ знакомъ зодіака худъ (рыбы).

Онъ счастливый и соотвѣтствуетъ мужскому полу. Означаетъ—бородатый. Отъ него зависятъ растенія. Это человѣкъ бѣлый, желтоватый и красноватый. Отъ него зависятъ высокія горы и высокія зданія, какъ напр. неприступныя крѣпости, дворцы и галлереи. Отъ него-же зависятъ муфтіи (совѣтники судей) и казіи (судьи), люди благочестивые, ученые и высокопоставлен-

ные, высокаго роста, красивые, съ коровьими глазами [1]), плосколицые, съ длинными волосами, съ хорошимъ характеромъ. Къ тому-же знаку относятся: оловянные рудники, вкусныя кушанія и пріятные запахи.

2) Кабзъ-уль дохыль (зажатое въ кулакъ) находится подъ вліяніемъ Афтабъ (солнца) и подъ знакомъ зодіака Асадъ (левъ). Счастливый, мужского пола, оказываетъ вліяніе на рудники и растенія; цвѣта бѣлаго, немного желтоватаго, оказываетъ вліяніе на вкусъ къ кислому и сладкому, къ хорошимъ запахамъ. Вліяетъ на базаръ мѣнялъ, на людей щедрыхъ, ищущихъ истины, на людей высокаго роста, съ открытымъ взглядомъ, большеголовыхъ, красивыхъ.

3) Кабзъ-уль-хориджъ (выпущенное изъ руки) находится подъ вліяніемъ звѣзды Расъ (?), несчастливый, мужского рода; оказываетъ вліяніе на рудники, на прямые предметы, на грѣшныхъ людей, разбойниковъ, злодѣевъ и войско. Цвѣта бѣлаго. Подъ вліяніемъ его находятся люди голубоглазые, съ тонкими колѣнами, съ тонкими волосами и старики.

4) Джамоадъ (группа, собраніе) находится подъ вліяніемъ звѣзды Аторутъ (Меркурій); оказываетъ вліяніе на рудники, растенія. Цвѣта черноватаго и зеленаго. Ему подчиняются: войско, торговцы и всѣ, кто собирается въ группы, люди жирные. Отъ него зависятъ дожди, рѣки, большіе оросительные каналы, громъ и молнія.

---

[1]) Большіе, выразительные глаза на востокѣ сравниваются съ коровьими иногда съ бараньими—кой-кузъ. Большинство средне-азіатскихъ туземцевъ обладаютъ карими глазами и потому упоминаніе о „кой-кузъ", бараньихъ глазахъ, можно встрѣтить въ большинствѣ документовъ, удостовѣряющихъ личность аборигеновъ Туркестанскаго края, при обозначеніи примѣтъ. Понятно изъ этого, что, по глазамъ, нельзя „запримѣтить" ни одного туземца, если только онъ не представляетъ рѣзкаго и рѣдкаго исключенія изъ общаго правила и не обладаетъ „кокъ-кузъ"—сѣрыми или голубыми глазами. Сѣрые глаза, какъ составляющіе рѣдкость, не въ чести у туземцевъ и прозвище „кокъ-кузъ" прибавляется къ имени такого сѣроглазаго человѣка съ нѣкоторой насмѣшкой и немного непріятно для носящаго такое прозваніе. Чаще всего сѣрые глаза встрѣчаются у сартовъ, имѣющихъ при томъ свѣтлые или рыжіе волосы. Такое рѣзкое отличіе отъ общей массы черноволосыхъ и съ карими глазами земляковъ наводитъ на размышленіе о европейскомъ отчасти происхожденіи такого блондина, и можетъ быть потому-то и не любятъ сарты сѣрыхъ и голубыхъ глазъ.

Прим. переводчика.

5) Фарахъ (разсыпаніе). Звѣзда—Зухра (Венера), знакъ зодіака—Мизанъ (вѣсы), счастливый, женскаго рода, цвѣта бѣлаго, оказываетъ вліяніе на предметы прямые, на мѣста, гдѣ есть нечистота, напр. конюшни. Отъ него зависятъ люди съ малыми бородами, красивые, съ хорошимъ характеромъ, а также хитрецы, обманщики и сплетники.

6) Укля (связь). Звѣзда - Зухра (Венера), знакъ зодіака—Джадды (козерогъ). Несчастливый, мужского рода, чернаго цвѣта. Оказываетъ вліяніе на предметы холодные и сухіе, мягкіе, кислые, на каменистыя мѣста [1]), на тюрьмы, городскія поселенія, на людей малорослыхъ, чернолицыхъ, на беременныхъ женщинъ, на больныхъ и дѣвушекъ—служанокъ съ темнымъ цвѣтомъ лица и на осажденныхъ.

7) Инкисъ (оборотная сторона) подчиняется звѣздѣ Зухаль (Сатурнъ) и знаку зодіака Далю (водолей). Несчастливый, оказываетъ вліяніе на предметы холодные, сухіе, чернаго цвѣта, кислые, на дурные запахи, темные мѣста: колодцы, ямы, на рабовъ и земледѣльцевъ съ чернымъ цвѣтомъ лица, съ большими губами, дурного характера, съ кривыми носами и зубами и съ длинной шеей.

8) Хумра (красный), звѣзда—Миррихъ (Марсъ), знак зодіака Хамаль (овенъ). Несчастливый, мужского рода, цвѣтъ темноватый. Оказываетъ вліяніе на рудники, горячіе и сухіе предметы, на мѣста, гдѣ находятся мясники, гдѣ производятся казни и убійства, на кухни, на румяныхъ голубоглазыхъ людей средняго роста съ тонкими руками и ногами, на воровъ, разбойниковъ и грѣшниковъ.

9) Баязъ (сборникъ) подчиняется Камаръ (Лунѣ) и знаку зодіака Саратанъ (ракъ) Цвѣта бѣлаго, оказываетъ вліяніе на рудники, на предметы холодные и мокрые, сѣрые, на мѣста мечетей, мѣста богопочитанія, на юношей красивыхъ, знающихъ вѣроученіе, мудрыхъ; на людей съ большими головами, плоскогрудыхъ, съ узкимъ лбомъ, высокаго роста.

---

[1]) По туземному санглакъ (саганакъ).

10) Нусратуль-хориджъ (побѣда исключенная) находится подъ вліяніемъ Солнца и знака зодіака Асадъ (левъ). Счастливый, мужского рода. Оказываетъ вліяніе на предметы горячіе, сухіе, горькіе, на хорошіе запахи, на высокія мѣста, на царей, владыкъ, эмировъ, вельможъ, на людей умныхъ, красивыхъ, съ открытымъ взглядомъ, съ черными волосами.

11) Нусратуль-дохыль (побѣда близкая) подчиняется звѣздѣ Муштари (Юпитеръ) и знаку зодіака Каусъ(стрѣлецъ). Цвѣта бѣлаго и красноватаго, оказываетъ вліяніе на рудники и растенія, на предметы холодные, сырые и соленые, на мечети и мѣста богопочитанія, на красивыхъ мальчиковъ, на благочестивыхъ и мудрыхъ.

12) Атаба-уль-хориджъ (порогъ выпущенный) подчиняется звѣздѣ Занабъ (Комета). Несчастливый, женскаго рода. Оказываетъ вліяніе ни рудники, растительность, на предметы желтаго цвѣта, на мѣста, закопченыя дымомъ, на развалины строеній, на дурныхъ людей, на людей средняго роста, съ густыми бровями.

13) Накы (чистый), подчинается звѣздѣ Миррыхъ (Марсъ) и знаку зодіака Акрабъ (скорпіонъ). Оказываетъ вліяніе на несовершеннолѣтнихъ, животныхъ, живущихъ въ водѣ, на предметы, обладающіе соленымъ вкусомъ, на людей съ большими головами, безъ волосъ на лицѣ.

14) Атаба-туль-дохыль (порогъ твердый) подчиняется звѣздѣ Зухра (Венера). Счастливый, женскаго рода, оказываетъ вліяніе на рудники, предметы чистые, желтаго цвѣта, пріятные запахи, красивые сады, текучія воды, на людей знающихъ, счастливыхъ, хорошихъ, умныхъ, широкогрудыхъ, средняго роста, съ мало открытыми глазами и широкимъ лбомъ.

15) Иштимо (выводъ) подчиняется звѣздѣ Аторутъ (Меркурій) и знаку зодіака Сумбуля (дѣва). Оказываетъ вліяніе на предметы кислые и разноцвѣтные, на мѣста раскрашенныя, на людей вѣжливыхъ, хорошаго характера, съ пріятной рѣчью, на докторовъ, привратниковъ, лживыхъ, обманщиковъ и шутливыхъ.

16) Тарикъ ⁝ (путь) подчиняется Камаръ, (лунѣ), знаку зодіака Саратанъ (ракъ). Женскаго рода, оказываетъ вліяніе на предметы холодные, сырые, рудники и растительность, на предметы темно-зеленаго цвѣта, съ пріятнымъ запахомъ. Оказываетъ также вліяніе на мѣста базаровъ, далекое путешествіе, людей высокаго роста, съ длинной шеей, съ маленькой головой и сильныхъ, на казначеевъ, бековъ и разносчиковъ писемъ.

§ 4. Значеніе шестнадцати результатовъ выкладокъ (шакль). Полученный отъ первой выкладки результатъ называется тали (счастье). Онъ указываетъ на желанія того на кого гадаютъ, а также характеризуетъ и самого гадающаго; даетъ понятіе о началѣ его дѣла и о томъ, хорошо или дурно поступаетъ гадающій, однимъ словомъ—изъ этого результата можно вывести заключеніе о пришедшемъ гадать.

2-й результатъ относится къ имуществу и предметамъ продовольствія, къ прибытію отсутствующаго, къ полученію или уплатѣ, къ богатству и бѣдности.

3-й результатъ говоритъ о родственникахъ гадающаго и о путешествіи на близкое разстояніе.

4-й результатъ даетъ отвѣты на вопросы о землѣ, сельскомъ хозяйствѣ, растительности, объ окончаніи начатаго дѣла, о кладахъ, отцѣ и дѣдѣ гадающаго и о жилищахъ.

5-й результатъ даетъ свѣдѣнія о дѣтяхъ, о влюбленныхъ, о письмахъ и извѣстіяхъ, о подаркахъ, о подношеніяхъ, посылкѣ кого-нибудь, о вѣстникѣ и о радости.

6-й результатъ говоритъ о болѣзни, беременности, о рабахъ, служанкахъ, о домашней утвари и мебели, о дѣтяхъ и женщинахъ.

7-й результатъ относится къ врагамъ, замужеству, браку, женщинамъ, отсутствующимъ, ворамъ и товарищамъ въ предпріятіи.

8-й результатъ обозначаетъ страхъ, рискъ, смерть, войну и полученіе наслѣдства.

9-й результатъ касается науки, вѣры, путешествій; разъясняетъ значеніе сновъ.

10-й результатъ относится до царей, эмировъ, вельможъ, будущности въ смыслѣ карьеры, возвышенія и удачи, говоритъ о матери гадающаго, о разрѣшеніяхъ и запрещеніяхъ

11-й результатъ касается любви и надежды.

12-й результатъ даетъ свѣдѣнія о врагахъ, крупномъ скотѣ (лошадь, слонъ, верблюдъ), объ арестѣ и тюрьмѣ.

Значеніе результата 13-го одинаково съ 1-мъ, 14-го со 2-мъ, 15-го съ 3-мъ и 16-го съ 4-мъ.

§ 5. Выводъ и рѣшеніе рамля (гаданія). Знай, что для полученія надлежащаго отвѣта изъ 12-ти выкладокъ, на вопросы, которые интересуютъ гадающаго, необходимо, что бы самъ онъ сосредоточилъ свои мысли на интересующемъ его предметѣ, какъ сказано было выше.

Поставивъ въ четырехъ мѣстахъ шестнадцать рядовъ точекъ, надо вывести изъ нихъ четыре результата (шакль), а изъ этихъ четырехъ результатовъ, представляющихъ уммуходъ (мать), нужно вывести заиджа, всѣ 16-ть выкладокъ до конца.

Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на результатъ первой выкладки, которая называется тали (счастье), какой по счету результатъ пришелся на это мѣсто, смотря по его обозначенію точками. Если гадающій задумалъ и желаетъ узнать что-нибудь о потерявшемся или что онъ боится потерять, а также о задуманномъ имъ предпріятіи и на первомъ мѣстѣ придется одинъ изъ результатовъ, названіе котораго (см. выше), заключаетъ въ себѣ слово хориджъ (исключенный), то это обозначаетъ исполненіе задуманнаго.

При этомъ, если въ обозначеніи вышедшаго результата значится звѣзда счастливая, то исполнится скоро, а если несчастливая, то нескоро.

Если гадающій желаетъ знать, достигнетъ-ли онъ того, чего добивается, и найдетъ-ли то, что хочетъ найти, то это выяснится изъ результата выкладокъ, приходящагося на „тали"—первое мѣсто. Если придется одинъ изъ результатовъ, обозначеніе котораго содержитъ въ себѣ слово „дохыль" [1]), то это указываетъ на исполненіе задуманнаго—при счастливой звѣздѣ легко и при несчастливой съ затрудненіемъ.

Результатъ сабитъ (твердый) обозначаетъ, что желаніе гадающаго исполнится навѣрно, а результатъ обратный указываетъ на то, что желаніе гадающаго можетъ быть исполнится, а можетъ быть и нѣтъ.

Послѣ этого необходимо обратить вниманіе на выкладку, соотвѣтствующую вопросу и на то, какой результатъ выпадетъ на это мѣсто. Напр., если вопросъ изъ 2-й выкладки объ имуществѣ и на эту выкладку выйдетъ результатъ „дохыль", то это

---

[1]) Присоединенный.

указываетъ на то, что задуманное исполнится. Вторая выкладка соотвѣтствуетъ вѣтру (бадъ) и если выпавшій на эту выкладку результатъ тоже будетъ соотвѣтствовать той-же стихіи (бадъ), то желаніе исполнится. То же самое выйдетъ, если придется результатъ, соотвѣтствующій стихіи воды (аби), потому что бадъ и аби другъ къ другу подходятъ. Только не пришелся бы на мѣсто, соотвѣтствующее вѣтру, результатъ отвѣчающій стихіи хаки (земля), потому что вѣтеръ и земля, прахъ, другъ къ другу не подходятъ: вѣтеръ разноситъ землю въ видѣ пыли. Такое совпаденіе означаетъ, что задуманное не исполнится. Также результатъ, соотвѣтствующій водѣ, не подходитъ къ мѣсту, отвѣчающему стихіи огня, потому что вода гаситъ огонь и эти двѣ стихіи враждебны другъ другу. Во всѣхъ указанныхъ выше совпаденіяхъ задуманное не исполнится.

Стихія, которой соотвѣтствуетъ данный изъ 16-ти результатовъ, опредѣляется сдѣдующимъ образомъ:

Огонь и восточный • • • ; вѣтеръ и западный ; вода и сѣверный — ; земля и южный

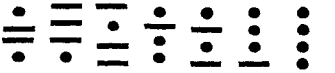
Результаты соотвѣтствуютъ дню, а относятся къ ночному времени.

Слѣдующіе семь результатовъ соотвѣтствуютъ мужскому полу: ; слѣдующіе семь — относятся къ женскому полу:

Остальные два результата — смѣшанные, женскіе и мужскіе, самые счастливые и самые несчастливые: . Слѣдующіе четыре результата обозначаютъ развитіе, процвѣтаніе , а слѣдующіе четыре — степь, пустыню . Результаты обозначаютъ рѣки и большіе

оросительные каналы, а обозначаютъ горы.

Семь счастливыхъ результатовъ:

Семь несчастливыхъ результатовъ: 

остальные два результата и считаются смѣшанными и, если они выпадутъ, необходимо обращать вниманіе на результатъ „назоратъ“ [1]). Если результатъ выкладки „махсудъ“ (желлніе) придется на мѣсто „тали“, или мѣсто „тали“ окажется сходнымъ съ мѣстомъ „махсудъ“, то все задуманное исполнится и окончится счастливо.

Знай, что мѣста 1, 5 и 9-е зависятъ отъ 3-го, 2-е зависитъ отъ 4-го, а 3-е и 11-е отъ 6-го, тѣ-же два мѣста относятся къ 7-му, какъ стоящія другъ противъ друга. Мѣста 6-е, 8-е и 12-е независимы. Каждый результатъ, который придется въ серединѣ, будетъ отличаться цѣльностью и могуществомъ и будетъ носить названіе ватадъ, что значитъ гвоздь, а аутодъ—(мн. число), гвозди. Послѣ этого, мѣста 1, 5, 9 и 13 называются аутодъ-и-аташи (гвозди огня), 2, 6, 10, и 14 аутодъ-и-бадъ (гвозди вѣтра), 3, 7, 11 и 15—аутодъ-и-аби (гвозди воды), а 4, 8, 12 и 16—аутодъ-и-хаки (гвозди земли). Еще извѣстно, что результаты, соотвѣтствующіе стихіи огня, къ мѣстамъ той-же стихіи приходятся, какъ гвозди, они цѣльны и могущественны. Результаты стихіи огня къ мѣстамъ вѣтра приходятся вродѣ гвоздей. Результаты-же огня къ мѣстамъ воды не приходятся какъ гвозди, т. е. не имѣютъ силы и значенія. Результаты огня на мѣстахъ земли, суть гвозди изъ гвоздей и имѣютъ двойную силу, результаты-же вѣтра къ мѣстамъ вѣтра имѣютъ силу гвоздя, а на мѣстахъ воды только половинную силу, въ мѣстахъ земли эти результаты не имѣютъ силы гвоздя. Результаты воды на мѣстахъ воды имѣютъ значеніе гвоздя, въ мѣстахъ земли—половинную силу, а на мѣстахъ огня—безъ значенія и въ мѣстѣ вѣтеръ—особую силу—гвоздь изъ гвоздей.

Результаты земли въ мѣстѣ земли—имѣютъ силу гвоздя; на мѣстѣ огонь они имѣютъ лишь половинную силу, на мѣстѣ вѣтеръ—безъ значенія и на мѣстѣ вода—имѣютъ особую силу—гвоздь изъ гвоздей.

---

[1]) Наблюденіе.

Значеніе слова ватадъ (гвоздь)—это скоро исполнится; майли—ватадъ (свернутый гвоздь)—нескоро исполнится; зайли—ватадъ—(прямой гвоздь)—не исполнится вовсе и ватадъ-уль-ватадъ (гвоздь изъ гвоздей)—при посторонней помощи желаніе исполнится.

§ 6. Объ открытіи тайнаго. Знай, что основательно знающіе эту дорогу (науку?), указываютъ различные способы для открытія тайнаго, но только нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ вѣры и я о нихъ разскажу.

Прежде всего надо разсмотрѣть всѣ выкладки „заиджа" въ цѣломъ и замѣтить, гдѣ повторился первый результатъ (шакль). Если этотъ результатъ повторился во 2-мъ мѣстѣ, то это мѣсто (2-е) указываетъ на то, чѣмъ заинтересованъ гадающій; тоже самое, если первый результатъ повторится на 3-мъ мѣстѣ, на 4-мъ, 5 мъ или на одномъ изъ слѣдующихъ до 12-го, то это тоже указываетъ на предметъ желаній гадающаго. Второй пріемъ: множатъ между собою результаты 1 и 2-й, получается новый выводъ, потомъ множатъ 7 и 14-й результаты, получается тоже новый выводъ. Эти два новые результата снова перемножаются, отъ чего получается новый результатъ. Этотъ-то выводъ и надо сопоставить съ полученными при первоначальныхъ выкладкахъ результатами, чтобы видѣть съ какимъ результатомъ и на какомъ мѣстѣ сходенъ новый выводъ. По этому сходству послѣдняго вывода можно будетъ узнать желаніе гадающаго, оно будетъ соотвѣтствовать или мѣсту сходнаго результата, или самому результату. Такъ напр., если выведенный перемноженіемъ результатъ будетъ „лихъянъ"; то это обозначаетъ, это гадающій спрашиваетъ о своемъ собственномъ положеніи; если будетъ „кабзу-дохыль", то вопросъ гадающаго относится ко 2-му мѣсту, а если будетъ „кабзуль-хориджъ", то вопросъ относится къ 3-му мѣсту. О значеніи мѣстъ сказано было выше. Также выше показанъ былъ порядокъ вывода основныхъ результатовъ. Такъ, результатъ, который написанъ прежде всѣхъ, есть основной, и его мѣсто 1-е, который показанъ послѣ него, занимаетъ 2-е, мѣсто. и т. д.

Третій пріемъ: перемножить результаты 1-го и 2-го мѣстъ „заиджа", а полученный результатъ помножить еще на результатъ 3-го мѣста. Полученный результатъ надо найти между результатами „заиджа" и тѣ мѣста, на которыхъ стоятъ сходные съ полученнымъ результатомъ, будутъ обозначать предметъ желаній гадающаго.

Есть еще четвертый пріемъ: сосчитать всѣ точки полученныхъ при вычисленіи „заиджа“ результатовъ, отнять изъ полученнаго общаго числа 12 точекъ, а остальныя точки разставить по одной на каждое мѣсто „заиджа“, начиная съ перваго мѣста, и то мѣсто, до котораго хватитъ точекъ—означаетъ желаніе гадающаго.

Изъ приведенныхъ выше пріемовъ для опредѣленія предмета, которымъ интересуется гадающій, второй пріемъ вѣрнѣе всѣхъ остальныхъ. И если при примѣненіи этого пріема въ результатѣ получится „лихъянъ“, то изъ этого слѣдуетъ, что гадающій спрашиваетъ о своемъ положеніи, хлопочетъ о своемъ дѣлѣ, требуетъ то, что принадлежитъ ему по праву или желаетъ разрѣшить вопросъ—идти-ли ему къ судьѣ, или совѣтоваться съ мудрымъ человѣкомъ, или задаетъ вопросъ объ отсутствующемъ, или о своихъ дѣтяхъ.

Если въ результатѣ получится „кабзъ-уль дохыль“, то гадающаго интересуетъ вопросъ объ имуществѣ, или о неудавшемся дѣлѣ, или о женѣ, о повседневныхъ насущныхъ потребностяхъ, о скотѣ, или объ отсутствующемъ. Если выйдетъ „кабзъ-уль-хориджъ“, то гадающій намѣренъ предложить вопросъ о путешествіи, объ отдачѣ чего-нибудь или о потерѣ.

Полученный въ концѣ выкладки „джамоатъ“ указываетъ на вопросъ о покупкѣ чего-нибудь, или о чужестранцѣ, о караванѣ, находящемся въ пути, о войскахъ, или о беременной женѣ. „Фарахъ“ указываетъ на желаніе гадающаго узнать что-нубудь объ ожидаемомъ письмѣ или извѣстіи, о помощи, о дѣтяхъ.

Результатъ „укля“ свидѣтельствуетъ о томъ, что гадающій спрашиваетъ о больномъ, о беременной женщинѣ, объ арестованномъ, о кладѣ или объ умершемъ. „Инкисъ“ указываетъ на вопросъ о сватовствѣ, о служанкѣ или товариществѣ, постройкѣ зданія или о торговлѣ.

Результатъ „хумра“ указываетъ на то, что гадающій интересуется вопросомъ о задуманной имъ женитьбѣ, о здоровьи больного, о смерти или о долгахъ; если-же получится „баязъ“, то предлагаемый вопросъ касается путешествія, значенія сна, науки, или купли—продажи.

Полученный въ концѣ выкладки „нусратъ-уль-хориджъ“ указываетъ на вопросъ о царѣ, эмирѣ или вельможѣ, о путешествіи, или объ отсутствующемъ, а „нусратъ-уль-дохыль“ свидѣльствуетъ о желаніи гадающаго знать про бракъ, объ отно-

шеніяхъ къ кому нибудь, о домашней утвари или объ ожидаемой получкѣ отъ другого человѣка.

Если выйдетъ „атаба-уль-хориджъ“, то это обозначаетъ, что дѣло касается какого-нибудь украденнаго у гадающаго или потеряннаго имъ предмета, о ворѣ или разбойникѣ. Если получится „накы“, то гадающаго интересуетъ вопросъ о маленькихъ дѣтяхъ, о возлюбленной или о колдовствѣ. „Атаба-уль-дохыль“ указываетъ на вопросъ о бракѣ, или о дѣлѣ, или о человѣкѣ, имѣющемъ отношеніе къ имуществу.

Если при перемноженіи получится „шитимо“, то вопросъ касается свѣдѣній, заключающихся въ книгахъ, знанія живописи, или рисованія, или о достиженіи чего-либо при помощи мировой сдѣлки. Полученный въ результатѣ „тарикъ“ указываетъ на то, что гадающаго интересуетъ вопросъ о путешествіи, объ отсутствующемъ, находящемся въ пути, или о вещи, похищенной воромъ.

§. 7. О розысканіи кладовъ и неизвѣстныхъ вещей. Если вопросъ будетъ предложенъ о кладѣ, то надо сдѣлать выкладки, какъ указано было выше, т. е. вывести четыре результата изъ „уммуходъ“, по нимъ составить „заиджа“. Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на то, содержится-ли въ выкладкѣ результаты „укля“, „хумра“, или „инкисъ“; если они окажутся, то значитъ кладъ есть и найдется. Еще перемножить результаты 1-й на 4-й и 6-й на 14-й, выйдетъ два результата и если между ними будетъ „дохыль“ или „сабитъ“, то кладъ дается въ руки, если-же выйдетъ „хориджъ“, или „мункалибъ“. то кладъ въ руки не дается.

Для того, чтобы открывать неизвѣстныя, тайныя мысли, необходимо подробно знать значеніе и отношеніе мѣстъ и результатовъ выкладокъ; въ видѣ краткости нашего изложенія, здѣсь всего этого объяснить, невозможно, ознакомиться съ этимъ вопросомъ можно по другимъ книгамъ, посвященнымъ спеціально гаданію. Необходимо знать, что гаданіе бываетъ „шакли“ и „нукати“; то, что было изложено выше, относится къ „шакли“, правила же гаданія „нукати“ сложнѣе и труднѣе.

Впрочемъ и тѣ правила тоже подчиняются четыремъ стихіямъ (ансуръ)- огонь, вѣтеръ, вода и земля. Разсказывать объ этихъ правилахъ долго и я потому не сталъ.

Наука Джафръ.

(Кн. Матла-уль-улумъ, глава 32-я).

Вступленіе въ изученіе этой науки. Знай, что Джафръ—наука тайная, она не дается никому, кромѣ пророковъ и святыхъ, которымъ извѣстны тайны Бога.

Знаніе этой науки содержится въ откровеніи Бога и пророка Мухаммада; имъ только она вполнѣ извѣстна. Мухаммадъ говорилъ, что онъ городъ знанія, а Али, сынъ Аби Талиба, есть дверь знанія. Пророкъ научилъ наукѣ джафръ Али, а отъ него знаніе это перешло къ его сыновьямъ и родственникамъ; отъ нихъ, по совѣту и выбору подходящихъ людей, наука перешла къ тѣмъ, кого они признали нужнымъ съ ней познакомить. Знающему эту науку откроется и смыслъ одиночныхъ буквъ, поставленныхъ въ началѣ нѣкоторыхъ главъ Корана, а свѣтскіе ученые, занимающіеся изученіемъ явныхъ наукъ, никогда не узнаютъ значенія этихъ буквъ, развѣ можетъ быть тѣ, у которыхъ свѣтомъ Бога души очищены и освѣщены для познанія истины [1]).

Однажды, это было въ собраніи у Миръ—Багауддина—Хусейна, въ мѣстности Касаба-и-Джалали, состоявшемъ изъ великихъ людей, зашелъ разговоръ о наукѣ джафръ. Миръ Багауддинъ-Хусейнъ передалъ незначительную часть своихъ познаній въ этой наукѣ и сказалъ: „давно желаніе изучить науку джафръ, какъ пламя, палитъ мою грудь, но я не нахожу въ мірѣ наставника, который былъ-бы въ состояніи мнѣ ее преподать".

Я, говоритъ авторъ книги Матла-уль-Улумъ, всегда старался изучить тайныя науки и удивительныя искусства. Когда я не зналъ ничего о названіи и свойствахъ этой науки джафръ, я получилъ о ней нѣкоторыя свѣдѣнія отъ святого Багауддина Хусейна, подобно нищему, который старается до-

---

[1]) У двадцати девяти главъ Корана, въ началѣ текста ихъ, поставлены буквы арабской азбуки: у нѣкоторыхъ главъ поставлено по одной буквѣ, у другихъ по двѣ, по три, у иныхъ по четыре, по пяти буквъ. Мохаммеданскіе толкователи Корана думаютъ, что буквы эти—начальныя или окончательныя буквы словъ, но признаются, что не знаютъ ихъ значенія. Нѣкоторые изъ мохаммеданскихъ ученыхъ пытались открыть смыслъ ихъ, но объясненія ихъ очень различны и остаются одними догадками, не открывающими вѣрнаго значенія. (Гордій Саблуковъ „Свѣдѣнія о Коранѣ", Казань 1884 г., стр. 18 и слѣд.).

биться царскаго трона, или какъ воробей, который хочетъ занять мѣсто птицы Анка [1]). Послѣ этого желаніе постичь науку вполнѣ овладѣло мной и я сталъ искать наставника, который помогъ-бы мнѣ изучить науку джафръ. Я всѣми силами старался добиться хотя-бы небольшихъ знаній въ этой наукѣ и наконецъ научился немного у ученаго Мухаммадъ-Аминъ-Улла, написавшаго книгу Джали-Сари.

Послѣ этого я отправился путешествовать по чужимъ странамъ и городамъ, что бы научиться еще чему-нибудь. Наконецъ, я прибылъ въ городъ Лакъ-Нау и тамъ, послѣ долгихъ усилій, узналъ о Саидѣ—Хасанъ—Али—Исфагани. Пирдя къ нему, я остался служить при немъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что онъ хорошо знаетъ интересующую меня науку джафръ. Къ сожалѣнію, Саидъ—Хасанъ—Али не любилъ говорить съ людьми и никому не открывалъ, что онъ знаетъ эту науку.

Когда я, ничего не знающій, долгое время безотлучно пробылъ при немъ, однажды, по безконечной ко мнѣ милости, онъ сказалъ мнѣ:

— О, любезный! Къ чему ты добиваешься знанія этой науки: вѣдь тебѣ это не удастся и ты, можетъ быть, только очистишь свою голову этими несбыточными мечтами. Это безконечное богатство не дано постичь людямъ этого міра. Впрочемъ, добавилъ онъ, ты столько времени мнѣ усердно служилъ, что я не хочу, что бы ты ушелъ, не будучи удовлетворенъ и этой милостью.

Онъ преподалъ мнѣ нѣкоторыя черты этой науки, далъ мнѣ иршадъ [2]) и отпустилъ отъ себя.

То, что я успѣлъ при этомъ узнать отъ высокопочтеннаго ученаго, подобно тому, какъ будто-бы муравей унесъ одно зернышко съ тока, или какъ будто нищій унесъ одинъ диргемъ [3]) изъ казнохранилища султана. Я все это подробно объясняю для того, чтобы было понятно, что эту сокровенную науку никакъ нельзя просто и понятно передать вся-

[1]) Подъ именемъ Анка, Симургъ или Самракъ извѣстна у мусульманъ сказочная баснословная птица, вродѣ древняго феникса, живетъ обыкновенно на Кафъ горѣ, т. е. на Кавказѣ, имѣетъ очень большое тѣло и обладаетъ разумомъ и даромъ слова. (Н. П. Остроумовъ „Сарты", вып. II, стр. 70 и 171).

[2]) Иршадъ—дозволительное свидѣтельство на проповѣдь суфійскаго ученія, получаемое муридомъ отъ наставника (пира).

[3]) Мелкая серебряная монета.

кому, и я изъ того немногаго, что самъ знаю, разскажу то, что можно разсказать, и объясню кое-что изъ этой науки, основанной на буквахъ, чтобы изучающіе эту науку могли хоть немного съ ней познакомиться.

Свойства этой науки слѣдующія: знающій эту науку вполнѣ удовлетворенъ всѣмъ, что есть въ мірѣ, и больше ни въ чемъ не нуждается; онъ знаетъ все, что есть на небѣ и на землѣ. И небо и земля будетъ въ его власти.

Эта наука называется ильми—таксиръ (наука о дробяхъ), потому что она даетъ возможность всѣ предметы представлять въ другомъ видѣ и знающій эту науку—знаетъ все, что заключается во всѣхъ наукахъ. Эта глава заключаетъ въ себѣ нѣсколько параграфовъ:

§ 1. О книгѣ Джафръ-и-джами (всеобщей). Знай, что для составленія книги „Джафръ-и-джами" необходимо умѣть раздѣлить буквы абджада [1]). Книга эта очень хорошая.

---

[1]) Какъ въ славянскомъ, въ древне-еврейскомъ и арабскомъ алфавитахъ каждая буква имѣетъ и цифровое значеніе. Арабы составили ничего не значащую фразу, или наборъ словъ, въ которомъ буквы поставлены въ порядкѣ ихъ цифроваго значенія. По русски эта фраза читается такъ: „абджедъ хевезъ хютти келеменъ сэфесъ керешетъ сеххезъ зезээге".

(اَبْجَدْ هَوَّزْ حُطّى كَلَمَنْ سَعُفَصَ قَرَشَتْ ثَخَّذْ ضَظَغَ)

Первые три слова заключаютъ (справа на лѣво) первыя десять цифръ, далѣе идутъ десятки, потомъ сотни. Такимъ образомъ:

آ — 1	ك — 20	ر — 200
ب — 2	ل — 30	ش — 300
ج — 3	م — 40	ت — 400
د — 4	ن — 50	ث — 500
ه — 5	س — 60	خ — 600
و — 6	ع — 70	ذ — 700
ز — 7	ف — 80	ض — 800
ح — 8	ص — 90	ظ — 900
ط — 9	ق — 100	غ — 1000
ى — 10		

„О мусульманскомъ лѣтосчисленіи" М. А. Терентьева. Протоколы Туркестанскаго Кружка любителей археологіи, годъ 1-й.

Въ ней 28 джузъ (тетрадей), въ каждой джузъ—28 сафха—(страницъ), въ каждой страницѣ 28 сатръ - (строкъ), въ каждой строкѣ 28 хана (графъ) и въ каждой графѣ можно написать четыре буквы.

Первая буква обозначаетъ первую графу, вторая буква указываетъ строку, третья буква—страницу и четвертая - тетрадь (джузъ).

Такъ, въ первой графѣ, 1-я строка 1-й страницы, 1-й тетради, можно написать четыре буквы алифъ по слѣдующему образцу ااااا. Первый алифъ обозначаетъ первую графу, 2-й—первую строку, 3-й—первую страницу и 4-й—первую тетрадь.

Во 2-й графѣ слѣдуетъ написать одинъ ب и три ا, въ такомъ порядкѣ ااا ب, потому что это вторая графа и ب есть вторая буква. Въ 3-й графѣ пишется одинъ ج и три ا въ такомъ порядкѣ ااا ج и такъ до конца строки, до конца 28-ми графъ, когда наконецъ поставятъ одинъ غ и три ا въ такомъ порядкѣ ااا غ и въ первой графѣ 2-й строки придется поставить ااب ا, а во второй графѣ 2-й строки ااب ب а въ третьей графѣ 2-й строки ااب ج и такъ до конца строки, до 28-й графы, гдѣ придется поставить ااب غ.

На 28-й строкѣ 1-й страницы въ первой графѣ придется поставить ااغ ا. И на концѣ 28-й строки 1-й страницы, 1-й тетради, надо поставить слѣдующія четыре буквы ااغغ, при чемъ первый غ обозначаетъ графу 28-ю, второй غ обозначаетъ 28-ю строку, первый ا обозначаетъ первую страницу и второй ا—первую тетрадь. И въ 28-й тетради (джузъ) на первой страницѣ, въ 1-й строкѣ и первой графѣ, находятся غااا; первый ا обозначаетъ 1-ю графу, второй ا—1-ю строку, третій ا 1-ю страницу и غ обозначаетъ 28-ю тетрадь. И въ 28-й тетради, на 28-й страницѣ, въ 28-й строкѣ, въ 28-й графѣ будетъ четыре غ—غغغغ. Первый изъ нихъ обозначаетъ 28-ю графу, второй 28-ю строку, третій 28-ю страницу и четвертый 28 ю тетрадь.

Итакъ, въ первой графѣ первой страницы этой прекрасной книги находятся четыре алифа (ا), а въ послѣдней графѣ послѣдней страницы четыре гайна (غ).

Благодаря этому, изъ этой благословенной книги во всякое время можно узнать все, что пожелаешь о положеніи всѣхъ живущихъ, всѣхъ предметовъ, о дурномъ и хорошемъ, о всемъ видимомъ и невидимомъ мірѣ. Напр., слово джано означаетъ

по индійски итти, и въ этой книгѣ его надо искать въ 3-й графѣ, 1-й строкѣ, 4-й страницы и 1-й тетради; тамъ написано и слово рафтанъ, которое по персидски обозначаетъ то же понятіе въ графѣ 20-й, строки 17-й, страницы 22, тетради 14-й, и арабское слово аалямъ въ 16-й графѣ, 1-й строки, 22-й страницы, 18 тетради.

Также въ 3-й графѣ 1-й строки, 20-й страницы, 3-й тетради находится слово хориджъ, обозначающее по англійски имя человѣка и слово Люисъ, обозначающее по французски имя человѣка—въ 22-й графѣ, 6-й строки, 10-й страницы, 15-й тетради.

Итакъ, всѣ слова, состоящія изъ четырехъ буквъ, на какомъ-бы языкѣ они ни были, можно найти въ этой книгѣ.

Если слово, состоящее изъ четырехъ буквъ, не имѣетъ смысла и ни въ какомъ языкѣ не встрѣчается, то читающій долженъ объяснить его по своему усмотрѣнію, какъ ему кажется, и ошибки въ этомъ случаѣ не будетъ: безъ труда найдется объясненіе.

Въ этой же книгѣ могутъ быть найдены и слова, состоящія изъ 5, 6 и болѣе буквъ, но для этого надо взять вмѣстѣ нѣсколько графъ, находящихся на разныхъ строкахъ и страницахъ разныхъ тетрадей. Такъ, напр., слово мибоисти (долженствующій): въ графѣ 13-й, строки 10-й, страницы 2-й, тетради 1-й найдется слово мибо, а въ графѣ 10-й, строки 15-й, страницы 22-й, тетради 10-й найдется слово исти.

Эта книга носитъ много названій: Таксири-агзамъ (составленіе великаго), Исмикябиръ (святое имя), джафръ-кябиръ (святая джафръ), джафри-джами (общая джафръ), акли-фааль (дѣятельный умъ), Лаухи-Махфузъ (оберегаемая скрижаль) и нѣтъ въ мірѣ предмета, имени, вещи, или слова, которое не нашлось бы въ этой книгѣ.

Ея графы, строки, страницы и тетради совпадаютъ со счетомъ луннаго лѣтосчисленія 28×28, поэтому книгу эту еще называютъ Камари, т. е. лунною. Если 28 помножить на 28, то получится 784—счетъ ея страницъ. Тотъ, кто не постигъ тайны воздержанія, не можетъ изучить эту науку.

Чтобы понять смыслъ написаннаго въ 28-ми графахъ книги и взаимное отношеніе написанныхъ буквъ, необходимо знать хикматъ-и-абджада (значеніе абджада [1]), а для того, что-бы сдѣлать изъ написаннаго всѣ выкладки, дроби и знать

[1]) См. выше примѣчаніе относительно абджада.

порядокъ распредѣленія графъ, надо быть знакомымъ съ ильми-хандоса (архитектура).

Достоинство и польза этой книги заключаются въ томъ, что она приводитъ къ познанію и если переписчикъ этой книги въ точности исполнитъ всѣ необходимыя требованія, то все необходимое и тайное въ мірѣ станетъ для него ясно и душа его просвѣтится свѣтомъ хакиката и мааруфата [1]).

Вся эта книга въ 784 страницы можетъ быть написана въ теченіе 1001 дня [2]), такъ какъ въ дни вторникъ, въ солнечныя и лунныя затменія писать эту книгу воспрещено.

Тотъ, кто пожелаетъ посвятить себя составленію книги Джафръ-и-Джами, долженъ быть воздержанъ; онъ никогда не долженъ лгать, а всегда говорить правду, не имѣть общенія съ людьми, всегда носитъ чистую одежду. Его постель и мѣсто, гдѣ онъ сидитъ во время работы, также должны быть безусловно чисты.

Пусть онъ пишетъ книгу въ уединеніи, сидя на чистомъ мѣстѣ. Около пишущаго не должна находиться женщина, до его слуха не долженъ доноситься голосъ собаки или осла. Расходы на пріобрѣтеніе бумаги, перьевъ и освѣщенія, а также на пищу и одежду должны производиться изъ денегъ, нажитыхъ дозволеннымъ путемъ, чистыхъ (халяль), чтобы не было въ законномъ происхожденіи средствъ никакого сомнѣнія. Если при переписчикѣ будетъ еще другой человѣкъ въ качествѣ прислуги, то и тотъ долженъ быть чистъ и воздержанъ.

Если книга будетъ переписана до конца при соблюденіи всѣхъ указанныхъ выше условій, то польза отъ нея будетъ замѣтна для всего города, для всего материка, гдѣ она была написана.

Нахожденіе этой книги въ какомъ-либо домѣ обезпечитъ всѣмъ живущимъ въ этомъ домѣ избавленіе отъ скоропостижной смерти и другихъ несчастій и бѣдствій. Жители дома будутъ постоянно находиться подъ покровительствомъ Бога и, силою этой книги, не будутъ испытывать какого-либо несчастія, а всѣ будутъ постоянно счастливы и довольны. Никто, злой или сердитый, не причинитъ имъ зла и обиды. силою этой книги всѣ живущіе въ домѣ освободятся отъ всѣхъ своихъ недостатковъ.

Книга Джафръ-и-Джами пишется указаннымъ выше по-

---

[1]) Различныя степени знанія и совершенства духовнаго.
[2]) Вѣроятно по числу 1001 прекрасныхъ именъ Божіихъ.

рядкомъ такъ, что въ каждой изъ 28 тетрадей 28 страницъ, на каждой страницѣ 28 строкъ, по 28 графъ въ каждой.

Ниже сего указанъ порядокъ расположенія буквъ въ первыхъ десяти строкахъ по 10 графъ отъ آ до ى

آآآآ	بآآآ	جآآآ	دآآآ	هآآآ	وآآآ	زآآآ	حآآآ	طآآآ	ىآآآ
آبآآ	ببآآ	جبآآ	دبآآ	هبآآ	وبآآ	زبآآ	حبآآ	طبآآ	ىبآآ
آجآآ	بجآآ	ججآآ	دجآآ	هجآآ	وجآآ	زجآآ	حجآآ	طجآآ	ىجآآ
آدآآ	بدآآ	جدآآ	ددآآ	هدآآ	ودآآ	زدآآ	حدآآ	طدآآ	ىدآآ
آهآآ	بهآآ	جهآآ	دهآآ	هههآآ	وهآآ	زهآآ	حهآآ	طهآآ	ىهآآ
آوآآ	بوآآ	جوآآ	دوآآ	هوآآ	ودآآ	زوآآ	حوآآ	طوآآ	ىوآآ
آزآآ	بزآآ	جزآآ	دزآآ	هزآآ	وزآآ	زززآآ	حزآآ	طزآآ	ىزآآ
آحآآ	بحآآ	جححآآ	دحآآ	هحآآ	وحآآ	زحآآ	حححآآ	طحآآ	ىحآآ
آطآآ	بطآآ	جطآآ	دطآآ	هطآآ	وطآآ	زطآآ	حطآآ	ططآآ	ىطآآ
آىآآ	بىآآ	جىآآ	دىآآ	هىآآ	وىآآ	زىآآ	حىآآ	طىآآ	ىىآآ

Необходимо внимательно разсмотрѣть приведенную выше таблицу потому, что въ счетѣ „абджада“ отъ آ до ى заключается 10 буквъ и въ приведенныхъ десяти строкахъ по 10 графъ; въ каждой содержатся слова: „абджадъ, хавазъ и хутти“, написанные вдоль и поперекъ, слова, которыя получаются при этомъ въ графахъ, даютъ необходимыя значенія и будутъ ясны для человѣка понимающаго. Такъ, въ 1-й строкѣ, 2-й графы этой таблицы, находится слово بآ — бо, которое по персидски означаетъ союзъ (майятъ); оно получается отъ соединенія ب съ آ. Также въ графѣ 3 й, первой строки, находится слово جآ = джо, обозначающее на персидскомъ языкѣ „мѣсто“, а на индійскомъ языкѣ обозначается словомъ амръ, что по персидски значитъ достъ (серпъ). Если эти слова сое-

динить, то получится слово баджо باجا, которое на индійскомъ языкѣ выражаетъ понятіе хорошо, по персидски сазъ.

Въ графѣ 4-й первой строки находится слово ا—да, которое по арабски значитъ болѣзнь, а въ графѣ 5-й первой-же строки стоитъ слово—ho, что по персидски обозначаетъ множественное число, а въ графѣ 6-й первой строки слово—во, что по персидски значитъ открытый (бозъ), а въ графѣ 7-й первой строки слово—до, которое на персидскомъ языкѣ обозначаетъ повелительное наклоненіе отъ глагола заиданъ—родиться.

Въ остальныхъ трехъ графахъ этой строки—8, 9 и 10-й находятся также буквы, которыя, какъ и всѣ буквы, находящіяся въ остальныхъ графахъ таблицы, можно объяснить, подыскавъ соотвѣтствующее значеніе словъ въ разныхъ языкахъ. Да будетъ извѣстно, что вышеуказаннымъ порядкомъ и составляется книга Джафръ-и-Джами. Такъ же пишется и Джафри-Кябиръ, съ тою только разницей, что первая буква обозначаетъ джузъ (тетрадь), 2-я сафха (страницу) 3-я сатръ (строку) и 4-я хана (графу), т. е. другими словами Джафръ-и-Кябиръ будетъ обращенная Джафъ-и-Джами, а польза отъ нихъ обѣихъ совершенно одинаковая, только порядокъ написанія разный, какъ это видно изъ прилагаемой таблицы, содержающей 10 строкъ по 10 графъ въ каждой.

اااا	ااا ب	ااا ج	ااا د	ااا ه	ااا و	ااا ز	ااا ح	ااا ط	ااا ى
ا ب ا	ا ب ب	ا ب ج	ا ب د	ا ب ه	ا ب و	ا ب ز	ا ب ح	ا ب ط	ا ب ى
ا ج ا	ا ج ب	ا ج ج	ا ج د	ا ج ه	ا ج و	ا ج ز	ا ج ح	ا ج ط	ا ج ى
ا د ا	ا د ب	ا د ج	ا د د	ا د ه	ا د و	ا د ز	ا د ح	ا د ط	ا د ى
ا ه ا	ا ه ب	ا ه ج	ا ه د	ا ه ه	ا ه و	ا ه ز	ا ه ح	ا ه ط	ا ه ى
ا و ا	ا و ب	ا و ج	ا و د	ا و ه	ا و و	ا و ز	ا و ح	ا و ط	ا و ى
ا ز ا	ا ز ب	ا ز ج	ا ز د	ا ز ه	ا ز و	ا ز ز	ا ز ح	ا ز ط	ا ز ى
ا ح ا	ا ح ب	ا ح ج	ا ح د	ا ح ه	ا ح و	ا ح ز	ا ح ح	ا ح ط	ا ح ى
ا ط ا	ا ط ب	ا ط ج	ا ط د	ا ط ه	ا ط و	ا ط ز	ا ط ح	ا ط ط	ا ط ى
ا ى ا	ا ى ب	ا ى ج	ا ى د	ا ى ه	ا ى و	ا ى ز	ا ى ح	ا ى ط	ا ى ى

Условія, необходимыя при составленіи этой книги, тѣ же, что при составленіи Джафри-Джами, т. е. всѣ графы должны быть одинаковы, а каждая буква въ графѣ должна быть написана отдѣльно, а не слитно съ другими, и тотъ, кому удастся, исполнивъ всѣ условія, написать эту книгу, — счастливый человѣкъ: онъ какъ будто нашелъ золото счастія въ обоихъ мірахъ и всѣ скрытыя отъ другихъ тайны будутъ послѣ этого для него открыты и ясны. Главное, чѣмъ полезна книга Джафри-Джами, это то, что при помощи ея можно найти любое имя человѣка и узнать все, что захочешь.

§ 2. О порядкѣ объясненія значенія буквъ. Знай, что слово бастъ (بسط) означаетъ открыть, а для занимающихся наукою джафръ слово это указываетъ на то, какъ изъ одной буквы выводить другую. У этого слова много различныхъ значеній и нѣкоторыя изъ нихъ мы растолкуемъ: 1) бастъ-и-тарфигъ (возвышенное счисленіе), есть три пріема: а) когда численное значеніе буквъ измѣняется, увеличиваясь въ 10 разъ, при этомъ единицы становятся десятками, десятки сотнями и т. д., напр., слово вохидъ واحد. Въ этомъ словѣ буквы имѣютъ слѣдующее цифровое значеніе: و=6; ا=1; ح=8 и د=4. Если цифры, соотвѣтствующія этимъ буквамъ, увеличить въ десять разъ, то получится, что вмѣсто و=6 будетъ 60, а этому числу соотвѣтствуетъ буква س. Вмѣсто ا, обозначающаго единицу, получится 10, а этому числу соотвѣтствуетъ буква ى; вмѣсто ح=8 получится 80, обозначаемое буквою ن и вмѣсто د=4, получится 40, которымъ соотвѣтствуетъ буква م. Вотъ въ чемъ состоитъ счисленіе бастъ-и-тарфигъ. По этому счисленію слѣдующія буквы сходны между собою по цифровому значенію и разнятся только числомъ нулей: ا=1, ى=10, ق=100, غ=1000, ب=2, ك=20, ر=200, ج=3, ل=30, ش=300, د=4, م=40, ت=400, ه=5, ن=50, ث=500, و=6, س=60, ح=600, ز=7, ع=70, ذ=700, ط=9, ص=90 и ظ=900. б) Другой пріемъ заключается въ томъ, что вмѣсто каждой буквы, входящей въ составъ слова, берутъ букву, слѣдующую за нею въ порядкѣ абджада. Такъ, напр., вмѣсто و, берется ز. вмѣсто ا—ب, вмѣсто ح—ط и вмѣсто د—ه. Такимъ образомъ, изъ приведеннаго для примѣра слова واحد получится новое слово بطه. в) Далѣе возвышеніе цифроваго значенія по усмотрѣнію: такъ, буквы, соотвѣтствующія стихіи хаки (земля), подходятъ къ буквамъ стихіи аби (вода) и буквы стихіи аби къ буквамъ стихіи бади (вѣтеръ) и буквы бади къ

буквамъ стихіи аташи (огонь). Стихія аташи считается выше всѣхъ прочихъ, поэтому возвышеніе по усмотрѣнію не можетъ идти дальше стихіи аташи и буквы аташи остаются на своемъ мѣстѣ.

Надо знать, что изъ всѣхъ 28-ми буквъ, разставленныхъ въ графахъ, семь считаются соотвѣтствующими стихіи аташи семь — стихіи бади, семь—стихіи аби и семь — стихіи хаки. Буквы аташи ذشفمطها требуютъ для произношенія хараката замма و, семь буквъ бади ضتصنىوب требуютъ хараката забаръ ر; семь буквъ аби ظثقسكز требуютъ хараката зиръ = и семь буквъ хаки غخعلحد требуютъ хараката сокупъ о.

2) Басти-ададн-мальфузи,—счисленіе согласно произношенію, состоитъ въ томъ, что каждую букву надо произнести, какъ она называется въ алфавитѣ и, обозначивъ произнесенное соотвѣтствующимъ числомъ, вывести изъ него другія буквы. Напр., если произнести по названіямъ въ алфавитѣ буквы, входящія въ составъ слова вохидъ واحد, то получится: воу, алифъ, хо, доль. Цифровое значеніе во = 13, а буквенное значеніе этого послѣдняго числа = جى; значеніе слова алифъ = 111, а его буквы اقى, слово хо = 9, а его буква ط и слово доль = 35, а буквы, соотвѣтствующія этому числу, هل. Такимъ образомъ всѣ буквы, которыя получаются при помощи басти-ададн-мальфузи изъ слова вохидъ, суть: جىقىاواهل

3) Басти-тазаифъ—открытіе посредствомъ удвоенія заключается въ томъ, что цифровое значеніе всѣхъ буквъ, входящихъ въ составъ слова, удваивается. Такъ, напр., то-же слово вохидъ: و = 6 × 2 = 12, этому числу соотвѣтствуютъ буквы بى ا = 1 × 2 = 2, его буква ب; ح = 8 × 2 = 16, его буквы وى и د = 4 × 2 = 8, его буква ح. По этому счету, изъ буквъ, входящихъ въ составъ слова вохидъ, получатся буквы بىبوىح

4) Басти-такви (усиленіе) заключается въ дѣйствіяхъ надъ буквами и числами, которыя будутъ изложены ниже.

Существуетъ всего три пріема: а) числовое значеніе каждой буквы въ умѣ умножается само на себя; б) множится само на себя число, показывающее мѣсто каждой буквы изъ входящихъ въ составъ слова въ порядкѣ абджада; в) цифровое значеніе каждой буквы, входящей въ составъ слова, множится на число, показывающее мѣсто этой буквы въ порядкѣ абджада.

Для того, чтобы на примѣрѣ показать первый пріемъ, возьмемъ слово вохидъ, получимъ: و = 6 × 6 = 36, буквы

этого числа ول, ا = 1 × 1 = 1, буква ا; ح = 8 × 8 = 64. буквы دس; ه = 4 × 4 = 16, буквы وى. Такимъ образомъ изъ первоначальныхъ буквъ, входящихъ въ составъ слова вохидъ, получаются буквы اول اوس وى

При примѣненіи второго пріема изъ взятаго для примѣра слова саъидъ سعيد получается слѣдующее: Буква س въ абджадѣ занимаетъ 15-е мѣсто, поэтому множимъ на 15 и получаемъ 15 × 15 = 225, этому числу соотвѣтствуютъ буквы هك; ع стоитъ на 16-мъ мѣстѣ, поэтому множимъ 16 на 16 и получаемъ 16 × 16-256, этому числу соотвѣтствуютъ буквы ون ر; ه стоитъ на 4-мъ мѣстѣ и 4 × 4 даетъ 16, чему соотвѣтствуютъ буквы وى Такимъ образомъ, послѣ указаннаго умноженія, получаются буквы هضرون وى *).

г) Цифровое значеніе каждой буквы въ словѣ саъидъ سعيد умножаемъ на числа, указывающія мѣста этихъ буквъ въ порядкѣ абджада: س = 60 × 15 = 900, буква этого числа ط, ع = 70 × 16 = 1120, буквы этого числа كق غ; ه = 4 × 4 = 16, буквы وى; такимъ образомъ изъ буквъ, входящихъ въ состааъ слова سعيد, получаются буквы طكق غ وى

5) Бастъ-ба-инодъ. Это дѣйствіе заключается въ томъ что сначала произносятъ, по правилу бастъ-мальфузи, всѣ буквы, входящія въ составъ слова. Такъ, изъ слова سعيد получится: синъ, айнъ и даль. Изъ каждыхъ трехъ буквъ, составляющихъ взятое изъ алфавита названіе буквъ, входящихъ въ составъ разбираемаго слова, первая буква произносится такъ, какъ будто-бы надъ ней стоялъ забаръ, а остальныя буквы произносятся ба-инодъ (просто). Напр., въ названіи буквы س, синъ, есть три буквы: س ى и ن; первая изъ нихъ читается съ забаромъ سا = са, а остальныя двѣ буквы произносятся ба инодъ (просто). Также и въ названіяхъ буквъ ع и ه первыя буквы ع и ه произносятся съ забаромъ, а остальныя ى и ن, ا и ل — ба-инодъ.

6) Басти-тансифъ (дѣленіе на два) заключается въ томъ, что цифровое значеніе каждой буквы, входящей въ составъ слова, уменьшается вдвое, полученное число обозначается соотвѣтствующими буквами абджада, потомъ снова уменьшается вдвое и такъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ получится нечетное число, дающее при дѣленіи на два—дробь. Это послѣднее число берется цѣликомъ и, такъ же какъ, и предыдущія, обозна-

*) Буква ى почему-то въ примѣрѣ не принята въ расчетъ; тоже и въ слѣдующемъ примѣрѣ.

чается соотвѣтствующими буквами абджада. Такъ, если сдѣлать тансифъ надъ буквами, входящими въ составъ слова سعيد, получится слѣдующее: س = 60, беремъ половину, получается 30, его буква ل, отъ 30-ти снова берется ½, получается 15, буквы этого числа هى; дальше брать половину уже нельзя, потому что при дѣленіи получилась-бы дробь и потому дальше тансифъ не дѣлается. Далѣе, — ع = 70, половина этого числа = 35, а буквы этого послѣдняго числа هل; на этомъ и оканчивается тансифъ. Слѣдующая буква ى = 10, половина этого = 5, а этому числу соотвѣтствуетъ буква ه. Дальше буква د = 4, половина этого числа = 2, которое обозначается въ абджадѣ буквою ب; еще берется половина двухъ, получается 1, буква который ا. Такимъ образомъ изъ слова саъидъ выводятся буквы ابهلهى.

7) Басти-мадохыль-арбаа (относящееся до четырехъ). Заключается въ томъ, что всѣмъ буквамъ, входящимъ въ составъ слова, придаютъ ихъ цифровое значеніе по абджаду. Сложивъ затѣмъ полученныя числа, берутъ ихъ буквенное значеніе. При этомъ существуетъ четыре различныхъ пріема: кябиръ (великій), васидъ (средній), сагыръ (малый) и асгаръ (самый меньшій).

Когда желаютъ вычислить кябиръ, то принимаютъ въ расчетъ значеніе всѣхъ буквъ, входящихъ въ составъ слова, сколько-бы ихъ ни было. При вычисленіи васида не принимается въ расчетъ первая буква слова. При вычисленіи сагыра не принимаются въ расчетъ двѣ первыхъ буквы, а при вычисленіи асгара—три первыя буквы слова.

Напримѣръ: числовое значеніе, соотвѣтствующее слову سعيد = 144. Буквенное значеніе этого число دمق; это число будетъ кябиръ. Изъ этихъ трехъ буквъ د обозначаетъ единицы и равно 4; вторая буква م обозначаетъ десятки—40 и послѣдняя буква ق обозначаетъ сотни и равна 100. Для того, чтобы изъ этого числа получить васидъ, слѣдуетъ присоединить цифру десятковъ къ цифрѣ единицъ, не измѣняя мѣстъ цифръ и придавая цифрѣ десятковъ только ея номинальное значеніе. При этой перестановкѣ получимъ 108, этому числу соотвѣтствуютъ буквы حق. Для того, чтобы изъ этого числа вывести сагыръ, нужно исключить цифру О, стоящую на мѣстѣ десятковъ, и получимъ 18, которое обозначается буквами حى. Для полученія асгара, необходимо, не измѣняя мѣстъ, присоединить цифру 1 къ цифрѣ 8, получимъ въ результатѣ 9, которому соотвѣтствуетъ въ абджадѣ буква ط. Такимъ образомъ, посред-

ствомъ указанныхъ выше дѣйствій изъ буквъ, входящихъ въ составъ слова سعيد, выводятся буквы ط ى ح ق ح م و и сумма чиселъ, соотвѣтствующихъ этимъ буквамъ = 360. Сообщеннаго по затронутому вопросу, я считаю достаточнымъ.

§ 3. О примѣненіи джафра. Знай, что существуетъ два рода примѣненія джафра: 1) истихраджъ-и-ахкамъ (исхожденіе корней), что значитъ узнавать хорошее и дурное про человѣка, узнавать о томъ, что происходитъ съ отсутствующимъ, о скрытыхъ мысляхъ человѣка, о кладахъ и пр. 2) Тасхири-матлубъ (овладѣніе)—подчиненіе и управленіе желаніями, независимо отъ того, будетъ-ли это одушевленный или неодушевленный предметъ и находится-ли онъ на землѣ или на небѣ, т. е. подчиненіе своей волѣ (ульви— небесные) ангеловъ и звѣздъ и (сифли—земные)—земныхъ духовъ, царей, султановъ, визирей и т. д.

Объ этомъ второмъ родѣ примѣненія джафра знающіе люди написали знаками такъ загадочно, что какъ бы ни былъ уменъ человѣкъ, онъ понять этого не можетъ, и эта наука не изъ такихъ, познанія которыхъ можно достичь напряженіемъ ума. Истина заключается въ томъ, что это скрыто отъ взора непосвященныхъ людей по той причинѣ, что если-бы эти тайны знали дурные люди, то это было-бы равносильно нахожденію остраго оружія въ рукахъ пьянаго. Дурные люди, пользуясь своимъ знаніемъ, могли-бы совершать преступленія и злодѣянія. Поэтому, науку эту, составляющую тайну Божію, завѣщанную намъ пророками, не слѣдуетъ сообщать дѣтямъ и ненадежнымъ людямъ.

Отъ пользованія этой наукою такъ же нѣтъ вреда, какъ и отъ произнесенія великихъ именъ Божіихъ. Для того, чтобы осуществить силу науки джафръ, необходимо не болѣе четырехъ недѣль. Если при вычисленіи выйдетъ много буквъ, соотвѣтствующихъ стихіи огня (аташъ), то для исполненія всего потребуется не болѣе одной недѣли; если будутъ преобладать буквы стихіи вѣтра (хава), то достаточно двухъ недѣль; если окажется больше буквъ стихіи вода (аби), то на исполненіе потребуется три недѣли и, наконецъ, если встрѣтится въ результатѣ больше буквъ стихіи земля (хаки). то можно исполнить въ четыре недѣли.

Пусть будетъ вѣдомо всѣмъ, что указанными выше пріемами (бастъ) можно подѣйствовать и на отсутствующихъ.

Для вычисленія этихъ рѣшеній существуетъ много спосо-

бовъ, но намъ удалось узнать только нѣкоторую ихъ часть, въ видѣ знаковъ (рамузъ) безъ толкованій, что мы и передаемъ.

Если кто-нибудь пожелаетъ узнать про какого-нибудь человѣка все дурное и хорошее, нужно взять имя этого человѣка и посмотрѣть: на какой страницѣ, строкѣ и въ какой графѣ книги джафръ имя это находится, тогда вся найденная страница даетъ необходимыя свѣдѣнія о всемъ дурномъ и хорошемъ, касающемся человѣка, о которомъ желаютъ узнать. При этомъ, все то, что написано раньше того мѣста, гдѣ оказалось имя чѣловѣка, говоритъ о его прошломъ, а то, что окажется ниже—свидѣтельствуетъ о предстоящемъ этому человѣку въ будущемъ. Для того, чтобы узнать прошедшее, настоящее и будущее, нужно всѣ буквы графъ подвергнуть „ба-иноту" и опредѣлить ихъ числовое значеніе, потомъ найти буквенное значеніе, соотвѣтствующее суммѣ этихъ чиселъ, и найти ихъ мѣсто въ „джафръ-и-джами". *)

Лунное затменіе въ сартовскомъ городѣ.

Въ пятницу, 23 октября 189* года, въ Ташкентѣ весьма отчетливо видно было полное лунное затменіе; благодаря безоблачному небу, можно было наблюдать всѣ стадіи покрытія тѣнью луннаго диска.

Населеніе русской части города, болѣе или менѣе знакомое съ причинами наблюдавшагося небеснаго явленія и притомъ занятое своими повседневными заботами, не проявило особаго интереса; изрѣдка на улицѣ можно было встрѣтить кучки лю-

---

*) Примѣчаніе переводчика. На этихъ словахъ оканчивается сколько-нибудь послѣдовательное изложеніе автора энциклопедіи о предметѣ, видимо ему недостаточно хорошо извѣстномъ. Подъ конецъ приведенной части его труда о гаданіи все чаще и чаще встрѣчались оговорки, что того или другого онъ не можетъ изъ осторожности, или не хочетъ сообщить своимъ читателямъ, но всетаки можно было уловить связь между предыдущими и послѣдующими сужденіями автора, видимо пользовавшагося какимъ-либо писаннымъ источникомъ; съ послѣдней-же фразы объясненія, относительно практическаго примѣненія гаданія, утрачиваютъ всякій смыслъ, становятся совершенно сбивчивыми и непослѣдовательными. Авторъ переходитъ, напр., къ изложенію способовъ леченія сифилиса, мѣръ противъ бѣдности и т. п., что уже не имѣетъ прямого отношенія къ гаданію.

Чтобы не утомлять вниманіе читателя этими бреднями, я и прекратилъ переводъ главы о гаданіи на томъ мѣстѣ, гдѣ изложеніе автора энциклопедіи перестаетъ быть понятнымъ и послѣдовательнымъ.

бопытныхъ зрителей, слѣдившихъ, какъ полная луна, оплывая съ одной стороны, покрывается сплошною тѣнью.

Мнѣ хотѣлось посмотрѣть, какъ отнесутся къ лунному затменію наши сосѣди, жители туземной части города, хотѣлось узнать, на какія размышленія наведетъ ихъ это явленіе. Въ прежніе годы, мнѣ не случалось посѣщать во время лунныхъ затменій азіатскій городъ, а удавалось лишь слышать невообразимый шумъ, производимый ударами палокъ по котламъ, ведрамъ, подносамъ. Я никакъ не могъ выяснить, какія соображенія руководятъ сартами въ данномъ случаѣ, кого они хотятъ прогнать этимъ шумомъ. Нѣкоторые проговаривались, что шумъ производится для того, чтобы отогнать отъ луны нечистую силу, стремящуюся овладѣть этимъ свѣтиломъ и лишить весь мусульманскій міръ его религіозной эмблемы. Однако разсказать толкомъ, какимъ образомъ діаволъ стремится овладѣть луной, для какой именно цѣли, никто не могъ, и потому поневолѣ приходилось допустить, что такое объясненіе битья въ котлы и ведра не находитъ себѣ подтвержденія въ преданіяхъ народа, а является вымышленнымъ.

Было еще совсѣмъ свѣтло, когда я въѣхалъ въ лабиринтъ извилистыхъ улицъ азіатскаго города. Хотя населеніе и было предупреждено, что вечеромъ будетъ затменіе, но никакихъ признаковъ волненія или ожиданія не было замѣтно на серьезныхъ лицахъ наряднѣе обыкновеннаго одѣтыхъ по случаю праздника туземцевъ, готовящихся исполнить по призыву голосистыхъ „азанчи“ послѣдній дневной намазъ „хуфтанъ“, чтобы затѣмъ предаться покою за стѣнами своихъ жилищъ. Въ чайныхъ лавкахъ, какъ обыкновенно, сидѣло много народа, кузнецы спѣшили окончить свою дневную работу, арбакеши торопились домой, чтобы отдохнуть и выкормить лошадь къ утру завтрашняго трудового дня.

Я посѣтилъ ученаго старичка-туземца, заранѣе приготовившись выслушать самыя хитросплетенныя объясненія луннаго затменія, потому что просто и понятно объяснить явленія природы мусульманская наука не можетъ. Эти завзятые схоластики не понимаютъ, какъ можно говорить о высокихъ предметахъ простымъ языкомъ, не сдѣлавши массы ссылокъ на книги шаріата и не приведя нѣсколько различныхъ мнѣній ученыхъ по этому вопросу. Мой собесѣдникъ не рѣшился разсказать мнѣ своими словами, что за явленіе предстоитъ намъ наблюдать, а счелъ необходимымъ для точности развернуть передъ собой кни-

ги „Шархъ-и-Мухтассаръ-уль-Викоя", гдѣ, по его словамъ, можно было найти объясненіе на всякій научный вопросъ. Пришлось запастись терпѣніемъ и выслушать цѣлую лекцію по астрономіи (ильмъ-и-нуджумъ), изложенную не скажу чтобы очень легкимъ для усвоенія языкомъ.

Прежде всего, разбирается вопросъ о томъ, хорошо или дурно для правовѣрнаго заниматься изученіемъ астрономіи, слѣдуетъ ли стремиться проникнуть тайны, скрытыя отъ человѣческаго взора необъятнымъ пространствомъ небесной сферы. Здѣсь мнѣнія ученыхъ расходятся: одни говорятъ, что изученіе астрономіи „мухалифъ"—грѣховно, потому что не слѣдуетъ даже и стремиться узнать то, что Творецъ заблагоразсудилъ скрыть отъ людей; другіе утверждаютъ, что изученіе астрономіи „муббахъ"—дозволено, такъ какъ только ознакомившись съ движеніемъ планетъ, мусульманинъ можетъ съ точностью исполнять религіозные обряды, можетъ въ назначенное время совершать ежедневныя молитвы, можетъ правильно опредѣлить время, когда слѣдуетъ приступать къ посту „Рамазанъ" или прекратить его; наконецъ, третьи, склоняясь къ необходимости изученія астрономіи, рекомендуютъ изучать эту науку лишь настолько, чтобы получить указанія, необходимыя для исполненія религіозныхъ „фарзовъ"—обязанностей.

Далѣе идетъ разсужденіе о затменіяхъ. Эта часть настолько трудна, что мой собесѣдникъ самъ видимо утомился, вникая въ загадочныя фразы арабской книги; онъ снялъ очки, по лицу его струился обильный потъ.

„Кусуфъ", или „хусуфъ"—такъ называется по-арабски затменіе. Ученые спорятъ: одни утверждаютъ, что затменія не подчиняясь никакимъ законамъ, происходятъ тогда, когда это будетъ угодно Богу, которому подвластны земля и небо; другіе ученые склонны думать, что затменія подчинены извѣстнымъ законамъ уже потому, что движеніе солнца и луны достаточно полно охарактеризовано въ Коранѣ. Они ссылаются при этомъ на слѣдующія изрѣченія: „Онъ сотворилъ небеса и землю съ благою цѣлью. Онъ день обвиваетъ ночью, а ночь обвиваетъ днемъ; покорными дѣлаетъ солнце и луну, которыя оба движутся до назначеннаго срока; смотри, какъ силенъ, снисходителенъ Онъ" (Коранъ гл. 39, ст. 7); „Онъ сотворилъ ночь и день, солнце и луну, каждое изъ нихъ движется по своему круговому пути" (21, 34); „солнце течетъ къ назначенному мѣсту: таково распоряженіе Сильнаго, Знающаго" (36, 38),—и утверждаютъ

что для затменій существуютъ неизмѣнные законы, которымъ эти явленія и подчиняются. Шаріатъ уклоняется отъ прямого отвѣта на вопросъ: по произволу или законамъ совершаются затменія, но высказывается скорѣе въ пользу ихъ законосообразности, если допустить „кураишшакль“ (шарообразность небесныхъ тѣлъ).

Во время затменій мусульманамъ предписывается совершать лишнюю, противъ обыкновенныхъ пятикратныхъ намазовъ, молитву. Для этого, какъ только будетъ замѣчено покрытіе солнечнаго или луннаго диска тѣнью, азанчи соборной мечети обязывается произнести съ минарета общепринятый „азанъ“ — призывъ къ молитвѣ. Вѣрующіе, совершивъ омовеніе, обязываются собраться въ соборную мечеть, гдѣ и должно быть совершено два „ракаата“ такой продолжительности, чтобы все время затменія прошло въ молитвѣ. Ни имамъ, ни вѣрующіе не должны произносить громко ни одного слова; „зикръ“ замѣняется въ этомъ случаѣ сосредоточеннымъ чтеніемъ молитвы въ душѣ—„хуфіа“. Для совершенія молитвы во время затменія въ соборной мечети необходимо предстательство соборнаго имама; если же его почему либо не будетъ на мѣстѣ, то разрѣшается каждому, по призыву азанчи молиться тамъ, гдѣ человѣка застанетъ затменіе, или въ ближайшей мечети.

Сартовское населеніе твердо знаетъ, что во время затменія слѣдуетъ исполнить молитву, но весьма немногіе строго подчиняются этому точному религіозному постановленію. Такъ, въ описываемомъ случаѣ, когда приблизительно половина луннаго диска закрылась тѣнью, на всѣхъ минаретахъ мечетей раздались заунывные призывы „азанчей“, но весьма немногіе туземцы двинулись въ мечети для совершенія, сверхъ положенныхъ, и этой шестой молитвы; большинство спокойно продолжало свои занятія или начатый съ пріятелемъ разговоръ въ чай-хане. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, вслѣдъ за „азаномъ“, начали бить палками по котламъ, но, видимо, били какъ то нерѣшительно, какъ будто только для того, чтобы исполнить все по принятому обычаю, не отдавая себѣ отчета, зачѣмъ необходимо производить шумъ. Я не слышалъ на этотъ разъ того адскаго повсемѣстнаго звона, какой раздавался во время затменій прежде; должно быть, обычай этотъ начинаетъ выходить изъ моды.

Еще до полнаго затменія, я предложилъ моему ученому собесѣднику проводить меня въ русскій городъ, а кстати, и полюбоваться на рѣдкое явленіе, проѣхавшись по закоулкамъ

азіатскаго города. Хорошая ли погода расшевелила старика, или просто законы гостепріимства не позволяли отказать гостю въ его просьбѣ, но черезъ нѣсколько минутъ мы уже тихо двигались по улицамъ, постепенно утопавшимъ во мракѣ ночи. Звѣзды какъ то рѣзче проступали на небосклонѣ, немногочисленные фонари мало измѣняли странный колоритъ безлунной ночи при ясномъ небѣ, и необычная обстановка располагала къ размышленію о величественности мірозданія. Мой старикъ тоже видимо чувствовалъ на себѣ вліяніе происходившаго передъ нашими глазами небеснаго явленія; по крайней мѣрѣ, вскорѣ по выѣздѣ изъ дома онъ самъ началъ разговоръ о томъ значеніи затменій для людей, которымъ и объясняется періодическое появленіе ихъ передъ очами вѣрующихъ. Старикъ, пересыпая свою рѣчь арабскими и персидскими цитатами изъ разныхъ книгъ и изреченіями древнихъ восточныхъ мудрецовъ, старался и это явленіе объяснить во славу Аллаха, старался возбудить во мнѣ, невѣрующемъ, удивленіе къ премудрости и благости Творца.

„Богъ ничего не создалъ безъ цѣли; если подумать хорошенько, во всемъ найдется глубокое значеніе, даже видимая польза для человѣка, любимаго созданія Божія“.

„Люди въ жизни творятъ не мало грѣховнаго; немногіе часто вспоминаютъ о Богѣ и исполняютъ въ точности всѣ религіозныя обязанности. Житейскія заботы о кускѣ насущнаго хлѣба препятствуютъ многимъ исполнять то, чего требуетъ отъ насъ религія. Вотъ, въ непрестанной заботливости своей о человѣкѣ, Богъ и посылаетъ отъ времени до времени затменія, которыя напоминали бы людямъ объ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ Богу“.

„Свѣтлое лицо мѣсяца по временамъ становится чернымъ; не такъ же ли черны будутъ лица грѣшниковъ на страшномъ судѣ, когда они призваны будутъ отдать отчетъ въ томъ, что дѣлали они въ жизни? Вотъ человѣкъ и грѣшитъ, и забываетъ о Богѣ, а какъ увидитъ затменіе луны, каждый подумаетъ о предстоящемъ страшномъ моментѣ разсчета съ жизнью и поневолѣ раскается въ своихъ грѣхахъ, помолится о помилованіи“.

„Затменіе луны бываетъ чаще всего въ полнолуніе, послѣ этого лунный дискъ уменьшается, съ тѣмъ, чтобы на время вовсе исчезнуть съ небосклона. Фазы луны должны напоминать человѣку, что нѣтъ безконечнаго развитія, нѣтъ ни въ чемъ возвышенія безъ конца. И жизнь наша, и могущество, и слава, развиваясь, достигаютъ, наконецъ, высшей точки, своего апогея,

съ тѣмъ, чтобы далѣе уже не увеличиваться, а уменьшаться. Сколько пользы человѣку, если онъ въ состояніи понять этотъ законъ и во время остановиться въ своихъ мечтаніяхъ о земномъ благополучіи! Такому мыслящему человѣку и лунное затменіе послужитъ напоминаніемъ о непреложной зависимости „камаль“ и „завваль“, о восходящей и нисходящей стадіи всякаго развитія“.

„Вѣдь до сихъ поръ есть люди, которые боготворятъ солнце, луну и звѣзды, не признавая изрѣченія Корана: „Не поклоняйтесь ни солнцу, ни лунѣ, но поклоняйтесь Богу, который сотворилъ ихъ, если Ему поклоняться хотѣли вы“ (41, 37). Но и для нихъ приноситъ неоспоримы[illegible] лунное затменіе, разубѣждая ихъ въ заблужденіи, которое мѣшаетъ имъ быть правовѣрными. Премудрый Творецъ очевидно посредствомъ затменій хотѣлъ показать этимъ заблуждающимся, что нельзя боготворить свѣтилъ, которыя по волѣ Бога могутъ свѣтить и гаснуть, когда это имъ предопредѣлено“.

Меня, признаться, не на шутку утомилъ ученый разговоръ моего спутника. На прощаніе я спросилъ старика, гдѣ собственно вычиталъ онъ столько объясненій пользы для человѣка затменій, и онъ признался мнѣ, что всѣ переданныя имъ умствованія почерпнуты имъ изъ общей сокровищницы знаній „Маарифатъ-Нама,“—такъ называется очень ученая мусульманская книга, содержаніе которой, могу сказать по личному опыту, чрезвычайно трудно укладывается въ мозгу европейца.

Мы распростились съ ученымъ мударисомъ, и я поспѣшилъ заѣхать въ первую же чай-хане на базарчикѣ, чтобы сразу съ высотъ научныхъ умствованій опуститься въ житейскія волны толпы. И тутъ тѣ же вопросы о происходящемъ на небѣ явленіи, но въ отвѣтахъ моихъ собесѣдниковъ не было и въ поминѣ отвлеченностей и туманностей, которыми меня достаточно начинилъ ученый знакомецъ мой: здѣсь просто принималось на вѣру, что затменія происходятъ по волѣ Божіей, что человѣкъ не долженъ и мечтать о возможности предугадать такія явленія, а долженъ преклоняться передъ силой и властью своего Творца.

„Должно быть ужъ очень много нагрѣшило населеніе нашего города“, говорилъ почтенный мясникъ сосѣдней лавки, закрывая на ночь циновкой свое торговое заведеніе, „что Богъ напоминаетъ намъ о своемъ неудовольствіи, помрачая ликъ луны“.

„А наши старики разсказываютъ, что послѣ затменій всегда

бываетъ много болѣзней“ вставилъ свое слово ролсый марде-каръ -уратюбинецъ.

„Ну, ужъ, кажется, на этотъ разъ старики твои ошиблись, мало развѣ выкосила у насъ холера еще до затменія“, пошутилъ потягивавшій ароматный „кукъ-чай“ конскій барышникъ.

„Ну, а разскажите же мнѣ, зачѣмъ во время затменія стучатъ въ котлы и ведра? Чорта что ли хотите вы отогнать отъ луны, или кого-другого попугать хотите?“—спросилъ я въ свою очередь.

„Ахъ, нѣтъ, таксыръ, этотъ глупый обычай уже теперь выводится; это осталось отъ тѣхъ временъ, когда всей нашей страной владѣли дикіе „калмаки“ и заставляли нашихъ предковъ дѣлать все, что сами калмаки дѣлали; тогда очень трудно было жить на свѣтѣ, приходилось подчиняться силѣ и измѣнять свои обычаи“. Это объясненіе я получилъ отъ преподавателя маленькой сосѣдней школы (мактабдара), который тоже зашелъ въ чай-хане, чтобы взять чайникъ чая для своей семьи. Такимъ образомъ, я выяснилъ себѣ ошибочность предположенія, что во время „айкуйганы“ (луннаго затменія) шумомъ отгоняютъ діавола.

Дискъ луны понемногу сталъ свѣтлѣть, какъ бы сбрасывая съ себя пурпурную пелену, и я, распростившись съ моими собесѣдниками, поѣхалъ домой, полный необычныхъ впечатлѣній отъ моей поѣздки.

Литература и искусство.

Авторъ „Хидаи“.

Всѣмъ интересующимся мусульманскимъ правомъ хорошо извѣстенъ капитальный трудъ по этому предмету „Хидая“, переведенный подъ редакціей Н. И. Гродекова съ англійскаго и изданный въ 1893 г. въ Ташкентѣ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ.

Въ предисловіи англійскаго переводчика авторомъ этой книги названъ Бурханъ-Эддинъ-Али и такъ какъ вблизи гор. Ходжента имѣется въ Унджинской волости селеніе Шейхъ-Бурханъ, то возникло предположеніе, не здѣсь ли находится могила автора „Хидаи“. Однако, по справкамъ оказалось, что въ селеніи Шейхъ-Бурханъ погребенъ не авторъ „Хидаи“, а ишанъ Саидъ-Бурхамеддинъ-Емени *), муридъ (ученикъ) Ходжа Нуриддина-Басыръ, извѣстнаго по прозвищу Кутби-Чаардагумъ **). Другой сходный по имени мусульманскій святой, Клычъ-Бурханиддинъ погребенъ въ Узгентѣ, Ошскаго уѣзда***). Въ книгѣ „Кары-зада“, посвященной біографіи автора „Хидаи“, указано, что Али былъ сыномъ Абубакра, сына Абуджалиля, сына Халиля, сына Абубакра-Фаргани ****); въ дальнѣйшемъ родословіе его восходитъ до халифа Абубакра-Сиддыка. Къ имени Али прибавлены были, по обычаю, прозвища Мавляна, Бурханиддинъ и Абуль-Хасанъ. Родился онъ въ селеніи Раштанъ, Маргеланскаго уѣзда, въ понедѣльникъ 8 Раджаба 511 года хиджры

---

*) Происходящій изъ г. Чемуна въ Аравіи.

**) Четырнадцатый „кутбъ“, т. е. мифическое воплощеніе пророка.

***) Про этого святого существуетъ преданіе, послужившее поводомъ прибавить къ имени его прозвище Клычъ, что значитъ мечъ или сабля. Говорятъ, что въ дѣтствѣ Бурханиддинъ, играя со сверстниками, сдѣлалъ себѣ изъ дерева небольшой игрушечный мечъ, и однажды этимъ мечомъ онъ перерубилъ пополамъ сына своего сосѣда. По жалобѣ царю Бурханиддинъ былъ вызванъ во дворецъ и здѣсь, по приказанію царя, перерубилъ своимъ деревяннымъ мечомъ быка. Такая сила была признана чудомъ, и царь отпустилъ мальчика безъ взысканія за смерть сына сосѣда.

****) Происходящій изъ области Ферганы.

(1117 г. по Р. Хр.). Учился у своего отца, началъ составленіе книги „Хидая“ въ мѣсяцѣ Зулькаада 573 года хиджры (1177 по Р. Хр.), все время своей работы проводилъ въ постѣ (руза) и окончилъ книгу въ 583 году хиджры (1187 по Р. Хр.). Умеръ Али-Бурханиддинъ 14 Зульхаджа 593 года *) (1196 по Р. Хр.) и погребенъ по наведенной В. А. Вяткинымъ справкѣ въ городѣ Самаркандѣ, на древнѣйшемъ кладбищѣ Джагаръ-диза, близь могилы шейха Матыриди. Намогильнаго камня нѣтъ, по указанія на нахожденіе здѣсь могилы автора „Хидаи“ встрѣчаются у многихъ мусульманскихъ авторовъ, и это обстоятельство не вызываетъ сомнѣній.

Въ книгѣ „Гавасъ-уль-бахрайнъ“ говорится, что авторъ „Хидаи“ родился въ Самаркандѣ, въ понедѣльникъ (годъ и мѣсяцъ не указаны), а происходитъ изъ Маргелана. Вѣроятно, ссылка на Маргеланъ относится до происхожденія предковъ Али, и эта ссылка дала поводъ англійскому переводчику „Хидаи“ **) назвать Али уроженцемъ Маргелана.

Въ другихъ книгахъ встрѣчаются отрывочныя упоминаются объ Али-Бурханиддинѣ; такъ напримѣръ, указывается, что онъ былъ „кары“, т. е. зналъ наизусть весь Коранъ, былъ знатокомъ преданій и могъ самъ отличать преданія, заслуживающія довѣрія, отъ сомнительныхъ, т. е. былъ, что называется, „рави-хадисъ“; Али былъ „таква“, т. е. всегда остерегался чего-нибудь недозволеннаго въ пищу (харамъ) и „захидъ“, т. е. очень богомольный человѣкъ. Кромѣ отца Али, его учителями называютъ еще: 1) ишана Казыхана, 2) составителя книги „Мурзиди Бурхани“ (ясный океанъ), имя котораго забыто и 3) Вахириддина Бухари.

Этимъ ограничиваются свѣдѣнія о личности составителя „Хидаи“, вносящія нѣкоторыя поправки въ показаніе англійскаго переводчика его знаменитой книги.

Дивана-и-Машрабъ и его наставники.

(Біографическій очеркъ).

Среди представителей мистицизма, наиболѣе популярныхъ у суфіевъ Туркестанскаго края, есть особенно близкіе нашему

---

*) А не въ 591, какъ указываетъ англійскій переводчикъ „Хидаи“ (т. I, стр. 25).

**) Т. I, стр. 25.

туземному населенію суфійскіе авторы, по происхожденію своему родственные туземцамъ Средней Азіи.

Безспорно, Ходжа-Хафисъ и другіе персидскіе поэты мистическаго настроенія оставили міру безсмертныя поэтическія произведенія, съ которыми невозможно сравнивать произведенія уроженцевъ мало-культурной страны, вовсе не подготовленныхъ къ проповѣди мистическаго ученія въ звучныхъ стихахъ, но, тѣмъ не менѣе, Туркестанскій святой Хазретъ-Султанъ Яссави, Наманганскій Дивана-и-Машрабъ, Амиръ-Наваи, Фузули, Бидиль, Суфи-Аллаяръ и другіе мистическіе авторы, уроженцы Туркестанскаго края, привлекаютъ къ себѣ вниманіе средне-азіатскихъ читателей своею родственностью, непритязательной удобопонятностью своихъ поэтическихъ образовъ и полной естественностью изложенія таинственныхъ отвлеченныхъ истинъ „тариката“ *).

Помимо воли этихъ туземныхъ мистиковъ, произведенія ихъ носятъ на себѣ мѣстный колоритъ, не имѣющій ничего общаго съ приподнятымъ настроеніемъ персидскихъ поэтовъ, и, кромѣ того, самое дѣйствіе ихъ разсказовъ происходитъ чаще всего въ такъ хорошо извѣстныхъ каждому туземцу мѣстахъ, что читатель легко представляетъ себѣ арену подвиговъ и чудесъ святого, переживая описываемыя перипетіи скитальческой его жизни.

Однако и между этими національными суфійскими авторами рѣзко выдѣляется своими особенностями личность Наманганскаго суфія Дивана-и-Машраба, извѣстнаго положительно каждому туркестанскому туземцу, независимо отъ его общественнаго положенія или научной подготовки. Всѣ рѣшительно знаютъ Машраба, большинство туземцевъ читали его произведенія, но совершенно различно относятся къ этому своеобразному мистику различные слои туземнаго общества.

Стоитъ заговорить о Машрабѣ съ неграмотнымъ простолюдиномъ, и онъ улыбаясь во весь ротъ, продекламируетъ нѣсколько строкъ изъ самой скабрезной, но въ то же время остроумной „газали“ Машраба, случайно слышанной въ какомъ-нибудь собраніи отъ грамотныхъ людей и легко врѣзавшейся въ память, благодаря простотѣ языка и обыденности описываемыхъ происшествій изъ жизни чудака-юродиваго. Стоитъ, напротивъ, заговорить о Машрабѣ съ ученымъ туземцемъ, чтобы услы-

*) „Прямой путь“, одна изъ степеней мистическаго ученія

шать о немъ презрительный отзывъ, какъ о человѣкѣ, не заслуживающемъ никакого вниманія, самая принадлежность котораго къ числу послѣдователей Ислама еще подлежитъ сомнѣнію. Часто даже хорошо знакомый съ произведеніями Машраба ученый туземецъ постарается скрыть отъ собесѣдника, что онъ читалъ этого автора. Отнюдь не стыдливость однако удерживаетъ муллу отъ признанія своего знакомства съ Машрабомъ: гордое сознаніе своей учености кладетъ печать молчанія на уста такого знатока мусульманскихъ наукъ и не позволяетъ ему обнаружить, что и онъ когда то интересовался не одними строго научными сочнненіями. Поддерживая разговоръ о Машрабѣ, да еще съ русскимъ человѣкомъ, ученому туземцу легко уронить себя въ глазахъ собесѣдника, поставить себя на одну доску съ „аами"—неграмотными неучами, готовыми восхищаться такими грубыми произведеніями какъ „газали" Машраба.

И муллы наши имѣютъ нѣкоторое основаніе относиться съ пренебреженіемъ къ личности и произведеніямъ Машраба: никому столько не досаждалъ онъ при жизни, какъ именно аристократамъ мусульманской схоластики, своего рода фарисеямъ Ислама, всю силу закона полагающимъ въ его буквѣ, а вѣру отожествляющимъ съ исполненіемъ мелочныхъ религіозныхъ обрядностей. Не за что и любить мулламъ Машраба: когда онъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, обличалъ ихъ формально эгоистическое отношеніе къ религіи и безстыднѣйшимъ образомъ издѣвался надъ ихъ ханжествомъ и претензіями на непогрѣшимость. Но зато для простого народа, не обращающаго вниманія на мелочи религіозныхъ обрядностей и немного иронически относящагося къ своимъ руководителямъ-носителямъ большихъ тюрбановъ, гордымъ своею, иногда весьма сомнительною ученостью, Машрабъ представляется „своимъ братомъ", а его произведенія являются чтеніемъ, совершенно понятнымъ и соотвѣтствующимъ вкусу.

Сами послѣдователи суфійскаго ученія, наши ишаны, и ихъ мюриды, и тѣ не одинаково относятся къ Дивана-и-Машрабу. Казалось бы, среди мистиковъ, проповѣдывающихъ равенство всѣхъ людей передъ Богомъ, мечтающихъ о религіозномъ экстазѣ и самопоглощеніи въ Богѣ, „восторженный, опьяненный поклонникъ Бога" не долженъ былъ бы встрѣтить критическаго къ себѣ отношенія только за то, что мысли свои онъ не облекалъ въ красивую оболочку персидскихъ стиховъ,

а говорилъ съ народомъ простымъ, понятнымъ для каждаго языкомъ, но, въ дѣйствительности, и въ рядахъ суфіевъ по отношенію къ Машрабу наблюдается разномысліе—аристократія противъ него, а чернь его почитаетъ. Высокопоставленный, популярный ишанъ, своей пропагандой суфизма успѣвшій уже обезпечить свое благосостояніе и дорожащій своей важностью среди ученыхъ туземцевъ, охотно примыкаетъ къ зоиламъ Машраба, а поклонниковъ этого учителя простоты и искренности можно встрѣтить лишь между обдѣленными на жизненномъ пиру дервишами изъ бѣднѣйшихъ членовъ ордена „джагріа-кадрія“ и среди „каляндарей“, *) считающихъ Машраба своимъ „пиромъ“ (учителемъ) и охотно декламирующихъ его стихи на своихъ радѣніяхъ.

Несмотря на пренебрежительное отношеніе къ Машрабу ученаго сословія нашихъ туземцевъ, популярность его настолько велика, а жизнь и произведенія его настолько своеобразны, что въ литературѣ неоднократно встрѣчались пожеланія ближе ознакомиться съ этимъ оригинальнымъ средне-азіатскимъ мыслителемъ, чистымъ представителемъ идеи самоотреченія **).

Все это побудило меня приняться за переводъ на русскій языкъ сочиненій Машраба по литографированнымъ изданіямъ сборниковъ его сочиненій, а также по любезно предоставленной въ мое распоряженіе Н. П. Остроумовымъ рукописи. По совѣту В. П. Наливкина, я ознакомился съ сочиненіемъ „Мабда-и-нуръ“, также имѣющимъ непосредственное отношеніе къ Машрабу, а относительно собранія біографическихъ свѣдѣній о жизни Дивана-и-Машраба обратился за содѣйствіемъ къ К. В. Мѣдинскому, служащему въ Наманганскомъ уѣздѣ и потому находящемуся ближе всѣхъ къ родинѣ Машраба. К. В. Мѣдинскій любезно обѣщалъ мнѣ достать имѣющуюся у одного изъ Наманганскихъ сартовъ книжку жизнеописанія Машраба,

*) Странствующіе нищенствующіе монахи ордена „Накшбандія“.

**) Такъ. напримѣръ, профессоръ Н. И. Веселовскій въ книгѣ „Восточныя замѣтки“ (СПБ. 1895 прим. 3 на стр. 325) говоритъ слѣдующее Дувана Машрабъ, острякъ и циникъ, очень популяренъ въ Средней Азіи.: Есть сборники его изреченій и поученій самаго скабрезнаго содержанія. Личность эта, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ глубокаго вниманія и серьезнаго изученія, какъ примѣръ былого свободомыслія въ рѣшеніи разныхъ религіозныхъ вопросовъ и какъ продуктъ умственной жизни народа до узбекскаго завоеванія. Дувана постоянно велъ споры съ туземными богословами и всегда одерживалъ надъ ними верхъ“.

Кашгарскаго происхожденія, подробнѣе другихъ мѣстныхъ изданій этого рода.

Тѣмъ временемъ мой знакомый народный судья гор. Чуста Наманганскаго уѣзда Дамула-Масъудъ-Махзумъ-Дамулла-Мухаммадъ-Мурадъ-Казы Каляновъ, по моей просьбѣ, собралъ вмѣстѣ съ сыномъ Шейхъ-уль-Ислама Надымомъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія объ интересующемъ меня мистикѣ и его первомъ наставникѣ Дамулла-Базаръ-Ахундѣ и прислалъ мнѣ эти свѣдѣнія.

Приступивъ затѣмъ къ переводу жизнеописанія и стихотвореній Машраба, я вскорѣ замѣтилъ, что второй наставникъ Машраба, Кашгарскій святой Хазретъ-Афакъ-Ходжа имѣлъ такое большое вліяніе на жизнь и дѣятельность своего ученика, что невозможно изучать творенія Машраба, не ознакомившись хотя отчасти и съ личностью его „пира“.

Кашгарскій генеральный консулъ и извѣстный оріенталистъ Н. Ѳ. Петровскій, по моей просьбѣ, любезно указалъ мнѣ на проживающаго въ Маргеланскомъ уѣздѣ потомка Афакъ-ходжи и, войдя въ сношенія съ Саидъ-Мухаммедомъ-Хакимъ-Ханъ-Тура-Катта-Тураевымъ, я получилъ и отъ него справку о жизни и дѣятельности его знаменитаго предка Афакъ-Ходжи.

Приступая къ изложенію жизнеописанія самого Машраба, Наманганскіе его біографы въ подлинной рукописи предпосылаютъ своему труду слѣдующее величаніе:

„Высокопочтенный, высоконареченный, царь-птица неба милости, полный мѣсяцъ въ апогеѣ святости, съ момента своего рожденія сдѣлавшійся „каляндаромъ“, Машрабъ *), птица симургъ **), летающая высоко въ просторѣ, волна моря знанія,

---

*) Слово „Машрабъ“ на нарѣчіи Кашгарскихъ сартовъ означаетъ собраніе съ цѣлью развлеченія, пляска бачи подъ музыку, то, что Туркестанскіе сарты зовутъ „базмъ“. Въ своихъ сочиненіяхъ Машрабъ неоднократно объясняетъ, почему онъ выбралъ себѣ такое прозвище.

**) Птица „Самракъ“ (книж. Симургъ) баснословная птица, вродѣ древняго Феникса, живетъ обыкновенно на Кафъ-горѣ, т. е. на Кавказѣ, имѣетъ очень большое тѣло, обладаетъ разумомъ и даромъ слова. Симургъ извѣстна подъ этимъ названіемъ у персовъ, а отъ нихъ это названіе перешло и къ разнымъ тюркскимъ народамъ—татарамъ, башкирамъ, киргизамъ, которые нѣсколько измѣнили звуковой составъ слова: Самрау, Самракъ, Самрукъ и Замуракъ. У арабовъ птица эта извѣстна подъ названіемъ Анка, что означаетъ: птица съ длинной шеей. Такъ объясняется это слово въ употребительномъ въ мусульманскихъ школахъ словарѣ „Гыясуль-лугатъ“ и въ европейскомъ (арабско-французскомъ) словарѣ Казимірскаго. Подъ

жемчужина изъ моря истины, глава круга Наманганскихъ святыхъ, Туранскій святой Ша-Машрабъ—извѣстенъ подъ этимъ прозвищемъ, а настоящее имя его Баба-Рахимъ; его восторженное поклоненіе Богу и чудеса уподобили его Увайсу *).

Далѣе слѣдуетъ свѣдѣнія о жизни и мѣстѣ погребенія Ша-Машраба, причемъ отведено первое мѣсто описанію дома, гдѣ онъ родился.

„Въ городѣ Наманганѣ, близъ большого базара, посреди города, въ кварталѣ Маддахамъ **) и въ каляндарханѣ ***) „Маш-

---

именемъ Анка упоминается и въ арабскомъ сборникѣ басенъ „Калиля и Димна". Казимірскій относитъ эту птицу къ роду грифоновъ. Персидское названіе этой птицы Симургъ означаетъ, по моему предположенію, серебристую птицу (симъ-серебро и мургъ-птица), птицу, имѣющую красивыя серебристыя перья.

Въ разныхъ мусульманскихъ книгахъ и словаряхъ объ этой птицѣ разсказывается, что когда она распускаетъ свои крылья, то закрываетъ солнечный свѣтъ и производитъ тѣнь. Ея перья окрашены всѣми цвѣтами всѣхъ птицъ міра, а на шеѣ ея бѣлая полоска въ видѣ ожерелья. Сила ея такова, что она можетъ унести верблюда или слона. Въ нѣкоторыхъ книгахъ говорится, что она имѣетъ человѣческое лицо и даже четыре ноги но послѣдняя черта, по очевидной своей несообразности, въ другихъ книгахъ отрицается. За то общее вѣрованіе мусульманъ приписываетъ этой птицѣ способность говорить. Въ сочиненіи „Мантыку-т-таиръ" разсказывается, что когда въ древнее время всѣ сотворенныя Богомъ птицы собрались выбрать себѣ царя, то послѣ долгихъ разсужденій и споровъ, птица удодъ (Коранъ гл. 27, ст. 20—28) указала на птицу Симургъ, живущую на горѣ Кафъ. (Остроумовъ, „Сарты" в. II стр. 70 и 171; Н. Малицкій „Окраина" 189. г. статья „Рай и адъ по повѣрію мусульманъ).

*) Увайсъ-уль-Корани жилъ во времена Мухаммада. Узнавъ, что пророкъ въ Оходской битвѣ лишился одного зуба, Увайсъ, желая пострадать вмѣстѣ съ вѣроучителемъ, вырвалъ себѣ зубъ, но впалъ въ сомнѣніе, тотъ ли зубъ онъ вырвалъ, какого лишился пророкъ. Сомнѣніе привело къ тому, что Увайсъ послѣдовательно вырвалъ себѣ всѣ зубы, желая испытать страданіе, причиненное врагами пророку. Мухаммадъ, узнавъ объ этомъ, пригласилъ Увайса присоединиться къ числу асхабовъ, ближайшихъ учениковъ своихъ. Увайсъ обратился къ своей престарѣлой 70-тилѣтней матери и просилъ ея разрѣшенія идти къ Мухаммаду, но старуха посовѣтовала сыну предварительно спросить пророка, что будетъ спасительнѣе для души Увайса: служить непосредственно пророку и для этого покинуть свою мать или же ему лучше остаться при ней. На этотъ вопросъ Мухаммадъ отвѣтилъ, что служеніе престарѣлой матери важнѣе всего, и разрѣшилъ Увайсу остаться при матери. Черезъ Али Мухаммадъ прислалъ Увайсу халатъ съ своего плеча. Увайсъ-уль-Корани умеръ въ Хотанѣ, гдѣ и погребенъ.

**) Маддахъ — уличный проповѣдникъ; названіе квартала, вѣроятно, происходитъ отъ первоначально заселившихъ его маддаховъ, подобно тому, напримѣръ, какъ въ Старомъ Ташкентѣ существуютъ кварталы Игарчи (сѣдельникъ), Махсы-дузликъ (сапожникъ) и т. д.

***) Каляндархана — помѣщеніе общины деревишей каляндарей.

рабъ", въ 550 шагахъ отъ могилы Базаръ-Ахунда находятся и въ настоящее время слѣды дома, гдѣ родился Ша-Машрабъ. Это мѣсто огорожено заборомъ, изъ глины возведена сводчатая постройка съ куполомъ, а передъ ней сдѣланъ сводчатый входъ.

— Такимъ образомъ обозначено мѣсто рожденія Ша-Машраба и каляндархана его имени пользуется всеобщей извѣстностью.

Ша-Машрабъ не былъ женатъ *) и потомства по себѣ не оставилъ, но отъ сестры его есть потомки, а именно: Нуръ Мухаммедъ-Ходжи, Ингамъ-Ходжи и у нихъ нѣсколько человѣкъ дѣтей.

Извѣстно, что Ша-Машрабъ родился въ 1050 году Хиджры (1640 по Р. Х.), но въ какомъ возрастѣ онъ перешелъ въ лучшій міръ,—этого никто не знаетъ.

Когда мальчикъ окончилъ курсъ обученія въ первоначальной школѣ, отецъ отвелъ Ша-Машраба къ Дамулла-Базаръ-Ахунду, жизнеописаніе котораго изложено ниже, и поручилъ его заботамъ съ цѣлью преподаванія мальчику суфійскихъ наукъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, Дамулла-Базаръ-Ахундъ объявилъ Ша-Машрабу, что окончательно завершить свое образованіе онъ долженъ подъ руководствомъ жившаго въ то время въ Кашгарѣ святого пира изъ рода Мугзумъ-и-Агзама, Хазретъ Афакъ-Ходжи.

— Много знаній ты пріобрѣтешь отъ святого, постигнешь въ совершенствѣ тайны суфизма, но потомъ, задумавъ посѣтить Балхъ, ты покинешь своего наставника. Побываешь ты въ Бухарѣ, затѣмъ придешь въ Балхъ, и здѣсь отъ руки Махмуда погибнешь мученической смертью—будешь повѣшенъ, какъ Мансуръ-Халладжъ **) на мѣстности Арпамушъ ***). Испытывая

---

*) Причина, почему Машрабъ и не могъ быть женатъ, приведена въ статьѣ Н. Пантусова, напечатанной въ протоколахъ Туркестанскаго кружка любителей археологіи, годъ пятый, 1899—1900 г., стр. 24; здѣсь, изъ скромности, приходится опустить эти подробности, описанныя также въ жизнеописаніи Машраба.

**) Мансуръ-Халладжъ - восторженный мистикъ, казненный за то, что позволилъ себѣ публично провозгласить „Анъ-аль-хаккъ" т. е. „я есмь Истина" что учеными богословами принято было за богохульство, а на самомъ дѣлѣ обозначало лишь убѣжденіе мистика въ томъ, что онъ достигъ высшей степени духовнаго совершенства и всѣмъ своимъ существомъ соединился съ Богомъ.

***) Въ сочиненіяхъ Машраба мѣсто его погребенія, близъ Балха, называется Ишканмишь.

восторженную любовь къ Богу, радостный, счастливый, ты удостоишься славы мученика. Въ такихъ словахъ Дамулла-Базаръ-Ахундъ предсказалъ своему ученику всю его жизнь, когда отпускалъ его въ Кашгаръ къ Афакъ-Ходжѣ.

Исполняя повелѣніе своего перваго учителя, Ша-Машрабъ, испросивъ разрѣшенія матери и сестры своей (такъ какъ къ тому времени отца Ша-Машраба не было уже въ живыхъ), отправился въ Кашгаръ.

Нѣсколько лѣтъ Ша-Машрабъ прожилъ у Афакъ-Ходжи, учился у него и, наконецъ, получилъ разрѣшеніе наставника посѣтить Наманганъ. Здѣсь онъ повидался съ матерью и сестрой и, съ ихъ согласія, отправился въ Балхъ. По пути Машрабъ посѣтилъ Бухару, гдѣ въ мадраса Кукальдашъ *) подъ руководствомъ извѣстнаго ученаго Мавляна-и-Шарифа, изучилъ книгу „Мушхадъ-и-Шарифъ", содержащую собраніе „хадисовъ", или преданій о жизни Мухаммада. Затѣмъ Ша-Машрабъ отправился въ Балхъ, гдѣ былъ казненъ и погребенъ, какъ ему предсказалъ его учитель Мулла-Базаръ-Ахундъ. Этимъ ограничиваются біографическія свѣдѣнія, сохранившіяся о Ша-Машрабѣ на его родинѣ, въ гор. Наманганѣ. Въ собраніи сочиненій жизнь Машраба описана значительно полнѣе, и біографическія подробности чередуются тамъ съ стихами мистическаго, восторженнаго содержанія, произнесенными Ша-Машрабомъ въ различныхъ обстоятельствахъ его скитальческой жизни, отчасти о своихъ приключеніяхъ.

Ограничиваясь на сей разъ тѣми свѣдѣніями о Машрабѣ, какія удалось добыть отъ его земляковъ, я перейду къ жизнеописанію перваго учителя его, Дамулла-Базаръ-Ахунда.

Дамулла-Масъудъ-Казы такъ излагаетъ его біографію:

„Солнце восторженной любви, полная луна неба знанія, жемчужина моря Хакиката **), соловей сада науки, источникъ мудрости, одинъ изъ позднѣйшихъ святыхъ, Наманганскій святой, восторженный поклонникъ Бога, прославившійся своими чудесами Дамулла-Базаръ-Ахундъ (милость Божія ему), какъ видно изъ его родословной, происходилъ отъ Мухаммадъ-Ханифіи, сына Алія (милость Божія на лицѣ его) и такимъ образомъ предокъ его Алій-Левъ Божій. Отецъ святого былъ Сул-

*) Существуетъ и нынѣ подъ тѣмъ же названіемъ.

**) Высшая степень суфійскаго совершенства, когда человѣкъ раскрываетъ сущность и цѣль жизни, постигаетъ сущность всѣхъ вещей.

танъ Мухаммадъ-Ханъ, сынъ Бабуръ-Карахана, а предки его въ восходящей линіи слѣдующіе: Кабыль-Караханъ, Гадай-Караханъ, Султанъ-Караханъ, Санджаръ-Караханъ, Джихадъ-Караханъ, Джамаль-Караханъ, Чагыръ-Караханъ, Мансуръ-Караханъ, Ауліе-Караханъ, Бузаръ-Караханъ, Клычъ-Караханъ, Абду-Маннанъ-ханъ, Абду-Паттахъ-ханъ.

Настоящее имя святого было Ходжа-Убайдулла, но болѣе извѣстенъ онъ подъ именемъ Падша-Ходжа. Даммула-Базаръ Ахундъ прежде находился при Хазретъ-Султанѣ-Ахмадѣ-Яссави, Туркестанскомъ святомъ, но впослѣдствіи, удалившись отъ этого наставника, онъ перешелъ въ окрестности гор. Коканда, гдѣ и жилъ нѣкоторое время. Далѣе онъ переселился въ Наманганъ, гдѣ женился и имѣлъ двухъ сыновей. Одинъ изъ нихъ высокопочтенный Дамулла-Базаръ-Ахундъ (милость Божія ему), а другой Хазретъ-Алимъ-Ходжа. Когда отецъ Дамулла Базаръ-Ахунда скончался въ Наманганѣ, его мѣсто занялъ самъ Дамулла-Базаръ-Ахундъ. Въ Бухарѣ въ то въ время жилъ Мирза Багадуръ-Бухари (милость Божія ему) и Дамулла-Базаръ-Ахундъ получилъ отъ этого наставника посвященіе (иршадъ-нама). Въ настоящее время могилу Дамулла-Базаръ-Ахунда можно видѣть въ гор. Наманганѣ, въ концѣ долины Газни, среди города, въ кварталѣ Чильгизоръ, а подлѣ находится могила его отца Султанъ-Мухаммадъ-Хана. Покойный Дамулла-Базаръ-Ахундъ умеръ холостымъ, но братъ его Алимъ Ходжа, по смерти Ахунда занявшій его мѣсто среди учениковъ, оставилъ послѣ себя потомковъ, которые и живутъ нынѣ въ домѣ, принадлежавшемъ нѣкогда Дамулла-Базаръ-Ахунду. Эти потомки слѣдующіе: Атаулла-Ходжа, Катта-Ходжа, Хамра-Ходжа и Падша-Ходжа.

Домъ Дамулла-Базаръ-Ахунда находится въ разстояніи двухсотъ шаговъ отъ могилы его и его отца. Святой скончался 250 лѣтъ тому назадъ. „Тарифъ“ (хронограмма) года его смерти заключается въ стихахъ:

Душа моя пожелала узнать годъ смерти-Дамулла-Базаръ-Ахунда,
И послышался голосъ невидимаго: „соловей покинулъ садъ науки“.

Переводя буквы послѣдней фразы, заключенной въ ковычки, на цифры, получимъ: буль-буль бирафтъ азъ багиильмъ. $\frac{б}{2}+\frac{а}{1}+\frac{г}{1000}+\frac{айнъ}{70}+\frac{л}{30}+\frac{м}{40}=1143$. Если изъ этого числа вычесть сумму цифръ, соотвѣтствующихъ слову „буль-буль“ (=64),

такъ какъ соловей покинулъ садъ науки, то выйдетъ 1079, что и означаетъ годъ смерти Дамулла-Базаръ-Ахунда.

О жизни Хазретъ-Афакъ-Ходжи у его потомковъ Маргеланскаго уѣзда имѣются слѣдующія свѣдѣнія: настоящее имя кашгарскаго святого было Хазретъ-Ходжи-Хидаятулла-Ходжамъ, а прозвище Афакъ-Ходжа упрочилось за нимъ вслѣдствіе того, что ученики стекались къ нему со всѣхъ сторонъ *).

Родословная Афакъ-Ходжи восходитъ до временъ Мухаммада, именно: у дочери пророка, Фатимы, отъ Алія былъ сынъ Аби-Талибъ. Отъ него послѣдовательно произошли: Имамъ Хусайнъ, Имамъ Зайнъ-уль-Абиддины, Хазретъ Мухаммадъ Имамъ Бакыръ, Имамъ Джагорари Садыкъ, Имамъ Мусы-Казымъ, Хазретъ Имамъ Аліи-Мусы, Имамъ Мухаммадъ Таккы, Имамъ Мухаммадъ Паккы, Имамъ Хасанъ-уль-Аскари, Саидъ Талибъ, Саидъ Абдулла Аараджъ, Саидъ Абдулла Афзаль, Саидъ Абдулла, Хазретъ Саидъ Ахмадъ, Хазретъ Саидъ Мухаммадъ, Хазретъ Ша Хусаинъ, Хазретъ Ша Хасанъ, Хазретъ Саидъ Джалалиддинъ, Хазретъ Саидъ Камалиддинъ, Хазретъ Саидъ Бурханиддини-Клычъ, Хазретъ Саидъ Миръ Мухаммадъ Дивана, Хазретъ Саидъ Джалалиддинъ Касани, Хазретъ Саидъ Мухаммадъ Ходжа, Хазретъ Саидъ Бурханиддинъ Халь, Хазретъ Саидъ Миръ Ахмадъ-Ходжаги (извѣстный болѣе подъ прозваніемъ Мухзумъ Агзамъ), Хазретъ Ходжа Мухаммадъ Аминъ Ходжамъ, Хазретъ Мухаммадъ Юсуфъ Ходжамъ и его сынъ Хазретъ Ходжа Хидаятулла, по прозванію Хазретъ Афакъ-Ходжа.

Отецъ Афакъ-Ходжи, Мухаммадъ Юсуфъ-Ходжамъ, погребенъ въ Кашгарѣ въ мѣстности Артушъ. Онъ переселился въ Кашгаръ по повелѣнію Султана Сатукъ Буграхана Газы и изъ потомства этого султана выбралъ себѣ супругу. У него было три сына и двѣ дочери; старшій сынъ Ходжа-Хидаятулла (по прозванію Афакъ-Ходжа), второй Ходжа Инаятулла и третій Ходжа Канаятулла (по прозванію Ходжа Караматулла). Самъ Афакъ-Ходжа родился въ сел. Дагбитъ Самаркандскаго уѣзда и, когда ему исполнилось 5 лѣтъ, онъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ отправился въ Кашгарію и долго путешествовалъ по городамъ Яркенду, Кашгару и Алты-шаару, гдѣ отецъ его Юсуфъ-Ходжамъ наставлялъ народъ въ правилахъ вѣры.

---

*) Слово „Афакъ“ на языкѣ кашгарскихъ сартовъ обозначаетъ — окружность, окрестности.

Наконецъ, Ходжа Мухаммадъ Юсуфъ-Ходжамъ, придя изъ Яркенда въ область Янги-Гиссаръ, заболѣлъ тамъ и умеръ. Тѣло его перевезли въ Кашгаръ въ 1063 году хиджры (1652 г. по Р. Х.) и похоронили въ мѣстности Ягду. Родился Юсуфъ-Ходжамъ въ 1000 году хиджры (1591 по Р. Х.). Еще при жизни Юсуфъ-Ходжамъ, научилъ своего сына Богопочтенію и обрядностямъ религіи и далъ ему разрѣшеніе за нять его мѣсто послѣ его смерти.

Афакъ-Ходжа предался уединенію и молитвѣ; первой его заботой было стараться скрыть отъ окружающихъ свое достоинство и значеніе. Афакъ-Ходжа изучилъ всѣ точныя и отвлеченныя науки, а изъ чудесъ его можно указать на слѣдующее: Яркендъ и Кашгаръ въ то время принадлежали 'Абдулла-Хану, который имѣлъ обыкновеніе обращаться къ окружающимъ за разрѣшеніемъ интересовавшихъ его научныхъ вопросовъ. Однажды онъ затруднился объяснить смыслъ двухъ стиховъ Ходжа Хафиза и объявилъ, что онъ сдѣлается муридомъ *) того, кто сумѣетъ разъяснить ему это двустишіе. Никто изъ находившихся при дворѣ ученыхъ не могъ объяснить хану смыслъ заинтересовавшихъ его стиховъ, но среди прислуги нашлись люди, посѣщавшіе собранія у Афакъ-Ходжи и учившіеся у него до поступленія на службу къ Абдулла-Хану. Эти люди разсказали о своемъ учителѣ и ханъ приказалъ доставить Афакъ-Ходжу къ своему двору въ надеждѣ, что онъ въ состояніи будетъ разъяснить смыслъ двустишія. Одинъ изъ слугъ отправился къ Афакъ-Ходжѣ и просилъ его пойти съ нимъ къ хану, что святой и исполнилъ, желая избавить придворныхъ ученыхъ отъ затрудненія.

Абдулла-Ханъ встрѣтилъ съ почетомъ Афакъ-Ходжу и просилъ его занять мѣсто выше всѣхъ ученыхъ и высокопоставленныхъ лицъ. Когда угощеніе было окончено, ханъ почтительно просилъ Афакъ-Ходжу дать толкованіе на два слѣдующихъ стиха Ходжа-Хафиза:

Та зимай-хана дами нами нишанъ хогадъ-будъ,
Сари мо хаки раги пири муганъ хогадъ будъ.

Буквально эти стихи переводятся съ персидскаго такъ: до тѣхъ поръ пока отъ трактира одинъ мигъ имя или знакъ будетъ существовать, голова моя пусть будетъ прахомъ на

*) Муридами называются послѣдователи ишана, его ученики.

пути трактирщика, но слово „дами“ затрудняетъ объясненіе смысла всего двустишія, очевидно имѣющаго мистически-аллегорическое значеніе.

Афакъ-Ходжа, выслушавъ стихи, тотчасъ-же понялъ ихъ смыслъ и указалъ ошибку въ чтеніи двустишія, а именно, замѣну буквы „вау“ буквою „далъ“, въ словѣ „дами“ и установилъ правильное чтеніе „ва май“ вмѣсто „дами“. Это исправленіе измѣнило смыслъ перваго стиха и двустишіе получило такое значеніе: „до тѣхъ поръ, пока останется какой-нибудь признакъ, или слѣдъ отъ трактира или вина (май), голова моя пусть будетъ прахомъ на пути трактирщика“.

Исправивъ редакцію и давъ вѣрный переводъ двустишія, Афакъ-Ходжа объяснилъ Абдулла-Хану, что подъ словомъ трактиръ слѣдуетъ понимать настоящій тлѣнный міръ, трактирщикъ — Мухаммадъ, а вино — слово Божіе. Поэтому смыслъ двустишія Ходжа-Хафиза тотъ, что пока отъ слова Божія въ мірѣ останется какой-нибудь признакъ или слѣдъ, голова вѣрующаго должна покоиться въ прахѣ у ногъ пророка и провозвѣстника слова Божія. „Я самъ брожу въ мірѣ съ единственной цѣлью удостоиться лицезрѣнія пророка, но знаю, что это желаніе мое не можетъ исполниться“, такъ заключилъ Афакъ-Ходжа свое поученіе.

Абдулла-Ханъ пришелъ въ восторгъ, почтительно взялъ руку Афакъ-Ходжи и провелъ ею по своимъ глазамъ въ знакъ того, что онъ съ этого момента вступаетъ въ число муридовъ святого. Всѣ ученые, придворные и весь народъ, слѣдуя примѣру своего государя, сдѣлались муридами Афакъ-Ходжи.

Когда чудеса и величіе Афакъ-Ходжи сдѣлались извѣстны міру, его значеніе стало увеличиваться съ каждымъ днемъ. Въ средѣ послѣдователей ученія ордена Накшбандіа Афакъ-Ходжа достигъ самыхъ высокихъ степеней и подавалъ наставленіе всѣмъ восторженнымъ ученикамъ своимъ, приходившимъ къ нему со всѣхъ сторонъ и прозвавшимъ его Афакомъ. Ежедневно въ уединенномъ помѣщеніи для молитвы въ домѣ Афакъ-Ходжи собиралось до 2000 человѣкъ, обезумѣвшихъ отъ восторга. Они собирались въ кругъ на радѣніе, какъ бабочки стремятся къ свѣту, они падали на то мѣсто, гдѣ ступилъ ногой ихъ руководитель, глаза свои прикладывали къ ногамъ наставника, въ опьяненіи проводили они такъ время.

Нѣкоторые, утопая въ рѣкѣ отреченія, совершенно чуждались міра и его утѣхъ, а самъ Афакъ-Ходжа довольствовался

только тремя глотками пищи и всю жизнь свою исполнялъ дневной постъ „руза“, предписанный прочимъ мусульманамъ только на одинъ мѣсяцъ въ году. Послѣ радѣнія въ кругу дервишей Афакъ-Ходжа объяснялъ желающимъ содержаніе книги Маснави Шарифъ, сопровождая объясненіе своими глубокомысленными наставленіями. Когда радѣвшіе въ кругу доходили до состоянія восторга, въ радѣніи принимали участіе звѣри и птицы, а посѣщавшіе такія собранія прокаженные, слѣпые, разбитые параличемъ и разные другіе больные исцѣлялись отъ дыханія наставника.

Каждый день вечеромъ, послѣ принятаго у суфіевъ дополнительнаго намаза „чаштъ“ (около 9 ч. вечера), всѣ собиравшіеся у Афакъ-Ходжи 2—3 тысячи человѣкъ получали пищу въ его столовой и хвалили Бога. Самъ Афакъ-Ходжа былъ одинаково милостивъ ко всѣмъ бѣднымъ, несчастнымъ, нищимъ и безумнымъ: всѣхъ онъ старался успокоить и утѣшить, никому не причиняя огорченія.

Богъ послалъ Афакъ-Ходжѣ четырехъ сыновей: Ходжа-Яхья-Ходжа (по прозванію Ханъ-Ходжа-Падша), Ходжа-Хасанъ-Ходжа, Ходжа-Абду-Самадъ-Ходжа и Ходжа-Магди-Ходжа. Ходжа-Яхья былъ старшій и болѣе другихъ отличался склонностью къ уединенію и аскетизму. Все время проводилъ онъ подлѣ великаго отца своего и поучался у него суфизму. Вскорѣ Яхья-Ходжа самъ достигъ степени шейха и Афакъ-Ходжа сдѣлалъ его своимъ преемникомъ. Въ 1105 году хиджры (1693 по Р. Х.) Хазретъ Афакъ-Ходжа заболѣлъ и умеръ въ Яркендѣ, а Ходжа-Яхья занялъ его мѣсто среди учениковъ.

Тѣло Афакъ-Ходжи перенесли въ Кашгаръ и похоронили въ мѣстности Ягду, гдѣ погребенъ отецъ его Ходжа Мухаммадъ-Юсуфъ-Ходжамъ. Черезъ 6 мѣсяцевъ скончался и Яхья Ходжа и мѣсто его занялъ Ходжа-Ахмадъ-Ходжа (по прозванію Ходжа-Падша).

Много лѣтъ Ходжа-Ахмадъ поучалъ своихъ послѣдователей, а когда онъ, наконецъ, умеръ, какъ мученикъ, то его мѣсто было занято Саидъ-Клычъ-Бурханиддиномъ (по прозванію тоже Ходжа-Падша). Этотъ учитель, по случаю возмущенія въ Китаѣ, удалился въ Бадахшанъ, гдѣ и умеръ.

Хазретъ Афакъ-Ходжа при жизни очень много времени и силъ отдавалъ постройкѣ великолѣпныхъ мечетей и зданій для радѣній дервишей, разбилъ великолѣпный садъ, пріобрѣлъ очень много земли и всю свою недвижимость завѣщалъ бѣднымъ,

установивъ въ пользу неимущихъ вакфъ и назначивъ распорядителей этихъ имѣній изъ своихъ потомковъ. Гробница Афакъ-Ходжи въ Кашгарѣ и до нашихъ дней служитъ мѣстомъ поклоненія благочестивыхъ паломниковъ.

Наставленіе къ стрѣльбѣ изъ ружей.

Всякій, кто интересуется тѣмъ, что читаютъ наши среднеазіатскіе туземцы и въ особенности низшее сословіе („аами"), неученые сарты и киргизы, неминуемо долженъ будетъ обратить вниманіе на извѣстныя подъ названіемъ „рисаля" рукописи, никогда не бывшія въ печати, но тѣмъ не менѣе имѣющія обширный кругъ читателей, убѣжденныхъ въ истинѣ сообщаемыхъ свѣдѣній. „Рисаля" представляютъ собой историческіе очерки каждаго изъ извѣстныхъ туземцамъ промысловъ и ремеслъ, начиная съ земледѣлія и кончая гаданьемъ на овечьемъ пометѣ.

Вслѣдъ за изложеніемъ высокимъ слогомъ преемственной передачи даннаго искусства съ библейскихъ временъ и послѣ славословій пророку, „рисаля" обыкновенно указываетъ, какъ слѣдуетъ заниматься извѣстнымъ ремесломъ, перечисляетъ тѣ нравственныя достоинства, какія долженъ развить въ себѣ ремесленникъ для того, чтобы призвать благословеніе Божіе на дѣло рукъ своихъ, наконецъ, приводитъ тѣ молитвы и религіозные возгласы, какими ремесленнику надлежитъ, для успѣха дѣла, сопровождать каждый пріемъ своей работы.

Трудно сказать что-нибудь опредѣленное о времени составленія этихъ правилъ, но, повидимому, „рисали" должны быть отнесены къ первымъ вѣкамъ распространенія Ислама. Помимо древности своей, и по содержанію „рисали" заслуживаютъ вниманія; слѣдовало бы собрать ихъ, систематизировать и издать въ тѣхъ варіантахъ, какіе имѣются въ различныхъ мѣстностяхъ Туркестанскаго края.

Приведенная въ хрестоматіи В. П. Наливкина „рисаля-и-дихкачиликъ" (наставленіе къ земледѣлію) представляетъ интересный образчикъ этого оригинальнаго рода мусульманской литературы. Въ Ташкентской публичной библіотекѣ я видѣлъ печатный сборникъ 32 „рисаля" на туземномъ языкѣ, но не могъ получить этого сборника, чтобы заняться его переводомъ; кому принадлежитъ честь собранія воедино такого интереснаго матеріала—мнѣ не удалось выяснить. Собираніемъ „рисаля" занима-

лись также покойный Ѳ. Ѳ. Машковцевъ и П. А. Комаровъ, задумавшій издать текстъ „рисаля“ съ переводомъ и примѣчаніями.

Въ ожиданіи приведенія въ систему всѣхъ обращающихся среди туземцевъ „рисаля“, я позволю себѣ познакомить читателей съ содержаніемъ одной изъ нихъ. Это „Наставленіе къ стрѣльбѣ изъ ружей“, случайно найденное однимъ моимъ знакомымъ въ Старомъ Маргеланѣ.

Рукопись въ $^1/_{32}$ писчаго листа бумаги, писана красивымъ книжнымъ почеркомъ, при чемъ наиболѣе важныя фразы, преимущественно со ссылками на коранъ, вписаны киноварью. На первой страницѣ вверху написано имя какого-то Рахматбая, повидимому, собственника копіи, а не автора наставленія.

„Наставленіе къ стрѣльбѣ изъ ружья слѣдующее“, такъ начинается рукопись, но затѣмъ, какъ будто вспомнивъ о похвальномъ обычаѣ всѣхъ мусульманскихъ книжниковъ, авторъ спѣшитъ вписать общепринятую фразу: „Во имя Бога милостиваго, милосердаго“ и приводитъ витіеватое славословіе Мухаммаду, его потомкамъ и сподвижникамъ, какъ это вообще принято передъ началомъ всякаго сочиненія.

— „Знай и имѣй въ виду, говорится далѣе, что имамъ Джагфаръ-Садыкъ *) свидѣтельствуетъ, что во времена пророка (милость Божія и миръ ему) было очень много кяфировъ (невѣрныхъ) и они оказались сильнѣе приверженцевъ пророка (миръ ему). Пророкъ, придя въ мѣсто молитвы, исполнилъ два ракаата молитвы „шукурана“, закончилъ молитву земнымъ поклономъ и съ почтеніемъ произнесъ: „О сущій Богъ! Дай мнѣ какое-нибудь оружіе, чтобы я могъ напугать этихъ кяфировъ“. Сейчасъ же явился архангелъ Гавріилъ и сказалъ: „Тага, Мага, Мухаммадо! **). Богъ привѣтствуетъ тебя, а ангелы непрестанно славословятъ. Оставь горе, не бойся!“ Въ это время архангелъ Гавріилъ получилъ отъ Бога повелѣніе изъ Сыдратыль-Мунтага (на четвертомъ небѣ) принести кусокъ желѣза. Когда желѣзо было

*) Имамъ Джагфаръ-Садыкъ—внукъ Алія, сына Абу Талиба.

**) Это обращеніе къ Мухаммаду ангеловъ встрѣчается и въ другихъ рукописяхъ, обращающихся среди народа, но никто изъ ученыхъ туземцевъ не можетъ объяснить, откуда взялся обычай передавать такъ обращеніе ангеловъ къ пророку. Большинство муллъ считаютъ слова эти праздными и принятыми только для проповѣдей неученыхъ уличныхъ проповѣдниковъ (вачъ изъ маддазъ), сами же они, при разсказѣ объ историческихъ событіяхъ, воздерживаются отъ такихъ выраженій.

принесено, Богъ повелѣлъ пророку Давиду *) изготовить ружье. Богатырь Исмаилъ-и-Руми сдѣлалъ ложе, вмѣстѣ съ пророкомъ Давидомъ они подняли ружье и выстрѣлили въ сторону кяфировъ. Кяфиры, увидя это, обратились въ бѣгство".

Далѣе изложеніе наставленія переходитъ въ катехизическую форму—излагаются вопросы, предлагаемые изучающему правила стрѣльбы, и приводятся отвѣты на эти вопросы. Вопросы эти относятся не столько къ правиламъ обращенія съ оружіемъ, сколько къ необходимости при каждомъ пріемѣ обращенія съ ружьемъ исполнять пунктуально мелочныя религіозныя формальности. Этимъ духомъ ханжества и боязни прогнѣвить Бога проникнуты всѣ „рисаля".

„Если спросятъ тебя, отъ кого пошла стрѣльба изъ ружей, отвѣчай: отъ Пахлавана **) Исмаила-Руми. Отъ него это искусство перешло къ Пахлавану Уста-Саиду-Карши, отъ него къ Пахлавану Уста-Азизу-Тавризи, отъ него къ Пахлавану Уста-Аазаму-Кермани, потомъ къ Пахлавану Низамиддину-Багдади, отъ него къ Пахлавану Ахмаду-Замджи и отъ Хазрета-Ахмада-Замджи искусство стрѣлять изъ ружей распространилось по всему міру; раньше же стрѣляли только изъ пушекъ".

„У Хазрета-Ахмада-Замджи было триста учениковъ; всѣ они, одинъ за другимъ, подошли къ одному холму, взяли по три горсти земли, принесли сосудъ съ водой, положили туда своими благословенными руками землю и, произнеся „Во имя Бога милостиваго, милосердаго",—замѣсили. Они помолились и ихъ молитва была угодна Богу. Пахлаванъ Хазретъ-Ахмадъ-Замджи совершилъ такое чудо, что всѣ триста святыхъ пришли къ полному соглашенію относительно правилъ стрѣльбы изъ ружья".

„Если спросятъ тебя, какой стихъ корана слѣдуетъ читать въ то время, когда стрѣлокъ беретъ въ руки ружье, отвѣчай: Богъ всесовершенное существо и владыка міра".

„Если спросятъ тебя, что слѣдуетъ произносить въ то время, когда стрѣлокъ закидываетъ ружье за спину, отвѣчай: Богъ Царь Царей, слава Богу, нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, и Богъ великъ".

---

*) По „рисаля" кузнецовъ, пророкъ Давидъ считается родоначальникомъ и изобрѣтателемъ кузнечнаго ремесла; поэтому то, вѣроятно, здѣсь на него и сдѣлана ссылка. Около сел. Сайрама указываютъ на развалины кузницы Давида.

**) Богатырь, силачъ.

„Когда спросятъ, какой стихъ корана слѣдуетъ произносить во время привязыванія къ поясу пороховницы, отвѣчай: Помощь отъ Бога, онъ радуетъ вѣрныхъ“.

Изъ дальнѣйшихъ вопросовъ и отвѣтовъ видно, что во время заряжанія ружья порохомъ слѣдуетъ сказать: „Глухой, нѣмой, слѣпой, они не возвращаются“, а при вкладываніи въ стволъ пули, надлежитъ произнести: „проглатывающій гнѣвъ, прощающій людей“.

Во время прибиванія заряда шомполомъ стрѣлокъ долженъ, повидимому, тоже что-то произнести, но въ рукописи, по недосмотру переписчика, нужный стихъ корана пропущенъ.

При зажиманіи фитиля въ курокъ полагается возгласить: „О Знающій, о Щедрый!“ Когда стрѣлокъ кладетъ палецъ на нижній конецъ курковаго стержня, чтобы зажечь порохъ на затравкѣ, онъ долженъ произнести: „О скрывающій вину, грѣхъ прощающій, наказующій“.

Нажиманіе спуска должно сопровождаться словами: „Богъ любитъ добронравныхъ“.

Во время производства выстрѣла пулей надлежитъ произнести: „О, сущій Богъ, это свѣтъ!“

Разматывая нитки для фитиля, стрѣлокъ долженъ сказать: „О откликающійся, о дарящій раньше, чѣмъ мы просимъ, прошу тебя, о прощающій“.

Затѣмъ, въ формѣ отвѣта на вопросъ, какими качествами долженъ обладать стрѣлокъ, перечисляются 12 нравственныхъ достоинствъ, въ ряду которыхъ видное мѣсто занимаютъ различные оттѣнки щедрости, доброжелательство, воздержность, вѣжливость, а въ заключеніе отъ стрѣлка требуется, чтобы онъ былъ заботливъ по отношенію къ сиротамъ (ужъ не къ дѣтямъ ли убитыхъ стрѣлкомъ), чтобы все добытое ружьемъ „тратилъ на пути Божіемъ“ и, наконецъ, въ точности исполнялъ всѣ религіозныя свои обязанности, какъ со стороны догматической, такъ и въ отношеніи религіозныхъ обрядностей (таатъ).

Далѣе изложено, что стрѣлковое дѣло зиждется на 5 повелѣніяхъ и 4 опорахъ. Здѣсь къ перечисленнымъ уже нравственнымъ качествамъ, обязательнымъ для стрѣлка добавляется гостепріимство, раскаяніе, молитва, постъ и милосердіе.

На вопросъ, что составляетъ правую сторону ружья и

что лѣвую, стрѣлокъ отвѣчаетъ, что правая сторона, это—хорошій нравъ стрѣлка, а лѣвая—открываніе свѣта *).

Судя по отвѣту на вопросъ, когда стрѣлокъ бываетъ ближе всего къ Богу, вся „рисаля“ написана, повидимому, для того, чтобы указать, какое душеспасительное назначеніе пріобрѣтаетъ ружье въ рукахъ правовѣрнаго мусульманина. „Пусть стрѣлокъ обратится въ сторону кяфировъ и выстрѣлитъ одинъ разъ пулей. Независимо отъ того, попадетъ, или не попадетъ пуля въ цѣль, стрѣлокъ, въ моментъ выстрѣла, соединится съ Богомъ“.

Далѣе слѣдуютъ угрозы всѣмъ, кто не повѣритъ въ истину изложеннаго въ наставленіи; выраженія столь сильны, что даже и на мало религіознаго человѣка способны навести ужасъ: „Если стрѣлокъ не будетъ знать этого наставленія, или переписавъ не будетъ хранить при себѣ, или же, наконецъ, не будетъ каждую пятницу заставлять кого-либо читать себѣ вслухъ это наставленіе, а самъ внимательно слушать, то его постигнутъ слѣдующія наказанія: что бы онъ ни съѣлъ изъ мяса застрѣленныхъ изъ ружья птицъ или животныхъ, все это для него будетъ поганѣе свиного мяса, въ день страшнаго суда лицо такого человѣка будетъ чернымъ **), ангелы проклянутъ такого человѣка въ день страшнаго суда и ввергнутъ его въ адъ, называемый геенной, потому что изъ этого міра въ тотъ онъ перейдетъ безъ вѣры“.

Вновь повторивъ, что надо дѣлать съ наставленіемъ къ стрѣльбѣ изъ ружей, авторъ заключаетъ: „А кто этого исполнять не будетъ, тотъ невѣрный (кяфиръ), а жена его разведена съ нимъ“.

„Тотъ же, кто будетъ имѣть при себѣ это наставленіе, или, заставивъ кого-нибудь читать, будетъ внимательно слушать, тотъ по милости Божіей будетъ искать и найдетъ наставниковъ и учителей и войдетъ въ рай“.

Для обезпеченія почета всѣмъ владѣющимъ ружьемъ „рисаля“ утверждаетъ за ними право служить въ почетныхъ должностяхъ и воспрещаетъ порученіе такимъ людямъ исполненія службы низкой, пѣшей, какъ выражено въ наставленіи, очевидно въ смыслѣ неподходящей, позорной, въ отличіе отъ почетной конной службы.

---

*) Врядъ ли будетъ ошибкой предположить, что здѣсь подразумѣвается просвѣщеніе свѣтомъ Ислама иновѣрцевъ.

**) Непрощенные грѣшники предстанутъ на страшномъ судѣ съ черными лицами.

„Если кто-либо, кромѣ хана или бека, вздумаетъ послать передъ собой исполнять пѣшую службу стрѣлка, послѣдовавшаго этому наставленію или имѣющаго при себѣ переписанную копію такого наставленія, то самъ онъ кяфиръ, а жена его разведена съ нимъ; умирая, пусть онъ уходитъ изъ этого міра безъ вѣры. По шаріату такому человѣку, чтобы очистить его отъ грѣховъ, слѣдуетъ дать 80 ударовъ „дарра“ *).

„Богъ лучше знаетъ, въ чемъ истина“, заключаетъ авторъ свое наставленіе и заканчиваетъ „рисаля“ молитвой къ Богу о прощеніи грѣховъ всѣхъ читателей, обращающихъ свои взоры на его стрѣлковое наставленіе, и всѣхъ мусульманъ.

Строгій тонъ и угрозы наставленія, видимо, угнетающимъ образомъ подѣйствовали на душу переписчика этой „рисаля“. Не потому ли онъ вслѣдъ за наставленіемъ помѣстилъ двустишіе:

„Не осталось въ мірѣ влюбленныхъ и возлюбленныхъ!
„Гдѣ теперь Пирузъ, Фархадъ, Ширинъ, Ляйли и Маджунъ“ **).

Мало того, вслѣдъ за стихами идутъ наставленія съ заклинаніями и съ заговорами, какъ испросить у Бога рожденіе чадъ бездѣтнымъ, но желающимъ имѣть дѣтей, и какъ навѣрняка приворожить къ себѣ жестокую красавицу посредствомъ выниманія ея „слѣда“ и различныхъ „вѣрныхъ“ заговоровъ.

Рукопись эта, судя по засаленному виду ея, перебывала во многихъ рукахъ, можетъ быть съ благоговѣніемъ, а ужъ навѣрно безъ критики читавшихъ „рисаля“ туземцевъ. Обращеніе въ средѣ туземцевъ подобныхъ наставленій подтверждаетъ необходимость предоставить имъ возможность читать на родномъ языкѣ такія книги, которыя вносили бы что-нибудь новое въ среду, склонную къ усвоенію знаній, но лишенную возможности удовлетворить этой потребности.

Туземные актеры.

Въ ночи поста Рамазанъ торговые ряды большого базара туземной части города Ташкента наполнены народомъ: всякій идетъ на „шабъ-и-базаръ“, какъ туземцы называютъ эти ночныя сборища. Чай-хане полны посѣтителей, наслаждающихся перерывомъ поста до слѣдующаго утра, и туземные забавники на

*) Плеть изъ четырехъ сшитыхъ ремней съ короткой ручкой.
**) Герои любовныхъ восточныхъ поэмъ.

перебой стараются развлечь своими шутками и остротами праздную публику. Кромѣ мѣстныхъ актеровъ, акробатовъ, музыкантовъ, звукоподражателей, иногда въ Ташкентъ пріѣзжаетъ труппа актеровъ изъ Самарканда. Главныя силы труппы—сѣдобородый старецъ, щеголяющій своей выразительной мимикой, и комикъ среднихъ лѣтъ, прекрасно копирующій манеры таджика, узбека и даже индуса. Представленіе самаркандскихъ гастролеровъ несложно, но все-таки они далеко превзошли ташкентскихъ скомороховъ, изъ году въ годъ повторяющихъ однѣ и тѣ же сцены. Антрепренеръ труппы не поскупился и на костюмы, которые, какъ они ни плохи, все же нѣсколько увеличиваютъ иллюзію. Спектакль начинается обыкновенно пѣніемъ подъ аккомпаниментъ бубна и какихъ-то мѣдныхъ литыхъ звонковъ, которыми младшій актеръ ударяетъ въ тактъ пѣсни. Старикъ поетъ, прихлопывая въ ладоши, его товарищъ сопровождаетъ мелодію свистомъ на подобіе флейты, а третій изо всѣхъ сихъ дуетъ въ бубенъ. Послѣ ритурнеля одного актера безъ рѣчей кладутъ на землю, спиной кверху. Онъ представляетъ собою—какъ бы вы думали, что? — голову небольшого отводнаго арыка! Разставленныя ноги статиста изображаютъ берега канавки, черезъ которую изъ магистральнаго арыка выдѣляется „кулакъ“ воды. Старикъ беретъ на себя роль мираба—надзирателя за распредѣленіемъ воды, комикъ и еще другой актеръ, по очереди, появляются въ костюмахъ узбека и таджика; изъ нихъ каждый стремится задобрить старика-мираба и захватить себѣ и безъ того незначительное количество воды. Мирабъ слабъ, онъ сдается на посулы обоихъ жаждущихъ, и то одному, то другому отдаетъ воду въ ущербъ сопернику. Наконецъ, терпѣніе узбека и таджика лопнуло; расправившись съ мирабомъ и убѣдившись, что на обоихъ воды не хватитъ, они идутъ къ ишану, чтобы тотъ разсудилъ ихъ споръ. Ишанъ съ самаго начала спектакля сидитъ въ сторонкѣ, сохраняя приличную его сану неподвижность, изрѣдка поматывая своей длиннѣйшей искусственной бородой изъ бѣлаго конскаго волоса. Узбекъ и таджикъ приходятъ къ ишану по одиночкѣ; тотъ обѣщаетъ каждому въ отдѣльности (разумѣется за взятку) присудить воду ему, но при исполненіи рѣшенія пристрастіе и корыстолюбіе ишана обнаруживается, и оба соперника идутъ бить ишана, который въ страхѣ успокаиваетъ ихъ тѣмъ, что они могутъ раздѣлить воду пополамъ.

Далѣе идетъ сцена продажи на базарѣ норовистаго, ляга-

ющагося ишака. Всѣ пріемы купли-продажи, счета денегъ и пр. передаются неподражаемо, и зрители туземцы покатываются со смѣху каждый разъ, какъ актеръ, представляющій ишака, лягнетъ продавца или покупателя. Гвоздь этого представленія— передача денегъ за проданнаго ишака; покупатель аккуратно отсчитываетъ сначала и передаетъ продавцу 15 тенегъ, а затѣмъ удерживаетъ съ него всѣ сборы въ пользу базарнаго аксакала, въ пользу мѣстнаго вакфа, въ „зякетъ“ *), за мѣсто на базарѣ и т. д. Сборовъ такъ много, что взыскиваются обратно всѣ данныя за ишака деньги, и продавцу еще приходится немного доплатить. Все это такъ живо и удопонятно для туземцевъ, которые еще сравнительно недавно, въ ханскія времена, видѣли такіе сборы въ дѣйствительности, что хохотъ не умолкаетъ.

Послѣ небольшого музыкальнаго антракта, на сценѣ появляются два актера, загримированные индусами въ ихъ національныхъ костюмахъ; они ведутъ между собой разговоръ на своемъ нарѣчіи, съ буквальнымъ соблюденіемъ манеръ и интонацій въ голосѣ, затѣмъ, тутъ же (не снимая, впрочемъ, костюмовъ) совершаютъ омовеніе всего тѣла, при чемъ одинъ индусъ дѣлаетъ видъ, что выливаетъ на другого холодную воду изъ чашечки, а другой дрожитъ и кричитъ отъ холода. Эта сцена тоже полна жизни. Спектакль заканчивается пѣсней индусовъ и характернымъ (вѣроятно національнымъ) индусскимъ танцемъ.

Всѣ эти попытки лицедѣйства, какъ ни слабы онѣ сами по себѣ, представляютъ уже шагъ впередъ отъ простого ломанья къ драматическому искусству въ области сатиры на явленія повседневной жизни.

Туземная музыка.

На всероссійскую выставку въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ высланъ изъ Туркестанскаго края оркестръ туземной музыки, сформированіе котораго было поручено мнѣ. Такъ какъ желающихъ совершить путешествіе въ Европейскую Россію на казенныя средства нашлось очень много, то явилась возможность выбрать 10 человѣкъ наиболѣе искусныхъ музыкантовъ, и притомъ такъ, что въ составъ оркестра вошли всѣ туземные инструменты. Всѣ наличные музыканты туземной части города Ташкента были собраны въ одно мѣсто и по очереди исполнили всѣ пьесы своего репертуара.

Послѣ испытанія оркестръ составился такъ:

*) Сороковая часть въ пользу богоугодныхъ мусульманскихъ учрежденій.

1) Нагара—пара глиняныхъ горшковъ съ затянутыми кожею отверстіями. На этомъ инструментѣ играютъ двумя небольшими прутиками. Звукъ барабановъ не особенно громкій, но тонъ ихъ настолько высокъ, что дробь далеко слышна. Нагара напоминаетъ по виду литавры, изображаемые на египетскихъ памятникахъ.

2) Карнай—большая мѣдная труба, по виду и устройству напоминающая рожокъ пастуха, но только съ широкимъ раструбомъ. Труба эта прежде служила для подачи сигналовъ и для одушевленія мусульманскихъ полчищъ въ битвахъ. Теперь эта „іерихонская", какъ зовутъ ее въ шутку русскіе, труба употребляется главнымъ образомъ для сзыванія гостей на семейные праздники и устраиваемыя, по случаю „тоя", скачки съ козломъ. При устройствѣ благотворительныхъ гуляній въ русской части города вошло въ обычай звуками „карная" оповѣщать о началѣ гулянья. Эта же труба даетъ знать туземному населенію о началѣ поста въ мѣсяцъ Рамазанъ и о наступленіи годовыхъ праздниковъ—Рамазана и Курбана. На мельницахъ громкими звуками карная оповѣщаютъ окрестныхъ жителей, что поставы освободились отъ помола.

3) Сурнай—родъ кларнета, но съ мундштукомъ отъ гобоя и отверстіями безъ клапановъ.

4) Балабомъ—похожъ на сурнай, но нѣсколько короче его и съ другимъ мундштукомъ изъ дерева, безъ металлическихъ клапановъ.

5) Кошнай—двѣ дудочки изъ обыкновеннаго камыша, съ отверстіями для перемѣны звука. Во время игры музыкантъ держитъ обѣ дудочки рядомъ и дуетъ въ обѣ разомъ, перебирая пальцами одновременно по отверстіямъ обѣихъ частей инструмента, получившаго свое названіе отъ слова „кошъ", что значитъ пара (дудочекъ).

Три послѣдніе инструмента имѣютъ довольно рѣзкій звукъ, но когда играетъ ихъ нѣсколько вмѣстѣ, то въ общемъ получается довольно гармоничное соединеніе звуковъ; хорошо выходятъ на нихъ протяжные и довольно мелодичные кашгарскіе мотивы. Сурнай, балабомъ и кошнай въ большомъ ходу у туземцевъ и могутъ быть названы національными инструментами. Подъ звуки ихъ мусульманинъ является на свѣтъ Божій. Сурнайчи постоянно ходятъ по городу, чтобы звуками своей музыки привѣтствовать рожденіе ребенка, особенно сына. Вѣчно играющая на улицѣ сартовская дѣтвора отлично знаетъ, у кого

въ махалля рождается въ данную минуту или только что родился ребенокъ и, какъ только музыканты появляются по близости, толпа дѣтей встрѣчаетъ ихъ и ведетъ въ домъ. Музыканты получаютъ отъ родителей ничтожное вознагражденіе и этимъ кормятся. Свадьбы также не обходятся безъ сурнайчи: когда женихъ идетъ въ домъ невѣсты, ему предшествуетъ толпа знакомыхъ и поѣзжанъ, а впереди непремѣнно идетъ сурнайчи, громко выводя свои несложные мотивы.

6) Чильманда—бубенъ съ прикрѣпленными по борту деревяннаго обода желѣзными кольцами. Этотъ простой инструментъ также въ большомъ употребленіи у туземцевъ. Въ оркестрѣ звуки чильманда аккомпанируютъ струннымъ инструментамъ; безъ бубна не поется ни одна туземная пѣсня, а главное безъ бубна не танцуетъ бача; чильманда—признакъ веселья: если, проѣзжая по улицѣ туземнаго города, вы слышите мѣрно отбиваемый на бубнѣ тактъ, значитъ невдалекѣ происходитъ „базмъ"—собраніе, гдѣ танцуетъ бача и гдѣ находятся его поклонники; если же тактъ бубна прерывистый — то медленный, то скорый — значитъ на этомъ инструментѣ собираются аккомпанировать пѣнію „хафиза", прилагающаго обыкновенно всѣ усилія, чтобы возможно громче и выше спѣть свою оригинальную, въ большинствѣ случаевъ, заунывную пѣсню съ красивыми персидскими словами.

7) Рабабъ—большая, склеенная изъ орѣховаго дерева бандура съ причудливымъ корпусомъ и длиннымъ изогнутымъ грифомъ. Пять струнъ служатъ для мотива и еще штукъ десять представляютъ лады. Всѣ струны металлическія, на колкахъ.

8) Дутаръ—похожъ по строенію на мандолину; онъ тоже орѣховый, съ очень длиннымъ грифомъ и маленькимъ корпусомъ. На колкахъ двѣ струны, дающія весьма слабый но, не лишенный пріятности звукъ.

9) Ситаръ (три струны), или тамбуръ, очень похожъ на дутаръ, но имѣетъ три металлическія струны, почему и называется ситаръ (си—по-персидски—три).

10) Гыджакъ—дѣлается изъ пустого кокосоваго орѣха, къ которому придѣланы дощечка для струнъ и грифъ. На этомъ инструментѣ, имѣющемъ четыре струны изъ жилъ, играютъ волосянымъ смычкомъ, поставивъ инструментъ вертикально передъ собой, какъ віолончель. Музыкантъ играетъ, какъ и всѣ другіе, сидя по-азіатски на корточкахъ. Смычекъ не имѣетъ приспособленія для постояннаго натягиванія волосъ, какъ смы-

чокъ скрипки, а дѣлаетъ это самъ музыкантъ, для чего онъ берется за смычокъ такъ, что четыре пальца правой руки приходятся между древкомъ смычка и волосомъ.

Перечисленные струнные инструменты не могутъ похвалиться ни полнотою звука, ни красотою тембра, ни обширнымъ регистромъ. Однако, сочетаніе звуковъ можетъ доставить своей оригинальностью удовольствіе и европейцу: слушая туземную струнную музыку, поддаешься мечтательности; такая музыка сильно дѣйствуетъ на нервы. Одинъ знакомый мнѣ ишанъ примѣняетъ струнную музыку для скорѣйшаго приведенія себя и своихъ муридовъ въ состояніе экстаза.

Обыкновенно струнная музыка составляетъ украшеніе всякаго собранія туземцевъ и непремѣнную принадлежность ихъ „гаповъ" (очередныхъ угощеній). Одни ученые туземцы до сихъ поръ не допускаютъ въ своихъ домахъ этой игры, ссылаясь на неодобреніе, высказанное музыкантамъ въ коранѣ.

11) Кайракъ—собственно не музыкальный инструментъ, а скорѣе только принадлежность оркестра; это четыре плоскихъ булыжника, которые „кайракбазъ" беретъ по два въ руку и пускаетъ очень искусно въ ходъ, какъ кастаньеты. Есть особый танецъ, который исполняютъ два „кайракбаза".

12) Чангъ—пустой прямоугольный ящикъ съ натянутыми въ большомъ числѣ металлическими струнами на колкахъ. Звуки извлекаются посредствомъ удара по струнамъ въ разныхъ мѣстахъ двумя тонкими прутиками. Инструментъ напоминаетъ гусли или цитру. Появился онъ среди туземцевъ недавно. Чангъ заимствованъ отъ заѣзжаго дунганина, который нѣкоторое время производилъ фуроръ въ старомъ Ташкентѣ игрой на невиданномъ инструментѣ. Послѣ отъѣзда дунганина появился мѣстный музыкантъ, ничуть не уступавшій ему въ искусствѣ игры на чангѣ. Этотъ инструментъ служитъ хорошимъ дополненіемъ къ струнному оркестру.

Вотъ и всѣ туземные музыкальные инструменты.

Выбранные для выставки артисты почти всѣ играли на двухъ-трехъ изъ нихъ; кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ обладали и драматическимъ талантомъ. Подъ руководствомъ одного изъ актеровъ-музыкантовъ разыгрывались наивныя комическія бытовыя сцены, которыя жители Ташкента смотрятъ каждый годъ въ ночи поста Рамазана на большомъ базарѣ, гдѣ бываютъ въ это время гулянья туземцевъ. Среди музыкантовъ былъ также недурной акробатъ, поражавшій гибкостью туловища;

затѣмъ одинъ изъ музыкантовъ умѣлъ ѣсть горящую паклю. Къ оркестру былъ добавленъ миловидный мальчикъ, довольно граціозно плящущій и немного знающій искусство акробата.

Такимъ образомъ на выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ музыканты могли познакомить публику съ подлинными туземными мотивами, а нѣкоторые персонажи труппы должны были вносить разнообразіе, представляя во всей полнотѣ то, что мы привыкли называть „тамашей“ *).

Трудно сказать что-нибудь опредѣленное о туземныхъ мотивахъ. Ограничусь лишь перечнемъ ихъ названій, записанныхъ мною, по мѣрѣ того, какъ музыканты ихъ играли во время испытанія: каримкулъ-беги, рокъ, афганча, урусча, мустаазатъ, зибама, кашгарча, латифа, бадамъ-кавакъ, сарбазча, гульуюпъ, талкынъ, дуча, ялли-ялля, шадіана, булюльча, суара, якка-ханликъ, саути, упаръ, дучава, садыръ, сама, нава. По словамъ музыкантовъ, есть еще до сотни другихъ мотивовъ, при чемъ каждая пѣсня имѣетъ свое особое значеніе и играется въ опредѣленныхъ случаяхъ. Подробности этой стороны туземнаго репертуара заслуживаютъ особаго компетентнаго изслѣдованія.

---

*) Развлеченіе.

Нравы и обычаи.

Народныя развлеченія у сартовъ.

Своеобразный укладъ общественной жизни сартовъ обусловленъ вынужденной замкнутостью женской половины населенія. Сартовская женщина, какъ въ положеніи взрослой дѣвушки, такъ и въ положеніи жены—хозяйки дома одинаково изолирована во внутреннихъ комнатахъ (ичкари) жилища. Ея удѣлъ—жизнь въ обществѣ женщинъ, и самый невинный разговоръ съ постороннимъ мужчиной, а тѣмъ болѣе снятіе съ лица въ присутствіи чужого мужчины обязательнаго для сартовской женщины волосяного покрывала (чачъ-бандъ)—признается тяжкимъ преступленіемъ противъ нравственности и благопристойности.

Мужчины, уединивъ женщинъ на особую половину, довольствуются времяпрепровожденіемъ исключительно въ мужскомъ обществѣ, и потому всѣ развлеченія сартовъ носятъ на себѣ совершенно особый отпечатокъ.

Жизнь сартовъ независимо отъ ихъ общественнаго положенія и достатка крайне монотонна; религіозныя требованія вносятъ въ эту жизнь столько размѣренности и правильности, что для развлеченій остается не много времени.

Пятикратными молитвами (намазъ) день сарта раздѣленъ на строго опредѣленныя части; чтобы не заслужить порицанія окружающихъ и не подвергнуться неумолимому осужденію общественнаго мнѣнія, каждому приходится строго сообразовать свои привычки съ раздающимися съ минаретовъ призывами къ молитвѣ. Призывъ этотъ (азанъ), громко выкрикиваемый особо поставленнымъ для каждой мечети человѣкомъ (азанчи или муеденъ) напоминаетъ мусульманину его религіозныя обязанности, и, гдѣ бы ни засталъ его этотъ крикъ, правовѣрный спѣшитъ присѣсть на корточки, сложить ладони рукъ для молитвы и про себя произнести положенныя для этого случая арабскія молитвы, завершивъ молитвословіе благоговѣйнымъ поглаживаніемъ бороды ладонями рукъ. Голосъ „азанчи“ слы-

шенъ на ограниченное разстояніе, но даже на пространствѣ 176 кв. верстъ площади Стараго Ташкента никто изъ 125-тысячнаго сартовскаго населенія не можетъ прозѣвать молитву и сослаться на то, что онъ не слыхалъ призыва „азанчи“: въ городѣ до 280 приходовъ, или „махалля“, и въ каждомъ небольшомъ кварталѣ имѣется своя мечеть; общее число мечетей достигаетъ 400; неудивительно поэтому, что въ положенные часы молитвы стройный хоръ „азанчи“ всѣхъ мечетей сливается надъ обширнымъ азіатскимъ городомъ въ заунывный однообразный мотивъ призыва вѣрующихъ къ молитвѣ.

Первый намазъ носитъ названіе „бамдодъ“, и время его опредѣляется восходомъ солнца. Солнечный дискъ еще скрывается за расположеннымъ къ востоку отъ Ташкента горнымъ хребтомъ, когда съ минаретовъ мечетей уже слышатся призывные звуки „азана“: „Аллаху-акбаръ, Аллаху-акбаръ (Богъ великъ, Богъ великъ) и т. д. *).

Безлюдныя до того времени улицы города оживляются; изъ каждаго двора чинно выходятъ, оправляя на себѣ одежду, всѣ мужчины въ бѣлыхъ чалмахъ на головѣ и неторопливо двигаются съ разныхъ сторонъ къ своей приходской мечети. Большинство молящихся, несмотря на ранній часъ, успѣли уже дома совершить положенное передъ молитвой омовеніе (тааратъ), тѣ же, кому это почему-либо еще не удалось сдѣлать, готовятся къ молитвѣ во дворикѣ мечети, снявъ съ головы чалму съ тюбитейкой и усѣвшись на корточки у протекающихъ подлѣ мечети оросительныхъ канавъ (арыковъ).

На сборъ всѣхъ прихожанъ уходитъ не болѣе четверти часа, и скоро всѣ собравшіеся въ мечеть уже стоятъ рядами позади приходскаго имама, руководящаго общей молитвой. Непродолжителенъ мусульманскій намазъ, но благоговѣніе молящихся и стройность самаго богослуженія поразительны. Всѣ, какъ по указу, въ одно и то же время исполняютъ требуемые ритуаломъ жесты, всѣ одновременно кладутъ земные поклоны, встаютъ и опускаются на колѣни.

---

*) Полный текстъ призыва къ молитвѣ на арабскомъ языкѣ содержитъ въ себѣ слѣдующія слова: 1) „Великъ Богъ!“ (четыре раза); 2) „Исповѣдую, что нѣтъ другого божества, кромѣ истиннаго Бога!“ (два раза); 3) „Исповѣдую, что Мухаммадъ—посланникъ Бога!“ (два раза); 4) „Идите на молитву!“ (два раза); 5) „Идите на благочестивое дѣло!“ (два раза); 6) „Великъ Богъ“ (два раза); 7) „Нѣтъ другого божества, кромѣ истиннаго Бога!“.

Послѣ первой молитвы прихожане чинно расходятся по домамъ, чтобы приняться за повседневныя занятія. Поденщикъ (мардекаръ) съ кетменемъ на плечѣ спѣшитъ на сборный пунктъ, гдѣ производится рано утромъ наемъ чернорабочихъ; торговецъ и ремесленникъ-кустарь торопятся занять свое мѣсто въ лавкѣ и приняться за торговлю или работу. Немногіе заняты вблизи своихъ домовъ; большинство со всѣхъ сторонъ города сходится къ центру, на большой азіатскій базаръ, въ крытыхъ переходахъ котораго рядами расположены деревянныя лавки торговцевъ и мастеровыхъ. Каждый занятъ своимъ дѣломъ; ребятишки и тѣ группами высыпаютъ на улицы со своими корзинами или телѣжками, чтобы собрать накопившійся на улицахъ конскій навозъ, необходимый для приготовленія топлива (кизякъ).

До часу дня занятія всѣхъ трудолюбивыхъ и въ большинствѣ нуждающихся обывателей города идутъ безпрерывно, но въ часъ снова слышится призывъ молитвѣ (пейшинъ), второй по счету. Снова послушно бросаетъ свое дѣло туземецъ и, совершивъ омовеніе, идетъ въ мечеть. Торговцы и ремесленники не возвращаются на этотъ разъ въ свои приходскія мечети; на базарѣ много мечетей, куда и собираются всѣ изъ лавокъ, при чемъ каждый идетъ въ ближайшую мечеть. На базарѣ же совершаютъ торговцы въ ближайшихъ мечетяхъ около 4-хъ часовъ пополудни и третій ежедневный намазъ (дигаръ).

Часовъ около шести всѣ торговцы и мастеровые центральнаго базара запираютъ свои лавки досчатыми щитами и, кто верхомъ, кто пѣшкомъ возвращаются въ свои дома, покончивъ свой трудовой день.

Въ семьяхъ приступаютъ въ это время къ приготовленію пищи и весь громадный городъ на время закрывается туманомъ дыма изъ подъ 25.000 очаговъ готовящихъ ужинъ сартовскихъ хозяекъ. Туманъ сильно пахнетъ бараньимъ саломъ, лукомъ и кунджутнымъ масломъ, замѣняющимъ у бѣдняка баранье сало-непривычному европейцу трудно дышать въ жирной атмосферѣ сартовскаго города, превращающагося не надолго въ одну большую общую кухню. Сартъ привыкъ къ этому, его обоняніе пріятно ласкаетъ запахъ любимаго національнаго блюда „палау“ или „пилавъ“, какъ называютъ это блюдо европейцы. Гораздо хуже тому, кто не чувствуетъ этого запаха на своемъ дворѣ, потому что это доказываетъ такую бѣдность, при которой

хозяинъ дома можетъ только мечтать о горячей пищѣ, какъ о роскоши, довольствуясь чаемъ съ хлѣбомъ зимою и фруктами въ лѣтнюю пору.

Въ 7 часу вечера отбывается четвертый намазъ (ахшамъ), а въ 9 ч. вечера—послѣдній, пятый намазъ (гуфтанъ). Только послѣ этой вечерней молитвы можно считать исполненными ежедневныя религіозныя обязанности и распоряжаться временемъ по своему усмотрѣнію, имѣя конечно въ виду, что съ разсвѣтомъ вновь послышится неизмѣнный призывъ „азанчи“ и надо будетъ встать, чтобы поспѣть въ мечеть.

Бываютъ, конечно, случаи уклоненія отъ описаннаго только что распредѣленія времени; неотложное дѣло, а то и просто лѣнь могутъ иногда помѣшать мусульманину въ выполненіи пятикратной молитвы, но во всякомъ случаѣ такое уклоненіе является исключеніемъ и часто манкирующій посѣщеніями дома молитвы рискуетъ потерять уваженіе своихъ согражданъ.

Такъ изъ года въ годъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе проводитъ сартъ свои дни. Только праздничный день — пятница отличается отъ другихъ дней у тѣхъ изъ туземцевъ, сравнительная зажиточность которыхъ позволяетъ имъ или совсѣмъ не работать въ праздникъ, или сократить на половину часы торговли и работы. Въ будніе дни распредѣленіе времени измѣняется только въ случаѣ полученія приглашенія на „той“ или „ашъ“.

„Тоемъ“ называется многолюдное собраніе родныхъ, знакомыхъ и сосѣдей на угощеніе по случаю свадьбы (никахъ), или исполненія обряда обрѣзанія (суннатъ). Ашъ, въ переводѣ „ѣда“—означаетъ собраніе тоже на угощеніе въ честь умершаго члена семьи въ девятый, сороковой, полугодовой и годовой день его кончины. Всѣ эти угощенія носятъ характеръ исполненія обязанности передъ своими согражданами. Не сдѣлать угощенія въ соотвѣтствующее время нельзя, не уронивъ себя въ мнѣніи общества, уже потому, что это значило бы измѣнить обычаю и уклониться отъ отплаты за угощеніе тѣмъ изъ знакомыхъ и близкихъ, которые въ свое время приглашали на подобные пиры. Вотъ почему ни одинъ туземецъ не рѣшится совершить обрѣзаніе своего сына втихомолку, не сдѣлавъ обычнаго „тоя“ и, чѣмъ тщеславнѣе хозяинъ дома, тѣмъ больше людей созываетъ онъ къ себѣ на пиръ, тѣмъ больше расходуется онъ на угощеніе приглашенныхъ.

Одинъ мѣсяцъ въ году мусульмане всего міра посвящаютъ

исполненію одной изъ главныхъ религіозныхъ обязанностей (фарзъ), состоящей въ соблюденіи тридцатидневнаго поста „руза“. Постъ этотъ дневной; съ восхода до заката солнца мусульманинъ обязанъ безусловно воздерживаться отъ пищи, питья и куренія, ночью же за то можетъ утолять свой голодъ какой угодно пищей. Благодаря этому сарты проводятъ мѣсяцъ поста совершенно своеобразно и буквально превращаютъ день въ ночь; стараясь какъ можно больше проспать днемъ, чтобы сократить томительный срокъ воздержанія, они веселятся всю ночь напролетъ, отъ заката солнца до восхода.

Въ эти веселыя ночи постнаго мѣсяца посѣтитель ночного гулянья „базаръ-и-шабъ“ въ Ташкентѣ можетъ близко ознакомиться со всѣми видами народныхъ развлеченій. Часамъ къ 10 вечера одинъ изъ самыхъ большихъ пассажей центральнаго азіатскаго базара полонъ народа. Всѣ разодѣты по праздничному, какъ будто уже насталъ слѣдующій за постомъ праздникъ Рамазанъ. Въ каждой лавкѣ зажжены лишнія лампы, чайныя лавки (чайхане) освѣщены еще сильнѣе, и яблоку негдѣ упасть—такъ много сидитъ въ нихъ посѣтителей. На узкихъ тротуарахъ у самыхъ лавокъ расположились гадальщики „палвунъ“. Нѣкоторые изъ нихъ гадаютъ по группамъ небольшихъ камешковъ, которые они разбрасываютъ особеннымъ образомъ и считаютъ. Сочетаніе чиселъ въ группахъ даетъ основанія для предсказаній. Другіе, своего рода аристократы, пользуются ариѳметическими выкладками и справками въ какой-то кабаллистической книгѣ.

Въ менѣе многолюдныхъ и менѣе освѣщенныхъ уголкахъ базара располагаются „маддахи“—проповѣдники, и около нихъ живо растетъ толпа народа, готоваго долго слушать quasi-религіозные розсказни увлекающагося своимъ краснорѣчіемъ популяризатора библейскихъ событій по мусульманскимъ преданіямъ и фактовъ изъ жизни Мухxамада. Между „маддахами“ встрѣчаются большіе мастера слова, обладающіе и звучнымъ, полнымъ экспрессіи голосомъ, и эффектной жестикуляціей. Когда смотришь на такого проповѣдника, поневолѣ думается, что именно такой убѣжденный фанатикъ и такимъ проникающимъ въ душу голосомъ могъ бы поднять мусульманскую массу на ожесточенную войну съ невѣрными для прославленія Ислама.

Въ одномъ изъ прилегающихъ къ ряду лавокъ сзади квадратныхъ каравансараевъ расположился туземный фокусникъ, который въ то же время является антрепренеромъ театра марі-

онетокъ (чадыръ-хіяль) и руководителемъ труппы акробатовъ (зангбазъ). Сценическихъ приспособленій никакихъ, всѣ представленія даются на войлокѣ и только для зрителей разставлены сколоченныя изъ досокъ скамьи.

Фокусникъ, вынимаетъ по очереди, изъ двухъ хурджуновъ (переметныхъ сумъ), нехитрые самодѣльные приборы для фокусовъ, вродѣ бутылокъ изъ картона съ двойнымъ дномъ, цилиндровъ, по произволу маэстро, обсыпающихъ его злополучнаго помощника то мукой, то сажей, или мѣдныхъ чашечекъ, подъ которыми ловкій фокусникъ скрываетъ нужное для представленія число небольшихъ шариковъ. Припѣвая безсмысленные персидскіе стихи, все время разговаривая для отвлеченія вниманія со своимъ помощникомъ, фокусникъ быстро „работаетъ“ руками и продѣлываетъ подчасъ дѣйствительно изумительные по своей ловкости штуки. Глотаніе шпаги, продѣваніе шнурка въ уши помощника и т. п. звѣрскіе фокусы, разумѣется, приводятъ въ восторгъ наивныхъ зрителей, принимающихъ все показываемое имъ за чистую монету.

Нерѣдко, малообъемистыя на видъ сумки и мѣшки туземнаго престижитатора заключаютъ въ себѣ не только большіе запасы нарѣзанной листами цвѣтной бумаги, но и живыхъ животныхъ, о присутствіи которыхъ въ двойныхъ цилиндрахъ зрители узнаютъ только тогда, когда ихъ заблагоразсудитъ показать фокусникъ. По большей части опыты съ животными производятся надъ послушными безмолвными кроликами, но иногда здѣсь же можно увидать и ворону, и безвредную змѣю. Гомерическій хохотъ слышится изъ толпы, когда помощникъ фокусника искусно разыгрываетъ роль пораженнаго ужасомъ человѣка, неожиданно схватившаго змѣю вмѣсто колбасы изъ лошадинаго мяса (казы), которую предложилъ ему достать изъ цилиндра фокусникъ. Съ полчаса безъ всякихъ антрактовъ, переходя отъ фокуса къ фокусу, продѣлываетъ свои опыты туземный магъ и обыкновенно заканчиваетъ представленіе, перелистывая передъ зрителями магическую книгу, которая то вся чистая, то на каждомъ листѣ ея виднѣются изображенія слоновъ, людей и цвѣтовъ. Всѣ эти изображенія нарисованы самымъ обыкновеннымъ способомъ, но фокусникъ показываетъ зрителями то тѣ, то другіе листы книги. Публика поражена и шумно привѣтствуетъ появленіе на листахъ книги грубо сдѣланныхъ комическихъ картинокъ. Всѣ приборы свои фокусникъ убираетъ, наконецъ, въ сумки и неторопливо свертываетъ войлокъ, служившій ему подмостками.

Слухъ присутствующихъ услаждаютъ 3—4 музыканта, исполняющіе заунывные туземные мотивы подъ аккомпаниментъ глухихъ ударовъ въ бубенъ. Это антрактъ, которымъ содержатель театра пользуется, чтобы подготовить представленіе въ кукольномъ театрѣ, устроенномъ въ углу, приблизительно съ такими же приспособленіями, какъ и русскій „Петрушка". Куклы большею частью собственнаго издѣлія; сдѣлавъ въ лавкѣ запасъ обыкновенныхъ кукольныхъ головокъ, хозяинъ гримируетъ и драпируетъ ихъ по-своему, сообразно съ тѣми ролями, какія кукламъ придется изображать въ театрѣ.

Представленіе ведется также, какъ и въ театрѣ русскаго „Петрушки", т. е. хозяинъ, выводя на сцену своего маленькаго театра ту или другую куклу, кричитъ ея реплики комическимъ измѣненнымъ голосомъ. Обыкновенно, на кукольномъ театрѣ сартовъ разыгрывается одна и та же пьеса—съѣздъ правителей различныхъ мусульманскихъ державъ и придворныя увеселенія. Начинается представленіе тѣмъ, что нѣсколько уличныхъ караульщиковъ съ метлами торопливо метутъ переднюю часть сцены и разставляютъ у задней кулисы сидѣнія для имѣющихъ собраться высокопоставленныхъ особъ. Это скамьи или табуретки, обитыя краснымъ кумачомъ и отдѣланныя золотымъ позументомъ. Вслѣдъ за караульщиками появляются полицейскіе, одѣтые въ форму служащихъ въ туземной части г. Ташкента, городовыхъ. Полицейскіе покрикиваютъ на уличныхъ караульщиковъ и торопятъ ихъ кончать уборку площади. На сценѣ опять новое лицо—полицейскій стражникъ верхомъ на сѣромъ конѣ *). Высшій полицейскій чинъ проявляетъ еще больше распорядительности: онъ тузитъ безъ всякаго стѣсненія своихъ подчиненныхъ и видимо страшно ажитированъ предстоящимъ парадомъ. Лошадь всадника ведетъ себя дурно какъ разъ въ самый неудобный моментъ, и снова толпа метельщиковъ принуждена очищать площадь. Наконецъ, все готово. Появляется глашатай, объявляющій о прибытіи такого-то владѣтеля мусульманскаго государства.

Каждаго входящаго завѣдывающій дворцомъ громко спрашиваетъ, кто онъ, а вновь пришедшій рекомендуется, произнося свой полный титулъ. Ханъ Кашгарскій входитъ прежде хана Кокандскаго, государи крупныхъ ханствъ—Хивинскаго и Бухарскаго—послѣ всѣхъ. Общее шествіе заканчиваетъ въ своемъ

*) Конь готовый изъ игрушечной лавки.

оригинальномъ, шитомъ золотомъ казакинѣ смуглый эмиръ Афганистана Абдуррахманъ-Ханъ. Несмотря на то, что вообще у мусульманъ живопись не въ чести, персонажи кукольнаго театра своей наружностью близко напоминаютъ изображаемыхъ лицъ. Иногда, тутъ же на сценѣ можно увидѣть и кого-либо изъ болѣе популярныхъ представителей низшей русской администраціи или доктора, близко знакомаго туземцамъ по долголѣтней практикѣ въ городѣ, послѣдній является для подачи медицинской помощи одному изъ городовыхъ, котораго ушибла горячая лошадь стражника.

Одинъ за другимъ съѣхались гости; ихъ усадили по мѣстамъ и настало время повеселить собравшихся. Что можетъ быть болѣе по вкусу мусульманину, какъ не женское общество, котораго онъ, по укладу своей жизни, лишенъ въ дѣйствительности? На сценѣ кукольнаго театра появляется группа туземныхъ танцовщицъ, исполняющихъ довольно однообразный, но сладострастный танецъ, сопровождаемый подергиваніями плечъ и стана на манеръ цыганской пляски. Это появленіе танцовщицъ передъ мужчинами, собственно, не болѣе какъ вымыселъ; въ дѣйствительности танцовщицы „яллачи“ поютъ и пляшутъ на сартовскихъ свадьбахъ только на женской половинѣ, передъ собравшимися женщинами. Танцовщицъ-сартянокъ смѣняетъ группа русскихъ бабъ въ національныхъ костюмахъ кормилицъ, и эти исполняютъ танецъ, немного напоминающій „По улицѣ мостовой“.

Хозяинъ театра усталъ, ему одному приходилось все время говорить измѣненнымъ гнусавымъ голосомъ за всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, и потому надо кончать представленіе. Уводить гостей одного за другимъ тѣмъ же порядкомъ, какъ они появились на сцену, было бы слишкомъ долго, а потому сверху на сцену опускается какое-то страшное чудовище, „шайтанъ“ *), какъ рекомендуетъ его скрытый за кулисами антрепренеръ и по-два, по-три утаскиваетъ куда-то безъ всякой церемоніи важныхъ именитыхъ гостей: за созерцаніе женщинъ съ открытыми лицами зрители должны отправиться съ параднаго пріема въ адъ. Снова на сценѣ толпа полицейскихъ и караульщиковъ. Послѣдніе заметаютъ слѣдъ сильныхъ міра сего, такъ неожиданно оставившихъ собраніе.

Акробатическое искусство у туземцевъ мало развито. Атле-

*) Дьяволъ.

тическихъ упражненій нѣтъ никакихъ, а если что и продѣлываютъ акробаты, то только въ подражаніе видѣннымъ въ заѣзжихъ циркахъ упражненіямъ. Но за то у нихъ есть и свои оригинальные „номера“, которыхъ не встрѣтить на аренѣ нашихъ цирковъ.

Одѣтому въ короткій халатъ „зангбазу“ (акробату), приходится исполнять свои упражненія не на аренѣ цирка: онъ принужденъ сообразовать свои движенія съ тѣснымъ пространствомъ на полу чайной лавки (чайхане), устланнымъ войлокомъ. Въ углу сидитъ музыкантъ съ бубномъ и усердно колотитъ въ него; подъ эти звуки, мѣрно отбивая тактъ ногами, выходитъ на сцену „зангбазъ“, побрякивая привязанными къ ногамъ бубенчиками. Отъ медленнаго танца артистъ понемногу переходитъ къ перегибанію своего стройнаго худого туловища; гибкость туловища развита до того, что, понемногу опрокидываясь назадъ, акробатъ свободно кладетъ грудь на полъ, а голову просовываетъ между ступнями неподвижно стоящихъ ногъ. Иногда эти выгибанія сопровождаются упражненіями съ острымъ ножемъ; дикая и опасная игра особенно занимаетъ публику. Затѣмъ, акробатъ переходитъ къ ловлѣ мелкихъ монетъ, лежащихъ на днѣ неглубокаго мѣднаго блюда, налитаго для трудности водой: перегнувшись всѣмъ тѣломъ назадъ, онъ захватываетъ въ глазную орбиту серебрянныя монеты въ 10 и 15 копѣекъ, положенныя зрителями въ блюдо.

Въ заключеніе акробатъ быстро вертится среди круга зрителей подъ оглушительные звуки бубна; быстро вертясь, онъ осыпаетъ присутствующихъ искрами раскаленнаго угля, незамѣтно вложеннаго имъ себѣ въ ротъ.

Вслѣдъ за акробатомъ выступаютъ артисты, для которыхъ тоже не нужно ни сцены, ни кулисъ. На томъ же четырехаршинномъ кускѣ войлока, гдѣ только что вертѣлся „зангбазъ“, усаживаются группами, комично кривляясь и остря надъ собравшимися зрителями, актеры, представляющіе несложныя сцены изъ туземной жизни.

Здѣсь тому, кто понимаетъ туземный языкъ, придется отъ души посмѣяться надъ лѣнивымъ ученикомъ, забавно потѣшающимся надъ своимъ наставникомъ; манеры и интонація участвующихъ въ сценѣ лицъ такъ живо напоминаютъ натуру, что учитель и ученикъ вызываютъ неудержимый смѣхъ.

Вслѣдъ за сценою въ школѣ выступаютъ три актера, изображающіе двухъ слѣпыхъ нищихъ съ поводыремъ; нищіе эти

также близки къ натурѣ. Не менѣе жизненное содержаніе имѣютъ и болѣе сложныя сцены: то осмѣивается ханжество и притворство мусульманскихъ ишановъ, старающихся увѣрить послѣдователей въ своей святости, то выставляется на показъ взяточничество и подкупность мѣстныхъ туземныхъ должностныхъ лицъ, аксакаловъ, завѣдывающихъ распредѣленіемъ воды на поливку полей, или лицепріятныхъ народныхъ судей. Народный юморъ только шуткой протестуетъ противъ нежелательныхъ явленій въ средѣ своей аристократіи.

Много соли въ остротахъ туземныхъ актеровъ, но много и пошлости; вся рѣчь ихъ уснащена такимъ обиліемъ неприличныхъ словъ, что нецензурныя выраженія грубыхъ шутокъ, вполнѣ допустимыя у восточныхъ народовъ, еще не отвыкшихъ все называть своими именами, рѣжутъ ухо европейцу и значительно уменьшаютъ впечатлѣніе мимики и жестовъ.

Острословіе иногда является у сартовъ предметомъ особыхъ собраній, извѣстныхъ подъ названіемъ „азкіа“: компанія молодежи за чашкой чая спеціально изощряется въ остроуміи, перекидываясь шутками, одна другой крѣпче и нецензурнѣе; лавры пожинаетъ тотъ, кто не долго задумывается надъ обращенной къ нему шуткой и ловко умѣетъ парировать направленную на него ѣдкую насмѣшку.

Также предметомъ особыхъ собраній служитъ пляска „бачи“, миловиднаго мальчика, иногда даже переодѣтаго дѣвушкой, съ привязанными косами и женскими украшеніями на головѣ и рукахъ. Танецъ „бачи“ самъ по себѣ некрасивъ, неграціозенъ и неразнообразенъ, но нравится туземцамъ, лишеннымъ въ силу обычая—женскаго общества и вынужденнымъ довольствоваться грубой фальсификаціей женскихъ танцевъ.

Рядомъ съ описанными „постными“ развлеченіями туземнаго характера, тутъ же на центральномъ базарѣ располагаются русскіе фокусники, пѣвцы и акробаты и, къ чести ихъ сказать, привлекаютъ своимъ представленіемъ больше зрителей, чѣмъ ихъ туземные собратья по искусству. Эти бѣдняки изъ-за куска насущнаго хлѣба, рѣшаются цѣлый мѣсяцъ прожить съ туземцами одной жизнью и не устаютъ потѣшать жителей на разные лады, приспособляя свои представленія и коверкая рѣчь, чтобы стать понятными туземной толпѣ. Сами того не замѣчая они вносятъ кое-что новое въ жизнь сартовъ, наводятъ ихъ на размышленіе. Наибольшей популярностью въ старомъ Ташкентѣ пользуются, однако, только тѣ изъ русскихъ развлеченій, гдѣ

предпріимчивый хозяинъ устанавливаетъ входъ по билетамъ съ преміями. Грошевыя вещицы, получаемыя при входѣ, разжигаютъ жадность входящихъ, и каждому хочется получить ярко вычищенный самоваръ, украшающій выставку разыгрываемыхъ вещей. Здѣсь дѣйствуетъ присущій всѣмъ ажіотажъ и находятся посѣтители, нѣсколько разъ въ вечеръ посѣщающіе какую-нибудь незатѣйливую панораму только для того, чтобы получить на свои билеты нѣсколько мелкихъ вещицъ.

Въ общемъ, развлеченія туземцевъ-сартовъ незатѣйливы и стоятъ очень дешево, главнымъ же и притомъ безплатнымъ развлеченіемъ для сартовъ, несомнѣнно, надо считать посѣщеніе ими русской части города, гдѣ всякому желающему предоставляется знакомиться съ совершенно новой для сартовъ жизнью европейцевъ, съ новыми предметами до „шайтанъ-арбы“ (чертовой телѣги, какъ сарты называютъ велосипедъ), трамваевъ и желѣзной дороги включительно.

Той.

По заведенному издавна обычаю, всякое семейное торжество сопровождается у туземцевъ „тоемъ“, т. е. угощеніемъ знакомыхъ и раздачею приглашеннымъ подарковъ, въ видѣ халатовъ. Не сдѣлать тоя—позоръ, и расчетливый вообще сартъ лѣзетъ въ долги, иногда даже раззоряется, чтобы только соблюсти обычай. За нѣсколько дней до угощенія, по мечетямъ разсылаются списки приглашаемыхъ и послѣ утренняго намаза выкликаютъ имена приглашенныхъ на той. Одномахаллинцевъ *) зовутъ всѣхъ безъ исключенія, а изъ другихъ частей города зовутъ по нѣсколько человѣкъ отъ каждаго махалля, чтобы о торжествѣ зналъ весь городъ. Хозяева готовятъ гигантскіе котлы плова, гдѣ мало мяса и много рису, закупаютъ дешевенькіе халаты, чтобы одарить гостей платьемъ, сообразно положенію и заживочности каждаго изъ приглашенныхъ. Сарты тяготятся устройствомъ тоевъ; нѣкоторыя махалля готовы построить новую мечеть и раздѣлиться на два прихода, чтобы только не звать на традиціонные пиры размножившееся населеніе своего квартала, но „обычай—деспотъ межъ людей“, и отступленія отъ него допускаются только въ мелочахъ. Такъ, раньше было принято устраивать тои „миваликъ“, т. е. съ фруктами: на каж-

*) Жителей одного прихода.

дыхъ трехъ гостей подавался подносъ съ извѣстнымъ количествомъ лепешекъ, изюма, фисташекъ, урюка и фруктовъ, причемъ, гости уносили эту часть угошенія домой. Казалось-бы, небольшія нужны деньги на покупку дешевыхъ подносиковъ и простыхъ сушеныхъ фруктовъ, но когда приглашенныхъ 2—4 тысячи человѣкъ, что сплошь и рядомъ бываетъ у богатыхъ туземцевъ, то пріобрѣтеніе „мива“ обходится тысячи въ двѣ и призадумаешься прежде, чѣмъ щегольнуть такимъ тоемъ. Теперь такія угощенія рѣдки; но зато богатые тои долго помнятся; такъ, еще и теперь въ Ташкентѣ вспоминаютъ богатый „той“ Саидъ Азимбая, со смерти котораго прошло болѣе 15 лѣтъ. Послѣдніе годы въ виду дороговизны пшеницы и риса, еще труднѣе справлять тои, и многіе разсчетливые люди, по необходимости отбывая торжества брачныя (никахъ-туй), откладываютъ празднованіе обрѣзанія (угулъ-туй) до будущаго года Народу тяжело отбывать тои; для многихъ они—раззореніе. Слышатся даже пожеланія, чтобы начальство запретило тои.

„Хатымъ-кылганъ“—окончилъ обученіе сынъ—опять угощеніе. Мнѣ пришлось однажды быть у одного ишана на праздникѣ, по сдучаю окончанія его сыномъ обученія чтенію корана наизустъ (кари). Хозяинъ и близкіе его родственники сидятъ въ дарваза-хана, длинномъ корридорѣ, черезъ который проходятъ во дворъ гости. При входѣ каждаго новаго гостя всѣ встаютъ и здороваются; гость идетъ въ домъ ѣсть пловъ и получить въ подарокъ нѣсколько лепешекъ, завернутыхъ въ бумажный платокъ. Уходитъ накормленный гость домой, опять всѣ сидящіе въ дарваза-хана встаютъ, привѣтствуя уходящаго. Хозяинъ и близкіе родственники ѣдятъ уже тогда, когда гости разойдутся.

Всѣ эти угощенія основываются на Коранѣ, который впрочемъ, предписываетъ въ такихъ случаяхъ кормить бѣдныхъ, а не только хорошихъ знакомыхъ.

Тои въ Ходжентѣ.

Многимъ изъ живущихъ долго въ Туркестанѣ случалось посѣщать семейныя торжества (тои) у туземцевъ, и въ томъ числѣ угощенія по случаю обрѣзанія младшихъ членовъ семьи—одного или нѣсколькихъ сразу.

Всѣ, кто хотя разъ побывалъ на такомъ праздникѣ, знаютъ, что кромѣ повальнаго угощенія по возможности большаго числа

знакомыхъ, собравшимся гостямъ предлагаются и возможныя развлеченія въ родѣ скачки съ козломъ, пляски бачей, борьбы (курашъ). На тояхъ по случаю свадьбы, изрѣдка, въ программу увеселеній вводится еще пляска женщинъ „яллачи". Всѣ эти развлеченія вездѣ одинаковы и сильно пріѣлись самимъ туземцамъ, такъ что большинство интересуется только пляской бачей или женщинъ, остальные же виды развлеченій привлекаютъ не столько приглашенныхъ, сколько уличную толпу.

Ходжентъ и въ отношеніи празднованія тоя рѣзко отличается среди другихъ городовъ края. Населеніе здѣсь зажиточное и болѣе щедрое, чѣмъ въ прочихъ мѣстахъ; гостепріимство развито гораздо болѣе, чѣмъ въ Ташкентѣ и Самаркандѣ *), а большинство туземцевъ любитъ нарядиться и повеселиться, любитъ провести время въ обществѣ. Еженедѣльно по пятницамъ; цѣлыя толпы франтовски разодѣтыхъ ходжентцевъ собираются за Дарьей и на базарѣ, прилегающемъ къ русской части города; вездѣ освѣщеніе, пѣніе, музыка и веселье.

Неудивительно, что въ такомъ неподдѣльно веселомъ городѣ можно встрѣтить и невиданныя народныя увеселенія. Въ 1902 году мнѣ пришлось наблюдать факельное шествіе женщинъ, отвозившихъ невѣсту въ домъ жениха. Около часу ночи меня разбудило высокое женское сопрано, не выкрикивавшее по-туземному, а пѣвшее мелодичный мотивъ; хоръ женскихъ голосовъ сопровождалъ куплеты запѣвалы припѣвомъ. Въ окно я увидѣлъ большую толпу не закрывавшихся по случаю ночной темноты туземныхъ женщинъ съ фонарями въ рукахъ. Впереди шла руководительница этого оригинальнаго хора, всѣ пѣли, а

---

*) Ташкентцы еще ничего; молва не укоряетъ ихъ въ скупости на угощеніе, а самаркандцевъ народная молва прославила крайне расчетливыми людьми, что объясняется отчасти сравнительной трудностью заработка денегъ въ Самаркандѣ. У туземцевъ существуетъ по этому поводу слѣдующій разсказъ: „Въ Самаркандѣ ѣдятъ лежа",—говорится въ народѣ про условія жизни въ этомъ городѣ. Одинъ недалекій парень, основываясь на этой поговоркѣ, рѣшилъ, что Самаркандъ—лучшее мѣсто для житья безъ заботы и труда, отправился въ Самаркандъ, гдѣ у него не было никого знакомыхъ, и чтобы испытать на себѣ самомъ справедливость сложившейся поговорки, легъ на площади Ригистана, ожидая. что его по установившемуся въ городѣ обычаю накормятъ. Лежитъ парень день, лежитъ другой, а кормить его не приходятъ. Голодъ поднимаетъ лежебоку и заставляетъ добывать хлѣбъ старымъ способомъ. Проработавъ цѣлый день, парень настолько утомился, что уже не могъ ѣсть сидя, а слегъ за своимъ ужиномъ. Тутъ только онъ сообразилъ, что означала слышанная имъ и неправильно понятая поговорка.

сзади въ арбѣ слѣдовала невѣста. И время, выбранное для процессіи, и колеблющіеся огоньки множества фонарей. и мелодичная тихая пѣсня—все это производило сильное впечатлѣніе, перенося воображеніе къ далекимъ библейскимъ временамъ.

Затѣмъ мнѣ пришлось быть зрителемъ мужской процессіи. Городской казій Саидъ Ахмадъ справлялъ обрѣзаніе своего сына, и, по общепринятому обычаю, присоединивъ къ нему нѣсколькихъ бѣднѣйшихъ сверстниковъ, сдѣлалъ для нихъ общій „той". Около полудня, близь зданія канцеляріи начальника уѣзда, сталъ понемногу собираться народъ и скоро толпа запрудила всю площадку передъ домомъ, всѣ дорожки прилегающаго городского сквера. Издали послышались звуки карная*) и пронзительные переливы деревянныхъ дудокъ (сурнай, когинай и др*). Вскорѣ появилась цѣлая процессія, организованная по случаю тоя.

Впереди расчищали дорогу нѣсколько человѣкъ съ тоненькими палочками, постукивая по головамъ тѣхъ. кто не торопился дать дорогу. Затѣмъ, шли группы танцующихъ ряженыхъ. Въ вывороченномъ тулупѣ шелъ медвѣдь. совсѣмъ такой, какого можно встрѣтить на святкахъ въ Россіи, только безъ козы. Нѣсколько всадниковъ на придѣланныхъ къ ихъ туловищу искусственныхъ коняхъ гарцовали на собственныхъ ногахъ, подражая движеніямъ лошади. За туземными плясунами съ косичками слѣдовала пара русскихъ плясуновъ: мужикъ и баба. Эти откалывали на ходу что-то вродѣ трепака и можно было подивиться переимчивости наряженныхъ въ русскіе костюмы сартовъ. Прошелъ взводъ какихъ-то воиновъ съ деревянными мечами, всѣ въ красномъ, въ красныхъ чалмахъ, за ними люди въ костюмахъ изъ арабскихъ сказокъ Шехеразады несли носилки въ видѣ кіосковъ, обитыя разноцвѣтными матеріями.

Далѣе въ процессіи былъ интервалъ, должно быть для того, чтобы сосредоточить все вниманіе на главномъ. Изъ-за деревьевъ выступили носильщики съ цѣлымъ помостомъ на плечахъ, а на помостѣ гигантская, сажени въ полторы фигура богатыря Рустама изъ Шахъ Наме-Фирдуси. Довольно хорошо выполненная фигура богатыря изображала краснощекаго толстаго сарта съ черной бородой, въ большой, украшенной золотомъ чалмѣ, въ зеленомъ бархатномъ халатѣ, отороченномъ

*) См. выше, стр. 323.

галунами и опоясанномъ золотымъ мечомъ. Высоко надъ толпой плыло это олицетвореніе героической эпохи и производило на зрителей сильное впечатлѣніе. Далѣе, опять плясуны, носилки, воины и въ заключеніе конный эскортъ маленькихъ сартятъ въ парчевыхъ халатахъ.

Процессія медленно прошла раза два по круговой дорожкѣ цвѣтника и въ полномъ порядкѣ возвратилась въ туземную часть города.

За ряжеными толпой валилъ народъ.

Процессія ходила по городу цѣлый день и надо было удивляться выносливости ея участниковъ.

Раззорительные обычаи.

Туземное населеніе Туркестанскаго края трудится, не покладая рукъ, много производитъ, а потребляетъ очень мало, довольствуясь небольшимъ количествомъ дешевыхъ пищевыхъ продуктовъ, обходясь почти безъ топлива, скупо расходуя деньги на одежду и предметы роскоши.

Сартъ всегда хорошо знаетъ свои средства, точно разсчитываетъ посильные для него расходы и, сберегая часть своихъ доходовъ, ждетъ не дождется момента, когда онъ станетъ землевладѣльцемъ или солиднымъ торговцемъ. Большинство туземцевъ не любятъ рискованныхъ предпріятій и по-маленьку наживаютъ значительные капиталы.

Старики, помнящіе ханскія времена, утверждаютъ, что самыми крупными богачами считались тогда лица, располагавшія наличными деньгами въ суммѣ 8—10 тысячъ рублей; счетъ шелъ на теньги (15 коп.) и число ихъ казалось громаднымъ въ такомъ ничтожномъ по нашимъ временамъ капиталѣ. Прошло 40 лѣтъ и обладатели капитала въ 8—10 тысячъ рублей даже незамѣтны, такъ ихъ много. Теперь надо имѣть 100-200 тысячъ, чтобы стать замѣтнымъ „баемъ“ въ большомъ средне-азіатскомъ городѣ.

Такія крупныя состоянія сосредоточены преимущественно въ городахъ, въ рукахъ торговцевъ и промышленниковъ, но и въ селеніяхъ попадаются теперь „баи“, ворочающіе сотнями тысячъ, добываемыхъ изъ земли посѣвами хлопчатника и другихъ цѣнныхъ растеній.

Быстро богатѣютъ тѣ изъ туземцевъ, кто имѣлъ уже нѣкоторый капиталъ, необходимый для оборота.

Что же касается до широкихъ массъ туземнаго населенія, то сосѣдство русскихъ оказало на нихъ до нѣкоторой степени разлагающее вліяніе. Среди туземцевъ постепенно развиваются пьянство и развратъ, причемъ они весьма ощутительно подрываютъ благосостояніе тѣхъ изъ туземцевъ, которые перенимаютъ отъ русскихъ только оборотную сторону культуры и заимствуютъ только дурное. Къ счастью, вино и женщины легкаго поведенія привлекаютъ къ себѣ взоры только худшей части туземнаго населенія, лучшая же его часть по-прежнему отплевывается и отъ вина, и отъ продажныхъ ласкъ. Можно надѣяться, что принимаемыя противъ пьянства мѣры во время остановятъ начинающихъ спиваться туземцевъ.

Еще болѣе подрывается благосостояніе туземцевъ нѣкоторыми установившимися съ давнихъ поръ обычаями. Семейныя торжества—обрѣзаніе сына, свадьба дочери, сопровождаются по обычаю „тоями“ (пирами), на похоронахъ раздаютъ деньги и матеріи присутствующимъ и устраиваютъ угощеніе въ поминальные дни.

Вѣра Ислама вовсе не требуетъ этихъ затратъ; во всѣхъ такихъ случаяхъ вполнѣ достаточно одной только молитвы, но люди по-своему передѣлали вѣру и возвели чуть-ли не въ догматъ соблюденіе обычаевъ.

Современные „тои“ богатыхъ сартовъ отличаются значительнымъ числомъ приглашенныхъ. Устраивая по случаю семейнаго событія праздникъ, каждый старается не ударить въ грязь лицомъ передъ знакомыми и отпраздновать „той“ при возможно большемъ стеченіи народа.

На дворѣ вмазываются громадные котлы, заготовляются гомерическія количества пищевыхъ продуктовъ, выписывается спеціалистъ-пекарь для печенія лепешекъ и закупаются въ большомъ числѣ халаты разнаго достоинства для раздачи почетнымъ гостямъ по ихъ рангу и положенію въ обществѣ.

Богатый человѣкъ затрачиваетъ на „той“ значительную сумму, но за то самолюбіе его удовлетворено: никто не упрекнетъ его въ скупости или въ небреженіи къ вѣковому дѣдовскому обычаю. Въ то же время всѣ побывавшіе на „тоѣ“ становятся обязанными богачу, котораго каждый изъ нихъ непремѣнно долженъ пригласить, когда самъ будетъ устраивать „той“. Получается заколдованный кругъ, въ которомъ всѣ связаны между собой обязательствомъ взаимнаго угощенія.

И на большомъ, и на маленькомъ „тоѣ“ съѣдается значи-

тельное количество припасовъ, а припасы дороги. Истратившійся на устройство „тоя“ богачъ можетъ быстро вернуть себѣ расходы, бѣдняку же это не легко сдѣлать, а между тѣмъ, гордости и тщеславія у бѣдняковъ не меньше, чѣмъ у богачей. Бѣднякъ тянется за богачомъ въ устройствѣ „тоя“ и нерѣдко не только тратитъ все, что имѣетъ, но еще дѣлаетъ неоплатные долги и совершенно раззоряется.

Не менѣе раззорительны и похороны: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ обычаѣ одаривать деньгами всѣхъ присутствующихъ на похоронахъ, въ другихъ мѣстахъ раздаютъ „пута“—пояса изъ грубой темной матеріи, аршинъ 6 на человѣка и, наконецъ вездѣ даютъ въ такихъ случаяхъ платки или отрывки коленкора—„иртышъ“. Все это стоитъ денегъ, и нерѣдко, когда послѣ покойника остаются одни только сироты - малолѣтки, все наслѣдство обращается въ деньги и раздается въ томъ или иномъ видѣ пришедшимъ помянуть умершаго.

Кормленіе на „тоѣ“ и подарки на похоронахъ никого, въ сущности, не дѣлаютъ счастливыми. Ѣсть приходятъ только сытые—голоднаго бѣдняка никто не позоветъ на „той“, на похоронахъ даютъ обрывки плохой матеріи, негодной даже на заплаты, или деньги, но весьма небольшими суммами, отъ 5 к. до 2 р. на человѣка. Никого это обогатить не можетъ, а раззорить наслѣдниковъ—сиротъ очень легко.

Разумные туземцы любятъ осуждать эти вредные обычаи, унаслѣдованные отъ дѣдовъ, которымъ легче жилось, если принять въ разсчетъ возрастающія потребности и дороговизну. Бесѣда обыкновенно заканчивается признаніемъ, что отмѣнить непроизводительные расходы на „тои“ и похороны невозможно, потому что никто не рѣшится первымъ отказаться отъ соблюденія обычая.

Впрочемъ, понемногу въ населеніи укрѣпляется правильный взглядъ на дѣло. Много лѣтъ тому назадъ, видный ташкентскій богачъ, Саидъ Азимъ-бай, отмѣнилъ такъ называемый „мива-той“, т. е. уничтожилъ раздачу при „тоѣ“, кромѣ пищи, еще сухихъ фруктовъ (мива). Еще недавно въ Ходжентѣ я видѣлъ парадный „той“ Саидъ Ахмадъ-хана съ процессіей и фейерверками, еще недавно послѣ „тоя“ купцы устраивали особый „саудагаръ-той“, или угощеніе для купцовъ, а теперь этого уже никто не дѣлаетъ. Во многихъ мѣстахъ уже вывелась раздача денегъ и никому ненужныхъ „пута“ на похоронахъ.

Все чаще и чаще туземцы вспоминаютъ, что живущіе во

внутренней Россіи татары тратятъ на „той“ всего 40 коп., уплачиваемые оператору—муллѣ за исполненіе требуемаго вѣрою обрѣзанія (суннатъ). Мало-по-малу, жизнь побѣждаетъ не укладывающіеся въ современныя рамки обычай. Необходимость отмѣны „тоевъ“ сознается все большимъ и большимъ числомъ благомыслящнхъ туземцевъ и въ этомъ направленіи много могли бы сдѣлать туземныя газеты.

„Курашъ“ (борьба у сартовъ).

Съ наступленіемъ первыхъ свѣтлыхъ весеннихъ дней сартовская молодежь каждую пятницу, послѣ джума-намаза, отправляется въ сады на окраинахъ города, гдѣ тысячи народа собираются поглазѣть и принять участіе въ обычной въ весеннее время борьбѣ на призы („курашъ“). Развлеченіе это сильно напоминаетъ наши старинные кулачные бои: каждый стремится выказать свою ловкость и силу, поразмять онѣмѣвшія за время зимняго сидѣнія у „сандаля“ *) кости.

На ровной полянкѣ собралась толпа молодыхъ сартовъ; просторный кругъ образовался возлѣ борцовъ, и тутъ-же находится какой-нибудь любитель этого вида спорта—молодой купеческій сынокъ побогаче (бай-бача), готовый принять на себя расходы по доставленію призовъ побѣдителямъ. Призомъ обыкновенно служитъ традиціонный 60-ти копѣечный „сираджъ-тунъ“, т. е. халатъ изъ самой дешевой туземной матеріи „алача-бузъ“ или „халами“, не сшитый, а склеенный по швамъ особымъ шубнымъ клеемъ (сираджъ), отъ котораго и получили свое названіе эти халаты. Разумѣется, счастливецъ-побѣдитель въ борьбѣ не станетъ носить такого халата, но дѣло тутъ не въ стоимости приза, а въ славѣ борца. Получить такой халатъ не легко: для этого необходимо одолѣть въ единоборствѣ всѣхъ, кто захочетъ помѣряться силой съ борцомъ („палваномъ“) изъ числа присутствующихъ при борьбѣ,

Въ середину круга выходитъ плечистый коренастый парень и вызывающимъ взоромъ окидываетъ толпу; сейчасъ-же находится желающій принять участіе въ состязаніи. Борцы хватаютъ на-крестъ другъ друга за поясъ сзади, раскачиваются, чтобы испробовать прочность пояса, и затѣмъ, каждый старается положить своего противника спиной на землю. Борьба тянется обы-

*) Приспособленіе для обогрѣванія.

кновенно не больше 2—3 минутъ, потому что считаются допустимыми всѣ средства: соперники подставляютъ другъ другу ноги, пока одинъ изъ нихъ не одолѣетъ и не ударитъ другого объ землю. Толпа гогочетъ, побѣдитель торжествуетъ, а побѣжденный, почесываясь, скрывается въ толпѣ. Сейчасъ-же находится слѣдующій борецъ; сцена повторяется и борцы выходятъ одинъ за другимъ до тѣхъ поръ, пока желающихъ состязаться болѣе не окажется. Побѣдитель получаетъ склеенный халатъ, который кажется ему, навѣрно, дороже бархатнаго кафтана.

Но вотъ, въ самый разгаръ единоборства, вся толпа разсыпается вдругъ въ разныя стороны и бѣжитъ куда глаза глядятъ, давя другъ друга, наступая на передовыхъ и перелѣзая черезъ заборы. На улицѣ, примыкающей къ саду, показался конный полицейскій, а поставленный на горкѣ караульщикъ самъ заглядѣлся на борцовъ и не успѣлъ дать условный свистокъ. Полицейскій видимо доволенъ эффектомъ, произведеннымъ его появленіемъ; онъ крупной рысью приближается къ мѣсту борьбы, но тамъ уже никого нѣтъ: всѣ успѣли разбѣжаться и издали черезъ заборы поглядываютъ, чѣмъ кончится дѣло.

Сама по себѣ борьба не болѣе, какъ забава, но забава весьма грубая. Немало жертвъ уноситъ „курашъ“ изъ среды туземной молодежи: неловкое паденіе въ борьбѣ нерѣдко влечетъ за собою переломъ ноги, руки или вывихъ позвонка, кончающійся смертью. Кромѣ того, борьба привлекаетъ такую массу народа, что какой-нибудь пустой случай можетъ послужить причиной общей драки, а многіе сарты настолько увлекаются борьбой, что перестаютъ работать. Поэтому „курашъ“ запрещается, примѣнительно къ русскому закону о воспрещеніи кулачныхъ боевъ, хотя искоренить пристрастіе къ этой забавѣ составляющее національную черту сартовъ, весьма трудно.

Спортъ у туземцевъ.

1. Борьба верблюдовъ.

Мнѣ случилось однажды наблюдать борьбу верблюдовъ. Въ киргизской степи, на родинѣ верблюда такія состязанія не въ обычаѣ и по отзыву туземцевъ, степного киргизскаго верблюда даже нельзя заставить бороться на показъ. Для борьбы употребляются одно—горбые бухарскіе „нары“, которыхъ довольно много въ самаркандской области.

Въ послѣднихъ числахъ января въ Ура-тюбе только что сошелъ снѣгъ и, пользуясь благопріятной погодой, нѣкоторые изъ мѣстныхъ „баевъ“ начали праздновать „тои“. Въ качествѣ одного изъ развлеченій для посѣтителей семейнаго торжества, на ряду съ музыкой, пляской бачей и фейерверками, предлагается и борьба верблюдовъ на призы, состоящіе изъ халатовъ, а иногда оплачивающіеся и деньгами. Борьба верблюдовъ происходитъ обыкновенно на базарной площади, въ серединѣ каменистаго русла протекающей черезъ городъ рѣчки, „на саѣ“, по мѣстному выраженію.

На зрѣлище собралась большая толпа народа, особенно много было дѣтей; зрители расположились большимъ кругомъ, чтобы дать просторъ борцамъ. Подвели нѣсколько рослыхъ одногорбыхъ самцовъ, въ разукрашенныхъ кистями сѣдельныхъ приборахъ и недоуздкахъ съ хохолками изъ цвѣтной шерсти: уборъ верблюдовъ былъ такой же, какой бываетъ на идущихъ изъ Бухары вьючныхъ верблюдахъ, но безъ колокольцовъ.

Хозяева суетились около своихъ верблюдовъ, опасаясь, что добродушныя животныя, забывъ выучку, не захотятъ въ рѣшительную минуту бороться. Опасеніе это было основательно: первая же пара верблюдовъ не обнаружила никакой склонности къ единоборству, а преспокойно удалилась съ арены, равнодушно поглядывая на разочарованныхъ зрителей; бросились догонять верблюдовъ, но они убѣжали быстрой иноходью.

Вторая пара оказала, такъ сказать, пассивное сопротивленіе: верблюды ходили парочкой по аренѣ и, несмотря на понуканіе хозяевъ, не стали бороться; съ ними ничего нельзя было подѣлать и скоро ихъ оставили въ покоѣ.

Наконецъ, третья пара борцовъ показала пріемы этого оригинальнаго поединка. Для того, чтобы верблюды не могли кусаться, морды ихъ были перевязаны широкой шерстяной тесьмой. Эта повязка не причиняла имъ боли, но крайне стѣсняла и сердила животныхъ, которые злобно фыркали; пѣна изо рта хлопьями падала на землю. Верблюды нѣкоторое время ходили по аренѣ рядомъ, затѣмъ стали останавливаться, какъ будто поджидая удобной минуты, чтобы сразиться. Хозяева животныхъ все время подталкивали ихъ съ боковъ ближе другъ къ другу. Наступила рѣшительная минута: верблюды, видимо, достаточно изготовились къ бою; по крайней мѣрѣ шедшій въ парѣ слѣва, сталъ напирать плечомъ въ плечо своего противника. Другой верблюдъ какъ будто бы принималъ вызовъ. Онъ оста-

навливался, выдерживая натискъ въ плечо и самъ старался толкнуть противника, причемъ высоко поднималъ свою длинную шею, чтобы не дать нападающему возможности придавить его сверху. А лѣвый верблюдъ старался закинуть свою шею поверхъ шеи противника: онъ все сильнѣе толкалъ плечомъ, силился хоть краемъ зуба задѣть морду врага, а, такъ какъ это не удавалось, то сердился, фыркалъ и плевался.

Улучивъ минуту, лѣвый, не мѣняя положенія своего плеча, ухитрился все-таки закинуть свою шею поверхъ головы соперника и сразу пріобрѣлъ значительный перевѣсъ: вытянувъ шею, онъ пригнулъ шею противника къ самой землѣ, а самъ старался мордой толкнуть врага подъ правую переднюю ногу, какъ это дѣлается, когда обучаютъ лошадь ложиться на правую сторону. Лѣвый верблюдъ былъ близокъ къ побѣдѣ, такъ какъ этимъ пріемомъ онъ могъ повалить противника на землю и закончить борьбу, доставивъ своему хозяину призъ. Таково было мнѣніе зрителей, одобрительно гоготавшихъ при каждомъ напорѣ лѣваго верблюда. Долго еще ходили верблюды въ своей медленной, почти безстрастной схваткѣ, а въ концѣ концовъ утомились и разошлись, не поваливъ другъ друга. Иногда борьба бываетъ гораздо оживленнѣе, и побѣда быстро достается сильнѣйшему.

Во всякомъ случаѣ призовая борьба верблюдовъ производитъ впечатлѣніе чего-то вынужденнаго, насильственнаго; совсѣмъ не такъ дерутся въ степи соперники-самцы весною, когда ими руководитъ неподдѣльная страсть; въ такую пору верблюдъ бросается на другого верблюда и старается укусить вожака, а на свободѣ въ степи гонится за случайно попавшимся ему всадникомъ, причемъ на бѣгу развиваетъ такую скорость, что только добрый конь въ силахъ уйти отъ него. Одинъ офицеръ разсказывалъ мнѣ, что ему случилось однажды навлечь на себя гнѣвъ такого по-весеннему настроеннаго верблюда въ степи, и онъ верстъ десять во весь духъ скакалъ, чтобы спасти себя и лошадь отъ преслѣдовавшаго его разъяреннаго животнаго.

Страшенъ верблюдъ весною и только частью его энергіи пользуются любители спорта, заставляя его бороться на показъ, когда самъ онъ не чувствуетъ къ противнику никакой злобы. Тѣмъ не менѣе туземцы, любители всякой „тамаши“ *), съ боль-

*) Развлеченія.

шимъ интересомъ слѣдятъ за перипетіями монотонной верблюжьей борьбы.

2. Голубиный спортъ.

Изслѣдователи быта среднеазіатскихъ туземцевъ, упоминая о любви сартовъ къ птицамъ—пѣвчимъ и боевымъ, обыкновенно умалчиваютъ о голубиномъ спортѣ. Между тѣмъ, жители селенія Канибадамъ и другихъ окрестныхъ кишлаковъ Кокандскаго уѣзда, въ большомъ количествѣ содержатъ голубей (кафтаръ) спеціально изъ любви къ гоньбѣ этихъ красивыхъ птицъ.

Спросъ вызываетъ предложеніе и киргизы Чапкулукской волости, Ходжентскаго уѣзда, зарабатываютъ довольно значительныя суммы ловлею голубей въ ущельи Курганъ—Ташъ—Теньги, близь селенія Мадынганъ. Молодежь пробирается въ узкую щель между каменными массивами, которая тянется отъ селенія къ станціи Веревкино, и тамъ нерѣдко съ опасностью для жизни охотится на голубиные выводки. Въ каменныхъ стѣнахъ ущелья много углубленій, занятыхъ голубиными гнѣздами. Для того, чтобы выяснить, въ какихъ именно мѣстахъ есть голуби, человѣкъ взбирается на крутые бока тѣснины, привязываетъ къ концу веревки камень и сверху выгоняетъ голубей изъ гнѣздъ, а его товарищи внизу стараются замѣтить откуда вылетаютъ голуби, чтобы выбрать изъ гнѣздъ уже подросшихъ птенцовъ, а если удастся, захватить на гнѣздѣ и взрослыхъ голубей.

Пойманныя птицы доставляются для продажи преимущественно въ Канибадамъ, Кокандскаго уѣзда, гдѣ охотно покупаютъ и ястребовъ, иногда случайно попадающихъ въ руки голубиныхъ охотниковъ.

3. Перепелиный спортъ.

Первыя числа августа—разгаръ перепелинаго сезона въ Ходжентѣ. Платформа небольшого вокзала запружена народомъ и загромождена плоскими ящиками, закрытыми сѣтью. Всѣ „бидана-базы“ здѣсь на лицо, отъ безусыхъ юношей до сѣдобородыхъ старцевъ.

Перепелъ, по туземному „бидана“, въ громадныхъ массахъ встрѣчается на поляхъ послѣ уборки пшеницы, и туземцы легко ихъ ловятъ особой сѣткой (матрабъ). Туземцы ѣдятъ перепеловъ въ качествѣ приправы къ плову, главный же интересъ „бидана“ представляетъ какъ боевая птица.

Въ каждомъ городѣ среди туземцевъ много любителей перепелинаго спорта, но Ходжентъ и сосѣдніе города Ферган-

ской области переполнены „биданабазами“. Въ Ходжентѣ, по пятницамъ, рано утромъ въ одномъ изъ садовъ собираются въ большой четырехугольной ямѣ любители, воспитывающіе своихъ перепеловъ съ спортивными цѣлями, и здѣсь разыгрываются значительныя ставки. Любитель-перепелятникъ вѣчно занятъ своими птицами, которыя всегда при немъ; держа въ рукахъ пару птичекъ, онъ дразнитъ ихъ и заставляетъ драться, чтобы развить въ нихъ боевыя наклонности.

Въ самомъ началѣ августа ловъ перепеловъ въ окрестностяхъ Ходжента достигаетъ высшаго напряженія. Тысячи птичекъ попадаютъ въ руки туземныхъ ловцовъ и тотчасъ-же тщательно сортируются на съѣдобныхъ и боевыхъ. Глупые и флегматичные экземпляры идутъ въ пищу и цѣнятся по 2—3 к. за штуку, годные же для боя оцѣниваются въ необученномъ состояніи отъ 20 к до 1 рубля. Продавцы перепеловъ поджидаютъ на Ходжентскомъ вокзалѣ ѣдущихъ съ вечернимъ поѣздомъ изъ Черняева скупщиковъ и на дебаркадерѣ завязывается оживленный торгъ. Мелкіе продавцы сбываютъ свой товаръ скупщикамъ, большинство же продавцовъ лично возитъ перепеловъ въ Кокандъ, и наполненныя птицами корзинки вносятся въ товарные вагоны. Въ одномъ поѣздѣ везутъ иногда болѣе 5000 перепеловъ, и всѣ они находятъ себѣ сбытъ на Кокандскомъ базарѣ, гдѣ выдающіеся по своимъ спортивнымъ качествамъ экземпляры цѣнятся неимовѣрно дорого: хорошій перепелъ-боецъ стоитъ 10, 15 и 40 рублей.

На лицѣ перепелятника сильная страсть оставляетъ особую печать: блѣдность и утомленіе отъ безсонныхъ ночей, проводимыхъ въ чай-хане за любимымъ занятіемъ, азартъ и волненіе,— все это точно написано на лицѣ „биданабаза“.

Въ средѣ туземцевъ поклонники перепелинаго спорта также, какъ игроки въ кости или карты, не пользуются довѣріемъ, и дѣйствительно трудно положиться на такого „мученика охоты“, который готовъ заложить душу свою за хорошаго боевого перепела.

Джура.

Всякій, мало-мальски зажиточный туземецъ, какого-бы ни было его общественное положеніе, непремѣнно состоитъ членомъ „джуры“—компаніи, собирающейся для того, чтобы проводить праздничные дни въ обществѣ и разнообразить досуги бесѣдой и другими развлеченіями.

Каждый выбираетъ себѣ товарищей обыкновенно изъ той среды, въ которой онъ вращается: купецъ водитъ компанію съ купцомъ, ремесленники составляютъ компаніи по мастерствамъ, а ученые туземцы подбираютъ себѣ въ „джуру“ подходящихъ по образованію лицъ.

Составляются также спеціальныя компаніи, гдѣ стимуломъ для объединенія является „бача“—миловидный мальчикъ, за которымъ сообща ухаживаютъ и котораго по раскладкѣ содержатъ члены этого своеобразнаго клуба „бачабазовъ“, (поклонниковъ бачи). Бача поетъ и танцуетъ во время еженедѣльныхъ jour fixe'овъ, а въ остальные дни кокетничаетъ со своими покровителями, возбуждая муки ревности и, доводя подчасъ до преступленія. Въ большихъ городахъ компаніи съ такимъ грубымъ плотскимъ содержаніемъ рѣдко встрѣчаются, но въ кишлакахъ скучная сельская жизнь мало цивилизованныхъ обывателей оставляетъ зимою много свободнаго времени, и праздность доводитъ молодежь до увлеченія бачами, причемъ, любители-балетоманы образуютъ тѣсные кружки.

Входящіе въ составъ той или другой „джуры“ туземцы близко между собой знакомы; они по очереди собираются другъ у друга и тотъ, въ домѣ котораго происходитъ собраніе, несетъ на себѣ расходы по угощенію. Складчина на угощеніе замѣняется здѣсь очередью.

Зимой „джура“ собирается на наружной половинѣ дома, въ такъ называемой „михманъ-ханѣ“, соотвѣтствующей гостиной въ европейскомъ домѣ. Земляной полъ комнаты покрытъ поверхъ камышевыхъ цыновокъ ковромъ, а по сторонамъ разложены узкія длинныя стеганныя на ватѣ одѣяла—„курпача“, на которыхъ гости и усаживаются, по восточному обычаю обходясь безъ мебели. Прислуга вноситъ чай на небольшихъ подносахъ съ сластями и хлѣбомъ. Далѣе, между разговоромъ, гости сами приготовляютъ обычное въ такихъ собраніяхъ блюдо—„нарынъ“. Въ котлѣ варятъ супъ изъ баранины и луку, а потомъ, остудивъ вынутое изъ супа мясо, раздаютъ его гостямъ, которые крошатъ его ножами на мелкіе куски. Вносятъ круто раскатанное тѣсто изъ пшеничной муки, и гости принимаются рѣзать лапшу. Передъ окончаніемъ собранія въ супъ опускаютъ накрошенное мясо и лапшу, затѣмъ „нарынъ“ раскладывается въ большія чашки, и гости принимаются за ужинъ, причемъ ѣдятъ руками.

Лѣтомъ собранія или „гапы“, какъ называютъ туземцы

еженедѣльныя сходки, пріятнѣе проводить на чистомъ воздухѣ въ одномъ изъ окружающихъ городъ садовъ. Если поспѣли фрукты, то и угощеніе значительно разнообразится. Въ садъ гости собираются обыкновенно съ вечера четверга, просиживаютъ далеко за полночь, тутъ же ночуютъ вмѣстѣ и только въ пятницу, къ полудню, разъѣзжаются по домамъ.

Хозяинъ дома, гдѣ по очереди собираются члены „джуры", прилагаетъ всѣ усилія, чтобы развлечь своихъ гостей. Поэтому, если въ городѣ есть какая-нибудь новинка, въ родѣ пріѣзжаго пѣвца декламатора стиховъ, „хафиза", или музыканта, славящагося своимъ искусствомъ, хозяинъ старается угостить подобной знаменитостью своихъ гостей. Въ 1891 году изъ Коканда въ Ташкентъ пріѣзжалъ красивый молодой пѣвецъ, по прозвищу „Макайлыкъ". Надо было видѣть, какъ наперерывъ старались залучить его на „гапъ", чтобы доставить удовольствіе послушать его для европейскаго уха крайне немелодичныхъ пѣсенъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Ташкентѣ появился заѣзжій дунганинъ, игравшій двумя прутиками несложныя мелодіи на новомъ, невиданномъ инструментѣ въ родѣ цимбалъ; его стали наперерывъ приглашать на собранія въ видѣ занимательной новинки а затѣмъ одинъ изъ мѣстныхъ музыкантовъ купилъ у дунганина его инструментъ и, быстро освоившись съ немудрой техникой цимбалъ, принялся наигрывать не только тѣ пѣсни, что исполнялъ дунганинъ, но и многія другія, чисто мѣстныя мелодіи, чѣмъ производилъ на слушателей особенно пріятное впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ цимбалистъ приглашается въ составѣ струннаго оркестра на всѣ собранія туземцевъ.

Если почему-либо нельзя было пригласить музыкантовъ, гости чинно бесѣдуютъ о современныхъ событіяхъ, перемываютъ косточки отсутствующихъ знакомыхъ, а когда истощается предметъ разговоровъ принимаются за чтеніе какой-нибудь книги. Болѣе грамотный и знающій персидскій языкъ гость читаетъ вслухъ какое-нибудь стихотвореніе Саади, Хафиза, Фузули, Суфи-Аллаяра, Бидиля. Возникаетъ затѣмъ споръ по поводу правильнаго пониманія смысла прочитаннаго стихотворенія, которое, какъ и большинство произведеній восточной поэзіи, своими туманными выраженіями, акростихами и аллегоріями оставляетъ много мѣста толкованію на разные лады.

Если нѣтъ подъ рукой поэтическихъ произведеній или никто изъ присутствующихъ не обладаетъ умѣньемъ хорошо декламировать стихи, обращаются къ чтенію нравоучительныхъ

сборниковъ, гдѣ правила нравственности, изложенныя въ формѣ конкретныхъ положеній, подкрѣпляются разсказами и былинами, доказывающими несомнѣнную пользу исполненія преподаннаго правила. О содержаніи этихъ многочисленныхъ сборниковъ можно судить по слѣдующему разсказу, заимствованному мною изъ сборника „Махфиль-аро“ *):

„Во времена пророка Давида, однажды къ нему пришла бѣдная вдова и просила помочь ея горю.

— Шла я съ базара, несла въ рукахъ немного муки, изъ которой намѣревалась приготовить для дѣтей хлѣбъ, но вдругъ налетѣлъ вѣтеръ и унесъ всю мою муку. Прошу тебя, великій пророкъ, разбери мое дѣло и накажи виновнаго.

Давидъ былъ озадаченъ странностью этой просьбы, но не задумываясь долго, приказалъ своимъ слугамъ вынести изъ амбара мѣшокъ муки и выдать потерпѣвшей.

— Возьми эту муку вмѣсто той, которую унесъ у тебя вѣтеръ, сказалъ пророкъ вдовѣ: утрата твоя вознаграждена сторицей.

Счастливая старуха понесла мѣшокъ домой, но по дорогѣ встрѣтилась съ сыномъ Давида, Соломономъ, который, распросивъ старуху о ея дѣлѣ, сказалъ ей, что она напрасно удовлетворилась полученной подачкой - мѣшкомъ муки, и не добилась, чтобы Давидъ разобралъ ея дѣло съ вѣтромъ по справедливости. Снова пошла вдова къ Давиду, снова пророкъ счелъ за лучшее одарить старуху еще мѣшкомъ муки, чѣмъ приступать къ разбору запутаннаго дѣла по жалобѣ человѣка на вольный вѣтеръ. Вторично взявъ мѣшокъ муки, старуха понесла домой подарокъ Давида, но Соломонъ стоялъ при выходѣ и снова посовѣтовалъ старухѣ возвратиться къ Давиду и добиться отъ него во что бы то ни стало разбора своей тяжбы съ вѣтромъ. Вдова не рѣшилась еще разъ безпокоить пророка, такъ щедро ее вознаградившаго, но Соломонъ самъ взялся устроить дѣло. Войдя къ отцу, онъ сказалъ:

— Батюшка, не слѣдъ мнѣ учить васъ, но посмотрите на эту бѣдную старуху, обиженную вѣтромъ. Неужели вы можете оставить безнаказаннымъ своевольный поступокъ вѣтра; развѣ для него, какъ и для всѣхъ твореній Божіихъ, не обязательна воля Божія, что онъ рѣшается обижать слабую беззащитную сироту.

---

*) Украшеніе собранія.

— Будь по твоему, сынъ мой, я согласенъ разобрать дѣло, прикажи-же позвать вѣтеръ и обиженную имъ женщину,—отвѣтилъ сыну Давидъ.

Приказаніе пророка было тотчасъ-же исполнено, и вѣтеръ, принявъ образъ мужчины, предсталъ передъ Давидомъ вмѣстѣ съ вдовой, принесшей на него жалобу.

Посадивъ обоихъ передъ собой, какъ и теперь дѣлаютъ казіи, Давидъ спросилъ вѣтра, на какомъ основаніи онъ позволилъ себѣ причинить огорченіе вдовѣ.

Все, что я дѣлаю, я дѣлаю по волѣ Божіей, отвѣтилъ вѣтеръ. Въ данномъ случаѣ мнѣ было повелѣно отобрать у вдовы ея муку.

Разскажи-же подробно, какъ было дѣло, обратился къ вѣтру Давидъ.

— На большомъ морѣ была буря. По морю плылъ корабль, нагруженный дорогими товарами, владѣльцы которыхъ были на палубѣ судна. По волѣ Божіей мыши прогрызли въ днѣ корабля небольшія отверстія, и вода стала просачиваться въ трюмъ. Какъ ни старались пассажиры заткнуть дыры, это не удавалось имъ, и корабль со всѣми людьми и драгоцѣнностями былъ на краю гибели. Въ отчаяніи купцы обратились съ молитвой къ Богу, обѣщали отдать половину всѣхъ товаровъ бывшихъ на кораблѣ, тому, кто спасетъ корабль. Вотъ тогда то Богъ и повелѣлъ мнѣ взять изъ рукъ бѣдной вдовы и перенести на корабль муку. Сдѣланнымъ изъ муки тѣстомъ замазали щели и просачиваніе воды прекратилось. Вскорѣ утихла буря и корабль благополучно причалилъ къ берегу. Вотъ объясненіе моего поступка, закончилъ вѣтеръ.

Убѣдившись въ невиновности вѣтра, пророкъ повелѣлъ доставить вдовѣ половину груза корабля, обѣщанную купцами спасителю, и тѣмъ покончилъ дѣло. Присутствующіе, пораженные милосердіемъ Творца къ бѣдной старухѣ, стали спрашивать ее, чѣмъ она заслужила выпавшее на ея долю счастье.

Припомнивъ всѣ мелочныя обстоятельства послѣднихъ дней, вдова высказала предположеніе, что, можетъ быть, Богу Всемогущему была угодна милостыня—двѣ лепешки, поданныя ею проходившему нищему; присутствовавшіе согласились, что благотворительность, когда человѣкъ подаетъ другому не отъ избытка, а отнимая у себя послѣднее, должна быть угодна Богу и заслуживаетъ щедрой награды".

Долой бачей.

Въ Ташкентѣ нерѣдко случаются убійства изъ-за бачей, не мало такихъ убійствъ случилось за время русскаго въ краѣ владычества, и кровь убитыхъ на нашей совѣсти.

Придя въ край, мы застали содомію, но не только не приняли никакихъ мѣръ противъ гнуснаго порока, а даже сдѣлали ему послабленіе, допустивъ для туземцевъ исключеніе изъ общаго закона: за мужеложство въ чертѣ туземныхъ поселеній судилъ все время народный судъ и ограничивался, сравнительно съ нашимъ уголовнымъ кодексомъ, весьма легкими наказаніями. Порокъ росъ, бугроманы прочно устроились въ туземныхъ учебныхъ заведеніяхъ, бачи заняли свои мѣста въ городскихъ чайхане, привлекая туда своихъ поклонниковъ. Изъ-за бачей лилась нерѣдко кровь, изъ-за нихъ раззорялись молодые и старые богачи, пріѣздъ въ городъ какого-нибудь знаменитаго бачи, въ родѣ Макайлика изъ Коканда, составлялъ цѣлое выдающееся событіе въ жизни праздной, жадной до зрѣлищъ части туземнаго общества.

Администрація обратила вниманіе на нежелательность такой свободы противоестественнаго порока. Въ 1890 г. начальникъ города Ташкента запросилъ казіевъ о томъ, что они думаютъ о „бачабазствѣ“ и, получивъ отъ нихъ ривоятъ *) противъ бачей, отдалъ по городу приказъ о запрещеніи имѣть въ чай-хане бачей. Запрещеніе это вошло въ силу и было встрѣчено народомъ съ признательностью, но въ 1896 году танцы бачей были введены въ программу благотворительныхъ гуляній, и бачи развелись снова на законномъ основаніи.

Позже полицеймейстеръ туземной части города Ташкента, вмѣсто того, чтобы потребовать исполненія стараго приказа по данному уже казіями ривояту, снова сталъ искушать по тому же вопросу представителей шаріатной мудрости, но это мало помогло дѣлу.

Какъ бы тамъ ни было, слѣдуетъ непремѣнно совсѣмъ извести бачей, добиться того, чтобы они не появлялись, чтобы родители не торговали красивыми мальчиками и не обрекали дѣтей сначала на позорную роль проститута, а потомъ на амплуа вора и тунеядца.

---

*) Выписка изъ шаріатныхъ постановленій.

Для этого мало казійскаго ривоята: необходимо изъять дѣла о мужеложствѣ изъ компетенціи народныхъ судей и установить одинаковую для всѣхъ наказуемость по русскимъ уголовнымъ законамъ, независимо отъ того, совершилъ-ли туземецъ мужеложство въ туземной или русской части города. Надо вывести изъ употребленія красивыхъ мальчиковъ и не повторять въ защиту ихъ банальныхъ фразъ о томъ, что бачи—это только объекты эстетики, что и у европейцевъ есть балерины и т. п. Все это надо бросить и по прежнему считать порокъ Содома и Гоморы гнуснымъ порокомъ.

Саиль (встрѣча весны).

Въ Ходжентѣ, Ура-тюбе, Самаркандѣ и Бухарѣ сохранился старинный обычай праздновать въ первыхъ числахъ марта наступленіе весны—„Саиль".

Послѣдніе два дня февраля туземцы г. Ходжента проводятъ въ хлопотахъ о приготовленіи „Саильго",—мѣста для весенняго гулянья, которое устраивается на небольшой площадкѣ на берегу р. Сыръ-Дарьи выше моста. По городу двигаются арбы съ имуществомъ лавочниковъ и содержателей чай-хане, а нарядныя толпы горожанъ бродятъ по набережной, нетерпѣливо поджидая начала праздника.

Ходжентскій „Саиль" отличается многолюдствомъ, а если онъ приходится вскорѣ послѣ Курбанъ-хаита, то толпа щеголяетъ свѣжестью своихъ костюмовъ, такъ какъ новое платье въ туземныхъ семьяхъ обыкновенношьется къ годовымъ праздникамъ.

Въ городѣ много хорошихъ рессорныхъ извозчиковъ, и туземное населеніе широко пользуется ими, легко отрѣшившись отъ принятой прежде ѣзды верхомъ; содержаніе лошадей стоитъ здѣсь дорого, а потому и важные по своему положенію туземцы (казіи, аалямы и мударрисы) нисколько не стѣсняются ѣздить на извозчикѣ.

Подъѣхавъ на извозчикѣ къ мѣсту „Саиля", мы оставили нашего возницу, такъ какъ дальше уже было море бѣлыхъ чалмъ плотно двигавшейся толпы. Вмѣшавшись въ толпу, мы стали медленно двигаться между рядами лавокъ. Насъ поразило непривычное для наблюдателя мѣстнаго быта присутствіе на праздникѣ множества туземныхъ женщинъ. По скромнымъ манерамъ этихъ женщинъ, закутанныхъ въ свои „паранджи", по-

крытыхъ мало проницаемыми для взора „чачванами“, можно было съ увѣренностью сказать, что передъ нами почтенныя матери зажиточныхъ семействъ и ихъ дочери невѣсты. Очень украшаетъ праздничную толпу присутствіе дѣтей; ихъ здѣсь такъ много, что невольно сравнишь „Саиль“ съ вербами въ Петроградѣ.

По обѣ стороны дороги сплошной рядъ временныхъ лавченокъ; у входа въ этотъ корридоръ расположились продавцы игрушекъ. Игрушки могутъ удовлетворить лишь невзыскательнаго сартовскаго ребенка, но всевозможныхъ сортовъ этихъ игрушекъ цѣлыя горы.

Маленькія арбы съ „саяванами“ (покрышками) изъ бумаги, раскрашенной въ разные цвѣта, платформы на колесахъ съ приводомъ оси къ рычагамъ толчеи, стукающимъ при движеніи, деревянные игрушечные „тиши“ (топорики), „таспулаки“ (горки для игры въ орѣхи) и очень затѣйливо раскрашенныя „сака“ (шарики для сбиванія съ кона орѣховъ), разнаго рода погремушки изъ дерева и жести, цвѣтныя картонныя змѣи, изгибающіяся въ рукахъ, коробки, служащія основаніемъ для клѣтокъ, нѣсколько сортовъ дѣтской посуды обычнаго типа, но уменьшенныхъ размѣровъ, наконецъ, много разныхъ животныхъ, вылѣпленныхъ изъ гончарной глины безъ всякой отдѣлки. Въ ряду глиняныхъ игрушекъ обращаютъ на себя вниманіе горные козлы, рога которыхъ сильно напоминаютъ украшенія того же типа на древнихъ глиняныхъ гробахъ, хранящихся въ Ташкентскомъ археологическомъ музеѣ. Всѣ эти заманчивые для сартовскихъ дѣтей предметы стоятъ копейки, но зато и раскупаются очень быстро.

Сартянки, накупивъ дѣтямъ игрушекъ, отходятъ къ берегу рѣки, чтобы занять одну изъ загородокъ, отдѣленныхъ одна отъ другой невысокими циновками. Это своего рода cabinets à part праздничныхъ чай-хане, но такъ какъ здѣсь нечего скрывать отъ прохожихъ, то и стѣны загородокъ сдѣланы больше для порядка. Дальше устроены наскоро сколоченные помосты, на которыхъ кучками разложены для продажи незатѣйливыя лакомства—кишмишъ разныхъ сортовъ, миндаль, джида, горохъ, урюкъ и т. д.

Рядомъ расподожилась тоже сартовская лавка, но съ чисто русскимъ товаромъ,—съ деревянными рѣзными изъ липы игрушками, издѣліями русскихъ кустарей. Тутъ и традиціонные медвѣди, колотящіе молотами чурбакъ, и сани съ тройкой лошадей,

и даже деревянные вагоны. Все это привезено съ Нижегородской ярмарки, но раскупается здѣсь не особенно бойко: какъ ни дешевы эти вещи, а все-таки онѣ дороже мѣстныхъ сартовскихъ издѣлій. Тутъ же продается еще немало русскихъ дешевыхъ металлическихъ игрушекъ и „драгоцѣнныхъ вещей“ изъ мѣди и стекла.

По близости циркъ, случайно попавши въ городъ во время праздника; дальше бойко работаетъ мѣстный механикъ—сартъ, приготовившій, по образцу желѣзнодорожной дрезины, четырехколесную повозку изъ дерева со скамейками и большимъ зубчатымъ колесомъ, которое вертятъ четыре сидящихъ на лавкахъ сарта. Этотъ экипажъ идетъ колесами по деревяннымъ рельсамъ и везетъ за собой еще нѣсколько повозочекъ, гдѣ сидятъ любители катанія, уплачивающіе по 1 коп. въ конецъ. Желающихъ проѣхаться по импровизированной деревянной „чугункѣ“ масса. Ниже, у самой воды, расположена карусель обыкновеннаго типа, но тамъ публики гораздо меньше, чѣмъ у предпріимчиваго изобрѣтателя „дрезины“. Изобрѣтенія какъ то въ модѣ въ Ходжентѣ: лѣтъ 10 тому назадъ здѣсь былъ сартъ, соорудившій глобусъ.

Только что отошли отъ дрезины, натыкаемся на продавца искусственныхъ цвѣтовъ, нанизанныхъ на какую то особенную пирамиду съ бумажными вертящимися мельницами. Бумажные розаны, такъ любимые туземцами, не рѣдкость и въ другихъ городахъ, здѣсь-же цвѣты очень разнообразной формы, но больше все-таки любимыхъ сартами пѣтушьихъ гребешковъ и шафрана; сдѣланы цвѣты изъ русскаго плюша, употребляющагося на выдѣлку обезьянокъ на проволокѣ. Откуда сарты взяли этотъ фасонъ и матеріалъ, Богъ вѣсть, но сдѣлано красиво.

Праздникъ тянется обыкновенно съ недѣлю, причемъ многіе ходжентцы, ѣздятъ на „Саиль“ въ сосѣдній городокъ Уратюбе.

„Каръ-хатъ“ и „Каръ-ягды“.

Сарты настолько привыкли дорожить каждой каплею воды, необходимой для орошенія посѣвовъ, что выпаденіе снѣга осенью, передъ посѣвомъ озимей считаютъ особой милостью Аллаха. Съ выпаденіемъ перваго снѣга у сартовъ связанъ весьма древній обычай, напоминающій наши шутки 1-го апрѣля.

Сарты расчетливы и, несмотря на воспѣтое путешественниками гостепріимство, никогда не собираютъ къ себѣ своихъ

знакомыхъ безъ особыхъ побудительныхъ причинъ. Въ день перваго снѣга обычай даетъ право всякому заставить одного изъ своихъ знакомыхъ устроить угощеніе. Для этого нужно прежде всего написать на клочкѣ бумаги подходящіе стихи *).

Съ такой запиской, которая носитъ названіе „каръ-хатъ" (письмо о снѣгѣ), нужно отправиться въ домъ избраннаго знакомаго и вручить письмо по адресу такъ, чтобы самому не попасться въ руки хозяина.

Если хозяинъ, получивъ записку, сейчасъ же вспомнитъ, къ чему обязываетъ его полученіе извѣстія о первомъ снѣгѣ, то онъ можетъ постараться поймать вручившаго записку раньше, чѣмъ тотъ въѣдетъ въ свои ворота, и тогда, по обычаю, нерасторопный шутникъ самъ устраиваетъ не только угощеніе, но его еще предаютъ всеобщему осмѣянію: вымазываютъ ему лицо сажей, на туловище одѣваютъ, черезъ продѣланное по серединѣ отверстіе, камышевую циновку (буйра), садятъ на ишака лицомъ къ хвосту и въ такомъ видѣ возятъ по улицамъ. Въ туземной части города Ташкента мнѣ не случалось видѣть такихъ шествій, но врученіемъ записокъ каждый годъ, въ день перваго снѣга занимаются многіе изъ туземцевъ, преимущественно купеческая молодежь (байбача); по улицѣ цѣлое утро снуютъ всадники, догоняя другъ друга, и многіе скуповатые

---

*) Для примѣра привожу образчики подобныхъ стихотвореній, переведенныхъ мною одно съ арабскаго, другое съ персидскаго и третье съ тюркскаго языка.

1) Посылаю вамъ, о источникъ милости, письмо о снѣгѣ,
Ваши прекрасныя качества и добрый характеръ даютъ мнѣ увѣренность,
Что вы приготовите для насъ обильное, богатое угощеніе,
Слѣдуя древнему обычаю, исполняя обыкновеніе, завѣщанное нашими предками (араб.).

2) Снѣгъ выпалъ по волѣ Бога, Владыки величія,
Этотъ снѣгъ доставляетъ всѣмъ только одно удовольствіе.
Снѣгомъ осыпалъ насъ нашъ Господь.
Это письмо пусть дастъ вамъ вѣсть объ угощеніи,
Вы намъ устроите роскошный праздникъ, лучше прежнихъ.
Доставите намъ развлеченія, музыку, бачу, прекрасно поющаго и декламирующаго (тюркск.).

3) Снѣгъ выпалъ по волѣ Всевышняго,
Наше дѣло сообщить вамъ извѣстіе объ этомъ, а вамъ остается устроить угощеніе (персид.).

туземцы вынуждаются врученіемъ имъ „каръ-хатъ“ устроить у себя угощеніе.

Женская половина населенія, въ своей монотонной затворнической жизни, тоже отмѣчаетъ первый снѣгъ. Обычай „каръ-ягды“ (снѣгъ выпалъ), обязываетъ всѣхъ женщинъ, у которыхъ въ семьѣ со времени прошлогодняго перваго снѣга кто-нибудь умеръ, устраивать своимъ знакомымъ (женщинамъ, конечно) поминальное угощеніе (ашъ), во время котораго родственницы умершаго жалобно причитаютъ: „каръ ягды, сызъ кайда калдынгизъ“, т. е. снѣгъ выпалъ, а гдѣ же вы?—что, конечно, относится къ отошедшему въ вѣчность родственнику.

Въ туземной части города Ташкента въ день перваго снѣга весь городъ приходитъ въ движеніе, несмотря на то, что и небольшое количество снѣга разводитъ на пыльныхъ улицахъ солидный слой липкой лесовой грязи. Сартъ не тяготится грязью, утѣшаясь тѣмъ, что благовременный снѣжокъ благопріятно отразится на урожаѣ хлѣбовъ и будетъ способствовать устраненію дороговизны продуктовъ первой необходимости (кымматчиликъ).

Па-и малахъ.

Приведенныя въ заглавіи слова буквально означаютъ по-персидски „нога саранчи“, но у нашихъ таджиковъ употребляются въ переносномъ смыслѣ.

Коранъ считается у мусульманъ самою послѣднею и совершеннѣйшею изъ священныхъ книгъ; признавая вмѣстѣ съ тѣмъ „Тауратъ-и-Муса“ (Пятикнижіе Моисеево), „Забуръ-и-Даудъ“ (Псалмы Давида) и „Инджиль-и-Иса“ (Евангеліе), мусульманскіе богословы полагаютъ, что эти священныя книги подверглись злонамѣренному искаженію и христіане получили эти книги въ искаженномъ видѣ. Все необходимое изъ этихъ книгъ было включено для мусульманъ въ Коранъ, а потому они и могутъ ограничиваться его изученіемъ.

На ряду съ Кораномъ въ обращеніи у мусульманъ находятся книги, передающія библейскія сказанія съ значительными отступленіями отъ подлиннаго текста. Всѣ эти отступленія, объясняющіяся недостаточнымъ знакомствомъ Мухаммада съ священнымъ Писаніемъ, мусульмане толкуютъ по-своему и относятъ къ порчѣ священныхъ книгъ позднѣйшими плагіаторами.

Въ извѣстныхъ мусульманамъ разсказахъ изъ ветхаго за-

вѣта царю Соломону приписывается, между прочимъ, знаніе языка всѣхъ животныхъ. Приходя къ Соломону, всѣ животныя излагали передъ нимъ свои нужды и получали удовлетвореніе своихъ просьбъ. Каждый приходящій къ царю приносилъ ему въ даръ то, что считалъ самымъ лучшимъ и рѣдкимъ, а царь все принималъ съ одинаковымъ вниманіемъ.

Однажды понадобилось представиться царю и незначительному муравью (чумали). По своему достатку и силамъ, муравей нашелъ возможнымъ принести въ даръ повелителю найденную близь муравейника ногу саранчи, и даръ его былъ милостиво принятъ.

Случай съ муравьемъ послужилъ основаніемъ для обычая, въ силу котораго вѣжливый и льстивый таджикъ, посылая своему знакомому какой-нибудь подарокъ, дорогой или дешевый, пишетъ: „я посылаю вамъ ногу саранчи (па-и-малахъ) въ надеждѣ, что Вы примете мой незначительный даръ благосклонно". Что можно придумать еще болѣе характернаго для восточной вѣжливости?

Рукоплесканія у сартовскихъ женщинъ

Среди европейцевъ рукоплесканія примѣняются почти исключительно какъ выраженіе одобренія со стороны слушателей; въ рѣдкихъ случаяхъ, хлопая въ ладоши европеецъ призываетъ прислугу или даетъ знать, что наступило время для начала извѣстнаго дѣйствія.

Въ Средней Азіи туземныя женщины пользуются рукоплесканіями, для увеличенія шума, и безъ того вообще свойственнаго всякимъ перебранкамъ.

Нерѣдко можно наблюдать, какъ въ кишлакѣ сартянки изъ-за пустяковъ принимаются сначала спорить, а потомъ и бранится между собой; споръ двухъ женщинъ здѣсь никогда не кончается самъ собою, а всегда становится достояніемъ цѣлаго околотка, всей улицы. Стоитъ двумъ сосѣдкамъ крупно заговорить между собой, какъ изъ сосѣднихъ воротъ и калитокъ выползаютъ зрительницы дарового развлеченія и окружаютъ спорящихъ тѣснымъ кольцомъ. Толпа увеличивается; слышатся подстрекательства, женщины бранятся все обиднѣе и, наконецъ, въ самомъ разгарѣ ссоры, почти передъ дракой, раздаются громкія рукоплесканія. Это бьетъ въ ладоши одна изъ ссоряхщися женщинъ въ то время, какъ другая старается

подобрать для нея самыя обидныя выраженія. Громкія рукоплесканія заглушаютъ визгливый голосъ бранящейся и мѣшаютъ ей произвести на окружающихъ впечатлѣніе.

Такой способъ дискредитировать противницу, какъ говорятъ, примѣняется въ краѣ повсемѣстно.

Куса.

Наши среднеазіатскіе туземцы называютъ такъ людей безъ бороды и усовъ, представляющихъ нѣкоторое уродство среди расы съ хорошею растительностью на лицѣ.

Борода въ большомъ почетѣ у мусульманъ, сѣдая борода даетъ право на прозвище „аксакала“ *)—синонимъ старшинства, а волосы изъ бороды пророка (муи муборакъ) считаются святыней.

Понятно поэтому, что тому, кто въ зрѣломъ возрастѣ лишенъ бороды и усовъ, въ глазахъ окружающихъ недостаетъ многаго. Безусый и безбородый непріятно рѣжетъ глазъ и напоминаетъ своимъ видомъ прокаженныхъ, у которыхъ лица вслѣдствіе болѣзни тоже лишены растительности. Это усиливаетъ отвращеніе туземцевъ къ безбородымъ и безусымъ.

Слово „куса“ прибавляется къ имени безбородаго въ видѣ прозвища и произносится обыкновенно съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, какъ будто человѣкъ виноватъ въ томъ, что природа не надѣлила его волосами. Отсутствіе бороды до нѣкоторой степени подрываетъ у окружающихъ, если не довѣріе, то уваженіе къ человѣку.

Казалось-бы, при такихъ условіяхъ народныя преданія о происхожденіи безбородыхъ и безусыхъ людей должны былибы указывать на кару за грѣхи или что-нибудь подобное, слѣдствіемъ чего явились безобразные на видъ люди, внушающіе къ себѣ отвращеніе.

Однако, щедрое на поучительные вымыслы преданіе не говоритъ о происхожденіи „куса“ ничего для нихъ обиднаго. Они явились просто результатомъ ошибки или недоразумѣнія.

Очень давно, повѣствуетъ преданіе, когда на землѣ было гораздо больше злыхъ людей, чѣмъ теперь, большой караванъ путешественниковъ, мужчинъ и женщинъ, остановился на ночлегъ въ пустынѣ у источника. Слѣдившіе за движеніемъ кара-

*) Буквально: бѣлая борода.

вана степные разбойники выждали, пока всѣ въ степи уснули крѣпкимъ сномъ, а потомъ напали на сонныхъ путниковъ и, отрубивъ головы всѣмъ до единаго, завладѣли имуществомъ и вьючными животными каравана.

На разсвѣтѣ пророкъ Хызръ, *) проходя мимо, замѣтилъ лежащіе трупы и не преминулъ воспользоваться на пользу людямъ своею силою.

„Кумъ ба изи Алля“ (возстаньте по волѣ Аллаха), воскликнулъ Хызръ, и его могучее слово въ одинъ мигъ оживило погибшихъ отъ руки злодѣевъ.

Отсѣченныя головы, точно по волшебству, поднялись съ мѣста и помѣстились на плечахъ обезглавленныхъ труповъ. Люди ожили, но.... случайно головы женщинъ очутились на тѣлахъ мужчинъ, а мужскія головы пристали къ женскимъ туловищамъ.

Хызръ могъ оживить людей, призвавъ на помощь имя Божіе, но не въ его силахъ было измѣнить разъ сдѣланное и въ мірѣ появились бородатыя женщины и безбородые мужчины—„куса“. Туземцы вѣрятъ, что подобные аномальные субъекты являются потомками тѣхъ лицъ, которыя такъ неудачно оживлены въ пустынѣ пророкомъ Хызромъ, и сами передадутъ своимъ потомкамъ тѣ-же уклоненія отъ общаго типа.

Такъ объясняютъ происхожденіе „куса“ наши туземцы, склонные больше вѣрить наукѣ „миллятъ“, наукѣ неточной, не свободной отъ вымысла и чудесъ. Люди, болѣе положительные, вѣрящіе только въ „хикматъ“, мудрость или точную науку, отвергаютъ это объясненіе и приписываютъ происхожденіе безбородыхъ причинамъ чисто физіологическимъ.

У человѣка два слоя кожи, говорятъ они, и между этими двумя слоями находится жидкость—потъ. Черезъ микроскопическія отверстія верхней кожи потъ стремится выйти изъ междукожнаго пространства и, выходя наружу, стынетъ и затвердѣваетъ, давая начало росту волосъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда проводящія потъ отверстія почему-либо засоряются и не позволяютъ поту выходить наружу, кожа человѣка не покрывается волосами, почему и возможны случаи, когда человѣкъ и въ зрѣломъ возрастѣ бываетъ лишенъ растительности на лицѣ.

---

*) Подъ этимъ именемъ извѣстенъ у мусульманъ таинственный, невидимый вѣчно-живущій пророкъ, нѣкоторыми отожествляемый съ Энохомъ. Старецъ Хызръ является въ нужную минуту на помощь страждущимъ и, оказавъ помощь, становится снова невидимымъ.

Дождь.

Сидя въ обществѣ туземцевъ во время проливного дождя, я вспомнилъ, что у киргизъ есть повѣріе о призываніи дождя („яда"). Тамерланъ въ своей автобіографіи говоритъ:

„Мы поставили съ четырехъ сторонъ сторожевые посты и подъ ихъ прикрытіемъ провели ночь спокойно. Настало утро. Послѣ заклинаній „ядачи" *), находившихся въ войскѣ непріятеля, пошелъ сильный дождь, что намъ крайне повредило, затрудняя наше движеніе. Несмотря, однако, на это неудобство, я со своими богадурами **) началъ сраженіе, приказавъ трубить въ трубы. Вскорѣ намъ удалось поймать и убить накликавшихъ дождь „ядачей", и дождь тотчасъ-же прекратился".

Одинъ изъ присутствовавшихъ туземцевъ разсказывалъ, что есть симпатическое средство противъ дождя; можно прекратить дождь, если написать на клочкѣ бумаги имена „сорока плѣшивыхъ" и повѣсить на дерево. Замѣчаніе разсказчика вызвало оживленный смѣхъ всей компаніи, кромѣ нѣкоторыхъ почтенныхъ старцевъ, которые насупились. Мнѣ потомъ передавали, что они приняли на свой счетъ замѣчаніе о средствѣ противъ обильнаго дождя потому, что подъ ихъ чалмами скрывались довольно внушительныя лысины, а быдь лысымъ у сартовъ считается большимъ стыдомъ и лысину всегда тщательно скрываютъ.

Примѣта о 40 плѣшивыхъ заинтересовала меня потому, что въ Уфимской губерніи у крестьянъ въ ходу совершенно такое-же повѣріе: возможно, что восточная примѣта была заимствована русскими крестьянами по сосѣдству, изъ киргизской степи.

Два случая изъ жизни сартовъ г. Ташкента.

Въ дѣлѣ собиранія этнографическихъ матеріаловъ всякая мелочь имѣетъ значеніе для общей картины, а, между тѣмъ, часто характерныя мелочи, не будучи во-время отмѣчены, исчезаютъ безслѣдно. Нравы и характеръ сартовскаго народа служатъ до сего времени предметомъ изслѣдованія и, надо ска-

---

*) Призыватели дождя.

**) Богатырями.

єать правду, изслѣдователи, нерѣдко, слишкомъ торопятся перейти къ обобщеніямъ и дѣлаютъ мало обоснованные выводы.

Стотысячное населеніе туземной части г. Ташкента представляетъ богатый матеріалъ для наблюденій всякаго рода. Мнѣ пришлось, между прочимъ, наблюдать два характерныхъ случая изъ жизни нашихъ сартовъ.

Далеко за предѣлами махалле Захъ въ туземной части г. Ташкента васъ встрѣчаетъ тяжелый удушливый запахъ отъ расположенныхъ тамъ многочисленныхъ кожевенныхъ заводовъ. Одинъ изъ овраговъ усѣянъ сплошь вмазанными въ землю чугунными котлами, наполненными красноватой, вонючей жидкостью, въ которой полунагіе рабочіе мочатъ и мнутъ ночами кожи. Рабочіе эти не могутъ похвастаться здоровымъ видомъ, зарабатываютъ весьма ничтожную сумму и, повидимому, должны въ силу суровой жизненной обстановки, стоять на самой низкой степени нравственнаго развитія. Между тѣмъ, именно, одинъ изъ этахъ людей пожертвовалъ своей жизнью, спасая человѣка.

Однажды утромъ сартъ и сартянка собрались ѣхать „далага", т. е. за городъ, чтобы среди зелени отдохнуть отъ городской пыли и удушливой жары. Сартянка сѣла съ ребенкомъ въ арбу, а мужъ ея зачѣмъ то вернулся въ домъ. Въ это время выбѣжавшая неожиданно изъ-за дувала собака испугала лошадь, которая помчалась съ возрастающей быстротой по косогору къ расположенному внизу, базарчику; на первыхъ же саженяхъ спуска по довольно крутой горѣ уже не лошадь тащила арбу, а сама арба толкала все быстрѣе и быстрѣе лошадь. Сартянка въ отчаяніи выбросила ребенка, а сама понеслась дальше безъ всякой надежды на спасеніе. Въ эту минуту одинъ изъ рабочихъ сосѣдняго кожевеннаго завода, Инагамджанъ Салимбаевъ, бросился къ лошади и повисъ на поводѣ, намѣреваясь ее удержать; арба продолжала двигаться и ударила бѣднягу объ стѣну съ такою силою, что голова у него была разбита вдребезги. Между тѣмъ порвалась непрочная сбруя и лошадь помчалась далѣе уже одна, оставивъ арбу и до обморока испуганную женщину на мѣстѣ, рядомъ съ трупомъ Инагамджана. Товарищи рабочіе отнеслись къ смерти Инагамджана вполнѣ равнодушно: они продолжали мять кожи, а увидѣвъ кавалькаду чиновъ полиціи, прибывшихъ для производства дознанія, разбѣжались, чтобы отдѣлаться отъ допроса. Многолюдный оврагъ мигомъ опустѣлъ, какъ будто работы давно прекратились, такъ

что пришлось добывать свидѣтелей происшествія по одиночкѣ. Родственники убитаго, въ томъ числѣ и старушка мать, выразили полную покорность волѣ Аллаха, объясняя, что смерть пришла „Худа-данъ"—отъ Бога.

Другой случай изъ жизни сартовскихъ женщинъ. Тѣсны и узки рамки затворнической жизни туземки, но и подъ волосяной сѣткой (параиджи) можетъ биться сердце. Объ этомъ время отъ времени напоминаютъ случаи преступленій противъ нравственности въ средѣ туземныхъ женщинъ. Одна сартянка, послѣ смерти своего мужа 6 лѣтъ жила скромно, а затѣмъ увлеклась своимъ дальнимъ родственникомъ. Чтобы скрыть отъ глазъ всевидящихъ и всезнающихъ кумушекъ квартала свой позоръ, мать, почувствовавъ приближеніе родовъ, пошла на разсвѣтѣ въ пустой садъ, разрѣшилась на снѣгу живымъ ребенкомъ и тутъ же стала зарывать его въ землю. Въ это время послышался окрикъ проходившаго мимо сарта, мать бросила недоконченное погребеніе и убѣжала черезъ пустые сады, оставляя на снѣгу кровавую тропу. По этимъ слѣдамъ можетъ быть и не удалось бы обнаружить преступницу, но помогла старушка „достарханчи" [1]). Въ каждомъ махалля имѣется одна, а то нѣсколько такихъ старушекъ; жители махалля приглашаютъ такую старуху за ничтожное вознагражденіе на помощь при всякомъ семейномъ событіи. Родитъ сартянка—„достарханчи" служитъ повитухою; въ семьѣ торжество обрѣзанія или свадьба (той)—старуха выбивается изъ силъ, раздавая угощеніе приглашеннымъ и прислуживая; умерла въ семьѣ женщина—старуха убираетъ покойницу и помогаетъ домашнимъ. Благодаря этому такія старухи въ совершенствѣ знакомы съ интимною жизнью всѣхъ жителей своего махалле.

Воры и воровство въ г. Ташкентѣ.

Въ лѣтнее время въ русской части г. Ташкента ежегодно значительно увеличивается число дневныхъ и ночныхъ гражъ, при чемъ мѣстные жители обыкновенно обвиняютъ полицію въ томъ, что она не умѣетъ предупредить кражъ, разыскать воровъ и возвратить похищенное. Между тѣмъ въ нашей жизни не мало такихъ условій, которыя мѣшаютъ дѣйствіямъ полиціи по предупрежденію и обнаруженію кражъ.

[1]) Отъ слова „достарханъ"—угощеніе.

Придя въ Туркестанскій край, мы застали здѣсь весьма суровый режимъ мусульманскаго управленія. Въ ханскія времена воспрещалось выходить на улицу послѣ опредѣленнаго часа вечеромъ; всякаго идущаго по улицѣ въ ночное время, арестовывали туземные миршабы (ночные стражи) и представляли курбаши (начальнику полиціи), который, по своему усмотрѣнію, ограничивался внушеніемъ или за повторныя нарушенія принятаго порядка подвергалъ виновнаго наказанію. Такой порядокъ являлся насиліемъ надъ мирной частью населенія, но пріучая гражданъ къ правильной жизни, въ значительной степени гарантировалъ отъ кражъ имущество обывателей: воръ въ большинствѣ случаевъ попадался въ руки полиціи еще до совершенія преступленія.

Насколько предупредительная дѣятельность полиціи уменьшала число кражъ неустаннымъ надзоромъ, настолько и уголовный кодексъ устрашалъ воровъ своими жестокими наказаніями: уличеннаго въ воровствѣ обыкновенно наказывали отсѣченіемъ руки.

Препятствовала развитію воровства и замкнутая жизнь туземцевъ. Сартовское жилье доступно для посторонняго только въ наружной своей части (ташкари), войти же внутрь и не застать тамъ кого-нибудь во всякое время дня и ночи—положительно невозможно. Въ дѣлѣ огражденія своего имущества отъ кражъ туземцы всегда шли навстрѣчу заботамъ о нихъ администраціи. Сартъ никогда не привяжетъ свою лошадь на улицѣ, не станетъ при знакомыхъ людяхъ считать свои деньги, не остановится по дорогѣ въ незнакомомъ караванъ-сараѣ. Богатый сартъ старается скрыть свое благосостояніе, прилагаетъ всѣ усилія, чтобы ничѣмъ не выдѣляться изъ толпы, не бить въ глаза своимъ дорогимъ костюмомъ, не вводить вора въ грѣхъ. Къ пріѣзжему изъ другого города (муссафиру) сарты относятся первое время весьма осторожно; надъ нимъ устанавливается, хотя и негласное, но весьма зоркое наблюденіе самихъ обывателей; подъ такимъ присмотромъ и на умъ не придетъ красть да мошенничать. Въ прислугу къ себѣ туземецъ беретъ лишь хорошо ему извѣстнаго человѣка; въ большинствѣ случаевъ это—одинъ изъ его дальнихъ бѣдныхъ родственниковъ, а если родныхъ нѣтъ, то сартъ самъ себѣ приготовляетъ надежныхъ слугъ, воспитывая въ своемъ домѣ 2—3 мальчиковъ, которые живутъ у него всю жизнь, вполнѣ преданы своему хозяину и за гроши исполняютъ всѣ нехитрыя работы туземнаго обихода.

Часто хозяинъ снисходитъ до того, что отдаетъ за своего слугу одну изъ своихъ дочерей, роднится съ нимъ и принимаетъ его въ долю въ своихъ торговыхъ предпріятіяхъ или отдаетъ ему въ обработку свою землю. Все, что нужно для хозяйства, глава семьи заблаговременно пріобрѣтаетъ на базарѣ, не прибѣгая къ посредству слугъ, а тѣмъ болѣе, къ услугамъ разносчиковъ, которые приносили бы товаръ прямо къ нему на домъ. Такимъ образомъ, самая жизнь сартовъ сложилась крайне неблагопріятно для воровъ: воръ не знаетъ, что онъ можетъ найти въ данную минуту въ домѣ туземца; во внутреннемъ дворикѣ его непремѣнно встрѣтятъ преданные слуги и сумѣютъ отстоять имущество своего хозяина, а убѣжать забравшемуся во дворъ вору трудно, такъ какъ для этого надо перелѣзать черезъ заборы и прыгать съ опасностью для жизни по плоскимъ крышамъ жилыхъ построекъ. При этомъ всякій воръ, который рискуетъ идти красть у своего сосѣда, знаетъ, что если его поймаютъ, то онъ немедленно получитъ должное возмездіе отъ поймавшихъ его и будетъ жестоко избитъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, до извѣстной степени гарантируетъ туземца отъ кражъ, и онъ спокойно живетъ себѣ, загораживая входъ въ свою лавку разборнымъ щитомъ изъ досокъ или просто камышевой циновкой; въ туземной части Ташкента только недавно появились немудрые запоры.

Въ иныхъ условіяхъ находится европейская часть Ташкента. Русскимъ піонерамъ въ краѣ очень понравились сартовскіе обычаи; нашлись мечтатели, которые склонны были приписывать туземцамъ такую голубиную чистоту нравовъ, при которой нечего опасаться съ ихъ стороны посягательствъ на чужое добро. Такъ оно и было на первыхъ порахъ; офицеръ, не задумываясь, вручалъ дорогого коня совершенно невѣдомому для него „держишкѣ“, который, какъ истуканъ, ожидалъ выхода тюри изъ магазина, не помышляя о возможности уѣхать на чужомъ конѣ въ старый городъ; барыня, накупивъ на базарѣ кучу свертковъ съ припасами, не обинуясь, вручала свое добро „тащишкѣ“, который за 2 копейки тащилъ покупки черезъ весь городъ къ ея дому; словомъ, туземцы на первыхъ порахъ снискали себѣ полное довѣріе завоевателей. Но то было время, когда хотя ворамъ уже и не рубили рукъ и ногъ, но населеніе хорошо еще помнило мрачныя картины ханской расправы для укрѣпленія въ людяхъ нравственности и уваженія къ чужой собственности. Наши гуманные законы только понемногу стали

дѣлаться извѣстными туземцамъ: первый попавшійся воръ, посидѣвъ въ тюрьмѣ и убѣдившись, что всѣ его члены остались при немъ, вознесъ хвалу Аллаху за то, что для людей его профессіи наступили лучшія времена: нашлись подражатели, и старые порядки мало-по-малу стали изглаживаться изъ памяти населенія. Мы, русскіе, не приняли въ разсчетъ перемѣны обстановки, въ которой намъ приходится жить, и продолжаемъ безпечно относиться къ своему имуществу въ надеждѣ на то, что у насъ воровъ мало. Между тѣмъ воръ, который не рѣшился бы на кражу въ средѣ туземнаго населенія, отваживается на нее въ русскомъ городѣ, гдѣ его на каждомъ шагу наталкиваютъ на путь преступленія соблазны. Наши постройки позволяютъ всякому туземцу спокойно войти во дворъ и осмотрѣть заранѣе расположеніе жилыхъ и нежилыхъ помѣщеній: во дворѣ часто никого нѣтъ; въ домахъ большія окна на улицу, которыя въ лѣтній зной открываются настежь; всякій, кто захочетъ войти къ намъ въ домъ подъ предлогомъ продажи фруктовъ, птицы или мелочей, можетъ высмотрѣть заранѣе, гдѣ и что плохо лежитъ.

Въ прислугу къ себѣ мы часто беремъ людей, совершенно неизвѣстныхъ, и ограничиваемся заявленіемъ новаго слуги, что онъ „кокандскій человѣкъ", или что зовутъ его Ахметомъ. Взятый съ базара Ахметъ можетъ высмотрѣть, гдѣ вы храните цѣнныя вещи, и, обобравъ васъ, уйти въ свой кишлакъ, ничѣмъ не рискуя, такъ какъ найти его по примѣтамъ нѣтъ никакой возможности: онъ назвалъ себя кокандцемъ, а самъ въ Кокандѣ никогда не былъ; глаза, волосы, борода и одежда у него такіе же, какъ у большинства его единоплеменниковъ: воръ, спокойно живетъ себѣ гдѣ нибудь въ городѣ, подсмѣиваясь надъ довѣрчивостью русскихъ, которая по сартовски, конечно, будетъ объяснена наивностью, если не глупостью.

До введенія въ Ташкентѣ обязательнаго постановленія о регистраціи населенія европейской части города за пріѣзжими изъ другихъ городовъ слѣдили слабо: если самъ пріѣхавшій ничѣмъ о себѣ не заявлялъ, то полиція о немъ и не знала. Пріѣзжали нерѣдко люди, которымъ невыгодно было обнаруживать свое появленіе въ городѣ, обрабатывали публику, насколько удавалось, уѣзжали дальше, похваливая наши патріархальные обычаи и разсчитывая въ недалекомъ будущемъ снова посѣтить нашъ городъ.

Благопріятствуетъ также воровству то, что въ городѣ жи-

вутъ тысячи поденщиковъ—сартовъ, которые приходятъ въ Ташкентъ не только изъ сосѣднихъ уѣздовъ и областей, но даже изъ бухарскихъ вилайетовъ *). Въ пору горячихъ работъ на хлопковыхъ плантаціяхъ рабочій получаетъ по 80 к. въ день: туземецъ-поденщикъ прежде никогда и не помышлялъ о такой цѣнѣ. Стекающаяся въ Ташкентъ на заработки молодежь пріобрѣтаетъ такія средства, какихъ при скромной кишлачной жизни было бы достаточно чуть не на недѣлю; является стремленіе къ роскоши, къ пьянству, къ игрѣ, къ поѣздкамъ на извозчикахъ и разнымъ развлеченіямъ, которымъ туземецъ-поденщикъ предается можетъ быть впервые, со всей страстью своего южнаго темперамента. За мѣсяцъ спѣшныхъ работъ на хлопковыхъ плантаціяхъ поденщики привыкаютъ къ роскоши, но съ окончаніемъ этихъ работъ заработная плата понижается чуть не до 25 коп. Уходить къ себѣ домой въ кишлаки рабочимъ не хочется, потому что черезъ 1½ мѣсяца хлопководы снова будутъ нуждаться въ рабочей силѣ и снова на нѣкоторое время сильно поднимутъ мардакерскую **) плату. Молодежь остается въ городѣ и, въ ожиданіи высокой заработной платы, отказывается работать за тѣ 25—30 коп. въ день, которыя еще платятъ поденщику. Начинается воровство, слышатся еженочно полицейскіе свистки, кое кого ловятъ, а большинство скрывается, потому что однѣми полицейскими мѣрами нѣтъ никакой возможности прекратить хищническія дѣйствія всѣхъ темныхъ личностей города. Охраняющіе городъ по ночамъ полицейскіе и караульщики, при скудномъ освѣщеніи, не могутъ изловить вора, который часто не выходитъ на улицу, а пробирается въ сартовскій городъ гдѣ-нибудь задами, по берегу Чаули или другого арыка. Караульщики всю ночь оглашаютъ городъ звуками какой-то допотопной трещетки, но это только безпокоитъ мирныхъ гражданъ, а вору даетъ возможность прежде, чѣмъ спрыгнуть съ забора, въ переулокъ, прислушаться, какъ далеко отошелъ отъ него караульщикъ. Раіоны полицейскихъ постовъ довольно обширны: иному полицейскому поручается охрана двухъ-трехъ улицъ, и конечно онъ не въ состояніи всюду поспѣть во время. Большинство полицейскихъ сарты, и хотя они вполнѣ годны къ этой службѣ, трезвы и внимательны, но надѣяться на доброе желаніе каждаго изъ нихъ

*) Мнѣ пришлось встрѣтить около г. Ура-тюбе партію кара-тегинцевъ и дарвазцевъ, шедшихъ изъ Ташкента домой.

**) Мардакеръ-поденщикъ.

служить хорошо нельзя. Только при постоянномъ за ними надзорѣ полицейскій—сартъ будетъ смотрѣть въ оба, а караульщики станутъ чаще обходить свой участокъ вмѣсто того, чтобы сидѣть гдѣ нибудь подъ деревомъ, только покашливая, когда мимо проходитъ русскій тюря *). Надзоръ за полицейскими и караульщиками лежитъ на полиціймейстерѣ и двухъ городскихъ приставахъ, но они весь день завалены работой, и требовать отъ нихъ ежедневной ночной службы рѣшительно невозможно. Облегчить же трудную задачу полиціи въ значительной мѣрѣ могли бы сами обыватели, если бы они, для огражденія себя отъ посягательства на ихъ трудовое добро, принимали тѣ мѣры осторожности, которыя вошли въ обычай въ большихъ городахъ Европейской Россіи.

„Турпакъ салды".

Въ существующемъ въ Туркестанскомъ краѣ для туземцевъ народномъ судѣ, которому между прочимъ подсудны уголовныя дѣла о менѣе важныхъ преступленіяхъ, вовсе нѣтъ органовъ, соотвѣтствующихъ нашимъ слѣдователямъ.

По уголовному дѣлу подвѣдомственному русскому суду, потерпѣвшему для розысканія похищенной у него вещи достаточно заявить полиціи или слѣдователю, и затѣмъ уже потерпѣвшій не принимаетъ активнаго участія въ розыскѣ и долженъ ожидать результатовъ слѣдствія.

Въ народномъ судѣ исходъ дѣла зависитъ исключительно отъ самодѣятельности и старанія заинтересованнаго въ дѣлѣ лица. Потерпѣвшій долженъ указать суду виновнаго или заподозрѣннаго имъ, обязанъ позвать очевидцевъ преступленія или лицъ, могущихъ разъяснить, при какихъ обстоятельствахъ оно совершено, а суду остается только провѣрить и систематизировать тотъ матеріалъ, который представитъ потерпѣвшій. Въ засѣданіи народнаго суда опрашиваются свидѣтели, осматриваются вещественныя доказательства, а затѣмъ въ случаѣ надобности, предлагается обвиняемому принести присягу, что онъ не совершалъ преступленія, и дѣло заканчивается постановляемымъ судьею приговоромъ.

Такое отношеніе народнаго суда къ уголовнымъ преступленіямъ не только воспитало въ туземцахъ умѣнье безъ посто-

*) Господинъ.

ронней помощи разыскивать вора, но и пріучило туземцевъ выдвигать во всякомъ дѣлѣ на первой планъ не возмездіе преступнику за совершенное имъ преступленіе, а возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ преступленіемъ потерпѣвшему. Украли у туземца лошадь, онъ, никому не заявляя о пропажѣ, всѣми силами постарается найти ее; если застигнутый имъ конокрадъ безъ возраженій возвратитъ лошадь, то обыкновенно этимъ и кончается: нѣтъ надобности привлекать вора къ уголовной отвѣтственности, если причиненный имъ убытокъ возмѣщенъ.

Однажды мнѣ пришлось наблюдать обычный пріемъ обнаруженія украденнаго, безъ привлеченія къ отвѣтственности вора. Проѣзжая рано утромъ по небольшой улицѣ туземнаго города, я обратилъ вниманіе на толпу сартовъ, которые были, видимо, до крайности чѣмъ то заинтересованы. Вниманіе всѣхъ сосредоточивалось на небольшой площадкѣ, по которой, одинъ за другимъ проходили туземцы, пронося что-то въ полахъ своихъ халатовъ. Я пріостановился, чтобы выяснить, въ чѣмъ дѣло. Оказалось, что сарты переносятъ сухую землю изъ одной кучи и складываютъ ее въ другую. Одинъ изъ туземцевъ, къ которому я обратился за разъясненіями, сказалъ мнѣ, что это—„турпакъ салды", но такой отвѣтъ меня совершенно не удовлетворилъ, такъ какъ въ переводѣ эти слова означали, „землю положилъ", а я безъ того видѣлъ, что каждый сартъ пронесъ и положилъ въ кучу землю. Наконецъ длинный рядъ оригинальныхъ носильщиковъ прошелъ, и нѣсколько стариковъ, убѣленныхъ сѣдинами подошли къ вновь сложенной кучѣ земли и стали тщательно разрывать ее, внимательно пересматривая каждый комокъ земли, Вдругъ толпа загоготала и бросилась къ кучѣ, всякому хотѣлось быть поближе и что-то разсмотрѣть тамъ. Вниманіе присутствующихъ было привлечено сверткомъ, найденнымъ однимъ изъ стариковъ въ кучѣ земли; когда развернули бумагу, въ сверткѣ оказались деньги, которыя старикъ громко пересчиталъ и тутъ же вручилъ подошедшему къ нему торговцу мануфактурными товарами, денегъ оказалось 87 рублей съ копейками. Толпа сразу успокоилась и мало-по-малу стала расходиться.

Изъ объясненій туземцовъ я узналъ, что „турпакъ салды" издавна установленъ туземнымъ обычаемъ для отысканія украденныхъ вещей. Если у туземца украдены вещи или деньги, онъ принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы подъ рукой узнать, кѣмъ вещи или деньги похищены; онъ разспрашиваетъ сосѣдей о томъ,

кого они видѣли въ день совершенія кражи по близости отъ его дома, разсматриваетъ слѣды, если таковые остались у его двери, обѣщаетъ вознагражденіе („суюнча") тому кто, сообщитъ ему, гдѣ находятся пропавшіе вещи. Если эти мѣры не привели къ благопріятнымъ результатамъ, то потерпѣвшій ждетъ, не обнаружитъ ли себя воръ какими-нибудь необычайными расходами, новыми принадлежностями костюма, ждетъ отъ вора какого-нибудь ложнаго шага, который бы далъ противъ него улику. Часто благодаря такимъ розыскамъ въ рукахъ потерпѣвшаго оказываются данныя, достаточныя для привлеченія виновнаго къ суду шаріата. Но бываютъ случаи, когда потерпѣвшій увѣренъ только въ томъ, что кража совершена жителемъ такого то прихода (махалля), но за неимѣніемъ улики не можетъ указать виновнаго. Тогда то и прибѣгаютъ къ способу, называемому „турпакъ салды". Собирается все махалля, и всѣ жители одинъ за другимъ несутъ въ общую кучу въ полахъ своихъ халатовъ землю. Воръ, если въ немъ сохранилась еще совѣсть или если онъ, по нѣкоторымъ даннымъ, думаютъ что кража ему не пройдетъ даромъ, что его все равно изловятъ, можетъ очень удобно избавиться отъ поличнаго, положивъ его въ общую кучу съ землей. Если воръ это сдѣлаетъ, то украденная вещь возвращается потерпѣвшему, а объ удовлетвореніи правосудія никто не думаетъ, и воръ остается безнаказаннымъ.

Въ описываемомъ случаѣ у купца было украдено 90 рублей кредитными билетами. Послѣ тщетныхъ поисковъ онъ рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству—„турпакъ салды", который увѣнчался успѣхомъ: воръ изъ украденной суммы успѣлъ истратить менѣе 3-хъ рублей, а остальное понесъ въ кучу, чтобы раздѣлаться съ поличнымъ.

Туземцы любятъ разсказывать объ остроумныхъ пріемахъ примѣнявшихся въ былыя времена мусульманскими правительствами и судьями для обнаруженія преступленій.

Такъ, одному изъ своихъ казіевъ туземцы приписываютъ мудрое рѣшеніе царя Соломона; по ихъ версіи, двѣ женщины пришли къ казію судиться о ребенкѣ, котораго каждая изъ нихъ называла своимъ: казій приказалъ палачу подѣлить ребенка надвое и тѣмъ обнаружилъ настоящую мать ребенка.

Другому казію пришлось рѣшить дѣло о случившейся въ одномъ домѣ кражѣ драгоцѣнностей. По нѣкоторымъ даннымъ можно было заключить, что кража совершена кѣмъ то изъ постоянно живущихъ въ домѣ, а не пришедшимъ издалека воромъ.

Казій собралъ своихъ жителей дома, роздалъ имъ по небольшой палочкѣ одинаковой длины и отпустилъ, предупредивъ что у вора за ночь палочка вырастетъ на палецъ длины. На утро всѣмъ было приказано явиться вновь и принести съ собою розданныя палочки. Воръ не могъ придумать ничего лучшаго, какъ заблаговременно укоротить свою палочку на палецъ, чтобы, если она выростетъ, казій этого не замѣтилъ. Утромъ, когда всѣ собрались со своими палочками, укороченная палочка выдала вора. Разсказъ этотъ сильно напоминаетъ наши простонародные разсказы на тему „на ворѣ шапка горитъ".

А вотъ примѣръ находчивости казія при рѣшеніи запутаннаго дѣла. Одинъ рабъ убѣжалъ отъ своего хозяина въ другой городъ. Хозяинъ, прибывъ въ поискахъ раба въ тотъ городъ, гдѣ онъ скрывался, поймалъ его на базарѣ и хотѣлъ повести къ казію, но рабъ не долго думая схватилъ хозяина за полу халата и поднялъ шумъ; изъ его словъ, обращенныхъ къ хозяину, окружающіе заключили, что онъ самъ хозяинъ, поймавшій на базарѣ своего раба. Казій, къ которому поступило дѣло, не имѣлъ рѣшительно никакихъ данныхъ для правильнаго рѣшенія вопроса о томъ, кто изъ нихъ рабъ, а кто хозяинъ. Казій прибѣгнулъ къ хитрости: помѣстивъ обоихъ тяжущихся передъ окномъ, онъ приказалъ имъ выставить головы наружу и громко, такъ, чтобы оба слышали, отдалъ приказаніе палачу отрубить рабу голову; хозяинъ продолжалъ спокойно держать голову за окномъ, но рабъ, боясь удара, инстинктивно спряталъ голову въ окно и тѣмъ обнаружилъ свое настоящее званіе.

Мусульманскіе правители также иногда прибѣгали для открытія истины къ невиннымъ уловкамъ, которыя подчасъ оказывали весьма существенныя услуги правосудію. Такъ, одинъ ученый не отъ міра сего, отправляясь въ Мекку для поклоненія святынямъ, отдалъ на сохраненіе знакомому хозяину чай-хане нѣсколько золотыхъ монетъ, скопленныхъ имъ въ долгіе годы бережливой жизни. Покончивъ благополучно предписанный Кораномъ „хаджъ", ученый вернулся въ свой городъ и потребовалъ возврата сданныхъ имъ на храненіе денегъ. Но торговецъ съ такимъ апломбомъ отрицалъ пріемъ на храненіе золотыхъ монетъ, что всѣ окружающіе рѣшили, что ученый лжетъ и никакихъ денегъ не оставлялъ. Довѣрчивому ученому оставалось искать правосудія у царя. Мудрецъ описалъ подробно свое несчастіе и понесъ свой почтительный „арзъ" къ султану той мѣстности, гдѣ его обидѣли. Прочтя жалобу, султанъ приказалъ просителю

возвратиться въ свой городъ и сѣсть противъ чай—хане своего обидчика. „Такъ просидишь ты три дня, но ничего не говори съ хозяиномъ чайной лавки, а на четвертый день я самъ проѣду мимо тебя, поклонюсь тебѣ, а ты отвѣтивъ на мое привѣтствіе, ничего не говори мнѣ, что бы я тебя ни спрашивалъ“, сказалъ султанъ. Ученый возвратился въ свой городъ и точно исполнилъ все, что ему было приказано. На четвертый день на улицѣ, гдѣ скромно сидѣлъ старикъ, показалась толпа разодѣтыхъ джигитовъ, глашатаи возвѣстили, что самъ султанъ изволилъ слѣдовать по этой улицѣ въ сопровожденіи свиты и многочисленнаго конвоя. Засуетились городскія власти, подмели и полили пыльную улицу, а мудрецъ невозмутимо сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, не говоря ни съ кѣмъ ни слова.

Наконецъ показался царскій поѣздъ. Впереди, на статномъ арабскомъ жеребцѣ, покрытомъ дорогой попоной, медленно, торжественно подвигался маститый старецъ-султанъ въ блестѣвшемъ на солнцѣ дорогомъ парчевомъ халатѣ. Приблизившись и придержавъ своего коня, султанъ ласково сказалъ ученому, „и не грѣхъ это тебѣ, мудрый старче, никогда не заглянуть ко мнѣ, не поразсказать о томъ, какъ ты поживаешь“. Ученый почтительно склонилъ голову передъ своимъ повелителемъ, но ни слова ему не отвѣтилъ. Султанъ только будто за этимъ и пріѣзжалъ, двинулъ лошадь и уѣхалъ изъ города. Услышавъ слова султана, жадный хозяинъ чай-хане страшно испугался, что стоитъ ученому только захотѣть, и его обманъ сдѣлается извѣстнымъ строгому повелителю ихъ страны; лавочникъ подошелъ къ ученому и началъ его разспрашивать, при какихъ обстоятельствахъ были даны ему деньги; ученый повторилъ то, что говорилъ о деньгахъ раньше, и на этотъ разъ лавочникъ вспомнилъ, что дѣйствительно бралъ золотыя монеты и тотчасъ вернулъ ихъ ученому. Вотъ какое дѣйствіе произвели милостивыя слова, обращенныя султаномъ къ старику ученому.

«Аши-халяль».

Въ Коранѣ содержатся весьма обстоятельныя указанія, что дозволено мусульманамъ въ пищу, и что запрещено. Позднѣйшіе мусульманскіе толковники немало поработали надъ развитіемъ основныхъ положеній по этому вопросу, и на тему о дозволенномъ и запрещенномъ написанъ рядъ глубокомысленныхъ изслѣдованій. Ученые стараются не только разъяснить признаки

недозволенныхъ въ пищу продуктовъ, но и предусмотрѣть всѣ частные случаи, когда пищевые продукты могутъ возбудить сомнѣніе, подробно разбирая пріемы для точнаго опредѣленія качества пищи; въ этихъ схоластическихъ трактатахъ, напримѣръ, подробно разбирается вопросъ, какъ слѣдуетъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда вода въ колодцѣ станетъ негодной къ употребленію, нечистой, вслѣдствіе загрязненія ея брошеннымъ туда трупомъ кошки, причемъ точно опредѣляется, сколько ведеръ воды необходимо вычерпать изъ колодца, прежде чѣмъ пользоваться имъ по-прежнему.

Подробныя постановленія о пищѣ и питьѣ входятъ въ программу воспитанія мусульманскаго юношества, и образованный, благочестивый мусульманинъ съ большой осторожностью разбираетъ, что можно и чего нельзя ѣсть и пить. Нарушеніе постановленій о пищѣ составляетъ грѣхъ (гунахъ), за который опредѣлены строгія наказанія.

Есть однако среди мусульманъ и такіе, которые, не довольствуясь исполненіемъ общепринятыхъ по отношенію къ пищѣ правилъ, стремятся найти для себя самую чистую пищу (аши-халяль), которая очищала бы самого вкушающаго, приносила бы ему счастье и давала здоровье. Въ этомъ исканіи лучшаго, уже не довольствуются тѣмъ, что предлагаемая пища вообще состоитъ изъ продуктовъ дозволенныхъ, а входятъ въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, какими средствами эта пища добыта и насколько законны способы ея пріобрѣтенія. Понятно, что уяснить себѣ вполнѣ точно происхожденіе пищевыхъ продуктовъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ весьма трудно, но старанія мусульманскихъ идеалистовъ этой категоріи приводятъ всетаки къ извѣстнымъ результатамъ.

Народъ признаетъ чистой пищей только пріобрѣтенное личнымъ трудомъ и честно заработанное, а идеаломъ въ этомъ отношеніи считаетъ кушанья, собираемыя по дворамъ сельскимъ пастухомъ.

Въ таджикскихъ селеніяхъ Ура-тюбинскаго участка пастухъ сельскаго стада, по обычаю, получаетъ вознагражденіе готовой пищей; такъ какъ, бродя цѣлый день за стадомъ, онъ не можетъ приготовить себѣ горячей пищи, то хозяйки оставляютъ на его долю немного изъ тѣхъ кушаній, которыми довольствуютъ свою семью. Пригнавъ съ заходомъ солнца стадо въ селеніе, пастухъ обходитъ дворы съ посудиной изъ тыквы-горлянки (ашъ-кавакъ) и громко кричитъ у каждыхъ воротъ: „аши-халяль“, что бук-

вольно значитъ, „чистая пища". Нѣкоторыя болѣе экономныя хозяйки дѣлаютъ видъ, что не слышатъ этого возгласа, но тѣмъ не менѣе къ концу обхода горлянка пастуха до верху наполняется пищею. Къ счастью, пища бѣдныхъ туземцевъ крайне однообразна, и въ извѣстное время года во всѣхъ дворахъ варится почти одно и то же, какая-нибудь похлебка изъ чечевицы („машъ"), слегка заправленная молокомъ, или кашица изъ риса, сдобренная бараньимъ саломъ. Поэтому, образующаяся въ горлянкѣ пастуха смѣсь остается всетаки съѣдобной. Прикусывая поданныя вмѣстѣ съ жидкимъ варевомъ черствыя лепешки, пастухъ можетъ утолить свой голодъ собранной пищей, болѣе „чистой", чѣмъ вкусной. Въ рукахъ пастуха эта пища становится чистой, потому, что онъ пріобрѣтаетъ ее свободнымъ отъ всякаго обмана и ухищреній, тяжелымъ личнымъ трудомъ. Въ этомъ преимущество труда пастуха передъ другими занятіями, даже передъ весьма почитаемымъ у туземцевъ земледѣліемъ.

Въ селеніи Верхній Дальянъ Ходжентскаго уѣзда, гдѣ я жилъ одно лѣто съ семьей, мнѣ приходилось видѣть, какъ нашъ хозяинъ, богатый земледѣлецъ, останавливалъ вечеромъ обходившаго селеніе пастуха, бралъ у него ложку и, хлебнувъ нѣсколько разъ изъ висѣвшей на поясѣ пастуха горлянки, благоговѣйно поглаживалъ свою сѣдую бороду. На мои разспросы хозяинъ объяснилъ, что пища пастуха—самая „чистая" пища, и вкушающему ее она сообщаетъ чистоту, здоровье и счастье.

Кошка въ колодцѣ.

По шаріату вода колодца, въ которомъ утонуло какое нибудь животное, становится поганой (харамъ) и негодной для питья. Поэтому, когда однажды въ одномъ изъ колодцевъ махалля Пчакчи Кукчинской части города Ташкента была найдена дохлая кошка, то всѣ сосѣди, пользовавшіеся изъ этого колодца водою, пришли въ смятеніе, тѣмъ болѣе, что случилось это зимою, когда въ арыкахъ воды не бываетъ, и приходится брать воду исключительно изъ вырытыхъ городскимъ управленіемъ колодцевъ.

Прежде, чѣмъ предпринять что либо, жители махалля рѣшили спросить совѣта ученыхъ (патва): какъ слѣдуетъ по ша-

ріату поступить, чтобы сдѣлать чистою (халяль) воду колодца, гдѣ передъ тѣмъ утонула кошка. Пятидесятникъ отправился къ казію, по просьбѣ котораго муфтіи подыскали въ книгѣ „Мухтассаръ-уль-викоя“ въ главѣ „тааратъ“ (очищеніе), въ отдѣлѣ „о колодцахъ“ слѣдующій отвѣтъ на поставленный имъ вопросъ:

„Если въ колодецъ упадетъ что-нибудь нечистое, или утонетъ животное и трупъ его распухнетъ или разложится, то для того, чтобы сдѣлать воду колодца вновь годной для питья необходимо вычерпать изъ колодца всю воду. Если же это окажется невозможнымъ, потому что колодецъ, по мѣрѣ удаленія воды, снова будетъ наполняться, то слѣдуетъ отобрать показанія двухъ свѣдущихъ людей, знающихъ хорошо колодцы, сколько приблизительно ведеръ воды можетъ быть въ данномъ колодцѣ, и, согласно этому указанію, вычерпать необходимое число ведеръ. Если въ колодцѣ утонетъ человѣкъ, собака, баранъ или тому подобное животное, то все равно, распухнетъ или не распухнетъ трупъ, надо вычерпать изъ колодца всю воду или столько ведеръ, сколько опредѣлятъ приглашенные эксперты. Если въ колодцѣ утонетъ курица или тому подобное и трупъ распухнетъ, то надо поступить, какъ выше указано, если же не распухнетъ, то надо вычерпать 40 „далю“ (далю=2 ведрамъ) воды, и остальная вода будетъ годна для питья (халяль), если же вычерпать 60 „далю“, то это будетъ еще лучше и составитъ похвальный поступокъ (савабъ). Если въ колодецъ попадетъ воробей или т. п., то необходимо вычерпать 20 „далю“ воды, чтобы сдѣлать воду „халяль“, и 30 далю, чтобы совершить похвальный поступокъ („савабъ“). Ведро слѣдуетъ считать средней величины и, если такого средняго ведра подъ рукой не окажется, то вычерпывая воду малыми или большими ведрами, слѣдуетъ приводить счетъ къ ведрамъ средней величины. Относительно того, съ какого времени слѣдуетъ считать поганою (харамъ) воду колодца, гдѣ утонуло какое-нибудь животное, мнѣнія ученыхъ законовѣдовъ расходятся, а именно: Имамъ Аксамъ полагаетъ, что если извѣстно время паденія въ колодецъ предмета, опоганившаго воду, то и вода считается поганою съ этого времени, если же время паденія неизвѣстно, и изъ колодца добытъ распухшій или разложившійся трупъ животнаго, то нечистой воду слѣдуетъ считать за три дня и три ночи до вынутія трупа. Имаммайнъ (два другіе законовѣда Имамъ Мухаммадъ и Абу Юсуфъ) въ послѣднемъ случаѣ совѣ-

туютъ считать воду колодца поганою только съ того момента, когда изъ воды вынутъ трупъ животнаго, а не раньше *)".

Съ такимъ ривоятомъ **) въ рукахъ пятидесятникъ, освободившись отъ всякихъ сомнѣній, могъ приступить къ дѣлу и очистить колодецъ съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей.

Суюшъ-пуюшъ ***).

— „Я бы долженъ былъ по случаю вашего пріѣзда непремѣнно зарѣзать барана", говорилъ мнѣ гостепріимный киргизъ, хозяинъ аула, „но, вы сами знаете, скотъ въ горахъ, а вы торопитесь", конфузливо закончилъ онъ свою рѣчь.

Такіе вступительные разговоры приходится слышать только въ предгорьяхъ Хорассанскаго хребта, среди обѣднѣвшихъ отъ тѣсноты пастбищъ и до нѣкоторой степени измельчавшихъ киргизъ, гдѣ небогатый хозяинъ стремится съ одной стороны выказать свое уваженіе къ пріѣзжему „тюрѣ", а съ другой сохранить въ небольшомъ гуртѣ лишняго барашка.

На сѣверѣ, между коренными киргизами—ордынцами, совершенно не принято разговаривать съ гостемъ объ угощеніи или соображать, какъ скоро гость собирается уѣхать. Степной киргизъ, встрѣчая гостя у себя въ аулѣ, старается какъ можно вѣжливѣе помочь пріѣзжему сойти съ коня, усадить его противъ входа въ лучшей юртѣ, предназначенной для пріема посѣтителей, и какъ можно скорѣе поставить подносъ съ хлѣбомъ, баурсакомъ ****) или достарханомъ *****), смотря по достатку хозяина и по положенію гостя.

Тѣмъ временемъ члены семьи, безъ всякаго приказанія, то-

---

*) Въ этой же главѣ имѣются указанія и относительно „Салкутъ"—остатковъ отъ пищи животныхъ. Остатки пищи, которую ѣлъ человѣкъ или лошадь или вообще животное,, мясо котораго разрѣшено въ пищу, считаются дозволенными „халяль"; остатки пищи хищныхъ животныхъ безусловно поганы (харамъ), а остатки пищи кошки, домашней курицы, ловчей птицы, а также мыши и живущей въ домѣ змѣи—„макрухъ", не одобрены религіей.

**) Справкой изъ закона.

***) „Суюшъ" по тюркски значитъ: закланіе, зарѣзаніе барана для приготовленія въ пищу; второе слово „пуюшъ" само по себѣ ничего не значитъ и прибавляетсп только для созвучія охочими до рифмъ киргизами. „Суюшъ-пуюшъ"—угощеніе нарочно зарѣзаннымъ бараномъ.

****) Кусочки тѣста, жареные въ бараньемъ салѣ.

*****) Сушеные фрукты и сласти.

ропятся доставить въ аулъ для угощенія барана, и хозяинъ самъ вводитъ его въ юрту, ожидая отъ гостя только „паты“ *), а вскорѣ затѣмъ гостю подносятъ громадныя блюда вареннаго и жаренаго мяса.

Пишущій эти строки много лѣтъ тому назадъ имѣлъ случай наблюдать киргизское гостепріимство въ Перовской степи. Пришлось остановиться въ землянкѣ стараго киргиза Мусука и при самой фантастической обстановкѣ, при свѣтѣ едва мерцающаго „чирака“ видѣть сцену привода барана и дальнѣйшія подробности угощенія. Время было зимнее, на дворѣ трещалъ морозъ, и потому барана рѣзали тутъ же въ землянкѣ и тутъ же готовили изъ него пищу.

Дальше на югъ, въ Чимкентскомъ уѣздѣ, также твердо держится этотъ обычай, несмотря на то, что многія стороны „адата“ **) уже подверглись серьезнымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ новой обстановки, новыхъ условій жизни.

Въ данномъ случаѣ сама жизнь способствуетъ сохраненію обычая гостепріимства во всей его чистотѣ и неприкосновенности. Внутренняя жизнь степного аула и теперь такая же, какъ была тысячу лѣтъ тому назадъ. Не измѣнились ни родовыя отношенія близкаго круга одноаульцевъ, ни причины, вызвавшія когда-то у кочевниковъ сознаніе необходимости и обязательности гостепріимства.

Безпредѣльныя пространства степи, гдѣ на десятки верстъ не слышно голоса человѣческаго, заставляютъ путника съ замираніемъ сердца ждать возможности найти гдѣ-нибудь пріютъ, заставляютъ и случайно находящагося на мѣстѣ киргиза совершенно искренно радоваться появленію въ аулѣ свѣжаго человѣка, гостя, по киргизскому выраженію „Божьяго посла“.

Въ степи нѣтъ газетъ, сведенные судьбой въ одно общежитіе родственники—одноаульцы успѣли надоѣсть другъ другу своими мелкими дрязгами, а желаніе узнать что-нибудь новое, подѣлиться своими мыслями съ свѣжимъ человѣкомъ присуще всякому. Поэтому пріѣздъ гостя—радостное событіе для всего населенія аула. Долго потомъ вспоминаютъ о немъ киргизы,

---

*) „Пата“, по сартовски „фатиха“, - краткая разрѣшительная молитва съ поглаживаніемъ бороды ладонями рукъ; въ этой молитвѣ высказывается благодарность за оказанный почетъ и пожеланіе гостепріимному хозяину благоденствія и богатства.

**) Обычай.

пріурочивая къ нему разныя событія своей жизни. Такъ у киргизъ часто встрѣчаются имена, оканчивающіяся на „кильды" *) вродѣ Туракильды, Ходжакильды и т. п.: все это замѣтки, свидѣтельствующія о совпаденіи дня рожденія ребенка съ пріѣздомъ въ аулъ какого-нибудь замѣчательнаго гостя. Другія мелкія событія въ аулѣ также обыкновенно пріурочиваются къ пріѣзду гостя; „это было тогда, когда мы принимали такого то бія или волостного," — говорятъ въ аулѣ долго послѣ самаго пріема, желая точнѣе опредѣлить время какого-нибудь случая.

Принимаетъ гостя въ аулѣ кто-нибудь одинъ, къ кому прибылъ пріѣзжій по дѣлу или завернулъ по дорогѣ на ночлегъ. Тѣмъ не менѣе въ пріемѣ гостя принимаетъ живѣйшее участіе весь аулъ. На встрѣчу высыпаетъ толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, всѣ на перерывъ стараются что-нибудь узнать о пріѣзжемъ, посудить о его наружности, лошади, сѣдлѣ.

Хозяинъ принимающій гостя, зарѣзалъ барана и, конечно, гость не можетъ съѣсть всего мяса: поэтому одноаульцы являются необходимыми участниками торжества. Кого зовутъ, а кто и самъ за другими идетъ на пиръ, въ увѣренности, что и его не прогонятъ изъ общей компаніи, а при случаѣ и угостятъ несовсѣмъ еще обглоданной костью.

Солидно разсаживаются киргизы въ юртѣ, строго соблюдая обычай мѣстничества. Каждый изъ вѣжливости садится какъ можно ниже, начиная отъ двери юрты въ стороны, ожидая, что вновь входящіе попросятъ, кого нужно, пересѣсть повыше. Таковъ простой пріемъ, чтобы не уронить и своего достоинства и не обидѣть кого-нибудь постарше лѣтами, побогаче, поважнѣе. Взаимная вѣжливость приводитъ къ тому, чти каждый изъ вошедшихъ въ юрту, направляемый ниже сидящими, занимаетъ въ кругу какъ разъ подобающее мѣсто.

Никто не измѣняетъ чинности и солидности, никто не проявляетъ торопливости въ ѣдѣ: даже обладающіе звѣрскимъ аппетитомъ дѣлаютъ такой видъ, что они ѣдятъ только изъ вѣжливости.

Еще до угощенія, стараются, не утомляя гостя, понемногу заставить его разговориться, чтобы вывѣдать отъ него все, что привезъ онъ съ собою новаго. Разспрашиваютъ неторопливо. О себѣ и своихъ дѣлахъ стараются не упоминать вовсе, а каждое слово гостя запоминается внимательно какъ сидящими въ

*) Пріѣхалъ.

юртѣ, такъ и незваными на пиръ, облѣпившими юрту, какъ мухи, снаружи.

Принимая пріѣзжаго, хозяинъ сразу пріобрѣтаетъ много выгодъ: покормивъ гостя, онъ получаетъ право въ свою очередь, при случаѣ, побывать и у него въ гостяхъ; покормивъ одноаульцевъ, онъ пріобрѣтаетъ неоспоримое право почетнаго участія на угощеніяхъ у другихъ, когда на ихъ долю выпадетъ случай принимать гостя; наконецъ, хозяинъ пира изъ первоисточника черпаетъ всевозможныя интересныя для него свѣдѣнія о подробностяхъ жизни сосѣдей и отдаленныхъ сородичей. При такихъ условіяхъ, даже самый разсчетливый скотоводъ не пожалѣетъ зарѣзать въ честь гостя лучшаго барана изъ своего стада.

Между киргизами, какъ и вообще между туземцами, совершается непрерывный обмѣнъ гостепріимствомъ и, такъ какъ всѣ угощенія въ восточномъ вкусѣ стоятъ не дорого даже при значительномъ числѣ приглашенныхъ, то расходъ на пріемъ гостей въ бюджетѣ туземца не составляетъ замѣтной статьи. Вотъ почему туземецъ и самъ охотно идетъ въ гости къ знакомому, и къ себѣ зоветъ по очереди своихъ друзей.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находятся въ отношеніи гостепріимства русскіе, особенно служащіе. За неимѣніемъ въ селеніяхъ заѣзжихъ домовъ или постоялыхъ дворовъ, пріѣзжающіе даже въ кишлакахъ вынуждены искать гостепріимства и ночлега подъ кровомъ какого-нибудь частнаго лица изъ туземцевъ.

Служащій, обыкновенно посѣщающій кшилаки или аулы, въ сопровожденіи одного изъ представителей низшей туземной администраціи, останавливается тамъ, гдѣ укажетъ его проводникъ; частному же человѣку приходится нерѣдко испытывать серьезныя затрудненія прежде, чѣмъ удастся пріискать что-нибудь получше открытой для всѣхъ вѣтровъ чай-хане.

Послѣ того, какъ такъ или иначе будетъ найденъ ночлегъ, гдѣ можно укрыться отъ непогоды, вопросъ о питаніи путешественника можетъ быть разрѣшенъ только въ зависимости отъ гостепріимства хозяина, который принимаетъ русскаго гостя такъ же, какъ соплеменника и единовѣрца.

Сартъ въ кишлакѣ считаетъ своимъ долгомъ, кромѣ угощенія чаемъ, хлѣбомъ и фруктами, накормить пріѣзжаго любимымъ блюдомъ нашихъ туземцевъ „палау“. Киргизъ, по обычаю, рѣжетъ барана, чтобы предложить гостю баранину во всѣхъ видахъ; въ степи больше нечѣмъ потчевать гостя.

Въ томъ и другомъ случаѣ, отказаться отъ угощенія значило

бы грубо оскорбить хозяина и сильно сконфузить его въ глазахъ его сосѣдей; принять же угощеніе не всегда удобно потому, что вамъ не позволятъ расплатиться за харчи. Васъ угощаютъ, какъ знакомаго, хотя и видятъ впервые, а въ большинствѣ случаевъ, по незнанію русскаго языка, лишены возможности даже поговорить съ вами. Приходится быть невольнымъ гостемъ и принимать угощеніе въ незнакомомъ домѣ.

Въ гостяхъ у осѣдлаго сарта—кишлачника можно еще про себя подсчитать произведенныя на пріемъ затраты и на эту приблизительно опредѣленную сумму одарить мелочью дѣтей хозяина.

Но разсчитаться съ киргизомъ, жертвующимъ для гостя цѣлымъ бараномъ, гораздо труднѣе. Принять на себя плату за цѣлаго барана было бы черезчуръ щедро, это значило бы заплатить за угощеніе цѣлаго аула. Заплатить же по стоимости угощенія, даже въ видѣ подарка дѣтямъ, нельзя потому, что подарокъ получается незначительный, совѣстно дарить. Приходится переплачивать лишнее и все-таки покидать гостепріимный аулъ съ сознаніемъ, что не можешь, какъ слѣдуетъ, вознаградить за причиненное безпокойство.

Неудобство такой зависимости проѣзжихъ отъ гостепріимства частныхъ лицъ неоднократно уже обсуждалось и мѣстами принимались мѣры, чтобы обезпечить пристанищемъ хотя бы только служащихъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области, въ началѣ семидисятыхъ годовъ были устроены такъ называемыя волостныя квартиры, своего рода „гостинницы въ степи“, гдѣ проѣзжающіе по служебнымъ дѣламъ могли найти убѣжище въ непогоду и все необходимое для остановки и ночлега. Къ сожалѣнію, эти пріюты просуществовали видимо недолго и теперьтолько въ архивныхъ дѣлахъ можно найти указанія на хлопоты по устройству квартиръ въ каждой волости, въ раіонѣ зимовыхъ стойбищъ, на мірскія складки для этой надобности и на выборъ мѣстъ для квартиръ.

Между тѣмъ въ наше время положеніе путника въ туземной средѣ нисколько не измѣнилось: и теперь, какъ прежде, приходится попадать въ гости къ совершенно незнакомымъ людямъ, не имѣя возможности вознаградить ихъ за причиненныя хлопоты. Слѣдовало бы позаботиться объ устройствѣ въ Туркестанскомъ краѣ такихъ же земскихъ квартиръ, какія въ губерніяхъ внутренней Россіи имѣются въ деревняхъ для остановокъ пріѣзжающихъ по службѣ.

Изъ киргизской жизни.

Поѣздки по степи, скитанія между киргизами далеко не представляютъ изъ себя parties de plaisir. Не мало лишеній и зимой, и лѣтомъ приходится переносить путешествующему верхомъ. Однѣ ночевки въ грязныхъ юртахъ и вѣчный кавардакъ *) къ обѣду и ужину могутъ извести человѣка въ конецъ, а про скуку пребыванія въ обществѣ однихъ только киргизъ и говорить нечего. Немного разнообразятъ поѣздки только особенности степного, не тронутаго культурою быта нашихъ киргизъ-кочевниковъ. Вся ихъ жизнь носитъ до сихъ поръ такой патріархальный характеръ, что утомленные повседневной сутолокой культурной жизни нервы, замѣтно успокаиваются въ степи, гдѣ нѣтъ неотложныхъ заботъ, торопливой суеты и мозгового переутомленія. Здѣсь нѣтъ неврастеніи, здѣсь всѣ обладаютъ ровнымъ и веселымъ расположеніемъ духа, а разъ человѣкъ здоровъ и сытъ, разъ скотъ его также здоровъ—человѣкъ счастливъ.

Пожалуй даже здоровье скота надо поставить на первое мѣсто. Киргизъ, встрѣчаясь въ степи съ другимъ киргизомъ, считаетъ долгомъ привѣтствовать встрѣчнаго словами: „малъ, джанъ, амамба?“, что значитъ: „скотъ, люди, здоровы-ли?“ Въ этомъ привѣтствіи, совсѣмъ не похожемъ на религіозное привѣтствіе сартовъ „асъ-саляму-алейкумъ“ (миръ вамъ), нѣтъ ни ханжества, ни подобострастія; человѣкъ задаетъ другому совершенно обыденный, простой вопросъ и справляется о томъ, что составляетъ самое важное въ жизни—о здоровьи: сначала скота, дающаго средства къ существованію людямъ, а затѣмъ самихъ людей, окружающихъ спрошеннаго. Кочевникъ не обижается, что здоровье скота интересуетъ привѣтствующаго больше, чѣмъ здоровье людей: онъ знаетъ, какое существенное, первенствующее значеніе въ его жизни имѣетъ благополучіе его стада. Между мужчинами привѣтствіе обыкновенно ограничивается произнесеніемъ приведенной фразы. Женщина же оказываетъ мужчинѣ, особенно пожилому, больше почтенія. Встрѣчаясь съ мужчиной, киргизка не произноситъ привѣтствія; это показалось бы излишней развязностью. Видя движущагося по дорогѣ мужчину, киргизка должна остановиться и не перехо-

*) Блюдо изъ баранины, нарѣзанной мелкими кусками и изжаренной въ котлѣ безъ всякихъ приправъ, въ собственномъ соку.

дить дорогу ѣдущему или идущему. Вошедшая недавно въ семью мужа сноха или невѣстка („килинъ", какъ зовутъ киргизы такихъ молодицъ) еще больше должна выказывать смиренія при встрѣчѣ съ пожилымъ мужчиною. Однажды мнѣ пришлось проѣзжать мимо аула съ пожилымъ почтеннымъ волостнымъ управителемъ Кочкаратинской волости Чимкентскаго уѣзда и мой спутникъ попросилъ напиться у молодой киргизки, шедшей отъ ключа съ ведромъ изъ тыквы-горлянки (ашъ-кавакъ). Киргизка, подавая ведро волостному, граціозно опустилась на правое колѣно и поднялась только тогда, когда онъ принялъ отъ нея ведро. Преклоняетъ колѣна только невѣстка или сноха („килинъ"), и только до истеченія года со времени замужества, послѣ этого она сравнивается съ остальными женщинами. Цѣлый годъ учится женщина смиренію въ своей новой роли послушной рабы, рѣзко противоположной свободѣ въ положеніи дѣвицы.

Мужчина—киргизъ, вообще мало почтителенъ. Заимствованное отъ сартовъ слѣзаніе съ лошади и прикладываніе рукъ къ животу *) выходитъ у киргизъ такъ неуклюже, что сразу замѣтна непривычка степного человѣка кланяться кому-бы то ни было. Однако, есть случаи, когда приходится и киргизу выказывать почтеніе. Въ той же Кочкаратинской волости, за Буралдаевскими горами есть чтимая киргизами могила святого „Кочкаръ-ата"; мѣсто погребенія почитаемаго всѣми предка, обозначено старинною полуразвалившеюся постройкою изъ обломковъ выломаннаго тутъ—же плитняка. Когда мимо этой могилы проѣзжаетъ партія верховыхъ киргизъ, всѣ они быстро слѣзаютъ съ лошадей саженъ за 50 до могилы и проводятъ лошадей въ поводу до самой надгробной постройки. Здѣсь, за небольшое вознагражденіе, мулла—сартъ, живущій при невысокой мечети у могилы, готовъ прочесть въ честь Кочкаръ-ата главу корана, и путники чинно усаживаются въ рядъ, благоговѣйно выслушиваютъ декламацію гнусаваго служителя Мухаммада, по окончаніи чтенія снова берутъ въ поводъ лошадей, проводятъ ихъ еще саженъ 50 и только тогда садятся. Лица проѣзжающихъ мимо знаменитой могилы выражаютъ скорѣе суевѣрный страхъ, чѣмъ благоговѣніе, и это, пожалуй, единственный случай, когда киргизъ является почтительнымъ по собственной иниціативѣ. Религіозный страхъ передъ высшимъ

*) „Кулдученье", какъ насмѣшливо зовутъ русскіе привѣтствіе киргизъ,— отъ слова „куллукъ", въ смыслѣ поклонъ.

существомъ и передъ невидимыми силами заставляетъ киргиза соображать свои дѣйствія съ quasi—религіозными правилами, преподанными кочевникамъ странствующими ишанами *) изъ татаръ и сартовъ во время ихъ поѣздокъ по степнымъ ауламъ для собиранія пожертвованій на богоугодныя дѣла и въ пользу самого наставника. Изъ разсказовъ муллъ про невидимаго пророка Хызра, постоянно пребывающаго въ мірѣ и изрѣдка принимающаго тѣлесный образъ, чтобы показаться избраннымъ вѣрующимъ, киргизы знаютъ, что пророкъ этотъ имѣетъ обыкновеніе утромъ идти впереди стада барановъ, а вечеромъ позади. Поэтому суевѣрный киргизъ, встрѣчаясь со стадомъ барановъ, утромъ объѣзжаетъ его спереди, а вечеромъ сзади. Дѣлается такъ потому, что, если при стадѣ находится невидимый Хызръ, то необходимо постараться попасть къ нему на глаза, а для этого надо проѣхать мимо стада съ той стороны, гдѣ находится въ данное время таинственный пророкъ, одинъ взглядъ котораго можетъ принести счастье человѣку. Верхомъ неприличія считается проѣхать по срединѣ двигающагося поперекъ дороги стада барановъ вмѣсто того, чтобы объѣхать стадо.

Киргизъ по природѣ гостепріименъ, и въ кочевой обстановкѣ это обходится ему не особенно дорого, такъ какъ все угощеніе ограничивается кумысомъ и бараниной, которыя кочевникъ получаетъ безъ большой затраты энергіи отъ своего хозяйства.

Къ гостепріимству кочевника побуждаетъ и страстная любовь къ новостямъ „хангима“, которыя въ большинствѣ случаевъ только и можно услышать отъ проѣзжаго, видавшаго другія мѣста, находившагося въ общеніи съ другими лицами. Поэтому, заѣзжая въ аулъ киргиза, странникъ можетъ быть увѣренъ, что появленіе его доставитъ удовольствіе всему населенію аула и даже женщины, на долю которыхъ выпадаетъ забота объ угощеніи, не посѣтуютъ на гостя за доставленныя его пріѣздомъ хлопоты. Бываютъ случаи, когда дорогой гость можетъ принести своимъ хозяевамъ и пользу, какъ лѣкарство. У киргизъ существуетъ повѣрье, что долго не говорящаго ре-

*) Словомъ „ишанъ“, что въ буквальномъ смыслѣ на персидскомъ языкѣ означаетъ „они“, у туземцевъ Туркестанскаго края обозначаются фанатическіе проповѣдники Ислама и представители различныхъ дервишскихъ орденовъ. Эти лица играютъ роль духовныхъ наставниковъ среди темнаго люда и кочевниковъ.

бенка можно заставить начать говорить симпатическимъ средствомъ. При посѣщеніи аула почтеннымъ гостемъ, ему, ничего не говоря, подаютъ блюдо угощенія, лучше всего традиціоннаго „кавардака“, и женщины слѣдятъ за тѣмъ, чтобы гость протянулъ руку взять первый кусокъ мяса. Какъ только онъ это сдѣлаетъ, необходимо быстро вырвать у него блюдо, не давъ поѣсть, и накормить этимъ кушаньемъ того ребенка въ семьѣ, который долго не говоритъ. Твердая увѣренность въ дѣйствительности этого средства заставляетъ киргизъ для блага ребятъ нарушить правила вѣжливости и озадачить гостя, если онъ не знаетъ этого обычая и не пойметъ, почему ему не дали сразу поѣсть поданнаго кушанья.

Кулъ—салу
(киргизскій обычай).

У всѣхъ народовъ, независимо отъ степени ихъ культурности, замѣчается стремленіе молодежи перезнакомиться, сблизиться между собой, стать, наконецъ, въ тѣсныя дружескія отношенія, на почвѣ которыхъ между юношей и дѣвушкой часто возникаетъ болѣе глубокое чувство. Такъ образуются новыя семьи.

Наши степняки-киргизы живутъ совершенно особою жизнью, ихъ житье среди безбрежныхъ равнинъ, сегодня здѣсь, завтра тамъ, не имѣетъ ничего общаго съ жизнью издавна осѣдлыхъ европейскихъ народовъ, но и у киргизъ есть молодые люди, которыхъ чувство влечетъ къ молодымъ дѣвушкамъ по-своему прекраснымъ, обладающимъ всѣми прелестями живой, не тронутой цивилизаціей натуры.

По киргизскому обычаю браки зависятъ вполнѣ отъ усмотрѣнія родителей, и потому часто еще грудные мальчикъ и дѣвочка уже обручены другъ съ другомъ ихъ родителями *).

Обрученные, будущіе супруги, подростаютъ каждый въ своей семьѣ, вмѣстѣ играютъ, если родители ихъ принадлежатъ къ одному аулу, и понемногу свыкаются съ мыслью, что имъ суждено вмѣстѣ прожить всю жизнь. Привычка становится на мѣсто влеченія, а воспоминанія дѣтства согрѣваютъ союзъ вмѣсто страсти. Въ результатѣ получается нормальный, обычный киргизскій бракъ съ сѣренькой будничной прозой совмѣстной работы надъ увели-

---

*) Обрученіе дѣтей въ колыбели (бишикъ) называется „бишикъ—кырдъ“.

ченіемъ благосостоянія для достиженія предѣла всѣхъ желаній-достатка.

Нерѣдко такимъ же образомъ по выбору родителей, соединяются пары изъ молодыхъ людей, достигшихъ уже юношескаго возраста и, въ такомъ случаѣ знакомство между ними сводится къ рѣдкимъ посѣщеніямъ аула невѣсты женихомъ, выплачивающимъ въ теченіе извѣстнаго періода условленное между родителями брачное вознагражденіе—„калымъ". Женихъ посѣщаетъ невѣсту, видится съ ней въ присутствіи матери и, конечно, сближеніе нареченныхъ въ эти кратковременные визиты идетъ весьма медленно.

Послѣ смерти своего мужа жена, обыкновенно, вступаетъ въ бракъ съ однимъ изъ его братьевъ. Обычай требуетъ этого главнымъ образомъ по экономическимъ соображеніямъ, такъ какъ за невѣсту въ свое время было уплаченъ „калымъ". Тутъ ужъ и рѣчи не можетъ быть о сердечномъ влеченіи. Женщина подчиняется требованію обычая, если будущій, второй ея мужъ еще несовсѣмъ развалина и на сторонѣ у нея нѣтъ привязанности. Въ противномъ случаѣ женщина бѣжитъ, родственники ея судятся и расплачиваются деньгами, если хотятъ, чтобы вдова освободилась отъ постылаго, навязываемаго неумолимымъ обычаемъ, мужа.

Если бы браки у киргизъ совершались всегда однимъ изъ приведенныхъ трехъ способовъ, то можно было бы пожалѣть киргизскую молодежь, не знающую порыва, увлеченія, страсти. На самомъ дѣлѣ, конечно, какъ и у всякаго народа, у киргизъ бываютъ браки и по любви съ избранницей сердца, съ любимой подругой на вѣкъ.

Несмотря на наружную грубость свою, киргизы не лишены поэтическихъ чертъ въ своей натурѣ и киргизская молодежь любитъ игры, въ которыхъ юноши и дѣвушки участвуютъ совмѣстно и щеголяютъ другъ передъ другомъ остроуміемъ, пѣніемъ, лихой ѣздой на конѣ и другими проявленіямъ ума, ловкости и веселья. При этомъ завязываются знакомства по душѣ, сходятся пары по влеченію сердца, независимо отъ усмотрѣнія родителей, часто даже наперекоръ соображеніямъ старшихъ.

Знакомство завязялось, пары составились, но вслѣдъ за этимъ сердечное влеченіе вызываетъ желаніе поближе сойтись съ избранницей, побывать съ ней наединѣ, поговорить съ глазу на глазъ, а это то и трудно въ степи, гдѣ нѣтъ ни уединенныхъ покоевъ, ни „густолиственныхъ кленовъ аллеи". Юрта стоитъ на откры-

томъ мѣстѣ, вся семья дѣвушки постоянно въ сборѣ; днемъ работаютъ по близости отъ юрты, ночью все семейство спитъ вмѣстѣ въ одной юртѣ, при чемъ ситцевой занавѣской отдѣляется только брачное ложе молодыхъ, а остальные спящіе въ юртѣ мужчины и женщины раздѣляются лишь высоко-развитой скромностью.

Днемъ нечего и думать повидать дѣвушку наединѣ; остается ночь, но надо дать знать дѣвушкѣ о желаніи ее видѣть, уговорить ее покинуть на время юрту, гдѣ она спитъ всегда рядомъ со своей строгой маменькой. Киргизская молодежь придумала для этого остроумный пріемъ „кулъ-салу“—наложеніе руки.

Парень, желающій упросить дѣвушку выйти къ нему изъ юрты, ночью осторожно пробирается къ юртѣ и хорошо зная заранѣе мѣсто, гдѣ спитъ его избранница, осторожно просовываетъ руку изъ подъ покрывающаго юрту войлока черезъ деревянную рѣшетку (кереге) и старается, осторожно разбудивъ дѣвушку, поймать ея руку. Когда это удалось, молодые начинаютъ между собой тотъ безмолвный разговоръ, который могутъ понять только влюбленные.

Нерѣдки случаи, когда красавица вовсе не расположена исполнить желаніе парня, и тогда движеніями своихъ рукъ она отказываетъ ему въ его просьбѣ и остается на мѣстѣ. Въ случаѣ удачи, наоборотъ, достаточно прикосновенія руки милаго, чтобы красавица осторожно вышла изъ юрты и подарила парню часокъ, другой любовной бесѣды.

Случаются и ошибки. „Кулъ-салу“, сдѣланное не тому, кому оно предназначалось, влечетъ за собою визгъ какой-нибудь случайно подвернувшейся не на свое мѣсто старухи; аулъ просыпается, и покорителя дамскихъ сердецъ бьютъ, если успѣютъ догнать.

„Кочурма“.

Киргизы Малой Орды, рода Кунградъ, кочующіе за р. Сыръ-Дарьей, рѣзко отличаются отъ своихъ единоплеменниковъ Большой Орды, рода Дуулатъ, населяющихъ восточную половину Чимкентскаго уѣзда, несравненно низшимъ уровнемъ развитія.

Среди нихъ процвѣтаютъ во всей силѣ всемозможныя заклинанія, заговоры и пользуются большимъ уваженіемъ мѣстные знахари, „бахсы“, внушающіе суевѣрный страхъ темному люду.

Къ этимъ знахарямъ прибѣгаетъ киргизъ въ своихъ не-

дугахъ и они лечатъ очень оригинальнымъ способомъ. Дѣло сводится прежде всего къ угощенію знахаря и всѣхъ окружающихъ спеціально для этого зарѣзаннымъ бараномъ, а изъ оставшихся отъ трапезы костей съ помощью тряпокъ и веревочекъ, мастерятъ подобіе той части тѣла, гдѣ гнѣздится болѣзнь, и приготовленное чучело выбрасываютъ на проѣзжую дорогу или верховую тропу. Киргизъ вѣритъ, что, выбросивъ хитро обмотанныя кости, онъ передастъ свою болѣзнь чучелу, а самъ немедлено выздоровѣетъ. Повѣрье это и чучело называются „кочурма" (изгнаніе). Въ степи за Дарьей на каждомъ шагу можно встрѣтить у дороги подобныя чучела, обмотанныя тряпками, и киргизъ, проѣзжая мимо нихъ, плюетъ и отворачивается въ сторону, а то и объѣзжаетъ „кочурму", чтобы не пристала къ нему выжитая другимъ изъ своего тѣла хворь.

Беременнымъ киргизскимъ женщинамъ, въ случаѣ затруднительныхъ родовъ, приходится претерпѣвать вовсе несвойственныя ихъ положенію упражненія. Если разрѣшеніе отъ бремени почему либо затягивается, то вырываютъ рядомъ двѣ ямы, $1^1/_2$ аршина глубиной и около $1^1/_2$ ар. въ діаметрѣ каждая, а въ раздѣляющей ихъ стѣнкѣ, на высотѣ дна ямъ дѣлаютъ отверстіе, въ которое можетъ съ трудомъ протиснуться человѣкъ. Роженицу опускаютъ въ одну изъ этихъ ямъ, и черезъ отверстіе въ стѣнкѣ протискиваютъ во вторую яму. Средство это настолько радикально, что, по словамъ киргизъ, не было случая, чтобы послѣ такой манипуляціи киргизка не родила сейчасъ же; неизвѣстно только, какой процентъ изъ всего числа пользующихся этимъ средствомъ роженицъ остается навсегда искалѣченными.

Въ гостяхъ у почетнаго туземца.

Душно и жарко лѣтомъ въ азіатскомъ Ташкентѣ. Узкія, кривыя улицы до того накаляются полуденнымъ солнцемъ, а поднятая прошедшимъ гуртомъ барановъ пыль до того слѣпитъ глаза, что только неотложная надобность можетъ заставить проѣхаться днемъ по закоулкамъ туземнаго города.

Сами, уже съ малолѣтства привычные къ духотѣ, сарты не выносятъ лѣтомъ тѣсноты своихъ зимнихъ домовъ и маломальски зажиточный туземецъ спитъ и видитъ, какъ бы ему купить на окраинѣ города клочекъ земли, гдѣ можно было-бы развести небольшой садъ. Разъ садъ есть, хозяинъ его спасается въ немъ отъ лѣтняго зноя; не долго перевезти семью и

часть вещей, а тамъ только отдыхай и наслаждайся прохладой. Въ каждомъ саду есть бассейнъ проточной воды—хаузъ. Этотъ резервуаръ, особенно если надъ нимъ развѣсились вѣтви красиваго карагача, представляетъ центръ, около котораго устраивается вся жизнь обитателей сада. Здѣсь, на небольшомъ возвышеніи, сложенномъ изъ глины, семья сарта проводитъ день, если только нѣтъ гостей, а въ пятницу чинно возсѣдаютъ гости, приглашенные на очередное угощеніе (гапъ), которое хозяинъ сада предлагаетъ своимъ знакомымъ одной съ нимъ джуры или компаніи, условившейся по очереди угощать другъ друга. Берега хауза очищены отъ травы, выровнена и утрамбована довольно большая площадка, а обильная поливка сдѣлала желтоватый лёсъ до того плотнымъ, что пыли нѣтъ и въ поминѣ. Независимый, богатый торговецъ или просто зажиточный человѣкъ не торговаго званія проводитъ въ своемъ саду весь день и только въ силу крайней необходимости покидаетъ лѣтнее мѣстопребываніе, а лавочнику или кустарю-мастеровому не суждено и лѣтомъ пользоваться прохладой — они должны рано утромъ спѣшить въ душные переходы крытаго центральнаго базара, чтобы провести весь день въ лавкѣ или мастерской и только вечеромъ возвратиться въ садъ.

Проѣзжая днемъ по пыльнымъ улицамъ города, пріятно выбраться наконецъ въ раіонъ окружающихъ Ташкентъ садовъ. Улица за городскими воротами гораздо шире, чѣмъ въ городѣ, по сторонамъ то и дѣло попадаются уцѣлѣвшіе отъ безжалостнаго топора патріархи-карагачи, пережившіе на своемъ вѣку много не касавшихся ихъ политическихъ событій; ихъ частыя вѣтви сплелись роскошной чалмой надъ невысокимъ стволомъ; подъ ними и въ полдень тѣнь, и въ ливень сухо.

Разбросанныя тамъ и сямъ чай-хане манятъ проѣзжаго въ тѣнь и мало кто можетъ удержаться отъ соблазна посидѣть часокъ другой въ хорошей компаніи за чашкой чая, послушать болтовню своихъ сосѣдей, узнать всѣ новости дня. Чай-хане— это мѣстный клубъ и до нѣкоторой степени центръ, гдѣ группируется съ выѣздомъ въ сады большая часть населенія окрестныхъ дачъ. Правда, женская половина населенія можетъ только съ завистью глядѣть изъ за забора на собранія мужчинъ, но для сарта женщина на улицѣ не существуетъ, а между тѣмъ нерѣдко въ чай-хане прислуживаютъ такіе миловидные мальчики...

Ѣхать еще далеко, спутники мои ѣдутъ повѣся носъ, а мой

рыжій киргизъ давно фыркаетъ, какъ будто серьезно надѣется этими усиліями очистить носъ отъ тучи пыли, которой онъ дышалъ вмѣстѣ съ всадникомъ всю дорогу. Дѣло неспѣшное, Торопиться некуда, отчего не заглянуть въ узенькій переулочекъ къ старому знакомому, не попросить у него позволенія вздохнуть чистымъ воздухомъ въ его саду.

Въ переулкѣ, сворачивающемъ съ сравнительно просторной садовой улицы—ни души. Издали доносятся звуки ручныхъ трещетокъ и протяжные пронзительные возгласы мальчишекъ, надрывающихся, чтобы прогнать съ отцовскаго виноградника стаю докучливыхъ скворцовъ, безцеремонно лакомящихся поспѣвшими гроздями винограда. Посреди сада сдѣлано возвышеніе въ родѣ казачьей вышки; мальчуганы по очереди отбываютъ на ней вахту и немилосердно гонятъ птицу криками и глиняными шариками, которые они очень ловко мечутъ при помощи пращи; въ разныхъ мѣстахъ сада разставлены чучела, похожія на людей, развѣшаны колеблющіяся тряпки и клочки бумаги, а все же скворецъ дѣлаетъ свое дѣло. Смѣлые хищники большой стаей налетаютъ на ряды виноградныхъ корридоровъ (ишкамъ) и не только поѣдаютъ въ одну минуту массу винограда, но еще не мало и портятъ его. Стаю замѣтили неусыпные стражи: трещетки оглушительно затрещали, мальчишки голосятъ, сыплется дождь пращныхъ снарядовъ, и птицы, конечно, безъ всякаго урона перелетаютъ въ сосѣдній садъ съ тѣмъ, чтобы вернуться въ самомъ непродолжительномъ времени.

Но вотъ и ворота сада моего знакомца. Ему уже кто-то успѣлъ дать знать, что къ нему ѣдутъ гости и самъ хозяинъ стоитъ у воротъ, привѣтливо улыбаясь и поглаживая свою роскошную серебряную бороду. „Хошь килибъ-сызъ! хошь килибъ-сызъ“ *) заговорилъ старикъ и торопится подержать мою лошадь, подхватить меня подъ руку, чтобы помочь слѣзть съ коня.

Лошади уведены подъ навѣсъ просторной прохладной конюшни, сами мы входимъ въ садъ, сразу обдающій пряным ароматомъ цвѣтущаго ковра, составляющаго переднюю часть сада.

Хозяинъ большой любитель садоводства; онъ давно уже до тонкости изучилъ всѣ пріемы прививки плодовыхъ деревьевъ и сумѣлъ превратить свой садъ въ чудный уголокъ, обилующій лучшими сортами яблокъ, грушъ, гранатъ, вишенъ и всякихъ

*) Добро пожаловать.

ягодныхъ растеній. Виноградникъ, занимающій отдѣльный квадратикъ за заборомъ, отлично воздѣланъ и даетъ обильный урожай благодаря умѣлому и прилежному уходу. Только къ цвѣтамъ самъ хозяинъ относится какъ-то иронически, всецѣло предоставляя дѣло украшенія сада своему третьему сыну. Всѣ пять сыновей молодцы на подборъ, всѣ хорошо обучены грамотѣ и даже мусульманской наукѣ, четверо торгуютъ на базарѣ въ лавкахъ своего отца, а третій сынъ вышелъ какой-то странный. Наука давалась ему легко, но характеръ юноши какой-то особенный. Не тянетъ его идти съ товарищами на загородное гулянье, не лежитъ его душа къ торговымъ операціямъ, все бы хотѣлось быть одному, наединѣ съ своими думами.—И сноситъ малый терпѣливо насмѣшки товарищей, даже не отшучиваясь, и находитъ себѣ удовольствіе въ уходѣ за цвѣтникомъ, такъ ярко раскинувшимся на переднемъ планѣ сада и распространяющимъ такой чарующій ароматъ. „Миръ-Усманъ — диванаракъ“ *), говорятъ про него сосѣди, желая этимъ намекнуть что у малаго не всѣ дома, но это ничего; за то далеко вокругъ вы не найдете такого богатаго цвѣтника, не увидите такого умѣлаго подбора растеній. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ сарты довольствовались для украшенія сада доморощенной пахучей травкой р а й х а н ъ темнаго и зеленаго цвѣта, формой своей напоминающей сада-карагачъ, но теперь вкусъ развился, а работающіе въ русскихъ садахъ чернорабочіе попривыкли къ уходу за другими растеніями и научили своихъ земляковъ разбивкѣ клумбъ. Теперь у зажиточнаго туземца, въ особенности если въ его семьѣ найдется цвѣтоводъ—любитель, „ишкыбазъ“, какъ говорятъ сарты, непремѣнно небольшая площадка, занятая прежде прибыльной люцерной, отводится подъ „гуль-зоръ“—цвѣтникъ.

Нашъ новый знакомый Миръ-Усманъ, несмотря на свой задумчивый нравъ, большой любитель цвѣтущихъ растеній. Отъ самыхъ воротъ сада до открытой съ четырехъ сторонъ бесѣдки (шипанъ) онъ хорошо разрыхлилъ и унавозилъ почву. Хитро расположивъ красивыя углубленныя въ почву клумбы, онъ мастерски провелъ воду изъ клумбы въ клумбу и безъ труда самъ поливаетъ свой цвѣтникъ, открывая трубу за трубой и заливая водой послѣдовательно кружки и треугольники, гдѣ онъ высадилъ такъ много цвѣтовъ. Кромѣ райхана, который и здѣсь присутствуетъ для декораціи и смягченія тоновъ, мы видимъ

*) Диванаракъ—ненормальный въ умственномъ отношеніи, тронутый.

уже и бальзаминъ, петунію, цинію, астры, георгины, портулакъ, иммортели, пѣтушьи гребешки, левкои; тутъ-же высажены въ грунтъ любимые олеандры и хорошо выведенные лимоны. Всѣ цвѣты на подборъ и ярко и долго цвѣтущіе; передъ вами густой коверъ самыхъ яркихъ и причудливыхъ узоровъ, кричащій своими колерами о могучей оживляющей силѣ южнаго солнышка, о производительной мощи хорошо орошеннаго лёса.

— Спасибо за разсаду, Миръ-Усманъ, обращаюсь я къ садовнику-любителю. У меня разсадили цвѣты и кажется хорошо ухаживаютъ мои люди, а все не то, что у васъ; надо видно васъ перевезти ко мнѣ съ вашими цвѣтами, тогда только они зацвѣтутъ, какъ здѣсь.

— Да, таксыръ, цвѣты любятъ уходъ. Надо и полить, и прополоть во время, ваши люди дѣлаютъ это по приказу, а я по доброй волѣ, должно быть потому и ярче цвѣтутъ мои цвѣты, задумчиво отвѣтилъ видимо польщеный Миръ-Усманъ.

Старикъ хозяинъ прерываетъ мою болтовню съ его сыномъ, неудачникомъ въ дѣловой практической сторонѣ жизни, и приглашаетъ занять мѣсто на полу бесѣдки у хауза.

Бесѣдка довольно просторна; съ четырехъ сторонъ къ ней ведутъ кирпичныя ступеньки, край огороженъ точеными балясинками, а потолокъ изукрашенъ и пестрымъ восточнымъ рисункомъ, и затѣйливыми арабскими надписями, которыя не разберешь безъ помощи хорошо знающаго арабскій языкъ хозяина. Полъ устланъ большимъ бухарскимъ ковромъ, а по сторонамъ, въ видѣ рамки, уложены узенькія ватныя одѣяла—курпача, на которыхъ и располагаются гости. Удивительно организованъ у сартовъ пріемъ гостей! Не успѣешь оглянуться, какъ хозяинъ подвинулъ подъ локоть подушку валикомъ, а сыновья несутъ уже и чай, и виноградъ своего сада, и разложенный на блюдца достарханъ, и артистически разрѣзанную дыню басыбъалды — сочную, сладкую и ароматную. Еще минута и гость уже видитъ передъ собой заботливо наломанную хозяиномъ на небольшіе кусочки домашнюю лепешку. Лепешка не отличается бѣлизной, какъ базарная; здѣсь нѣтъ нужды казать товаръ лицомъ, и мѣсившая тѣсто хозяйка вполнѣ увѣрена, что гость, попробовавши ея печенья, не промѣняетъ ея черную лепешку на самую бѣлую базарную. Не въ бѣлизнѣ тутъ дѣло, а въ искусствѣ.

Всѣ разсѣлись по сторонамъ импровизированной гостинной; хозяинъ по обычаю, но безъ всякой нужды мечется и хло-

почетъ, чтобы угостить прибывшихъ и ихъ людей, чтобы накормить даже лошадей, доставившихъ къ нему гостей. Онъ весь вниманіе и радушіе. Большихъ усилій стоитъ уговорить старика отступить немного отъ обычая, спокойно сѣсть рядомъ со мной, приняться за чаепитіе. У меня свой расчетъ залучить хозяина въ нашу компанію; спутники мои совершенно выдохлись за дорогу, говорить намъ не о чемъ, а у хозяина нашего, я знаю, всегда найдется въ памяти, если хорошо порыться, что нибудь интересное изъ прошлаго. Много лѣтъ прослужилъ Мухиддинъ-Ходжа въ разныхъ должностяхъ при ханахъ, не мало повидалъ въ должности ааляма при казіѣ въ первые годы по завоеваніи края, да и теперь, не занимаясь болѣе писаніемъ ривоятовъ, или справокъ изъ закона по разнымъ судебнымъ дѣламъ, а проживая на покоѣ, старикъ продолжаетъ участвовать въ общественной жизни своего родного города, какъ „почетный туземецъ". Почетный туземецъ это тоже немаловажная роль въ жизни сартовъ. Къ старику обращаются за совѣтомъ, его не забудутъ пригласить на праздникъ по случаю обрѣзанія сына къ богатому купцу, и халатъ, который на него надѣнутъ при отъѣздѣ съ празднества, по цѣнѣ не уступитъ халату, данному казію. Тому дадутъ изъ „шайтанъ-тери"—чертовой кожи, а Мухиддину-Ходжѣ ужъ непремѣнно не хуже, а то еще по знакомству и по дороже; вѣдь онъ и самъ раздавалъ хорошіе халаты, когда справлялъ „той" своихъ пятерыхъ сыновей.

Значитъ, матеріала для разсказа много, словоохотливость у всѣхъ стариковъ тоже есть, а уединенная жизнь въ саду даетъ мало случаевъ побесѣдовать, слѣдовательно надо попытаться и сегодня заставить Мухиддина-Ходжу тряхнуть стариной.

А заставить его разговориться не легко; онъ не находитъ удовольствія разсказывать что-либо, если разсказъ ненуженъ для подтвержденія какой нибудь только что высказанной имъ мысли. Къ счастію, довольно часто современныя городскія новости невольно наводятъ на воспоминанія о пережитомъ, и мой собесѣдникъ иллюстрируетъ свою рѣчь картинками далекаго прошлаго.

— Что новаго, почтенный аалямъ, приступаю я къ интервью.

— Да ничего, слава Богу, таксыръ, „тинчликъ, арзанчилыкъ" отвѣчаетъ старикъ условной стереотипной фразой, которую такъ любятъ туземцы.

„Тинчликъ"—тишина, спокойствіе, отсутствіе волнующихъ

народъ событій и происшествій, въ родѣ убійствъ, грабежей, кражъ, „арзанчилыкъ“ — дешевизна продуктовъ, главнымъ образомъ пшеницы и рису,—вотъ два устоя, на которыхъ зиждется народное довольство.

— Ну что, ишанъ вашъ изъ Медины скоро посѣтитъ Ташкентъ? Я слышалъ, что онъ выѣхалъ изъ Бухары по направленію къ намъ.

— Нѣтъ... По послѣднимъ письмамъ хаджіевъ, выѣхавшихъ на встрѣчу къ Ахмадъ-Багауддину, оказывается, что онъ изъ Джизака вернулся обратно и не пріѣдетъ въ Ташкентъ. А жаль, очень пріятно было-бы принять и угостить дорогого гостя.

— Да что у васъ развѣ всякому уроженцу Мекки и Медины оказываютъ такое широкое гостепріимство? Можетъ быть, пріѣзжій вовсе и не заслуживаетъ къ себѣ такого вниманія?

— Непремѣнно всякому... Уроженцы Мекки и Медины— божьи сосѣди, какъ мы ихъ называемъ; они живутъ подлѣ священной Каабы, и не оказать имъ должнаго уваженія было-бы большимъ грѣхомъ. Когда человѣкъ ѣдетъ въ „хаджъ“ *), то каждое сдѣланное имъ во время паломничества доброе дѣло, по спасительности для души равняется 1000 савабъ (богоугодное дѣло), сдѣланнымъ человѣкомъ внѣ священныхъ областей, гдѣ нѣкогда жилъ пророкъ, слѣдовательно, и молитвы живущихъ подлѣ Каабы людей приносятъ много пользы тому, за кого молятся мекканцы и мединцы.

— Нѣтъ, Мухиддинъ-Ходжа, по моему не мѣшало-бы сначала познакомиться съ пріѣзжимъ изъ Медины, а потомъ ужъ и чествовать его сообразно его личнымъ достоинствамъ, попробовалъ я протестовать.

— Да и по личнымъ достоинствамъ нашъ гость заслуживаетъ почета и уваженія; онъ сынъ моего покойнаго пира—наставника Хазретъ-Мазгаръ-Сахиба, и навѣрно всѣ достоинства свои покойный пиръ передалъ сыну—шейху ордена Накшбандіа.

Я убѣдился, что старика нельзя увѣрить въ томъ, что почетъ и уваженіе является данью личнымъ достоинствамъ человѣка и что нельзя въ каждомъ уроженцѣ Мекки или Медины видѣть святого. Мы долго говорили на эту тему, спутники мои тоже мало по малу вступили въ нашу бесѣду, и каждый изъ нихъ поддерживалъ мнѣніе Мухиддина-Ходжи, основываясь на

*) Хаджъ — одна изъ главныхъ религіозныхъ обязанностей мусульманъ—паломничество къ святынямъ Мекки и Медины.

различныхъ изрѣченіяхъ изъ книгъ шаріата, которыя такъ ; бятъ цитировать образованные туземцы.

Наконецъ хозяинъ перешелъ къ историческимъ примѣра и разсказалъ слѣдующій случай изъ жизни кокандскаго х Малля-хана.

— Это было въ 1861 году, когда я былъ еще 19-лѣтни юношей и учился въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведе (мадраса) въ Кокандѣ. Учитель мой, почтенный мударри держалъ насъ въ строгости и неособенно жаловалъ тѣхъ і своихъ учениковъ, которые часто покидали душныя ке (худжры) для прогулокъ или развлеченій со сверстниками і стѣнъ заведенія. Съ самаго ранняго утра и до сумерекъ проводили время за книгами, слушая объясненія дамуллы (у теля) и упражняясь въ каллиграфіи. Поэтому вечеръ четве когда дамулла уходилъ къ себѣ домой и не ночевалъ въ драса, мы вполнѣ заслуженно проводили въ развлеченіяхъ, чте стиховъ и веселой бесѣдѣ далеко за полночь. По пятница не было занятій, но не всѣ любили безъ цѣли гулять по зару или слушать проповѣди и поученія (маарака) сосѣдн маддаха*); всякій съ удовольствіемъ пошелъ-бы въ ту мече гдѣ по пятницамъ бывалъ ханъ и собирались ученые „иджасъ", т. е. состязаніе въ мудрости и знаніи шаріата, торое молодымъ ученымъ обезпечивало вниманіе хана и значеніе не въ далекомъ будущемъ на какую нибудь должнос а старымъ доставляло случай обнаружить свою ученость, спорить съ равными себѣ и упрочить за собой славу. Ха обыкновенно верхомъ выѣзжалъ въ пятницу изъ своего дво въ Урдѣ и, окруженный многочисленной богатой свитой, отп влялся въ одну изъ мечетей, гдѣ совершался пятничный „нама джума". Послѣ намаза, повелитель Коканда подзывалъ къ се ученыхъ и предлагалъ имъ на обсужденіе какой нибудь сл ный и допускающій различныя толкованія вопросъ по зако вѣдѣнію. Кругъ диспутантовъ все увеличивался, и каждый перерывъ старался подыскать въ памяти доказательства п вильности того или другого взгляда на данный предметъ. І таты изъ книгъ шаріата слѣдовали за ссылками на коранъ, д путъ иногда затягивался на нѣсколько часовъ, но всѣ прис ствовавшіе въ мечети выносили изъ этихъ ученыхъ собраній мало пользы и удовольствія. Я, конечно, иногда мечталъ, ка

*) Маддахъ—уличный проповѣдникъ, разсказчикъ правоучительныхъ религіозныхъ легендъ и пр.

хорошо было-бы побывать на „иджасѣ“, послушать ученыя рѣчи, но попасть въ собраніе, гдѣ присутствуетъ ханъ, для меня было немыслимо, потому что я еще не окончилъ курса мадраса, а былъ еще только въ среднемъ классѣ (аусатъ).

— Однажды утромъ въ пятницу, когда я сидѣлъ одинъ въ своей кельѣ, а всѣ мои товарищи разошлись кто куда, я увидѣлъ, что на дворикъ мадраса вошелъ мой мударрисъ Абдурауфъ-Ходжа. Я вышелъ изъ кельи и почтительно привѣтствовалъ учителя.

— Что, Мухиддинъ-Ходжа, ты одинъ остался дома? обратился ко мнѣ мударрисъ.

— Да, дамулла, мнѣ некуда идти, я мусафиръ (пришлецъ), здѣсь въ Кокандѣ у меня нѣтъ ни родныхъ, ни знакомыхъ. Я предпочелъ остаться дома и повторить послѣднюю лекцію вашу по акаиду (богословію), отвѣчалъ я.

— Ты будешь хорошо вознагражденъ за твое прилежаніе... Сходи въ мою дарсъ-хану (аудиторію) и собери тамъ книги: Хидая-и-шерифъ, Шамсъ-уль-мааруфъ и Мантыкъ-ут-таиръ. Ты завяжешь эти книги въ платокъ и отнесешь ихъ за мною въ мечеть, гдѣ будетъ происходить послѣ намаза „иджасъ“ въ присутствіи хана.

— Сердце мое запрыгало отъ радости, что завѣтная мечта моя можетъ сегодня осуществиться, но я не довѣрялъ еще выпавшему на мою долю счастію.

— И вы, дамулла, позволите мнѣ остаться въ мечети во время иджаса, что-бы отнести ваши книги назадъ? спросилъ я прерывающимся голосомъ, боясь отрицательнаго отвѣта.

— Ну, конечно; посидишь тамъ гдѣ нибудь въ уголкѣ и послушаешь, что будутъ говорить ученые люди.

— Я поспѣшилъ собрать книги, необходимыя моему учителю для справокъ во время ученаго спора, въ которомъ онъ предполагалъ принять участіе сегодня, одѣлся въ свое лучшее платье и отправился въ мечеть, слѣдуя по пятамъ за своимъ учителемъ. Объемистые томы ученыхъ сочиненій оказались довольно тяжелыми, но я не замѣчалъ тяжести, предвкушая предстоящее мнѣ наслажденіе.

— Вся улица около соборной мечети была уже запружена народомъ, одѣтымъ по праздничному; плетенки и джай-намазы (коврики для молитвы) покрывали улицу, начинаясь на далекомъ разстояніи отъ входа въ мечеть. Только что мы успѣли занять мѣсто, какъ прискакавшій курбаши далъ знать о приближеніи

хана. Окруженный блестящей свитой, подъѣхалъ на бѣломъ аргамакѣ Малля-ханъ и придворные, бросились, чтобы помочь ему сойти съ лошади и очистить путь въ мечеть среди толпившагося народа. Ханъ прошелъ на свое мѣсто впереди молящихся и такъ какъ время для джума-намаза еще не наступило, то ханъ, исполнивъ два ракаата *) молитвы, погрузился въ созерцаніе и сидѣлъ, закрывши глаза, въ ожиданіи азана (призыва къ общей молитвѣ). Молящіеся по немногу собирались и занимали свои мѣста въ мечети; мы съ учителемъ разостлали свой коврикъ невдалекѣ отъ хана.

— Въ это время я обратилъ вниманіе на незнакомаго и непохожаго на окружающихъ человѣка, медленно пробиравшагося между молящимися. По суконному узкому халату, по небольшой чалмѣ, плотно повитой и прикрѣпленной къ круглой бархатной, на манеръ казанской, тюбитейкѣ, наконецъ по смуглому лицу, освѣщенному черными выразительными глазами, я узналъ въ немъ уроженца Аравіи изъ тѣхъ проводниковъ нашихъ мусульманъ, ѣдущихъ въ хаджъ, которые изрѣдка посѣщаютъ своихъ знакомыхъ хаджи, пріѣзжая для этого изъ Мекки или Медины. Этого сорта люди оказываютъ не мало услугъ паломникамъ, провожая ихъ по святымъ мѣстамъ и указывая всѣ пріемы паломничества, поэтому побывавшіе въ Меккѣ сарты и здѣсь встрѣчаютъ своихъ проводниковъ съ большимъ почетомъ и черезъ нихъ дѣлаютъ свои пожертвованія на богоугодныя дѣла.

— Никто не замѣтилъ араба, и ему удалось приблизиться къ Малля-хану. Опустившись на колѣни возлѣ хана, онъ быстро дернулъ его за полу парчеваго халата, а самъ также быстро положилъ передъ ханомъ какія-то небольшія вещи. Малля-ханъ подверженъ былъ слабости; онъ поддерживалъ свои угасающіи силы препаратомъ опія (таріакомъ), а привыкшіе къ наркотикамъ, какъ извѣстно, становятся, очень впечатлительны и пугливы. Всякій неожиданный звукъ, а тѣмъ болѣе прикосновеніе пугаетъ такого человѣка; ему все кажется, что его хотятъ убить. Какъ только арабъ дотронулся до Малля-хана, тотъ вздрогнулъ, какъ отъ прикосновенія каленаго желѣза и, въ страшномъ гнѣвѣ, швырнулъ далеко отъ себя вещи, разложенныя передъ нимъ арабомъ. Впослѣдствіи оказалось, что арабъ хотѣлъ поднести хану нѣсколько вещицъ, какія принято привозить своимъ зна-

*) Ракаатъ, или рикаатъ — отдѣлъ или часть ежедневнаго мусульманскаго богослуженія.

комымъ изъ хаджа, и выбралъ для этого минуту, когда, по его мнѣнію, ханъ былъ свободенъ. Арабъ ожидалъ награды за свои подарки, между которыми была и жестяночка съ водой колодца Земъ-Земъ *)—лекарство отъ всѣхъ болѣзней, и гребешокъ изъ пальмоваго дерева для расчесыванія бороды, и финики, и кольца изъ серебра, которымъ окованъ камень Каабы,—все вещи, имѣющія священное значеніе и очень чтимыя мусульманами.

— Малля-ханъ, швырнувъ подарки араба, страшно разсердился на нарушителя его покоя и еще больше вскипѣлъ, когда созналъ все неприличіе своего поступка съ поднесенными ему вещами. Ни одинъ изъ его подданныхъ мусульманъ не позволилъ-бы себѣ сдѣлать того, что ханъ, правитель мусульманской страны, сдѣлалъ на глазахъ тысячъ народа въ домѣ молитвы. Сгоряча ханъ вздумалъ сорвать свой гнѣвъ на томъ, кто его вызвалъ. Онъ сдѣлалъ знакъ слѣдившему за всѣмъ происходившимъ курбаши, и араба потащили изъ мечети подбѣжавшіе шабгары (полицейскіе). Ханъ повелѣлъ наказать дерзкаго нарушителя его покоя палками и посадить въ зинданъ — подземную грязную тюрьму.

— Но вѣдь арабъ дѣйствительно поступилъ немного неделикатно съ Малля-ханомъ и тѣмъ заслужилъ наказаніе. На мой взглядъ большая дерзость со стороны подданнаго обращаться съ своимъ повелителемъ, какъ съ равнымъ, сказалъ я.

— Такъ, таксыръ, и у насъ никто бы непозволилъ себѣ такого невѣжества, но арабы совсѣмъ другое. Высокое уваженіе которое всѣ мусульмане оказываютъ святынямъ Мекки и Медины переносятся на ихъ уроженцевъ и всѣ властители окружающихъ

*) Колодецъ Земъ-Земъ близъ Мекки считается мусульманами священнымъ по преданію, которое гласитъ, что когда Агарь странствовала въ пустынѣ съ сыномъ Исмаиломъ, они чувствовали недостатокъ въ водѣ и мать, положивъ мальчика на землю, пошла искать источника. Воды она не нашла, а пока она ходила мальчикъ болталъ ногами и въ томъ мѣстѣ, куда онъ стучалъ своими ступнями, чудесно истекла вода. Воду колодца Земъ-Земъ мусульмане считаютъ цѣлебной и каждый паломникъ привозитъ ее изъ хаджа въ особыхъ запаянныхъ фляжкахъ для подарковъ своимъ знакомымъ. Бываютъ случаи, что паломники продаютъ воду и тѣмъ покрываютъ часть расходовъ на паломничество. Въ послѣднее время европейскими врачами признано, что эта вода легко можетъ служить для распространенія холерной заразы, а потому къ водѣ священнаго источника необходимо относиться крайне осторожно во время существованія въ Аравіи холеры. Въ Западной Европѣ уже принимаются противъ этого медицинско-полицейскія мѣры (конфискація пузырьковъ съ водою). Увѣрить мусульманъ въ разумности такихъ мѣръ, конечно, невозможно.

Мекку и Медину областей, всегда относятся къ арабамъ съ большимъ почтеніемъ. Бывали случаи, что простой арабъ, встрѣтивъ на улицѣ какого нибудь владѣтельнаго князя, безцеремонно обращался къ нему съ своимъ дѣломъ тутъ-же, и не было случая, чтобы высокопоставленное лицо не остановилось тотчасъ и покорно не выслушало заявленія просителя. Привыкшій тамъ у себя на родинѣ къ такому почету, пришлецъ никакъ не думалъ обидѣть или разсердить хана, а, напротивъ, ожидалъ къ себѣ участія и вниманія.

— Какъ бы то ни было, скандалъ вышелъ ужасный. Присутствовавшіе въ мечети мигомъ разнесли по городу вѣсть о случившемся и народъ сильно взволновало непріятное для всѣхъ происшествіе съ заѣзжимъ арабомъ. Гостепріимство у насъ считается добродѣтелью, особа гостя должна быть священна и для всѣхъ жителей. Коканда было-бы большимъ стыдомъ, если бы арабъ разсказалъ, какимъ непріятностямъ подвергся онъ въ Кокандѣ.

— Мы съ учителемъ тотчасъ по окончаніи намаза отправились домой, оба не веселые. Дамулла скорбѣлъ душой о горячности. Малля-хана, а я еще того больше сожалѣлъ, что единственный представившійся мнѣ случай побывать на „иджасѣ" пропалъ для меня даромъ: Ханъ, конечно, не пожелалъ слушать диспутовъ ученыхъ послѣ того, какъ заключилъ гостя-араба въ темницу; онъ сейчасъ послѣ намаза вернулся во дворецъ.

— Мударрисъ приказалъ мнѣ отнести книги въ мадраса, а самъ куда то исчезъ. Какъ потомъ оказалось, онъ обошелъ всѣхъ своихъ знакомыхъ почтенныхъ ученыхъ, много говорилъ о происшедшемъ въ мечети и убѣдилъ нѣсколько человѣкъ пойти сейчасъ-же къ высшему духовному лицу въ Кокандѣ, къ Шейхъ-уль-исламу и просить его повліять на Малля-хана, чтобы тотъ загладилъ свою ошибку.

— Обращеніе къ Шейхъ-уль-исламу объяснялось тѣмъ, что Малля-ханъ всегда относился къ нему съ большимъ уваженіемъ и часто совѣтовался съ нимъ по важнымъ государственнымъ дѣламъ. Долго пришлось уговаривать Шейхъ-уль-ислама, но наконецъ онъ согласился отправиться къ хану. Около получаса провели они въ бесѣдѣ съ глазу на глазъ; Шейхъ-уль-исламъ истощилъ весь запасъ своего краснорѣчія, чтобы убѣдить хана немедленно освободить араба изъ тюрьмы, одарить его и постараться заставить гостя забыть перенесенную имъ непріятность, но ханъ былъ упрямъ и не хотѣлъ сознаться, что поступилъ несправедливо.

— Очень огорченный своей неудачей вернулся домой Шейхъ-уль-исламъ и разсказалъ собравшимся у него улемамъ о результатѣ своей поѣздки.

— Во всемъ Кокандѣ оставалось еще два человѣка, которые могли уговорить хана; это были Шейхи суфійскаго ордена Накшбандіа, Хазретъ Міанъ-Халиль и Міанъ-Бузулукъ, пользовавшіеся всеобщимъ уваженіемъ. Ханъ былъ мюридомъ (ученикомъ и послѣдователемъ) этихъ двухъ ишановъ и можно было разсчитывать, что онъ не посмѣетъ ослушаться этихъ двухъ ходатаевъ за обиженнаго араба.

— Отправились всѣ сообща къ Міанъ-Халилю и стали просить переговорить съ ханомъ. Вѣсть о неудачѣ Шейхъ-уль-ислама дошла уже до свѣдѣнія Міанъ-Халиля и потому онъ на отрѣзъ отказался говорить съ ханомъ, не предвидя отъ того благопріятныхъ результатовъ. Цѣлый вечеръ пришлось уговаривать старика; наконецъ, онъ согласился отправиться къ хану на завтра утромъ.

— Ханъ принялъ своего мюршида (наставника) очень любезно, пригласилъ его въ свою интимную михманъ-хану (гостинную), куда входили только наиболѣе близкіе къ нему люди, и дѣлалъ видъ, что онъ очень польщенъ посѣщеніемъ учителя. Міанъ-Халиль прямо приступилъ къ дѣлу, въ рѣзкихъ выра, женіяхъ порицалъ дѣйствія хана по отношенію къ гостю, прибывшему изъ священныхъ областей, подробно выяснилъ хану какой стыдъ падетъ на всѣхъ жителей Кокандскаго ханства, если мусульмане другихъ странъ узнаютъ объ оскорбленіи, нанесенномъ божьему сосѣду, и въ заключеніе просилъ хана немедленно освободить араба, предложить ему богатые подарки и отпустить его съ почетомъ, уговоривъ напередъ простить и забыть все, что съ нимъ случилось въ Кокандѣ.

— Ханъ продолжалъ упорствовать, а потому ишанъ нашелъ нужнымъ пригрозить ему.

— Развѣ тебѣ, повелитель правовѣрныхъ, неизвѣстенъ хадисъ (преданіе отъ пророка), въ которомъ говорится, что всякій кто окажетъ неуваженіе или обидитъ одного изъ уроженцевъ Мекки и Медины, подвергнется страшной карѣ: онъ пропадетъ, какъ соль исчезаетъ, будучи опущена въ воду.

— Когда и это увѣщаніе не помогло, Міанъ-Халиль въ страшномъ гнѣвѣ ушелъ отъ хана, увѣривши его, что онъ послѣдній разъ въ жизни переступилъ порогъ дворца несправедливаго правителя.

— Возвратившись домой, Міанъ разсказалъ всѣмъ собравшимся у него и ожидавшимъ рѣшенія хана почетнымъ лицамъ о своей неудачѣ. Всѣ были очень огорчены и не знали, что предпринять далѣе. Міанъ-Бузрука не хотѣли и безпокоить по напрасну, такъ какъ не было никакихъ основаній предполагать, что ханъ его послушаетъ. Въ совѣщаніяхъ прошелъ весь день, какъ вдругъ вечеромъ все само собою устроилось: къ Хазретъ Міанъ-Халилю явился Мулла-Алимкулъ — правая рука Малля-хана и сталъ униженно просить отъ имени хана, чтобы ишанъ простилъ Малля-хана, который созналъ свою ошибку и готовъ исполнить все, что пожелаетъ шейхъ. Ханъ прислалъ освобожденнаго араба, прислалъ букча (связку халатовъ) и 100 золотыхъ тиллей въ подарокъ ишану. Міанъ-Халиль сердито принялъ ханскаго посла, не взглянулъ на подарки и долго пришлось убѣждать шейха, чтобы онъ извинилъ хану его упрямство. Наконецъ, шейхъ согласился, пригласилъ къ себѣ обиженнаго араба, очень радушно его принялъ и, передавъ ему всѣ ханскіе подарки, упросилъ его не говорить никому, какъ безчеловѣчно поступилъ съ нимъ ханъ.

— Пророческія слова шейха о томъ, что обидѣвшій уроженца священныхъ областей „пропадетъ, какъ соль въ водѣ“, не замедлили исполниться надъ Малля-ханомъ: 25 числа Хута 1278 г. гиджры (въ первыхъ числахъ Марта 1862 г.) Алимкулъ, Хадырбекъ, Шадманъ-Ходжа, Худай-Назаръ-Дадха, Дустъ-Мехтеръ и Мадъ-Ибрагимъ Мирза баши ночью вошли въ Урду и убили Малля-хана, а на его мѣсто возвели на престолъ его племянника Ша-Мурада.

Всѣ мы заслушались плавнымъ разсказомъ нашего радушнаго хозяина; видимо, онъ самъ увлекся нахлынувшими воспоминаніями о своей юности и съ большимъ воодушевленіемъ передалъ намъ всѣ подробности прискорбнаго событія съ заѣзжимъ арабомъ, которому онъ придавалъ такое большое значеніе.

Вечерѣло; слуги только и ждали окончанія разсказа, чтобы поставить передъ нами блюда съ палау, безъ котораго нечего было думать оставить садъ гостепріимнаго старика. Утоливъ свой голодъ, мы распростились съ Мухиддиномъ-Ходжей и отправились дальше по своему дѣлу, совершенно обновленные пріятнымъ отдыхомъ въ прохладномъ саду и подъ впечатлѣніемъ слышаннаго разсказа.

— Конечно, нехорошо поступилъ съ гостемъ Малля-ханъ,

выразилъ свое мнѣніе одинъ изъ сопровождавшихъ меня старшинъ, но когда я былъ въ Меккѣ, то не мало огорченій перенесъ отъ подобныхъ пріѣзжавшему въ Кокандъ проводнику. Эти необходимые для паломниковъ спутники ждутъ ихъ у пароходной пристани и безжалостно обираютъ незнакомыхъ съ мѣстными условіями пріѣзжихъ мусульманъ.

— Значитъ я правъ, говоря, что къ незнакомымъ людямъ, а тѣмъ болѣе невѣдомымъ пришельцамъ изъ дальней стороны, нужно относиться осторожно, замѣтилъ я.

— Да, конечно... Но ожидавшійся нами въ Ташкентъ былъ не простой проводникъ паломниковъ, а ишанъ... Есть разница, таксыръ .

Празднованіе Св. Коронованія Ихъ Величествъ въ туземной части Ташкента.

Недѣли за двѣ до дня Св. Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ стало извѣстно, что бѣднѣйшимъ жителямъ, въ числѣ 2500 человѣкъ, будетъ устроенъ обѣдъ на средства, ассигнованныя министерствомъ Двора.

При обсужденіи меню этого обѣда рѣшено было устроить такъ называемый „миваликъ-той“, т. е. подать „достарханъ“— угощеніе сушеными фруктами, и такъ какъ за столомъ туземцы обыкновенно сластей не ѣдятъ, а уносятъ ихъ домой, то рѣшено было выдать каждому гостю цвѣтной платокъ, въ который онъ могъ бы завернуть остатки отъ угощенья и лепешки; объ этомъ пришлось подумать потому, что платокъ на поясѣ сарта составляетъ своего рода роскошь и далеко не у всѣхъ имѣется.

Для имѣющихся въ числѣ бѣдныхъ жителей Ташкента азіатскихъ евреевъ, которые не ѣдятъ мяса скота, убитаго сартомъ, былъ устроенъ обѣдъ при синагогѣ.

Наконецъ, самымъ бѣднымъ жителямъ Ташкента—прокаженнымъ кишлака „махау“, въ числѣ 51 человѣка обоего пола, пришлось послать въ сыромъ видѣ все необходимое для приготовленія обѣда, вмѣстѣ съ остальнымъ угощеніемъ и лепешками.

Пригласить на обѣдъ всѣхъ вообще бѣдныхъ было невозможно, какъ потому, что могло собраться и болѣе 2500 человѣкъ, такъ еще и потому, что понятіе о бѣдности весьма условно

и на обѣдъ могли пожаловать довольно зажиточные люди, если не ради угощенія, такъ изъ-за удовольствія побывать въ большомъ обществѣ, въ присутствіи высшаго начальства, до чего туземцы большіе охотники. Рѣшено было поэтому разослать именныя приглашенія въ каждый приходъ (махалля) города и просить пожаловать къ назначенному времени: пятидесятника, приходскаго имама, махаллинскаго караульщика и столько бѣдныхъ, сколько приходилось по разсчету на каждый приходъ, считая по 600 чел. отъ каждой изъ 4-хъ частей туземнаго города.

У сартовъ въ обычаѣ всѣ массовыя угощенія устраивать рано утромъ; это даетъ возможность каждому побывать на праздникѣ и не упустить времени для торговли или заработка въ тотъ же день. Поэтому и для царскаго угощенія было назначено 7 часовъ утра 16 мая 1896 г. Такое раннее время было удобно еще и потому, что по холодку можно было дойти до мѣста обѣда безъ особаго утомленія даже изъ самыхъ дальнихъ частей города.

Мѣсто для угощенія выбирать было нечего, ибо для такого большого собранія людей могъ служить только садъ соборной Шейхантаурской мечети, гдѣ достаточно и простора, и тѣни.

Всѣ необходимые для обѣда продукты были закуплены очень быстро: все, что было нужно,—въ постоянномъ употребленіи у туземцевъ, и наши базары изобилуютъ продуктами сартовской кухни. Гораздо труднѣе было устроить сервировку угощенія: посадить гостя прямо на землю было бы не то, что нездорово—туземецъ не боится сидѣть прямо на землѣ и не простудится, а недостаточно комфортабельно; пришлось поэтому заготовить достаточное количество войлока для размѣщенія гостей. Скатерти замѣнили разноцвѣтными платками; разстилали ихъ вмѣстѣ съ нами народные судьи, которымъ было нелегко оставить присущую имъ важность и скромно исполнять роль „хадымъ-уль-фукара"—слугъ бѣдныхъ, какъ любятъ себя величать самые высокопоставленные мусульмане. Изъ приходскихъ мечетей принесли 12 громадныхъ котловъ на $^1/_2$ батмана ($5^1/_2$ пудовъ) риса и устроили временные очаги неподалеку отъ импровизированной столовой. Пришлось занять цѣлый отдѣльный дворикъ сосѣдней „кари-хана" *), чтобы сложить тамъ до-

*) Пріютъ для слѣпцовъ, чтецовъ корана.

ставленную торговцами на прокатъ посуду, подносы и помѣстить большіе мѣшки съ сушеными фруктами и сластями. Тутъже приглашенные для раздачи чая опытные „самоварчи"—хозяева чай-чане, расположили рядъ громадныхъ самоваровъ и приготовили углубленія для помѣщенія чайниковъ около углей, чтобы держать ихъ въ горячемъ мѣстѣ передъ подачей („дамлявакъ" *), какъ говорятъ сарты).

Весь навѣсъ мечети заняли повара со своими помощниками и принялись крошить мѣшки моркови и луку; горы этихъ овощей въ приготовленномъ видѣ поразили бы невидавшаго массовыхъ угощеній посѣтителя. Рядомъ съ поварами расположились хлѣбники, которымъ предстояло принять изъ хлѣбопекарень и уложить по 5 штукъ на порцію 15.000 лепешекъ различной величины, заказанныхъ для этого случая. Тѣмъ временемъ приняли счетомъ до 1000 подносовъ, блюдъ, чайниковъ и чайныхъ чашекъ, и особые мастера этого дѣла принялись раскладывать на подносы сласти, предназначенныя для „достархана".

Раскладываніе сухихъ фруктовъ—особое искусство. Тутъ ставится два условія: чтобы купленнаго запаса хватило на всѣхъ приглашенныхъ, и чтобы на всѣ подносы было разложено совершенно одинаковое количество сластей, такъ какъ малѣйшее неравенство могло бы вызвать неудовольствіе обдѣленныхъ. Наши мастера отличились: сластей хватило съ избыткомъ, и на подносы были положены абсолютно равныя количества фисташекъ, миндаля, изюму, конфектъ, сахара, урюку и кандалята **); всего этого было понемногу, но на каждаго гостя все-таки приходилось около фунта сластей.

Декорировать большой садъ было невозможно безъ затраты значительныхъ средствъ, которыхъ въ нашемъ распоряженіи не было, поэтому пришлось ограничиться украшеніемъ сада многочисленными флагами, убрать коврами и зеленью небольшой навѣсъ для начальствующихъ лицъ и посѣтителей изъ русскаго города, пожелавшихъ изъ любознательности пріѣхать на утреннее угощеніе туземцевъ. На большихъ входныхъ воротахъ красовался вензель Государя и Государыни изъ розъ двухъ цвѣтовъ, наколотыхъ на коврѣ. Главное украшеніе нашей столовой, конечно, представляли разноцвѣтные платки, рядами разостланные на войлокахъ.

---

*) Настаивать.

**) Конфекты мѣстнаго издѣлія.

Ночь передъ угощеніемъ прошла въ самой энергичной работѣ. До разсвѣта запылалъ камышъ подъ котлами, зашипѣло сало, растапливаемое для плова, загудѣли самовары, энергично разогрѣваемые дровами. Съ разсвѣтомъ послышались оглушительные звуки громадныхъ трубъ (карнай) нашихъ туземныхъ музыкантовъ въ перемежку съ заунывными звуками кларнетовъ и гобоевъ и съ дробью глиняныхъ барабанчиковъ (нагара). Музыканты были расположены на верхушкѣ входныхъ воротъ, и далеко неслись звуки призывныхъ мелодій въ утренней тишинѣ только что просыпавшагося большого города.

Гостей просили пожаловать въ садъ Шейхантауръ тотчасъ по совершеніи перваго утренняго намаза „бамдадъ", даже не заходя домой изъ мечетей. У воротъ расположились „мирзы"— писцы старшинъ, чтобы повѣрять по списку приглашенныхъ и отбирать приглашенія отъ входившихъ гостей. Такая строгая регистрація была крайне необходима: было бы стыдно, если бы пришедшіе не нашли потомъ своихъ приборовъ. Часовъ съ пяти къ воротамъ стали подходить небольшія группы гостей. Входившіе въ ворота зажиточные пятидесятники чувствовали себя несовсѣмъ ловко среди бѣдняковъ, даже одежда ихъ была необыкновенная, каждый надѣлъ самый скромный халатъ, чтобы не конфузить другихъ, одѣтыхъ въ халаты не первой свѣжести, съ надставками на рукахъ и заплатами на спинѣ. Древніе старики, слѣпые и хромые, и тѣ не захотѣли пропустить случай принять участіе въ небываломъ доселѣ праздникѣ бѣдныхъ, гдѣ ждали ихъ, какъ желанныхъ гостей. Трубы не переставали гудѣть, и толпы народа двигались непрерывной лентой; передъ воротами стали скопляться сотни зѣвакъ, а мѣста было мало. Пришлось впустить въ садъ и зрителей, расположивъ ихъ на особо отведенныхъ и огражденныхъ веревкою квадратахъ позади и по сторонамъ мѣстъ, гдѣ было накрыто для обѣда. Толпа вела себя безупречно, зѣваки также чинно занимали свои мѣста, какъ и приглашенные.

Незадолго до 7-ми часовъ въ садъ прибылъ начальникъ города, за нимъ и. д. военнаго губернатора и подробно осмотрѣли всѣ приготовленія, до кухни включительно.

Собиравшимся постепенно приглашеннымъ подавали чай; разноска чайниковъ и чашекъ не представила особыхъ затрудненій во-первыхъ потому, что „самоварчи" заранѣе заготовили достаточное количество чайниковъ, а во вторыхъ потому, что гости привели съ собой и махаллинскихъ караульщиковъ, пришли

такъ сказать съ своей прислугой; караульщикъ въ махалля свой человѣкъ, знаетъ своихъ и его знаютъ; по обычаю такой слуга цѣлаго квартала, принеся чай или пищу гостямъ, самъ занимаетъ среди нихъ свое мѣсто, связь между кухней и столомъ установилась такимъ образомъ сама собой.

Появились въ саду двѣ группы нищенствующихъ монаховъ-дервишей („календарей"); они составили два хора и подъ управленіемъ старшаго брата принялись пѣть духовные стихи, съ однообразнымъ припѣвомъ во славу Аллаха и Мухаммада.

Желтолицые, изможденные, съ блестящими глазами „кукнари" (курильщики опія и наши) съ своимъ аксакаломъ *) скромно приблизились и расположились на одномъ изъ крайнихъ войлоковъ, стѣсняясь быть въ кругу лицъ, не подверженныхъ одной съ ними слабости.

Ровно въ 7 часовъ прибылъ и. д. главнаго начальника края, графъ Н. Я. Ростовцевъ съ адъютантами, свитой и дамами. Встрѣтившая его депутація туземцевъ принесла поздравленіе съ радостнымъ для всей Россіи событіемъ и просила повергнуть къ стопамъ Ихъ Императорскихъ Величествъ вѣрноподданническія чувства туземнаго населенія Ташкента, которое непрестанно молится о здравіи и долгоденствіи своего Государя, желаетъ Ему долгаго и счастливаго царствованія и безпредѣльно благодарно за всѣ милости, одна изъ коихъ сегодня распространилась на бѣднѣйшихъ жителей города, приглашенныхъ на царское угощеніе.

Графъ объявилъ депутаціи, что онъ уже имѣлъ счастіе поздравить Государя и Государыню отъ имени всего населенія края, безъ различія вѣроисповѣданій и осчастливленъ милостивой отвѣтной телеграммой Его Императорскаго Величества.

Присутствовавшихъ, вставшихъ для привѣтствія, просили продолжать трапезу, а графъ съ сопровождавшими его лицами обошелъ всѣ помѣщенія, гдѣ готовились пища и чай, а затѣмъ занялъ мѣсто за столомъ, на которомъ было поставлено такое же угощеніе, какъ и на скатертяхъ угощаемыхъ бѣднѣйшихъ жителей.

Началась раздача плова. Изъ всѣхъ концовъ столовой къ кухнѣ и обратно вереницей двинулись караульщики, и скоро всѣ гости принялись за ѣду.

---

*) Старшина; и въ этой общинѣ погибшихъ жертвою пагубной слабости людей также есть особый, какъ-бы цеховой староста.

Немного потребовалось времени, чтобы покончить съ порціей любимаго сартами блюда, которое не часто видитъ за своимъ столомъ бѣдный туземецъ; вскорѣ можно было убрать посуду, и передъ каждымъ изъ гостей остался лишь узелокъ съ хлѣбомъ, сластями и остатками плова, предназначенный для домашнихъ и родныхъ; послѣ раздачи приглашеннымъ оставшагося плова хватило еще на 1500 человѣкъ, такъ что никто изъ присутствовавшихъ на обѣдѣ не ушелъ голоднымъ. Народный судья Мухиддинъ-Ходжа взошелъ подъ навѣсъ мечети и пригласилъ присутствующихъ вознести къ Богу усердныя молитвы о ниспосланіи нашему Государю долгаго и счастливаго царствованія для блага всей Россіи. Народный судья прочелъ молитву за Царя, которая по пятницамъ читается во время полуденнаго намаза, и всѣ молящіеся возгласили „аминь“. Этой молитвой праздникъ закончился.

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр.

Отъ автора 3
Результаты сближенія русскихъ съ туземцами 5

Мѣропріятія русской власти.

Всеобщія переписи населенія въ Туркестанѣ 17
Имена туземцевъ 23
Преміи за знаніе языковъ 28
Переправы черезъ рѣки 39
Сбереженіе весенней воды 43
Мертвый городъ 49

Народный судъ и самоуправленіе.

Казіи (народные судьи осѣдлаго населенія Туркестана) 52
Къ реформѣ народнаго суда 96
Судебная присяга мусульманъ 100
Книги для записи судопроизводства и актовъ въ народномъ судѣ . 105
Русскіе передъ судомъ шаріата 106
Въ тюрьму за любовь 113
Волостные управители у киргизъ 116
Волостные съѣзды выборныхъ, особые съѣзды уполномоченныхъ и чрезвычайные съѣзды народныхъ судей у киргизъ 123
Волостные управители по выборамъ и назначенію 134
Выборная агитація у туземцевъ 140
Выборы туземцевъ въ Ташкентскую городскую думу 140

Религіозныя вѣрованія и обряды.

Ишаны и ихъ значеніе у туземцевъ 143
Наставленіе для дервишей („Рисалля-и-тарикатъ“) 156
Премудрость Хазретъ-Султана,-Арифина-Хаджи,-Ахмада-Яссави . . . 166
Ишанъ Этъ-йимасъ 188

Стр.

„Яздагумъ“ (праздникъ ордена кадріа) 194
„Рамазанъ“ (мусульманскій постъ) 197
Ночь предопредѣленій 202
„Фидія“ 03
„Талабъ“ (сборъ подаяній въ день „Руза Байрамъ“ 205
„Хаджи-Кабуль“ 210
Мечеть Хазретъ-Султана въ г. Туркестанѣ 218

Наука и школьное дѣло у туземцевъ.

Мученіе, а не ученіе (туземныя школы грамотности) 223
Школы при Шейхантаурскомъ кладбищѣ 226
Нужна школа 227
Русская рѣчь 230
Просвѣщеніе на родномъ языкѣ 234
Книжная торговля въ туземной части г. Ташкента 241
Преміи за образованіе 243
Энциклопедія мусульманскихъ знаній 244
Умному человѣку достаточно и намека 250
О гаданіи у среднеазіатскихъ туземцевъ 255
Гаданіе (рамль) 268
Наука Джафръ 285
Лунное затменіи въ сартовскомъ городѣ 298

Литература и искусство.

Авторъ „Хидаи“ 305
Дивана-и-Машрабъ и его наставники 306
Наставленіе къ стрѣльбѣ изъ ружей 319
Туземные актеры 324
Туземная музыка 326

Нравы и обычаи.

Народныя развлеченія у сарповъ 330
Той 341
Тои въ Ходжентѣ 342
Раззорительные обычаи 345
„Курашъ“ (борьба у сартовъ) 348
Спортъ у туземцевъ . . . . . 34[illegible]
Джура 353
Долой бачей 358
Саиль (встрѣча весны) 359
„Каръ-хатъ“ и „Каръ-ягды“ 361
„Па-и-малатъ 363

Стр.

Рукоплесканія у сартовскихъ женщинъ 364
„Куса“ 365
Дождь 367
Два случая изъ жизни сартовъ г. Ташкента 367
Воры и воровство въ г. Ташкентѣ 369
„Турпакъ салды“ 374
„Аши-халяль 378
Кошка въ колодцѣ 380
„Суюшъ-пуюшъ“ 382
Изъ киргизской жизни 387
„Кулъ-салу“ 392
„Кочурма“ 90
Въ гостяхъ у почетнаго туземца 392
Празднованіе Св. Коронованія Ихъ Величествъ въ туземной части г. Ташкента . . . . . 407—412